Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА (КОРЕНЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ)

X Международная научно-практическая конференция
(27 февраля 2026 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2026

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2026
ISBN 978-5-9694-1734-2

УДК 342.9
ББК 67.401
А43

Рецензенты:
начальник отдела обеспечения научной и редакционно-издательской деятельности Научного центра безопасности дорожного движения МВД России кандидат юридических наук **А. Д. Гордеева**; профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России доктор юридических наук, профессор **А. В. Куракин**

Составитель *А. В. Цветков*,
доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

А43 **Актуальные вопросы применения норм административного правка (Кореневские чтения)** : X Международная научно-практическая конференция, 27 февраля 2026 г. : сборник научных трудов / [сост. А. В. Цветков]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2026. – 509 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1734-2

Сборник научных трудов памяти профессора А. П. Коренева подготовлен по материалам X Международной научно-практической конференции, состоявшейся 27 февраля 2026 г. в в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. Посвящен актуальным вопросам развития административного права; перспективам развития административно-деликтного законодательства, практики его применения; состоянию и перспективам совершенствования правоприменительной деятельности органов внутренних дел; совершенствованию административно-правового обеспечения управленческой деятельности государственного аппарата, в том числе в правоохранительной сфере. Кроме того, в материалах сборника подвергается анализу возможность модернизации законодательства, регламентирующего деятельность российской полиции.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, а также может представлять интерес для практических работников правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2026

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Тарасова Т. С.*

Подписано к изданию 30.06.2026
Объем издания: 3,81 Мб
Тираж: 10 электронных оптических дисков (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1734-2

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
http://www.mosu.mvd.ru; e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Амельчакова В. Н., Суслова Г. Н.
Особенности физических лиц как субъектов административной ответственности по российскому законодательству 13

Андрианова Е. А.
Роль органов внутренних дел в системе административно-правового обеспечения ответственного обращения с домашними животными в Российской Федерации 17

Анисифорова М. В.
Административно-правовое противодействие распространению заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека: в порядке постановки проблемы 21

Анпилогова Л. Г.
Формирование института пробации в Российской Федерации 27

Артемьев Н. В., Колбасин Д. А.
Законодательное обеспечение развития физической культуры и спорта в Российской Федерации 31

Бабаханян А. Ю.
Актуальные вопросы применения норм административного права в МВД Республики Армения в современный период 37

Батоев В. Б.
Использование систем видеонаблюдения в противодействии административным правонарушениям: к вопросу о совершенствовании технических параметров сегментов аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» 41

Белокурова Ю. С., Иванов Д. А.
К вопросу преподавания дисциплины «Основы административного права» при подготовке сотрудников органов внутренних дел 44

Бочаров С. Н.
Научное наследие профессора А. П. Коренева в трудах его учеников 48

Брылева Т. О.
Система категорирования объектов в контрольной (надзорной) деятельности 52

Бушуев И. В.
Современные модели административного процесса: единая кодификация и раздельное регулирование процедур и судопроизводства 55

Василенко Г. Н., Василенко Н. Г.
Предупреждение подростковой делинквентности: деликтологический и организационно-правовой аспекты 58

Василенко Ю. С.
Административный надзор полиции. Проблемы правового применения 65

Вахтин М. М.
Правовой режим иностранных агентов в Российской Федерации:
административно-правовой анализ
(на основе решения Европейского Суда по правам человека
по делу Kobaliya And Others V. Russia) 68

Вашаев М. А.
К вопросу системы принципов государственных закупок в России:
актуальные аспекты 73

Волкодавова Г. Н.
Права и обязанности руководителя территориального органа
Министерства внутренних дел Российской Федерации
как основные элементы административно-правового статуса.....76

Гаврилова Т. В.
Цифровые технологии в системе контроля за поднадзорными лицами:
баланс между эффективностью и защитой прав человека 81

Гендеев Э. Н.
О некоторых вопросах организации системы контроля (надзора)
за полномочиями сотрудников полиции по исполнению ими полномочий
по административным правонарушениям.....85

Головкина А. И.
Меры по предотвращению правонарушений среди несовершеннолетних
на железнодорожном транспорте.....90

Горячева М. А.
Проблемы привлечения к административной ответственности родителей
или иных законных представителей несовершеннолетних.....96

Джафарова Н. Т.
Тенденции развития административного законодательства,
регулирующего отдельные вопросы в сфере информации 99

Довгань Е. А.
Перспективы совершенствования правоприменительной деятельности
органов внутренних дел в сфере административно-деликтного законодательства
в условиях цифровизации 103

Дрокина К. А.
Государственные услуги как административно правовой институт:
проблемы и перспективы развития.....107

Дугенец А. С., Павлова Л. В.
Реализация уголовно-исполнительной политики:
административно-правовой аспект
в контексте научного наследия профессора А. П. Коренева.....111

Евсеева И. А.
Отличительные особенности внедрения цифровых технологий
в сфере административного законодательства 115

Егоров Н. Д.
Административно-правовая природа налога
на добавленную стоимость (НДС) 118

Жалсанов Б. Ц.
Позитивные институты административного права
как средства необходимой защиты прав граждан 121

Жуков В. Г.
Использование нейросетевых технологий
в административной деятельности полиции
по противодействиюдеструктивным молодежным субкультурам
в цифровой среде 125

Загуменных А. О.
Информационно-телекоммуникационная сеть
как орудие совершения административных правонарушений 128

Занина Т. М.
Организация контроля и надзора за законностью деятельности
сотрудников госавтоинспекции в сфере дорожного движения 132

Земсков А. Ю.
О некоторых вызовах современной миграционной политики
Российской Федерации: решения и перспективы 137

Зокиров Т. З.
Принцип федерализма в правовом регулировании
административной ответственности
за незаконную продажу безалкогольных тонизирующих напитков 145

Кардашова И. Б.
Особенности стратегического управления 148

Карнаухова Ю. А.
Внедрение электронных сервисов по реализации позитивных
административных процедур и их влияние на эффективность работы
органов внутренних дел Российской Федерации 152

Кивич Ю. В.
Проблемы квалификации административных правонарушений,
посягающих на права и интересы несовершеннолетних 156

Кисин В. Р.
Проблема реализации основных положений концепции нового КоАП РФ
в текущем законодательстве 161

Ковшевацкий В. И.
Современные тенденции формирования запретов
в административно-деликтном законодательстве 164

Комахин Б. Н.
Современное административное законодательство:
устранение пробелов и неточностей 169

Комовкина Л. С.
Особенности военно-административного деления Российской Федерации 173
Конобеевский Ю. Ю.
Денежное обращение как объект правового регулирования
в условиях цифровизации финансовой системы 176
Корнева Ю. Ю.
Подразделение по делам несовершеннолетних как один
из субъектов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.....181
Королева Е. Г.
Проблемы и пути решения автоматизации
деятельности госавтоинспекции 185
Костенников В. М.
Административное принуждение и его функциональность.....189
Крупина М. А.
Архитектура информационных систем МВД России на современном этапе 193
Кузнецов Л. Д.
Научный взгляд на современное состояние
и трансформацию административного законодательства 199
Кулешова А. Н.
Проблемные вопросы миграционной политики в Российской Федерации
и перспективы развития службы по вопросам гражданства
и регистрации иностранных граждан МВД России 201
Курбатова О. В.
Административно-предупредительные меры
в отношении иностранных граждан
и лиц без гражданства, применяемые полицией 205
Ларин Э. Н.
Досмотр транспортного средства как мера обеспечения производства
по делу об административном правонарушении:
проблемные вопросы правоприменения 209
Лещенко Л. Д.
Электронные доказательства в производстве по делам
об административных правонарушениях: проблемы допустимости
и оценки в условиях цифровизации юрисдикционного процесса 214
Лохбаум В. А.
Административно-правовые аспекты влияния пола водителя
на безопасность дорожного движения:
зарубежный опыт и российская действительность 218
Магомедова З. И.
Тенденции развития административно- деликтного законодательства.....224
Малахов С. А.
Принцип защиты прав и свобод человека
и гражданина в административно-деликтном праве.....230

Малахова Н. В.
Административная деятельность полиции:
понятие, содержание, специфика реализации 233
Мирошниченко А. В., Водяная М. Ю.
Композиционная характеристика состава административного правонарушения,
предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ, совершенного
с использованием информационных технологий.....239
Морозова М. Н.
К вопросу о проблеме определения малозначительности
административных правонарушений при привлечении
к административной ответственности юридических лиц.....244
Муклецова И. А.
Особенности административно-правового регулирования интеграции
несовершеннолетних иностранных граждан
и лиц без гражданства органами внутренних дел 247
Мягкова С. В.
Реестр контролируемых лиц
как основа национальной безопасности страны.....250
Николаев А. Г.
Направления и функции дисциплинарного принуждения 254
Никоноров Е. А.
О некоторых вопросах приостановления производства
по делу об административном правонарушении.....259
Никоноров Е. Е.
К вопросу об основаниях освобождения
от административной ответственности 263
Нистратов С. Г.
Современный риск-ориентированный подход
контрольно-надзорной деятельности
как способ профилактики административных правонарушений.....268
Новгородов Д. А.
Некоторые проблемы доказывания по делам
об административных правонарушениях, совершаемых
с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.....272
Павленко О. С.
Полиция как субъект реализации
государственной молодежной политики.....276
Пашаев М. Р., Ожогина Е. И.
Правовое регулирование деятельности полиции
в условиях особых правовых режимов (чп, кто, контрсанкционный режим).....282
Поликарпова Е. В.
Административно-правовое обеспечение
как компонент государственной функции борьбы
с преступностью в сфере информационных технологий.....289

Полунина Е. Н.
Кибербуллинг и киберпреследование несовершеннолетних:
административно-правовое регулирование
и проблемы квалификации.....293

Полякова А. В.
Перспективы цифровизации правоприменительной деятельности
ОВД в рамках совершенствования
административно-процессуального регулирования.....297

Пономарева О. М.
Значение образа (имиджа) участкового уполномоченного полиции
в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности 300

Попова К. А.
Административно-правовое регулирование в сфере маркетплейсов:
защита прав потребителей и госконтроль 304

Потехина В. И.
Задачи производства по делам об административных правонарушениях:
актуальные вопросы и предмет 308

Прудников А. С.
Обеспечение миграционной безопасности государства как одно из приоритетных
направлений национальной безопасности 312

Прудникова Т. А.
Меры федерального государственного контроля (надзора)
в сфере миграции, применяемые в рамках режима высылки
к иностранным гражданам и лицам без гражданства:
особенности и актуальность 315

Ржаницына И. А., Федорова И. В., Пузанова А. С.
Эффективность государственных программ
по поддержке уязвимых слоев населения 319

Россошик С. Л.
Санкции за распространение недостоверной информации
в сети Интернет: актуальные проблемы
применения административного права.....324

Рошка А. А.
Проблемы реализации административно-правового статуса
этнических анклавов в России.....327

Руднев А. С.
Административная ответственность юридических лиц
за ввод в оборот небезопасных транспортных средств 331

Рязанцева М. Н.
Особенности постановки иностранных граждан на миграционный учет
в условиях цифровизации 334

Сакулина Л. Л.
Трансформация государственного управления в эпоху цифровизации.....339

Сардак Д. Б.
Административные правонарушения
в информационно-телекоммуникационной сфере:
новые вызовы и расширение ответственности в 2026 году 342

Светлова А. П.
Нормативно-правовое регулирование как реализация
административной функции министерства внутренних дел
Российской Федерации в сфере государственного управления 348

Секушина Е. А.
Роль семьи в профилактике правонарушений,
совершаемых несовершеннолетними
на средствах индивидуальной мобильности 351

Селифонтов Я. Е.
Направления оптимизации контрольно-надзорной деятельности полиции
в сфере миграции 355

Синяев Е. Е.
Актуальные проблемы управления в сфере государственной службы
в органах внутренних дел 359

Синяжников Д. А.
К вопросу о правомерности применения огнестрельного оружия
сотрудниками полиции.....363

Смирнов И. А., Андреев П. Г.
Использование беспилотных летальных аппаратов
в сфере безопасности дорожного движения 367

Смолин П. В.
Выявление нарушений правил дорожного движения
в Российской Федерации с участием общественности:
проблемы и предложения.....372

Соломатина Е. А.
Влияние информационных технологий
на обновление административно-правовой доктрины.....379

Соломина А. А., Бондарь Е. О.
Институт государственных закупок в контексте обеспечения кибернетической
безопасности стратегически важной и критической информационной
инфраструктуры 384

Сосновская Ю. Н.
К вопросу о взаимодействии органов внутренних дел российской федерации с
институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции 388

Стащенко С. П.
К вопросу о практической деятельности полиции при реагировании на
компьютерные инциденты 394

Стекольникова З. А.
Актуальные проблемы принципа соразмерности в законодательстве
об административном правонарушении в современной России.....397
Степаненко Ю. В., Журавлев В. В.
Дисциплинарное принуждение в системе управления
социальными процессами 401
Степанов Д. С.
Проблемы исполнения решений о принудительной высылке:
анализ эффективности правовых механизмов в России и странах СНГ.....405
Сунцова Е. А., Иванченко С. В.
Проблемы административной ответственности
по статье 20.29 КоАП «Производство и распространение
экстремистских материалов».....409
Тачкин М. А.
Инновационные подходы к взаимодействию государственных структур
и общественных организаций в условиях цифровизации 415
Терехов М. Г.
Скриншот как вид цифрового законодательства
в производстве по делам об администартивных правонарушениях.....420
Терехова Е. А.
Перспективы расширения инструментария доказывания
по делам об административных правонарушениях.....423
Токарева П. М.
Административно-правовые меры
противодействия буллингу в сети Интернет.....427
Токолов А. В.
К вопросу правового регулирования авторского права
на объекты интеллектуальной собственности,
созданные искусственным интеллектом 431
Трущенкова И. Г.
Цифровая трансформация миграционного учета
как фактор повышения эффективности государственного контроля
в современной России 434
Туркина Н. Ю.
Административно-правовые проблемы
применения статьи 20.5.1 КоАП РФ в деятельности полиции 439
Тюрина П. А.
Разграничение понятий «распоряжение»
и «требование» сотрудника полиции.....443
Фадеева И. В.
О некоторых аспектах проведения антикоррупционной проверки
в отношении сотрудников и работников системы МВД России 449

Федоров А. О.
Открытость рассмотрения дел об административных правонарушениях 453
Федорова И. В., Клементьева В. С., Егорова В. С.
История и пути возникновения преступлений и правонарушений
в сети Интернет и современные тенденции
борьбы правоохранительных органов 457
Фролова О. В., Фролов В. В.
Органы внутренних дел России на современном этапе:
проблемы и пути их решения 461
Хохлов А. В.
Пределы правового воздействия: их значение в развитии юридической науки
и правовой политики государства.....466
Цветков А. В.
Некоторые вопросы применения административной ответственности
за курение табака и потребление никотиносодержащей продукции
в общественных местах.....472
Чаплицкий Ф. Ф.
Совершенствование административно-правового обеспечения деятельности
государственного аппарата в сфере защиты нравственных ценностей 476
Чиркова Д. А.
К вопросу об административно-правовом регулировании государственных
и муниципальных услуг в современной России 480
Швецова Н. А.
Множественность административных правонарушений
как индикатор социальной дезадаптации несовершеннолетних 485
Шевцов А. В.
О некоторых концептуальных подходах
к совершенствованию деятельности подразделений, организаций и служб,
на которые возложено производство по делам об административных
правонарушениях, отнесенных законодательством Российской Федерации
к подведомственности полиции 488
Шельдяева А. А.
Проблемы привлечения
к административной ответственности несовершеннолетних.....493
Шеншин В. М.
Правовая характеристика административно-юрисдикционной деятельности
Росгвардии при обеспечении общественной безопасности 497
Шурухнова Д. Н.
Система социально-правовой защиты сотрудников органов внутренних дел
в условиях военного администрирования 501
Юркова Д. Ю.
Значимость гарантий правовой защиты сотрудника полиции.....506

Амельчакова В. Н.[1]*,*
доцент кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Суслова Г. Н.[2]*,*
доцент кафедры правовой
и гуманитарной подготовки
Тверского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Российская Федерация стремится к поддержанию безопасности в обществе и снижению количества правонарушений в различных сферах. В связи с этим привлечение виновных лиц к административной ответственности является важнейшим направлением противодействия нарушениям действующего законодательства и профилактики совершения новых административных правонарушений и преступлений.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 г. по сравнению с 2021 г. количество лиц, привлеченных к ответственности за административные правонарушения, сократилось на 18 %. При этом доля привлеченных физических лиц составила практически 97 % [3].

К субъектам административной ответственности относят граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, так как в соответствии с положениями ст. 2.6 КоАП РФ «иностранные граждане и лица без гражданства несут административную ответственность на общих основаниях».

При квалификации отдельных деяний признаки субъекта имеют принципиальное значение. Диспозиции ряда статей КоАП РФ предусматривают в качестве субъекта административной ответственности только граждан России, т. е., помимо общих признаков субъекта (возраст 16 лет и вменяемость), появляется наличие такого необходимого признака, как гражданство Российской Федерации. В качестве примера можно привести правонарушения в сфере воинского учета.

Существуют статьи, в которых административная ответственность дифференцируется в зависимости от того, кто привлекается к административной ответственности: гражданин России, иностранный гражданин или лицо без гражданства. Так, в диспозиции ч. 5 ст. 5.26 КоАП РФ указано: «Нарушение, предусмотренное ч. 4 настоящей статьи, совершенное иностранным граждани-

[1] © Амельчакова В. Н., 2026.
[2] © Суслова Г. Н., 2026.

ном или лицом без гражданства». Граждане России по ч. 5 ст. 5.26 КоАП РФ не могут выступать в качестве субъекта административной ответственности. Таким образом, термины «административная ответственность граждан» и «административная ответственность физических лиц» – понятия разные.

Рассматривая более подробно категорию специальных субъектов административной ответственности, следует выделить ряд критериев, на основании которых таких субъектов следует относить к специальным. Такими критериями могут выступать трудовая, предпринимательская, служебная деятельность. Например, в ст. 2.4 КоАП РФ упоминается о таких специальных субъектах, как должностные лица. Они имеют особый административно-правовой статус, имеющий существенные отличия в наказании от иных физических лиц. Примечание вышеуказанной нормы определяет круг лиц, которые относятся к должностным. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии наряду с общими, дополнительных признаков, возникающих при исполнении ими своей служебной деятельности, что, в свою очередь, позволяет должностных лиц относить к специальным субъектам административной ответственности. За 2022 г. было привлечено к административной ответственности 1 214 880 должностных лиц, что на 40 000 меньше, чем в 2021 г. [3].

Важно обратить внимание еще на одну категорию субъектов административной ответственности, обладающую признаками, наличие которых порождает применение в их отношении ряда особенностей административного закона. Данная категория лиц обозначена, например, в ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ: беременные женщины, инвалиды I и II групп и др., к которым не применяется административный арест.

Кроме того, среди физических лиц выделяются особые субъекты административной ответственности, к которым относятся военнослужащие и лица, имеющие специальные звания. Указанные лица в соответствии с ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ за административные правонарушения несут дисциплинарную ответственность. Специальные признаки зачастую носят временный характер, хотя процесс обладания ими может быть значительно растянут во времени (занятие определенной должности и т. п.). При этом физическое лицо может иметь сразу несколько признаков, утрачивать их и приобретать новые [2, с. 231]. Одним из примеров лица, обладающего временным специальным признаком, является водитель транспортного средства в процессе его управления. Если водитель при этом находится в состоянии опьянения, то признаков у физического лица становится больше. Так, водитель А. в суде заявил, что не управлял транспортным средством, следовательно, не может выступать в качестве субъекта административной ответственности. Однако суд счел его показания неубедительными и направленными на то, чтобы избежать ответственности, так как они опровергаются материалами дела [1]. В представленном случае физическое лицо – водитель, не отрицая факта нахождения в состоянии опьянения, пыталось избежать ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 КоАП РФ, путем исключения обязательного в данном случае признака – управление транспортным средством.

Кроме того, судебной практике известны случаи, когда лицо отказывается от наличия у него сразу двух рассмотренных признаков субъекта административной ответственности. Так, С. в рамках обжалования решения о привлечении ее к административной ответственности заявила, что в транспортном средстве она находилась в качестве пассажира, а от прохождения освидетельствования отказалась, т. е. факт ее опьянения не установлен [4, с. 64]. Тем не менее, материалы дела подтвердили вину С.

Анализируя назначаемые наказания, необходимо отметить, что за различные административные правонарушения в сфере дорожного движения в 2022 г. лишение права управления транспортным средством применялось 323 576 раз, в то время как в 2021 г. – 322 050 раз.

При этом самым назначаемым судами наказанием в 2022 г. являлся административный штраф (4 111 687), на втором месте – административный арест (806 103), далее – предупреждение (754 835), обязательные работы (295 782) и т. д. [3]. В абсолютном большинстве в качестве субъектов административной ответственности выступают физические лица.

К документам, определяющим правовой статус субъекта административной ответственности, относится не только КоАП РФ, но и КАС РФ. Представленный кодифицированный акт является достаточно молодым, даже в сравнении с КоАП РФ, так как был принят только в начале 2015 г. Однако по своей сути КАС РФ представляет важнейший нормативный правовой документ, регламентирующий порядок производства по административным делам. Кроме того, представленная сфера юриспруденции формирует отдельную отрасль российского права – административно-процессуальное право. Некоторые положения КАС РФ касаются правового статуса субъекта административной ответственности. Так, каждому заинтересованному лицу гарантируется право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов (ст. 4 КАС РФ). Среди общих положений также следует отметить закрепленные в ст. 6 КАС РФ принципы административного судопроизводства, в частности равенство всех перед законом и судом, а также законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел.

Более определенно некоторые права субъекта административной ответственности отражены в ст. 14 КАС РФ. Так, стороны пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду своих доводов и объяснений, осуществление иных процессуальных прав, предусмотренных КАС РФ.

Кроме того, сторонам обеспечивается право представлять доказательства суду и другой стороне по административному делу, заявлять ходатайства, высказывать свои доводы и соображения, давать объяснения по всем возникающим в ходе рассмотрения административного дела вопросам, связанным с представлением доказательств.

В ходе анализа правового статуса субъекта административной ответственности становится очевидной его многоуровневая нормативная природа. Регулирование начинается от Конституции Российской Федерации и продолжается

более тщательной, подробной регламентацией признаков и особенностей субъекта в КоАП РФ, а также уточнением ряда прав и обязанностей в КАС РФ.

Сложившаяся ситуация свидетельствует об отсутствии единого документа, закрепляющего все правовые особенности субъекта административной ответственности. Тем не менее, данное обстоятельство не может относиться к минусам или упущениям административной правовой системы России, а скорее подчеркивает готовность различных отраслей российского права взаимодействовать между собой, дополняя и уточняя положения друг друга.

Список литературы

1. Постановление мирового судьи Никулинского судебного района г. Москвы от 28 декабря 2016 г. по делу № 05-0001/184/2017. URL: https://sudact.ru/.

2. Административное право : учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 231.

3. В 2022 г. снизилось количество наказанных за административные правонарушения // URL: https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/v-2022-g-snizilos-kolichestvo-nakazannykh-za-administrativnye-pravonarusheniya/.

4. Замалетдинов Ш. Р. Правовой статус гражданина как субъекта административной ответственности // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 4–1. С. 64.

Андрианова Е. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На данный момент из-за роста жестокого обращения с домашними животными, роста указанных правонарушений, частых публикаций в средствах массовой информации повышается внимание граждан к вопросу об обеспечении ответственного обращения с питомцами, о привлечении виновных лиц к ответственности. Проблема ответственного обращения с домашними животными в современном мире приобретает уже ярко выраженное административно-правовое значение, соответственно формируется объективная потребность в качественном контроле со стороны государства. Поскольку традиционно органы внутренних дел являются ключевыми субъектами в предупреждении и пресечении правонарушений, граждане обращаются с подобными заявлениями именно к ним. Безусловно, административно-правовое обеспечение ответственного обращения с домашними животными является одним из важнейших направлений деятельности органов внутренних дел. Однако органы внутренних дел не являются центральным субъектом в данной сфере, поскольку существует разграничение компетенций между государственными структурами, например, ветеринарными и природоохранным надзором, муниципальными службами.

Органы внутренних дел, в частности сотрудники полиции, осуществляют свои полномочия в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ № 3) [1]. В соответствии с данным законом они реализуют и свои функции в сфере обеспечения ответственного обращения с домашними животными, выполняя общеправовые задачи предупреждения и пресечения административных правонарушений.

Однако на сегодняшний день сотрудники органов внутренних дел не наделены полномочиями по самостоятельному рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 8.52 «Несоблюдение требований к содержанию животных» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2]. Рассматривать данную статью, согласно ст. 23.95 КоАП РФ, уполномочен федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере природопользования [2]. Несмотря на то, что Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (далее – ФЗ

[1] © Андрианова Е. А., 2026.

№ 498) не закрепляет полномочия по обеспечению ответственного обращения с животными за органами внутренних дел, в практической деятельности сотрудники полиции, в частности уполномоченные полиции, могут участвовать в выявлении фактов несоблюдения требований к содержанию животных в ходе ежедневного поквартирного обхода на обслуживаемом административном участке [3]. В данном случае участковый уполномоченный полиции взаимодействует с уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по контролю и надзору в сфере природопользования.

Тем не менее, в 2026 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 1123717-8. Данный законопроект сосредоточен на наделение сотрудников органов внутренними полномочиями согласно ст. 23.3 КоАП РФ, позволяющими самостоятельно рассматривать и составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 8.52 КоАП РФ. В начале 2026 г. данный законопроект уже был рассмотрен в первом чтении. Инициаторами этих изменений выступили депутаты, которые объяснили необходимость расширения полномочий сотрудников органов внутренних дел ограничениями в оперативности действующих уполномоченных органов, недостижимостью быстро, качественно и эффективно обеспечивать ответственное обращение с домашними животными, что приводит к конфликтам и угрозе безопасности самих граждан. Данный законопроект говорит о том, что инициатива отражает тенденцию к расширению полномочий органов внутренних в сфере административно-правового обеспечения ответственного обращения с домашними животными и к росту их роли в данной сфере. В свою очередь это также повышает неотвратимость наказания и профилактики данных правонарушений.

Несомненно, данный законопроект вызвал и критическую позицию со стороны правительства Российской Федерации. В пояснительной записке это объясняется тем, что изначально, согласно федеральным законам №№ 3 и 498, обеспечение ответственного обращения с животными не входило в компетенцию сотрудников ОВД. Наряду с этим против данного законопроекта приводится, например, довод, что при принятии поправок могут возникнуть сложности в разграничении полномочий между сотрудниками полиции и контрольными (надзорными) органами в данной сфере.

Несмотря на это, роль ОВД в системе административно-правового обеспечения ответственного обращения с домашними животными реализуется в той или иной степени по следующим направлениям:

– во-первых, предупреждение и пресечение административных правонарушений. Сотрудники полиции рассматривают обращения граждан о несоблюдении требований к содержанию животных, о нарушении правил выгула, об агрессивных животных (бездомные собаки). В пределах своих полномочий сотрудники полиции реагируют на данные обращения, обеспечивают производство по делам, применяют меры по предупреждению или по пресечению нарушений;

– во-вторых, охрана общественного порядка, которая непосредственно связана с защитой животных. При совершении лицом противоправных действий, предусмотренных ст. 245 УК РФ (жестокое обращение с животными), сотруд-

ники полиции незамедлительно реагируют, организовывают проверку, дальше принимают решение, а при наличии оснований возбуждают уголовное дело;

– в-третьих, профилактическая работа. Как отмечалось, участковые уполномоченные полиции при осуществлении поквартирного обхода могут участвовать в фактах несоблюдения требований к содержанию животных, проводить профилактические беседы, направленные на разъяснение гражданам требований законодательства об ответственном обращении с животными. Данное направление позволяет формировать правовую культуру граждан, воспитывать добросовестное и гуманное отношение к животным, являясь элементом общей профилактики девиантного поведения;

– в-четвертых, взаимодействие с иными государственными органами. Во многих субъектах России существуют свои требования к содержанию домашних животных в соответствии с ФЗ № 498. Контроль за их соблюдением возложен непосредственно на органы внутренних дел. В большинстве субъектов Российской Федерации действуют региональные требования по порядку регистрации, выгулу, содержанию домашних животных. Контроль соблюдения данных требований невозможен без участия органов внутренних дел, так как именно они являются субъектами по принудительному обеспечению соблюдения установленных требований;

– в-пятых, можно отметить роль органов внутренних дел в реализации функции по защите прав и законных интересов граждан в ситуациях, связанных с причинением вреда домашним животным. Нередко бывают случаи конфликтов между владельцем животного и посторонними лицами. В таких случаях сотрудники также незамедлительно реагируют на конфликт, разбираются в происшедшем и принимают решения, организуют последующее административное разбирательство.

Необходимо отметить, что сотрудники органов внутренних дел могут выступать как системообразующий элемент административно-правового механизма, занимаясь информационно-аналитической деятельностью. Проводя анализ типичных правонарушений, выявление причин неэффективности применяемых мер для их предупреждения, можно корректировать правовые нормы, совершенствовать порядок регулирования в данной сфере.

Исходя из этого, можно утверждать, что административно-правовое обеспечение ответственного обращения с домашними животными не может быть реализовано исключительно уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по контролю и надзору в сфере природопользования. Поскольку оно подразумевает под собой качественный механизм государственного принуждения, то органы внутренних дел – как раз тот институт, который обеспечивает его работу в повседневности. Таким образом, органы внутренних дел – центральный элемент публично-правового механизма защиты домашних животных.

Многие авторы в своих исследованиях отмечают, что существующая система административно-правового обеспечения ответственного обращения с домашними животными имеет ряд недостатков, проблем, а именно:

– отсутствие единства правовых норм;

– отсутствие четких границ административной ответственности в данной сфере;

– отсутствие конкретных компетенций сотрудников ОВД в данной сфере.

Решение данных проблем, а самое главное – наделение сотрудников правоохранительных органов полномочиями в данной сфере позволит эффективно организовать систему административно-правового обеспечения ответственного обращения с домашними животными.

Роль органов внутренних дел в системе административно-правового обеспечения ответственного обращения с домашними животными носит важный, вспомогательный, координирующий характер. Их деятельность в данной сфере проявляется через обеспечение общественного порядка, выявление, предупреждение правонарушений, взаимодействие с ветеринарными и муниципальными службами. Пусть органы внутренних дел не имеют полномочий для того, чтобы самостоятельно рассматривать административные правонарушения, предусмотренные ст. 8.52 КоАП РФ, однако существующие законодательные инициативы, научные дискуссии говорят о возможном повышении роли органов внутренних дел в данной области [2].

Чтобы система административно-правового обеспечения ответственного обращения с домашними животными являлась эффективным и качественным механизмом, необходимо решить вышеупомянутые пробелы, внедрить новые методы, наладить взаимодействие между уполномоченными органами в данной сфере, и наделение сотрудников органов внутренних дел новыми полномочиями будет способствовать более эффективному, оперативному реагированию на такие нарушения, позволит укрепить систему административно-правового обеспечения ответственного обращения с домашними животными в Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

3. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/.

Анисифорова М. В.[1]*,*
начальник 2-го отдела НИЦ № 4
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России,
профессор кафедры административного права
и процесса имени Л.Л. Попова
Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЗАБОЛЕВАНИЯ, ВЫЗЫВАЕМОГО ВИРУСОМ ИММУНОДЕФИЦИТА ЧЕЛОВЕКА: В ПОРЯДКЕ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ

ВИЧ-инфекция, под которой понимается хроническое заболевание, обусловленное наличием в организме человека вируса иммунодефицита, на протяжении многих лет является одной из главных проблем общественного здравоохранения, а борьба с ней включена в состав глобальных целей в сфере здравоохранения в соответствии с Декларацией тысячелетия, принятой в 2000 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Болезнь унесла не меньше 40 млн человеческих жизней [1], при этом медицинских и иных средств, которые бы позволяли излечить заболевание, до сих пор не существует, что еще больше актуализирует методы противодействия, в том числе предупреждения распространения ВИЧ-инфекции.

Из данных федерального государственного статистического наблюдения в Российской Федерации обнаруживается стойкая тенденция ежегодного улучшения эпидемиологической ситуации. В частности, в соответствии с Государственной стратегией противодействия распространению ВИЧ-инфекции на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2020 г. № 3468-р, отмечается снижение числа новых случаев ВИЧ-инфекции, которым способствуют раннее выявление заболевания, обновление клинических рекомендаций, совершенствование показаний к началу проведения лекарственной терапии, внедрение федерального регистра инфицированных лиц и некоторые другие меры, прежде всего организационно-правового и информационного характера.

Правовое регулирование общественных отношений, связанных с предупреждением распространения в Российской Федерации ВИЧ-инфекции, осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (далее – «Федеральный закон «О предупреждении распространения ВИЧ-инфекции»). Болезнь отнесена к числу социально значимых заболеваний, представляющих опасность для окружающих [4].

---

[1] © Анисифорова М. В., 2026.

В рамках реализации государственной политики в Российской Федерации в области противодействия ВИЧ-инфекции государством предоставляются гарантии, включая: регулярное информирование о доступных мерах профилактики; доступность медицинского освидетельствования для выявления ВИЧ-инфекции; социально-бытовая помощь ВИЧ-инфицированным (таковым признается лицо, зараженное этим вирусом); развитие научных исследований по проблемам ВИЧ-инфекции; подготовка специалистов для реализации мер по предупреждению распространения данного заболевания.

Медицинское освидетельствование для выявления ВИЧ-инфекции может проводиться как добровольно, так и в обязательном порядке. Основанием для обязательного освидетельствования гражданина являются случаи его донорства, в противной ситуации при отказе от медицинского освидетельствования лицо не может быть донором крови, биологических жидкостей, органов, тканей (ч. 2 ст. 9 Федерального закона «О предупреждении распространения ВИЧ-инфекции»). Наряду с указанными случаями Минтруд России устанавливает перечень профессий, производств, предприятий, учреждений и организаций, работники которых проходят обязательное медицинское освидетельствование для выявления ВИЧ-инфекции при проведении обязательных предварительных мероприятий при поступлении на работу и периодических медицинских осмотров. Предположим, к ним относятся врачи из центров по профилактике и борьбе со СПИДом, медицинских организаций, научные работники из научно-исследовательских учреждений, предприятий, производств по изготовлению медицинских иммунобиологических препаратов [5].

Порядок проведения обязательного медицинского освидетельствования в целях предупреждения распространения ВИЧ-инфекции утверждается приказом Минздрава России от 20 октября 2020 г. № 1129н «Об утверждении Правил проведения обязательного медицинского освидетельствования на выявление вируса иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)». Медицинская процедура включает в себя лабораторную диагностику ВИЧ-инфекции, предварительное и последующее консультирование освидетельствуемого по вопросам профилактики ВИЧ-инфекции, а также выдачу освидетельствуемому официального документа о наличии или об отсутствии у него ВИЧ-инфекции. В случае выявления у гражданина ВИЧ-инфекции он не может быть донором, а при наличии статусов иностранного гражданина или лица без гражданства – подлежит депортации из Российской Федерации. При этом в отношении иностранцев и лиц без гражданства при наличии у них членов семьи с гражданством Российской Федерации либо постоянно проживающих на территории страны и не имеющих нарушений законодательства о предупреждении распространения ВИЧ-инфекции в исключительных случаях не принимаются решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации или решения о неразрешении въезда в страну (ч. 3 ст. 11 Федерального закона «О предупреждении распространения ВИЧ-инфекции»).

Гражданин, у которого выявляется ВИЧ-инфекция, уведомляется работником медицинской организации, проводившей медицинское освидетельствование, о его результатах и необходимости соблюдения мер предосторожности

с целью исключения распространения ВИЧ-инфекции, о гарантиях соблюдения прав и свобод ВИЧ-инфицированных, а также ответственности за оставление опасности заражения либо заражение другого лица.

На ВИЧ-инфицированных распространяются все виды медицинской помощи по медицинским показаниям, при этом они пользуются всеми правами, предусмотренными законодательством об охране здоровья граждан.

Важной мерой защиты прав ВИЧ-инфицированных и предупреждения их дискриминации в обществе и государстве являются правовые запреты отказа им в приеме на работу, в организацию, осуществляющую образовательную деятельность, медицинские организации, а также на ограничение жилищных и других прав и законных интересов как самих ВИЧ-инфицированных, так и членов их семей (ст. 17 Федерального закона «О предупреждении распространения ВИЧ-инфекции»). Действие установленного в законодательстве запрета дополняется правовыми позициями судебной практики, в которых со ссылкой на указанную норму отмечается, что ограничение прав и законных интересов ВИЧ-инфицированных на основании у них наличия ВИЧ-инфекции не допускается (к примеру, в качестве условия, ущемляющего права потребителя, был признан пункт страхового договора, предусматривающий указание страхователем/застрахованным того, что он не является ВИЧ-инфицированным) [6].

Наряду с ВИЧ-инфицированными меры социальной поддержки оказываются лицам, которые подвергаются риску заражения ВИЧ-инфекцией при исполнении трудовых и служебных обязанностей. Медицинским и другим работникам, осуществляющим диагностику и лечение ВИЧ-инфицированных, а также лицам, работа которых связана с материалами, содержащими вирус иммунодефицита человека, предоставляются права на сокращенную продолжительность рабочего времени, ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, гарантии обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Нарушение законодательства в области предупреждения распространения в Российской Федерации ВИЧ-инфекции влечет для правонарушителей меры юридической ответственности, включая административную ответственность. Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – «КоАП РФ») наказывается сокрытие источника заражения ВИЧ-инфекцией, венерической болезнью и контактов, создающих опасность заражения (ст. 6.1).

Судебную практику привлечения к административной ответственности по ст. 6.1 КоАП РФ нельзя признать обширной, что само по себе кажется парадоксальным, учитывая эпидемиологические особенности и статистику ВИЧ-инфекции в России. Так, более чем в два раза за шестилетний период снизилось число административных дел данной категории, рассмотренных судами (в 2019 г. – 216; в 2024 г. – 91) [7], при этом, по данным органов здравоохранения, количество зарегистрированных ВИЧ-инфицированных составляет примерно 900 тыс. чел., а по информации из открытой печати может варьироваться от 1 млн до 1,25 млн чел. [8].

В связи с анализом судебно-практической деятельности по привлечению к административной ответственности по ст. 6.1 КоАП РФ особое внимание привлекает ее проблемный характер, что усматривается в следующем.

1. С точки зрения действующего административно-деликтного законодательства нарушением признаются факты сокрытия лицом, больным ВИЧ-инфекцией, источника заражения, а также лиц, имевших с указанным гражданином контакты, создающие опасность заражения. Таким образом, объективная сторона административного правонарушения заключается в бездействии – умышленном несообщении лицом, которому известно о наличии у него ВИЧ-инфекции либо о наличии заболевания у другого лица, с которым у него были контакты (в том числе бытовые, если они угрожают распространению ВИЧ-инфекции).

При этом указанную норму статьи КоАП РФ с большой условностью можно трактовать как устанавливающую обязанность инфицированным или потенциально инфицированным лицам сообщать обо всем, что им известно относительно источника (или потенциального источника) заражения. Такая ситуация распространена в современной юридической практике, когда в отсутствии прямо установленной правовой обязанности субъект (лицо, у которого выявлена ВИЧ-инфекция, либо контакты, создающие опасность заражения) может понести негативные последствия (в данном случае – административную ответственность).

Кроме того, буквально толкуя ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О предупреждении распространения ВИЧ-инфекции», ВИЧ-инфицированный уведомляется только об уголовной ответственности за поставление в опасность заражения либо заражение другого лица (заражение венерической болезнью влечет уголовную ответственность в соответствии со ст. 122 Уголовного кодекса Российской Федерации).

2. За сокрытие источника заражения ВИЧ-инфекцией и контактов, создающих опасность заражения, предусмотрена ответственность в виде административного штрафа, размер которого не изменялся с 2007 г. (а до указанного времени исчислялся исходя из минимального размера оплаты труда) и составляет от пятисот до одной тысячи рублей. Для сравнения: заражение ВИЧ-инфекцией может наказываться лишением свободы на срок до одного года, а если правонарушитель знал о наличии у него этой болезни или если преступление совершено в отношении двух и более лиц, несовершеннолетнего – лишением свободы на срок до пяти и восьми лет соответственно.

Имеющаяся существенная диспропорция между административными и уголовными наказаниями, которые применяются за правонарушения, связанные с распространением ВИЧ-инфекции, кажется нелогичной, принимая за основу законодательного выбора вида административного наказания мотив справедливости и его соответствие степени общественной опасности правонарушения, за которое оно назначается. Как итог, на примере гл. 6 разд. II КоАП РФ допустимо соотнести рассматриваемое деяние, например, с нарушением запрета курения табака или использования кальянов на отдельных территориях, в помещениях и на объектах (ч. 1 ст. 6.24), что, конечно же, вызывает возражения с точки зрения публично-правовой оценки общественной опасности указанных деяний. В этой же связи заметим, что общественная опасность от занятия проституцией,

которая, к слову, может стать одной из причин распространения ВИЧ-инфекции, по формальному признаку оценивается в три раза выше, так как минимальный размер установленного административного штрафа по ст. 6.11 КоАП РФ составляет 1500 руб.

3. Практика применения нормы одночастной ст. 6.1 КоАП РФ указывает на три проблемных обстоятельства. Во-первых, это высокая распространенность случаев возвращения судьями для устранения недостатков протоколов об административных правонарушениях в порядке п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ. Из 216 административных дел, рассмотренных судами в 2019 г., было возвращено 59 (27,3 %), в 2024 г. этот показатель составил 28,6 % (91/26), а в первом полугодии 2025 г. – 28,1 % (32/9). При этом поводы самые разные, включая обыкновенную невнимательность и указание на неверную статью, например, в административных материалах часто путаются ст.ст. 6.1, 6.1^1 и 6.11 КоАП РФ.

Во-вторых, сохраняются факты прекращения производства по административным делам данной категории и освобождения от административной ответственности: в 2024 г. соответствующий показатель составил пять дел (5,5 %), а за первое полугодие 2025 г. – три дела (9,4 %). К примеру, в одном из случаев было прекращено дело об административном правонарушении, возбужденном по ст. 6.1 КоАП РФ ввиду отказа гражданина от обследования, лечения и медицинского наблюдения, что, по мнению, уполномоченного на составление административного протокола должностного лица влекло дальнейшее распространение инфекции среди его членов семьи и также несовершеннолетних детей. Суд, прекратив производство по указанному делу, справедливо заметил, что ст. 6.1 КоАП РФ предусматривает ответственность не за отказ от обследования и лечения, а за сокрытие больным ВИЧ-инфекцией лицом источника заражения [9]. Отсутствие состава административного правонарушения – частое обстоятельство прекращения производства по указанной категории административных дел.

В-третьих, и без того немногочисленные постановления о привлечении к административной ответственности по ст. 6.1 КоАП РФ активно обжалуются в вышестоящих судах, основаниями для этого являются различные доводы, прежде всего неустановление точных времени и даты совершения административного правонарушения, а также недоказанность других существенных обстоятельств административного дела; отсутствие прямого умысла на сокрытие источника заражения (например, объективная невозможность сообщения гражданином полных и достоверных данных об имевшихся контактах); несогласие с толкованием должностными лицами объективной стороны административного правонарушения и произведенной оценкой доказательств по административному делу; даже неосведомленность о том, что бездействие, выразившееся в несообщении информации об источнике заражения ВИЧ-инфекцией, может квалифицироваться в качестве нарушения административно-деликтного законодательства.

Список литературы

1. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: http://who.int.

2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=5.

3. Электронный ресурс. URL: https://www.interfax.ru/russia/1060785/.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 декабря 2020 г. № 885н «Об утверждении Перечня отдельных профессий, производств, предприятий, учреждений и организаций, работники которых проходят обязательное медицинское освидетельствование для выявления ВИЧ-инфекции при проведении обязательных предварительных при поступлении на работу и периодических медицинских осмотров» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 17 декабря 2019 г. по делу № А65-26370/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=5.

8. Электронный ресурс. URL: https://www.interfax.ru/russia/1060785.

9. Решение Пензенского областного суда от 30 октября 2014 г. по делу № 7-157/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Анпилогова Л. Г.[1]*,*
адвокат Адвокатской палаты г. Москвы,
соискатель кафедры уголовного права
Российского государственного
Университета Правосудия (РГУП) имени В.М. Лебедева

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На современном этапе наблюдается достаточно негативная тенденция, которая неизбежно приведет к проблемам правоприменения и неудачам в достижении поставленных целей, к бессистемным, хаотичным, а порой и бессмысленным попыткам латать правовые дыры вместо того, чтобы изначально тщательно продумать правовую модель и конструкцию, выбрать правильную правовую ткань, чтобы все было прочно и надолго и правовому костюму, образно выражаясь, сносу не было. Речь идет о ситуации, когда развитие законодательства опережает развитие системы права и не синхронизируется с ним.

Рассмотрим данный тезис на примере уголовно-исполнительного права, которое недавно пополнилось новым понятием – «пробация».

Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) явился первым специальным нормативным правовым актом, регулирующим пробационные отношения.

Несмотря на то, что курс на ресоциализацию осужденных лиц, отбывающих наказание, на протяжении длительного времени является приоритетной задачей государства как одна из мер предотвращения повторной (рецидивной) преступности, до принятия Закона о пробации эта задача решалась в основном на региональном уровне, т. е. такая деятельность носила обособленный и бессистемный характер.

Под пробацией понимается совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита их прав и законных интересов [1, пп. 1 ч. 1 ст. 5].

Не лишним будет упомянуть, что идея социальной поддержки осужденных не нова. Некоторые исследователи указывают, что стремление к организации помощи освобожденным из мест заключения возникло в далекой древности, во времена язычества, и было порождено чувством сострадания к ближнему, а появление христианства упрочило эту идею, которая стала широко распространяться с единственной целью – облегчить участь тюремных узников. Однако великое переселение народов и образование новых государств в Европе примерно с V в. остановило эту благотворительную деятельность и привело к постепенному ее угасанию. В XVIII в. на страждущих и нуждающихся в помощи вновь обратили внимание, в том числе на арестантов и выходцев из тюрем, по-

[1] © Анпилогова Л. Г., 2026.

кровительство которым стали именовать патронатом, корни которого уходят в Америку конца XVIII столетия, а если быть точнее – в штат Филадельфия, где в 1870-х гг. появилось первое общество для оказания помощи вышедшим из тюрем [2, с. 6].

В России идеи патроната возобновились в XIX в. (в 1819 г. в Санкт-Петербурге было образовано Общество попечительное о тюрьмах), и они охватывали те явления, которые в наше время именуются ресоциализацией, социальной реабилитацией и социальной адаптацией, ставшими составными элементами пробационной деятельности – в том виде, в каком на современном этапе ее замыслил законодатель.

Хотелось бы отметить, что Закон о пробации ввиду своего гиперинновационного характера в правовом регулировании общественных отношений заставил в хорошем смысле слова заволноваться все сообщество российских ученых-пенитенциаристов, чему в первую очередь поспособствовали два обстоятельства. Во-первых, достаточно бескомпромиссное соединение в нем идеи благотворительности и социальной поддержки в отношении оступившихся (преступивших закон) лиц, оказавшихся в непростой жизненной ситуации, которую самостоятельно урегулировать они не могут, с одной стороны, и стратегии усиления противодействия повторной преступности и поиска наиболее результативных средств обеспечения безопасности общества, с другой стороны [3, с. 4–5]. Во-вторых, включение в один нормативный правовой акт норм материального и процессуального характера, а также иных новшеств юридической техники при его составлении.

Высказываемые же ранее время от времени учеными-пенитенциаристами идеи и предлагаемые новые модели развития науки уголовно-исполнительного права, а также научно обоснованные изменения уголовно-исполнительной политики и предложения по принятию нового Уголовно-исполнительного кодекса, которые в основном оставались только на бумаге, получили новый виток развития и приобрели большую интенсивность и настойчивость, что вселяет надежду на то, что мнение ученых законодатель все же услышит и прислушается к нему.

Почему же пробация, имеющая в первую очередь социальную направленность, затрагивает именно уголовно-исполнительное право и уголовно-исполнительное законодательство, предметом регулирования которых «в самом общем плане являются общественные отношения, возникающие в связи, по поводу и в процессе исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера» [4, с. 13]?

При ответе на этот вопрос позволим себе присоединиться к мнению авторитетных ученых (С. Л. Бабаян, И. В. Дворянсков, Е. Э. Попова, В. И. Селиверстов, А. П. Скиба, П. В. Тепляшин и др.), которые считают, что по своей юридической природе, сущности, структурным элементам пробация больше тяготеет к уголовно-исполнительным правоотношениям.

Отраслевое деление права, а также выделение институтов внутри каждой отрасли, без которых отрасль права существовать не может, всегда выступало, выступает и будет выступать предметом научных дискуссий.

Следует согласиться с мнением большинства ученых о том, что с принятием Закона о пробации можно говорить об институционализации пробации, которая является ответом государства (судить о правильности и полноте этого ответа пока еще рано) на запросы современного общества.

Некоторые исследователи прямо называют пробацию институтом, другие же говорят о том, что процесс оформления пробации в такую категорию, как правовой институт, еще не закончен.

Между тем, согласно доминирующей в теории права позиции правовому институту должны быть присущи следующие признаки: «юридическое единство правовых норм, однородность фактического содержания, нормативная обособленность и полнота регулируемых отношений» [5, с. 314]. Анализ положений Закона о пробации и принятых подзаконных нормативных правовых актов позволяет нам сделать вывод о том, что всеми этими признаками пробация обладает.

Принятый Закон о пробации изменил вектор рассуждений ученых-пенитенциаристов об этом феномене. Раньше пробация рассматривалась ими с точки зрения испытания, условного неисполнения назначенного судом наказания или условного неназначения наказания с помещением осужденного на определенный срок под надзор, а в настоящее время ее больше не ассоциируют с идеей испытания.

Рассуждения некоторых ученых о тесной связи института пробации с институтом наказания (поскольку пробация применяется только к осужденным, т. е. лицам, которые претерпевают уголовные репрессии, и без наказания, не обязательно связанного с лишением или ограничением свободы, нет и пробации) все же заканчиваются выводами о том, что по своей правовой природе, целям и задачам это совершенно разные институты.

Пробация представляет собой «некарательную форму нейтрализации причин и последствий совершения преступлений, дающую возможность оступившимся лицам желание и способность к законопослушной жизни без стигматизации и неизбежной личностной деформации, вызываемой наказанием» [6, с. 28], в связи с чем «возложение на наказание функций ресоциализации и приспособления осужденных в обществе не оправдано. Их вполне может взять на себя институт пробации» [7, с. 195–197].

Появление пробации возобновило в научном мире дискуссии о необходимости расширения предмета уголовно-исполнительного права.

Так, в частности, предлагается рассмотреть вопрос о передаче правоотношений по административному надзору (регулируется нормами ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы») также в предмет уголовно-исполнительного права. Сторонники этой идеи признают, что в данном случае отсутствует субъект уголовно-исполнительных правоотношений (такой как осужденный) орган, осуществляющий полномочия по надзору (органы внутренних дел), не относится к уголовно-исполнительной системе, а рассматриваемый институт регулируется в том числе и нормами административного законодательства (например, производство по административным делам (гл. 29 Кодекса административного судопроизводства РФ), – но вместе с тем они считают, что рассматриваемые право-

отношения схожи с правоотношениями по контролю за условно-досрочно освобожденными и условно осужденными, что делает возможным их отнесение к предмету уголовно-исполнительного права, и кроме того, в такой ситуации произойдет просто передача несвойственной органам внутренних дел функции учреждениям уголовно-исполнительной системы [8, с. 51–54].

Хотелось бы особо подчеркнуть, что Закон о пробации возложил осуществление пробационной деятельности на достаточно большое количество субъектов, а роль первой скрипки отвел учреждениям уголовно-исполнительной системы, в первую очередь – учреждениям, исполняющим наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, и уголовно-исполнительным инспекциям, что влечет за собой большое количество изменений как в организационной, так и управленческой деятельности. Эти изменения невозможно эффективно осуществить без использования подходов и наработок административного права, касающихся административно-правовой организации управления в системе уголовно-исполнительных учреждений, а также регуляции вопросов государственной службы в уголовно-исполнительной системе.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О пробации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Беляева Л. И. Патронат в России (XIX в. – начало XX в.). 2-е изд., доп. и испр. Воронеж : ВИ МВД России, 2001.

3. Тепляшин П. В. Пробация: теоретико-правовые основы и научно-исследовательские проблемы. М. : Юрлитформ, 2026.

4. Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации : учебник. 2-е изд./ под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2022.

5. Теория государства и права : учебник/ под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. М. : Проспект, 2025.

6. Дворянсков И. В. Уголовное наказание и его цели : монография. М. : Инфра-М, 2025 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Дворянсков И. В. Пробация как делегированная профилактическая функция // Петербургские пенитенциарные конференции: материалы комплекса международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–16 мая 2025 г. СПб., 2025. С. 195–197.

8. Грушин Ф. В. Расширение предмета уголовно-исполнительного права: пределы и необходимость // Правовые и психолого-педагогические проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : сборник материалов круглого стола и всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 22 ноября 2024 г. Новокузнецк, 2025. С. 51–54.

Артемьев Н. В.[1],
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры менеджмента
Московского университета имени С.Ю. Витте,
доктор экономических наук, профессор

Колбасин Д. А.[2],
аспирант кафедры менеджмента
Московского университета имени С.Ю. Витте

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сфера физической культуры и спорта в XXI в. становится ключевым элементом в обеспечении здоровья и благополучия населения во всем мире. Указанная тенденция становится актуальной и для Российской Федерации, где продолжительное время наблюдается особый интерес населения к здоровому образу жизни, а государство, в свою очередь, способствует обеспечению инвестиций в строительство новой спортивной инфраструктуры, поддерживает детско-юношеский спорт, проводит массовые спортивные мероприятия и т. д.

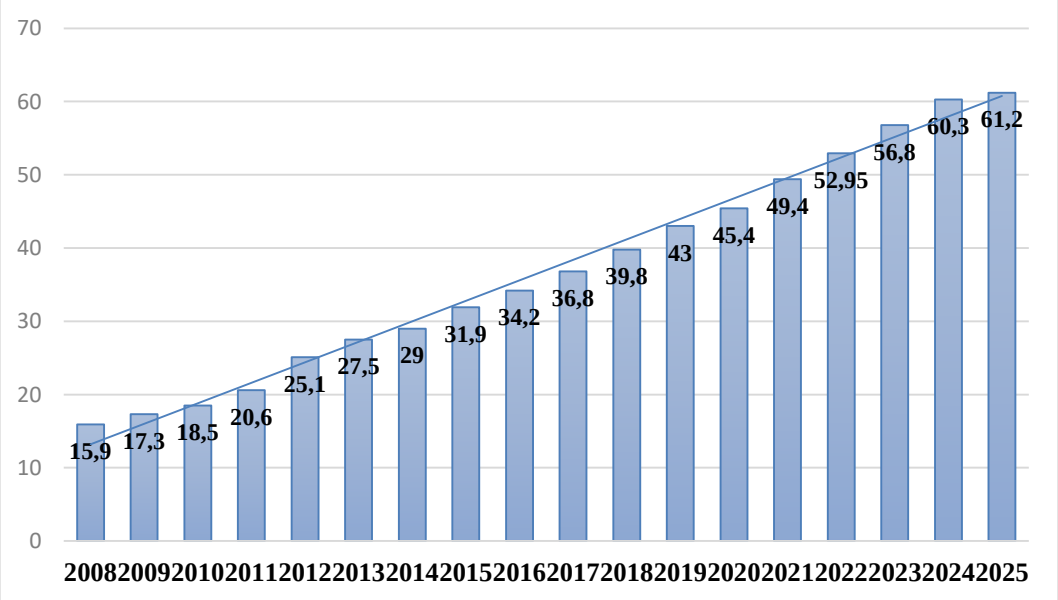

Рис. 1. Динамика роста доли граждан России, систематически занимающихся спортом, с 2008 по 2025 гг [1].

В соответствии с отчетом Министерства спорта России в 2024 г. систематически занимались спортом или физкультурой 80,482 млн. граждан – это около

[1] © Артемьев Н. В., 2026.
[2] © Колбасин Д. А., 2026.

60,3 % от всего населения Российской Федерации в возрасте от 3 до 79 лет. В сравнении с 2023 г. в 2025 г. доля таких граждан выросла на 4,4 % (*рис. 1*).

На период до 2030 г. в Российской Федерации установлена важнейшая стратегическая цель по увеличению доли граждан, систематически занимающихся спортом в России, до 70 % от общей численности населения страны. Указанный показатель закреплен такими стратегическими документами как: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года». Нормативное правовое регулирование в сфере физической культуры и спорта формирует основу для развития профессионального и любительского спорта, обеспечивает одновременно согласование интересов государственного аппарата, общества, граждан и способствует достижению установленных стратегических показателей.

Комплексный анализ системы нормативного правового регулирования спортивной отрасли в Российской Федерации (от федерального до муниципального уровня) позволяет дать всестороннюю оценку эффективности государственных мер, направленных на популяризацию здорового образа жизни в обществе [2].

Российские ученые активно занимаются исследованием проблематики нормативного и правового регулирования в сфере отношений физической культуры и спорта на территории России. Так, О. И. Вертейко, Е. С. Айвазова, Е. Н. Дорофеева отмечают, что правовые отношения в указанной сфере должны быть строго регламентированными и прозрачными [3].

Действующая нормативно-правовая база сферы физической культуры и спорта (далее – ФКиС) включает в себя Конституцию Российской Федерации, отраслевой (профильный) федеральный закон, программу и стратегию развития сферы ФКиС, региональные нормативные правовые акты, нормативно-правовые акты органов местного самоуправления, внутренние документы спортивных организаций. Именно на данной основе происходит управление сферой ФКиС и взаимодействие различных субъектов указанной сферы между собой [4, с. 2–3].

Конституция Российской Федерации, как высший нормативный правовой акт на территории России, устанавливает базовые положения государственной позиции в отношении сферы ФКиС. В ст. 41 Конституции Российской Федерации отмечается, что «в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию». В свою очередь, в ст. 72 отмечается, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики [2, с. 207]. На уровне основного закона, обладающего высшей юридической силой, устанавливаются особые вопросы регулирования развития сферы ФКиС на территории Российской Федерации.

На следующем уровне нормативного правового регулирования необходимо выделить Федеральный закон 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – ФЗ о спорте) [5]. Данный закон о спорте устанавливает основные положения правовой базы для развития сферы ФКиС, определяет текущие полномочия органов публичной власти всех уровней, а также устанавливает права и обязанности граждан в рассматриваемой сфере. ФЗ о спорте является межотраслевым законом, в дополнение к нему на территории России реализуются иные законы и подзаконные акты, которые устанавливают правовые рамки для отдельных направлений спорта, таких как подготовка спортивного резерва, антидопинговое регулирование, организация и проведения международных соревнований и др.

Систему подзаконного нормативного регулирования в области физической культуры и спорта образуют акты главы государства и высшего исполнительного органа – указы Президента России и постановления (распоряжения) Правительства Российской Федерации соответственно.

Основными целями данного регулирования являются: создание разнообразных условий для всестороннего развития сферы ФКиС; повышение спортивных результатов национальной команды на международных спортивных мероприятиях; формирование здорового образа жизни среди населения.

В соответствии с федеральным законодательством, регулирующим правовые отношения в сфере ФКиС, на территории многих субъектов Российской Федерации были приняты соответствующие отраслевые региональные законодательные акты. Например, закон Москвы от 15 июля 2009 г. № 27 «О физической культуре и спорте в городе Москве»; Закон Московской области от 27 декабря 2008 г. № 226/2008-ОЗ «О физической культуре и спорте в Московской области»; закон Волгоградской области от 10 июня 2007 г. № 1495-ОД «О физической культуре и спорте в Волгоградской области». Федеральный закон о спорте прямо обязывает органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимать отраслевые законы, которые определяют полномочия по развитию сферы ФКиС [5].

В системе правового регулирования спортивной отрасли России центральное место принадлежит федеральному уровню. На нем определяются стратегические ориентиры и единые законодательные основы развития сферы ФКиС в масштабах всей страны. На федеральном уровне также разрабатываются государственные программы, охватывающие все аспекты спортивной жизни: от поддержки спорта высших достижений до развития массовой физической культуры. Приоритетными направлениями таких программ являются подготовка спортивного резерва и развитие инфраструктуры (строительство и оснащение спортивных объектов).

Федеральным органом исполнительной власти в сфере ФКиС на территории России является Министерство спорта Российской Федерации, которое обладает функциями по выработке и реализации государственной политики и формирования подходов к нормативно-правовому регулированию в сфере ФКиС [6].

На уровне субъектов Российской Федерации обеспечивается конкретизация и адаптация федеральных норм и стандартов в соответствии с региональными особенностями, условиями финансирования и потребностями. Регионы Россий-

ской Федерации обладают широкими полномочиями в сфере физической культуры и спорта, что дает им возможность адаптировать федеральные стратегии под местные условия – культурные, географические и социально-экономические.

На региональном уровне исполнительная власть выполняет три ключевые функции:

– координационная: поддержка спортивных организаций, клубов и школ;

– программная: разработка и реализация региональных программ (подготовка резерва, проведение соревнований);

– инфраструктурная: строительство, обслуживание и модернизация спортивных объектов и комплексов.

Важным направлением деятельности региональных властей является взаимодействие с муниципалитетами и местными сообществами, что позволяет эффективно реализовывать программы развития массового спорта, способствуя укреплению здоровья и повышению социальной активности населения. Кроме того, органы государственной власти субъектов Российской Федерации играют ключевую роль в привлечении инвестиций в спортивную сферу, используя как бюджетные средства, так и механизмы частно-государственного партнерства и спонсорской поддержки.

Муниципальный уровень выступает третьим, базовым звеном в системе регулирования физической культуры и спорта. Органы местного самоуправления (администрации городов и районов) законодательно наделены ключевой ролью в обеспечении доступности и качества физкультурно-спортивных услуг непосредственно для населения. Именно на этом уровне происходит прямое взаимодействие с жителями, спортивными организациями и клубами, а также создаются условия для занятий спортом по месту жительства.

Например, в муниципальной программе «Развитие физической культуры и спорта на территории Волгограда», утвержденной постановлением администрации Волгограда от 29 декабря 2018 г. № 1881 (с изм. на 18.12.2025, далее – Муниципальная программа г. Волгограда) единственной целью является обеспечение условий для развития физической культуры и массового спорта на территории Волгограда. Существенное внимание на муниципальном уровне уделяется развитию детско-юношеского спорта и физического воспитания.

Разработка и реализация всех пунктов нормативного правового регулирования в сфере ФКиС на территории Российской Федерации испытывает ряд проблем и системных вызовов, требующих комплексного анализа, оперативных и эффективных решений. Одним из вызовов можно назвать необходимость соответствия и регулирования форм и методов взаимодействия между федеральными, региональными и муниципальными уровнями. Например, законодательные инициативы могут дублировать друг друга, что ведет к затруднению реализации эффективной и согласованной спортивной политики.

В то же самое время необходимо признать, что различные субъекты Российской Федерации неоднородно подходят к созданию нормативной базы в сфере ФКиС. В частности, следует выделить, что степень детализации положений Закона Республики Татарстан от 8 октября 2008 г. № 99-ЗРТ «О физической культуре и спорте» гораздо шире детализаций отраслевого Закона Волгоградской

области от 10 июня 2007 г. № 1495-ОД «О физической культуре и спорте в Волгоградской области [7, с. 80–81].

В соответствии со Стратегией развития физической культуры и спорта до 2030 г. одним из приоритетов является выстраивание вертикали скоординированной государственной политики – от федерального центра до муниципалитетов [8; 9]. Основой такого подхода становится межотраслевое взаимодействие. Стратегия предполагает консолидацию деятельности всех заинтересованных сторон: органов власти (федеральных, региональных, местных), общественных и научных организаций, экспертного сообщества и институтов гражданского общества. Важнейшим условием успеха при этом выступает единство нормативно-правовой базы, обеспечивающее согласованность спортивного законодательства с другими социальными сферами по всей стране.

Остается актуальной и проблема верификации достижения целевых показателей развития сферы ФКиС со стороны профильных органов исполнительной власти на федеральном, региональном и муниципальных уровнях. Так, например, Счетной палатой Российской Федерации были выявлены существенные расхождения данных статистической отчетности, сформированной Минспортом России.

Данные статистической отчетности, сформированные Минспортом России, о суммарной загруженности всех спортивных сооружений Российской Федерации за 2019 г. и о численности граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом в Российской Федерации, не согласованы между собой и противоречивы [10].

Учитывая все вышеизложенное, стоит отметить, что различные направления и уровни нормативного и правового регулирования сферы ФКиС на территории России представляют собой сложный и многосторонний процесс, требующий анализа и учета множества факторов. Рассуждая об эффективности функционирования текущего нормативного правового регулирования сферы ФКиС на территории России, следует отметить, что наличие указанного законодательства само по себе не является критерием эффективности функционирования данной сферы, необходим и качественный контроль реализации основных пунктов законов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации сформирована комплексная нормативная правовая база, охватывающая все аспекты спортивных отношений – от организации соревнований до развития инфраструктуры и обеспечения безопасности. Однако наряду с этим достижением сохраняются системные проблемы. К ним относятся: несогласованность отдельных норм в актах различных уровней публичной власти, хроническое недофинансирование региональных и муниципальных программ, слабая вовлеченность частного сектора в развитие спортивной индустрии.

Список литературы

1. Сводный отчет 1-ФК по РФ за 2025 г. Министерства спорта Российской Федерации. URL: https://minsport.gov.ru/documents/1536/.

2. Смирнова Я. Р. Нормативное правовое регулирование в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации // Современная Российская

наука: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. Пенза, 12 декабря 2023 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 206–210.

3. Айвазова Е. С., Вертейко О. И., Дорофеева Е. Н. Нормативно-правовое регулирование в области физической культуры и спорта // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 167–172.

4. Абрамян И. А. Нормативно-правовое регулирование и управление в сфере физической культуры и спорта // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 10. С. 25–30.

5. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc/.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 607 «О Министерствеспорта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

7. Щеголева Н. В., Боякова Е. Н. Правовое регулирование в сфере физической культуры и студенческого спорта // Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры : межвузовский сборник научно-методических работ. СПб. : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2021. С. 81–85.

8. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г. // URL: https://www.minsport.gov.ru/activity/strategy/.

9. Зелепукин Р. В., Липунтсова А. В. Вопросы разграничения полномочий между российской федерации и ее субъектами в сфере физической культуры и спорта // RussianStudiesinLawandPolitics, 2023. С. 72–95.

10. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка доступности в 2018–2019 гг. и истекшем периоде 2020 г. физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг» // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/6e5/6e511dc47c06c51ed264d685900538a8.pdf.

Бабаханян А. Ю.[1]*,*
старший преподаватель кафедры
административного права и
административной деятельности
полицейского учебного подразделения
Образовательного комплекса
МВД Республики Армения

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В МВД РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Применение норм административного права в сфере реформирования Министерства внутренних дел Республики Армения (далее – РА) направлена на комплексное решение вопросов и проблем в существующей правоохранительной системе страны, с целью становления правового государства и демократизации полицейской системы. Процесс реформирования МВД направлен не только на организационно-структурные изменения, но и на укрепление гарантий защиты прав человека в правоприменительной практике.

Реорганизация Полиции РА и воссоздание Министерства внутренних дел РА и последующие реформы в контексте применения норм административного права имеют особое значение в современный период и обозначают собой новый этап их применения регламентируемый в уставе [1] МВД РА, в котором акцент смещается с карательной функции к сервисной, где приоритетом является защита прав гражданина при строгом соблюдении процедур производства и обеспечению правопорядка, с внедрением усиленного гражданского контроля.

В свете рассматриваемой темы применения норм административного права в современный период государственности Республики Армения считаем особо подчеркнуть роль А. П. Коренева в становлении науки административного права в нашей стране. Этот ученый – один из самых влиятельных представителей советской и российской науки административного права, чьи труды и теоретические подходы до сих пор имеют фундаментальное значение также для формирования и развития административного права Армении. А. П. Коренев внес большой вклад в вопросы правового регулирования административной деятельности органов внутренних дел. При реформировании Полиции РА использовались разработанные им классические принципы, адаптированные на современные демократические стандарты. Не без его идей, например, детально разработаны механизмы применения административно-правовых норм, включающие анализ юридических фактов[2], выбор правовой нормы и принятие административного акта, этапы которые заложены в основу логики Закона РА «Об основах администрирования и административном производстве» [3]. И несмотря на то, что в Армении принята в основу система административного пра-

[1] © Бабаханян А. Ю., 2026.

ва Германии, тезисы А. П. Коренева о структуре правовой нормы и правоприменительной практике остаются составной частью правовой системы Армении.

В результате продолжающихся реформ МВД Армении в структуре полиции республики сформировались четыре подразделения с конкретными сферами функционирования и несения службы: патрульная полиция [4], криминальная полиция [5], общинная полиция [6], полицейская гвардия [7] с обновленными функциями. Одним из важных и основополагающих форм несения службы новосозданных подразделений является административное усмотрение (дискреция) [8], которое должно быть ограничено законом и направлено исключительно на служение общественным интересам, о чем А. П. Коренев говорил в своих научных трудах. Это крайне актуально в контексте реформ МВД РА для исключения полицейского произвола.

В процессе реформ МВД Армении, в частности административно-правовой деятельности полиции, особый акцент ставится на развитие партнерских отношений с общественными организациями и местными органами власти для совместного решения проблем безопасности. Для решения этих проблем проводятся последовательные и всесторонние усилия, включающие:

– продолжение реформ, направленных на внедрение современных стандартов работы, повышения профессионализма и этичности сотрудников;

– усиление контроля за административно-правовой деятельностью полиции и обеспечение неотвратимости наказания за нарушения;

– повышение прозрачности административно-правовой деятельности полиции и обеспечение обратной связи с обществом;

– реализация программ по укреплению доверия населения к полиции и формированию позитивного имиджа сотрудника полиции;

– увеличение представительства женщин в полиции и создание равных возможностей для всех сотрудников;

– развитие системы обучения и профессиональной подготовки, ориентированной на лучшие международные практики.

Премьер-министр Армении подчеркивает важность последовательных и эффективных реформ в полицейской сфере и необходимость постоянных усилий для повышения общественного доверия. В настоящее время разработан стратегический план реформирования полиции на 2024–2026 гг. [8], который включает меры по улучшению качества государственных услуг, совершенствованию структуры управления полицией, развитию кадрового потенциала, созданию криминальной и общинной полиции, а также полицейской гвардии с обновленными функциями.

Реформа МВД в Армении – это сложный и долгосрочный процесс, требующий последовательных усилий и постоянного совершенствования

Основные проблемы, с которыми сталкивается процесс реорганизации, сводятся к нехватке квалифицированных кадров, недостаточности общественного доверия, а также объективным препятствиям.

Результаты опросов показывают снижение уровня удовлетворенности работой полиции среди жителей РА. Растет число граждан, оценивающих их работу скорее негативно или крайне негативно.

Наблюдается также снижение положительной оценки реформ полиции за последние годы. Сохраняется укоренившееся в обществе восприятие полиции как коррумпированной и склонной к насилию структуры, что затрудняет формирование образа полицейского как защитника граждан. Отмечаются случаи физического и вербального злоупотребления властью со стороны отдельных сотрудников общинной полиции. Имеют место инциденты, вызывающие вопросы относительно компетентности и профессионализма общинных полицейских.

Несмотря на заявленные цели реформ, многие эксперты и общественные организации выражают мнение о недостаточности и непоследовательности их реализации [9]. Высказываются опасения, что реформы не привели к фундаментальным изменениям ценностей и подходов работы полиции, и последняя продолжает восприниматься как инструмент государства, а не как служба для граждан.

Существуют проблемы с внедрением новых подходов к работе, основанных на взаимодействии с обществом и решении проблем, а не только на реагировании на инциденты. Существует необходимость в постоянном повышении профессиональной квалификации сотрудников, их обучении современным методам работы и стандартам поведения.

Важным аспектом является предотвращение коррупции и обеспечение прозрачности в работе общинной полиции. Требуется совершенствование системы отбора и карьерного роста сотрудников, чтобы на службу приходили наиболее подготовленные и мотивированные люди.

Премьер-министр Армении также подчеркивает важность последовательных и эффективных реформ в полицейской сфере и необходимость постоянных усилий для повышения общественного доверия. В настоящее время разработан стратегический план реформирования полиции на 2024–2026 гг. [10], который включает меры по улучшению качества государственных услуг, совершенствованию структуры управления полицией, развитию кадрового потенциала, повышению эффективности криминальной и патрульной службы полиции, а также полицейской гвардии с обновленными функциями.

Таким образом, правомерное применение норм административного права в системе МВД гарантирует, что административная деятельность полиции действует исключительно в рамках закона, способствуя восстановлению общественного доверия.

Список литературы

1. Постановление премьер-министра РА от 14 марта 2023 г. № 270-L «Об утверждении устава МВД РА».

2. Коренев А. П. Нормы административного права и их применение : монография. М. : Юридическая литература, 1978.

3. Закон РА от 18 февраля 2004 г. «Об основах администрирования и административном производстве».

4. Приказ начальника полиции Республики Армения от 25 мая 2025 г. № 25-L «О патрульной полиции».

5. Приказ заместителя министра внутренних дел – начальника полиции МВД РА «Положение о Главном управлении криминальной полиции МВД РА» от 1 ноября 2024 г. № 18-L.

6. Приказ начальника полиции МВД Республики Армения от 14 августа 2024 г. № 13-L [1] «Положение о главном управлении общинной полиции МВД полиции РА».

7. Устав полицейской гвардии МВД полиции РА (утв. приказом заместителя министра внутренних дел – начальника полиции МВД РА) от 31 октября 2025 г. № 11-L.

8. Коренев А. П. Административное право России : учебник : в 3 ч. Ч. 1. М. : Щит-М, 1999.

9. Реформа полиции Армении 5 лет спустя: революция или имитация? URL: https://www.lavamedia.am/2024/01/16/75481/.

10. Постановление Правительства Республики Армения от 15 ноября 2024 г. № 1803 «Об утверждении стратегии реализации реформы полиции и плана действий по реализации на 2024–2026 годы».

Батоев В. Б.[1]*,*
старший научный сотрудник
отдела специальной техники
оперативно-технических подразделений
центра средств и систем связи
ФКУ НПО «Специальная техника и связь» МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ: К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕХНИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ СЕГМЕНТОВ АППАРАТНО-ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА «БЕЗОПАСНЫЙ ГОРОД»

Современные системы городского видеонаблюдения, входящие в состав аппаратно-программного комплекса (далее – АПК) «Безопасный город» в условиях развития информационных технологий, выступают ключевым элементом в системе выявления, фиксации и профилактики административных правонарушений [1, с. 39–40; 3]. Уже сейчас высокоинтеллектуальные камеры видеонаблюдения, используемые, в том числе по линии противодействия незаконной торговли в общественных местах до осуществления контроля за поднадзорными лицами, кардинально влияют на подходы к обеспечению общественного порядка и общественной безопасности [2].

Использование видеокамер для фиксации административных правонарушений весьма продолжительное время функционировало в условиях недостаточности правового регулирования их внедрения и использования. Технически камеры видеонаблюдения функционировали, но правовая основа не во всех случаях обеспечивала использование циркулирующей в системах видеонаблюдения информации в качестве полноценных доказательств [4].

В настоящее время по информации с камер видеонаблюдения правоприменители не имеют права возбуждать административные дела в виду отсутствия соответствующей нормы в действующем Кодексе об административных правонарушениях.

Тем не менее законодателем реализуются мероприятия, в результате которых у правоприменителя возникнет право возбуждать административные дела на основе данных с уличных камер и программных средств фиксации. Это позволит легализовать практику, при которой материалы фото- и киносъемки, видео- и аудиозаписи, полученные с помощью технических средств, имеющих функции распознавания и идентификации, могут служить основанием для привлечения к административной ответственности.

Более того, в Единых требованиях к техническим параметрам сегментов аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», утвержденных 28 июня

[1] © Батоев В. Б., 2026.

2017 г. № 4516п-П4 (далее – ЕТТ), отсутствуют положения об обязательном создании в субъектах Российской Федерации комплекса средств автоматизации (далее – КСА) «Сервисная платформа», предназначенного для обеспечения стандартизированного информационного взаимодействия с потребителями информации от АПК «Безопасный город» в правоохранительном сегменте по сервисной модели (МВД России, ФСБ России и другими ведомствами). Это свидетельствует о том, что обеспечение доступа к информации из систем видеонаблюдения АПК «Безопасный город» для подразделений и служб, задействованных в противодействии административным правонарушениям, является не обязательным на уровне субъектов Российской Федерации.

С учетом изложенного в целях формирования единого системного подхода по вопросам развития и внедрения АПК «Безопасный город», а также обеспечения стандартизированного информационного взаимодействия с потребителями информации от АПК «Безопасный город» в правоохранительном сегменте по сервисной модели (МВД России, ФСБ России и другими ведомствами) целесообразно включение в раздел 4.4. ЕТТ положений об обязательности создания КСА «Сервисная платформа».

В соответствии с требованиями к составу КСА «Сервисная платформа» (п. 4.4.1 ЕТТ) в ее состав должен входить муниципальный компонент. При этом в требованиях к архитектуре АПК «Безопасный город» муниципального уровня (п. 3.2 ЕТТ) упоминание о КСА «Сервисная платформа» отсутствует. В связи с этим в п. 3.2 ЕТТ необходимо в состав базовой информационно-коммуникационной инфраструктуры АПК «Безопасный город» включить КСА «Сервисная платформа».

В требованиях к абонентским терминалам ГЛОНАСС-GPS/GSM и датчикам спутниковой навигации, изложенных в ЕТТ, необходимо предусмотреть возможность выбора режима работы аппаратуры спутниковой навигации с глобальными навигационными спутниковыми системами (далее – ГНСС), в том числе с использованием Российской ГНСС ГЛОНАСС без ухудшения точности позиционирования либо совместное использование с другими ГНСС.

В соответствии с п. 4 Правил передачи, приема и обработки информации, указанной в подпункте «б» п. 2 чч. 9 и 12 ст. 22.1 Федерального закона «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2024 г. № 752, информация, полученная с помощью работающих в автоматическом режиме стационарных, передвижных и мобильных специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи для фиксации нарушений правил дорожного движения, в том числе о зафиксированном транспортном средстве (его фото- и видеоизображении, фотоизображении государственного регистрационного знака), а также дате, времени и месте фиксации его проезда, передается от средств фиксации без накопления, хранения и обработки на промежуточных этапах непосредственно в Сервис для автоматизации деятельности центров автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения на базе специаль-

ного программного обеспечения «Паутина». При этом п. 12 указанных Правил установлен запрет на передачу указанной информации уполномоченным исполнительным органам субъекта Российской Федерации и другим лицам.

В связи с этим необходимо исключить из ЕТТ положения, касающиеся системы автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, в том числе в части фиксации таких нарушений, идентификации государственных регистрационных знаков, а также отслеживания маршрутов. Одновременно с этим необходимо в положениях ЕТТ исключить слово «ГИБДД» ввиду ранее упомянутых причин.

Таким образом, резюмируя изложенное, полагаем, что дальнейшее построение и развитие АПК «Безопасный город», в том числе использование его потенциала в деле противодействия административным правонарушениям, должны быть сконцентрированы на разработке конкретных нормативных правовых актов и совершенствования действующей нормативно-технической документации в области АПК «Безопасный город», на совершенствовании алгоритмов применения инструментов обеспечения общественной безопасности в лице систем видеонаблюдения. Здесь же отметим необходимость конкретизации правовых конструкций и создания моделей оценки эффективности предлагаемых методов.

Список литературы

1. Гришаков А. Г. Деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике административных правонарушений и раскрытию преступлений с использованием систем видеонаблюдения // Алтайский юридический вестник. 2019. № 1 (25). С. 39–43.

2. Куликова Я. А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 81–98.

3. Петрова Т. А. Использование полицией современных технических средств в противодействии административным правонарушениям // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика : материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С. 519–522.

4. Хлопонина А. И. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Правовой порядок и правовые ценности : сборник научных статей IX Национальной научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2025. С. 524–536.

Белокурова Ю. С.[1]*,*
начальник кафедры
организации и обеспечения
раскрытия и расследования преступлений
Тверского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

Иванов Д. А.[2]*,*
старший преподаватель
кафедры организации и обеспечения
раскрытия и расследования преступлений
Тверского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА» ПРИ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Педагогика юридического образования, особенно в системе МВД, занимает центральное место в подготовке специалистов, способных эффективно решать задачи, стоящие перед полицией.

Приоритетной задачей образовательных организаций МВД Российской Федерации в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов, является развитие у них профессиональной компетентности, формирование у обучающихся способности на высоком уровне выполнять поставленные перед ними служебные задачи [3, с. 288].

Учебная дисциплина «Основы административного права» включена в программу профессиональной подготовки лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» по должности служащего «Полицейский» и входит в общепрофессиональный цикл. Нормативный срок изучения составляет 48 часов. Особое внимание следует обратить на то, что к категории обучающихся отнесены сотрудники органов внутренних дел, впервые принятые на службу и не имеющие юридического образования.

Цель профессионального обучения носит выраженный дуалистических характер, сочетая в себе аксиологические основания и прагматическую направленность. С одной стороны, слушатель должен овладеть специфическими знаниями в сфере административного права, изучив соответствующие нормативные правовые акты. С другой стороны, изучение правовых дисциплин исключительно к усвоению норм права и навыкам их применения является недостаточным. Профессиональное обучение должно быть нацелено на формирование внутрен-

[1] © Белокурова Ю. С., 2026.
[2] © Иванов Д. А., 2026.

ней правовой культуры сотрудника органов внутренних дел, где применение нормы является результатом осознанного выбора, а не формального следования букве закона.

Административное право затрагивает взаимодействие государства, его органов и граждан. Соответственно традиционная лекционно-семинарская модель преподавания данной учебной дисциплины, ориентированная на усвоение догматического материала, без должной связи с практикой, служит причиной когнитивного разрыва. В частности, у слушателей формируются абстрактные теоретические знания, неприменимые к конкретным ситуациям, происходящим в реальной жизни.

В данной связи преподавание учебной дисциплины «Основы административного права» должно носить прикладной характер, связывая правовые знания с реальными социальными задачами.

Традиционная модель организации учебного процесса предполагает одностороннюю форму коммуникации, т. е. трансляцию преподавателем информации и ее последующее воспроизведение обучающимся. Деятельность обучающегося заключается в восприятии информации об определенных областях знания [2, с. 142].

В контексте рассуждений и новых современных общественных вызовов считаем необходимым акцентировать, что эффективное преподавание дисциплины «Основы административного права» строится на разумном сочетании традиционных и инновационных образовательных технологий.

Тематическим планом учебной дисциплины «Основы административного права» предусмотрено проведение лекционных занятий в количестве 20 часов.

Лекционные занятия служат инструментом для систематизации теоретических знаний и формирования у лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, целостного представления о содержании и сущности основных институтов административного права.

При разработке мероприятий, направленных на повышение уровня освоения учебных дисциплин обучающимися, профессорско-преподавательскому составу надлежит помнить, что традиционная модель проведения лекционного занятия, ориентированная лишь на усвоение теоретического материала, без должной связи с практикой, служит причиной когнитивного разрыва. В частности, у слушателей формируются абстрактные знания, неприменимые к конкретным ситуациям, происходящим в реальной жизни.

Для повышения эффективности лекционных занятий рекомендуется активно использовать интерактивные методы обучения, которые способствуют повышению эффективности усвоения учебного материала.

Положительный отклик дает изучение со слушателями актуальной судебной практики по следующему алгоритму: фабула дела → позиции сторон → правовая позиция суда → выводы для будущей деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Демонстрируя на лекционных занятиях реальные процессуальные документы, преподаватель имеет возможность наглядно объяснить типичные ошибки, структурно очертить юридически значимые формулировки.

За счет активизации когнитивной деятельности слушателей повышается интерес к изучаемому материалу, формируются навыки критического мышления и самостоятельного анализа полученной информации.

В рамках осуществления педагогической практики необходимо осознавать, что лекционный формат не должен сводиться исключительно к монологу. Преподаватель обязан стремиться к построению диалога с обучающимися, вовлекая их в дискуссии и обсуждение проблемных вопросов.

Если лекционное занятие позволяет сформировать базу для анализа, то практическое занятие должно стать полигоном для самостоятельного авторства юридически грамотных действий. Преподаватель может предложить слушателям, следуя нормам административного законодательства, квалифицировать конкретное противоправное деяние, изучить процессуальные документы, находя в них ошибки, определить порядок привлечения к административной ответственности. Подобные задания способствуют развитию аналитических способностей, навыков прогнозирования правовых последствий и формированию навыков процессуальной самостоятельности.

Активные методы предполагают равноправное участие преподавателя и слушателя при проведении занятия. Поиск новых форм обучения сотрудников полиции актуализирует настоятельную потребность проведения практических занятий в форме деловой игры. Главное преимущество такого метода обучения заключается в максимальном приближении изучаемых вопросов к реальности и их непосредственной связи с профессиональной деятельностью слушателей.

В рамках деловой игры по теме «Возбуждение дела об административном правонарушении и административное расследование» слушатели, изучая вводную предложенную преподавателем, выполняют роли: сотрудника полиции; лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении; защитника; свидетеля; потерпевшего. Обучающиеся вырабатывают процессуально грамотные решения и фиксируют их. Такой подход обеспечивает межличностное взаимодействие, совершенствует навыки общения и воспитывает в слушателях чувство ответственности за принимаемые решения.

Методам педагогической диагностики отводится особая роль в образовательном процессе. Преподавателю необходимо оценивать уровень понимания материала, следить за развитием профессиональных качеств обучающихся с помощью тестов, собеседований и консультаций. Регулярная диагностика уровня восприятия помогает вовремя вносить коррективы в учебный процесс, тем самым оптимизируя его.

Профессиональное обучение сотрудников полиции играет уникальную роль в формировании правосознания. Это связано с тем, что сотрудники, успешно завершившие обучение, обязаны обеспечивать эффективную работу различных социальных институтов в цивилизованном обществе и способствовать их прогрессивному развитию.

Как отмечается в научных трудах, профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел является интегрированной составляющей правовой

культуры общества, а также существенным условием формирования и развития правового государства [1, с. 41].

Формирование правовой культуры сотрудников органов внутренних дел – педагогическая задача, реализация которой возможна через обсуждение этических дилемм, анализ служебных конфликтов, разбор реальных кейсов.

Особое внимание необходимо акцентировать на актуальности формирования у обучающихся устойчивого правосознания, понимание этики профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, уважение человеческого достоинства.

Рассуждая о методике преподавания дисциплины «Основы административного права», необходимо подчеркнуть, что в условиях дефицита времени, выделенного на освоение указанного предмета, слушателю необходимо не только изучить нормативные предписания, но и овладеть умением действовать в рамках правового поля, применять его положения на практике и юридически грамотно обосновывать принимаемые решения.

В данной связи совершенно справедливым является умозаключение о том, что целью изучения учебной дисциплины «Основы административного права» является не только приобретение и совершенствование профессиональных знаний сотрудником, но и воспитание личности с высоким уровнем правосознания, для которого закон – это не внешнее ограничение, а внутренняя потребность личности.

В заключение необходимо отметить, что преподавание дисциплины «Основы административного права» представляет собой сложный синергетический процесс, объединяющий юридическую точность, психологическую устойчивость и педагогическое мастерство. Преподаватель в этой системе реализует роль старшего товарища и наставника, обеспечивая преемственность поколений и профессиональных традиций. Только такое профессиональное обучение, основанное на сочетании академической строгости и практико-ориентированных инноваций, способно обеспечить прогрессивное развитие правового государства и эффективную защиту интересов граждан.

Список литературы

1. Анисимова Т. В., Белокурова Ю. С. Актуальные вопросы формирования правосознания сотрудников органов внутренних дел российской федерации в рамках профессионального образования (педагогический аспект) // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов : сборник научных трудов. Тверь, 2023.

2. Мальцева Т. В., Михайлова В. К. Использование активных и интерактивных методов обучения в образовательном процессе вуза МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9.

3. Смык Е. И., Калашникова Л. Н. Некоторые особенности формирования профессиональной компетентности у обучающихся образовательных организаций МВД России // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов : сборник научных трудов. Тверь, 2025.

Бочаров С. Н.[1]*,*
профессор кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА А. П. КОРЕНЕВА В ТРУДАХ ЕГО УЧЕНИКОВ

Без малого четверть века прошло с момента безвременного ухода из жизни Алексея Прокофьевича Коренева, прекрасного, доброго и скромного человека, грамотного и талантливого юриста, мудрого, авторитетного, ответственного, заботливого и внимательного руководителя, любимого учителя, наставника и друга.

Кафедра административного права МосУ МВД России, сохраняя традиции научно-педагогического коллектива, который А. П. Коренев возглавлял с 1976 по 2000 г., в память о великом ученом, беззаветно служившим административно-правовой науке, ежегодно проводит Международную научно-практические конференцию (Кореневские чтения), посвященную этому ученому, безоговорочно признанному научным сообществом одним из мэтров отечественной юриспруденции.

Воистину справедливо сказал поэт: «Большое видится на расстоянье», ведь с каждым годом становится все более ясно и очевидно, насколько значимый теоретический и практический потенциал содержат завещанные потомкам и изложенные в печатных трудах идеи и взгляды Алексея Прокофьевича, результаты его исследовательской работы по изучению правовой материи, нормотворческой и правоприменительной деятельности регулятивной и охранительной направленности, сформулированные им обоснованные и аргументированные выводы и предложения по совершенствованию юридического инструментария, а также практики его реализации.

Широта научных интересов А. П. Коренева, глубина, детальность и скрупулезность проработки исследуемых им вопросов, неспешность, последовательность, преемственность, логичность и системность, с которой она осуществлялась, поражают, восхищают и вызывают искреннее и заслуженное уважение современников.

Особенно положительно следует оценить необычайную выдержку и такт Алексея Прокофьевича, проявлянные им при ведении научных дискуссий, его умение искренне, заинтересованно, терпеливо и внимательно не только слушать, но и слышать собеседника, не мешая ему высказывать собственную позицию по спорному вопросу, вынесенному на публичное обсуждение, не подавляя его своим научным авторитетом и не навязывая своего мнения, предоставляя оппоненту возможность свободного выбора и отстаивания иной точки зрения.

Понимая, что никто не обнимет необъятного, Алексей Прокофьевич основное внимание в своей работе уделял наиболее актуальным, краеугольным

[1] © Бочаров С. Н., 2026.

и глобальным вопросам, активно приобщая к исследованиям под своим научным руководством целую плеяду пытливых учеников из разряда молодых начинающих ученых (адъюнкты, соискатели, сотрудники кафедры – всего более 100 человек), предлагая и рекомендуя им на выбор освоить перспективные и значимые как в теоретическом, так и в прикладном смысле направления диссертационных изысканий – с учетом творческих притязаний самих исследователей и исходя из имеющегося у них практического опыта.

Интересуясь различными направлениями юридической науки, А. П. Коренев в своих работах, по мнению большинства специализирующихся на административно-правовой тематике юристов, прежде всего разрабатывал такой элемент механизма административно-правового регулирования общественных отношений, как административно-правовой инструментарий, представленный в виде административных правовых норм. Именно рассмотрению данных норм он посвятил свою докторскую диссертацию, после блестящей публичной защиты которой в 1978 г. опубликовав в издательстве «Юридическая литература» книгу «Нормы административного права и их применение» [1], где тщательному анализу подвергнуты сущность, содержание, система, структура и классификация административных правовых норм; исследован механизм и формы их реализации; рассмотрены проблемы юридической аналогии и усмотрения в процессе правоприменения, юридическая природа и виды выносимых (издаваемых) правоприменительных актов, а также способы толкования реализуемых нормативных установлений.

Нельзя не заметить, что последствия данной работы ученого носили не просто прогрессивный, а, можно с уверенностью сказать, действительно революционный характер, положив начало кардинальному перевороту в регулировании материального и процессуального сегментов административно-деликтных правоотношений посредством кодификационной систематизации соответствующих правовых норм. Закономерным ее итогом явилось то, что Кореневские идеи, выводы и предложения нашли реальное воплощение в общесоюзных и республиканских законодательных кодифицированных актах об административной ответственности.

Воплощая в действительность положения научной школы А. П. Коренева по формированию и обособлению деликтной части административно-правового инструментария в самостоятельную правовую отрасль, обладающую характерными сущностными признаками в виде собственного предмета и метода правового регулирования, и продолжая ее дальнейшее совершенствование, на Кореневской кафедре были подготовлены и получили положительную научную оценку диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата юридических наук по следующей тематике: «Теоретические проблемы кодификации административного права России» (М. В. Костенников); «Административно-процессуальное законодательство и проблемы его кодификации» (М. И. Кононов); «Теоретико-правовые проблемы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях» (Ю. И. Попугаев); «Взаимосвязь норм законодательства об административных правонарушениях» (С. А. Малахов); «Особенности производства по делам об административных правонарушениях в сфере миграции в Республике Таджикистан и Российской Федерации (сравни-

тельно-правовое исследование)» (Б. А. Файзуло); «Административная ответственность за оскорбление» (А. А. Аратова); «Административная ответственность за правонарушения в области оборота информации» (Н. Т. Джафарова) и др.

В то же время, предвидя будущие политические, экономические и социальные перемены общественной жизни, А. П. Коренев не ограничивал возможности кодификации административно-правового инструментария его деликтным сегментом, высказывая еще в 1962 г. смелые и прогрессивные идеи о необходимости широкой кодификации административного законодательства, предлагая распространить кодификационный процесс на процессуальную часть норм административного права [2], объединяемых по мере необходимости в группы позитивных административно-правовых институтов, убежденно полагая, что именно с них целесообразно начать данную кодификационную работу, так как, во-первых, они менее подвержены изменениям, нежели нормы материальные, а во-вторых, порядок реализации различных материальных норм регулятивного содержания, по большому счету, совпадает: возбуждение индивидуального управленческого дела; сбор, оценка доказательств по делу и фактическое формирование дела; рассмотрение индивидуального управленческого дела; принятие по такому делу управленческого решения (индивидуального правового акта); исполнение принятого решения; обжалование принятого решения, а присущая такому порядку некоторая специфика, обусловливается только конкретным видом позитивного административно-правового института.

Давая характеристику творческому наследию А. П. Коренева, было бы несправедливо обойти стороной такие два его вектора, как организация и осуществление управления органами внутренних дел и государственное управление в различных сферах и областях.

Относительно первого направления прежде всего обратим внимание на впервые подготовленный авторским коллективом кафедры АП и АСД ОВД под редакцией А. П. Коренева учебник «Основы управления в органах внутренних дел» [3], который по праву получил положительные отзывы не только в научной среде, но и у практических сотрудников и, став весьма востребованным, в измененных и дополненных вариантах продолжает издаваться до настоящего времени [4], что убедительно и наглядно свидетельствует о его качестве.

Кроме того, безукоризненное знание управленческой материи и так называемой управленческой кухни правоохранительной деятельностью неоднократно выражалось в оказании членами кафедры под командой Алексея Прокофьевича практической помощи практикам по адаптации системного, структурного и статусного построения органов внутренних дел, периодически нуждающегося в серьезных организационных переменах и правовом корригировании. В частности, в начале 90-х гг. прошлого столетия по заказу руководства Первомайского РУВД г. Москвы группа кафедральных сотрудников (А. П. Коренев, С. Н. Бочаров, Н. И. Буденко, Г. П. Герт, В. Р. Кисин и В. В. Селиванов) разработали вариант обновленного системного построения столичных органов внутренних дел, обусловленный изменением административно-территориального деления города, значительная часть которого была успешно воплощена в действительность и функционирует по сей день.

Что же касается другого направления научного интереса А. П. Коренева и его последователей, обозначенного как государственное управление в различных сферах и областях, где в большей степени все же преобладают сферы, подотчетные органам внутренних дел и иным правоохранительным структурам, обеспечивающих в стране общественный порядок и различные сегменты безопасности, то, полагаем, для его представления в формате настоящей статьи вполне уместно и достаточно обозначить некоторые диссертационные работы, свидетельствующие о неснижающейся активности в исследовании этих вопросов: «Административный договор и его использование в деятельности органов внутренних дел» (А. А. Абдурахманов); «Организация и тактика административно-правовой борьбы с групповыми нарушениями общественного порядка» (С. Н. Бочаров); «Меры административно-процессуального принуждения и их применение (по материалам деятельности органов внутренних дел)» (В. Р. Кисин); «Административно-правовая охрана свободы совести» (А. С. Ловинюков); «Применение органами внутренних дел (милицией) административно-правовых мер борьбы с нарушениями законодательства о предпринимательской деятельности граждан» (В. В. Покозий); «Гарантии законности в административной деятельности милиции» (В. А. Поникаров); «Правовые и организационные основы деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка» (А. А. Савостин); «Усмотрение в административной деятельности советской милиции»; «Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации» (Ю. П. Соловей).

В этот перечень также можно включить рукописи диссертаций, монографии и прочие научные публикации Н. И. Буденко, Ю. Д. Гапеенко, А. И. Дворяка, В. Г. Дорогина, О. В. Зиборова, Б. Ф. Калачева, Б. Н. Комахина, А. Е. Маслова, М. И. Никулина, В. А. Поникарова, В. Е. Помаскина, Н. В. Румянцева и многих других авторов, включая ученых Закавказья, Прибалтики, Средней Азии.

Итак, очевидно, что научное наследие А. П. Коренева живет и развивается, его идеи сохраняют значимость, актуальность и востребованность для тех, кто изучает и преподает административно-правовые дисциплины, а также для практикующих юристов, призванных применять действующие нормативные установления согласно замыслу законодателя, в интересах всего общества и конкретного человека. Оно также важно для ученых, на которых возложена ответственная задача – обеспечить с правовых позиций эффективность государственного управления.

Список литературы

1. Коренев А. П. Нормы административного права и их применение. М. : Юридическая литература, 1978.

2. Коренев А. П. Вопросы кодификации Общей части советского административного права // Вестник Ленинградского государственного университета. 1962. № 5.

3. Основы управления в органах внутренних дел : учебник для образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России / [И. Н. Буденко и др.] ; под ред. А. П. Коренева. 4-е изд., изм. и доп. М. : Щит-М, 1999.

Брылева Т. О.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Потапенкова И. В.,
заместитель начальника
кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМА КАТЕГОРИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ В КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время контрольная (надзорная) деятельность является одним из приоритетных направлений государственной политики. Данное положение обусловлено проведением реформы контрольной (надзорной) деятельности, изменением механизмов воздействия, а также появлением новых инструментов, которые направлены на повышение результативности и эффективности контроля (надзора). Одним из таких инструментов является риск-ориентированный подход. Цель его применения обусловлена оптимизацией ресурсов, которые задействованы в ходе государственного контроля (надзора), а также снижением административной нагрузки на подконтрольных объектах (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей).

Понятие рискориентированного подхода находит отражение в федеральном законодательстве, документах стратегического планирования, определяющих специфику применения данного подхода к конкретному направлению деятельности контрольного (надзорного) органа.

Например, в ст. 8.1. Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» риск-ориентированный подход определяется как метод организации государственного контроля (надзора), при котором периодичность проведения различных форм воздействия (проведение контрольных (надзорных), профилактических мероприятий) варьируется в зависимости от категории риска. Данное определение применимо к любому направлению контроля (надзора), является универсальным.

В Указе Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» дается

[1] © Брылева Т. О., 2026.

понятие рискориентированного подхода применимого к конкретному направлению деятельности – обеспечению безопасности дорожного движения.

В условиях современных реалий риск-ориентированный подход в системе государственного контроля (надзора) следует трактовать не только как метод его организации, но и как основу системы управления в данной сфере, принцип организации деятельности, средство оптимизации контроля (надзора) [4, с. 74].

Риск-ориентированный подход включает в себя ряд составных элементов, которые составляют основу его применения. К ним относятся: индикаторы риска нарушения обязательных требований, система оценки и управления рисками. В рамках настоящего исследования нами будут рассмотрены некоторые аспекты категорирования подконтрольных объектов, которые также входят в состав элементов рискориентированного подхода и составляет его основу.

Исходя из анализа деятельности отдельных контрольных (надзорных) органов в сфере применения рискориентированного подхода, следует констатировать наличие общей тенденции: уменьшение количества контрольных (надзорных) мероприятий и увеличение роли профилактического воздействия.

Изложенные тенденции соответствуют целям внедрения рискориентированного подхода в контрольную (надзорную) деятельность на современном этапе. Анализ данных свидетельствует об изменении самой формы реализации федерального государственного контроля (надзора), смещение акцента на профилактику нарушения обязательных требований. Однако в рамках профилактического воздействия применяются стандартизованные, формализованные механизмы в отношении подконтрольных объектов, которые направлены на широкий круг лиц.

На основе анализа программ профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям отдельных контрольных (надзорных) органов нами были определены основные формы профилактического воздействия: информирование, консультации. Они направлены на широкий круг лиц, могут осуществляться без учета индивидуализирующих особенностей подконтрольного объекта. Кроме того, следует учитывать нестабильный характер данных (например, накопительный характер рисков в сфере экологического контроля (надзора). В связи с чем возникает ряд закономерных вопросов: будут ли увеличиваться показатели обеспечения безопасности без применения индивидуального подхода и не увеличится ли количество латентных нарушений обязательных требований?

Главным рисков в сфере применения рискориентированного подхода контрольными (надзорными) органами является искажение системы категорирования объектов, когда категория риска присваивается не от реальной опасности, а для улучшения показателей отчетности. Причины искажения системы категорирования следует разграничивать в зависимости от субъектов контрольной (надзорной) деятельности: *со стороны подконтрольных лиц* изменение показателей связано с желанием избежать внимания контрольных (надзорных) органов в контроле за их деятельностью; снизить затраты на поддержание надлежащего уровня безопасности; *со стороны контрольных (надзорных) органов* следует отметить возможность наличия коррупционной составляющей, когда объекту присваивается категория риска за получение денежного вознагражде-

ния; применение формального подхода к категорированию риска, без учета индивидуальных характеристик; умышленное снижение категории для улучшения показателей отчетности; следует учитывать ряд *организационных положений*, которые могут негативно сказываться на системе категорирования: ненадлежащий уровень интеграции данных в части межведомственного взаимодействия; слабая степень развития информационных технологий.

В связи с этим налицо актуальная необходимость совершенствования системы категорирования и оценки рисков, внедрения информационных технологий для автоматизации процессов категорирования, а также ужесточение ответственности за предоставление недостоверных данных как проверяемыми, так и проверяющими. Для обеспечения эффективности данного направления необходимо наличие организованной и отлаженной системы. Поэтому наиболее оптимальным в деятельности контрольных (надзорных) органов, которые применяют риск-ориентированный подход, видится создание подразделений (специализаций), которые будут осуществлять деятельность, связанную с оценкой и управлением рисками, их категоризацией на подконтрольных объектах.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru.

2. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru.

3. Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2023 г. № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru.

5. Брылева Т. О. Риск-ориентированный подход контрольно-надзорной деятельности: современное состояние и перспективы развития // Государственная служба и кадры. 2025. № 3. С. 71–74.

Бушуев И. В.[1]*,*
начальник кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала
Ростовского юридического
института МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА: ЕДИНАЯ КОДИФИКАЦИЯ И РАЗДЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУР И СУДОПРОИЗВОДСТВА

Административный процесс как самостоятельная форма публичного правового регулирования представляет собой комплекс процедурных отношений, возникающих в сфере исполнительной власти и направленных на реализацию управленческих функций государства. В современной доктрине административного права наблюдается активное обсуждение оптимальных моделей его нормативно-правового оформления, среди которых выделяются единая кодификация, характерная для стран постсоветского пространства, и раздельное регулирование административных процедур и судебного производства, доминирующее в странах континентальной Европы. Единая кодификация предполагает консолидацию всех процессуальных норм в одном кодифицированном акте, что обеспечивает системность и целостность правового регулирования, однако порождает риски чрезмерной унификации разнородных отношений [1, с. 43–50]. Напротив, раздельная модель разделяет внесудебные административные процедуры и юрисдикционные механизмы, позволяя учитывать специфику каждого типа отношений, но усложняя межнормативные связи. Процессуальные правовые нормы тесно связаны с материальными нормами, что предопределено их принадлежностью к одной системе права – национальному праву. Своеобразие процессуальных норм заключается в том, что они обусловлены не только особенностями социально-правовой среды, но и особенностями материальных норм той отрасли права, с которой они наиболее тесно связаны и потребности которой обслуживают [2, с. 16–21].

Теоретические подходы к пониманию административного процесса эволюционировали от отождествления его с юрисдикционной деятельностью к признанию комплексной природы, охватывающей как внесудебные, так и судебные процедуры. В постсоветских странах, включая Россию, преобладает концепция единого административного процесса, закрепленная в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) и отраслевых регламентах, где административное производство рассматривается как предшествующая судебному рассмотрению стадия [3, с. 66–67]. Такая модель кодификации, унаследованная от советского права, обеспечивает преемственность и упрощает правоприменение, однако игнорирует специфику внесудебных процедур, не требующих юрисдикционного характера. Здесь нужно отметить, что с конца XIX в. развитие административного права в разных правовых си-

[1] © Бушуев И. В., 2026.

стемах показывает: первый опыт частичной кодификации норм административного права был накоплен путем принятия кодифицированных актов в отдельных отраслях публичного управления. Со второй половины XX в. осуществляется кодификация административных процедур, являющаяся по существу частичной кодификацией Общей части административного права. Частичной кодификации предшествовало формирование судебной доктрины принципов административного права, которые впоследствии были восприняты законодателем. Такое постепенное становление общих принципов административного права (от судебной практики к законодательству) свойственно правовым системам многих стран. В Германии и Франции административные процедуры, к примеру, регулируются специальными законами (VwVfG, Code des relations entre le public et l'administration), а судопроизводство – отдельными кодексами, что способствует дифференциации норм и повышению эффективности [4, с. 617–635].

Сравнительный анализ моделей выявляет преимущества и недостатки каждой. Единая кодификация, реализованная в Казахстане (Административно-процессуальный кодекс РК) и Армении, обеспечивает унификацию принципов законности, гласности и состязательности, минимизируя коллизии и упрощая обучение правоприменителей [1, с. 43–50]. Однако такая модель приводит к чрезмерной формализации внесудебных процедур, искусственно наделяя их процессуальными атрибутами, характерными для судопроизводства, что замедляет административное делопроизводство. Раздельное регулирование, напротив, позволяет оптимизировать внесудебные процедуры для оперативности (например, принцип срочности в EU Administrative Procedure Regulation), сохраняя для судебного производства гарантии независимости и равноправия сторон [5, с. 89–97]. Недостатком раздельной модели выступает фрагментация правового поля, требующая постоянного согласования норм, что усложняет практику в федеративных государствах.

В российском праве наблюдается тенденция к гибридному подходу: КАС РФ регулирует исключительно судопроизводство, а административные процедуры регулируются федеральными законами и подзаконными актами, что соответствует европейским стандартам, однако сохраняет элементы единой кодификации в отраслевых кодексах, как, к примеру, КоАП РФ. Проблемы кодификации административно-процессуального законодательства связаны с отсутствием единого базового акта, что приводит к дублированию норм и пробелам в регулировании [6, с. 34–42]. Перспективы развития предполагают разработку отдельного Кодекса административных процедур для внесудебных отношений с последующей гармонизацией с КАС РФ, что, несомненно, позволит реализовать принципы цифровизации и онлайн-процедур [7, с. 251–260].

Опыт постсоветских государств демонстрирует риски чрезмерной кодификации: в Беларуси единый Кодекс административного процессуального производства привел к бюрократизации процедур, снижению оперативности исполнительной власти [2, с. 16–21]. В странах ЕС раздельная модель доказала эффективность в условиях децентрализации, где административные органы действуют автономно, а суды обеспечивают контроль. В России необходим баланс: сохранение единства принципов с раздельным регулированием, что мо-

жет быть достижимо через внесение изменений в КАС РФ и создание федерального закона об административных процедурах [8, с. 60–63].

Современные вызовы цифровизации и трансграничного администрирования требуют пересмотра традиционных моделей. Единая кодификация затрудняет интеграцию электронных процедур, в то время как раздельная модель гибко адаптируется к цифровым платформам, таким, как, к примеру, немецкий Onlinezugangsgesetz. Таким образом, в перспективе для постсоветского пространства оптимальным выступает переход к раздельному регулированию с сохранением общих принципов в базовом законе, что, несомненно, повысит эффективность административного процесса и гармонизирует его с международными стандартами [3, с. 66–67].

Список литературы

1. Демин А. А. Понятие административного процесса и кодификация административно-процессуального законодательства российской федерации // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 4.

2. Нугманова Э. А. Особенности, виды и кодификация административно-процессуальных норм // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2008. № 4 (12). С. 16–21.

3. Доброхотов М. Ю., Дерюга А. Н. Кодификация административного законодательства: проблемы и перспективы // Legal Concept. 2018. № 1. С. 66–67.

2. Васильева А. Ф. Кодификация общих принципов административного права // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2024. № 3. С. 617–635.

3. Севрюгин В. Е. О современном понимании и сущности административного процесса // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 89–97.

4. Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса // Право и управление. XXI век. 2021. № 12. С. 34–42.

5. Беляев В. П., Нинцева Т. М. Административное судопроизводство как юрисдикционный процесс: общетеоретический подход // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 2. С. 251–260.

6. Арсланбекова А. З., Муртазалиев М. М. Проблемы кодификации административно-процессуального законодательства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. № 2. С. 60–63.

Василенко Г. Н.[1]*,*
заместитель начальника
кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ имени Г.В. Плеханова,
кандидат юридический наук, доцент

Василенко Н. Г.[2]

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОДРОСТКОВОЙ ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ: ДЕЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Актуальность научных исследований подростковой делинквентности традиционно находится в сфере интересов криминологической науки. Однако хронология резонансных происшествий с участием подростков в последнее десятилетие наглядно демонстрирует отсутствие реально действующих государственных, организационно-правовых, управленческих механизмов предупреждения такого рода проявлений. Соответствующие превентивные меры давно следовало назвать экстренными. В теории административного права научно обосновано существование института специальных административно-правовых режимов. Так вот, одним из основных признаков таких режимов является их экстраординарный характер. Введение подобных режимов с повышенным уровнем ограничения прав и свобод человека и гражданина оправдано интересами общественной безопасности в условиях реальной угрозы жизни и здоровью людей, которую сегодня мы наблюдаем не эпизодически, а систематически.

Для понимания масштабов угрозы приведем наиболее резонансные случаи проявления подростковой делинквентности в образовательной среде [1].

18 марта 2016 г. в школе города Находка Приморского края молодой человек ударил ножом 15-летнюю ученицу в кабинете директора школы, а затем совершил самоубийство. От полученных ранений девушка скончалась.

11 февраля 2017 г. 14-летний ученик школы № 1 г. Нижнекамска выстрелил в соседа по парте из пневматического пистолета. 17 февраля подросток скончался в больнице.

5 сентября 2017 г. 15-летний ученик школы № 1 подмосковной Ивантеевки напал на учительницу информатики, открыв стрельбу из пневматического оружия. Он также забросил в класс несколько дымовых шашек. Были госпитализированы четыре человека – учительница и трое девятиклассников, которые, испугавшись, выпрыгнули из окон.

[1] © Василенко Г. Н., 2026.
[2] © Василенко Н. Г., 2026.

18 декабря 2017 г. на спортивной площадке одной из школ в микрорайоне Юбилейный г. Иркутска 16-летний подросток в ходе ссоры ударил своего 15-летнего оппонента ножом. Пострадавший скончался.

15 января 2018 г. в школе № 127 г. Пермь между подростками произошла драка с применением холодного оружия. Пострадали 15 человек, из которых 12 были госпитализированы. Среди них была 47-летняя учительница. В больницу ее доставили в тяжелом состоянии.

17 января 2018 г. 16-летний школьник деревни Смолино Челябинской области ранил ножом 17-летнего одноклассника в ходе драки. Пострадавший был госпитализирован с непроникающим ножевым ранением.

19 января 2018 г. 15-летний подросток устроил резню в школе № 5 в поселке Сосновый Бор под Улан-Удэ. От действий подростка, вооруженного туристическим топориком, штык-ножом и бутылкой с зажигательной смесью, пострадали семь человек, включая двух учительниц, с одной из которых у него был конфликт. При задержании школьник пытался покончить с собой, нанеся себе несколько ножевых ранений.

20 февраля 2018 г. во дворе одной из школ Заволжского района г. Ярославля подросток открыл стрельбу из пневматики. На тот момент стрелку было 15 лет. Пострадавших не оказалось.

21 марта 2018 г. 13-летняя ученица школы № 15 г. Шадринск Курганской области открыла стрельбу из пневматического пистолета по одноклассникам. Пострадали семь человек.

18 апреля 2018 г. в школе № 1 в башкирском Стерлитамаке 17-летний ученик напал на одноклассников и преподавателя, ударил себя ножом и поджег помещение. Четверо пострадавших были госпитализированы в состоянии средней тяжести.

17 октября 2018 г. 18-летний студент взорвал самодельное взрывное устройство и устроил стрельбу из ружья в керченском политехническом колледже. 21 человек погиб, включая самого нападавшего, совершившего самоубийство. Еще 67 человек получили ранения.

4 марта 2019 г. в Темрюкском районе Краснодарского края 15-летний ученик местной школы обстрелял пятерых учащихся из пневматического пистолета. Все пострадавшие получили ссадины, гематомы.

14 ноября 2019 г. произошла стрельба в Амурском колледже строительства и коммунального хозяйства в Благовещенске. Один учащийся погиб. Нападавший, 19-летний студент колледжа, покончил с собой после того, как его заблокировали в одной из аудиторий.

11 мая 2021 г. в Казани произошла стрельба в гимназии № 175. Погибли 7 восьмиклассников и 2 учительницы, пострадали более 20 человек. 19-летний нападавший, бывший ученик этой школы, был арестован.

20 сентября 2021 г. в Пермском государственном университете студент первого курса устроил стрельбу, в результате которой погибли 6 и получили различные ранения и травмы 47 человек. Сам нападавший был ранен и задержан.

26 сентября 2022 г. в Ижевске в школе № 88 произошла стрельба. 18 человек погибли, около 25 получили ранения. Нападение совершил 34-летний выпускник школы. После стрельбы он покончил с собой.

7 декабря 2023 г. 14-летняя ученица гимназии № 5 в Брянске открыла стрельбу из охотничьего ружья отца. В результате нападения погибла одна школьница, пять человек пострадали, а сама стрелявшая совершила самоубийство.

16 сентября 2024 г. 13-летний ученик школы № 68 в Челябинске напал на одноклассников и педагога с молотком и ножом. Пострадали трое детей и учитель.

23 сентября 2024 г. 13-летний ученик школы № 1 в поселке Балаганск Иркутской области напал на одноклассников с молотком и ножом. В результате трое детей получили легкие ранения.

6 декабря 2024 г. ученик школы № 94 в Краснодаре во время драки ранил ножом пятерых подростков, трое из которых были госпитализированы.

11 марта 2025 г. восьмиклассник школы № 117 в Нижнем Новгороде напал с ножом на двух одноклассников на уроке русского языка.

15 декабря 2025 г. ученик девятого класса школы № 191 в Санкт-Петербурге нанес ножевые ранения своей учительнице из-за конфликта по поводу оценки. Затем он попытался покончить с собой. Обоих госпитализировали.

16 декабря 2025 г. в школе в поселке Горки-2 Одинцовского городского округа подросток напал на учащихся. Он ранил ножом охранника и убил ребенка.

22 января 2026 г. вооруженный подросток напал с ножом на уборщицу и ранил ее, а также вел стрельбу из сигнального устройства в лицее № 37 в Нижнекамске.

Следует осознать, что каждый из указанных эпизодов должен восприниматься не только как личная трагедия его участников, но и как чрезвычайная ситуация государственного масштаба, требующая немедленного соответствующего реагирования и что важнее – упреждения.

На основании приведенных примеров можно выделить несколько ключевых тенденций и характеристик нападений в российских школах и учебных заведениях за период с 2016 по 2026 г.

Хронология и частота инцидентов:

– 2016–2017. Единичные, но часто смертельные случаи (Находка, Нижнекамск, Иркутск);

– 2018. Резкий всплеск количества нападений (не менее 7 инцидентов за год). Это год массовых инцидентов в Перми, Улан-Удэ и Керчи;

– 2019–2020. Относительное затишье после керченской трагедии, но инциденты продолжаются (Темрюк, Благовещенск);

– 2021–2022. Новая волна нападений с применением огнестрельного оружия и большим числом жертв (Казань, Пермский университет, Ижевск);

– 2023–2026. Инциденты продолжаются с разной степенью тяжести. Появляются случаи с участием девушек-нападавших (Брянск), а также серия нападений с молотком и ножом среди младших подростков (Челябинск, Балаганск).

Тип оружия:

– холодное оружие (нож, топор) – наиболее распространенный тип (Горки-2, Пермь, Улан-Удэ, Стерлитамак, Краснодар, Нижний Новгород и др.). Часто использовался в спонтанных конфликтах или целенаправленных нападениях;

– огнестрельное оружие – применялось в инцидентах с наиболее тяжкими последствиями (Керчь, Казань, Пермский университет, Ижевск, Брянск). В нескольких случаях это было охотничье оружие, принесенное нападавшими из дома;

– пневматическое оружие – реже приводило к смертельным исходам, но создавало панику и опасность сопутствующих травм (Нижнекамск, Ивантеевка, Ярославль, Шадринск, Темрюк);

– подручные средства/иное – молоток (Челябинск, Балаганск), зажигательная смесь (Улан-Удэ), дымовые шашки (Ивантеевка).

Профиль нападавших:

– возраст – преимущественно подростки 13–19 лет, учащиеся или недавние выпускники учебных заведений;

– мотивация – межличностные конфликты со сверстниками или учителями (Находка, Иркутск, Санкт-Петербург); неразделенная любовь (Находка); колумбайн-подобные атаки с целью массовых жертв (Керчь, Казань, Пермь (университет), Ижевск). Часто сопровождались суицидом нападавшего; выяснение отношений, драки (Пермь (школа), Краснодар); шантаж и требование денег (Темрюк); психические расстройства (ряд инцидентов, где нападавшие направлялись на принудительное лечение или имели соответствующий анамнез, как в Челябинске);

– пол – подавляющее большинство юноши. Зафиксированы единичные случаи с девушками-нападавшими (Шадринск, Брянск).

Правовые последствия.

В рамках правового воздействия нападавшие, выжившие и достигшие возраста уголовной ответственности, получали уголовное наказание в виде лишения свободы (вплоть до пожизненного) или направлялись на принудительное лечение. Кроме того, родители нападавших привлекались к юридической ответственности за ненадлежащее хранение оружия, как например, в Брянске. Работники образовательных организаций, частных охранных структур становились фигурантами уголовных дел в связи с необеспечением должного контроля (Нижний Новгород, Челябинск, Балаганск).

К общим тенденциям нападений в российских школах и учебных заведениях за рассматриваемый период можно отнести следующие:

– эскалация насилия. Наблюдается переход от драк и единичных нападений к спланированным массовым атакам с большим числом жертв (скулшутинг);

– омоложение нападавших. В 2024 г. произошли нападения, совершенные 13-летними подростками;

– копирование сценариев. Четко прослеживается эффект подражания, особенно после трагедий в Керчи и Казани;

– системные проблемы. Инциденты выявляют пробелы в системе безопасности учебных заведений, работе с подростками в состоянии психологического кризиса, контроле за оборотом оружия и межведомственном взаимодействии;

– широкий спектр причин. Невозможно выделить единую причину. Каждый случай – симбиоз из личностных проблем подростка, возможных психических расстройств, травли, конфликтов и влияния деструктивного интернет-контента.

Таким образом, акты массового насилия в образовательных учреждениях России, участившиеся в последнее десятилетие, представляют собой сложный социально-криминологический феномен. Традиционные правовые и организационные меры реагирования оказываются очевидно запоздалыми и не предотвращают новые трагедии.

Деликтологический анализ эмпирических данных позволяет выделить два основных типа деяний:

1. Спонтанно-агрессивные, вытекающие из ситуативных конфликтов. Для них характерно применение подручных средств, минимальное планирование, личный мотив.

2. Спланированные деструктивные акты, где насилие является самоцелью, а мотивация формируется под влиянием деструктивной субкультуры, идеологии ненависти или глубокой личностной деформации. Именно этот тип представляет наибольшую общественную опасность и сложность для профилактики.

Результаты анализа подтверждают, что проблема школьного насилия в России носит устойчивый характер, требующий комплексных мер не только в области физической безопасности, но и в сферах образования, психического здоровья молодежи и социальной политики.

В связи с вышеизложенным, учитывая необходимость экстренного реагирования на сложившуюся ситуацию, предлагаем оперативно наладить и реализовать организационно-правовую модель двухуровневой профилактики подростковой делинквентности в образовательной среде.

Уровень 1. Общая популяционная профилактика. Направлена на формирование правосознания, эмпатии и навыков ненасильственного разрешения конфликтов у детей дошкольного и младшего школьного возраста. Старший подростковый возраст, характеризующийся кризисом идентичности и максимализмом, маловосприимчив к прямым воспитательным мерам общего характера.

Уровень 2. Селективная профилактика и раннее выявление. Нацелен на идентификацию и работу с группой конкретного риска. Для этого предлагается создать специализированный сервис на базе портала «Госуслуги» или платформы «МАХ». Цель сервиса – предоставить учащимся, родителям, педагогам оперативный канал для анонимного или конфиденциального сообщения о тревожных признаках в поведении подростка (угрозы, интерес к оружию и сценариям насилия, высказывания ненависти, социальная изоляция, подготовка к акту возмездия).

Полученный через предлагаемый сервис сигнал должен запускать следующий алгоритм:

1. Верификация и оценка риска силами психолого-педагогической службы и сотрудников правоохранительных органов.

2. Принятие решения о постановке на специальный негласный учет в случае подтверждения высокого уровня риска. О постановке на учет правоохранительными органами должны знать только директор образовательного учреждения

и штатный психолог, с которыми заключается подписка о неразглашении под угрозой уголовной ответственности (по аналогии со ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления» или ст. 310 УК РФ «Разглашение данных предварительного расследования» [2] с необходимыми законодательными дополнениями).

3. Организация негласного оперативного мониторинга активности подозреваемого в виртуальном пространстве (с соблюдением требований ФЗ-152 «О персональных данных» [3] и на основе судебного решения), а также в реальной жизни. Цель – не сбор компрометирующих данных, а документирование конкретных действий, содержащих признаки приготовления к преступлению (приобретение оружия и комплектующих, изготовление взрывных устройств, детальное планирование места и времени нападения).

4. Своевременное пресечение активности на стадии приготовления или покушения, возбуждение уголовного дела.

5. Превентивная огласка после вступления приговора в законную силу. По окончании суда в целях общей превенции необходимо широкое, но этичное освещение обстоятельств дела, механизма раскрытия и неотвратимости наказания, разрушающего миф о вседозволенности и нивелирующего романтизированный образ мстителя-одиночки.

В интересах эффективного предупреждения подростковой делинквентности в образовательной среде необходима постоянная корректировка криминологического портрета преступника как инструмент селекции.

Для повышения эффективности выявления на основе анализа эмпирических данных необходим актуальный типовой профиль (портрет) потенциального нарушителя, включающий: социальные признаки: возраст 1–18 лет; статус изгоя или наличие серьезного конфликта в школьном коллективе; проживание как в крупных городах, так и в малых населенных пунктах; часто – неполная или дисфункциональная семья; поведенческие маркеры: резкое снижение успеваемости, уход в себя, интерес к темам смерти, насилия, предыдущего скулшутинга; коллекционирование информации об оружии; публикации с высказываниями ненависти, обиды, безысходности; попытки приобретения или изготовления средств нападения; психологические черты: высокая тревожность, депрессивные симптомы, неумение конструктивно разрешать конфликты, чувство унижения и несправедливости.

Такой портрет – не ярлык, а инструмент для фокусировки внимания психологов и оперативных служб правоохранительных органов.

В рассматриваемом контексте необходимо признать следующий деликтологический вывод: запреты доступа к компьютерным играм, социальным сетям или определенному интернет-контенту не решают проблему, а лишь затрудняют оперативный мониторинг цифрового следа потенциального преступника. Преступник всегда найдет для оправдания своей ненависти иную основу – от межличностной обиды до псевдоидеологических конструкций. Таким образом, цифровая среда должна рассматриваться не как источник угрозы, а как критически важное оперативное поле для раннего выявления рисков.

Таким образом, предложенная модель переводит профилактику подростковой преступности против жизни и здоровья из плоскости общих запретов и за-

поздалого реагирования в плоскость точной, адресной работы с рисками. Она базируется на интеграции возможностей цифрового государства (портал «Госуслуги», «MAX»), системы образования и правоохранительных органов при строгом соблюдении правовых рамок и конфиденциальности. Ключевыми условиями успеха являются законодательное закрепление механизма негласного учета в образовательной среде, подготовка кадров и смещение акцента с карательной на превентивную парадигму, где конечная цель – не наказание, а предотвращение трагедии.

Список литературы

1. Электронный ресурс. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8293040/.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451.

Василенко Ю. С.[1],
преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР ПОЛИЦИИ. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Одним из основных направлений деятельности полиции является обеспечение общественной безопасности и поддержание порядка, выявление лиц, склонных к совершению противоправного поведения и применения к ним профилактических мер воздействия.

С целью выявления потенциальных угроз общественной безопасности повышенное внимание сотрудников органов внутренних дел обращено на лиц с криминальным прошлым. Для реализации мер профилактического характера с целью предотвращения совершения ими повторных противоправных действий, влекущих административную или уголовную ответственность, в отношении лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы, применяется административный надзор, включающий в себя ряд ограничительных мер. К числу таких ограничений относятся запреты пребывания в определенных местах; посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток; выезд за установленные судом пределы территории [1].

В своей повседневной деятельности сотрудники полиции осуществляют контроль и анализ образа жизни и поведения поднадзорного лица. Важно учитывать тот факт, что лица, относящиеся к данной категории, могут оказывать негативное влияние и способны вовлекать других людей, предрасположенных к нарушению норм и правил, в совершение противоправных деяний. Проведение индивидуального профилактического подхода позволяет своевременно выявить девиантное поведение и предотвратить рецидив преступности.

Несмотря на распределение полномочий отдельных подразделений и должностных лиц, в процессе реализации требований нормативных актов, регламентирующих деятельность административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, возникают определенные сложности, связанные с осуществлением контроля за соблюдением наложенных на них судом ограничений.

Возможность применения современных технических средств контроля, таких как системы распознавания лиц и видеонаблюдения, отслеживание геолокаций, могла бы повысить эффективность сбора данных о местонахождении лиц, находящихся под действием административного надзора и имеющих огра-

[1] © Василенко Ю. С., 2026.

ничения и запреты пребывания в определенных местах и в определенное время. Это позволило бы сотрудникам правоохранительных органов оперативно фиксировать нарушения и своевременно применять к ним меры индивидуального профилактического воздействия.

В настоящее время особую актуальность приобретает внедрение технологий искусственного интеллекта. С его помощью анализируется большой объем информации, что может иметь важное значение в реализации своих функций сотрудниками правоохранительных органов. Большую роль играют системы распознавания лиц и транспортных средств.

В рамках реализации мер по контролю за соблюдением установленных судом ограничений в отношении поднадзорных лиц целесообразно применение систем распознавания лиц при проведении мероприятий с массовым участием граждан. Из большого потока система искусственного интеллекта сможет выявить лиц, находящихся в розыске, а вместе с ними и лиц, имеющих предписанные судом ограничения. Это существенно упростит процесс выявления сотрудникам полиции нарушителей, останется лишь произвести задержание опознанных лиц.

Кроме того, не менее результативно отслеживание передвижения транспортных средств под управлением поднадзорных лиц, нарушающих установленные судом ограничения (пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток) [2].

Использование дистанционных методов осуществления контроля за поднадзорными лицами, документирование их нарушений позволит минимизировать затраты служебного времени, что особенно актуально ввиду некомплекта в системе МВД России.

Немаловажным остается вопрос *интегрирования систем искусственного интеллекта в уже созданную единую систему информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России. Обобщенные данные позволят сотрудникам органов внутренних дел безотлагательно реагировать на совершенные поднадзорными лицами противоправные действия.*

Рецидивная преступность оказывает влияние и на безопасность граждан. Существуют проблемы в социальной и психологической адаптации осужденных, об этом говорит повторность совершения преступных действий.

К социальным факторам относится низкий уровень жизни, отсутствие надлежащего образования, специализации, и впоследствии трудоустройства, влияние криминального прошлого, недостаточная поддержка со стороны близких, предвзятое отношение со стороны общества.

К психологическим относят отсутствие мотивации и навыков самоконтроля. В некоторых случаях лишение свободы делает проблемы осужденных более сложной: не формируется уважительное отношение к обществу и установленным правилам и нормам, что приводит к рецидиву преступности.

Систематическая индивидуальная профилактика, являясь важной частью осуществления административного надзора, зачастую оказывается не совсем эффективной. Важно отметить, что применение только индивидуально-

профилактических мероприятий не приведет к действенным результатам. Необходим комплексный подход и сотрудничество всех заинтересованных сторон: тесное взаимодействие с социальными службами и учебными заведениями. Как замечает С. В. Фролов в работе «Деятельность участковых уполномоченных полиции и административная юрисдикция», «период ресоциализации и социальной адаптации должен в полной степени реализовываться по всем направлениям» [3, с. 59–61].

Подводя итог, нужно подчеркнуть, что систему профилактического воздействия на лиц, в отношении которых установлен административный надзор, необходимо постоянно совершенствовать в реалиях нашего времени. Улучшение поддержки и реабилитация осужденных, интеграция современных технологий в систему административного надзора станет важным шагом на пути к повышению эффективности правоохранительной деятельности и обеспечению общественной безопасности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (ред. от 06.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (ред. от 24.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

3. Фролов С. В., Васильев В. В. Деятельность участковых уполномоченных полиции и административная юрисдикция : учебник. М. : Юстиция, 2024. URL: https://book.ru/book/960988.

Вахтин М. М.[1]*,*
исследователь
по вопросам законотворческого процесса,
студент
Российского экономического
университета имени Г. В. Плеханова

Научный руководитель:
Василенко Г. Н.,
заместитель начальника кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент кафедры
государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического
университета имени Г. В. Плеханова,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ (НА ОСНОВЕ РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ДЕЛУ KOBALIYA AND OTHERS V. RUSSIA)

Объединение Европейским судом по правам человека значительного массива жалоб в рамках дела Kobaliya and Others v. Russia [1] представляет интерес прежде всего не с точки зрения процессуальной экономии, а как отражение устойчивой административной практики. Суд имеет дело не с серией однотипных нарушений, а с воспроизводимой моделью применения публично-властных полномочий в отношении широкого круга адресатов.

Для понимания правоприменительной логики необходимо учитывать динамику самого законодательства об иностранных агентах.

Первоначальная редакция законодательства строилась вокруг идеи адресного регулирования деятельности некоммерческих организаций, получающих иностранное финансирование и участвующих в политической деятельности. Несмотря на размытость отдельных формулировок, модель предполагала наличие относительно узкого круга субъектов и сохраняла связь между источником финансирования и характером осуществляемой деятельности. В административно-правовом смысле это позволяло рассматривать статус иностранного агента как специальный режим, применяемый при наличии совокупности условий.

[1] © Вахтин М. М., 2026.

Дальнейшие изменения законодательства привели к постепенному размыванию этой конструкции.

Во-первых, расширялся круг субъектов, подпадающих под регулирование, включая средства массовой информации, незарегистрированные общественные объединения, а затем и физических лиц.

Во-вторых, менялось содержание квалифицирующих признаков. Категория политической деятельности утратила связь с институциональной политикой и стала охватывать широкий спектр публичных высказываний и действий. Иностранное влияние, в свою очередь, перестало требовать доказательства реального воздействия на поведение субъекта.

В результате правовой режим утратил характер исключения и стал частью общего административного инструментария. С точки зрения публичного администрирования это означает переход от регулирования конкретного вида деятельности к контролю за социально значимой публичной активностью как таковой. Административный орган в этой модели действует не столько как регулятор, сколько как квалификатор статуса, последствия которого автоматически влекут возникновение комплекса обязанностей и ограничений.

Принципиально важно, что на этом этапе законодательство перестает быть реактивным и начинает работать на опережение. Само наличие потенциальной публичности становится достаточным основанием для включения лица в сферу повышенного административного внимания. Это смещение хорошо прослеживается в материалах дела, где меры применяются не в ответ на конкретный вред или угрозу, а в рамках профилактической логики.

Отдельного комментария требует вопрос актуальности практики Европейского суда по правам человека в условиях прекращения юрисдикции Суда в отношении Российской Федерации. Формально решения ЕСПЧ более не являются обязательным ориентиром для национального правоприменения.

Однако это обстоятельство не устраняет научной и аналитической ценности соответствующих выводов. Для административного права подобная практика представляет интерес не только как источник стандартов, но и как внешний способ описания внутренней логики правоприменения. Суд фиксирует не отдельные ошибки, а устойчивые паттерны поведения административных органов и судов, что делает его решения ценным эмпирическим материалом.

В этом смысле отсутствие юрисдикции не снижает, а в определенной степени даже повышает аналитическую значимость таких дел. Они позволяют рассматривать административное право в отрыве от вопроса обязательности исполнения и сосредоточиться на институциональных эффектах правового регулирования. Речь идет не о том, какие нормы должны применяться, а о том, каким образом они фактически функционируют.

Наконец, обращение к практике ЕСПЧ дает возможность сопоставить внутреннюю административную рациональность с внешней правовой оценкой, не подменяя одну другой. Такой подход особенно продуктивен для анализа правовых режимов, ориентированных на контроль и надзор, где границы допустимого вмешательства нередко определяются не нормой, а практикой ее применения.

В научной литературе подобный аналитический ракурс давно рассматривается как продуктивный именно для исследования административного контроля [3, с. 312].

Так, в работах, посвященных современному публичному управлению, неоднократно подчеркивается, что правовые режимы надзорного типа формируются не столько на уровне нормы, сколько в пространстве ее повседневного применения.

Административное усмотрение в таких условиях перестает быть техническим элементом реализации закона и начинает выполнять структурообразующую функцию.

Отдельные исследователи административного права указывают, что в ситуациях высокой нормативной плотности и неопределенности ключевым становится не содержание предписаний, а способ их интерпретации контролирующим органом и судами [4].

В политико-правовых исследованиях также отмечается, что внешняя правовая оценка, в том числе со стороны международных судебных институтов, позволяет зафиксировать именно эти практики интерпретации, не подменяя внутреннюю логику национального правопорядка абстрактными стандартами [3].

В этом смысле обращение к практике ЕСПЧ используется не как источник готовых ответов, а как аналитическое зеркало, в котором проявляются устойчивые механизмы административного воздействия, зачастую остающиеся вне поля зрения национальной доктрины.

Состав заявителей принципиально разнороден. В него входят юридические лица и физические лица, профессиональные участники публичных коммуникаций и лица с эпизодической публичной активностью, организации с формализованной структурой и индивидуальные субъекты без институционального ресурса. С точки зрения административного права это означает, что оспариваемые меры применяются не к специальной категории субъектов, а фактически приобретают универсальный характер.

Тем самым дело позволяет рассматривать статус иностранного агента не как исключительный правовой режим, а как один из инструментов общего административного контроля, встроенный в систему надзора за публичной активностью. Именно эта универсализация отличает анализируемую практику от более ранних этапов развития законодательства, когда регулирование носило фрагментарный и адресный характер.

Отдельного внимания заслуживает временной контекст. Рассмотрение дела происходит уже после институционального оформления и кодификации законодательства об иностранных агентах. Это исключает аргументацию, основанную на правовой неопределенности переходного периода, и переводит анализ в плоскость оценки устойчивого правоприменительного механизма.

С точки зрения административно-правовой логики ключевым элементом рассматриваемого режима является квалификация фактических обстоятельств, позволяющая отнести лицо к категории иностранных агентов.

Формально такая квалификация опирается на совокупность признаков, однако в правоприменении она трансформируется в упрощенную модель, где решающее значение приобретает сам факт наличия внешнего источника ресурсов или контактов.

Материалы дела показывают, что под иностранным финансированием понимаются крайне разнородные экономические потоки, не связанные между собой ни по цели, ни по объему, ни по степени влияния на деятельность субъекта. При этом административный орган не устанавливает причинно-следственную связь между получением средств и последующими действиями адресата регулирования. Само наличие трансграничного элемента становится достаточным основанием для применения ограничительного режима.

В административно-правовом измерении это означает подмену оценки риска формальной фиксацией признака. Усмотрение административного органа здесь носит односторонний характер: оно используется для расширения сферы регулирования, но не допускает обратной коррекции в пользу адресата. Возможность опровержения презумпции иностранного влияния в реальности отсутствует [4, с. 405].

Аналогичным образом функционирует квалификация политической деятельности. Ее содержание определяется не через участие в институционализированных политических процессах, а через сам факт публичного выражения позиции по социально значимым вопросам. В результате административная оценка выходит за пределы регулирования политической сферы в узком смысле и начинает охватывать практически любую форму общественной активности.

Обязательная маркировка материалов и сообщений лиц, признанных иностранными агентами, в административно-правовом плане представляет собой самостоятельную меру воздействия, отличную по своей природе от отчетных или регистрационных обязанностей. Ее специфика заключается в том, что она ориентирована не на взаимодействие с государственным органом, а на трансформацию коммуникации между субъектом и неопределенным кругом лиц.

С точки зрения техники административного регулирования маркировка выполняет функцию постоянного публичного напоминания о специальном статусе. Она не связана с конкретным правонарушением и не зависит от содержания распространяемой информации. Тем самым мера приобретает характер непрерывного ограничения, сопровождающего любую форму публичной активности.

Принципиально, что интенсивность маркировки нормативно задана таким образом, что она не может быть сведена к нейтральному уведомлению. Требования к визуальному или аудиовизуальному оформлению фактически навязывают определенный способ восприятия информации, что выводит эту меру за рамки классических административных обязанностей.

В результате маркировка функционирует как элемент вторичного регулирования, воздействующий не столько на поведение адресата, сколько на социальную среду его существования. В административном праве подобные меры традиционно требуют особо строгого обоснования, поскольку их последствия выходят за пределы индивидуального правового статуса.

Анализ санкций, применяемых в рамках рассматриваемого правового режима, позволяет выявить еще одну характерную черту административного правоприменения. Основанием для привлечения к ответственности нередко становятся формальные нарушения, не связанные с причинением какого-либо вреда охраняемым интересам.

Размеры штрафов, их повторяемость, а также возможность применения крайних мер в виде ликвидации организаций формируют карательную конфигурацию ответственности. При этом отсутствует дифференциация между умышленными и техническими нарушениями, а также учет добросовестности поведения субъекта.

С административно-правовой точки зрения подобная практика свидетельствует о смещении акцента с предупреждения правонарушений на санкционирование как самоцель. Механизм индивидуализации ответственности фактически не работает, поскольку оценка обстоятельств дела подменяется проверкой формального соответствия требованиям.

В этом контексте особенно показательно, что совокупность санкций применяется в условиях отсутствия доказанного негативного воздействия деятельности заявителей на публичные интересы. Административная ответственность утрачивает связь с охранительной функцией и приобретает характер инструмента дисциплинирования.

Таким образом, рассматриваемый кейс позволяет рассматривать правовой режим иностранных агентов как пример трансформации административного контроля в механизм структурного ограничения публичной активности. Расширение сферы регулирования, формализация критериев и усиление санкционного давления формируют устойчивую модель правоприменения, ориентированную не на баланс интересов, а на перераспределение допустимых форм поведения.

С научной точки зрения ценность этого дела заключается в том, что оно демонстрирует пределы расширительного административного усмотрения в условиях слабой процессуальной коррекции. В отсутствие эффективных внутренних механизмов пересмотра и индивидуализации вмешательства административное право утрачивает гибкость и начинает воспроизводить однотипные решения независимо от контекста.

Использование материалов дела в административно-правовом анализе позволяет выйти за рамки оценки отдельных норм и сосредоточиться на институциональной логике правоприменения, что делает данный кейс значимым для более широкого исследования современных форм публичного администрирования.

Список литературы

1. Third section. Case of kobaliya and others v. Russia // European court of human rights // URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-237425 %22]}.

2. Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (действующая редакция от 11 июня 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 12.01.2026.

3. Матвеева Н. В., Арутюнян Г. А. Классификация лиц, находящихся под иностранным влиянием (иноагентов), и ее значение для совершенствования административного законодательства // Образование и право. 2024. № 3. С. 310–318.

4. Ситников В. В., Островерхова Е. А. Отдельные вопросы административно-правового статуса граждан, признанных иностранными агентами // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 399–411.

Вашаев М. А.[1]*,*
заместитель начальника кафедры
административного права
и административной деятельности
Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Проблема теории и законодательного закрепления административно-процессуальных принципов актуальна для российского административно-процессуального регулирования в целом и для отраслевого административно-процессуального регулирования. Сфера государственного заказа не является исключением. На наш взгляд, важным принципом считается принцип ответственности за эффективное обеспечение муниципальных и государственных нужд и результативность осуществляемых закупок – согласно ст. 12 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон 44-ФЗ) [1].

Муниципальные и государственные органы власти, казенные учреждения и органы управления внебюджетными госфондами, а также прочие юрлица, в ситуациях, утвержденных Законом 44-ФЗ, при осуществлении планирования и процесса закупки, обязаны действовать исходя из необходимости получения запланированных результатов обеспечения муниципальных и государственных нужд.

Запланированным результатом обеспечения муниципальных и государственных нужд, исходя из необходимости получения которого обязаны следовать заказчики при осуществлении планирования и закупки в соответствие с ч. 1 ст. 12 Закона 44-ФЗ, являются продукция и услуги, имеющие потребительскую ценность для муниципального и государственного заказчика, которые обязаны быть поставлены и предоставлены в результате выполнения процесса закупки.

Принцип эффективного расхода средств из бюджета предусматривает, что процесс закупок обязан осуществляться с минимально допустимыми затратами, и максимально достигать окончательного итога проведения процесса, по результатам которого обязаны осуществляться закупки необходимых ресурсов, максимально выгодных для покупателя с экономической точки зрения.

Критерий оценки результативности и эффективности считается главным показателем работы государственных управленческих структур.

Эффективность считается своеобразной основой происшедших в последнее время государственных реформ. Результативность и эффективность являются категориями, зависимыми друг от друга. Понятие «эффективность» происходит от слова «эффект» (лат. effectus), означает «выполнение действия» и подразу-

[1] © Вашаев М. А., 2026.

мевает результат каких-то действий либо производимое впечатление. Смыслом эффективности является определение цены, величины затрат и ресурсов, необходимых для достижения данных результатов.

Эффективность является относительной величиной эффекта, которая получается путем сопоставления абсолютной величины эффекта и абсолютной величины затрат средств и ресурсов. Оценка эффективности происходит методом сопоставления конечного результата и затраченных средств и ресурсов, необходимых для достижения этого результата.

Критерий оценки результативности тесно связан с эффективностью системы управления. Это относительно характеризует результативность работы конкретной системы управления, выраженную в множественных показателях объекта и субъекта управления – управленческой деятельности, характеризующихся по количественным и качественным критериям.

Критерий оценки результативности закупки, осуществляемой госзаказчиком в договорной сфере, должен быть сопоставим с целью закупки, указанной в ее обосновании. Для того чтобы привлечь уполномоченные должностные лица к ответственности за такой показатель, как результативность, достаточно проверки выполнения всех требований закона 44-ФЗ в рамках проводимого мониторинга [2, с. 104–121].

Однако, как показывает практика, зачастую обязанности определенных физлиц – членов комиссий и договорных служб, имеющих отношение к процессу закупок, в полной мере не отражаются в трудовых контрактах и должностных инструкциях, что препятствует возможности успешно реализовать данный принцип. Причем большое значение имеют проблемы материального и морального стимула для перечисленных физлиц в части их участия в процессе закупок.

Можно заметить взаимосвязь рассмотренного принципа с еще одним принципом договорной системы – принципом профессионализма. Определяется ответственность уполномоченных должностных лиц за соблюдение требований Закона о госзакупках для муниципальных и государственных нужд.

Причем уполномоченные лица несут ответственность также и за соблюдение подзаконных нормативных правовых актов о договорной системе в закупочной деятельности в целом. К ним относятся нормативно-правовые акты Президента и Правительства Российской Федерации, федеральных исполнительных органов власти, Госкорпорации по атомной энергии «РОСАТОМ», Госкорпорации по космической деятельности «РОСКОСМОС», госорганов власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. Стоит заметить, что для уполномоченных лиц-заказчиков предусматривается личная ответственность, т. е. уполномоченное лицо, нарушившее требование Закона в закупочной деятельности, несет персональную ответственность, которая в зависимости от тяжести деяния может быть гражданской, административной, дисциплинарной либо уголовной.

Статья 117 Закона 44-ФЗ указывает на то, что лица, виновные в нарушении этого закона и других нормативно-правовых актов о договорной системе в закупочной деятельности, несут гражданскую, гражданско-правовую дисциплинарную, административную и уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Однако в случае, когда административная ответственность представляет ряд различных составов нарушений законодательства в закупочной деятельности (ст.ст. 7.29–7.32, ч. 11 ст. 9.16, чч. 7 и 7.3 ст. 19.5, ст. 19.7.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации) [3], то Уголовным Кодексом Российской Федерации [4] не предусмотрено составов преступлений в деятельности закупок продукции и услуг для муниципальных и государственных нужд. Уголовный Кодекс Российской Федерации ограничен общими составами преступлений, например, злоупотребление должностными обязанностями и полномочиями (ст. 285) или нецелевое расходование средств госбюджета (ст. 285.1).

Таким образом, инструмент договорной системы закупочной деятельности является совокупностью тесно связанных между собой норм и правил, контролирующих общественные взаимоотношения, которые возникают в вопросах осуществления публичных затрат на удовлетворение госнужд с помощью договорной системы закупочной деятельности.

Рассмотренный правовой инструментарий договорной системы закупочной деятельности основан на конкретных принципах, контролирующих непосредственно процесс закупки для обеспечения госнужд, отраженных в российском законодательстве. При этом сфера правового регулирования контрактной системы содержит достаточно большой объем административно-процессуальных норм и требует четких ориентиров выделения принципов функционирования контрактной системы в сфере закупок для обеспечения государственных нужд.

Список литературы

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Данилова С. Н. Совершенствование организации и проведения государственных и муниципальных закупок и повышение их эффективности // Совершенствование государственного и муниципального управления в Российской Федерации: проблемы, поиски, решения / под общ.ред. М. И. Абрамовой, А. М. Петрова. Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, 2016. С. 104–121.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

Волкодавова Г.Н.[1]*,*
адъюнкт
Воронежского института МВД России

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА

Актуальность более глубокого изучения административно-правового статуса руководителя территориального органа МВД России районного уровня (далее – руководитель ТО МВД) предопределяется его исключительной, центральной ролью в механизме обеспечения правопорядка и безопасности на уровне, максимально приближенном к гражданам. Именно районное звено органов внутренних дел выполняет основной объем правоохранительной работы, выступая фундаментом всей системы. Руководитель территориального органа внутренних дел представляет собой ключевую фигуру, от профессионализма, компетентности и законности действий которой зависит уровень защищенности личности, общества и государства от преступных посягательств на вверенной территории.

Административно-правовой статус любого должностного лица, в особенности руководителя ТО МВД, является той категорией, которая объединяет правовые нормы, фиксирующие его положение; совокупность прав и обязанностей; гарантии осуществления полномочий; а также меры ответственности. В этой системе именно права и обязанности выступают основным, динамически реализуемым элементом, переводящим правовой статус руководителя на высокий уровень практической управленческой и оперативно-служебной деятельности. Их отличительная черта состоит в органичном соединении властных полномочий по руководству личным составом и организации служебной деятельности с полномочиями по внешнему публичному взаимодействию с гражданами, обществом.

Несмотря на достаточное количество научных трудов А. А. Прошина, В. Я. Кикотя, А. М. Столяренко, Ю. Н. Старилова, посвященных административно-правовому статусу сотрудников полиции, которые в целом сфокусированы именно на правах и обязанностях руководителя органа внутренних дел на районном уровне как на обособленных элементах его статуса, исследования в этой области носят скорее эпизодический характер. Представленная статья направлена на выявление пробела в изучении прав и обязанностей руководителя ТО МВД путем проведения целостного анализа нормативных актов, закрепляющих их.

Правовая позиция руководителя ТО МВД сформирована под воздействием системы нормативных правовых актов. К основным документам относятся:

1. Конституция Российской Федерации – устанавливает основы правового статуса личности, принципы федерализма и функционирования государствен-

[1] © Волкодавова Г. Н., 2026.

ной власти, формируя тем самым общие рамки для деятельности любого публичного должностного лица.

2. Федеральное законодательство:

– Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»;

– Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и др.

3. Акты Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» и иные документы, регламентирующие организационные основы деятельности МВД России.

4. Ведомственные нормативные акты МВД России: приказы, инструкции, наставления, детализирующие порядок осуществления полномочий, прохождения службы, организации отдельных направлений работы (например, Приказ МВД России от 5 июня 2017 г. № 355 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне»).

5. Правовые акты субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в сфере взаимодействия и координации совместной деятельности.

6. Внутриорганизационные правовые акты ТО МВД (приказы, распоряжения начальника), принимаемые в границах его компетенции.

Структура административно-правового статуса руководителя ТО МВД включает:

1) общий конституционно-правовой статус гражданина Российской Федерации;

2) специальный статус государственного служащего (сотрудника ОВД);

3) должностной статус, определяемый конкретной руководящей позицией («начальник управления (отдела) МВД России по … району»). Именно с последнего формируется особый комплекс прав и обязанностей, который составляет административно-правовой статус руководителя ТО МВД.

Можно отметить, что обязанности руководителя ТО МВД представлены выраженной публично-служебной и организационно-распорядительной природой власти. Систематизировать данные обязанности можно по следующим ключевым направлениям.

Обязанности, направленные на обеспечение законности и охрану правопорядка на закрепленной территории: организация и контроль деятельности по профилактике, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений и административных правонарушений; обеспечение безопасности в сфере дорожного движения; охрана общественного порядка и общественной безопасности; организация приема граждан, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях и иных происшествиях. Внутренние организационные управленческие обязанности: реализация кадровой политики, расстановка кадров, организация служебной подготовки и воспитательной работы; обеспечение законности дей-

ствий подразделений и сотрудников, проведение служебных проверок; эффективное и целевое использование финансовых, материально-технических и иных ресурсов территориального органа; поддержание высокого уровня служебной дисциплины [1].

Обязанности по межведомственному взаимодействию и координации действий: построение эффективного взаимодействия с органами прокуратуры, следствия, ФСБ, региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления; координация деятельности субъектов правоохранительной деятельности с частными охранными предприятиями на территории вверенного района; организация работы с институтами гражданского общества, рассмотрения обращений и приема граждан.

Обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина: гарантия законных прав и интересов граждан в процессе осуществления правоохранительной деятельности; принятие мер по недопущению фактов, превышения должностных полномочий и коррупции среди подчиненных [1].

Главной особенностью приведенных обязанностей является их непрерывный, круглосуточный характер, связанный с высокой степенью персональной ответственности руководителя ТО МВД. Неисполнение или ненадлежащее исполнение данных обязанностей может повлечь не только дисциплинарную, но в установленных законах случаях административную или уголовную ответственность. Эти обязанности носят властный и безусловный характер, сформированы из публично-правовых функций государства.

Властно-распорядительные полномочия касаются отношений с подчиненным личным составом и определяют: право на издание обязательных для исполнения подчиненными приказов, распоряжений и указаний; право применения мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в пределах компетенции; право представления предложений по вопросам назначения, перемещения и увольнения сотрудников [2].

Организационно-распорядительные полномочия в оперативно-служебной деятельности включают в себя: право на распределение и оперативную постановку задач между подразделениями и сотрудниками; право утверждения планов работы, графиков службы, внутренних инструкций; право на запрос и получение информации, необходимой для выполнения задач, от организаций и граждан в установленных законом пределах, право принятия оперативных решений по управлению силами и средствами в условиях чрезвычайных ситуаций, массовых беспорядков или проведения специальных операций. Внешние координирующие полномочия: право выступать официальным представителем ТО МВД в отношениях с органами государственной власти, учреждениями, общественными объединениями и гражданами; право вносить предложения в органы местного самоуправления по вопросам укрепления правопорядка на закрепленной территории; право участия в работе координационных совещаний, комиссий по безопасности и правопорядку на муниципальном уровне; право внесения обязательных предписаний хозяйствующим субъектам по вопросам, связанным с лицензионно-разрешительной деятельностью в рамках установленного полномочиями контроля) [2].

Стоит отметить: несмотря на то, что непосредственное применение ряда мер (например, задержание) осуществляет оперативный состав, в данном случае полномочия, связанные с применением мер административного принуждения, разрешает, контролирует эти действия и несет за них персональную ответственность именно руководитель ТО МВД.

В его полномочия также входит рассмотрение дел об административных правонарушениях в соответствии с действующим КоАП РФ. Специфика этих полномочий заключается не только в сочетании принципа вертикальной подчиненности, но и необходимости горизонтальной координации при взаимодействии с иными субъектами на территории. Многие из них носят оценочный характер в рамках, установленных законом, и требуют от руководителя самостоятельного, профессионального и законного усмотрения при принятии управленческого решений.

Практическая деятельность руководителя ТО МВД выявляет ряд актуальных проблем:

1. Ресурсный дефицит: несоответствие объема возложенных обязанностей реальным кадровым, финансовым и материально-техническим возможностям, особенно если это касается отдаленных и сельских районов.

2. Административная и бюрократическая отчетность, сдерживающая оперативную инициативу и адаптацию к специфике региона.

3. Неопределенность в правовых механизмах взаимодействия с органами местного самоуправления, которые касаются разграничения полномочий в сфере охраны общественного порядка.

4. Коррупционные риски, обусловленные широким объемом полномочий, в частности в сфере контроля за осуществлением предпринимательской деятельности и выдаче разрешительных документов.

Выявленные проблемы требуют решений, которые можно достичь по следующим предлагаемым направлениям совершенствования:

1. Законодательное уточнение и согласование полномочий между федеральным центром (МВД) и муниципальным уровнем в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности.

2. Расширение программ профессиональной переподготовки руководителей ТО МВД с акцентом на управление в сложных ситуациях, коммуникацию с местным сообществом и формирование антикоррупционного поведения. Таким образом, права и обязанности руководителя территориального органа МВД России на районном уровне представляют собой целостный и основной элемент его административно-правового статуса основанный на специфики профессиональной деятельности. Их отличительные черты обусловлены положением руководителя ТО МВД, находящегося на границе федеральной правоохранительной вертикали и системы местного публичного управления. Обязанности и полномочия носят выраженный публично-властный обязательный и постоянный характер, направленные на достижение ключевой цели – обеспечение законности, правопорядка и безопасности в границах территориального органа внутренних дел. Они представляют собою черты внутреннего административного руководства, внешнего регулирующего воздействия и непосредственной

правоохранительной деятельности. Результативность реализации административно-правового данного статуса находится в прямой зависимости от четкого нормативного закрепления, ресурсного обеспечения, сбалансированности между иерархической подчиненностью и необходимой оперативной самостоятельностью, а также от профессионализма и правовой культуры самого руководителя.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

3. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

4. Приказ МВД России от 5 июня 2017 г. № 355 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Коновалов В. Я. Административное право России : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. П. И. Кононова, В. Я. Кикотя, И. Ш. Килясханова. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2021.

6. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2020.

7. Стахов А. И. Административно-правовое регулирование деятельности полиции в Российской Федерации: теория и практика. М. : Юрлитинформ, 2019.

Гаврилова Т. В.[1]*,*
преподаватель кафедры
общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала
Ростовского юридического
института МВД России

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЯ ЗА ПОДНАДЗОРНЫМИ ЛИЦАМИ: БАЛАНС МЕЖДУ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ И ЗАЩИТОЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Развитие инфраструктуры видеонаблюдения, распознавания лиц и биометрических технологий открыло для правоохранительных органов, включая органы внутренних дел Российской Федерации, новые возможности в осуществлении контроля над лицами, в отношении которых установлен административный надзор, а также в выявлении и розыске лиц, скрывшихся от уголовного преследования [1, с. 12–16]. Однако синхронное расширение возможностей государственного контроля и углубление проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь граждан актуализируют вопросы о соблюдении конституционных принципов неприкосновенности частной жизни, защите персональных данных и разумном балансе между интересами безопасности и гарантиями прав и свобод личности [2, с. 45–52]. Современная система фото- и видеофиксации, выполняемая с применением архитектур распознавания лиц на основе технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и машинного обучения, позволяет в реальном времени сопоставлять снимки лиц, запечатленные камерами видеонаблюдения, с базами данных МВД России и иных органов юстиции, что существенно ускоряет процесс идентификации правонарушителей и может способствовать предотвращению преступлений [3, с. 67–74]. Одновременно внедрение таких технологий без надлежащих правовых ограничений и механизмов контроля создает предпосылки для массового наблюдения, дискриминационного использования данных и произвольного вмешательства в личную жизнь граждан [4, с. 89–97].

Правовое регулирование применения цифровых технологий в правоохранительной деятельности в России базируется на нормах Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ведомственных нормативных актов МВД России, определяющих порядок проведения оперативно-разыскных мероприятий [1, с. 17–19]. Вместе с тем действующее законодательство не содержит специальных норм, регулирующих использование технологий распознавания лиц, что создает правовой вакуум и порождает сложности в правоприменении. На практике органы МВД применяют видеоидентификационные системы, основанные на анализе биометрических параметров, в том числе при ведении баз данных фотографий

[1] © Гаврилова Т. В. 2026.

осужденных, потерпевших и подозреваемых лиц, однако нормативной базы для такой деятельности явно недостаточно [5, с. 121–128]. Судебная практика по вопросам использования результатов распознавания лиц в качестве доказательств демонстрирует неоднородность подходов: одни суды признают такие материалы достаточным основанием для проведения проверочных мероприятий, другие требуют дополнительной верификации и экспертизы точности алгоритмов [2, с. 53–55].

Контроль над поднадзорными лицами с использованием цифровых технологий осуществляется в соответствии с административным надзором, установленным ст. 3.4 КоАП РФ в отношении лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено в связи с истечением сроков давности, и лиц, которым дан отпуск из мест лишения свободы для подготовки к отвращению наказания. Практика органов МВД показывает, что система электронных браслетов, GPS-мониторинга и связанных с ними баз данных позволяет определять место нахождения поднадзорного лица, контролировать соблюдение им установленных ограничений и предотвращать совершение им новых преступлений [3, с. 75–78]. Однако такое интенсивное наблюдение сопряжено с постоянным сбором, накоплением и обработкой персональных данных лиц, что требует строгого соблюдения гарантий, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами о защите персональных данных и правом на неприкосновенность частной жизни [6, с. 34–42].

Проблема соблюдения конституционных принципов при применении технологий видеофиксации и распознавания лиц заключается в отсутствии четких правовых критериев, определяющих допустимые пределы такого наблюдения и механизмы защиты от злоупотреблений. Статья 23 Конституции РФ гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, что, в свою очередь, предполагает возможность справедливого судебного разбирательства при использовании результатов слежки в правоприменительной деятельности [4, с. 98–100]. Европейский суд по правам человека в деле S. and Marper v. United Kingdom признал, что массовое накопление биометрических данных без надлежащей правовой базы и гарантий может нарушать право на уважение частной жизни, закрепленное в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [1, с. 20–22]. В России же системы видеонаблюдения в общественных местах используются без надлежащего информирования граждан о целях, объемах и сроках хранения получаемых данных, а это уже противоречит принципам информационной прозрачности и согласия субъектов на обработку персональных данных.

Защита информации и персональных данных, собираемых при использовании цифровых технологий в системе контроля, представляет собой ключевую проблему, требующую совершенствования нормативного и технического обеспечения. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» предусматривает требования к безопасности и конфиденциальности персональных данных, однако его применение в отношении ведомственных баз данных органов МВД нередко характеризуется отсутствием строгого контроля и четких механизмов ограничения доступа [5, с. 129–132]. Практика утечек

и несанкционированного использования биометрических данных свидетельствует о том, что существующие технические и организационные меры защиты часто недостаточны для обеспечения безопасности информации [7, с. 5–8]. Кроме того, необходимо отметить, что длительное хранение фотографий и биометрических параметров лиц, которые не были привлечены к уголовной ответственности, или тех, уголовное дело в отношении которых прекращено, создает риск неправомерного использования такой информации в будущем [2, с. 56–58].

Проблемы точности и надежности алгоритмов распознавания лиц также требуют специального анализа. Исследования, проведенные международными экспертами и учеными, показывают, что системы распознавания лиц, особенно при использовании в отношении представителей меньшинств и лиц с нестандартными внешними характеристиками, отличаются низкой точностью идентификации, что может приводить к ложным позитивам и необоснованному задержанию невиновных лиц [3, с. 79–82]. Поскольку в России отсутствуют публичные стандарты оценки точности таких систем, это затрудняет судебный контроль над правомерностью использования результатов распознавания в качестве доказательств. Судебная практика демонстрирует случаи, когда на основании совпадения результатов распознавания люди были задержаны и привлечены к ответственности, хотя позже выяснялось, что идентификация была ошибочной [6, с. 43–46].

Баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав человека может быть достигнут посредством принятия целого комплекса правовых, организационных и технических мер. На нормативном уровне требуется разработка специального федерального закона, регулирующего применение цифровых технологий в правоохранительной деятельности, с четкой регламентацией целей использования, принципов обработки персональных данных, механизмов судебного контроля и прав субъектов данных на доступ, исправление и удаление информации. На уровне правоприменения необходимо внедрение строгих процедур валидации результатов распознавания, включая обязательное проведение дополнительных проверочных мероприятий перед задержанием или ограничением прав лица на основании только биометрических совпадений [4, с. 101–103]. В сфере организации деятельности органов МВД целесообразно создание независимых органов надзора и аудита, ответственных за мониторинг использования видеонаблюдения и распознавания лиц, а также обеспечение соответствия ведомственной практики конституционным стандартам и международным обязательствам России [7, с. 9–12].

Международный опыт применения цифровых технологий в правоохранительной деятельности показывает, что страны, обеспечившие действенный правовой контроль над использованием распознавания лиц, достигают более высокой степени общественного доверия к полиции и лучше защищают права граждан. В Европейском союзе, к примеру, предложены проекты нормативных актов, предусматривающих запрет на использование технологий массового и длительного наблюдения без судебного разрешения, а также обязанность органов власти демонстрировать необходимость и пропорциональность таких мер [5, с. 133–135]. В Англии и Уэльсе вопросы использования распознавания лиц

полицией регулируются специальными кодексами, предусматривающими требования к точности, прозрачности и судебному контролю. Адаптация таких опытов к российской правовой системе, с учетом специфики федеративного государственного устройства и необходимости усиления борьбы с преступностью, могла бы позволить России выработать оптимальный баланс между эффективностью и защитой прав [1, с. 23–25].

Таким образом, можно сказать, что использование цифровых технологий в системе контроля за поднадзорными лицами представляет собой объективную необходимость современной правоохранительной деятельности, однако требует комплексного правового регулирования, технической валидации алгоритмов и механизмов судебного и общественного контроля. Отсутствие надлежащего нормативного регулирования создает риски как для безопасности граждан и государства, так и для нарушения конституционных прав и свобод личности. Российское законодательство нуждается в срочном совершенствовании в направлении установления четких параметров использования видеофиксации и распознавания лиц, гарантий защиты персональных данных и прав на справедливое разбирательство. Достижение баланса между эффективностью и правами человека возможно только при усиленной роли судебного контроля, развитии технических стандартов оценки точности алгоритмов и обеспечении информационной прозрачности в деятельности органов МВД по использованию цифровых технологий [2, с. 59–61].

Список литературы

1. Поздняков А. Н. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире и ее процессуальная ценность // Юридическая наука и практика. 2021. № 1. С. 12–25.

2. Иванов П. И. Формирование оперативно-розыскной политики в условиях цифровой трансформации: проблемы и пути развития // Вестник МВД России. 2025. № 1.

3. Бондаренко В. И. Система распознавания лиц преступников с использованием видеонаблюдения // Криминалистический журнал. 2022. № 2. С. 67–82.

2. Ямщиков А. И. Необычные методы идентификации личности в правоохранительной практике // Административное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 89–103.

3. Такмаков Е. А. Актуальные направления использования системы распознавания лиц при реализации функций органов внутренних дел // Вестник полиции. 2021. № 3. С. 121–135.

4. Гречкина Ю. С. Вопросы идентификации личности при использовании современных технологий видеоконтроля // Логос. 2020. № 6. С. 34–46.

5. Столярова А. А. О роли прокурора в рассмотрении судами дел об установлении административного надзора в отношении лиц, скрывшихся от правосудия, при использовании цифровых технологий // Законность и правопорядок. 2024. № 3.

Гендеев Э. Н.[1]*,*
адъюнкт
Академии управления МВД России

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) ЗА ПОЛНОМОЧИЯМИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО ИСПОЛНЕНИЮ ИМИ ПОЛНОМОЧИЙ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

В настоящее время большими полномочиями по применению мер воздействия к правонарушителям законодательства Российской Федерации об административном правонарушении (далее – КоАП РФ) наделены подразделения полиции органов внутренних дел, что сказывается на повышении доли совершения ими нарушений при документировании административных правонарушений, в том числе сроков производства, некорректным составлением процессуальных документов.

Реализация этих полномочий возложена на сотрудников полиции непосредственно п. 11 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон «О полиции»), который обязывает их проводить мероприятия в процессе производства по делам об административных правонарушениях [1]. При этом деятельность контролирующих и надзорных органов фиксирует и показывает наличие допущенных нарушений.

По итогам проверок в 2024 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации, соблюдения законности в этой сфере деятельности зафиксировано более 42 тыс. нарушений, каждое пятое из которых связано с ненадлежащим оформлением протоколов и иных процессуальных документов [2].

Закон «О полиции» выделяет такие виды контроля за деятельностью полиции, как: государственный (ст. 49), общественный (ст. 50) и судебный (ст. 51) [1].

Несоблюдение требований по проведению процессуальных действий по делам об административных правонарушениях (ст.ст. 28.1–29.13 КоАП РФ), ведет к негативным последствиям, т. е. нарушениям законности, в том числе признанию доказательств недопустимыми (ст. 26.2 КоАП РФ) и отмену процессуальных решений по делу [3].

Прокурорский надзор представляет собой внешний по отношению к системе МВД России механизм контроля, основанный на конституционном статусе прокуратуры как органа, осуществляющего надзор за соблюдением законов (ст. 129 Конституции Российской Федерации).

В сфере административных правонарушений прокурорский надзор реализуется в следующих формах:

1. Контроль правомерности решений о назначении административного наказания. Когда в деле об административном правонарушении есть нарушения закона, прокурор уполномочен подать протест (ст. 30.7 КоАП РФ). Информация Генеральной прокуратуры Российской Федерации свидетельствует, что

[1] © Гендеев Э. Н., 2026.

в течение 2024 г. работниками прокуратуры было направлено 8 743 протеста относительно постановлений по административным правонарушениям, из которых удовлетворены оказались 92,4 % [2].

3. Надзор за соблюдением законов, регулирующих административные правонарушения. Чтобы ликвидировать нарушения закона, прокурор может требовать их устранения, инициировать дисциплинарное наказание виновных и направлять представления о необходимых исправлениях.

4. Согласование возбуждения дел в отношении лиц, обладающих особым статусом (ст. 28.1 ч. 4 КоАП РФ). Прокурор дает согласие на возбуждение дела в отношении должностных лиц, обладающих иммунитетом, установленный законом. А. В. Пугачев в своих трудах отмечает, что «прокуроры не должны ограничиваться поиском нарушений в работе полиции – важно разбираться, почему они возникают систематически, и принимать меры по устранению причин неправомерного поведения полицейских» [4]. Однако практика показывает, что прокурорский надзор часто ограничивается формальной проверкой документов без глубокого анализа обстоятельств совершения административного правонарушения.

Судебный контроль является наиболее эффективной формой защиты прав граждан при производстве по делам об административных правонарушениях. Постановление по делу об административном правонарушении можно обжаловать в течение 10 суток после того, как была вручена или получена его копия. Для этого следует обратиться в вышестоящий суд или к вышестоящему должностному лицу (ст. 30.1 КоАП РФ).

Судебная практика выработала ряд важных правовых позиций в отношении контроля за деятельностью полиции:

1. Недопустимость доказательств, полученных с нарушением закона. Согласно ст. 26.2 КоАП РФ, доказательство не может быть признано таковым, если оно получено с нарушением законодательства. В нормативном разъяснении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 подчеркивается, что недопустимыми доказательствами признаются протоколы, оформленные с нарушением положений ст. 28.2 КоАП РФ (отсутствие подписи должностного лица, неуказание даты и времени составления, нарушение порядка вручения копии).

2. Обязательность мотивированного решения. Суд обязан в постановлении указать мотивы принятого решения, оценить все представленные доказательства, разъяснить по ходатайствам основания для их удовлетворения или отказа.

3. Правовая защита. Подвергаемое к административной ответственности лицо обладает правами знакомиться с процессуальными документами, письменно объясняться по делу, предъявлять доказательства, вносить ходатайства и заявлять отводы, пользоваться услугами защитника.

Судебный контроль, однако, имеет временные ограничения: срок обжалования постановления составляет всего 10 суток, что не всегда позволяет гражданам своевременно подготовить жалобу. Кроме того, судебная практика показывает, что доля отмененных постановлений по делам об административных правонарушениях составляет всего лишь 15–18 %, что является достаточно низким показателем.

Регулирование общественного контроля над работой полиции осуществляется согласно положениям ст. 50 Федерального закона «О полиции» и нормами Федерального закона от 26 февраля 2021 г. № 31-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Этот контроль осуществляют граждане, общественные объединения, уполномоченные по правам человека в регионе и стране.

Наиболее эффективными инструментами общественного контроля в сфере административных правонарушений являются:

1. Органы прокуратуры, представители по правам человека – обращения рассматриваются в обязательном порядке в течение 30 дней, что закреплено в ст. 7 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

2. Общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК), созданные в субъектах РФ для осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. Хотя ОНК не имеют тесной связи к производству по делам об административных правонарушениях, но фиксируют нарушения при реализации решений об административных наказаниях в виде административного ареста.

3. Институт омбудсменов по защите прав человека. Уполномоченные вправе проводить проверки, запрашивать документы, вносить представления об устранении нарушений прав граждан.

Практика общественного контроля сталкивается с рядом ограничений: отсутствие у общественных контролеров доступа к материалам дел об административных правонарушениях в связи с режимом конфиденциальности, формальный подход к рассмотрению обращений граждан в подразделениях МВД России. Как отмечает В. К. Толоконников, «общественный контроль может быть эффективным только при условии его интеграции в общую систему контрольных механизмов и обеспечения общественным контролерам реального доступа к информации».

Как показала правоприменительная практика, часто допускаемые нарушения, выявленные в ходе общественного контроля, – это нарушения порядка вручения копий документов. Незамедлительное получение копии протокола правонарушителю осуществляется под расписку (ч. 3 ст. 28.2 КоАП РФ). На практике копии часто не вручаются или вручаются с нарушением сроков.

Современный этап развития системы контроля характеризуется активным внедрением информационных технологий. В системе МВД России функционируют следующие информационные системы, в организации мониторинга за производством по делам об административных правонарушениях:

1. Автоматизированная информационная система «Кодекс об административных правонарушениях» (далее – АИС КОАП). Система предназначена для учета и анализа производства по делам об административных правонарушениях. Позволяет отслеживать сроки рассмотрения дел, формировать статистическую отчетность, выявлять аномалии в деятельности отдельных сотрудников.

2. Система централизованной обработки данных МВД России (далее – СЦОД). Предназначена для размещения информационных систем и приклад-

ных сервисов. Обеспечивает интеграцию данных из различных источников, включая АИС КОАП, что позволяет проводить комплексный анализ деятельности подразделений.

3. Мобильные приложения для составления протоколов. Внедрение планшетных компьютеров и специализированного программного обеспечения позволяет сотрудникам полиции составлять протоколы непосредственно на месте совершения правонарушения с автоматической передачей данных в АИС КОАП.

А. Ю. Соколов в работе «Правовая политика в области использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях» отмечает, что «цифровизация производственных процессов позволяет не только повысить оперативность оформления документов, но и создать объективные условия для контроля за соблюдением процессуальных сроков и требований».

Однако внедрение информационных технологий сопровождается рядом проблем: недостаточная подготовка сотрудников к работе с новыми системами, технические сбои, отсутствие единого стандарта оформления электронных документов. Кроме того, автоматизация не заменяет содержательного анализа законности принимаемых решений.

Безусловно, поддержание эффективности контроля недостижимо без применения инструментариев привлечения к ответственности сотрудников полиции за нарушения законности, среди которых:

1) административная ответственность. Сотрудники полиции привлекаются к административной ответственности на общих основаниях (ст. 2.4 КоАП РФ). Особое значение имеет самоуправство (ст. 19.1 КоАП РФ) и нарушение порядка рассмотрения обращений граждан (ст. 5.59 КоАП РФ);

2) гражданско-правовая ответственность. Вред, причиненный сотрудником полиции своими действиями либо бездействием в процессе рассмотрения дела об административном правонарушении, компенсируется за счет государства (ст. 1069 ГК РФ).

3) уголовная ответственность. Сфера применения охватывает деяния, квалифицируемые как преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) и должностные преступления (гл. 33 УК РФ), включая случаи злоупотребления (ст. 285 УК РФ) и превышение (ст. 286 УК РФ) полномочий.

Практика применения мер ответственности свидетельствует о недостаточной эффективности данного механизма. По данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2024 г. возбуждено всего 217 уголовных дел в отношении сотрудников полиции по ст. 286 УК РФ, совершенные при производстве по делам об административных правонарушениях. В тоже время количество выявленных нарушений законности насчитывает десятки тысяч. Такое несоответствие указывает на необходимость усиления персональной ответственности руководителей подразделений за нарушения, допущенные подчиненными.

Анализ функционирования системы контроля за работой сотрудников полиции по делам об административных правонарушениях выявил необходимость реализации следующих мер по ее улучшению:

1) развитие превентивных механизмов контроля: введение обязательной видеозаписи процесса составления протокола об административном правонарушении с последующей выборочной проверкой руководителем подразделения;

2) усиление персональной ответственности руководителей подразделений за нарушения законности, допущенные подчиненными, в том числе путем введения системы показателей эффективности (KPI), включающих показатель эффективности производства по делам об административных правонарушениях;

3) развитие общественного контроля посредствам учреждения специализированных общественных советов при региональных подразделениях МВД России, которым предоставляется право изучать обезличенные материалы дел об административных правонарушениях с целью систематизации распространенных нарушений;

4) цифровизация контрольных процедур: создание единой цифровой платформы контроля, интегрирующей данные из АИС КОАП, системы служебной аттестации, системы дисциплинарной ответственности для комплексного анализа деятельности каждого сотрудника.

В заключение сделаем вывод: только комплексный подход к организации контроля с использованием всех предусмотренных законом механизмов позволит обеспечить баланс между эффективностью административного принуждения и соблюдением прав и свобод человека.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 921.

2. Обзор практики Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О прокурорском надзоре за исполнением законодательства об административных правонарушениях в 2024 году». М., 2025. URL: https://genproc.gov.ru/activity/statistics/.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

4. Пугачев А. В. Прокурорский надзор за исполнением законов об административных правонарушениях: проблемы применения правовых средств выявления нарушений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3. С. 78–85. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-za-ispolneniem-zakonov-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah.

Головкина А. И.[1]*,*
курсант
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соломатина Е. А.,
доцент кафедры
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕРЫ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Объекты железнодорожного транспорта (железнодорожные пути, станции, пассажирские платформы и другие объекты, связанные с движением поездов) продолжают оставаться зонами повышенной опасности.

Ежегодно на железнодорожном транспорте фиксируются сотни случаев травматизма [6] и гибели несовершеннолетних [7], а также тысячи административных и уголовных правонарушений: от актов вандализма и хищения имущества (например, цветного металла с контактной сети или путевой инфраструктуры) до экстремальных видов досуга (зацепинг, трейнсерфинг, фотосессии на путях) и несанкционированного перехода путей в неположенных местах. Так, например, только в Тверской линейный отдел (далее – ЛО) МВД России на транспорте за 2025 г. поступило около 3 тыс. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях и административных правонарушениях. Криминогенная обстановка на территории обслуживания Тверского ЛО МВД России на транспорте в 2025 г. характеризуется ростом на 15,5 % количества от общего числа зарегистрированных преступлений. Сотрудниками Тверского ЛО МВД России на транспорте пресечено около 2600 административных правонарушений, из которых: мелкое хулиганство – 452, распитие спиртных напитков – 327, нахождение в общественном месте в нетрезвом состоянии – 43, нарушение запрета курения на отдельных территориях – 501, переход железнодорожных путей в неустановленном месте – 1197.

Наложено штрафов на общую сумму порядка 720 тыс. руб. В результате проводимой работы с правонарушителями, а также во взаимодействии с УФССП по Тверской области взыскано 516 тыс. руб., что составляет 72 % от общего количества наложенных штрафов [8].

---

[1] © Головкина А. И., 2026.

Традиционно объекты железнодорожного транспорта привлекают внимание подростков, склонных к рискованному и противоправному поведению. Последствия такого поведения несовершеннолетних на объектах железнодорожного транспорта связаны с угрозой их жизни и здоровью, нанесением значительного материального ущерба РЖД, дестабилизацией графика движения поездов и созданием угрозы безопасности пассажиров. Сложность решения проблемы противоправного поведения несовершеннолетних на объектах железнодорожного транспорта обусловлена ее многогранностью, лежащей на стыке транспортной безопасности, подростковой психологии, педагогики и юриспруденции. Существующие превентивные меры, зачастую носящие разрозненный и эпизодический характер, требуют пересмотра и интеграции в единую систему профилактических мероприятий.

Поведение подростков на железнодорожном транспорте можно классифицировать по двум основным направлениям:

1) правонарушения, направленные на объекты железнодорожного транспорта: повреждение имущества на транспортных средствах общего пользования, грузовых вагонов или иного предназначенного для перевозки и хранения грузов на транспорте оборудования (ст. 11.15 КоАП РФ); действия, угрожающие безопасности движения на железнодорожном транспорте (ст. 11.1 КоАП РФ), например, сбрасывание на железнодорожные пути или оставление на них предметов (ч. 1 ст. 11.1 КоАП РФ) и др.;

2) противоправное поведение, угрожающее жизни и здоровью самого правонарушителя: зацепинг (ч.1 ст.11.17 КоАП РФ), хождение по путям (ч. 5 ст.11.1 КоАП РФ) и др.

Самым распространенным правонарушением на объектах железной дороги среди несовершеннолетних является зацепинг. Этот термин не имеет легального юридического толкования, поскольку является для отечественной правовой системы новым направлением молодежной субкультуры. С позиции механики реализации зацепинг является одним из способов осуществления передвижения по железнодорожным путям, состоящий в проезде на различных модификациях железнодорожных составов и других транспортных средствах (использующих рельсовое полотно) исключительно с их внешней стороны [1, с. 189]. Так, согласно статистическим данным МВД России, за 2024 г. на железнодорожном транспорте было выявлено 364 зацепера; за первое полугодие 2025 г. их число выросло до 727 чел., из которых 618 – несовершеннолетние [9].

Второй вид правонарушения среди подростков – нанесение граффити. Граффити на железнодорожном транспорте – форма уличного искусства, представляющая собой нанесение рисунков, например, на поверхности поезда. Граффити на железнодорожных вагонах может затруднять видимость и распознание знаков, что создает угрозу для безопасности пассажиров и работников железной дороги.

Еще одним видом правонарушения на железнодорожном транспорте является сбрасывание на железнодорожные пути или оставление на них посторонних предметов. Нарушители даже не задумываются, что это может привести к сходу как пассажирских, так и грузовых составов. Как правило, подобные проис-

шествия влекут за собой не только повреждения вагонов, задержки расписания, экономические убытки, гибель людей, но и техногенные катастрофы с серьезными экологическими последствиями, ведь грузовые поезда перевозят огромное количество опасных химических веществ.

Со стороны исследования психологических мотивов и объективных причин такого противоправного поведения несовершеннолетних на железнодорожном транспорте можно выделить ряд ключевых факторов, провоцирующих такие действия. К ним относятся:

1) психологические особенности подросткового возраста: стремление к самоутверждению, поиск острых ощущений (так называемый экстрим-дефицит), групповая конформность, недооценка последствий;

2) влияние социальных сетей и интернет-сообществ: распространение видеороликов, популяризирующих опасные действия, создание культа экстремального поведения, давление виртуального авторитета;

3) территориальный фактор: близость учебных заведений и жилых районов к железнодорожным путям, наличие неконтролируемых переходов и удобных для проникновения мест;

4) дефицит внешнего контроля: недостаточность физической защиты периметров (разрушенные ограждения), ограниченные возможности патрулирования силами транспортной полиции на обширных территориях;

5) недостаточная эффективность традиционных форм профилактики: формальные лекции и плакаты не конкурируют по воздействию с динамичным контентом в сети.

Таким образом, рассматриваемая проблема носит системный характер, что требует активного вмешательства как со стороны родителей подростков, так и со стороны социума и государства.

В системе профилактики девиантного поведения несовершеннолетних особая роль принадлежит семье. Родители, выступая в качестве законных представителей и первичных агентов социализации, несут ответственность за физическое и эмоциональное благополучие детей, их образование, воспитание и всестороннее развитие. В круг их обязанностей входит не только обеспечение базовых потребностей ребенка, но и проведение разъяснительных бесед по правилам безопасности на объектах железнодорожной инфраструктуры, а также формирование конструктивных форм досуга. В частности, представляется необходимой целенаправленная деятельность родителей по включению детей в социально одобряемые виды активности, уделение пристального внимания подросткам и предложение им здоровой альтернативы рискованному поведению. Однако на практике наблюдается неполное осознание родителями указанной меры ответственности, что приводит к переложению обязанностей на иные субъекты профилактики противоправного поведения несовершеннолетних.

Специфика подросткового возраста, характеризующегося социальной, психоэмоциональной и физиологической незрелостью, обусловливает низкую эффективность сугубо запретительных мер воздействия. Запрещающие меры воздействия провоцируют внутренний протест и, вопреки ожиданиям, усиливают интерес к экстремальным формам поведения. В связи с этим актуализируется

поиск альтернативного досуга. В качестве социально приемлемых заменителей опасного поведения могут выступать такие виды спорта и активности, как парашютизм, мотоспорт, скалолазание, пулевая стрельба и иные дисциплины, связанные с элементами экстрима. Тем не менее, существенным барьером выступает высокая стоимость данных увлечений, делающая их недоступными для значительной части семей. Представляется целесообразным внедрение системы льготного обеспечения несовершеннолетних, позволяющей развивать их природные задатки и склонность к оправданному риску в социально полезном направлении. История знает примеры, когда способность к рискованным решениям при надлежащей направленности приносила пользу обществу (так, летчик В. П. Чкалов, чья манера пилотирования первоначально воспринималась как воздушное хулиганство, был удостоен звания Героя Советского Союза).

Значительное влияние на формирование поведенческих установок подростков оказывает интернет-среда. Сетевые ресурсы изобилуют фото- и видеоконтентом, романтизирующим опасные формы досуга и правонарушения на транспорте, что побуждает несовершеннолетних к подражанию с игнорированием рисков для здоровья. Именно в цифровом пространстве формируются группы и сообщества, вербующие новых участников. Так, социально-психологические и культурные предпосылки зацепинга связаны с проявлением «протестных настроений, влияния субкультур и медиа, дефицита позитивной занятости, стремления к самореализации через нарушение границ дозволенного. К каналам распространения зацепинга обычно относят социальные сети, видеохостинги и закрытые онлайн-сообщества, молодежные группы экстремистской направленности» [2] и др.

В этой связи профилактическая деятельность в отношении несовершеннолетних не может ограничиваться предложением альтернативных форм досуга; требуется трансформация самой социальной среды подростков, формирование новых социальных связей, интересов и ценностных ориентаций.

В существующей системе профилактики задействованы органы внутренних дел, осуществляющие комплекс мероприятий: проведение лекций и бесед о последствиях правонарушений на железнодорожном транспорте, просвещение родителей в части возрастной психологии и роли семьи в организации досуга, распространение наглядных материалов, разработку специализированных профилактических программ и проектов. Несмотря на предпринимаемые усилия, эффективность деятельности органов внутренних дел, по нашему мнению, является недостаточной и требует совершенствования. Действия территориальных органов МВД России на транспорте ограничены объективными факторами, включая низкую мобильность, значительную протяженность транспортных путей и нехватку оперативной информации о происшествиях [3, с. 9].

В целях повышения эффективности деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения транспортной безопасности представляется необходимым наращивание технической оснащенности. Приоритетным направлением является расширение сети стационарных и передвижных видеокамер вдоль железнодорожных путей с фокусированием на аварийно-опасных участках, характеризующихся повышенным уровнем правонарушений, и внедрение алгоритмов

видеоаналитики, способных автоматически распознавать опасное поведение (нахождение человека на путях, попытки проникновения на подвижный состав) и подавать сигнал в службу безопасности в реальном времени.

В зонах, где применение стационарных систем ограничено, целесообразно внедрение беспилотных летательных аппаратов. Данные комплексы, отличающиеся высокой мобильностью, оперативностью развертывания и значительными тактико-техническими характеристиками, позволяют осуществлять непрерывный мониторинг обстановки на открытых пространствах и в условиях городской застройки вне зависимости от времени суток и сложности оперативной обстановки. Использование беспилотных технологий обеспечивает получение актуальной информации в режиме реального времени, способствует налаживанию эффективного информационного взаимодействия между подразделениями транспортной безопасности и территориальными органами МВД России, что создает основу для своевременного принятия обоснованных управленческих решений [4, с. 42]. Так как управление беспилотным летательным аппаратом требует специальных знаний и навыков, то для успешной эксплуатации в целях обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте необходимо привлекать специальных инструкторов по подготовке операторов беспилотных летательных аппаратов для обучения сотрудников органов внутренних дел. Такое обучение должно включать в себя изучение основ законодательства об использовании беспилотных летательных аппаратов, устройства, правил эксплуатации и пилотирования. Кроме того, сотрудники органов внутренних дел должны будут освоить расчет маршрута и программирование полета, чтение типографических карт, основы навигации и метеорологии, основы видео- и фотосъемки с компьютерной обработкой материала.

Также целесообразно внедрение физических барьеров нового поколения: умные ограждения с датчиками разрушения, звуковыми и световыми предупредительными сигналами. Так, например, в Санкт-Петербурге в 2018 г. открылись две новые станции метро закрытого типа, платформа отделена от путей сплошными перегородками с автоматическими дверями, двери на платформе синхронизированы с дверями вагонов поездов и поезд подходит к платформе через специальные защитные экраны – это сделано для безопасности пассажиров [10].

Таким образом, проблема правонарушений несовершеннолетних на железнодорожном транспорте не может быть решена исключительно силовыми или запретительными методами. Она требует комплексного подхода к профилактике. Данный подход предполагает объединение усилий не только органов внутренних дел и всех субъектов транспортной безопасности, но и родителей (законных представителей несовершеннолетних). Ключевая задача заключается в замене противоправных, опасных моделей поведения социально одобряемыми, доступными и привлекательными для подростка формами активности, а также в усилении объективного контроля посредством внедрения современных систем видеофиксации и беспилотной авиации на разрешенных для этого участках.

Список литературы

1. Караваев А. А., Анисимова Н. А. Трейнсерфинг (зацепинг) как социально опасное увлечение подростков: понятие, содержание, типология // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 2. С.189–194.

2. Рубцова Е. Д. Зацепинг как экстремистское движение XXI века: социокультурные риски и превентивные меры // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2025. № 3. С. 139–146.

3. Евсикова Е. В. Максимова Е. И. Актуальные проблемы усовершенствования законодательства Российской Федерации в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних // Ученые записи Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 94–109.

4. Кежов А. А., Грачев Ю. А., Степанов И. В. Организационно-правовое обеспечение беспилотных комплексов в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 40–43.

5. За 2025 г. травмы получили 1 518 человек. Число случаев травмирования граждан на ж/д в 2025 году сократилось на 9,4 %. URL: https://tass.ru/ekonomika/26223939.

6. В 2024 г. на железной дороге пострадало 132 ребенка, 88 из них погибли. Минтранс: Уровень детского травматизма на железной дороге растет. URL: https://rg.ru/2025/03/04/mintrans-uroven-detskogo-travmatizma-na-zheleznojdoroge-rastet.html?utm_referrer=https %3A %2F %2Fyandex.ru %2F.

7. Транспортная полиция Твери подвела итоги работы за 2025 год. Электронный ресурс. URL: https://tp.tver.ru/transportnaya-policziya-tveri-podvela-itogi-raboty-za-2025-god/.

8. Зацепинг набирает обороты: число выявленных случаев в 2025 году растет в геометрической прогрессии. URL: https://woman.rambler.ru/children/55780496-zatseping-nabiraet-oboroty-chislo-vyyavlennyh-sluchaev-v-2025-godu-rastet-v-geometricheskoy-progressii/.

9. В Санкт-Петербурге открыли сразу две новые станции метро. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-05-26/346115-v_sankt_peterburge_otkryli_srazu_dve_novye_stantsii_metro.

Горячева М. А.[1]*,*
курсант
Института-факультета
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Цветков А. В.,
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ИЛИ ИНЫХ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В настоящее время в Российской Федерации вопросам, связанным с поддержкой семейных ценностей, воспитания детей уделяется огромное значение, что неоднократно в своих выступлениях отмечал и Президент Российской Федерации Владимир Путин. В 2024 г. был подписан указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», согласно которому с 2025 г. начал реализовываться Национальный проект «Семья», цель которого состоит в сохранении населения, укреплении здоровья, повышении благополучия людей, поддержке семьи, а также создании комфортной социальной среды для всех членов семьи [6].

Ключевую роль в воспитании детей играет непосредственное участие родителей, их вовлеченность в процесс становления личности ребенка, прививание им традиционных ценностей, воспитание в духе патриотизма, что будет позитивно влиять на формирование здорового общества в целом.

Положениями ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации [3] родители наделены не просто правом, но и обязанностью воспитывать своих детей, заботиться об их физическом, психическом, духовном и нравственном развитии. Однако на практике, несмотря на установленную КоАП РФ [2] административную ответственность за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, количество случаев привлечения к ответственности остается стабильно высоким.

---

[1] © Горячева М. А., 2026.

Согласно положениям КоАП РФ для родителей (законных представителей) предусмотрена административная ответственность по следующим составам: чч. 1–3 ст. 5.35 КоАП РФ (по неисполнению или ненадлежащему исполнению обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов детей), чч. 1, 2 ст. 5.35.1 КоАП РФ РФ (по неуплате средств на их содержание), и также можем выделить ст. 20.22 КоАП РФ РФ (за нахождение несовершеннолетних в состоянии опьянения, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ), но в данном случае ответственность наступает за действия самих несовершеннолетних и другие составы.

Остановимся более подробно на рассмотрении ч. 1. ст. 5.35 КоАП РФ. Это наиболее часто применяемая статья в отношении родителей, поскольку она охватывает широкий спектр возможных ситуаций: от отсутствия контроля за ребенком до необеспечения его базовых потребностей.

При исполнении обязанности по содержанию ребенка необходимо учитывать следующие факторы на необходимом материальном уровне, а именно родители (законные представители) должны обеспечить первоочередные нужды детей на:

– полноценное питание ребенка;
– наличие у ребенка необходимой одежды по размеру и сезону;
– медицинское лечение при необходимости;
– жилье, которое соответствует санитарным и гигиеническим нормам;
– средства личной гигиены и др.

Обязанность родителей (законных представителей) по содержанию детей должна исполняться независимо от уровня их доходов и материального положения. Отсутствие финансовых средств не является уважительной причиной для невыполнения требования о содержании ребенка.

Что же касается определенных пробелов в вопросах воспитания несовершеннолетних, то чаще всего в научной литературе можно отметить следующее: это непривитие ребенку элементарных навыков поведения, общения, вежливости, базовых правил этикета, отсутствие должного уважения к старшим.

Изучив практику применения ч 1. ст. 5.35 КоАП РФ, мы можем выделить ряд проблем, с которыми сталкиваются правоприменители:

1. **Неточность формулировок, а именно** понятие «ненадлежащее исполнение», являются оценочным. Это приводит к тому, что к ответственности могут привлекать за совершенно разные деяния.

2. **Сложность** установления причинно-следственной связи в процессе доказывания [7]. Например, если несовершеннолетний совершил правонарушение, необходимо доказать, что родитель не просто плохо воспитал, но, имея фактическую возможность предотвратить противоправное деяние, ничего для этого не сделал. Здесь же можно привести пример привлечения к ответственности по указанной статье за совершение несовершеннолетним правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, который распылил в подъезде жилого дома огнетушитель, – факт данного деяния был подтвержден соответствующими до-

казательствами (показания соседей, запись видеонаблюдения), которые были достаточны для установления вины [4].

3. **Незначительный размер санкций.** Повышение в августе 2025 г. размера штрафа (до 2 тыс. руб.) [5] часто воспринимается родителями как символическое и не служит эффективным стимулом для изменения поведения. В отношении неблагополучных семей такие суммы зачастую просто не взыскиваются.

На наш взгляд, решение данных проблем позволит правоприменителямв первую очередь не допускать определенных ошибок при применении мер административного принуждения в отношении родителей (законных представителей).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании от 12.12.1993 г. (с изм. и доп. 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 сентября 2025 г. № 16-4679/2025 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5.35 и 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

6. Путин назвал поддержку семей важнейшим направлением нацпроектов // Официальный интернет портал ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/25433115.

7. Бубнов С. В. Привлечение родителей и законных представителей к административной ответственности за правонарушения, совершенные несовершеннолетними // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1.

Джафарова Н. Т.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИИ

Ежегодно гл. 13 КоАП РФ, устанавливающая административную ответственность за правонарушения в области связи и информации, дополняется новыми составами административных правонарушений. Поэтому противодействие правонарушениям, совершаемым в информационно-телекоммуникационных сетях, осуществляется, прежде всего путем установления соответствующих административно-правовых запретов.

В частности, противодействию правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в настоящее время уделяется повышенное внимание в связи с тем, что многие правонарушения являются предпосылками совершения в дальнейшем мошенничества, в том числе мошенничества с использованием электронных средств платежа, а также мошенничества в сфере компьютерной информации.

В связи с изложенным на государственном уровне поднимаются различные вопросы ужесточения требований в сфере оборота информации, а именно вопросы о необходимости введения реестров для пользователей сотовой связи, вопросы установления запретов на информирование граждан о каких-либо акциях, новостях и т. д. посредством мессенджеров. Помимо этого, актуальными являются вопросы введения запрета на передачу сим-карты ее владельцем третьему лицу, вопросы относительно возможности установления запрета на заключение договоров об оказании услуг связи без личного присутствия и др.

Отметим, что в связи с назревшими проблемами в апреле 2025 г. был принят Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [1] Часть 1 ст. 1 указанного закона прямо называет цель создания такой ГИС – оперативное предупреждение, выявление и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационных и коммуникационных технологий.

Что касается вопроса ограничения максимально количества сим-карт, могущих быть зарегистрированными на одного владельца, то следует отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 303-ФЗ «О внесении из-

[1] © Джафарова Н. Т., 2026.

менений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», установлено предельное количество абонентских номеров, могущих принадлежать одному владельцу, – двадцать номеров [2].

Установление подобного административно-правового запрета является своеобразным ответом государства на набирающий популярность противоправный способ использования гражданами своих абонентских номеров, связанный с их продажей третьим лицам.

Одновременно с этим на операторов обработки персональных данных была возложена обязанность осуществлять проверку достоверности сведений об абонентах, в том числе с использованием Единой биометрической системы.

Еще одной негативной тенденцией в сфере информации, распространяемой в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях, является публикация недостоверных сведений, порочащих честь и достоинство личности.

В связи с этим достаточно дискуссионным представляется вопрос разграничения распространения в сети Интернет, в социальных сетях, в различных телеграм-каналах недостоверной информации о деятельности должностных лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, поскольку такие действия в зависимости от конкретных проявлений объективной стороны правонарушения могут квалифицироваться как мелкое хулиганство (в порядке ст. 20.1 КоАП РФ), так и как совершение действия, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека по профессиональному признаку (в порядке ст. 20.3.1 КоАП РФ).

Так, в отношении Н. было вынесено постановление о назначении административного наказания по ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ в связи с тем, что он в своем телеграм-канале негативно высказался о политике, проводимой государственными органами России, в том числе Президентом Российской Федерации [3]. В другом случае оскорбление должностных лиц Администрации Президента и сотрудников ОМВД по г. Москве было расценено как возбуждение ненависти или вражды по ст. 20.3.1 КоАП РФ [4].

В научной литературе высказывается мнение о том, что разграничение указанных составов следует проводить по нескольким критериям, а именно:

– по объекту посягательства: при квалификации деяния по ст. 20.3.1 КоАП РФ объектом выступают честь и достоинство и личности, при совершении мелкого хулиганства основным объектом посягательства является общественный порядок;

– по мотиву совершения посягательства: при совершении мелкого хулиганства, как правило, мотивом выступают хулиганские побуждения лица, при оскорблении мотивом служит наличие неприязни правонарушителя к лицу, честь и достоинство которого унижаются;

– по наличию факультативного элемента объекта правонарушения, т. е. потерпевшего: в случае совершения правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ, потерпевший всегда имеет место, им является конкретное физическое лицо, претерпевшее вредные последствия; при совершении хулиганства потерпевший, как правило, отсутствует, его может и не быть [5].

Полагаем, что первые два критерия не позволяют однозначно разграничить анализируемые составы правонарушений, а третий и вовсе является перманентным: он может свидетельствовать как о совершении оскорбления, так и о совершении мелкого хулиганства, а также и о возбуждении ненависти или вражды.

Также к числу вопросов, обсуждаемых в науке административного права, относится соотношение административной ответственности за распространение заведомо недостоверной информации и правовых гарантий свободы слова и массовой информации. Некоторые ученые полагают, что при решении вопроса о соотношении свободы слова и массовой информации и ограничений, установленных в ч. 10.1 ст. 13.15 КоАП РФ, необходимо учитывать, что каждый человек обладает возможностями самостоятельного выбора источников получения информации и анализа ее содержания.

Представляется сомнительной соразмерность установленных санкцией нормы ч. 10.1 ст. 13.15 КоАП РФ величин административных штрафов и предусмотренных ее диспозицией противоправных деяний. Полагаем, что запрет, установленный действующей в настоящее время редакцией ч. 10.1 ст. 13.15 КоАП РФ, создает предпосылки для ограничения правовых гарантий свободы слова и массовой информации [6]. Данная норма также требует повышенного внимания со стороны законодателя – с тем чтобы права и свободы реализовывались на том уровне, на котором они гарантируются Конституцией Российской Федерацией.

Помимо вопросов квалификации правонарушений, можно выделить проблемы процессуального характера, а именно наделение прокурора, который не проводит самостоятельно лингвистических экспертиз, а именно таковая – основной этап в деятельности по признанию того или иного речевого акта или акта публикации неприличных высказываний в информационно-коммуникационных сетях, обязанностью привлечения к ответственности за оскорбление.

Допустимым решением данной проблемы можно признать необходимость исключения из диспозиции ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ упоминания о том, что как оскорбление должно квалифицироваться публичное унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных.

Таким образом, подводя итог изложенному, следует еще рез подчеркнуть, что динамичное развитие общественных отношений в сфере оборота информации требует от законодателя оперативного реагирования на вновь возникающие угрозы информационной безопасности как отдельной личности, так и всего государства в целом. Только координация усилий компетентных органов государственной власти будет способствовать эффективной деятельности по противодействия рассмотренным правонарушениям.

Список литературы

1. Федеральный закон 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий,

и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http: // pravo.gov.ru.

2. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Гагаринского районного суда от 11 августа 2023 г. по делу № 05-675/2023. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details.

4. Постановление Зеленоградского районного суда от 23 августа 2024 г. по делу № 5-837/2024. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details.

5. Бекижева Д. А. Процессуальные проблемы привлечения к административной ответственности за оскорбление // Молодой ученый. 2024. № 23 (522). С. 408-409.

6. Балекина В. М. Соотношение административной ответственности за распространение заведомо недостоверной информации и правовых гарантий свободы слова и массовой информации // Административное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 373–378.

Довгань Е. А.[1]*,*
начальник кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала
Ростовского юридического
института МВД России

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Развитие информационных технологий привело к кардинальным изменениям в правоприменительной деятельности. С 1 июля 2025 г. вступили в силу поправки в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП), направленные на цифровизацию производства по делам об административных правонарушениях [1]. Данная реформа является следствием стратегического курса государства на трансформацию государственного управления и совершенствование деятельности органов внутренних дел.

Органы внутренних дел играют ключевую роль в выявлении и пресечении административных правонарушений. Однако современный уровень развития цифровых технологий выявил как потенциалы, так и проблемы в правоприменительной практике. Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа новеллаций законодательства, выявления препятствий на пути цифровой трансформации и разработки рекомендаций по повышению эффективности административно-юрисдикционной деятельности правоохранительных органов.

Поправки в КоАП предусматривают принципиально новый порядок документооборота в производстве по делам об административных правонарушениях [2]. Впервые на законодательном уровне закреплена возможность представления участниками производства любых процессуальных документов (заявлений, ходатайств, жалоб, протестов) в электронном виде как альтернатива традиционной почтовой связи и факсимильной передаче.

Ключевыми инструментами электронного взаимодействия стали Единый портал государственных услуг (далее – ЕГОУ), информационная система Верховного Суда Российской Федерации, личные кабинеты юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также системы электронного документооборота [3]. Подписание процессуальных документов осуществляется посредством простой или усиленной электронной подписи в зависимости от способа подачи.

Значительное место в реформе отведено использованию видеоконференцсвязи (далее – ВКС) и веб-конференций при составлении протоколов об административных правонарушениях и рассмотрении дел органами, уполномоченными выносить постановления по делам об административных правонарушени-

[1] © Довгань Е. А., 2026.

ях. Установление личности участников, взятие подписок с разъяснением их прав и обязанностей теперь могут осуществляться в полностью электронном формате.

Очевидно, что внедрение цифровых технологий несет очевидные преимущества для всех субъектов административно-правовых отношений. Для граждан и организаций электронный документооборот означает экономию времени и финансовых ресурсов, ускорение получения уведомлений, удобный доступ к материалам дела [4, с. 57–65]. Дистанционное участие в производстве позволяет лицам, находящимся на расстоянии, полноценно отстаивать свои права и законные интересы.

Для органов внутренних дел цифровизация открывает новые возможности повышения оперативности реагирования на совершаемые правонарушения. Автоматизация процедур учета, обработки информации и формирования статистических отчетов снижает бюрократическую нагрузку на личный состав. Электронные системы позволяют реализовать принцип неотвратимости административной ответственности, обеспечить целевое использование технических средств фиксации правонарушений.

Для судебной системы внедрение электронного документооборота означает оптимизацию работы канцелярий, ускорение обработки материалов дел, сокращение сроков назначения судебных заседаний, снижение затрат на бумажное делопроизводство [5, с. 28–36]. Повышается общая эффективность судебного разбирательства по делам об административных правонарушениях.

Вместе с тем практика применения новых норм выявила серьезные проблемы в ходе реализации реформы. Во-первых, наблюдается техническая неготовность судебной системы к полномасштабному внедрению дистанционных форм взаимодействия [6, с. 451–456]. Многие региональные суды столкнулись со сбоями информационных систем, проблемами совместимости программного обеспечения, недостаточной скоростью интернета.

Во-вторых, процесс цифровизации выявил проблемы, связанные с верификацией данных. Установление личности участников производства в условиях удаленного взаимодействия требует надежных механизмов идентификации, что далеко не всегда реализуется на текущем уровне развития технологий, в связи с чем возникают риски подделки электронных документов и неправомерного доступа к информационным системам.

В-третьих, недостаточная цифровая грамотность отдельных категорий граждан (в особенности лиц пожилого возраста) создает барьеры для их участия в электронном производстве, поскольку отсутствие навыков работы с электронными средствами может привести к нарушению сроков подачи документов и потере прав на защиту.

В-четвертых, практика показала увеличение числа формальных процессуальных ошибок, допускаемых органами, выносящими постановления об административных правонарушениях. Автоматизация системы затруднила возможность оспаривания нарушений процедурального характера, так как алгоритмы часто генерируют документы, содержащие технические дефекты.

В-пятых, остаются нерешенными проблемы защиты персональных данных при передаче информации через электронные каналы. Законодательство не со-

держит достаточных гарантий безопасности данных участников производства, что создает риски для их конституционного права на частную жизнь.

Помимо технических проблем, цифровизация обнажила глубокие проблемы в правоприменительной практике. Статистика свидетельствует об увеличении объема наложенных штрафов благодаря использованию технических средств (фото- и видеофиксации), однако существует значительный размер неоплаченных штрафов, что указывает на необходимость совершенствования механизмов исполнения административных наказаний.

Для повышения эффективности правоприменения органам внутренних дел рекомендуется:

– обеспечить техническое сопровождение и поддержку электронных информационных систем, разработать единые стандарты совместимости программного обеспечения, провести обучение сотрудников органов внутренних дел работе с электронными системами документооборота;

– разработать четкие процедуры электронной идентификации, обеспечивающие надежное установление личности участников производства. Рекомендуется использование многоуровневой аутентификации и биометрических данных;

– обеспечить всеобщую доступность электронных форм взаимодействия, предусмотрев альтернативные каналы коммуникации для лиц, испытывающих затруднения с использованием цифровых технологий. Необходимо развитие программ цифровой грамотности населения;

– внести уточнения в КоАП РФ, касающиеся процессуальных гарантий при электронном производстве, включая механизмы контроля над качеством формируемых электронных документов и процедуры обжалования постановлений, вынесенных с использованием автоматизированных систем.

Перспективным направлением развития правоприменительной деятельности органов внутренних дел является внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), поскольку его применение позволит повысить эффективность анализа больших массивов данных, выявлять закономерности совершения правонарушений и прогнозировать их.

Системы распознавания лиц, автоматизированный мониторинг видеопотоков, предиктивная аналитика могут значительно улучшить оперативность реагирования на административные правонарушения. Тут необходимо отметить, что внедрение ИИ требует разработки надежных правовых механизмов, обеспечивающих транспарентность алгоритмов, возможность проверки выводов, полученных с использованием ИИ, и защиту прав граждан от неправомерного применения автоматизированных систем.

Необходимо закрепить на законодательном уровне требования к надежности и валидности выводов, полученных с применением технологий ИИ в административно-юрисдикционной деятельности. Рекомендуется предусмотреть обязательное участие человека при принятии решений, основанных на результатах работы ИИ.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что цифровизация правоприменительной деятельности органов внутренних дел представляет собой объективную необходимость, отвечающую современным требованиям повы-

шения эффективности государственного управления. Поправки в КоАП, вступившие в силу с 1 июля 2025 г., создали законодательную основу для внедрения электронного документооборота и дистанционного производства по делам об административных правонарушениях.

Однако успешная реализация цифровой трансформации требует комплексного решения выявленных проблем. Органам внутренних дел, судебной системе и другим участникам административного производства необходимо обеспечить техническое оснащение, повысить квалификацию персонала, разработать дополнительные процессуальные гарантии защиты прав граждан в условиях электронного взаимодействия.

Развитие технологий ИИ открывает новые перспективы повышения оперативности и эффективности правоприменения, однако требует рациональной и взвешенной нормативной базы. Только при условии сбалансированного подхода, учитывающего как возможности, так и риски цифровизации, может быть достигнут желаемый результат – совершенствование правоприменительной деятельности с одновременной защитой конституционных прав и свобод граждан.

Перспективы совершенствования административно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел в условиях цифровизации зависят от готовности государства инвестировать в развитие информационной инфраструктуры, укрепления правовых гарантий и повышения профессионального уровня правоприменителей.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 560 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Правовая основа для электронного документооборота и дистанционного производства по делам об административных правонарушениях // Портал федеральных проектов нормативных актов. URL: https://regulation.gov.ru.

3. Приказ Верховного Суда Российской Федерации «О порядке использования электронных информационных систем при рассмотрении дел об административных правонарушениях».

4. Мироедова О. В. Использование электронных документов в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве // Холодная наука. 2025. № 23.

5. Чертушкин С. О. Оптимизация судопроизводства посредством технологизации и информатизации судебного процесса как способ повышения доступности правосудия // Вестник БелЮИ МВД России. 2024. № 4.

6. Ковалишина К. В., Евсикова Е. В. Проблемы осуществления производства по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации // Образование и право. 2023. № 1.

Дрокина К. А.[1]*,*
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Попович О. М.,
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ КАК АДМИНИСТРАТИВНО ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

К началу 2025 г. институт государственных услуг в Российской Федерации (далее – РФ) достиг высокой степени технологической зрелости, став неотъемлемым элементом цифровой экосистемы государства. Законодательная база, сформированная вокруг Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ [1], прошла этап адаптации к требованиям Национальной программы «Цифровая экономика» [5]. Однако стремительная цифровизация, внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и переход к логике суперсервисов обнажили сохраняющиеся системные проблемы и породили новые вызовы административно-правового характера. Современный этап развития института характеризуется сдвигом от задачи повышения доступности и сокращения сроков оказания услуг к решению проблем качества, персонализации и безопасности в цифровой среде.

В 2025 г., как и ранее, продолжилось развитие подзаконного регулирования, направленного на реализацию цифровой повестки. Ключевыми документами стали стратегии и концепции, определяющие переход от электронных форм к интеллектуальным государственным сервисам. Принятие Концепции регулирования искусственного интеллекта до 2024 г. и ее реализация заложили основы для использования алгоритмических систем в принятии административных решений [2]. Утверждение стандартов цифрового профиля гражданина и развитие Единой системы идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА) создали технико-правовые условия для проактивной модели услуг, при которой государство инициирует их оказание на основе анализа данных [3].

Одновременно наблюдается процесс точечной модернизации отраслевого законодательства (градостроительного, земельного, налогового) с целью его синхронизации с нормами о межведомственном электронном взаимодействии,

[1] © Дрокина К. А., 2026.

закрепленными в Законе № 210-ФЗ. Однако, как отмечают эксперты, эта работа носит фрагментарный характер и не решает проблему системных коллизий.

В настоящее время институт государственных услуг демонстрирует ряд значимых достижений, сформировавших новое качество взаимодействия граждан и государства. Во-первых, успешное функционирование и масштабирование суперсервисов (таких как «Рождение ребенка», «Потеря работы» и «Цифровой переезд») доказало практическую возможность преодоления хронической ведомственной разобщенности. Эти сквозные цифровые сервисы позволяют пользователю получить комплексный результат, соответствующий конкретной жизненной ситуации, без необходимости прямого взаимодействия с десятками разрозненных инстанций. Во-вторых, значительный рост проактивности государства стал реальной практикой: механизмы автоматического назначения социальных выплат, своевременные напоминания об истечении срока действия водительских прав или паспорта существенно сократили административную нагрузку на граждан, сместив инициативу с заявителя на государственные информационные системы. В-третьих, продолжилась эволюция экосистемы доступа, где сеть многофункциональных центров (далее – МФЦ) трансформировалась в ключевые хабы оказания цифровых услуг («Мои документы»). МФЦ прочно утвердились в роли физического интерфейса для цифрового государства, обеспечивая необходимую поддержку и включенность малозащищенных категорий граждан, тем самым смягчая риски цифрового неравенства.

Однако параллельно с этими успехами сохраняются и углубляются системные проблемы. На первый план выходит правовая неопределенность в применении ИИ, порождающая вопросы об ответственности за алгоритмические ошибки, процедурах обжалования и обеспечении принципа понятности принимаемых решений [9, с. 45–56]. «Цифровое неравенство» эволюционировало во второй уровень, проявляясь теперь не столько в отсутствии доступа, сколько в дефиците цифровых навыков и глубоком недоверии части населения, особенно старшего возраста, к онлайн-сервисам из-за страха кибермошенничества или утраты контроля над персональными данными [8, с. 78–89]. Многократно усилились риски кибербезопасности и защиты данных: концентрация колоссальных массивов персональной информации в единых государственных системах делает их приоритетной мишенью для атак, а инциденты с утечками напрямую подрывают доверие к цифровому государству. Законодательство страдает от нормативной ригидности: административные регламенты не успевают за скоростью технологических изменений, а их избыточная детализация сковывает внедрение гибких подходов и экспериментальных правовых режимов [10, с. 105–109]. Наконец, сохраняется проблема остаточной бюрократии, когда, несмотря на развитое межведомственное взаимодействие, сложные процедуры (например, в сфере недвижимости) требуют дублирования цифровой подачи заявления предоставлением бумажных оригиналов документов, что нивелирует преимущества онлайн-формата. Таким образом, прогресс в технологической реализации услуг опередил развитие адекватного, гибкого и безопасного правового поля, что и определяет основные вызовы института на современном этапе.

Для ответа на современные, актуальные вызовы целесообразен переход к новому, более глубокому этапу модернизации института государственных услуг, который предполагает системную правотворческую и организационную работу. В качестве первоочередной меры необходимо принятие рамочного закона об использовании ИИ в публичной сфере, который установил бы четкие границы и гарантии: перечень и критерии допустимости применения ИИ для оказания услуг, гарантии недискриминационности алгоритмов, прозрачную процедуру информирования гражданина о решении, принятом с участием ИИ, и упрощенные механизмы его пересмотра человеком – принцип «человек в контуре». Параллельно должен быть инициирован запуск регуляторной «Гильотины 2.0». Если первая волна была направлена на отмену устаревших требований к бизнесу, то новая фаза должна быть сфокусирована на цифровой очистке административных процедур. Ее целью станет системный аудит и отмена избыточных, дублирующих действий, которые утратили смысл в условиях цифрового межведомственного взаимодействия, но по-прежнему обременяют заявителя [4]. Важнейшим направлением является легальное закрепление и стандартизация проактивных услуг. Для этого требуется внести в Федеральный закон № 210-ФЗ отдельную главу или статью, которая определит правовые основания для проактивного оказания услуги (наличие согласия и данные из государственных информационных систем), установит исчерпывающий перечень таких услуг, а также прозрачный порядок информирования гражданина и его право на отказ как от самой услуги, так и от ее результата [7]. Одновременно необходимо создание комплексных правовых режимов для суперсервисов. Вместо трудоемкой адаптации множества разрозненных ведомственных регламентов требуется разработка единого, сквозного административного регламента для каждого суперсервиса. Такой документ должен обладать приоритетом над отраслевыми регламентами в рамках конкретной жизненной ситуации, что позволит окончательно ликвидировать внутренние ведомственные барьеры. Наконец, в условиях роста доли автоматически принимаемых решений критически важно развитие института цифрового омбудсмена и механизмов досудебного обжалования. Усиление внесудебных процедур защиты прав, когда функции специального омбудсмена будут включать оперативное рассмотрение жалоб на работу алгоритмов, функционирование суперсервисов и нарушения в сфере защиты персональных данных, станет ключевой гарантией справедливости и доверия в цифровой экосистеме государства [6].

В настоящее время институт государственных услуг в нашем государстве перешел к этапу глубинной трансформации управления, основанной на цифровом доверии и ориентации на результат. Акцент проблем сместился к качеству правового регулирования, безопасности и защите прав в цифровой среде. Успех дальнейшего развития зависит от создания гибкого, технологически нейтрального и опережающего законодательства. Ключевые задачи: обеспечить правовую определенность применения ИИ, реализовать регуляторную «Гильотину 2.0» и создать прочную правовую основу для проактивных услуг и суперсервисов. Это преобразует институт из инструмента упрощения взаимодействия

в основу нового цифрового социального контракта, базирующегося на доверии, эффективности и уважении прав граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 345 «Об утверждении Положения о цифровом профиле гражданина // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

4. Концепция проекта федерального закона «Об использовании технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (разработана Минэкономразвития России, 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

6. Предложения по совершенствованию Федерального закона № 210-ФЗ в части проактивного предоставления услуг (подготовлены экспертной группой при Минцифры России) // Официальный сайт Минцифры России. URL: digital.gov.ru.

7. Проект Концепции регуляторной «Гильотины 2.0» (цифровой аудит административных процедур). М. : Правительственная комиссия по цифровому развитию, 2024.

8. Засурский И И. Искусственный интеллект в государственном управлении: административно-правовые риски и гарантии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 3. С. 78–89.

9. Корнев А. В., Симонова А. А. Правовые коллизии в цифровой среде: проблемы синхронизации отраслевого законодательства и законодательства о государственных услугах // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 45–56.

10. Социологическое исследование «Цифровая инклюзия и доверие к государственным сервисам в 2024 году». М. : ВЦИОМ, 2024. С. 105–109.

Дугенец А. С.[1]*,*
главный научный сотрудник
НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор

Павлова Л. В.[2]*,*
начальник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРА А. П. КОРЕНЕВА

В условиях сложившейся системы общественных отношений, отмеченных санкционной агрессией ряда недружественных стран и необходимостью поиска новых внутренних резервов, весьма важное значение имеет утверждение 29 апреля 2021 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) Российской Федерации на период до 2030 года. Данный документ стратегического планирования определяет в соответствии с современными вызовами, стоящими как перед компетентными федеральными органами исполнительной власти, так и пенитенциарной системой, цели и приоритетные направления развития в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормами международных обязательств Российской Федерации.

Осмысление управленческих и правовых механизмов реализации этих задач невозможно без обращения к фундаментальным научным трудам корифеев административно-правовой науки. Особое место среди них занимает учение профессора Алексея Прокофьевича Коренева, чьи работы по теории государственного управления, правовым формам и методам деятельности органов исполнительной власти, а также организации службы в правоохранительных органах сохраняют свою высокую эвристическую ценность. Представляется, что использование его научного наследия позволяет глубже понять природу современных проблем уголовно-исполнительной системы и наметить пути их решения.

Обращаясь к научному наследию профессора А. П. Коренева, следует подчеркнуть его вклад в разработку теории административно-правового регулирования и организации управления в особых условиях, к которым, без сомнения, относится деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания. Его идеи о сущности аппарата управления, о соотношении убеждения и принуждения, о необходимости четкой правовой регламентации властных полномочий должностных лиц являются методологическим ключом к решению актуальных задач, стоящих перед Федеральной службой исполнения наказаний России (далее – ФСИН) сегодня.

В контексте учения А. П. Коренева о механизме административно-правового регулирования выделим несколько ключевых для нашего исследова-

[1] © Дугенец А. С, 2026.
[2] © Павлова Л. В., 2026.

ния тезисов. Во-первых, его позицию о том, что эффективность управления напрямую зависит от качества нормативно-правовой основы, регламентирующей компетенцию и процедуры деятельности органов власти. Во-вторых, его выводы о значимости правовых форм деятельности (правотворческой и правоприменительной) для обеспечения законности и дисциплины. В-третьих, его разработки в области организации работы с кадрами, формирования профессионализма и правосознания сотрудников, что является центральной проблемой современной уголовно-исполнительной системы [1, с. 88].

Актуальными задачами уголовно-исполнительной системы в современных условиях социально-экономического развития Российской Федерации является активизация деятельности на ряде важнейших направлений реализации внутренней политики в части ее уголовно-исполнительного сегмента:

– необходимость дополнительного совершенствования нормативного правового регулирования;

– выработка системного подхода при планировании размещения учреждений уголовно-исполнительной системы;

– модернизация инфраструктуры, которая позволит создать достойные условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы;

– рациональное расположение учреждений уголовно-исполнительной системы в населенных пунктах, исключающее возможность негативного влияния на городскую среду и распространение среди молодежи криминальной субкультуры;

– совершенствование производственной деятельности для обеспечения необходимого уровня занятости осужденных и возможности обращения взыскания по исполнительным документам на заработную плату осужденных и других не менее важных направлениях.

Вместе с тем принимаемые меры не в полной мере обеспечивают необходимое повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, а также не создают надежных гарантий соблюдения прав и обеспечения законных интересов лиц, содержащихся под стражей. Несмотря на некоторое снижение количества зарегистрированных преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, их уровень продолжает вызывать серьезную обеспокоенность.

Что касается ранее обозначенной задачи (совершенствование нормативного правового регулирования), то в данном случае следует отметить долг российских ученых перед практической составляющей должного правопонимания и правоприменения органами и их должностными лицами соответствующих органов исполнительной власти. О нем четко утверждает известный российский специалист в области права Р. А. Ромашов. Так, по его мнению, «проблемы понимания и системного анализа права относятся к числу вечных и привлекают внимание ученых-юристов, работающих как в области общей теории права, так и в сфере отраслевой и прикладной юриспруденции. При этом нередко отраслевики и прикладники, затрагивая теоретические вопросы, уходят от общей теории, применяя собственное видение в качестве базы, на которой и строят свои дальнейшие рассуждения…» [2, с. 236].

С позиций учения А. П. Коренева об организации службы деятельность уполномоченных федеральных органов государственной власти по повышению престижа службы в уголовно-исполнительной системе осуществляется недостаточно эффективно. Результаты предварительного изучения рассматриваемой проблемы позволяют утверждать о наличии серьезных проблем в данной сфере деятельности. Они общеизвестны. О них отмечалось в выступлениях участников международного пенитенциарного форума в 2021 г., проведенном на базе Академии ФСИН России, а также комплекса международных научно-практический конференций «Петербургские пенитенциарные конференции» (16–17 мая 2022 г.).

Среди ученых существуют объективные оценки сложившейся ситуации, а также конкретные аргументированные предложения. В частности, заслуживают поддержки инициатива о внесении дополнений в Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [3, с. 39]. В частности, предлагается закрепить в указанном федеральном законе принцип службы, согласно которому сотрудники УИС должны в своей деятельности обеспечивать доверие населения к пенитенциарной системе и осуществлять поддержку граждан.

С. С. Оганесян относит к числу важных направлений формирования положительного имиджа ФСИН России, кроме того, повышение профессиональных качеств сотрудников и работников ФСИН России. Это особенно важно, подчеркивает ученый, когда в колониях и тюрьмах складывается собственная криминальная субкультура со своими обычаями и традициями [4, с. 96]. Данная проблема должна быть подвергнута основательному анализу с выработкой конкретных предложений по исправлению сложившейся ситуации.

В целях повышения эффективности деятельности УИС в современных условиях и обеспечения реализации в полном объеме основных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. требуется комплексный анализ как многочисленных аргументированных предложений пенитенциарных ученых, получивших поддержку и понимание на научных форумах и в научной литературе, так и основательная проработка результатов анализа фактической ситуации в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Необходимо разработать комплекс дополнительных мер, направленных на обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, в следственных изоляторах, обеспечение безопасности содержащихся в них осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников УИС, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов.

Дальнейшему укреплению законности, как представляется, будет способствовать принятие дополнительных мер по повышению эффективности работы по выявлению и пресечению в учреждениях УИС деструктивной деятельности нетрадиционных для Российской Федерации религиозных организаций, а также лиц, исповедующих радикальные взгляды.

В рамках работы Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности УИС активизировать информирование общественности и средств массовой информации о деятельности ФСИН России в целях формирования у населения объективного представления об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания, а также распространения положительного опыта работы учреждений и органов УИС в решении вопросов по защите прав и законных интересов ее работников, осужденных лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах [5, с. 662].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что эффективная реализация уголовно-исполнительной политики возможна лишь при условии научно обоснованного подхода к управлению, фундамент которого был заложен в трудах профессора А. П. Коренева. Его идеи о четкой правовой регламентации, профессионализме кадров и системном характере государственного управления остаются путеводной нитью для решения современных проблем пенитенциарной системы.

Представляется, что реализация отмеченных и ряда других доступных широкой научной общественности аргументированных предложений будет способствовать не только реализации основных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, но и укреплению правопорядка и законности в условиях современной российской действительности.

Список литературы

1. Административно-правовое регулирование в сферах и отраслях управления / под ред. А. П. Коренева. М. : Московская академия. МВД России ; Щит, 2002.

2. Ромашов Р. А. Пенитенциарное право: феноменология и системность // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 3 (59). С. 234–244.

3. Кочкина О. В., Павлова Л. В. К вопросу о престиже службы в уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 9. С. 37–40.

4. Оганесян С. С. Проблемы и направления формирования имиджа уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Петербургские пенитенциарные конференции : сборник материалов. СПб. : Университет ФСИН России, 2022. С. 90–96.

5. Дугенец А. С. Актуальные задачи органов исполнительной власти в сфере реализации уголовно-исполнительной политики // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова, сост. А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 658–663.

Евсеева И. А.[1]*,*
преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности полиции
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В данное время цифровая трансформация выступает в качестве фундаментального фактора, формирующего новые параметры социальной реальности и создающего инфраструктуру для повышения эффективности и комфорта в условиях динамично развивающегося мирового сообщества. Процессы активной цифровизации охватывают все ключевые подсистемы социума, включая институты государственной власти и публично-правового регулирования. Это приводит к закономерной эволюции и трансформации традиционных моделей управленческой деятельности органов публичной администрации, которые вынуждены адаптироваться к вызовам технологической эпохи. Особую значимость и актуальность приобретает анализ влияния цифровых инноваций на административно-юрисдикционную деятельность. Законодательный тренд на технологическое обновление данной сферы нашел свое отражение в новой Концепции Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП), где подчеркивается императив активного внедрения электронных и цифровых технологий. Речь идет, в частности, о процедурах исполнения административных наказаний и межведомственном электронном взаимодействии федеральных органов исполнительной власти. Катализируя модернизацию государственного управления, цифровые технологии одновременно выступают генератором новых форм противоправного поведения, укорененных в цифровой среде. Это объективно влечет за собой экспансию особенной части КоАП за счет введения новых составов административных деликтов, связанных с оборотом информации, использованием информационно-телекоммуникационных сетей и цифровых сервисов.

Таким образом, цифровизация не только технически модернизирует административные процедуры, но и оказывает глубокое модифицирующее воздействие на материальные нормы административного права, порождая комплекс теоретических и правоприменительных проблем, связанных с квалификацией новых видов правонарушений и определением их юридических составов. Исторически начальной точкой данной трансформации можно считать 2007 г., когда в законодательство об административных правонарушениях были инкорпорированы первые правовые нормы, регламентирующие процедуры фиксации де-

[1] © Евсеева И. А., 2026.

ликтов с применением специальных технических средств, функционирующих в автоматизированном режиме. Это положило начало процессу интеграции цифровых инструментов в административно-юрисдикционный процесс [1].

В результате произошли серьезные изменения в базовых подходах и процедуре рассмотрения административных дел. Это потребовало введения особого правового режима, который был закреплен в ст. 28.6 КоАП. Использование автоматических средств фиксации (таких как камеры) имело двойной эффект. С одной стороны, это сделало выявление правонарушений, особенно в сфере дорожного движения, гораздо более эффективным, что вызвало значительный рост количества выписываемых постановлений. Однако со временем такое положение дел стало вызывать обоснованные сомнения у специалистов в части соблюдения одного из ключевых правовых постулатов – презумпции невиновности. Как подчеркивают эксперты, использование цифровых механизмов объективно привело к тому, что этот важнейший принцип начал размываться, приобретая все более декларативный, нежели реально действующий характер. Фактически именно эти обстоятельства дали толчок к тому, что цифривизация стала активно внедряться во все новые пласты административно-правовой сферы [2].

В юридической практике, в частности в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства, активно расширяется использование электронного документооборота. Российское арбитражное процессуальное законодательство прямо разрешает направлять документы в суд в цифровой форме. Это касается как файлов, подписанных усиленной цифровой подписью, так и материалов, переданных через официальные интернет-приемные судов. В связи с этим закономерно возникает вопрос о допустимости использования таких электронных документов в качестве доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Главное требование здесь, чтобы цифровой документ содержал все необходимые реквизиты. Именно они дают возможность безошибочно установить его подлинность и придать файлу полноценную юридическую значимость. Для решения этой задачи предлагается дополнить КоАП новой отдельной статьей – 26.7.1. Ее целью станет прямое закрепление электронного документа в качестве самостоятельного и допустимого доказательства в административном процессе, что унифицирует подходы в разных видах судопроизводства [3, с. 202].

Вектор развития нормативной базы и правоприменения в административной сфере указывает на возможность формирования полноценного электронного производства по делам об административных правонарушениях. Эта инициатива логически вытекает из концепции электронного правосудия, в рамках которой современные информационно-коммуникационные технологии используются для оптимизации и повышения эффективности судебных и административных процедур [4, с. 129]. Данная система подразумевает цифровой обмен данными, а также применение аудио- и видеотрансляций судебных заседаний. Это обеспечивает цифровое взаимодействие между всеми сторонами процесса. Главной практической мерой для ее внедрения в сфере административных правонарушений является создание законопроекта, разрешающего подачу жалобы на постановление в электронном виде. В качестве одного из вариантов предлагается принимать документы, подписанные простой электронной подписью, при усло-

вии, что заявитель авторизован через Единую систему идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА). Однако в настоящее время эти нововведения затрагивают лишь стадию обжалования и касаются только формата подачи документов. Авторы статьи полагают, что следующим логичным и необходимым шагом станет внесение в КоАП специальных процессуальных норм, которые бы детально регулировали использование электронных документов на всех этапах производства по делу об административном правонарушении. Согласно предлагаемой в проекте ст. 1.17 станет возможной подача заявлений, ходатайств, жалоб и прочих процессуальных документов в электронном виде. Это можно будет сделать через официальные сайты судов или органов, ведущих производство по делу. Обязательным условием будет наличие на таких документах квалифицированной электронной подписи. Также новый порядок предоставит участникам процесса право получать в электронной форме копии постановлений, извещений, вызовов и иных бумаг. Для этого будет использоваться Единый портал государственных услуг (Госуслуги). Однако реализация этих нововведений будет зависеть от уровня технического оснащения в разных регионах. Закон прямо устанавливает, что использование электронного документооборота допускается только при наличии у органа или суда соответствующей технической возможности.

Рассмотрение последних поправок к закону и изучение новых законодательных предложений по делам об административных правонарушениях показывает, что мы наблюдаем планомерное создание системы электронного производства. По оценкам специалистов, данный процесс можно смело назвать планомерным и неуклонным движением в сторону полной цифровизации административного делопроизводства.

Список литературы

1. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (по состоянию на 10.06.2019). URL: http://static.government.ru.

2. Официальный сайт ГИБДД. URL: https://гибдд.рф/news/item/13623/.

3. Проект Федерального закона № 608427-7 «О внесении изменения в статью 30.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

4. Василенко Г. Н., Виноградов И. А. О документировании административных правонарушений в области дорожного движения средствами фотовидеофиксации // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции (23 июня 2017 г.) : в 2 т. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2017.

Егоров Н. Д.[1]*,*
курсант
факультета подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Джафарова Н. Т.,
старший преподаватель
кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ (НДС)

Налог на добавленную стоимость (далее – НДС), традиционно, в Российской Федерации занимает большую часть доходной части федерального бюджета. На сегодняшний день юридические аспекты, касающиеся исчисления и уплаты, вызывают множество вопросов как со стороны налогоплательщиков (юридических лиц), так и со стороны фискальных органов. Данный вид налога имеет динамическую структуру и ярко-выраженную административно-правовую направленность. Исторически сложившаяся сложность исчисления, уплаты и контроля в сфере НДС обусловливается специфическим налоговым администрированием, которое, в свою очередь, осуществляется в рамках властных предписаний и правоотношений со стороны государства. Последние данные ФНС РФ говорят, что доля НДС, уплачиваемая субъектами в федеральный бюджет, составляет 35–40 %. [5]. Отметим, что структура НДС имеет большое количество разветвлений и исключений из базовых налоговых законов: льготы, специфика процессов взимания и возмещения, что приводит к различным погрешностям и неточностям со стороны его плательщиков. Следовательно, главной целью НДС является достижение сбалансированности между деятельностью фискальных органов и налогоплательщиками.

Именно по этой причине, совершенствование контрольно-надзорной деятельность в сфере НДС – это одно из ключевых задач государственных органов для обеспечения национальных интересов страны.

Прежде чем анализировать исторический путь НДС, отметим, что данный вид налога прошел длительную эволюцию фискальной мысли и практики. Итак, НДС был разработан в 1919 г. немецким экономистом Вильгельмом фон Сименсом как теоретический элемент в системе налогообложения [4], однако впервые в практику был введен французским экономистом Морисом Лоре

[1] © Егоров Н. Д., 2026.

в 1954 г. Именно его сущность заменила в то время распространенный каскадный налог с оборота хозяйствующих субъектов, который был причиной искажения цен и стимулирования вертикальной интеграции субъектов предпринимательской деятельности. К 1970 г. НДС представлял собой ключевой вид налога в Европе, распространяясь повсеместно, а сегодня его применяют более 160 стран.

В свою очередь, экономическая природа НДС выражается в его сущности. НДС является косвенным налогом на потребление, взимаемый на каждой стадии производства и/или обращения товаров, работ, услуг по мере проявления добавленной стоимости, исходящей от экономического субъекта. Отметим, что добавленная стоимость есть вычет затрат на сырье, материалы, услуги, которые уже обложены НДС от выручки реализации определенного продукта или оказываемой услуги. Вследствие сущности НДС можно выделить фискальное обеспечение устойчивого уровня доходов бюджета, регулятивную возможность влияния на структуру потребления, стимулирование экспорта (нулевая ставка).

Однако преимущества НДС подводят к проблеме его администрирования. Основная проблема НДС сегодня – не расчет, а обоснованная правомерность вычетов перед налоговыми органами. ФНС и суды сегодня активно оспаривают вычеты, рост количества косвенных признаков для проведения проверок налоговыми органами: применение контрольно-аналитических мероприятий не только цепочек контрагентов, но и совокупности косвенных данных (логистика, оплата труда, постоянные издержки), совокупность технических сложностей для субъектов, сложность обоснования использования льгот. Однако административная ответственность, регулируемая КоАП РФ, наступает за нарушение процедур налогового контроля: нарушения учета (ст. 15.11 КоАП РФ) или несвоевременную отчетность (15.5 КоАП РФ) и касается в основном должностных лиц.

Итак, основная проблема НДС сместилась с арифметических расчетов на доказательство и обоснование правомерности действий при исчислении и уплате НДС перед налоговым органом. Совершенствование законодательства о налоге на добавленную стоимость должно быть направлено на достижение баланса между фискальными интересами государства и созданием справедливых и необременительных условий для добросовестных налогоплательщиков.

К наиболее эффективным направлениям работы необходимо отнести грамотную политику по внедрению автоматизированных процессов. Конкретное предложение заключается в автоматическом формировании книги покупок и продаж и, следовательно, автоматически заполненной декларации НДС. Данное нововведение позволит автоматизировать камеральный контроль налоговых органов при проверки этих самых деклараций, а автоматизация в формировании таких видов отчетности позволит колоссально сократить ошибки, возникающие у организаций. Совершенствования законодательства механизма быстрого и эффективного возмещения НДС также позволит налоговикам обеспечить четкие, объективные и грамотные административные процедуры по принятию решений о возмещении.

К основному направлению развития в этой области стоит отнести автоматизированное возмещение НДС тем субъектам, которые на протяжении долгосрочного периода придерживались налоговой дисциплины и только при подтверждении хозяйственных операций через такие механизмы регулирования,

как система маркировки товара и накладные, а непосредственное совершенствование правил электронного документооборота (далее – ЭДО) приведет к минимизации ошибок. Однако действующее законодательство не регламентирует ЭДО к использованию в качестве доказательства при возбуждении производства по делу об административном правонарушении субъекта. Важно закрепить данное предложение на законодательном уровне для упрощения требований к оформлению документов в целом. Это кардинально сократит трудозатраты налогоплательщиков. Также отметим, что необходима дифференциация ответственности. Данная проблема касается не только Налогового или Уголовного кодексов, но и, в частности, КоАП. На данный момент за некоторые правонарушения в сфере неуплаты или незаконного возмещения НДС отсутствует дифференциация ответственности. Правоприменительным и законотворческим органам важно понимать, что главной задачей этого блока является усовершенствование законодательства. Соответственно, считаем целесообразным ужесточение административной ответственности за допущение умышленных искажений финансовой отчетности.

Итак, в нашей статье мы попытались провести аналитику такого вида налога и фискального инструмента, как НДС. Были выявлены некоторые проблемы и коллизии в Российском законодательстве, требующие незамедлительной доработки со стороны государства – не только во благо бюджета Российской Федерации, но также во благо налогоплательщиков, для дальнейшего роста и укрепления экономики. Важно отметить, что осмыслению проблем, связанных с административно-правовым регулированием НДС, нет предела. Сегодняшние реалии не позволяют однозначно разобраться со всеми недоработками и коллизиями, затрагивающие НДС, но главной задачей любого государства является грамотная политика в сфере налогообложения, и у Российской Федерации есть четкий путь развития и преодоления данных проблем.

Список литературы

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Шкред А. В. Налоговая история : учебное пособие. М. : Кнорус, 2020.

6. Официальный сайт ФНС России // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/fts/activities_fts/.

Жалсанов Б. Ц.[1]*,*
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПОЗИТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА КАК СРЕДСТВА НЕОБХОДИМОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН

Часть 1 статьи 1 Конституции Российской Федерации устанавливает: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». То есть в основном законе наша страна провозглашается правовым государством. К признакам правового государства относятся:

– *верховенство права* во всех сферах жизнедеятельности общества. Федеральные законы и правовые нормы являются обязательными для всех участников общественных отношений, включая органы власти и должностных лиц. Правовые предписания едины и одинаково применяются ко всем гражданам независимо от социального статуса, должности или положения;

– *иерархичность правовых актов* вне зависимости от источника нормотворчества. Классически иерархия правовых актов представляет собой систему упорядоченности нормативных документов в зависимости от их юридической силы. Она отражает порядок подчиненности законов и иных нормативно-правовых актов друг другу, где вышестоящие акты обладают большей силой по сравнению с нижестоящими актами. Проблема заключается в том, что на сегодняшний день так и не принят федеральный закон о нормативных правовых актах, который четко установил бы иерархичность правовых актов;

– *обязательность соблюдения прав и свобод человека и гражданина* – обязанность государства. Обязанность органов государственной власти закреплена в ст. 2 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой государство гарантирует свободу мысли, вероисповедания, выражение мнений, доступ к правосудию, личную неприкосновенность и равенство перед законом.

Государство должно гарантировать исполнение обязательств, вытекающих из договоров и соглашений, заключенных физическими лицами и организациями.

Таким образом, государство несет важную миссию защиты и обеспечения реализации прав каждого индивида, создавая условия для свободного развития личности и гражданского общества.

Принцип разделения властей. Разделение функций ветвей власти обеспечивает гармонизацию государственного управления, взаимный контроль между органами государственной власти и существенно предотвращает злоупотребления властью.

[1] © Жалсанов Б. Ц., 2026.

Ответственность власти перед народом. Органы государственной власти, в свою очередь, подконтрольны гражданскому обществу и несут ответственность перед гражданами за свою деятельность.

Указанные признаки правового государства в своей совокупности позволяют обеспечить законность и защиту прав граждан. Кроме того, они формируют основу демократического устройства государства, где защита прав граждан – действительно высшая ценность.

Административное право играет ключевую роль в защите прав граждан путем формирования позитивных институтов, обеспечивающих эффективный механизм контроля над деятельностью органов публичной власти. Рассмотрим наиболее важные институты административного права, способствующие необходимой защите прав граждан.

Институт лицензирования в защите прав граждан является важным инструментом (средством) в области административного права, направленным на защиту прав граждан. Лицензирование подразумевает выдачу разрешений уполномоченными органами на осуществление определенных видов деятельности, таких как медицинская практика, образовательная деятельность, строительство, производство лекарственных препаратов и т. п. Перед началом определенной деятельности компания или физическое лицо проходит проверку соответствующими органами, подтверждающую квалификацию персонала, наличие необходимого оборудования и технологий, а также способность оказывать услуги надлежащего качества. Таким образом, лицензии выступают гарантией соответствия продукции и услуг требованиям безопасности и стандартам качества. Получение лицензии предусматривает соблюдение обязательных условий и стандартов, установленных законодательством. Таким образом, институт лицензирования является достаточно распространенным и эффективным средством защиты прав граждан, сущность, которого заключается в гарантиях безопасности, качества и надежности товаров и предоставляемых услуг.

Институт технического регулирования в защите прав граждан является значимым средством механизма защиты прав граждан в современной правовой системе. Техническое регулирование устанавливает стандарты и требования к товарам, услугам и производственным процессам, целью которых является обеспечение безопасности, охраны здоровья и окружающей среды. Установленные органами государственной власти технические регламенты в первую очередь исходят из требования к защите прав граждан. Качество и безопасность выпускаемой продукции позволяют предотвратить поступление к конечному потребителю опасных товаров, которые могут привести к нарушению прав граждан. Кроме того, соответствие установленным стандартам и сертифицированная деятельность организаций благотворно влияет на экологическую безопасность государства, одновременно защищая здоровье граждан. Несомненно, функции государственных органов не исчерпываются только установлением стандартов и сертификацией деятельности субъектов правоотношений. Органы государственной власти осуществляют государственный контроль (надзор), в рамках деятельности которых осуществляется государственный контроль (надзор) за соблюдением требований технических регламентов и (или) обяза-

тельных требований, подлежащих применению до дня вступления в силу технических регламентов. Таким образом, институт технического регулирования является важнейшим средством, призванным защищать права граждан.

Позитивный институт контроля и надзора занимает центральное место в механизме защиты прав граждан. Важность данного института вытекает из его предназначения – осуществлять исполнение законодательства, предупреждать правонарушения и реагировать на возникающие угрозы правам граждан. Он охватывает практически весь круг правоотношений, начиная образованием и заканчивая правоохранительной деятельностью. Сущностью института контроля и надзора является обеспечительная функция по комплексной защите прав граждан через соблюдение законодательства и создание благоприятной среды для полноценной реализации гражданских прав и свобод.

Институт специальных административно-правовых режимов – особый вид инструмента государственного управления, вводимый государством в исключительных случаях для обеспечения национальной безопасности, охраны правопорядка, защиты государственной тайны, восстановления последствий стихийных бедствий и др. Рассматриваемые режимы находят свое выражение, помимо регулятивной, восстановительной, превентивной, ограничительной, также в охранительной функции, основное предназначение которой заключается в охране права граждан. Следовательно, институт специальных административно-правовых режимов играет немаловажную роль в защите прав граждан, обеспечивая стабильность и безопасность жизнедеятельности как всего государства, так и каждого его гражданина в частности.

Институт обращения граждан – возможно, единственный позитивный институт административного права, цель создания которого заключается в возможности гражданину напрямую обращаться в органы государственной власти по поводу защиты нарушенных прав и реализации его интересов. Указанный институт предоставляет возможность гражданам взаимодействовать с органами власти и добиваться восстановления нарушенных прав через нормативно закрепленные процедуры. Профильный федеральный закон предоставляет гражданам право обращаться лично, а также коллективно в государственные органы и к их должностным лицам, на которые возложено осуществление публично значимых функций. В том числе, например, в МВД России, порядок обращения в который регламентирован приказом МВД России от 27 ноября 2024 г. № 808 «Об организации работы с обращениями граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации». Игнорирование обращений, нарушение установленного порядка рассмотрения обращений, несоблюдение сроков рассмотрения является основанием для привлечения должностных лиц к ответственности, что существенно повышает возможности граждан защищать свои права.

Следует отметить, что позитивные институты административного права позволяют эффективно решать проблемы, возникающие у граждан вследствие различных форм ущемления их прав и свобод. Они стимулируют диалог между населением и органами власти, укрепляют доверие к государственному аппарату и способствуют улучшению качества жизни граждан.

В нашей статье рассмотрены лишь некоторые институты административного права. Перечень всех институтов достаточно объемен и требует дальнейшего изучения с позиции правовых средств защиты прав граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Административное права: позитивные институты : учебник / [В. Н. Амельчакова и др.] ; под ред. Г. Н. Василенко, Ю. И. Попугаева. М. : Инфра-М, 2026.

Жуков В. Г.[1]*,*
старший научный сотрудник
1-го отдела НИЦ № 4
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮДЕСТРУКТИВНЫМ МОЛОДЕЖНЫМ СУБКУЛЬТУРАМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Работа посвящена не просто оригинальной, а социально важной проблематике, в центре внимания автора – молодежные субкультуры. Многие помнят, что 20–30 лет назад (например, в 90-е гг.) были модными молодежные субкультуры любителей рока, панка или тяжелой металлики, которые боролись за свободу своих взглядов, стремились к независимости от устоявшихся норм и правил в обществе. Они не несли в себе такого разрушительного потенциала, какой несут некоторые сегодняшние молодежные субкультуры. Это и арестантское движение «АУЕ» (по сути, криминальная субкультура, признанная экстремисткой), и «Синий Кит» (суицидальная субкультура), и «Колумбайнеры» (субкультура, которая романтизирует подростков, совершивших массовое убийство в американской школе в 1999 г.). В нашей статье мы рассматриваем возможность использования нейроссетей в деятельности полиции по противодействию деструктивным молодежным субкультурам в цифровой среде.

О скольких трагедиях, произошедших в школах в результате вооруженных нападений детей и подростков, нам известно? Насчитывается их более 40, это с 2011 г., т. е. минимум по 3-4 эпизода в год. В прошлом году в Архангельске снова была попытка нападения, пресеченная преподавателем и студентами техникума.

Специфика молодежных субкультур, которые известны сегодняшнему российскому обществу, заключается в получении широкого распространения, в особенности в цифровой среде. У этих субкультур нет визитных карточек в виде ирокезов или черных длинных волос, как раньше, но тем они опаснее, поскольку более-менее латентны, имеют широкое распространение, а их идеология в конце концов приводит-таки к человеческим жертвам.

Современный этап развития российского общества характеризуется интенсивной цифровизацией социальных процессов, расширением сферы применения информационно-телекоммуникационных технологий и трансформацией традиционных форм социального взаимодействия. Особое влияние указанные процессы оказывают на молодежную среду, для которой цифровая коммуникационная среда стала одним из ключевых пространств социализации, самовыражения и формирования ценностных ориентаций.

---

[1] © Жуков В. Г., 2026.

Социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, игровые и иные сетевые платформы во многом дополняют, а в ряде случаев подменяют традиционные институты воспитания, образования и социального контроля.

По данным Федеральной службы государственной статистики, доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в Российской Федерации в 2024 г. превысила 88 %, что свидетельствует о высокой степени цифровизации социальной среды и расширении пространства сетевого взаимодействия [1].

В современных условиях цифровизации общественных отношений информационное пространство становится одной из ключевых сфер, в которых формируются ценностные установки, модели поведения и социальные ориентации, прежде всего у молодежи. Наряду с объективной и социально значимой информацией в цифровой среде активно распространяется деструктивный контент, направленный на искажение фактов, манипулирование общественным сознанием и подрыв традиционных ценностей.

Деструктивное информационное воздействие, включая дезинформацию и пропаганду, оказывает влияние не только на когнитивную сферу личности, но и на ее ценностно-смысловые установки, самосознание и поведенческие реакции. В условиях сетевой коммуникации такие воздействия отличаются высокой латентностью, масштабируемостью и эмоциональной насыщенностью, особенно за счет использования визуального контента. Это делает традиционные механизмы правового реагирования менее эффективными и требует поиска новых инструментов противодействия [2, с. 24].

В этих условиях существенно возрастает роль полиции как основного субъекта противодействия деструктивным проявлениям в молодежной среде. Деятельность полиции в рассматриваемой сфере осуществляется преимущественно в рамках административного права и ориентирована на предупреждение правонарушений, профилактику вовлечения несовершеннолетних и молодежи в деструктивные сообщества, мониторинг цифровой среды, а также применение административно-юрисдикционных мер при наличии предусмотренных законом оснований.

Именно административная деятельность полиции призвана обеспечить раннее выявление угроз, профилактическое воздействие и защиту охраняемых общественных отношений без неоправданной криминализации молодежной активности [3, с. 204].

В данном контексте особый интерес представляет использование нейросетевых технологий как инструмента выявления и ограничения распространения деструктивного контента. Потенциал нейросетей заключается прежде всего в способности обрабатывать большие массивы данных, анализировать тексты, изображения и видеоматериалы, выявлять признаки экстремистской, манипулятивной или иной деструктивной информации.

Кроме того, нейросети способны использоваться для прогнозирования потенциальных информационных угроз, что создает предпосылки для превентивного реагирования, а не исключительно постфактум-пресечения.

Вместе с тем использование нейросетей в сфере противодействия деструктивному контенту не может рассматриваться исключительно как технический

вопрос. Оно неизбежно затрагивает проблемы правового регулирования, этики, защиты прав и свобод человека, а также определения допустимых пределов автоматизированного вмешательства в информационную сферу.

В этой связи представляется обоснованной позиция о необходимости сочетания государственного правового регулирования и элементов саморегулирования, включая разработку стандартов, принципов и этических требований к обучению и применению нейросетевых алгоритмов [4, с. 11].

Практика уже демонстрирует появление специализированных информационных систем и организаций, осуществляющих мониторинг цифровой среды и выявление деструктивного контента с использованием интеллектуальных технологий. Однако эффективность таких решений во многом зависит от участия человека, уровня профессиональной подготовки специалистов и качества правового сопровождения соответствующих процессов.

В связи с этим особое значение приобретает формирование новых профессиональных компетенций, а также развитие индивидуальной информационной культуры и критического мышления.

Список литературы

1. Кузина Л. С., Попов Е. В., Щербаков Р. А. Девять из десяти российских семей подключены к интернету. М. : ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1038792738.html.

2. Организация противодействия распространению деструктивного контента в сети Интернет : научно-практическое пособие / [А. А. Смирнов и др.]. М. : ВНИИ МВД России, 2025.

3. Жуков В. Г. Деструктивные молодежные субкультуры в цифровой среде как объект административно-правового противодействия // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 3 (60). С. 198–205.

4. Беликова К. М. Некоторые направления и риски использования нейросетей для борьбы с деструктивным контентом: мнение юриста // Юрист. 2025. № 2. С. 8–13.

Загуменных А. О.[1]*,*
курсант
Института-факультета
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кивич Ю. В.,
доцент кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННАЯ СЕТЬ КАК ОРУДИЕ СОВЕРШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Административные правонарушения, совершенные в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не остаются без особого внимания правоприменителей. Напротив, с развитием указанной сети острее ставится вопрос о модернизации ныне существующего законодательства. Данный вид правонарушений наряду с остальными влечет возникновение административной ответственности. Ее использование обосновано необходимостью эффективно реализовывать охрану прав и законных интересов человека и гражданина. Актуальность такой проблемы – использование информационно-телекоммуникационных сетей как орудия совершения административных правонарушений – основывается на негативной динамике таких деяний, с каждым годом их количество растет. Активные пользователи Интернета порой ошибочно полагают, что виртуальное пространство не просматривается, а значит, можно делать что угодно, оставаясь безнаказанным.

Административная ответственность в данном контексте обладает рядом особенностей. Ее реализация становится неоднородной в вопросе правоотношений, которые имеют в этой сфере и процессуальный, и материальный вид, сливаясь друг с другом [6, с. 157–158]. Эта проблематика часто освещается в научных трудах, исследователи приходят к общему мнению о важности и обязательности взаимодействия данных видов институтов.

Прежде чем говорить о том, какое наказание может последовать за совершение административных правонарушений в сети Интернет, следует обратить внимание на основную терминологию.

Статья 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) под административным наказанием понимает установленную государством меру ответственности за совершение административного правонарушения, которое, в свою очередь, должно быть применено в

[1] © Загуменных А. О., 2026.

целях предупреждения совершения новых правонарушений. Статья 3.2 КоАП закрепляет перечень административных наказаний, представляющий из себя определенную систему. В соответствии с данной системой санкции различаются между собой по принципу содержания правонарушения.

Стоит отметить, что не весь перечень используется по административным делам, связанными с использованием информационно-телекоммуникационной сети. Чаще всего используются следующие:

– предупреждение;

– административный штраф;

– конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения;

– административный арест.

Особый интерес представляет конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения. Административное законодательство понимает под орудием правонарушения какую-либо вещь, которая была средством нанесения имущественного ущерба интересам общества в целом или отдельного человека в частности. Конфискация орудия совершения правонарушения – принудительная процедура изъятия вещи. Решение о конфискации принимает суд, в связи с тем, что Конституция Российской Федерации закрепляет положение о том, что лишение имущества возможно лишь с постановлением суда. Суд может принять решение об изъятии либо в качестве применения меры пресечения административных правонарушений, либо с целью проведения экспертизы или иных действий процессуального характера.

Говоря о конфискации, следует отметить, что данная процедура отличается от изъятия. Так, например, конфискация может иметь лишь временный характер. Помимо этого, конфискация не может производиться в случае, если орудие правонарушение не принадлежало правонарушителю (его пользование данным орудием обосновывается незаконностью владения) [4, с. 232]. В контексте последнего примера уточним, что в таком случае орудие подлежит изъятию и передаче владельцу, за которым законно закреплено право владения и пользования.

Прекращение судом исполнения постановления может произойти по ряду обстоятельств. Так, например, подобная процедура может иметь место в случае, если опубликован акт амнистии, который в своем содержании исключает возможность применения наказания. В контексте указанного правонарушения может быть конфисковано электронное устройство (телефон, планшет, компьютер и т. д.).

По нашему мнению действующий перечень административных наказаний на данном этапе не может охватить весь масштаб технического прогресса, в силу постоянных инноваций и нововведений. Так, например, если пользователь интернет-ресурса сделает запись, которая своим содержанием будет нарушать российское законодательство, то он имеет право эту запись не удалять, поскольку КоАП не предусматривает на этот счет определенных санкций. В приведенном примере мы ясно можем проследить невозможность реализации задач, установленных в ст. 1.2 настоящего Кодекса, следовательно, невозможно защитить права потерпевших.

Анализируя судебную практику, мы заинтересовались ст. 5.61 КоАП «Оскорбление» в контексте ее применения по административным делам, свя-

занным с правонарушениями в сети Интернет. По статистике менее половины из исследованных нами дел подлежали указанной квалификации. Часть 1 той же статьи дает определение понятия «оскорбление»: под оскорблением законодатель понимает неприличную форму унижения чести и достоинства. Если устанавливается вина физического лица по данному составу, то санкция составляет до трех тыс. руб. Часть 2 ст. 5.61 настоящего Кодекса рассматривает ответственность за те же действия, произведенные публично (в том числе при помощи средств массовой информации), здесь размер административного штрафа варьируется от трех до пяти тыс. руб. Законодательство Российской Федерации (с чем мы не согласны) не рассматривает сеть Интернет как публичное место или средство массовой информации, именно поэтому административные правонарушения, сопряженные с оскорблениями в Интернете, по своему составу могут квалифицироваться только по ч. 1 ст. 5.61.

Верховный Суд Российской Федерации вынес постановление, на основании которого мы понимаем, что информация, размещенная в сети Интернет и нарушающая законодательство Российской Федерации, будет иметь отношение к СМИ только в случае, если данное СМИ зарегистрировано в законно установленном порядке [3].

Именно эта политика Верховного Суда Российской Федерации послужила определению санкций на оскорбления в Интернете, несмотря на то, что суд по некоторым делам усматривал в административном правонарушении возможность прочтения оскорбляющего контента неограниченному количеству лиц (т. е. равносильно публичности), квалификация проходила по ч. 1, а не по ч. 2, а также имела место проблема, рассмотренная ранее – контент не был удален с ресурса, следовательно, количество читателей могло возрасти в десятки, а то и в сотни раз.

Для того чтобы потерпевший смог защитить свои законные права и интересы в такой ситуации, ему следует повторно обращаться в суд, теперь уже с требованием удаления противоправного контента, и руководствоваться уже не административным, а гражданским законодательством (ч. 5 ст. 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации).

Касаясь судебной практики последних лет, мы рассмотрели также практику применения ст. 20.3 КоАП «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами». Статистика практически соответствует предыдущей, менее половины административных дел было квалифицировано по такому составу.

На основании ч. 1 ст. 20.3 КоАП за подобный вид правонарушения наступает ответственность в виде штрафа, а также конфискации предмета правонарушения (помимо этого возможно применение административного ареста на срок до 15 суток с конфискацией предмета правонарушения, однако это не представляет особого интереса в нашем исследовании). Ранее нами была затронута тема конфискации предмета административного правонарушения, теперь мы лишь говорим о статистике, на основании которой мы пришли к выводу, что суд зачастую видит в назначении такого наказания определенную проблему, поскольку ч. 3 ст. 3.3 Кодекса об административных правонарушениях Россий-

ской Федерации гласит о невозможности обязательного назначения основного и дополнительного наказания в отношении лица, которое находится в качестве обвиняемого по делу об административном правонарушении. В таком случае зачастую назначался только штраф, редко – административный арест. Суды, вероятно, не пришли к единым выводам по вопросу дополнительного наказания. Основание его отсутствия трактовалось по-разному, чаще всего говорилось о том, что предмета правонарушения попросту нет, именно поэтому и вопроса о конфискации стоять не может.

Мы приходим к определенным выводам о необязательности назначения дополнительного наказания в конкретике указанных правонарушений, что еще раз подчеркивает несовершенность административно-правового регулирования. По нашему мнению, это является законодательным пробелом и есть необходимость его немедленного устранения.

Важность устранения пробела состоит в том, что административная ответственность в своем содержании является негативной санкцией, лицо, признанное виновным, претерпевает определенного рода лишения, следовательно, восстанавливается общественная справедливость, потерпевший может получить компенсацию за тот ущерб, который ему причинили противоправные действия.

Помимо данного пробела, стоит вернуться и к вопросу удаления противоправного контента. По нашему мнению, отсутствие регулирующей нормы права в данном случае – тоже пробел. Потому мы считаем необходимым включение в п. 12 ч. 1 ст. 3.2 КоАП обязательность удаления противоправного контента из сети Интернет. Предложенная корректировка нормативно-правового документа даст возможность должностным лицам требовать удаление оскорбительной информации. В таком случае лицо будет нести ответственность, если законное требование не будет им исполнено.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

4. Братановский С. Н. Административное право. Особенная часть : учебник. М. : Директ-Медиа, 2013.

5. Братановский С. Н. Административное право : учебник. М. : Директ-Медиа, 2013.

6. Пушкин Д. С. Интернет и противоправные деяния : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Занина Т. М.[1]*,*
профессор кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук, профессор

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Деятельность Госавтоинспекции МВД России (далее – ГИБДД), направленная на обеспечение безопасности дорожного движения, носит ярко выраженный публично-властный характер и непосредственно затрагивает права и законные интересы миллионов граждан. Высокая степень дискреционных полномочий сотрудников ГИБДД (от выбора меры воздействия при нарушении правил дорожного движения (далее – ПДД) до применения принудительных мер) объективно создает риски злоупотреблений, коррупционных проявлений и вынесения незаконных решений. В этой связи система контроля и надзора за законностью их действий становится не только инструментом обеспечения дисциплины, но и ключевым элементом защиты прав человека, гарантией справедливости и общественного доверия к полиции.

Рассматривая виды контроля за деятельностью Госавтоинспекции, необходимо учитывать тот факт, что Госавтоинспекция – это, прежде всего, подразделение органов внутренних дел (далее – ОВД). Соответственно, за деятельностью данного подразделения могут осуществляться все виды контроля, которые предусмотрены Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Так, речь идет о президентском, правительственном, парламентском, судебном, ведомственном и общественном видах контроля. Контроль и надзор являются значимыми и одними из наиболее эффективных административно-правовых средств обеспечения законности деятельности Госавтоинспекции. Во многом эффективность обусловлена множественной системой субъектов контроля и надзора, которые, действуя в рамках предоставленной им компетенции, обеспечивают дифференциацию форм и методов контроля и надзора.

Титульным способом обеспечения контрольной функции Президента Российской Федерации за ОВД, в том числе за Госавтоинспекцией, видится нормотворчество. Используя предоставленное ему право законодательной инициативы, Президент может направлять деятельность ОВД, контролировать ее осуществление посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов, в частности указов. В них Президентом определяются полномочия, структура, направления деятельности ОВД, права и обязанности отдельных должностных лиц системы МВД России. Также в формате принятия соответствующих указов осуществляется принятие решений о назначении и освобождении от должности должностных лиц руководящего состава МВД России. Реализация данного

[1] © Занина Т. М., 2026.

полномочия – достаточно востребованная форма непосредственного президентского контроля за ОВД [2]. Как пишет А. Ю. Темников, «при рассмотрении вопросов назначения на должность одновременно оценивается работа кандидатов, ее эффективность. Президент Российской Федерации вправе заслушивать отчеты и информацию Министра внутренних дел Российской Федерации, других должностных лиц министерства, выносить вопросы, связанные с деятельностью полиции, на рассмотрение Совета Безопасности, участвовать в работе совещаний министерства, заседаниях его коллегий и осуществлять иные контрольные полномочия» [3].

Парламентский контроль реализуется Федеральным Собранием Российской Федерации. Основными формами такого контроля выступают следующие.

1. Контроль за исполнением бюджета, бюджетных обязательств, взятых МВД России на себя, особенностями доходов и расходов МВД России. В том числе, контролю подвергаются и доходы, расходы, связанные с контрольно-надзорной деятельностью Госавтоинспекции. Основные полномочия в данном случае переданы Счетной Палате Российской Федерации.

2. Заслушивание отчетов должностных лиц МВД России (в том числе, представителей Госавтоинспекции) перед палатами Федерального Собрания Российской Федерации (Советом Федерации и Государственной Думой). Отчет происходит по отдельным вопросам и направлениям деятельности, в том числе по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения посредством осуществления контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции. В рамках отчетов парламентарии могут задавать интересующие их вопросы, по результатам заслушивания принимать оответствующие управленческие и организационные решения.

3. Направление депутатских запросов в адрес МВД России по отдельным интересующим вопросам, в том числе в сфере безопасности дорожного движения. Запросы могут направляться как отдельными депутатами, так и их группами. Как правило, запросы направляются по значительным и резонансным вопросам. В них депутаты обращаются с требованием разъяснить отдельные действия и акты, осуществленные и принятые МВД России.

Правительство Российской Федерации также осуществляет контроль за деятельностью Госавтоинспекции. В частности, направлениями такой деятельности выступают проверки расходования бюджетных средств, эффективности ведомственного законодательства, отдельных управленческих решений.

Высшей и наиболее эффективной формой обеспечения законности деятельности Госавтоинспекции является судебный контроль. Он реализуется через рассмотрение конкретных споров в различных видах судопроизводства. Можно выделить следующие основные направления:

1) контроль за законностью правовых актов ГИБДД (оспаривание приказов, инструкций, регламентов ГИБДД, постановлений об отказе регистрации транспортного средства, о прекращении регистрации);

2) контроль за законностью действий (бездействия) должностных лиц ГИБДД (оспаривание конкретных властных действий инспектора или руководителя подразделения, которые, по мнению заявителя, нарушают его права);

3) контроль за законностью и обоснованностью привлечения к административной ответственности (обжалование постановлений по делам об административных правонарушениях в судах (гл. 30 КоАП);

4) контроль за законностью уголовно-процессуальной деятельности (проверка решений и действий сотрудников ГИБДД, выполняющих функции органа дознания по делам о преступлениях в сфере дорожного движения);

5) контроль в рамках уголовного судопроизводства в отношении самих сотрудников ГИБДД (рассмотрение уголовных дел в отношении сотрудников, обвиняемых в совершении преступлений при исполнении служебных обязанностей).

Общественный контроль деятельности Госавтоинспекции реализуется посредством ряда форм и направлений. В них также участвует множество субъектов, начиная от законодательно установленных (в частности, общественные палаты) и заканчивая отдельно взятыми членами общества, гражданами. Согласимся с М. В. Бондаренко и О. А. Строевой, которые пишут о том, что «одним из шагов к минимизации коррупционных проявлений в деятельности Госавтоинспекции служит институт «общественного контроля», который получил повсеместное распространение после принятия законодательства о полиции [6]. Так, граждане участвуют в мониторинге деятельности сотрудников Госавтоинспекции, в совместных рейдах, при оформлении дорожно-транспортных происшествий и составлении процессуальных документов. В рамках общественной инициативы «Гражданин и полиция» осуществляется контроль работы дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции. Например, в Волгодонске проводилась акция «Проверь сотрудника дорожно-патрульной службы». Цель мероприятия – оценить работу полицейских, минимизировать недостатки в их деятельности и рассказать обществу о правах и обязанностях сотрудников правоохранительных органов [7]. Международный опыт показывает, что тотальные проверки сотрудников полиции в рамках общественных инициатив дают самые высокие результаты.

Основным видом контроля деятельности Госавтоинспекции является ведомственный контроль. Данный вид контроля осуществляется самим МВД России – как специально уполномоченными подразделениями (например, подразделениями штабов), так и руководителями и непосредственными начальниками подразделений Госавтоинспекции, сотрудники которых осуществляют контрольно-надзорные полномочия.

Система ведомственного контроля на уровне территориального ОВД предполагает многоканальный надзор за функционированием структур Госавтоинспекции. Его механизм реализуется посредством различных форм: осуществление плановых и инициативных проверок, санкционирование отдельных направлений оперативно-служебной работы, заслушивание на оперативных совещаниях, проверка выполнения планов работы, принятие устных и письменных отчетов и т. д. Отдельную роль в обеспечении ведомственного контроля контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции имеют контрольно-профилактические подразделения Госавтоинспекции. Реализуя полномочия по контролю, сотрудники указанных подразделений могут осуществлять пересмотр записей регистраторов в целях выявления возможных нарушений законности. Анализ должен включать не только выявление прямых коррупционных

действий, но и учет косвенных признаков. К ним можно отнести случаи, когда оформление материалов было начато, но административное производство не было завершено, а также факты завуалированных предложений о даче взятки. Для проверки гипотезы о возможных злоупотреблениях следует провести сравнительный анализ данных: сопоставить количество граждан, приглашенных в служебный транспорт для оформления протоколов, с количеством фактически начатых и рассмотренных дел об административных правонарушениях.

В отличие от контроля, надзор за деятельностью Госавтоинспекции осуществляется единственным субъектом, а именно органами прокуратуры. Порядок, направления, предмет, объекты и пределы прокурорского надзора определены в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Основными видами прокурорского надзора за деятельностью Госавтоинспекции выступают надзор за исполнением закона и законностью правовых актов, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Несмотря на разветвленную систему контроля и надзора, ее эффективность сталкивается с рядом вызовов:

1. Доминирование закрытого внутриведомственного контроля. Существует риск круговой поруки, формального подхода к служебным проверкам и сокрытия информации.

2. Ресурсные ограничения прокурорского надзора. Прокуратура физически не способна осуществлять сплошной контроль каждого действия инспектора ДПС, реагируя преимущественно на поступившие сигналы.

3. Низкий уровень правовой культуры и пассивность части граждан, не желающих обжаловать неправомерные действия из-за неверия в результат, страха или незнания процедуры.

4. Высокая нагрузка на суды по делам, связанным с ГИБДД, что ведет к затягиванию процесса.

Исходя из вышеизложенных проблем, предлагаем следующие меры.

1. Повышение роли технологий и цифрового следа: развитие системы обязательной аудио- и видеозаписи всех контактов инспектора с водителем (с автоматической фиксацией в единой облачной системе, исключающей модификацию).

2. Усиление независимого общественного контроля: расширение полномочий общественных советов, введение института независимых гражданских наблюдателей за деятельностью ГИБДД на дорогах, упрощение процедуры подачи онлайн-жалоб с отслеживанием статуса.

3. Повышение квалификации и правовой культуры: внедрение регулярного, в том числе внезапного, тестирования сотрудников ГИБДД на знание КоАП РФ и иных процессуальных норм.

4. Консолидация надзорных усилий: формирование межведомственных электронных платформ обмена информации между прокуратурой, подразделением собственной безопасности МВД России и судами для оперативного выявления системных проблем.

Таким образом, организация контроля и надзора за законностью деятельности сотрудников ГИБДД представляет собой сложный, многосубъектный механизм. Его действенность напрямую влияет на уровень коррупции, соблюдение

прав граждан и общее состояние правопорядка в ключевой сфере общественной жизни – безопасности дорожного движения. Дальнейшее развитие системы должно идти по пути демилитаризации внутреннего контроля, максимальной технологизации и цифровизации надзорных процедур, а также реального вовлечения институтов гражданского общества. Только комплексный подход, сочетающий мощный внешний надзор прокуратуры и судов, а также постоянное давление общественного мнения, способен обеспечить неотвратимость ответственности за любое нарушение закона со стороны лиц, призванных его охранять.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

2. Ротация кадров: Путин снял с должностей четырех генералов. URL: https://www.gazeta.ru/social/2020/02/06/12948043.shtml.

3. Административная деятельность полиции : курс лекций. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. В. А. Кудина. М. : ДГСК МВД России, 2018.

4. Тверской суд признал смоленских инспекторов дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции виновными в превышении полномочий. URL: https://www.tver.kp.ru/daily/26754/3784026/.

5. Бондаренко М. В., Строева О. А. К вопросу о комплексном подходе к противодействию коррупции в деятельности Госавтоинспекции // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2019. № 1. С. 86–89.

6. Практики общественного контроля за деятельностью полиции: методическое пособие / сост. Д. Мещеряков. М. : Московская Хельсинская группа, 2019.

7. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

Земсков А. Ю.[1]*,*
старший прокурор
отдела координации
правотворческой деятельности прокуратуры
и мониторинга законодательства
и правоприменительной практики
в сфере государственного строительства,
гражданских и социальных правоотношений
правового управления
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

О НЕКОТОРЫХ ВЫЗОВАХ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Миграционная проблематика давно оформилась в предмет самого пристального внимания со стороны государства. Свидетельство тому – периодическое издание высшим должностным лицом – Президентом Российской Федерации – фундаментального организующего акта по вопросам миграции, определяющего государственную политику в этой области – Концепции государственной миграционной политики на определенный период – и постоянное акцентированное внимание главы государства на этой теме. Так, на состоявшемся 4 марта 2026 г. расширенном заседании коллегии МВД России тема миграции была обозначена среди первоочередных «ключевых, чувствительных» для органов внутренних дел, и Концепция государственной миграционной политики должна стать «серьезным подспорьем в этой работе…» [2].

В самом деле, принятие осенью прошлого года очередной Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг. [3] ознаменовало переход на качественно новый этап выстраивания отечественной системы миграционных правоотношений, способной адекватно реагировать на существующие и прогнозируемые угрозы национальной безопасности, и, как следствие, стало своего рода границей между морально устаревшими и потому не в полной мере отвечающими потребностям и интересам государства и общества алгоритмами и средствами управления миграционными процессами и инновационными подходами, способами и механизмами, заложенными в новую Концепцию.

При этом ключевая характеристика Концепции – ее программный характер, обусловленный тем, что речь идет о документе именно стратегического планирования [6], в силу чего применительно к сфере миграции Концепция выступает системообразующим, стержневым элементом, задающим направления и устанавливающим критерии и ключевые параметры государственной миграционной политики на среднесрочную перспективу, достижению которых должны быть в безусловном порядке подчинены усилия всех ветвей и уровней госу-

[1] © Земсков А. Ю., 2026.

дарственной власти и иных субъектов, деятельность которых связана с миграцией, и отклонения от которых недопустимы. Концепцию отличает выверенность и логичность построения, компактность, исчерпанность содержания и конкретность поставленных задач и искомых результатов.

Новая Концепция задает понятный и четкий вектор дальнейшего развития отечественной правовой системы и правоприменительной практики в сфере миграции, суть которого – всемерное усиление регуляторной роли государства и повышение гарантий защищенности прав и свобод личности и российского общества в целом. Концепция стала последовательным продолжением и творческим развитием ранее действовавшего аналогичного документа, что находит выражение в преемственности фундаментальной идеи такого рода актов. Цель сохранена в неизменном виде и состоит в «…создании миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, социально-экономического… развития страны, повышения качества жизни ее населения, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе…». И это вполне оправданно, поскольку достижение указанной цели отвечает интересам личности, общества и государства.

Достижение заявленной цели предполагается обеспечить путем комплексного решения целого ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных задач, многие из которых унаследованы от ранее действовавшей Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг., что объясняется с одной стороны перманентно-непрерывным, текущим характером самих задач, элементарно требующих постоянного внимания (как, например, «совершенствование механизмов и средств профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства…» (подп. «б» п. 27 Концепции), а с другой стороны – тем, что некоторые из ранее поставленных задачи так и не были полноценно решены, в том числе и по причине значительной сложности, но сохранили высокую актуальность и востребованность, и теперь на них в Концепции сделан особый акцент. В этой связи неудивительно, что именно эти нерешенные, но крайне важные задачи-вызовы иерархически по тексту Концепции расположены первыми, что позволяет обоснованно предположить, что им придан некий приоритет. Очевидно, что от их эффективного решения на современном историческом этапе во многом будут зависеть и реализация общей цели Концепции, и ее практические результаты. Заметим, что решение некоторых из этих задач вполне способно в перспективе оказать самое позитивное влияние как на уровень национальной безопасности, так и на социально-экономическую и демографическую ситуацию в стране. Рассмотрим их.

Одними из первых в новой Концепции сформулированы задачи по «совершенствованию правовых, организационных и иных механизмов, регулирующих и обеспечивающих: проживание в Российской Федерации и прием в гражданство Российской Федерации иностранных граждан, которые благодаря своим инвестициям, знаниям, умениям и навыкам вносят вклад в развитие российской экономики, науки, профессионального образования, искусства, а также разделяют традиционные российские духовно-нравственные ценности, и создание

условий для адаптации иностранных граждан к… условиям жизни в Российской Федерации (абз. 2, 3, 7 подп. «а» п. 27).

На первый взгляд, первая из приведенных выше задач может иметь некоторое содержательное сходство с соответствующим положением предыдущей Концепции государственной миграционной политики. Однако это не так, различия между ними весьма принципиальны. Так, если в Концепции 2019–2025 гг. речь идет только о «въезде в Российскую Федерацию и пребывании на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические, деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, изучать язык, историю и культуру нашей страны, способных благодаря своей трудовой деятельности, знаниям и компетенциям содействовать экономическому, социальному и культурному развитию России» [8] (т. е. предусматривает кратковременное, поверхностное, своего рода техническое (въезд и пребывание) взаимодействие иностранцев и государства, не предполагающее установление глубоких взаимных связей и обязательств), то новая Концепция четко и бескомпромиссно ориентирует и обязывает к формированию условий, обеспечивающих прочное укоренение в Российской Федерации, причем, исключительно на постоянной основе иностранных граждан, в которых заинтересована наша страна, в том числе, путем их натурализации, т. е. установлением прочной и неограниченной по времени политико-правовой и социальной связи между государством и индивидом.

Но это не единственное коренное отличие современной задачи от поставленной ранее, она имеет еще одно важное измерение. Государство делает следующий логичный и оправданный как с гуманитарной, так и демографической точек зрения политический шаг, открывая самому широкому кругу иностранных граждан, придерживающихся традиционных морально-нравственных устоев, прежде всего из недружественных нам государств (но, конечно, не ограничивающихся только ими), простой и понятный путь к переезду на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. При этом в данном случае основным критерием этой опции выступает именно факт их приверженности традиционным ценностям, а не их прямая полезность для экономики. Хотя косвенно, безусловно, приток человеческих ресурсов в любом случае будет содействовать росту демографического и трудового потенциала страны и, таким образом, способствовать социально-экономическому развитию.

Надо сказать, что начало реализации последней задачи было положено изданием Указа Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» [12], установившего с одной стороны, право иностранных граждан, разделяющих российские традиционные духовно-нравственные ценности и отвергающих реализуемую государствами их гражданства политику навязывания деструктивных установок (имеются в виду, главным образом, граждане недружественных нам государств), в упрощенном порядке обратиться за получением разрешения на временное проживание в Российской Федерации с возможной перспективой последующей натурализации, а с другой стороны, обязанность федеральных органов исполнительной власти им в этом всячески содействовать.

Для организации этой работы еще в конце 2024 г. МВД России и автономным некоммерческим объединением «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (АСИ) был создан межведомственный штаб по поддержке переезда и адаптации таких иностранных граждан. За прошедшие 1,5 г. штабом проделана большая и полезная работа, в частности, разработан и внедрен в девяти пилотных регионах страны «Региональный стандарт социальной, культурной и экономической интеграции импатриантов, в том числе совместно с членами их семей»; утверждена дорожная карта упрощения административных процедур получения разрешения на временное проживание» [13].

Здесь следует обратить внимание на специфичный термин – «импатриант», который, несмотря на частое использование применительно к иностранным гражданам, разделяющим общие с нами духовно-нравственные ценности, пока на уровне федерального законодательства никак юридически не формализован, что образует ощутимый правовой пробел, требующий восполнения. Как вариант может быть предложено внесение изменения в понятийный аппарат Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [11] путем разработки соответствующего юридического термина.

Практика показывает, что инициатива оказалась по-настоящему востребованной, весьма своевременной и заинтересовала адресную аудиторию. Достаточно отметить, что менее чем за год реализации Указа № 702 (с августа 2024 по июнь 2025 г.) из недружественных стран в Россию переселились более 1 тыс. чел., при этом как минимум половина – это выходцы из стран Евросоюза: около 300 граждан Германии, примерно по 100 граждан Франции и Испании, и еще порядка 130 человек прибыли из США [14]. В масштабах России цифры выглядят пока не самыми впечатляющими, но это только начало процесса, динамика которого постепенно нарастает, и все больше мигрантов, разделяющих традиционные человеческие ценности, выбирают Россию в качестве новой родины. Это мысль подтверждается и представителем АНО АСИ, заявившим, что «в качестве целевых показателей… реализации данной программы мы выделяем два основных: 1000 иностранных семей переедет в Российскую Федерацию по программе… до 2030 г., а уровень удовлетворенности иностранных граждан прохождением данной процедуры составляет не ниже 80 процентов» [1].

Накопленный первоначальный опыт реализации президентской инициативы показал, что вопросы оказания иностранным гражданам, желающим переехать жить в Российскую Федерацию и отвечающим критериям задачи, сформулированной к Концепции 2026–2030 гг. (в той части, в которой это касается лиц, представляющих интерес для отечественной экономики, науки, образования и искусства), требуют более детальной проработки как в плане правового регулирования (уточнения их правового статуса), так и в плане организации практической деятельности уполномоченных органов и иных субъектов по оказанию этой категории лиц содействия в переезде и обустройстве. Следствием осознания такого положения вещей стало издание Указа Президента Российской Федерации от 2 декабря 2025 г. № 883 «О поддержке переселения в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, представля-

ющих интерес для Российской Федерации, и об особенностях их правового положения в Российской Федерации» [5]. Указом устанавливаются:

– общие критерии отнесения иностранных граждан к категории лиц, представляющих интерес для Российской Федерации;

– право таких лиц в упрощенном порядке ходатайствовать о получении разрешения на временное проживание или вида на жительство;

– общие сроки рассмотрения поступивших ходатайств;

– круг органов публичной власти и иных субъектов, уполномоченных в данной области правоотношений, и их компетенция.

Также Указом утверждено *Положение о порядке признания иностранных граждан и лиц без гражданства, представляющими интерес для Российской Федерации,* фиксирующее условия и процедуру признания.

Ключевой новеллой Указа является введение с 15 апреля 2026 г. принципиально новой, ранее неизвестной отечественному правоприменителю, правовой категории – «иностранный гражданин, представляющий интерес для Российской Федерации», что, очевидно, как и в случае с «импатриантом», потребует юридической институализации данного термина в базовом для миграционной сферы законодательном акте – Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Указ по сути дает старт программе привлечения в страну лиц, независимо от их гражданской принадлежности, обладающих исключительными, элитными знаниями, способностями и навыками, так называемых штучных специалистов (в этом, кстати, состоит их ключевое отличие от высококвалифицированных специалистов, в отношении которых действует иной, менее льготный, порядок привлечения и использования), обладающих уникальными компетенциями в различных областях деятельности. В этой связи нельзя не согласиться с А. Вайно, заявившим, что «сегодня за лучшие кадры конкурирует весь мир. Наша задача сделать так, чтобы высококвалифицированные иностранцы, способные оказать положительное влияние на развитие нашей экономики и внести вклад в технологическое развитие, знали о преимуществах жизни в России и видели потенциал для своего развития в нашей стране» [13].

Инициатива, безусловно, крайне важная для Российской Федерации, ее полная и качественная реализация – это не только путь решения одной из задач Концепции государственной миграционной политики 2026–2030 гг., но и во многом залог достижения ее общей цели. А потому решение задачи по обеспечению проживания и приема в российское гражданство иностранных граждан, которые благодаря своим инвестициям, знаниям, умениям и навыкам вносят вклад в развитие российской экономики, науки, профессионального образования, искусства, – это серьезнейший современный вызов, требующий заинтересованной вовлеченности, взаимной ответственности и консолидации усилий участвующих субъектов. С этой целью Указом определен круг таких субъектов, включающий в себя как органы публичной власти, так иные субъекты, и предусмотрен межведомственный механизм. Основными субъектами выступают МВД России и АНО АСИ, взаимодействующими – МИД России, Минцифры России и Комиссия по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации.

Учитывая новизну инициативы и ее значимость для государства, особое место должны занимать вопросы контроля, причем не только за исполнением собственно Указа, но и миграционного законодательства в целом, равно как и за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. При таком широком понимании сущности контроля очевидно, что деятельность по переселению иностранных граждан, представляющих интерес для Российской Федерации, должна являться объектом самого пристального внимания со стороны органов прокуратуры, которых к этому прямо обязывает их правовой статус, установленный ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [10], согласно которой они являются «единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих надзор за… исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина…» Представляется, что вкупе с внутренним контролем, предусмотренным непосредственно Указом (подп. «г» п. 3), в котором опосредованно участвуют МВД России и АНО АСИ, это позволит обеспечить должный уровень качества и эффективности президентской инициативы и успешное решение этой задачи Концепции.

Продолжает сохранять актуальность задача «по совершенствованию правовых, организационных и иных механизмов, регулирующих… создание условий для адаптации иностранных граждан…» Ее успешное решение, среди прочего, будет способствовать поддержанию должного уровня национальной безопасности и межнационального согласия, что полностью согласуется со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (подп. 16 п. 47), и поэтому этой работе также должно быть уделено самое пристальное внимание.

Вместе с тем деятельность по адаптации иностранных граждан пока не имеет четкого правового оформления ни на уровне самостоятельного законодательного акта федерального уровня, ни как интегрированный элемент системообразующего для сферы миграции документа – Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Ситуация дополнительно осложняется тем обстоятельством, что на федеральном уровне отсутствуют какие-либо единые государственные программы адаптации.

Тем не менее определенные шаги в этом направлении делаются. Так, в 2015 г. было образовано Федеральное агентство по делам национальностей (далее – ФАДН), одними из функций которого в соответствии со статусным документом [7] как раз и были определены «выработка и реализация… государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» и «нормативное правовое регулирование и оказание государственных услуг в сфере… социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». Однако деятельность ФАДН имеет весьма ограниченную эффективность, в том числе, и по причине слабой неразвитости сети территориальных подразделений (пока их создано всего два), которые могли бы организовывать и координировать эту работу на местах и обеспечивать постоянную обратную связь с центральным аппаратом.

Как следствие, проблематика адаптации мигрантов сохраняет высокую актуальность и остроту. Вместе с тем понятно, что ФАДН, являясь единственным органом публичной власти, наделенным полномочиями в сфере адаптации, при

отсутствии проработанной правовой базы и недостаточного представительства в субъектах Российской Федерации, трудно самостоятельно качественно организовать работу по созданию условий для адаптации иностранных граждан и формированию и развитию соответствующей инфраструктуры.

Одним из возможных путей изменить ситуацию к лучшему видится подключение к этой деятельности иных субъектов (не из числа органов публичной власти), которые тем не менее обладают необходимыми компетенциями и организационными возможностями. Речь в данном случае идет об уже упоминавшемся выше АНО АСИ, чья компетенция по меньшей мере не исключает исполнение соответствующих функций. Действительно, согласно недавно изданному Указу Президента Российской Федерации от 4 февраля 2026 г. № 57 [9] перед АСИ поставлена задача по «участию в разработке инициатив… и реализации мероприятий, направленных на решение задач долгосрочного устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации…», что явно согласуется с целью государственной миграционной политики в части обеспечения социально-экономического развития страны. Этой задаче в Указе сопоставлен и ряд корреспондирующих функций: «участие в отборе стратегических инициатив, отвечающих ключевым вызовам социально-экономического развития Российской Федерации; участие в мероприятиях, направленных на реализацию стратегических инициатив; участие в общественном обсуждении проектов федеральных законов…» Создание условий для адаптации мигрантов следует считать отвечающим интересам нашего государства, и потому подключение АСИ к этой работе не только обеспечит комплексный межведомственный подход к решению задачи, но позволит придать проектам и программам адаптации и интеграции мигрантов приоритетный характер, даст возможность в сжатые сроки развить необходимую инфраструктуру, ускорит внедрение подтвердивших свою эффективность передовых адаптационно-интеграционных практик.

Еще раз отдельно следует сказать о роли прокуратуры. Вообще в силу своей правовой природы прокуратура в любом случае и на всех этапах будет иметь отношение к реализации Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 гг., тем более что многие положения Концепции прямо пересекаются с ее компетенцией. Что же касается рассмотренных выше задач, то роль прокуратуры прежде всего будет заключаться в осуществлении надзора за соблюдением законов по вопросам переселения иностранных граждан, представляющих интерес для Российской Федерации, вопросам адаптации и интеграции мигрантов и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в ходе исполнения таких законов. В свою очередь, следствием увеличения объемов надзорной деятельности в миграционной сфере в перспективе может стать ревизия существующей в настоящее время организационной структуры построения органов прокуратуры с выделением миграционной сферы в самостоятельное направление контрольно-надзорной деятельности и иной функциональной деятельности прокуратуры. Это, как можно ожидать, не только положительно скажется на общем состоянии законности в стране, но и за счет совершенствования механизма контроля со стороны государства поспособствует достижению цели и результатов Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 гг.

Список литературы

1. Выступление директора направления АНО АСИ А. Вайно на заседании наблюдательного совета АНО АСИ 23 января 2025 г. // Официальный портал Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76147.

2. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенной коллегии МВД России 4 марта 2026 года // Официальный портал Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/com minity_meetings/79255.

3. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

4. Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Указ Президента Российской Федерации от 2 декабря 2025 г. № 883 «О поддержке переселения в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, представляющих интерес для Российской Федерации, и об особенностях их правового положения...» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

6. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

7. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

8. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

9. Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2026 г. № 57 «Об автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

10. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

11. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

12. Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 35. Ст. 5322.

13. Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/news/206870/.

14. Информационный портал фонда «Русский мир». URL: https://russkiymir.ru/news/337123/.

Зокиров Т. З.[1]*,*
ассистент кафедры
административного права
и процесса имени Л. Л. Попова
Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРИНЦИП ФЕДЕРАЛИЗМА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ПРОДАЖУ БЕЗАЛКОГОЛЬНЫХ ТОНИЗИРУЮЩИХ НАПИТКОВ

Охрана здоровья, как и защита детства, относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [1, с. 31–36], что предполагает взаимодействие федеральных и региональных органов государственной власти в правотворческой и правоприменительной деятельности.

С 1 марта 2025 г. вступил в силу Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 304-ФЗ «О запрете продажи безалкогольных тонизирующих напитков (в том числе энергетических) несовершеннолетним и о внесении изменения в ст. 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон № 304), ставший логическим итогом кампании по борьбе с потреблением тонизирующих напитков детьми. С 1 марта по 6 июня 2025 г. нарушение запрета квалифицировалось по ст. 14.2 КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за незаконную продажу товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена законодательством. С 7 июня 2025 г. введена ст. 14.16.1 КоАП РФ. До 1 марта 2025 г. деяние подлежало квалификации по законам субъектов Российской Федерации, что подчеркивает реализацию принципа федерализма.

Принцип федерализма в правовом регулировании административной ответственности можно представить, как дифференциацию [2, с. 57] возможностей публичной власти федеративного государства по обеспечению законности посредством административной ответственности, применительно к специфике субъектов федерации и с учетом местной специфики.

КоАП РФ и сейчас предусматривает конкурирующую компетенцию органов внутренних дел (полиции) и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.16.1 КоАП РФ. Ранее сотрудники полиции обычно не привлекались субъектами Российской Федерации к реализации норм об административной ответственности за продажу безалкогольных тонизирующих напитков, что обусловлено ужесточением требований к возложению на полицию дополнительных полномочий со стороны регионов [3, с. 117–119].

---

[1] © Зокиров Т. З., 2026.

Основным органом административной юрисдикции по таким делам признаются органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие региональный государственный контроль (надзор) в области продажи безалкогольных тонизирующих напитков (в том числе энергетических). Например, соответствующие функции предоставлены Региональной службе по тарифам и ценообразованию Забайкальского края. Полиция рассматривает такие дела только в случае непосредственного обнаружения административных правонарушений (ч. 1 ст. 23.3 КоАП РФ).

В силу ч. 1 ст. 4 Закона № 304 субъекты Российской Федерации вправе установить запрет продажи безалкогольных тонизирующих напитков (в том числе энергетических) в зданиях, строениях, сооружениях, помещениях, используемых для непосредственного осуществления образовательной деятельности, медицинской деятельности, деятельности в области культуры, физической культуры и спорта. Например, такой запрет установлен и обеспечен мерами административной ответственности в Еврейской автономной области.

Часть 2 ст. 4 Закона № 304 предусматривает возможность установления субъектами Российской Федерации ограничениий времени и мест продажи таких напитков. Например, в Амурской области запрещена продажа тонизирующих напитков на всех видах общественного транспорта (транспорта общего пользования) городского и пригородного сообщения, на остановочных пунктах его движения и в нестационарных торговых объектах. Административная ответственность за нарушение дополнительных ограничений не установлена. В то же время, в Удмуртской Республике нельзя продавать тонизирующие напитки в местах, где расположены торговые автоматы. Административная ответственность установлена в ст. 7.3 Закона Удмуртской Республики от 13 октября 2011 г. № 57-РЗ «Об административных правонарушениях».

До 1 марта 2025 г. субъекты Российской Федерации самостоятельно устанавливали административную ответственность за продажу тонизирующих напитков несовершеннолетним. Как отмечают ученые, важную роль в установлении административной ответственности по этому вопросу сыграла правотворческая работа прокуратуры [4, с. 8–13; 5, с. 102–104].

При этом регулирование административной ответственности за продажу безалкогольных энергетических напитков несовершеннолетним в различных регионах было неодинаковым. Так, например, в Ямало-Ненецком автономном округе и Республике Тыва была введена административная ответственность за распространение безалкогольных тонизирующих напитков несовершеннолетним. В Хабаровском крае противоправной признавались, помимо продажи, покупка и передача таких напитков несовершеннолетним. В Ярославской области и Татарстане устанавливалась ответственность за вовлечение несовершеннолетних в процесс потребления безалкогольных тонизирующих напитков.

Вместе с тем правоприменители нередко квалифицировали нарушение региональных запретов и ограничений продажи безалкогольных тонизирующих напитков по ст. 14.2 КоАП РФ, в то время как административные правонарушения, предусмотренные региональным законодательством, даже не фиксиро-

вались. Есть и постановления с верной квалификацией деяний – по законам субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» не устанавливает специального десанкционирования принципа федерализма в материально-правовом регулировании административной ответственности, поскольку содержит формулировку: «Лица, виновные в нарушении настоящего Федерального закона, несут… административную… ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации». Следовательно, квалификация таких деяний по 14.2 КоАП РФ до 1 марта 2025 г. была несостоятельной.

Упомянутая выше ситуация распространения КоАП РФ на случаи нарушения законов субъектов Российской Федерации свидетельствует о перспективе подмены законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях положениями Особенной части КоАП РФ. Данная перспектива не согласуется с законом, а также правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, исключающими любое иное толкование. Российская Федерация прямо ограничила круг вопросов, по которому КоАП РФ устанавливает административную ответственность, не только формулировкой п. 3 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ, но и посредством введения ст. 1.3.1 КоАП РФ. Статья 1.3.1 КоАП РФ отнесла установление административной ответственности за нарушение региональных и муниципальных актов к числу предметов ведения субъектов Российской Федерации. Квалифицировать нарушение региональных норм по КоАП РФ допустимо не иначе как в силу прямого указания закона, а не произвольного расширительного толкования при квалификации административных правонарушений.

Список литературы

1. Лебедев В. А. Публичная власть в субъектах РФ: понятие, принципы, система // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 31–36.

2. Нарутто С. В. Единство и многообразие российского федерализма // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 56–67.

3. Зокиров Т. З. Органы внутренних дел в системе органов публичной власти России в 1991–2021 годах: от федеративных начал к унитарным // Парадигма права на современном этапе развития общества: от теории к практике : сборник материалов VIII Студенческого юридического форума : в 4 т., Москва, 21–23 октября 2021 г. М. : Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 117–119.

4. Поневежский В. А. Взаимодействие прокуратуры и законодательных (представительных) органов власти субъектов Федерации в процессе формирования их законодательной базы // Законность. 2016. № 1. С. 8–13.

5. Шишкин Н. А. О реализации права законодательной инициативы прокуратурой Воронежской области // Прокурор. 2016. № 3. С. 102–104.

Кардашова И. Б.[1]*,*
профессор кафедры
государственного строительства и права
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В глобализационных обстоятельствах современных рисков, опасностей и угроз важнейшим фактором становится теоретическое осмысление и формирование актуальных научных разработок стратегического реагирования на их деструктивное воздействие в сфере публичного управления. Стратегический уровень управления всегда ассоциировался с рисковым подходом к дестабилизирующим явлениям, способным причинить ущерб национальным интересам. Ю. А. Тихомиров, обращавший внимание на сопутствующие правовому развитию и грозящие деформацией итоговых правовых результатов риски, подчеркивал весомость механизма правотворчества и правоприменения на основе программно-целевых (мягких) регуляторов [1].

Действительно, в прогнозной деятельности риски являются безрадостным спутником публичного управления, поэтому желательно свести его действие к минимальному уровню и превратить эту случайную, но неизбежную детерминанту в управляемую. Способствует этому выработка стратегических правовых решений, являющихся эффективным рычагом целеполагания и моделирования будущего публичного управления.

Необходимо обратить внимание на произошедшие эпохальные изменения в правовом поле после принятия Федеральных законов от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации (далее – Закон № 172); от 8 декабря 2020 г. № 394 «О Государственном Совете Российской Федерации»; Указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»; от 2 июля 2021 г. № 400 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» и массива других документов стратегического планирования.

Во-первых, в настоящее время актуально введение в научный оборот понятия «стратегическое управление» на смену общепринятого в теории государственного управления и административного права понятия «стратегический уровень» управления с характерными чертами (пятилетний срок действия, иерархия целей, системность управленческих решений и т. п.). Это обосновано правовыми нормами Закона № 172, закрепившего координацию государственного и муниципального стратегического управления; определяемые Президентом Российской Федерации цели стратегического управления, а Основами гос-

[1] © Кардашова И. Б., 2026.

ударственной политики в сфере стратегического планирования цели «создания условий для эффективного стратегического управления».

Исторически понятие «стратегическое управление» с 1960–1970-х гг. используется в сфере управления бизнесом на высшем уровне, идею и теорию которого разработали И. Ансофф и О. С. Виханский [2; 3]. В нашей стране с 1990-х гг. эти идеи начали адаптировать в экономической сфере [4; 5]. Имеет большое значение принципиальная разница сущности стратегического и нестратегического управления, состоящая в том, что в первом случае долгосрочная перспектива развития определяется на многолетний период времени с четкой регламентацией деятельности и учетом будущих перемен; во втором случае качественные изменения во внешней сфере не происходят (незначительны), поэтому планирование осуществляется, что называется, на века.

Стратегическое управление формирует особую идеологию деятельности, базирующуюся на определенной логике, правилах, проблемном анализе и выборе стратегий. Это цикличный регламентированный процесс стратегического планирования, сопровождающийся анализом внешних и внутренних факторов среды, определением миссии и целей, выбором решений, исполнением и оценкой реализации стратегии с последующим обязательным контролем [2; 3]. В сложной многофакторной среде требуется быстрое принятия управленческих решений как на основе устойчивой и бесспорной, так вариативной и неочевидной информации. Во втором случае требуются высококвалифицированные специалисты и эксперты, способные выработать решение с учетом внезапных негативных изменений, причиняющих существенный ущерб национальным интересам. С целью минимизации «дефектных решений» [1, с. 121–122] при нехватке достоверной и своевременной информации и недостаточно точном определении сферы правового регулирования должна использоваться «рискореализующая технология информационного обеспечения систем ситуационного управления» [6, с. 467–473; 7, с. 19–25], разработанная теорией рискового управления [8].

Неотъемлемой составляющей стратегического управления выступает выработка стратегии, обеспечивающей выполнение стратегической цели на долгосрочный период (миссии), значение которой состоит в способности внутренней сплоченности участников управленческого процесса на основе отчетливого осознания будущего и в обозначении имиджа системы управления. Реализация стратегии характеризуется содержанием в зависимости от понимания ее сущности: во-первых, как основанный на предсказуемости, детерминированности и подконтрольности изменений в среде долгосрочный план достижения долгосрочной цели; во-вторых, как генеральный вектор развития системы в изменчивой многофакторной среде, направленный на реализацию стратегических целей в долгосрочной перспективе. Однако независимо от этих похожих взглядов основными этапами стратегического управления выступает стратегическое планирование с начальным звеном в виде стратегического анализа, к сожалению, не представленного в Законе № 172, и стратегический прогноз как документ стратегического планирования.

Во-вторых, несмотря на определение документа стратегического планирования в Законе № 172 в виде «документированной информации, разрабатывае-

мой, рассматриваемой и утверждаемой (одобряемой)… участниками стратегического планирования», их сущность пока не исследована в достаточной мере.

Вместе с тем, многочисленные документы в виде стратегий, доктрин, концепций, программ, проектов, планов, дорожных карт, прогнозов и других на федеральном, региональном и муниципальном уровнях требуют научного осмысления их природы и систематизации. Бессистемность их совокупности, избыточность из-за невозможности координации и обеспечения исполнения [9, с. 4–12; 10, с. 46–55] противоречит положениям Основ государственной политики в сфере стратегического планирования, где к основным направлениям отнесено формирование архитектуры документов стратегического планирования, т. е. иерархической системы последовательно связанных документов, обеспечивающей преемственность целей, сбалансированность по задачам и их ресурсному обеспечению.

Место документов стратегического планирования в системе источников права в научной сфере пока не найдено, но большинством специалистов признается их правовая форма и предлагается понимать как «стратегический акт управления» [9, с. 4–10]. На наш взгляд, следует обратить внимание на взаимосвязь документов стратегического планирования с правовой доктриной, характеризуемой теоретиками права (В. С. Нерсесянцом, А. Г. Венгеровым, Н. Л. Гранат и др.). Этому способствуют такие особенности правовой доктрины, как приоритетность среди источников права, динамичность и действие на базе авторитетности и убедительности. Значимость правовой доктрины в стратегическом управлении проявляется не столько в теоретическом смысле, сколько в практической деятельности при подготовке законопроектов и правовых актов органов публичной власти.

Ю. А. Тихомиров справедливо называл правовой акт «официальным письменным документом, направленным на регулирование общественных отношений, имеющим обязательную силу для адресатов, принятым управомоченным лицом и порождающим соответствующие правовые последствия» [11, с. 59]. Стратегии он характеризовал «новыми актами-регуляторами» [12, с. 5–15], по содержанию являющимися программными документами планово-целевого характера с указанием задач, этапов, действий и решений, результатов. К сожалению, разработанный в 2014 г. Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации проект закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», содержащий статью «Программные правовые акты» [1], так и не был принят.

Таким образом, разработка и обоснование нового явления стратегического управления на основе документов стратегического планирования послужит развитию инновационных векторов публичного управления.

Список литературы

1. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски : монография. М. : ИЗИСП, Инфра-М, 2015.

2. Ансофф И. Стратегическое управление. М., 1989. // Центр гуманитарных технологий. 2012.

3. Виханский О. С. Стратегическое управление : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Гардарика, 1998.

4. Маркова В. Д., Кузнецова С. А. Стратегический менеджмент : курс лекций, М. : Инфра-М., 1999.

5. Кокошин А. А. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М., 2003.

2. Кукор Б. Л., Игольников А. И. Развитие методологии стратегического управления // Технологическая перспектива в рамках Евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста : материалы 4-й Международной научной конференции / под ред. О. Н. Кораблевой, М. И. Барабановой, Е. А. Ветровой и др. М., 2016. С. 467–473.

3. Кукор Б. Л. Яковлева Е. А. Об информационно-коммуникационной системе стратегического управления экономикой : сборник научных трудов XXI Международной научно-практической конференции «Системный анализ в проектировании и управлении». М., 2017. С. 19–25.

4. Оптнер С. Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем / пер. с англ. и вступ. слово С. П. Никанорова. 3-е изд. М., 2006.

5. Зубарев С. М. Стратегические акты управления в области обеспечения национальной безопасности // Вестник МГЮА. 2022. № 11. С. 4–12.

6. Ленчук Е. Б., Войтоловский Ф. Г., Кувалин Д. Б. Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 46–55.

7. Тихомиров Ю. А. Право: традиции и новые повороты : монография. М., 2023. С. 59.

8. Тихомиров Ю. А. Новые векторы регулирования – «другое» право? // Журнал российского права. № 4. 2016. С. 5–15.

Карнаухова Ю. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЗИТИВНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин поставил задачу усовершенствовать административные процедуры: перевести их в цифровую плоскость, сделать понятными, четкими и доступными для граждан. По оценке главы государства, прозрачность административных процедур имеет принципиальное значение для национальной безопасности [1, с. 25]. Указанные задачи непосредственно касаются порядка оказания государственных услуг подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД).

Значимость административных процедур, подчеркнутая в речи Президента Российской Федерации, а также необходимость выбора направлений их оптимизации обусловили тему настоящего исследования. Современная цифровизация общества, появление новых вызовов и усиливающиеся запросы населения на качество публичных услуг требуют переосмысления организационных подходов ОВД и разработки путей повышения эффективности их работы в сфере реализации позитивных административных процедур.

В теории управления и экономике выделяются два базовых направления модернизации деятельности: экстенсивный и интенсивный. По мнению ряда исследователей, экстенсивный путь в текущих условиях практически исчерпал свои резервы [2, с. 280]. Для ОВД такой подход также оказывается неоправданным: наблюдается сокращение численности персонала в условиях сохранения либо роста объема функций и полномочий. Следовательно, для реализации ОВД позитивных административных процедур приемлемым представляется интенсивный вектор развития, предполагающий внедрение наукоемких технологий, совершенствование форм и методов организации труда, усиление информационного обеспечения и прочие меры, направленные на повышение результативности процессов [3, с. 297–298].

Приоритет в ряду мер по совершенствованию процессов реализации ОВД позитивных административных процедур принадлежит формам организационной деятельности. Историческое изречение Forma dat esse (rei) – форма задает бытие – сохраняет актуальность при анализе способов предоставления ОВД государственных услуг. Прежде чем переходить к рассмотрению вариантов из-

[1] © Карнаухова Ю. А., 2026.

менения форм деятельности в целях оптимизации указанных процедур, требуется дать уточненные определения ключевых понятий.

Под административными процедурами в данной работе понимается регламентированный административно-процессуальными нормами алгоритм последовательных действий должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, направленный на принятие управленческих решений в пределах полномочий при разрешении индивидуально-административных дел и обеспечение правовых интересов граждан. В сферу данных процедур не входят рассмотрение споров и применение принудительных мер. Понятие «форма» трактуется как внешняя выраженность действий должностного лица при исполнении функций по предоставлению государственных услуг: способ оформления волеизъявления, порядок взаимодействия с заявителем, организационные и технические средства, используемые при исполнении служебной обязанности.

Уточнение содержательной стороны терминологии создает основание для дальнейшего анализа преобразований: модернизация форм деятельности должна сочетать правовую определенность, технологическую совместимость с цифровыми сервисами и удобство для исполнителей и пользователей. В рамках ОВД это предполагает разработку регламентов, протоколов электронного документооборота, стандартизированных процедур общения с гражданами и жестких критериев контроля качества исполнения. Принципиальная задача – обеспечить баланс между оперативностью исполнения запросов и соблюдением гарантий правового порядка, защищенности персональных данных и ответственности должностных лиц за принятые решения.

Комплексный подход по внедрению электронных сервисов по реализации позитивных административных процедур предусматривает выработку унифицированных форматов документов и процессов, адаптированных под цифровые платформы, внедрение инструментов электронного мониторинга исполнения, а также подготовку кадров на уровне, достаточном для работы с новыми технологическими решениями и цифровыми алгоритмами принятия решений. Применение предложенных мер должно привести к сокращению административных барьеров, ускорению осуществления позитивных административных процедур и повышению доверия населения к деятельности ОВД. Соответственно, переход к интенсивным ресурсосберегающим методам развития выглядит необходимым элементом стратегии модернизации публичной администрации в указанный период [1, с. 24].

Общественные отношения, связанные с оказанием государственных услуг подразделениями ОВД, нуждаются в подробном рассмотрении электронной формы взаимодействия как приоритетного направления развития при интенсификации деятельности ОВД. Под электронной формой следует понимать внешнюю форму реализации полномочий ОВД посредством информационно-телекоммуникационных средств, нацеленную на решение отнесенных к их компетенции вопросов граждан.

Преимущества внедрения электронной формы в сфере реализации позитивных административных процедур выражаются в сокращении сроков обработки обращений; уменьшении расходной нагрузки на бюджет и затрат лиц, обраща-

ющихся за услугой; снижении бюрократических моментов и проявлений субъективизма со стороны сотрудников ОВД за счет внедрения электронного документооборота; расширении доступности сервисов в территориальном и временном измерениях; уменьшении рисков коррупционного характера ввиду уменьшения количества личных контактов между заявителем и должностным лицом.

Имея неоспоримые положительные моменты относительно внедрения электронных сервисов по реализации позитивных административных процедур, цифровая трансформация данной сферы сталкивается с некоторыми системными вызовами. Один из них – цифровой разрыв между центрами и удаленными территориями: техническая оснащенность ведомственных подразделений и качество сетевых соединений в региональной инфраструктуре иногда оказываются недостаточными для эффективного использования централизованных электронных платформ, что приводит к неравномерности доступа граждан к электронным сервисам по реализации позитивных административных процедур и перегрузкам в приемных подразделениях ОВД. Еще одна проблема связана с обеспечением информационной безопасности и сохранностью персональных данных большого массива данных заявителей; данный вопрос требует постоянного совершенствования методов шифрования, внедрения многоуровневых электронных механизмов контроля доступа и защиты, а также постоянного обучения сотрудников ОВД правилам безопасной работы с цифровыми ресурсами и совершенствования их навыков в соответствии с уровнем развития электронных технологий, используемых в деятельности ОВД. В соответствии с этим, нормативная база должна выдерживать темп технологических изменений, устанавливать четкие правила идентификации пользователей, критерии юридической значимости электронных документов и ответственность за нарушения порядка обработки информации [4, с. 146].

Организационные преобразования в рассматриваемой сфере предполагают пересмотр административных регламентов, перераспределение некоторого функционала между подразделениями ОВД, а также формирование специализированных команд сопровождения цифровых проектов. Кадровое развитие должно предусматривать владение сотрудниками ОВД навыками управления информационными системами, знание правовых аспектов электронного документооборота и готовность к оперативному реагированию на информационные инциденты. Прозрачность процедур, четкое и своевременное реагирование сотрудников ОВД на обращения граждан с помощью электронных сервисов по реализации позитивных административных процедур, наличие цифровых механизмов обжалования действий и решений сотрудников ОВД являются основой для доверительного взаимодействия между населением и ОВД в цифровом пространстве.

Важно помнить, что положительная оценка внедрения электронных сервисов по реализации позитивных административных процедур ОВД и успех цифровой трансформации ОВД в целом определяются сочетанием цифровых и технических ресурсов, усилением различных мер защиты данных, своевременной правовой регламентацией новых технологических решений, используемых в деятельности ОВД, комплексной подготовкой персонала в соответствии с возникающими вызовами и угрозами в цифровой среде. Именно такой подход

способен создать необходимые условия для продолжения совершенствования цифровизации позитивных административных процедур, осуществляемых ОВД, повышения их качества и положительной оценки со стороны населения относительно внедрения электронных сервисов и решений в деятельность ОВД.

Список литературы

1. Костин С. Г. Полицейское усмотрение в условиях цифровой трансформации государственного управления // NB: Административное право и практика администрирования. 2025. № 1. С. 24–38. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72163.

2. Носатов Ю. Н. Формы деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка в ходе избирательных кампаний в современных условиях // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 4. С. 280–284.

3. Щепалов С. В. Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административно-юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 3. С. 297–312.

4. Старостин С. А. В продолжение дискуссии об административном усмотрении // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 2. С. 145–157.

Кивич Ю. В.[1]*,*
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ПРАВА И ИНТЕРЕСЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних является приоритетом современного правового государства. В Российской Федерации административная ответственность за посягательства на права несовершеннолетних установлена гл. 5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), а также нормами ст.ст. 6.17, 6.23, 20.22 КоАП РФ, имеющими специальный характер. Вместе с тем на практике применение этих составов административных правонарушений вызывает определенные трудности квалификации. В итоге до низкого уровня падает эффективность административно-юридической защиты лиц, не достигших совершеннолетия.

Цель настоящей статьи – выявить ключевые проблемы квалификации административных правонарушений, посягающих на права и интересы несовершеннолетних, и обозначить основные предпосылки по их разрешению.

Под административными правонарушениями, посягающими на права и интересы несовершеннолетних, понимаются противоправные, виновные действия (бездействие), нарушающие установленные законодательством права детей на воспитание, образование, защиту от вредной информации, материальное содержание и т. д. [2, с. 134–140].

В отдельных научных публикациях [4, с. 78–84] находится подтверждение об установлении в гл. 5 КоАП РФ трех основных составов, посягательства которых связаны: по ст. 5.35 – с регулированием юридических последствий в отношении родителей или других законных представителей несовершеннолетних за неисполнение обязанностей по уходу и воспитанию детей; по ст. 5.36 – с характеристикой деяния через нарушение процедур и сроков предоставления информации о детях, нуждающихся в передаче на воспитание в семью или в специализированные учреждения для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; по ст. 5.37 – с действиями, нарушающими порядок и условия усыновления или передачей детей под опеку.

В федеральном законодательстве об административных правонарушениях отмечены разнообразные деяния против несовершеннолетних. Выделим среди них ключевые составы, распределенные по разным главам. Следует также помнить о проблемах, связанных с квалификацией нарушений санитарных и эпидемиологических норм в образовательных учреждениях, установленных ст. 6.7,

---

[1] © Кивич Ю. В., 2026.

а также с вовлечением детей в употребление алкоголя и наркотиков, образующим объективную сторону состава, предусмотренного ст. 6.10 КоАП РФ. Кроме того, не менее серьезным нарушением является нахождение несовершеннолетних в состоянии опьянения, употребление ими алкогольной и спиртосодержащей продукции, наркотиков или психотропных веществ, ответственность за которые установлена в ст. 20.22 КоАП РФ.

С принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ориентированного на защиту детей от вреда в области информационных отношений, затрагивающего их здоровье и развитие, в гл. 6 появился новый состав, добавленный ст. 6.17 – нарушение в сфере защиты детей от вредоносной информации. Кроме того, для усиления защиты детей от эксплуатации и торговли, а также от распространения материалов с порнографическим содержанием несовершеннолетних были введены составы правонарушений, предусмотренных ст.ст. 6.19 и 6.20, субъектами которых являются юридические лица, создающие условия для таких действий.

В гл. 6 Федерального закона об административных правонарушениях произошли значимые изменения, среди которых важно выделить составы, предусматривающие ответственность за вовлечение несовершеннолетних в употребление табака – ст. 6.23 и ч. 2 ст. 6.24, отражающие, без всяких сомнений, своевременную реакцию на угрозы здоровью несовершеннолетних. В той же главе появилась ст. 6.21, в которой установлена ответственность за распространение среди лиц, не достигших совершеннолетия, информации, поддерживающей сексуальные отношения между лицами одного пола, что также усилило гарантии правовой защиты рассматриваемой категории лиц. Однако эта норма вызвала споры на международном уровне, в частности, в Европейском Суде по правам человека, ее посчитали нарушающей основы Европейской Конвенции о правах человека. В то же время, Конституционный Суд Российской Федерации не нашел в ней противоречий с законодательством страны.

Основной акцент в этой работе должен быть сделан на обеспечении таких условий для детей в их семьях, которые будут способствовать их здоровому воспитанию и развитию, а не на наказании. В конце концов, создание стабильной и поддерживающей семейной среды является ключом к защите прав несовершеннолетних.

Основные аспекты, обусловливающие проблемы при квалификации составов административных правонарушений, посягающих на права и интересы несовершеннолетних, связаны с установлением объективных и субъективных признаков.

Проблемы определения объекта и субъекта:

– объект: права и интересы несовершеннолетних – часто трактуется расширительно, что приводит к смешению с другими объектами (например, с общественным порядком). Требуется четкое разграничение непосредственного объекта (конкретное право ребенка) и родового объекта (права граждан);

– субъект: кроме родителей (законных представителей), ответственность могут нести должностные лица, юридические лица, а в некоторых случаях – сами несовершеннолетние (с 16 лет). Возникают вопросы о привлечении к от-

ветственности ненадлежащих субъектов (например, когда обязанности по воспитанию фактически исполняет иное лицо).

Проблемы разграничения со смежными составами:

– *разграничение административной и уголовной ответственности* – например, неисполнение обязанностей по воспитанию (ст. 5.35 КоАП) и жестокое обращение (ст. 156 УК РФ). Критерии разграничения (характер и степень общественной опасности, последствия) часто оценочны, что ведет к непоследовательной практике;

– *разграничение между административными правонарушениями внутри главы 5 КоАП* – например, между ст. 5.35 и ст. 5.35.1. Нередко одно действие содержит признаки нескольких составов, что требует квалификации по совокупности.

Проблемы установления вины и причинной связи:

– *вина в форме неосторожности* – часто родители не исполняют обязанности по воспитанию не умышленно, а по небрежности. Доказывание такой неосторожности требует тщательного анализа обстоятельств;

– *причинная связь* – необходимо устанавливать, что именно бездействие родителя (например, отсутствие контроля) привело к нарушению прав ребенка. В сложных семейных ситуациях установление причинной связи затруднено.

Проблемы доказывания:

– *недостаток доказательств* – дела об административных правонарушениях часто основываются на объяснениях сторон, актах обследования условий жизни, показаниях свидетелей. Качество этих доказательств может быть низким;

– *особенности доказывания в отношении несовершеннолетних* – требуется учитывать психологические особенности ребенка, соблюдать процедуру опроса, привлекать педагогов, психологов. На практике эти требования не всегда выполняются.

Проблемы применения мер ответственности:

– *выбор наказания* – суды и комиссии по делам несовершеннолетних часто ограничиваются предупреждением или небольшим штрафом, что не оказывает превентивного воздействия;

– *учет интересов ребенка* – при назначении наказания родителю может не учитываться, что штраф или иное взыскание ухудшит материальное положение самого несовершеннолетнего.

Анализ правоприменительной практики показывает, что большинство дел рассматривается по ст. 5.35 КоАП. Суды и комиссии часто выносят решения формально, без глубокого исследования обстоятельств. Вместе с тем наметилась тенденция к более широкому привлечению к ответственности за вовлечение несовершеннолетних в употребление табака, алкоголя (ст. 6.23 КоАП) и за нарушение законодательства о защите детей от вредной информации (ст. 6.17 КоАП) [6, с. 34–40].

Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики:

1. *Уточнение диспозиций норм* – ввести более четкие критерии разграничения административной и уголовной ответственности, конкретизировать признаки объективной стороны.

2. *Разработка методических рекомендаций* – для правоприменителей по квалификации составов, связанных с правами несовершеннолетних, с примерами из практики.

3. *Усиление профилактической составляющей* – расширить перечень альтернативных мер воздействия (обязательные программы для родителей, социальное сопровождение).

4. *Совершенствование доказательственной базы* – предусмотреть обязательное использование аудиовидеофиксации, заключений психологов в делах о нарушениях прав детей.

5. *Повышение квалификации сотрудников комиссий по делам несовершеннолетних и судей* – регулярное обучение по вопросам детской психологии и специфике квалификации правонарушений.

Таким образом, квалификация административных правонарушений, посягающих на права и интересы несовершеннолетних, остается сложной задачей из-за проблем определения объекта и субъекта, разграничения со смежными составами, установления вины и причинной связи, а также недостатков доказывания.

Эффективность административно-правовой защиты детей требует совершенствования законодательства посредством развития методического обеспечения и улучшения подготовки лиц, осуществляющих правоприменение по подобным составам административных правонарушений. Среди специалистов, имеющих указанную практику, принято считать такой подход комплексным. Он позволяет обеспечить защиту прав и интересов несовершеннолетних фактически, без любых условностей [3, с. 45–52; 5, с. 112–118].

Устоявшаяся на сегодняшний день система квалификации административных правонарушений, посягающих на права и интересы несовершеннолетних, характеризуется множеством противоречий. В первую очередь, данный факт обусловлен обстоятельствами, при которых проявляется неоднозначность законодательных формулировок. В связи с этим возникают трудности в правоприменительной практике. И, как следствие, раннее предупреждение административных правонарушений и в целом защита детей, выступающих целью противоправных посягательств, сталкиваются с непреодолимыми барьерами. Вот именно поэтому существует острая необходимость в конкретизации и последовательном упорядочении норм. Требуется, кроме того, уточнение критериев, по которым проводится квалификация рассматриваемых составов. Все это в комплексе может служить основой для повышения степени защищенности несовершеннолетних, их прав и интересов.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Бурханова Ш. С., Горбунова И. В. Административные правонарушения, посягающие на права несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных наук. 2024. № 5–1 (80). С. 134–140.

3. Брысов М. Проблемы квалификации административных правонарушений, посягающих на права несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 45–52.

4. Юрков С. А. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего по признакам объективной стороны // Уголовное право. 2024. № 5. С. 78–84.

5. Хаметдинова Г. Ф. Проблемы ответственности за административные правонарушения, посягающие на права несовершеннолетних // Юридическая наука и практика. 2020. № 3. С. 112–118.

6. Судебная практика по делам об административных правонарушениях, посягающих на права несовершеннолетних: обзор Верховного Суда Российской Федерации за 2024 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 1. С. 34–40.

Кисин В. Р.[1]*,*
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ НОВОГО КОАП РФ В ТЕКУЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В последних научных публикациях административистов почти не встречается воспоминаний об утвержденной (одобренной) 4 июня 2019 г. совещанием у Председателя Правительства Российской Федерации Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который предполагалось разработать и ввести в действие с 1 января 2021 г. Будучи не лишенной некоторой неопределенности, незавершенности и противоречивости [2], Концепция, как представляется, адекватно отразила существенные недостатки действующего административно-деликтного законодательства и основные подходы к его регулированию.

Нельзя сказать, что эти подходы были полностью воплощены в проекте КоАП РФ, опубликованном на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов [5], судьба которого остается неизвестной. Однако представляется, что независимо от нее основные положения Концепции не должны оставаться бесплодными попытками если не кардинального совершенствования, то хотя бы некоторого улучшения текущего административно-деликтного законодательства.

Предпринятые в последние годы некоторые шаги по реализации концептуальных направлений его реформирования не устранили коренных его недостатков и не решили провозглашенной Концепции главной задачи – обеспечение стабильности законодательства об административных правонарушениях. Концепция содержит критическую оценку практики внесения в КоАП РФ многочисленных изменений, предполагает сокращение количества составов административных правонарушений, упорядочивание процедуры внесения изменений в Кодекс. Административно-правовой теорией предложены заслуживающие внимания пути решения этой задачи [7; 4; 8 и др.], которые не находят реализации в законотворчестве.

Количество ежегодно принимаемых законов, вносящих изменения и дополнения в КоАП РФ, за 2019–2025 годы не стало меньше. Например, только в декабре 2025 г. было принято 16 федеральных законов, пополнивших КоАП РФ семнадцатью новыми составами административных правонарушений. В Особенной части Кодекса остается не так много статей, первоначальная редакция которых не претерпела бы изменений в результате их дополнения новыми составами (частями) или изменения (дополнения) конструктивных признаков существующих составов.

---

[1] © Кисин В. Р., 2026.

Причем некоторые нормы подвергаются многократным изменениям и дополнениям. Например, в первоначальную редакцию ст. 19.5 КоАП РФ внесено 64 изменения тридцатью тремя законами, 12 из которых приняты после одобрения Концепции, предполагающей стабилизацию законодательства об административных правонарушениях.

Подвержены перманентным изменениям и нормы общей части Кодекса. Например, ст. 4.5 КоАП РФ (давность привлечения к административной ответственности) изменялась 110 раз, причем 33 закона о внесении в нее изменений приняты после одобрения Концепции нового Кодекса.

Представляется, что подобная законотворческая активность исключает саму возможность принятия нового Кодекса (который не может не базироваться на текущем законодательстве) без принципиального изменения подхода к административно-деликтной политике (к деликтизации) и при неизменности юридической техники конструирования составов административных правонарушений.

Видимо не каждый нормативный акт позитивного регулирования нуждается в «административно-деликтном сопровождении». Административная ответственность должна устанавливаться за действительно общественно опасные деяния и при отсутствии или доказанной неэффективности иных правовых средств их предупреждения.

Признаки объективной стороны многих составов однородных административных правонарушений могут быть унифицированы, что позволит сократить количество составов, минимизировать число содержащих их специальных норм.

Нормы общей части Кодекса должны иметь приоритетное значение, а не подстраиваться под каждое изменение и дополнение Особенной части. Напротив, эти изменения (дополнения), по общему правилу, должны учитывать возможности и ограничения, определенные нормами общей части Кодекса.

В Концепции негативно оценена и сформировавшаяся практика существенного ужесточения мер административной ответственности, предлагается отказ от ее карательно-фискальной направленности. Однако в законотворческой практике сохраняется обратная тенденция. Постоянно увеличивается количество статей Кодекса, санкции которых предусматривают превышающие установленные ст. 3.5 КоАП РФ общие размеры административного штрафа (5 тыс. руб. для граждан, 50 тыс. руб. для должностных лиц и 1 млн руб. для юридических лиц). Перечень таких статей дополнялся 122 раза, причем 81 дополнение в ст. 3.5 КоАП РФ внесено после одобрения Концепции.

Примечательно, что масштаб увеличения размера штрафа во многих случаях не соразмерен ни с возрастанием общественной опасности правонарушений, ни с ростом благосостояния субъектов ответственности, ни с индексом инфляции. Например, четверть принятых в декабре 2025 г. законов об изменениях и дополнениях в КоАП РФ посвящена исключительно увеличению размера административного штрафа за ряд правонарушений.

Причем за некоторые из них размер штрафа, назначаемого физическим лицам, увеличен в 25 и в 38 раз (ч. 3 ст. 19.8, ч. 2.1 ст. 14.8 КоАП РФ) и достигает 150 тыс. руб., что в 30 раз превышает минимальный размер штрафа, предусмотренного ст. 46 УК РФ, и значительно больше максимального размера штрафа, предусмотренного многими статьями УК РФ за преступления против

жизни и здоровья, общественного порядка и общественной безопасности, интересов государственной службы и др.

Положения Концепции, частично отражающие высказанные ранее суждения административистов о недопустимости размывания границы между административной и уголовной ответственностью, не влияют на законотворческую практику [1]. Она по-прежнему сохраняет тенденции не только ужесточения административной ответственности, но и перманентной деликтизации все новых влекущих ее деяний. Экстраполяция таких тенденций на обозримое будущее (при неизменности существующих подходов к законотворчеству) рождает образ Кодекса, который ввиду обилия содержащихся в нем норм и изменчивости их содержания окажется неподъемным для правоприменителей и других субъектов административно-деликтных отношений, а по объему содержащихся в их санкциях правоограничений – прямо противоречащим принципу соразмерности наказаний общественной опасности (вредоносности) деяний, признаваемых административными правонарушениями.

Список литературы

1. Денисенко В. В. Административное правонарушение и преступление, административная и уголовная ответственность: нетождественное сходство // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти В. Д. Сорокина (3–6 октября 2013 г.). Краснодар, 2014. С. 92–107.

2. Кисин В. Р. Некоторые суждения по поводу Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 37–42.

3. Кисин В. Р. Состояние границы между административной и уголовной ответственностью // Административное право и процесс. 2016. № 7. С. 12–16.

4. Малахов С. А. Взаимосвязь норм законодательства об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

5. Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. URL: https://regulation.gov.ru/projects/102447/.

6. Попугаев Ю. И. О необходимости дифференциации размеров административных и аналогичных уголовных наказаний с учетом степени общественной опасности деяний // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 43–46.

7. Попугаев Ю. И. Теоретико-прикладные проблемы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.

8. Шергин А. П. Административная деликтность: оценка и выбор средств противодействия // Проблемы противодействия административной деликтности: материалы научно-практической конференции / отв. ред. А. С. Дугенец. М. : ВНИИ МВД России, 2010. С. 7–18.

Ковшевацкий В. И.[1]*,*
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАПРЕТОВ В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Административно-деликтный запрет – это закрепленное в норме административного права (преимущественно в диспозиции нормы об административной ответственности) властное предписание, обязывающее субъекта воздерживаться от совершения определенных действий (или, реже, бездействия), которые законодатель признает общественно вредными в сфере публичного управления, общественного порядка, безопасности и иных охраняемых административным правом отношений.

Нормативная структура запрета включает:

1. Гипотезу (условие действия): определяет круг субъектов (физических, юридических лиц, должностных лиц) и обстоятельства, при которых запрет действует.

2. Диспозицию (содержание запрета): непосредственно формулирует модель недопустимого поведения («запрещается…», «не вправе…», «не допускается…»). Часто диспозиция описывается через перечень действий, составляющих объективную сторону правонарушения.

3. Санкцию (последствие нарушения): устанавливает вид и меру административного наказания (штраф, административный арест, дисквалификация и т. д.), следующего за нарушением запрета. Наличие санкции – неотъемлемый признак именно деликтного запрета, отличающего его от регулятивных предписаний.

Таким образом, административно-деликтный запрет представляет собой охранительную правовую норму, где диспозиция указывает на противоправность, а санкция – на репрессивную реакцию государства.

Административно-деликтные запреты выполняют ряд ключевых функций:

– регулятивно-превентивную: формируя четкие границы дозволенного, запреты направляют поведение субъектов, предотвращая потенциальные нарушения и обеспечивая стабильность управленческих процессов;

– охранительную (защитную): защищают наиболее значимые для общества и государства ценности – общественный порядок, права граждан, экологическую безопасность, санитарно-эпидемиологическое благополучие;

– квалифицирующую: служат юридическим основанием для признания деяния административным правонарушением. Без установленного запрета не может возникнуть противоправность;

[1] © Ковшевацкий В. И., 2026.

– информационно-ориентирующую: доводят до сведения субъектов информацию о видах поведения, которые государство считает недопустимыми под угрозой принуждения.

Выявление правовой природы запрета требует его четкого отграничения от иных видов правовых предписаний:

– от уголовно-правовых запретов: главное отличие лежит в характере и степени общественной вредности. Административно-деликтный запрет нацелен на деяния, обладающие общественной вредностью, но не достигающие общественной опасности преступления. Санкции за их нарушение, как правило, менее суровы и не влекут судимости. Кроме того, сфера действия административных запретов шире и охватывает преимущественно области публичного администрирования и общественной безопасности;

– от дисциплинарных запретов: дисциплинарные запреты закрепляются в локальных нормативных актах, уставах, правилах внутреннего трудового распорядка и обращены к членам конкретных организаций (служащим, работникам, студентам). Их нарушение влечет дисциплинарное, а не административное взыскание. Административно-деликтный запрет носит публично-правовой, общеобязательный характер;

– от прямых административных обязываний (позитивного обязывания): обязывание предписывает совершить активное действие (уплатить налог, получить лицензию), тогда как запрет требует воздержания от действия. Однако нарушение обязывания (бездействие) также может быть описано через форму запрета на неисполнение обязанности (например, запрет на осуществление деятельности без лицензии).

Говоря о современном состоянии и тенденциях развития административно-деликтных запретов, следует отметить, что административно-деликтное законодательство, будучи лакмусовой бумажкой государственного реагирования на новые риски, находится в состоянии перманентной трансформации. Его современная эволюция не может быть понята вне контекста научной дискуссии, накопленной судебной практики, а также исторического и международного опыта. Цель настоящей статьи – осуществить комплексный анализ ключевых тенденций в формировании административно-деликтных запретов, интегрируя доктринальные оценки и данные правоприменения.

Наиболее яркой тенденцией является стремительное распространение запретов на цифровую среду. Ученые оценивают этот процесс неоднозначно.

Профессор Ю. А. Тихомиров указывает на парадокс: стремление урегулировать цифровизацию традиционными запретительными методами может привести к правовому фиаско, так как динамика технологий опережает скорость законотворчества. Он призывает к развитию мягкого права, стандартов и кодексов поведения в этой сфере [1, с. 89]. А. В. Кирин отмечает, что новые составы (например, о фейковых новостях – ст.ст. 13.15, 20.3.3 КоАП РФ) часто используют крайне расплывчатые формулировки (недостоверная общественно значимая информация), что создает риск произвольного применения и ограничения свободы слова под видом административного контроля [2, с. 70].

Позиция Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) демонстрирует попытку сдержать этот риск. В Обзоре практики (2021. № 1) ВС РФ подчеркнул, что привлечение к ответственности за распространение заведомо ложной информации требует доказывания не только факта ложности, но и заведомости для распространителя, а также наличия реальной угрозы общественному порядку [3]. Однако на уровне судов общей юрисдикции и мировых судей сохраняется формальный подход, что ведет к массовому привлечению к ответственности за репосты и комментарии в соцсетях.

Аналогичная экспансия происходила с появлением телеграфа, радио и телевидения. Как отмечал М. Д. Загряцковский в 1920-е гг., введение административной ответственности за распространение ложных слухов через новые каналы коммуникации всегда было инструментом борьбы за информационный суверенитет государства [4, с. 56]. Современность лишь масштабирует этот процесс.

Процессы криминализации и административизации вызывают острые дискуссии. Профессор Н. Г. Салищева положительно оценивает административизацию малозначительных экономических составов как отражение принципа гуманизации и снижения репрессивного давления на бизнес [5, с. 34]. Однако Л. В. Головко предупреждает об опасности лестницы эскалации, когда административное наказание становится не альтернативой, а первой ступенью к уголовной ответственности (например, за неоднократное нарушение правил митингов – ст. 20.2 КоАП РФ, ведущее к ст. 212.1 УК РФ). Это, по его мнению, искажает природу административной ответственности как ответа на проступки, не обладающие высокой общественной опасностью [6, с. 112].

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 июня 2021 г. № 22-П указал на необходимость четкого и соразмерного разграничения смежных составов. Суд отметил, что перевод деяния из уголовного в административное русло не должен сопровождаться созданием неоправданно суровых административных санкций, которые де-факто сохраняют карательную строгость [7]. Верховный Суд в своих определениях часто отменяет приговоры, если суды первой инстанции не установили качественные различия между проступком и преступлением при схожих формальных признаках.

Говоря о международном опыте, следует отметить, что европейский опыт (Германия, Франция) демонстрирует тенденцию к депенализации – выведению целых категорий деяний (например, в сфере дорожного движения, мелких хозяйственных нарушений) из уголовного процесса в административное производство с упрощенными процедурами. Это снижает нагрузку на уголовную юстицию и стигматизацию нарушителей. Российская модель, сочетающая административизацию с ужесточением санкций за повторность, представляет собой более жесткий гибридный вариант.

И все же на данный момент общемировая тенденция сводится к превентивной функции государства. Ю. Н. Старилов еще в начале 2000-х гг. обосновывал необходимость развития превентивных административных процедур, предшествующих санкциям [8, с. 201]. Сегодня эта идея реализуется через риск-ориентированный подход, который, по мнению А. Б. Агапова, трансформирует роль контролирующего органа из карателя в аудитора рисков [9, с. 134].

Внедрение института обязательного предостережения (ст. 8.2 Закона № 294-ФЗ) породило новую категорию судебных споров. Арбитражные суды, как показывает практика (Постановление АС Северо-Кавказского округа от 11 сентября 2022 г. по делу № А32-12345/2021), тщательно проверяют, было ли предостережение оформлено надлежащим образом и содержало ли конкретные указания на нарушение. Отсутствие предостережения является безусловным основанием для прекращения производства по делу.

Принцип «предупреждение лучше наказания» лежит в основе регулирования в ЕС, особенно в экологическом и потребительском праве. Административные органы наделены широкими полномочиями по выдаче предписаний, приостановке деятельности до суда, что делает запрет не просто угрозой, а оперативным инструментом управления рисками.

Далее следует отразить уникальную для России геополитическую тенденцию. М. А. Лапина характеризует новые составы, связанные с соблюдением иностранных санкций (ст. 19.7.3-2 КоАП РФ) как проявление «защитного юридического национализма», где административно-деликтное право используется для создания правового барьера против экстерриториального действия иностранного права [10, с. 45].

Пока практика по новым антисанкционным составам только формируется. Ключевой вопрос – доказывание «соблюдения иностранных ограничительных мер в ущерб интересам Российской Федерации». Первые решения арбитражных судов (например, по делам об отказе от контрактов) показывают, что бремя доказывания лежит на контролирующем органе, который должен продемонстрировать причинно-следственную связь между действиями компании и иностранным санкционным режимом.

Исторические параллели можно найти в законодательстве Веймарской республики и раннего СССР, где административные запреты активно использовались для защиты национальной экономики от внешнего влияния (законы против экономического саботажа). Это свидетельствует о том, что в периоды геополитической напряженности административное право становится фронтом правового противодействия.

Современные тенденции формирования административно-деликтных запретов, рассмотренные в триаде «доктрина – практика – опыт», рисуют картину глубокой и противоречивой трансформации. С одной стороны, наблюдается движение в русле общемировых трендов: цифровизация, превенция, депенализация. С другой – эти тренды приобретают национальную специфику, обусловленную геополитическим контекстом и особенностями правовой культуры, ведущую к созданию гибридных конструкций ответственности.

Основной вызов заключается в нахождении баланса между:

– эффективностью и правовой определенностью: новые технологичные запреты не должны превращаться в сети из оценочных категорий;

– превенцией и соразмерностью: риск-ориентированный подход не должен оправдывать превентивное ограничение прав без реальной и непосредственной угрозы.

Таким образом, будущее административно-деликтного законодательства видится не в бесконечном наращивании объема запретов, а в их качественной тонкой настройке на основе верховенства права, ясных доктринальных ориентиров и вдумчивого учета уроков как отечественной истории, так и международного опыта.

Список литературы

1. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование в условиях цифровой трансформации. М. : Проспект, 2021.

2. Кирин А. В. Новые вызовы и административно-деликтное право: цифровизация и санкции // Государство и право. 2023. № 4. С. 70.

3. Обзор судебной практики разрешения судами споров, связанных с принудительным исполнением требований исполнительных документов банками и иными кредитными организациями (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.06.2021). Разд. V // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

4. Загряцковский М. Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве. М., 1924. С. 56.

5. Салищева Н. Г. Административный процесс и административная процедура в условиях модернизации государственного управления // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 34.

6. Головко Л. В. Депенализация и криминализация в современном уголовной политике: сравнительно-правовой анализ // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 112.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 20.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

8. Старилов Ю. Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М. : Норма, 2001. С. 201.

9. Агапов А. Б. Административная ответственность : учебник. М. : Юрайт, 2022. С. 134.

10. Лапина М. А. Административно-правовые средства противодействия экстерриториальному действию иностранного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. С. 45.

Комахин Б. Н.[1]*,*
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: УСТРАНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ И НЕТОЧНОСТЕЙ

Неопределенность содержания правовой нормы, не будучи в состоянии обеспечить ее единообразное понимание, а значит, и применение, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона; поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции [4].

Существующие коллизии в области законодательства об административных правонарушениях, создают препятствия эффективному производству по делам об административных правонарушениях, поэтому их устранение является необходимым, так как они нарушают базовые положения Конституции Российской Федерации, нарушают принципы федерализма и предметности в рамках производства по делам об административных правонарушениях. С целью устранения неопределенности в действующем административном законодательстве постараемся классифицировать некоторые противоречивые моменты, дифференцируя их в отдельные положения.

1. Неопределенность правовых норм.

Различная интерпретация правовых норм является распространенной проблемой, которая может вызвать правовые коллизии, затрудняющие применение действующего законодательства. Непонятные формулировки, технические и специализированные термины, противоречивые дефиниции создают правовую неуверенность граждан, их неопределенность в целесообразности применяемых норм, опасений возможных ошибок.

2. Отсутствие четкой процедурной базы.

Процедуры, связанные с рассмотрением дел об административных правонарушениях, также требуют уточнения. Неоднозначно решается вопрос о начале даты, с которой должен исчисляться срок давности привлечения к административной ответственности. На практике можно наблюдать несоответствия между нормами, предусмотренными законом, и реальными процессуальными действиями. Издержки времени и невнятность в оформлении документов могут значительно затруднить процесс и негативно сказываться на защитниках прав граждан.

Кроме того, нельзя не отметить, что отсутствие установленного понятийного аппарата и, в частности, отдельных правовых категорий, например, орудия совершения административного правонарушения, образует проблемы в право-

[1] © Комахин Б. Н., 2026.

применительной практике в части принятия решения о назначении административного наказания. В качестве примера можно привести конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения как вида административного наказания. Складывающаяся судебная практика ввиду отсутствия определения орудия совершения правонарушения имеет неоднозначный характер. В связи с этим устранение неоднозначности в определении, например, предметов, подлежащих конфискации, представляется необходимым.

3. Несоответствие применяемой меры наказания характеру и степени общественной опасности.

Характер и размер санкций обусловлен их содержанием и как бы предупреждает потенциальных правонарушителей о необходимости воздержания от совершения деяний, за которые они могут быть привлечены к установленным законодательством об административных правонарушениях видам административных наказаний. Тем не менее тенденция увеличения штрафов за административные правонарушения продолжает увеличиваться, что не может служить эффективной мерой сдерживания совершения противоправных деяний, а порой приводит к невозможности исполнения административного наказания по объективным причинам.

4. Ограничение прав граждан.

Современное действующее законодательство порой создает условия для ограничений прав и свобод граждан. Так, например, в санкциях отдельных норм Особенной части КоАП РФ установлены фиксированные размеры административного наказания, тем самым мера административного воздействия вынуждена быть примененной без должного учета индивидуальных обстоятельств, личности нарушителя, отягчающих и смягчающих факторов. Это может привести к ситуации, когда закон становится инструментом произвола.

Кроме того, проблемным аспектом является отсутствие в составе участников производства по делам об административных правонарушениях субъектов административной юрисдикции и то, что КоАП РФ не раскрывает сущность привода, в то время как регламентирующая аналогичную меру процессуального принуждения статья 113 УПК РФ определяет привод как меру принудительного доставления лица к следователю, дознавателю или в суд. Отсутствие такого определения в ст. 27.15 КоАП РФ создает почву для различных толкований данной нормы как правоприменителю, так и представителям административно-правовой науки.

Наряду с перечисленными проблемными вопросами, выявленными в КоАП РФ, нельзя не отметить проблему определения целей назначения административного наказания.

Цель административного наказания, сформулированная законодателем в определении рассматриваемой дефиниции, в ст. 3.1 КоАП РФ, состоит в предупреждении новых правонарушений как самим правонарушителем, так и иными лицами.

Такая формулировка цели административного наказания, по нашему мнению, является ограниченной и не позволяет использовать административный потенциал государства, с помощью которого оно воздействует на правонарушителей.

Необходимо отметить, что административные правонарушения как явления, причиняют вред как отдельной личности, так и обществу и государству, что требует от государства применения соответствующих мер реагирования в целях восстановления социальной справедливости.

Однако в целях административных наказаний не отражен такой компонент, как социальная справедливость.

5. Неполнота данных и статистики.

Отсутствие систематической и объективной статистики затрудняет анализ эффективности административно-деликтного процесса. Многое зависит от отчетности, предоставляемой правоохранительными органами, однако часто данные оказываются неполными или искаженными, что затрудняет оценку реальных проблем в этой сфере.

Проблемные аспекты законодательства, регулирующего административно-деликтный процесс в Российской Федерации, требуют тщательного анализа и доработки. В нашей статье мы остановились только на очень небольшой части возникающих проблем при рассмотрении административных правонарушений. Улучшение правовых норм, усиление процедурной ясности, пересмотр мер наказания, устранение ограничений прав граждан и улучшение статистического учета могут существенно повысить эффективность административного правосудия. Регулярный мониторинг и обсуждение этих проблем на уровне экспертного сообщества и законодательных органов поможет выработать более сбалансированное и справедливое законодательство, соответствующее современным реалиям общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2004 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений п. 2 ст. 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года № 538 «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов» в связи с жалобой международной общественной организации «Ассоциация морских лоцманов России» и автономной некоммерческой организации «Об-

щество морских лоцманов Санкт-Петербурга» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положения подп. 3 п. 2 ст. 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «ЮТэйр» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С.В. Иванова» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

Комовкина Л. С.[1]*,*
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Военный округ Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – военный округ) в Положении о нем [4] определяется как основная военно-административная единица Российской Федерации, стратегическое территориальное объединение ВС РФ, создаваемое для осуществления мер по подготовке к вооруженной защите и для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности ее территории в установленных границах ответственности.

Анализ приведенного определения выявил двойственный характер статуса военного округа: он одновременно выступает элементом военно-территориального устройства, административные границы которого устанавливаются Президентом Российской Федерации, и стратегическим объединением ВС РФ, включающим в свой состав управление военного округа, объединения, соединения, органы военной полиции, воинские части, организации ВС РФ и военные комиссариаты, дислоцированные на его территории, российские военные базы, дислоцированные за пределами территории Российской Федерации.

Изменение военно-административного деления государства [5], преобразованного в пять военных округов – Ленинградский, Московский, Южный, Центральный и Восточный, обусловлено не только задачами обеспечения обороны, суверенитета и территориальной целостности государства, но и связано с расширением границ Российской Федерации посредством включения новых субъектов, а также необходимостью оптимизации системы управления ВС РФ и усовершенствования порядка взаимодействия объединенных стратегических командований военных округов с органами публичной власти при решении задач в области обороны.

Реализация задачи придания военным округам статуса оперативно-стратегических командований и возложение на них функций оперативного руководства ВС РФ, другими войсками, воинскими формированиями по вопросам обороны потребовала перестройки существующей системы военного управления.

Изучение становления и развития военно-административного устройства нашего государства позволяет заметить, что территориальное расположение военных округов на стратегических направлениях, их количество связано с потенциальными военными опасностями и военными угрозами, а также возможными военными действиями.

В юридической литературе указывается на несоответствие между «территориальным делением федеральных округов государства и входящих в их состав

[1] © Комовкина Л. С. 2026.

субъектов с военными округами и субъектами, входящими в них», главная опасность которого «может оказать негативное влияние на процесс управления и взаимодействия между органами гражданской и военной администраций» [1, с. 15].

Должны ли совпадать границы военных и федеральных округов? На наш взгляд, нет. Во-первых, указанные территориальные единицы создаются в разных целях. Военные округа являются исторически сложившейся формой размещения войск, создаваемые в целях осуществления мер по подготовке к вооруженной защите и для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности ее территории.

Учреждение федеральных округов и функционирование в них полномочных представителей Президента Российской Федерации нацелено на оптимизацию территориального администрирования, унификацию взаимоотношений центральной власти со всеми ее субъектами.

В Российской Федерации созданы и иные территориальные единицы: судебные, нотариальные округа, приграничные территории, ЗАТО, особые экономические зоны и др., интегрировано именуемые «целеобусловленными территориями», выражающими «пространственно-зафиксированный правовой способ обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия публичных органов, направленный на решение специализированных задач в интересах государства, общества и личности» [2, с. 19].

Во-вторых, эффективность взаимоотношений между органами публичной власти и военным округом достигается посредством решения такой важной задачи, возложенной на управление военного округа, как взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти по отнесенным к его компетенции вопросам, организацией и поддержанием постоянного взаимодействия с исполнительными органами публичной власти по вопросам территориальной обороны, повседневной деятельности войск, мобилизационных мероприятий, мероприятий по подготовке граждан к военной службе, их призыва, приема на военную службу по контракту, воинского учета и др.

Расположенные или выполняющие задачи в границах ответственности военного округа воинские формирования по решению Министра обороны Российской Федерации могут подчиняться (непосредственно, оперативно или по специальным вопросам) командующему войсками военного округа. Кроме того, последнему могут быть подчинены (оперативно или по специальным вопросам) также соединения и воинские части войск национальной гвардии Российской Федерации, спасательные воинские формирования МЧС России, органы ФСБ, органы государственной охраны и создаваемые на военное время специальные формирования, что обеспечит согласованные действия перечисленных военных структур при введении чрезвычайных административно-правовых режимов.

Изменения в организационно-штатной структуре ВС РФ (создание на базе Западного военного округа Московского и Ленинградского военных округов; переподчинение флотов и Каспийской флотилии главнокомандующему ВМФ, армий ВВС и ПВО – главнокомандующему ВКС и др.), лишение военного округа статуса межвидового стратегического территориального объединения потребовали уточнения ряда задач военного округа.

Так, разделение ответственности и подчиненности между военными округами и главнокомандующими видами ВС РФ исключило необходимость защиты государственной границы РФ в воздушном пространстве и в подводной среде. Напротив, задача по противовоздушной обороне войск (сил) военного округа и важных объектов России была преобразована в две: противовоздушную оборону войск военного округа и обеспечение готовности к боевому применению назначенных в состав дежурных по противовоздушной обороне сил и средств войсковой противовоздушной обороны для прикрытия важных объектов РФ в общей системе противовоздушной обороны в соответствии с утвержденным Главнокомандующим ВКС составом дежурных сил.

Смещение военных опасностей и угроз в информационное пространство повлекло возложение новых задач, связанных с участием в проведении мероприятий по информационному противоборству, обеспечению информационной безопасности и организации информационного обеспечения деятельности войск военного округа.

В войсках военного округа осуществляются мероприятия по противодействию техническим средствам разведки иностранных государств, по обеспечению готовности войск военного округа к приему и применению ядерного оружия. Выполняются и другие перечисленные в Положении задачи, перечень которых не является исчерпывающим. Однако возложение иных задач на военный округ директивами и указаниями заместителей Министра обороны Российской Федерации вызывает сомнение, поскольку указанные распорядительные документы, зачастую для служебного использования, затрагивают права и обязанности не только должностных лиц военного округа, но и иных лиц.

Реорганизация военно-административного деления, реформирование структуры военного управления обусловлены современными требованиями к военной организации государства, становятся важными инструментами в обеспечении национальной безопасности государства.

Список литературы

1. Глушаченко С. Б. Генезис правового регулирования территориального планирования военно-административного деления Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 10–21.

2. Нифанов А. Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. Белгород 2020. С. 49.

3. Глухов Е. А. Трансформация функций и задач военного округа: анализ правового регулирования // Военно-юридический журнал. 2025. № 2. С. 2–8.

4. Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 177 «Об утверждении Положения о военном округе Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 17. Ст. 2547.

5. Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2024 г. № 141 «О военно-административном делении Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1369.

Конобеевский Ю. Ю.[1]***,***
курсант
Международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Фадеева И. В.,
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Денежное обращение, будучи кровеносной системой экономики любого государства, традиционно рассматривалось как строго регулируемая сфера, базирующаяся на императивных нормах, устанавливаемых центральными банками и законодательными органами. Однако стремительное развитие цифровых технологий, появление частных криптовалют, развитие систем быстрых платежей и внедрение концепции цифрового рубля кардинально трансформируют структуру финансовой системы, требуя переосмысления устоявшихся правовых конструкций.

Объектом правового регулирования сегодня выступают уже не только наличные рубли и безналичные средства на счетах, но и новые цифровые феномены, которые не всегда вписываются в классические отношения «вещь – обязательство» или «публичное – частное». Российская Федерация, обладая развитой системой источников финансового и гражданского права (включая Гражданский кодекс Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Федеральный закон «О национальной платежной системе»), стоит на пороге фундаментальных изменений, связанных с легализацией цифровых финансовых активов и внедрением государственной цифровой валюты.

Ключевой задачей правового регулирования в данных условиях становится поиск баланса между инновационным развитием, защитой прав потребителей финансовых услуг и обеспечением суверенитета денежной системы. При этом анализ действующего законодательства позволяет выявить ряд коллизий и пробелов, формирующих актуальную проблему: неготовность классических правовых механизмов к регулированию гибридных форм стоимости, функционирующих вне традиционной банковской инфраструктуры, что порождает риски для стабильности денежного обращения и затрудняет правоприменительную практику.

---

[1] © Конобеевский Ю. Ю., 2026.

Основу правового регулирования денежного обращения в Российской Федерации составляют конституционные нормы, закрепляющие единство экономического пространства и финансовую политику, а также положения Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Статья 140 ГК РФ устанавливает, что рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории страны, при этом платежи могут осуществляться как наличными, так и безналичными средствами. Данная норма, оставаясь формально неизменной, фактически подвергается ревизии цифровой реальностью: появление цифрового рубля, который, согласно концепции Банка России, будет представлять собой уникальную комбинацию наличных и безналичных денег (будучи цифровым кодом, но сохраняя свойства обязательности к приему), требует уточнения правового режима этой третьей формы [2]. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, регулируя порядок защиты нарушенных прав, сталкиваются с проблемой доказывания обстоятельств, связанных с оборотом цифровых валют: сложность идентификации сторон транзакций в распределенных реестрах и вопросы юрисдикции при рассмотрении споров по поводу криптоактивов создают серьезные препятствия для судебной защиты. Налоговое законодательство (НК РФ) также адаптируется к новым условиям: введение понятий «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта» в гл. 21 НК РФ [3] и другие положения потребовало определения налоговой базы, ставок и порядка декларирования доходов от операций с этими активами, однако правоприменительная практика сталкивается с трудностями контроля за трансграничными операциями с цифровыми валютами, что создает риски уклонения от налогообложения и отмывания доходов. Параллельно с этим, Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» наделяет Центральный Банк Российской Федерации монопольными функциями эмиссии и организации денежного обращения, однако внедрение цифрового рубля и развитие экосистемы маркетплейсов требуют пересмотра границ этой монополии, поскольку цифровые платформы начинают выполнять квазибанковские функции, аккумулируя средства клиентов и обеспечивая расчеты.

Рассматривая регулирование банковской деятельности, необходимо отметить Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» [4] и Федеральный закон «О национальной платежной системе» [5] (НПС), которые формируют инфраструктуру безналичных расчетов. Именно эти нормативные акты наиболее динамично развиваются в условиях цифровизации. Институт перевода денежных средств, детально прописанный в законе о НПС, эволюционирует в сторону мгновенных платежей, где ключевую роль играет безотзывность и окончательность расчетов. Однако алгоритмизация расчетов и использование смарт-контрактов ставят перед правом вопрос о том, как квалифицировать сбой в программном обеспечении, приведший к несанкционированному списанию средств: является ли это технической ошибкой или действием непреодолимой силы? Существующее регулирование, основанное на вине и ответственности операторов, не всегда позволяет справедливо распределить убытки, особенно когда речь идет об автоматизированных системах, функционирующих без пря-

мого участия человека. Цифровизация приводит к тому, что объектом регулирования все чаще становятся не столько сами деньги, как физическая субстанция или запись по счету, сколько информация о них и алгоритмы их перемещения. Это порождает необходимость интеграции норм информационного права (в частности, законодательства о персональных данных и о защите информации) в ткань финансового законодательства. Хранение банками данных о транзакциях, передача информации в налоговые органы (ст. 86 НК РФ), соблюдение банковской тайны в условиях использования облачных технологий – все это требует повышенных стандартов кибербезопасности и правовой защиты.

Проблема идентификации участников денежного оборота становится одной из центральных в цифровую эпоху. Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» устанавливает жесткие требования к идентификации клиентов. Однако технология блокчейн и децентрализованные финансы бросают вызов этой системе, поскольку позволяют совершать транзакции анонимно или псевдоанонимно. Банк России, реализуя свою надзорную функцию, последовательно ужесточает требования к операциям с криптовалютами, рассматривая их как факторы повышенного риска. Тем не менее, запретительные меры не всегда эффективны, и право должно предложить механизмы интеграции цифровых валют в правовое поле без разрушения базовых принципов финансового контроля. Отсутствие четкого законодательного регулирования майнинга (деятельности по созданию криптовалют) и налогообложения доходов от него создает серую зону, в которой формируются значительные финансовые потоки, находящиеся вне государственного контроля и учета. Данное обстоятельство напрямую подрывает стабильность денежного обращения, так как неконтролируемая эмиссия суррогатов (пусть даже и запрещенных к расчетам внутри страны, как криптовалюта) может влиять на денежные суррогаты и влиять на курс национальной валюты через спекулятивные операции.

В этом контексте формируется ключевая правовая проблема современного этапа цифровизации финансовой системы России, которая заключается в нормативной неопределенности статуса денег, существующих в форме программного кода и обращающихся вне централизованных платежных систем. Данная проблема имеет несколько аспектов. Во-первых, это коллизия между принципом фиатных (государственных) денег, чья стоимость гарантируется государством, и природой частных цифровых валют, чья стоимость определяется исключительно рыночным спросом и предложением. Во-вторых, это проблема юрисдикции: трансграничная природа блокчейн-сетей делает невозможным применение территориального принципа действия закона. В-третьих, это технологический вызов для доказательственного права: как зафиксировать факт владения цифровой валютой, ее передачи или хищения в условиях, когда традиционные институты (собственность, владение) не вполне применимы к нематериальным активам, защищенным криптографией. Правовая система, построенная на иерархии норм и четкой определенности субъектов и объектов, сталкивается с горизонтальной и анонимной сетью, где единственным гарантом исполнения обязательств выступает математический алгоритм.

Для разрешения обозначенных проблем и адаптации правового регулирования денежного обращения к условиям цифровизации представляется целесообразным предложить ряд практических мер, которые могут быть применены действующими работниками финансовой сферы – от сотрудников банков и налоговых инспекторов до судей и корпоративных юристов.

Первым и наиболее важным направлением является разработка и внедрение механизмов экспериментальных правовых режимов для тестирования операций с цифровыми валютами и гибридными финансовыми инструментами непосредственно в банковском секторе. Работники банковской сферы должны инициировать создание внутренних регламентов и договорных конструкций, позволяющих работать с цифровыми финансовыми активами (ЦФА) в рамках закона о ЦФА, но с расширением функционала. Предлагается уйти от стратегии тотального запрета криптовалют к стратегии управляемой интеграции. Практическим решением для банков могло бы стать открытие специальных счетов (номинальных или эскроу) для операций с криптовалютами, где банк выступает гарантом прозрачности сделки, не принимая на себя валютные риски, но обеспечивая compliance-контроль. Это позволит снизить долю теневого оборота и даст налоговым органам (работникам ФНС) доступ к информации о движении средств по таким счетам, адаптируя существующие полномочия, предусмотренные ст. 86 НК РФ, для контроля за новым типом активов. Налоговым инспекторам, в свою очередь, необходимо пересмотреть подход к определению налоговой базы: вместо попыток квалифицировать криптовалюту как имущество, более эффективным может стать налогообложение только фиатного дохода, полученного при реализации цифровой валюты, с обязательным декларированием факта владения крупными объемами.

Вторым направлением практического решения проблем является модернизация договорной работы с использованием механизмов смарт-контрактов. Юристы банков и финансовых компаний могут разработать типовые формы договоров, исполнение обязательств по которым осуществляется автоматически при наступлении определенных условий (аккредитивы, форфейтинг, расчеты по сделкам с ценными бумагами). Это позволит снизить операционные риски и время проведения транзакций. Для того чтобы такие договоры соответствовали Гражданскому кодексу РФ, необходимо включать в них условия о том, что воля сторон выражена в коде, а сам код является неотъемлемой частью соглашения. В случае споров, работники судебной системы (судьи и помощники судей) должны быть готовы к назначению специализированных экспертиз по исследованию программного кода и логов транзакций в распределенных реестрах. Это требует повышения цифровой грамотности юридического сообщества, но является объективной необходимостью. Процессуальное законодательство (ГПК РФ, АПК РФ) уже сейчас позволяет признавать электронные доказательства, однако судам необходимо выработать единообразную практику оценки информации из блокчейн-сетей как допустимых и достоверных доказательств, что позволит эффективно защищать права граждан, чьи цифровые активы были утрачены в результате неправомерных действий.

Третье направление касается сферы публичного порядка и противодействия финансовым нарушениям. Работники Росфинмониторинга и банковские сотрудники, занимающие должность compliance-officer, могут внедрить в свою повседневную практику инструменты анализа блокчейна. Вместо того чтобы полагаться только на стандартные формы отчетности, предлагается использовать программные продукты, отслеживающие движение средств от криптовалютных миксеров или бирж, расположенных в высокорисковых юрисдикциях, к фиатным счетам. Это позволит реализовать на практике требования Федерального закона № 115-ФЗ в отношении операций, маскирующих реальную финансовую цепочку. С практической точки зрения это означает ужесточение требований к источникам происхождения средств при зачислении крупных сумм от операций с цифровой валютой. Банки могут отказывать в проведении операций, если клиент не может подтвердить происхождение средств, используя при этом не только бумажные договоры, но и данные из открытых блокчейн-обозревателей.

В заключение следует отметить, что денежное обращение как объект правового регулирования переживает этап фундаментальной трансформации, вызванный цифровизацией. Российское законодательство уже сделало первые шаги на пути легитимации цифровых феноменов, однако скорость технологических изменений значительно опережает законотворческий процесс. Актуальная проблема неготовности классических правовых институтов к регулированию децентрализованных цифровых стоимостей требует не просто косметических изменений, а изменения правовой культуры и внедрения новых технологических инструментов в повседневную практику финансистов и юристов. Предложенные пути решения – от создания экспериментальных правовых режимов до внедрения анализа блокчейн-транзакций в работу комплаенс-служб – позволят не только минимизировать риски, связанные с использованием цифровых валют, но и создать условия для развития инновационной, но при этом стабильной и защищенной финансовой системы. Только синтез правовой догматики и технологической гибкости способен обеспечить выполнение деньгами их основных функций в условиях нового цифрового миропорядка.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации РФ (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Цифровой рубль | Банк России // URL: https://cbr.ru/fintech/dr/.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

4. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

Корнева Ю. Ю.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДИН ИЗ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

По статистике МВД России, в России наблюдается уменьшение количества зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами. Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, снизилось на 18,8 % [7]. Однако это вовсе не говорит о том, что подростковая преступность сошла на нет, задача – свести ее к минимуму.

Проанализировав статистику, можно сделать вывод о том, что чаще подростки совершают имущественные преступления, кражи, грабежи, разбои, преступления чаще всего совершают мальчики. Именно парни совершают разбойные нападения и преступления в состоянии опьянения алкогольного или наркотического в десять раз чаще девушек, в семь раз чаще угоняют автомобиль, в четыре раза чаще совершают драки. Специалисты поясняют это различными факторами, влияющими на развитие личности. К ним относятся условия воспитания, так как испокон веков сложилось так, что мужчина был добытчиком в семье, а женщина отвечала за организацию быта и воспитание детей. Именно поэтому мужчине приходилось быть суровым, агрессивным, мужественным, а женщина должна быть доброй, кроткой и покорной своему мужу. Но сейчас в современных реалиях эти задачи начинают размываться. Причины совершения правонарушений подростков заключаются в их образе жизни, в качестве их развития, образования и воспитания. Также все зависит от того, в каком обществе живет подрастающее поколение и какая политика государства проводится для предотвращения правонарушений и воспитания молодежи [4, с. 27].

Одна из причин совершения подростками противоправных деяний – особенности психики ребенка. На каждом определенном этапе развития у подростка периодически могут наступать так называемые кризисы возрастного развития. Именно в этот момент на него могут повлиять другие сверстники, в большей степени проявляются инфантилизм, максимализм, нигилизм, ребенок может совершать необдуманные поступки. Важно, чтобы в подростковом возрасте у ребенка было достаточно любви и внимания со стороны близких. Если родители не проявляют интереса к ребенку, то чаще всего подросток оступается и идет по наклонной, а близкие люди этого не замечают. Некоторые дети живут в неблагополучных семьях, их родители не могут обеспечить им достойную жизнь,

[1] © Корнева Ю. Ю., 2026.

не могут устроиться на работу, страдают алкоголизмом или наркоманией. Поэтому подросткам не остается иного, как ступить на преступный путь, чтобы выжить, например, пойти воровать.

Одним из основных субъектов, реализующим деятельность по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, является подразделение по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) системы МВД России, которая занимается учетом и перевоспитанием трудных детей и подростков.

Инспектор по делам несовершеннолетних – не просто сотрудник полиции, а в первую очередь тонкий психолог и грамотный педагог. Очень часто сотрудники ПДН сталкиваются с трудными подростками, неблагополучными семьями, бывают в детских домах и приютах, постоянно выступают нперед большими аудиториями в школах и, напротив, ведут тихие, доверительные разговоры с детьми наедине. Как правило, коллектив таких подразделений женский, многие из них являются матерями. Кто, как не они, знают тонкости детской психологии. Под пристальным вниманием инспектора – все происшествия с участием детей. Даже если ребенок получил травму без постороннего участия, инспектору об этом сообщат, и он проведет проверку. Инспектор по делам несовершеннолетних должен быть юридически грамотным, иметь педагогические навыки [6, с. 34].

ПДН имеют полномочия по предупреждению преступности несовершеннолетних, включая специально криминологическое предупреждение и индивидуальную профилактику. Сотрудники службы обязаны анализировать оперативную обстановку на обслуживаемой территории, выявлять лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений, выявлять несовершеннолетних, потребляющих спиртное и наркотики, а также определять места их концентрации. Инспектор должен изучить особенности обслуживаемой территории, наладить взаимодействие с другими субъектами предупреждения, собирать информацию о местах совершения правонарушений и связях несовершеннолетних, а также постоянно накапливать информацию о жизни и связях несовершеннолетних и их родителей.

Один из пунктов рабочего расписания инспектора – посещение неблагополучных семей. Таковой является семья с низким социальным статусом, где родители не справляются со своими основными обязанностями – воспитанием детей. Инспекторы узнают о таких семьях по-разному. В основном от руководства школ, где обучаются такие дети. Также встречаются добросовестные соседи, которые оповещают полицию о том, что совершается какое-то правонарушение в отношении несовершеннолетнего. На особом контроле у инспектора находятся семьи, в которых родители злоупотребляют спиртными напитками, наркотическими веществами и их аналогами, так как в большей степени от этого страдают дети и это может привести в дальнейшем к возникновению психологической травмы у ребенка.

Одним словом, это довлльно непростая задача – совладать с импульсивным подростком. Все знают, наксолько эмоционален переходный возраст, юные люди спешат почувствовать себя взрослыми. Для подростков этого возраста уже предусмотрена ответственность – не только нравственная, но и административная, и даже уголовная [5, с. 218].

В соответствии с ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ полная административная ответственность наступает с 16 лет. Вместе с ней на основании ч. 1 ст. 20 УК РФ наступает полная уголовная ответственность. Считается, что уже в этом возрасте человек практически в полном объеме обладает необходимыми психологическими и социальными навыками, чтобы правильно оценить последствия своих действий. Но за некоторые виды преступлений ответственность в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ наступает уже с 14 лет. Это частичная уголовная ответственность, о чем инспекторы постоянно предупреждают подростков.

В случае если несовершеннолетний все-таки совершил правонарушение и сотрудники ПДН его выявили, то подросток доставляется в отдел органов внутренних дел, куда вызываются его родители либо законные представители. Подростку обязательно объясняется причина доставления, объясняется, что ничего криминального, ничего страшного в этом нет. Смысл работы инспектора ПДН – свести к минимуму психотравмирующую ситуацию, ведь что все дети разные, некоторые пугаются и замыкаются, с некоторыми сложно работать и т. д.

После доставления несовершеннолетнего в ОВД у инспектора ПДН есть только три часа, чтобы передать его родителям или законным представителям. Если за этот промежуток времени родитель не забирает подростка, то инспектор принимает решение о помещении ребенка в специализированное учреждение. За совершение первого правонарушения ребенка ставят на профилактический учет. При наличии положительных характеристик с мест обучения и проживания его могут снять с учета по истечении шести месяцев [3].

Профилактическая работа проводится для того, чтобы подросток не совершил повторного правонарушения, чтобы понял и прочувствовал, что есть противоправные действия, за которые придется отвечать. На профилактический учет ПДН ставят подростков, которые совершили административные правонарушения, преступления, а также неблагополучных родителей, которые должным образом не выполняют обязанностей по воспитанию детей, злоупотребляют спиртными напитками. Проводят данную работу сотрудники ПДН, участковые уполномоченные полиции, сотрудники уголовного розыска – вся работа индивидуальная, адресная, нацелена на профилактику совершения повторных преступлений. Если родители не становятся на путь исправления, детей у них могут забрать и направить их в специальное учебное заведение закрытого типа – специальную школу. Но происходит это по решению суда.

Основной задачей инспектора ПДН является профилактика правонарушений, поэтому полицейские часто посещают образовательные организации. Причины этих визитов различны. На каждой новой встрече инспекторы обсуждают с подростками различные темы: употребление наркотических средств, алкоголя, табачных изделий, разбираются различные составы правонарушений, часто совершаемых подростками, последствия совершения таких действий.

В заключение отметим, что профилактика правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних – комплексная деятельность, осуществляемая обществом и государством, направленная на устранение причин и условий, которые способствуют противоправному поведению несовершеннолетних. Только при наличии комплексной профилактики правонарушений среди несовершеннолетних можно добиться снижения количества противоправных действий, благоприятного развития общества в целом.

Список литературы

1. Федеральный Закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 13.07.2015, с изм. от 14.12.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

3. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

4. Баймурзаева Р. А. Причины и условия преступности несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2016. № 4 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Бакаев А. А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних. М. : Логос, 2024.

6. Дорошков В. В., Патов Д. А. Профилактика подростковой преступности как составная часть уголовной политики на современном этапе // Российская юстиция. 2024. № 6. С. 31–34.

7. Статистика и аналитика Министерства внутренних дел России // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics.

Королева Е. Г.[1]*,*
заместитель начальника кафедры
административного права
и административной деятельности полиции
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ

Вопрос цифровизации государственного управления стал определяющим в условиях формирования электронного государства и трансформации традиционных институтов исполнительной власти. В деятельности ОВД автоматизация процессов находит выражение прежде всего в структурно-информационном преобразовании задач, решаемых такими подразделениями, как Государственная инспекция безопасности дорожного движения. Особенность функционирования Госавтоинспекции состоит в том, что данное подразделение МВД России сочетает надзорно-превентивные, регистрационно-учетные и процессуальные функции, каждая из которых требует внедрения современных технических решений.

Стратегические цели цифровой трансформации определены Распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» и согласуются с развитием системы цифровых сервисов в сфере ОБДД. Однако реализация обозначенных задач сопряжена с рядом противоречий, препятствующих формированию единого, устойчиво функционирующего цифрового пространства в деятельности Госавтоинспекции.

На текущем этапе автоматизация реализуется через применение комплекса программных решений, среди которых федеральная информационная система ГИБДД-М, единая автоматизированная информационная система Госавтоинспекции, аппаратно-программные комплексы фотовидеофиксации нарушений ПДД, ведомственные модули для взаимодействия с ЕПГУ, АИС ГАС «Правосудие», базами данных МВД России и иных органов. Однако такая структура является перегруженной, разрозненной и недостаточно интегрированной.

ФИС ГИБДД-М в значительной степени модернизирована, однако по-прежнему не охватывает в полной мере все сферы деятельности Госавтоинспекции. Отсутствие единого интерфейса между подсистемами учета транспортных средств, административного производства, контроля за правонарушениями создает предпосылки для дублирования информации, ошибок в учете и затруднений при передаче сведений между различными ведомствами.

Одним из системных затруднений является отсутствие в законодательстве Российской Федерации четкого правового статуса за решением, вынесенным с применением автоматизированной системы. При действующем толковании

[1] © Королева Е. Г., 2026.

положений ст.ст. 1.5 и 26.1 КоАП РФ такие решения подлежат правовой оценке в условиях состязательного рассмотрения дела, что предполагает обязательное участие должностного лица в установлении всех элементов состава правонарушения.

При этом в подавляющем большинстве случаев система видеофиксации лишь фиксирует факт проезда транспортного средства (далее – ТС), не устанавливая личность водителя, что приводит к правовой неопределенности при наложении штрафа. Проблема отчасти решается через механизм уведомления собственника ТС, но в случае подачи жалобы на постановление участие инспектора неизбежно. Следовательно, полная автоматизация административного производства по-прежнему невозможна без комплексного реформирования процессуального законодательства.

Кроме того, цифровая трансформация сталкивается с инфраструктурными ограничениями. Техническое обеспечение в территориальных органов МВД часто не соответствует требованиям современных программных платформ. Многие поразделения Госавтоинспекции не оборудованы надежными каналами связи, не имеют доступа к высокоскоростному интернету, что делает невозможным реализацию электронного документооборота.

Существенные сложности создает также дублирование функций по ведению реестров. Несмотря на последовательную реализацию на федеральном уровне концепции создания единого цифрового пространства на базе платформы «ГосТех», Госавтоинспекция до сих пор ведет самостоятельный учет транспортных средств, водителей, правонарушений, а также обеспечивает формирование собственной базы сведений о принятых мерах административного воздействия. Такой подход исторически оправдан, однако в современных условиях дублирование баз приводит к возникновению ошибок, несоответствий и трудностей при сличении данных. При отсутствии единой базы метаданных усложняется верификация информации, растет нагрузка на системы хранения, искажается отчетность.

Отказ от централизованного механизма обмена данными приводит и к юридическим последствиям. Неурегулированность статуса информации, полученной по межведомственным каналам, порождает споры о ее юридической силе, допустимости использования в качестве доказательства при рассмотрении административных дел, а также о правомерности автоматизированных решений, основанных на такой информации. Все это требует от Госавтоинспекции избыточной юридической активности – подготовки пояснений, ответов на запросы, защиты своей позиции в суде.

Таким образом, отсутствие единых регламентов, обеспечивающих синхронизацию баз данных в реальном времени, ведет не только к снижению эффективности исполнения полномочий Госавтоинспекции, но и к дестабилизации всей модели цифрового государственного управления. Решение проблемы требует незамедлительного нормативного вмешательства. Следует не просто расширить перечень межведомственных соглашений, а утвердить обязательные технические регламенты обмена информацией, установить сроки, в течение ко-

торых сведения подлежат обновлению в системе, определить ответственность сторон за несвоевременное внесение данных [2, с. 290].

Оптимальным решением в перспективе может стать создание единой федеральной платформы электронного взаимодействия всех структур, работающих с транспортными средствами, с интеграцией в нее сведений госавтоинспекции, ФНС, ФССП, Росреестра, судебных участков и иных органов. Такой подход не только устранит дублирование, но и обеспечит юридическую определенность каждой цифровой транзакции, сведет к минимуму необходимость участия гражданина в подтверждении очевидных сведений, которые уже находятся в распоряжении государства. Автоматизированные процессы получат стабильную нормативную опору, а Госавтоинспекция сможет реализовать свои функции в условиях цифрового единства.

Современный этап цифровой трансформации требует перехода к интеллектуальным системам, основанным на технологиях машинного обучения, больших данных и искусственного интеллекта (далее – ИИ). Именно за этими решениями закрепляется способность к выявлению закономерностей, прогнозированию событий и принятию управленческих решений в условиях неопределенности и многофакторной среды.

В рамках задач, решаемых Госавтоинспекцией, использование алгоритмов машинного обучения может быть направлено на автоматизацию аналитического звена работы. В частности, интеллектуальные модули способны обеспечивать предварительное распределение административных дел в зависимости от степени их сложности, объема доказательной базы и вероятности обжалования. Системы на основе ИИ могут формировать первичный рейтинг дел, определять необходимость вмешательства сотрудника и распределять нагрузку между подразделениями по параметрам нагрузки, специализации и территориального охвата.

Интеллектуальные системы также позволяют сформировать оценку технического состояния автопарка региона на основании интеграции данных о прохождении технического осмотра, частоте ДТП, типах нарушений, связанных с техническими неисправностями, и других параметров. На основе этих сведений можно выстраивать политику контрольно-надзорной деятельности, формируя приоритеты инспекционной работы, а также предлагать системные меры на региональном уровне (например, о введении дополнительных требований к перевозчикам в отдельных муниципалитетах).

Технологии ИИ способны выполнять выявление аномальных закономерностей, которые могли бы ускользнуть от внимания сотрудников при ручной обработке данных. Системы автоматически обнаруживают отклонения от нормативного поведения, формируют сигналы о возможной подделке документов, аномальной активности в реестрах, манипуляциях с регистрационными действиями. Такие механизмы могут быть использованы в подразделениях по борьбе с коррупцией, в службах внутренней безопасности, а также при мониторинге соблюдения регламентов.

Аналогичный опыт уже реализуется в рамках платформы «Безопасный город», где предиктивные модели используются для прогнозирования правонарушений, распределения патрульных нарядов, определения мест концентрации нарушений.

При адаптации этих моделей к специфике работы Госавтоинспекции возможно создание профилей риска для маршрутов, автотранспортных компаний, категорий водителей, что позволит инспекторам сосредоточить усилия на потенциально опасных зонах, а не осуществлять надзор в механистическом режиме.

Необходимо разработать единые государственные стандарты по применению ИИ в правоохранительной и надзорной деятельности, аналогичные тем, что существуют в сферах здравоохранения и финансов. Эти стандарты должны включать перечень допустимых сфер применения, требования к валидации алгоритмов, правила обеспечения кибербезопасности, механизмы предотвращения дискриминации, а также положения об учете общественного интереса при разработке таких решений.

Таким образом, внедрение цифровых решений в деятельность Госавтоинспекции представляет собой неотъемлемую часть процесса построения эффективной и транспарентной системы государственного управления. Однако реализация потенциала автоматизации возможна лишь при условии устранения множества взаимосвязанных правовых, технических и организационных проблем.

Для преодоления выявленных противоречий требуется комплексная правовая реформа, направленная на нормативное закрепление алгоритмов автоматического принятия решений, обеспечение юридической определенности цифровых процедур, а также межведомственную интеграцию всех участников информационного обмена.

Создание централизованной цифровой платформы, внедрение технологий предиктивной аналитики, развитие кадрового потенциала и унификация цифровых регламентов позволят перейти от фрагментарного применения цифровых сервисов к устойчивой и институционально защищенной модели цифрового управления в сфере безопасности дорожного движения.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

2. Матросова Л. Д. Автоматизация деятельности подразделений Госавтоинспекции на современном этапе // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2018. № 1 (1). С. 289–295.

Костенников В. М.[1]*,*
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сосновская Ю. Н.,
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ

Административное право является одной из ключевых отраслей права, регламентирующей различные правоотношения, география которых разнообразна. К числу правоотношений, находящихся под воздействием норм административного права, относятся управленческие отношения, отношения, связанные с обеспечением общественной безопасности и охраной общественного порядка, а также отношения по охране и защите прав и свобод граждан. В системе средств административного права имеются как позитивные, так и охранительные меры, которые применяются согласно складывающимся отношениям. Особое внимание в доктрине административного права уделяется отношениям, которые связны с применением административного принуждения в целом и мер административной ответственности в частности [3, с. 22–33]. Обратим внимание: поскольку в ходе применения таких мер возникают коллизии и противоречия, ограничиваются права граждан, это требует постоянного внимания как со стороны законодателя, так и со стороны надзорных органов, поскольку механизм применения мер административного принуждения требует постоянного совершенствования.

Обозначенные и иные обстоятельства делают заявленный вопрос актуальным и теоретически, и практически.

Говоря об административном принуждении, нужно отметить, что оно является частью системы государственного принуждения, обладая всеми его качествами, однако соответствующий вид принуждения имеет и свою специфику, о чем следует сказать отдельно. Но перед этим отметим, что государственное принуждение может иметь уголовно-правовой характер, касаться дисциплинарных и служебных правоотношений. Меры государственного принуждения могут быть предусмотрены процессуальным законодательством и применяться в ходе гражданского и административного процесса. Таким образом, государственное принуждение многопланово [4, с. 27–35].

---

[1] © Костенников В. М., 2026.

Административное принуждение – это метод принудительно воздействия на общественные отношения, которые является предметом регулирования, причем не только со стороны административного права. Охранительный потенциал данного принуждения можно видеть и при действии норм экологического, финансового, трудового и даже семейного права. Кроме того, меры административного принуждения применяются достаточно большим количеством уполномоченных субъектов на федеральном, региональном и местном уровнях. Обозначенная специфика связана с особенностями предмета административного права, а также и тем, что административное законодательство принимается как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Так, в КоАП РФ закреплено: «законодательство об административных правонарушениях состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях» (ст. 1.1) [1].

Административное принуждение в отличие от иных видов государственного принуждения достаточно гибко воздействует на соответствующие правоотношения, образуя при этом свою систему. Система административного принуждения формировалась эволюционно, этому способствовал целый ряд факторов, а именно: развитие юридической доктрины, формирование административного законодательства в целом, а также законодательства об административных правонарушениях в частности. Отметим, что именно законодательство об административных правонарушениях оказало серьезное влияние на развитие системы административного принуждения, на выстраивание мер административной ответственности и мер процессуального принуждения.

Административное принуждение – это далеко не всегда жесткое и ограничительное воздействие, в системе административного принуждения имеют место меры предупредительного характера. Данные меры несут в себе информационный потенциал, доводя необходимую информацию о потенциальной опасности до граждан и иных субъектов, в предупредительных мерах могут содержаться правовые ограничения, в этой связи обозначенные меры иногда называют административно-ограничительными мерами правового воздействия. Несмотря на то, что в системе административного принуждения выделена специальная группа мер предупредительного характера, предупредительная функция имеет место и при применении иных мер. Так, согласно КоАП РФ, «административное наказание применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами» (ст. 3.1) [1].

В системе административного принуждения выделяются меры административного пресечения, это самая большая группа мер, нормативная основа которых рассредоточена по многим законам. В группу мер административного пресечения включаются меры общего и специального характера, также и законодательство, а именно КоАП РФ, закрепляет меры, которые выполняют функцию процессуального пресечения. В частности, меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении применяются в целях пресечения административного правонарушения (ст. 27.1). Специальные меры административного пресечения регламентируются нормами материального права, так, например, к данным мерам относится применение сотрудником по-

лиции физической силы, средств технического характера, а также огнестрельного оружия. Нужно особо подчеркнуть, что для применения мер специального пресечения нужны основания, перечень которых определен законом. Так, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. «О полиции» определяет, что «сотрудник полиции имеет право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы) в случаях и порядке, предусмотренных законами» (ст. 18) [2].

В системе административного принуждения имеются меры процессуального характера, часть из них именуется мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях максимально детализированы, обусловлено это спецификой той сферы, где они применяются, основанием своего применения, а также юридическими последствиями своего действия. Так, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях направлены на сбор и закрепление доказательств факта совершения административного правонарушения, эти меры также используются для исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях (ст. 27.1). Процессуальные меры принуждения обеспечивают реализацию мер административной ответственности, а именно административных наказаний [1].

Административное наказание по своему принудительному потенциалу является самой серьезной мерой государственного (административного) принуждения. Именно применению мер административной ответственности подчинены практически все меры административного принуждения. В административных наказаниях сосредоточен основной (главный) потенциал принудительного воздействия, применение административных наказаний ограничивает самые различные права того лица, в отношении которого оно применено [5, с. 14–17]. Административное наказание ограничивает имущественные и неимущественные права, создает иные правовые ограничения. Однако при этом надо учесть, что «административное наказание не может иметь своей целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий, а также нанесение вреда деловой репутации юридического лица» (ст. 3.1) [1].

Завершая рассмотрение обозначенной проблемы, нужно сказать, что административное принуждение занимает важное место в системе государственного принуждения, данное принуждение имеет материальные и процессуальные особенности применения, свои функции, это говорит о том, что в деле обеспечения правопорядка без данных мер обойтись практически невозможно.

Таким образом, можно заключить, что административное принуждение – это средство правового воздействия, цель которого – обеспечить правопорядок посредством установления своих правовых ограничений в отношении как четко определенного субъекта, так и неопределенного круга лиц.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 6. Ст. 591.

3. Гришковец А. А. Соотношение административного и дисциплинарного принуждения на службе в органах внутренних дел // Современное право. 2024. № 11. С. 22–33.

4. Куракин А. В. К вопросу о функциональности административного принуждения // Административное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 27–35.

5. Морозова Н. А. Административная ответственность в Российской Федерации: теория, законодательство и судебная практика : учебное пособие. Красноярск : Сибирский федеративный университет, 2022. С. 14–17.

Крупина М. А.[1]*,*
доцент кафедры административного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

АРХИТЕКТУРА ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ МВД РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Цифровая трансформация правоохранительных органов выступает одним из магистральных направлений совершенствования государственного управления, будучи ориентированной на повышение операциональной эффективности, скорости реагирования и аналитической глубины принимаемых решений. В Российской Федерации данный процесс обретает институциональное оформление на общегосударственном уровне и находит предметное воплощение в создании комплексных информационно-аналитических платформ. Министерство внутренних дел, являясь ключевым субъектом правоохранительной системы, располагает одной из наиболее разветвленных и функционально насыщенных ИТ-инфраструктур, интегрирующей десятки специализированных систем различного назначения. Исследование состава, архитектурных решений и векторов эволюции данной инфраструктуры представляет существенный научный и прикладной интерес для специалистов в области административного права, информационной безопасности, государственного управления и правовой информатики.

Достоверность и высокая степень актуальности настоящего исследования обеспечиваются обращением к внутренним ведомственным документам МВД России. Базовым источником выступил «Перечень информационных систем, необходимых для обеспечения служебной деятельности подразделений МВД России» (декабрь 2025 г.), представляющий собой структурированную таблицу, в которой содержится детальное описание 64 информационных систем [1]. Данный документ направлен в профильные подразделения циркуляром Департамента информационных технологий, связи и защиты информации МВД России и включает следующие параметры для каждой из систем: наименование, используемое программное обеспечение, функциональное предназначение, перечень регламентирующих документов, а также сведения о степени интеграции в Единую систему информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД). В ходе работы применялись методы системного анализа, сравнительно-правового изучения и классификации, что позволило реконструировать логику построения ИТ-архитектуры Министерства на основе эмпирических данных Перечня. Дополнительным аналитическим контуром послужило обращение к исследованиям, посвященным перспективам внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых технологий в правоохранительную деятельность; такой подход дал возможность сопоставить отечественные разработки с мировыми технологическими трендами и актуальными правовыми дискуссиями [6].

---

[1] © Крупина М. А., 2026.

Проведенный анализ Перечня позволяет осуществить классификацию совокупности информационных систем по функциональному критерию, выделив несколько крупных кластеров, охватывающих все направления функционирования ведомства. Первый кластер образуют финансово-экономические и учетные системы, призванные обеспечивать административно-хозяйственную деятельность. В их числе следует назвать Информационную систему финансового обеспечения, развернутую на платформах «1С», «Турбо-бухгалтер» и «Парус» и предназначенную для начисления денежного довольствия, ведения бюджетного учета и формирования отчетной документации, а также Информационную систему бухгалтерского учета сервиса обеспечения деятельности финансовых подразделений, решающую задачи составления консолидированной бюджетной отчетности, пенсионного учета и осуществления пенсионных выплат.

Наиболее объемным и критически значимым выступает кластер оперативно-служебных и разыскных систем. В данный кластер инкорпорированы системы криминалистических учетов – такие как «Папилон», аккумулирующая дактилоскопические массивы, и «Арсенал», обеспечивающая ведение баллистических учетов. Отдельный сегмент образуют интегрированные банки данных федерального (ИБД-Ф) и регионального (ИБД-Р) уровней, которые агрегируют сведения о неопознанных трупах, лицах, находящихся в розыске, административных правонарушениях, данные органов ЗАГС, Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей и Единого государственного реестра юридических лиц, а также информацию о лицах, которым ограничен въезд на территорию Российской Федерации. В этот же кластер входят специализированные системы: «Розыск-Магистраль», ориентированная на обеспечение транспортной безопасности; «СОДГУПЭ», задействованная в деятельности по противодействию экстремизму; автоматизированная информационная система «Оперативные учеты» (CronosPRO), предназначенная для информационной поддержки оперативных подразделений.

Необходимо особо отметить, что в последние годы состав оперативно-служебного кластера пополнился инновационными системами мониторинга открытых источников информации, включая социальные сети и мессенджеры. К числу таких систем относятся «Крибрум», «Виток-Osint», «Демон Лапласа», играющие значимую роль в выявлении и пресечении противоправной и экстремистской активности в цифровой среде [2]. Интеграция в данные системы технологий искусственного интеллекта и методов анализа больших данных позволяет автоматизировать обработку значительных массивов информации, формировать цифровые профили пользователей и осуществлять прогнозирование противоправной деятельности [2; 3]. Мировой опыт, в частности применение аналитической платформы Palantir в США для предиктивной аналитики и установления корреляций между субъектами и событиями либо китайская программа «Золотой щит», демонстрирует как высокий потенциал подобных решений, так и серьезные вызовы, сопряженные с массированным использованием нейросетевых алгоритмов в целях контроля и прогнозирования [6]. Приведенные примеры актуализируют необходимость формирования прочного

правового и этического фундамента для внедрения аналогичных разработок в отечественную правоохранительную практику.

Третий кластер объединяет кадровые и правовые системы, обеспечивающие управление личным составом и нормативное правовое сопровождение служебной деятельности. В качестве примеров можно привести автоматизированную информационную систему «Статистика-К», ориентированную на ведомственную кадровую статистику; АИС «Удостоверение», предназначенную для учета и контроля служебных удостоверений, а также СТРАС «Юрист» – комплексную систему информационно-правового обеспечения, аккумулирующую базы нормативных правовых актов МВД России, судебной практики и методико-консультационных материалов.

Четвертый кластер представлен образовательными и научными системами, обеспечивающими функционирование ведомственных образовательных организаций. К их числу относятся Информационная система обеспечения образовательного процесса (развернутая на базе программных продуктов «Апекс-ВУЗ», «Магеллан», Moodle), Информационная система дистанционного обучения (Moodle, BigBlueButton), Информационная система «Библиотечный справочник» (реализованная на платформах «Ирбис», «Мега Про»), а также системы, предназначенные для мониторинга качества подготовки обучающихся и организации дистанционного набора абитуриентов.

Пятый кластер составляют системы управления и обеспечения внутренних процессов. В данный кластер включены Информационная система управления проектами (развернутая на базе «1С-Битрикс 24»), Информационная система деловой почты (ViPNet), системы контроля и управления доступом, система мониторинга транспорта на базе АСМ «ЭРА-ГЛОНАСС», системы управления телекоммуникационной инфраструктурой, программно-функциональный комплекс «Диана» для психологического тестирования, а также система делопроизводства LanDocs, находящаяся в процессе перехода на сервисы СЭД ИСОД.

Отдельную группу, в силу специфики функционала, унаследованного от упраздненной Федеральной миграционной службы, формируют миграционные системы. Перечень фиксирует значительное число унаследованных решений (включая ППО «Территория», АС ЦБД УИГ, «АС Российский паспорт», КПТС «Соотечественники»), в настоящее время находящихся в стадии планомерной консолидации и миграции в модернизированный сервис Государственной информационной системы миграционного учета, развернутой на базе программного обеспечения «ЕИР РМУ». Часть указанных систем уже переведена в архивный режим эксплуатации.

Доминирующим трендом, отчетливо фиксируемым Перечнем, выступает последовательная интеграция гетерогенных информационных систем в унифицированную сервисную среду – ИСОД МВД России (далее – ИСОД). По большинству систем в графе, отражающей сведения о ходе внедрения в ИСОД, приводятся ссылки на дорожные карты либо конкретные опытно-конструкторские работы. Так, интеграция статистических и розыскных учетов (ИБД-Ф, ИБД-Р, системы выдачи справок) осуществляется в рамках ОКР «Мастер-Сервис»; для оперативных учетов предусмотрена ОКР «Крона»; для систем штабных подраз-

делений и контроля документооборота – ОКР «Скип». Особенно масштабным представляется процесс модернизации и консолидации унаследованных миграционных систем в контуре ГИСМУ. Приведенные факты свидетельствуют о реализации стратегического курса, направленного на унификацию платформенных решений, минимизацию дублирования функциональных модулей и формирование централизованной, управляемой ИТ-архитектуры ведомства.

Обозначенный вектор консолидации и перехода к интегрированной сервисной модели в полной мере согласуется с ресурсной моделью стратегического развития системы МВД России, предложенной В. Н. Аникиным. В рамках данной модели информационные ресурсы позиционируются в качестве одного из трех базовых стратегических ресурсов наряду с административными и кадровыми; при этом их развитие и оптимизация рассматриваются в качестве определяющего фактора обеспечения правопорядка и эффективного противодействия преступности [4]. Исходя из этого, ИСОД может быть интерпретирована как материализованное воплощение и одновременно инструмент наращивания стратегического информационного потенциала Министерства.

Особую остроту в рассматриваемом контексте приобретают проблемы информационной безопасности и защиты данных. В преамбуле Перечня специально акцентируется, что в документ включены системы, обрабатывающие служебную информацию ограниченного распространения и персональные данные, однако не входящие в состав аттестованных компонентов ИСОД. Данное обстоятельство отражает повышенное внимание ведомства к вопросам обеспечения соответствия используемых систем требованиям регуляторов в области защиты информации. Процессы интеграции в ИСОД напрямую увязываются с задачами гарантированной защищенной обработки данных, прежде всего персональных.

Активное внедрение систем мониторинга социальных медиа, базирующихся на технологиях анализа больших данных, существенно обострило проблематику соблюдения законодательства о персональных данных и обеспечения прав граждан в цифровом пространстве. Как обоснованно отмечают исследователи, осуществление мониторинговой деятельности должно происходить в строгом соответствии с правовыми предписаниями, включая Федеральный закон «О персональных данных» [5], что детерминирует необходимость обеспечения прозрачности соответствующих процессов и выработки специализированных стандартов [2]. Зарубежная практика (в частности, применение алгоритма COMPAS в Соединенных Штатах) обнажила серьезные риски, связанные с алгоритмической предвзятостью, дискриминацией по расовому и этническому признакам, а также неправомерным вторжением в сферу частной жизни [6]. Указанные вызовы обладают несомненной актуальностью и для российской правоприменительной практики, особенно в контексте внедрения систем предиктивной аналитики и технологий распознавания лиц на основе нейросетевых архитектур. В этом смысле интеграция информационных систем в защищенные контуры ИСОД приобретает характер не только технологической, но и правовой необходимости, выступая инструментом минимизации соответствующих рисков.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие обобщающие положения.

Информационная инфраструктура МВД России представляет собой высокоразвитую, поликомпонентную систему, охватывающую все без исключения направления ведомственной деятельности – от оперативно-разыскной работы и производства криминалистических экспертиз до финансового, кадрового, образовательного и тылового обеспечения. В развитии данной инфраструктуры отчетливо прослеживается стратегия, ориентированная на консолидацию и унификацию: осуществляется планомерный переход от множества изолированных, зачастую унаследованных решений (в особенности в миграционном сегменте) к интегрированной сервисной модели в среде ИСОД. Данный процесс объективно характеризуется высокой сложностью и пролонгированным характером, что подтверждается наличием долгосрочных дорожных карт и комплексных опытно-конструкторских работ. Стратегическая значимость указанного направления подчеркивается в ресурсной модели В. Н. Аникина, в рамках которой наращивание и оптимизация информационных ресурсов непосредственно увязываются с достижением целевых ориентиров деятельности ведомства [4].

Обеспечение информационной безопасности, прежде всего в сегменте обработки персональных данных, выступает одним из ключевых драйверов актуализации, регламентации и интеграции информационных систем в аттестованные защищенные контуры ИСОД. Развитие передовых направлений, сопряженных с применением технологий искусственного интеллекта для мониторинга социальных сетей, делает решение правовых и технических задач в сфере информационной безопасности еще более насущным [2; 3]. При этом критически значимым представляется учет международного опыта и связанных с ним этико-правовых дилемм, позволяющий минимизировать риски дискриминации и несоразмерного контролирующего вмешательства [6].

Ведомственный Перечень информационных систем выполняет не только учетно-регистрационную функцию, но и выступает действенным инструментом управления процессами цифровой трансформации, фиксируя текущее состояние, целевые ориентиры интеграции и конкретные мероприятия по модернизации каждой из 64 систем. В этом качестве Перечень может рассматриваться как своеобразная дорожная карта цифрового развития ведомства на современном этапе.

Перспективы дальнейших научных изысканий в рассматриваемой области сопряжены, во-первых, с проведением сравнительного анализа архитектуры информационных систем МВД России и аналогичных комплексов иных правоохранительных органов (ФСБ, Росгвардия) с целью выявления общих закономерностей и уникальных отраслевых решений; во-вторых, с углубленным изучением организационно-технических механизмов реализации интеграционных программ в рамках ИСОД; в-третьих, с разработкой сбалансированных правовых моделей, позволяющих в полной мере использовать преимущества технологий больших данных и искусственного интеллекта в оперативно-служебной деятельности при безусловном обеспечении прав человека и гарантий защиты персональных данных. Решение последней задачи требует комплексного учета как отечественного нормотворческого и правоприменительного опыта, так и зарубежных подходов к правовому регулированию соответствующих отношений [6].

Таким образом, цифровая трансформация МВД России предстает как многомерный управленческий процесс, в котором технологическая консолидация, правовое регулирование, осмысление международных практик и стратегическое планирование развития ресурсного потенциала ведомства оказываются тесно переплетены, формируя облик отечественной правоохранительной системы в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Циркуляр Департамента информационных технологий, связи и защиты информации МВД России от 4 декабря 2025 г. № 9/13596 «О направлении Перечня информационных систем, необходимых для обеспечения служебной деятельности подразделений МВД России».

2. Кубасов И. А., Зонов В. В. Проблемные вопросы внедрения поисковых систем мониторинга социальных сетей и мессенджеров // Академическая мысль. 2025. № 1 (30). С. 65–68.

3. Кубасов И. А., Лекарь Л. А. Внедрение перспективных систем мониторинга и анализа больших данных, полученных в сети Интернет, для обеспечения деятельности оперативных подразделений МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 154–161.

4. Аникин В. Н. Ресурсная модель стратегического развития системы МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 110–120.

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

6. Гордеев А. Ю. Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53).

Кузнецов Л. Д.[1],
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я Кикотя,
кандидат юридических наук

НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЮ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Характеризуется переходом от репрессивной модели к превентивной и сервисной. Рассмотрим ключевые векторы развития указанной отрасли права.

1. Реформа контрольно-надзорной деятельности (КНД). Научное сообщество рассматривает принятие Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» как смену парадигмы, когда старые правила перестают работать и идет перестройка взглядов. Например, от наказания к предупреждению. Постепенно внедряется концепция мягкого регулирования. Приоритет отдается профилактическим мероприятиям (консультирование, предостережение) перед проверками. Далее, научная доктрина обосновывает концентрацию ресурсов государства там, где риск причинения вреда максимален. Это снижает административную нагрузку на добросовестный бизнес.

2. Цифровизация административных процедур. Мы полагаем, что внедрение технологий меняет саму природу административного права. Происходит алгоритмизация управления, т. е. появление реестровой модели, когда юридическое значение имеет запись в базе данных, а не бумажный документ. Кроме того, происходит дистанционное взаимодействие. Научно обосновывается легитимность электронного документооборота, дистанционного обжалования решений органов власти (через Госуслуги) и использования ИИ в принятии типовых административных решений. Однако существует проблема цифрового равенства. Ученые указывают на риски нарушения прав граждан, не обладающих цифровыми навыками или доступом к сети.

3. Медленно, но уверенно идет процесс реформирования Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП) – процесс создания нового КоАП РФ. Это является одной из самых дискуссионных тем в юридической науке. Вводится гуманизация, т. е. обсуждается расширение перечня правонарушений, по которым возможно предупреждение вместо штрафа, а также уменьшение репрессивности для малого бизнеса. Устанавливается дифференциация ответственности. Она диктуется необходимостью четкого разделения составов для граждан, должностных лиц и корпораций. Внедряется процессуализация. При ней научный взгляд настаивает на выделении самостоятельного Процессуального кодекса об административных правонарушениях для обеспечения равенства сторон и защиты прав обвиняемого.

---

[1] © Кузнецов Л. Л., 2026.

4. Развитие административной юстиции.

С принятием Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ) наука фиксирует укрепление механизмов защиты частного лица против публичной власти. Возрастает активная роль суда. В отличие от гражданского процесса, в административном споре суд обязан сам проявлять инициативу в сборе доказательств, чтобы компенсировать неравенство сил между гражданином и государственным аппаратом. Возникает досудебное обжалование. Ученые отмечают эффективность обязательного досудебного порядка по многим категориям споров как способ разгрузки судов и оперативного исправления ошибок чиновников.

5. Концепция «сервисного государства».

Административное законодательство все чаще рассматривается через призму предоставления государственных услуг. Правовая наука переходит от трактовки управления как командования к трактовке управления как обслуживания интересов общества. Это отражается в регламентации работы МФЦ и стандартизации госуслуг.

6. Ключевые вызовы и проблемы (научный критицизм).

Полагаем, что уже возникла избыточность норм. Административное законодательство крайне нестабильно, поправки в КоАП РФ вносятся ежемесячно, что нарушает принцип правовой определенности. Возник дисбаланс полномочий. В этих условиях ученые указывают на сохранение широких дискреционных полномочий (свободы действий) должностных лиц, что создает коррупционные риски. Еще существует размытость понятий. С появлением новых сфер (криптовалюты, нейросети, шеринг-экономика) законодательство не всегда успевает выработать четкий понятийный аппарат.

Таким образом, современная наука видит будущее административного законодательства в его систематизации, прозрачности и технологичности, где основной целью является не карательная функция, а обеспечение правопорядка при максимальном соблюдении прав и свобод личности.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 19.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г. № 19-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 31. Ст. 4470.

4. Давыдов К. В. Реформы современного административного права России: некоторые тенденции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 144–151.

5. Коренев А. П. Принципы советского административного права // Правоведение. 1967. № 3. С. 72–78.

Кулешова А. Н.[1]*,*
преподаватель кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЛУЖБЫ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСТВА И РЕГИСТРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН МВД РОССИИ

Проблематика миграции и интеграции иностранных граждан представляет собой одно из приоритетных направлений внутренней политики государства. Миграционные потоки с каждым годом возрастают, вследствие чего, на наш взгляд, необходимо:

– модернизировать и совершенствовать механизмы контроля, учета иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации;

– для поддержания стабильности и осуществления национальной безопасности оказывать услуги по регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства максимально эффективно.

Таким образом, исследование перспектив развития службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации приобретает особую актуальность в условиях глобализации и роста международной мобильности населения.

Цель исследования заключается в разработке концептуальных основ модернизации системы управления службой по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России, направленных на повышение уровня доступности и прозрачности предоставляемых государственных услуг.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

– проанализировать современное состояние законодательной базы и практики реализации миграционной политики в России;

– выявить слабые стороны действующей системы и предложить меры по их устранению;

– разработать концепцию повышения эффективности функционирования подразделений МВД России, занимающихся регистрацией иностранных граждан и предоставлением гражданства.

Для начала рассмотрим Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738, утвердивший Концепцию государственной миграционной политики на 2026–2030 годы, который формирует принципиально новую среду

[1] © Кулешова А. Н., 2026.

функционирования для всех органов государственной власти, вовлеченных в регулирование миграционных процессов [5]. Для Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России этот документ не является простым обновлением программных задач; он представляет собой комплексный вызов, требующий глубокой трансформации операционной модели, идеологических установок и технических возможностей. Служба становится ключевым оператором реализации новой философии, в центре которой находится безусловный приоритет национальной безопасности и государственного суверенитета. Аналитики подчеркивают, что Концепция знаменует отказ от практики замещающей миграции как инструмента решения демографических вопросов, переход к качественной модели, где основное внимание уделяется безопасности и культурной интеграции. Этот кардинальный сдвиг парадигмы означает, что ведомство из административного регистратора и контролера трансформируется в полноценный силовой и идеологический инструмент государства на переднем крае защиты национальных интересов. Основным требованием становится обеспечение абсолютной управляемости и контролируемости всех миграционных потоков, причем каждый иностранец рассматривается не только как экономический агент или демографическая единица, но и как потенциальный субъект политических, социальных и культурных рисков. Таким образом, на Службу ложится двойная нагрузка: с одной стороны, необходимо технически обеспечить беспрецедентный уровень мониторинга и фильтрации, а с другой – реализовать тонкую политику селективного привлечения тех, кто соответствует ценностным критериям российского общества.

Рассмотрим ряд проблем в миграционном законодательстве.

Проблема 1. Фрагментарность правового регулирования миграционного процесса. Российская Федерация обладает обширной базой нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность в сфере миграции. Тем не менее наблюдается некоторая несогласованность отдельных положений федерального законодательства и ведомственных нормативно-правовых актов МВД России и иных органов исполнительной власти. Например, некоторые регионы имеют собственные особенности в правилах временного проживания и трудоустройства мигрантов, что создает путаницу и трудности для иностранных граждан.

Для решения данной проблемы предлагается переработать действующее законодательство: устраненить дублирование норм и противоречий между нормативными актами разного уровня, создать единый унифицированный документ, регламентирующий всю процедуру регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства и получения статуса гражданина Российской Федерации. Данное решение помогло бы упростить доступ иностранных граждан и лиц без гражданства к государственным услугам и повысило бы прозрачность и предсказуемость процедур.

Проблема 2. Отсутствие единого механизма электронной идентификации и верификации данных заявителей. В настоящее время существует множество электронных сервисов, которые позволяют получить обширную информацию о заявителе (статус заявителя, наличие судимости, налоговое положение и др.). Такая информация очень значима для принятия решения о предоставлении

гражданства или вида на жительство. Но проблема заключается в том, что данные учеты ведут разные органы власти и они не систематизированы друг с другом. В некоторых случаях для получения определенной информации о заявителе необходимо отправлять запросы в другие структурные подразделения, что затрудняет работу миграционной службы, так как получение ответа может занять более месяца, тем самым замедляя обработку обращений. Как правильно отмечают С. Ю. Бытко и Ю. Е. Пугачев, «в новой концепции… были обозначены меры по ужесточению контроля над миграцией, такие как создание единой цифровой базы» [8, с. 13].

В связи с этим предлагается создать межведомственную информационную систему (МИС), которая объединяла бы данные всех электронных сервисов, задействованных в миграционном процессе. Это позволит ускорить процессы проверки заявок, снизить коррупционные риски и повысить надежность принимаемых решений.

Проблема 3. Недостаток качественной информационной поддержки и консультативной помощи иностранным гражданам. Одним из барьеров на пути эффективного взаимодействия между государством и мигрантами является ограниченность доступной информации о процедурах подачи документов, сроках рассмотрения обращений и требованиях к документам. Многие иностранные граждане сталкиваются с трудностями в понимании местных порядков и зачастую вынуждены обращаться за платными юридическими услугами, что удорожает стоимость их переезда и нахождения в стране. Как отмечает С. Ю. Андрейцо, «в целом можно судить об усилении репрессивного содержания мероприятий в отношении иностранных граждан» [7, с. 54].

В связи с данной проблематикой представляется возможным организовать бесплатные юридические консультации для иностранных граждан на базе многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) или автономные онлайн-консультации. Их задачей станет оказание первичной юридической помощи, разъяснение порядка действий при оформлении документов и помощь в подготовке необходимой документации.

Проблема 4. Низкая вовлеченность гражданского общества в регулирование миграционных процессов. С. Ю. Андрейцо затронул проблему отношения общества к иностранным гражданам, а именно разделения общества на два лагеря (положительное и отрицательное отношение к мигрантам) [7, с. 53]. Общественный контроль играет важную роль в повышении прозрачности и эффективности управленческих решений. Гражданские общества и неправительственные организации могут оказывать значительное влияние на формирование общественного мнения о миграционной политике и способствовать привлечению внимания властей к проблемам миграции.

Решением может выступить привлечение некоммерческих организаций и общественных объединений к участию в формировании миграционной политики посредством расширения полномочий наблюдательных советов и рабочих групп при МВД России. Проекты нормативно-правовых актов должны обсуждаться общественными организациями, после чего необходимо вносить соответствующие замечания в документы. Это позволит минимизировать риски ошибок и злоупотреблений.

Проведенный анализ позволил выделить следующие ключевые проблемы современной системы оказания государственных услуг иностранцам:

– фрагментарность правового регулирования миграционного процесса;

– отсутствие единого механизма электронной идентификации и верификации данных заявителей;

– недостаток качественной информационной поддержки и консультативной помощи иностранным гражданам.

Предлагается внедрить комплекс мер, включающих разработку единой цифровой платформы, интеграцию баз данных федеральных органов исполнительной власти, упрощение процедуры легализации пребывания иностранных граждан путем внедрения электронных виз и паспортов, создание сети консультационно-посреднических центров для мигрантских групп.

Перспективы развития службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России заключаются в переходе к инновационным технологиям обслуживания и интеграции цифровых платформ, обеспечивающих высокую степень прозрачности и удобства пользования услугами всеми заинтересованными лицами. Реализация предложенных мероприятий обеспечит существенное улучшение условий проживания и адаптации мигрантов, снизит риски нелегальной миграции и повысит доверие граждан к органам власти.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 4. Ст. 443.

2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 137.

3. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

4. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 01.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.

5. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

6. Приказ МВД России от 14 июня 2023 г. «Об утверждении Инструкции по организации работы по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (в ред. от 25.12.2023) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2023. № 52.

7. Андрейцо С. Ю. Проблемы реализации миграционной политики в России // Закон и право. 2025. № 10. С. 52–55.

8. Бытко С. Ю., Пугачев Ю. Е. Концепция миграционной политики 2026–2030: характеристика и сравнительный анализ с концепцией 2019–2025 // Научный журнал. 2025. № 4 (75). С. 10–14.

Курбатова О. В.[1]*,*
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПОЛИЦИЕЙ

Анализ норм Закона «О полиции», определяющих назначение полиции, основные направления ее деятельности и задачи, показывает, что предупреждение правонарушений, устранение угроз безопасности граждан и общественной безопасности являются неотъемлемой частью ее повседневной деятельности. Эта деятельность состоит в осуществлении сотрудниками полиции различных действий, в том числе в применении ими административно-предупредительных мер. Такие меры выступают определенным стимулятором правомерного поведения и зачастую связаны с установлением административно-правового запрета или ограничения. В этом случае проявляется принудительный характер рассматриваемых мер, что выражается в возложении на принуждаемого субъекта различных ограничений и обременений с целью заставить его действовать (бездействовать) определенным образом в интересах государства за счет доминирования в легально доступном уполномоченным субъектам властном ресурсе, что отмечено М. Н. Петренко [7, с. 11].

С учетом складывающейся миграционной обстановки, как подчеркнуто в новой миграционной концепции, в настоящее время особую значимость приобретает развитие мероприятий по предупреждению и пресечению незаконной миграции [4].

Актуальность совершенствования мер превентивного характера в миграционной сфере обусловлена низким уровнем правосознания иностранных граждан и лиц без гражданства, их правовой пассивностью, а нередко антисоциальным поведением (в том числе, как подчеркивает А. Бастрыкин, женщин и их детей [10]), количеством совершаемых правонарушений.

Так, например, в 2024 г. в России почти втрое выросло число преступлений со стороны лиц, незаконно находящихся в России: с 2 880 до 8 059 [13]; в 2025 г. количество преступлений составило 41103. В 2025 г. на 1000 иностранцев в России пришлось 7,2 преступления, в 2024 г. этот показатель был 6,7 [11].

По заявлению М. Мишустина, по состоянию на 6 февраля 2026 г. незаконно находятся в России около 840 тыс. мигрантов [12]. Соответственно, можно утверждать, что в отношении заявленной в названии статьи категории субъектов презюмируется потенциальная виновность [8, с. 4].

---

[1] © Курбатова О. В., 2026.

В связи с указанными обстоятельствами предупредительное воздействие на перечисленных субъектов реализует охранительную функцию в целях недопущения совершения противоправных поступков и противодействие фактическим нарушениям миграционного законодательства. Основная нагрузка по осуществлению правоприменительной деятельности в указанной сфере ложится на полицию.

Среди превентивных мер в отношении указанной в названии статьи группы субъектов нормативно закреплены:

– принятие решений, предусмотренных законодательством о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [1, ст. 25.10]: о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации; о неразрешении въезда в Российскую Федерацию;

– применение режима высылки со дня внесения сведений о нем в реестр контролируемых лиц в соответствии с законодательством о правовом положении иностранных граждан [2, ст. 9.1].

Принудительный порядок исполнения решения о нежелательности пребывания (проживания) в России обеспечен возможностью депортации иностранного гражданина (лица без гражданства) в случае, если пребывание (проживание) законно находящихся указанных субъектов на территории нашего государства создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц.

Анализ процедуры принятия решения о неразрешении въезда показывает, что необходимость принятия такого решения в одних случаях носит императивный характер [1, ст. 27], а в других – диспозитивный [1, ст. 26]. Насчет данной меры Конституционный суд России обозначил правовую позицию относительно вынесения внесудебного запрета иностранным гражданам на въезд в нашу страну, где отмечено, что такое решение уполномоченных органов не обязательно должно быть обусловлено привлечением лица к административной ответственности [5]. Соответственно, применение данной меры не находится в зависимости от инициирования административно-деликтного производства по ст. 18.8 КоАП РФ.

В рамках принимаемых комплексных системных мер по укреплению правопорядка в сфере миграции, усилению контроля за миграционными потоками, противодействию незаконной миграции и преступности среди мигрантов полицией за 2024 г. было вынесено 267,2 тыс. представлений о неразрешении въезда в Россию, что на 93,8 тыс. превышает количество таких решений, вынесенных за 2023 г. [9].

Также отметим, что в качестве превентивной меры еще в 2021 г. Министерством внутренних дел был предложен такой институт, как соглашение о лояльности [6]. Проектные нормы подразумевали взятие иностранными гражданами (лицами без гражданства) обязательств, подтверждающих знание правил въезда/выезда из России, правил пребывания и осуществления труда, а также взятие на себя расходов, обусловленных ситуацией высылки при нарушении национального законодательства.

Последствием несоблюдения взятых на себя обязательств проектными нормами указывалось признание нежелательным нахождение иностранца на территории нашего государства; обстоятельством, не допускающим въезд, а также пребывание и проживание на территории России.

Процессуальной формой подтверждения иностранным гражданином взятых на себя обязательств выступало названное соглашение.

Отметим, что в действующем законодательстве проектные нормы о данном инструменте профилактики правонарушений среди иностранных граждан не нашли реализации.

Однако был введен новый миграционный режим – режим высылки (с февраля 2025 г.), который означает установление определенных обязанностей и ограничений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, включение в реестр контролируемых лиц, а также применение мер федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции (установление места нахождения; доставление и задержание контролируемого лица; помещение его в специальное учреждение; проверка документов, удостоверяющих его личность; установление личности контролируемого лица; проведение обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования контролируемого лица; согласование маршрута следования данного лица до пункта пропуска через государственную границу России; наблюдение за соблюдением установленных ограничений и вынесенных предписаний, за выполнением возложенных обязанностей и совершаемыми действиями).

Последствием неоднократного неисполнения контролируемым лицом установленных обязанностей является его депортация.

В заключении отметим, что названные административно-предупредительные меры, применяемые полицией в сфере миграции, при ярко выраженном профилактическом характере обеспечены принудительным компонентом, исключающим действия субъектов, в отношении которых данные меры применяются, в противовес законно установленным требованиям властного субъекта.

Административно-предупредительные меры должны стать важным инструментом обеспечения правопорядка в сфере миграции. Об их эффективности будет свидетельствовать снижение противоправных деяний в сфере миграции, в том числе нарушений миграционного режима и иных деяний, создающих угрозу безопасности общества и государства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Российская газета. 1996. № 159.

2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 140.

3. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 12011. № 7. Ст. 900.

4. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2021 г. № 884-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Узбекистан Поянова Отабека Абжобборовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 13 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20052021-n-884-o/.

6. Проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» ID проекта 02/04/03-21/00113698) (не внесен в Государственную Думу, текст по состоянию на 03.09.2021). URL: https://regulation.gov.ru/projects/113698/.

7. Петренко М. Н. Государственное принуждение: основания и нравственные пределы применения (теоретико-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2023.

8. Тихонов Я. И. Институт превенции в системе российского права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2019.

9. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–декабрь 2024 года. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/.

10. В СКР заявили о значительном росте числе преступлений, совершенных мигрантами. URL: https://ura.news/news/1052960883.

11. МВД отчиталось о росте мигрантской преступности за 2025 год. URL: https://tsargrad.institute/news/mvd-otchitalos-o-roste-migrantskoj-prestupnosti-za-2025-god_628.

12. Около 840 тыс. мигрантов незаконно находятся в России. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2026/02/25/27938239.shtml?utm_auth=false.

13. СКР: в 2024 году преступность среди нелегальных мигрантов выросла почти втрое. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7197764.

Ларин Э. Н.[1]*,*
преподаватель кафедры
организации деятельности подразделений
по обеспечению безопасности
дорожного движения
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДОСМОТР ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Определение досмотра транспортного средства, как известно, дано в ст. 27.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Под ним понимается «обследование транспортного средства, проводимое без нарушения его конструктивной целостности… в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения» [1]. При всей достаточно подробной регламентации указанной процедуры в законодательстве в ходе ее осуществления в практической деятельности сотрудников Госавтоинспекции остается ряд вопросов, требующих обсуждения и дальнейшего уточнения.

Проблемные вопросы проведения досмотровых мероприятий уже неоднократно рассматривались отечественными исследователями. При этом ученые выдвигали проблемные вопросы практического правоприменения [2], рассматривали тактические особенности проведения данной административной процедуры [3]. Некоторые авторы на основе анализа норм законодательства разрабатывали алгоритмы действий, которых можно придерживаться сотрудникам Госавтоинспекции, осуществляющим досмотр транспортного средства [4]. Несмотря на важный вклад указанных ученых, некоторые вопросы до настоящего времени полноценно не урегулированы.

При мониторинге телекоммуникационной сети Интернет можно увидеть достаточно большое количество статей и видеороликов, дающих разъяснения как проходят осмотр и досмотр автомобиля, в чем между ними разница и содержащих рекомендации как вести себя водителям транспортных средств. Авторы публикаций зачастую позиционируют себя как адвокаты, радеющие за соблюдение гражданских прав водителя и защищающие его от произвола недобросовестных сотрудников Госавтоинспекции. При этом они далеко не всегда правильно применяют нормы действующего законодательства.

К примеру, на вопрос «Когда досмотр считается правомерным?» был дан ответ: «Досмотр транспортного средства может проводиться только при наличии оснований, предусмотренных КоАП РФ. В противном случае действия со-

[1] © Ларин Э. Н., 2026.

трудников ДПС могут быть обжалованы». Однако в КоАП РФ эти основания нигде не прописаны, в ст. 27.9 дано только определение и регламентирована процедура. Вышеуказанные основания были прописаны исключительно в «Административном регламенте исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения», который был утвержден Приказом МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 (далее – «Административный регламент»). В настоящее время данный нормативный правовой акт утратил силу в связи с изданием «Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения», утвержденного Приказом МВД России от 2 мая 2023 г. № 264 (далее – «Порядок надзора»), в котором рассматриваемые основания не указаны.

Таким образом, в настоящее время сотрудникам Госавтоинспекции дано право самостоятельно определять необходимость осуществления процедуры досмотра транспортного средства, так как фактически отсутствует какой-либо нормативный документ, в котором был бы дан строгий перечень случаев, являющихся основаниями для ее проведения, за исключением указания в п. 16 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»: «16) осуществлять… досмотр их транспортных средств, если имеются основания полагать, что… граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, а также скрывают предметы хищения» [5].

Подобная ситуация происходит и с осмотром транспортного средства. Определение указанной процедуры, основания для ее проведения сотрудником Госавтоинспекции, а также регламентирующие ее положения, были прописаны в «Административном регламенте». Однако кроме данного нормативного документа она более нигде не была урегулирована, кроме упоминания в п. 20 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»: «осуществлять… осмотр транспортных средств и грузов при подозрении, что они используются в противоправных целях» [5]. Поскольку с вступлением в законную силу «Порядка надзора» «Административный регламент» перестал действовать, данная процедура ничем не упорядочена. Тем не менее это не мешает интернет-писателям разъяснять своим читателям «порядок и правила» проведения осмотра транспортного средства, несмотря на отсутствие отсылки на действующее законодательство.

Большинство авторов примерно одинаково разъясняют отличия между двумя процедурами: «Осмотр автомобиля – это внешний обзор транспортного средства без нарушения целостности и вскрытия, проводимый с согласия владельца. Досмотр автомобиля – это более детальная проверка, включающая вскрытие и проверку содержимого машины, обычно проводится при подозре-

ниях и требует составления протокола». В целом, подобные определения в общей своей сути примерно соответствуют истине.

При многочисленных опросах действующих сотрудников Госавтоинспекции установлено, что у многих имеются вполне закономерные вопросы, касающиеся не до конца понятного и, соответственно, вызывающего разночтения определения «досмотр транспортного средства» в нормативной базе. Конкретно они касаются формулировки «без нарушения… конструктивной целостности [транспортного средства]». Поскольку данное понятие нигде в отечественном законодательстве не конкретизировано, не вполне ясно, где проходит граница, за которой конструктивная целостность автомобиля будет считаться уже нарушенной.

Интуитивно понятно, что, например, откручивание колеса, отсоединение какой-либо детали кузова (наружного зеркала заднего обзора, решетки радиатора и т. п.) или отделение элементов силового агрегата однозначно нарушает цельность конструкции автомобиля и выходит за рамки административной процедуры. Также очевидно, что при простом открытии перчаточного ящика (в разговорной речи именуемого бардачком) или поднятии автоковрика вышеназванного нарушения не происходит. Но это два противоположных, предельных случая. А как же отграничить действия, находящиеся не на крайних полюсах?

Считается, что одним из критериев в данном вопросе является возможность произвести какое-либо действие исключительно руками. То есть, если для его осуществления приходится применить какой-либо инструмент (отвертку, пассатижи, молоток, ключ и т. п.) – то именно это и будет являться действием, приводящим к нарушению конструктивной целостности. Однако, к примеру, для снятия крышки корпуса воздушного фильтра в некоторых автомобилях достаточно отстегнуть защелки, для чего дополнительные инструменты не нужны, операцию вполне возможно провести руками. Но по мнению некоторых авторов такое действие недопустимо, наряду с откручиванием крышки горловины бака, так как это приводит к отделению отдельного элемента [2, с. 58]. Хочется выразить несогласие с данным постулатом, аргументируя возражение тем, что зачастую именно в подобных местах правонарушители прячут различные запрещенные к обороту вещества и предметы. Бесспорно, что редко какой злоумышленник, имея цель перевезти подобные вещи, будет их держать в открытом виде, например, в багажнике или перчаточном ящике; с гораздо большей вероятностью он постарается их спрятать. Возможные места сокрытия неоднократно рассматривались в методических пособиях.

Еще одно мнение по поводу соблюдения конструктивной целостности автомобиля в целом и его отдельных устройств (механизмов) состоит в том, что основным критерием считается сохранение функциональности агрегата, а также возможность приведения его к первоначальному виду без дополнительных восстановительных или ремонтных работ [2, с. 58]. Очевидно, что по данному требованию недопустимо, например, разрезание обивки сидения, последствия которого невозможно устранить на месте, а только заменой либо перетяжкой. Однако данный показатель также далек от совершенства, так как даже снятие колеса вполне можно привести в исходное состояние путем обратного закручивания крепежных элементов, что вряд ли можно счесть полноценными ремонт-

ными работами. Подобный вопрос возникает у действующих сотрудников Госавтоинспекции по поводу фрагментов внутренней отделки салона и, в частности, панели отделки двери или дверной обшивки (называемой еще и дверной картой), также являющихся излюбленным местом утаивания. Правомерно ли снятие данных деталей, естественно, с последующей установкой их на место, или это выходит за рамки административной процедуры?

Считаем, что по данному вопросу необходимо получить разъяснение Пленума Верховного суда Российской Федерации, так как, согласно опросу действующих правоприменителей, судьи в различных территориальных образованиях разрешают подобные случаи неодинаково.

Также в ходе опроса действующих сотрудников Госавтоинспекции выявлен вопрос, требующий рассмотрения. Иллюстрирует его пример из практической деятельности: задержанный в ходе административной процедуры автомобиль был помещен на штрафную стоянку. В дальнейшем было достоверно установлено, что в багажнике находилось незаконно хранимое оружие. С юридической точки зрения оформлявший процедуру сотрудник Госавтоинспекции обязанности не нарушил, так как у него не было исчерпывающих оснований для проведения досмотра автомобиля, а даже открытие багажника в отсутствие владельца без должного полноценного оформления в подобной ситуации недопустимо. Как мы видим, это может привести к утрате предметов, которые могут либо сами по себе являться доказательствами, либо нести какие-либо важные следы.

Таким образом, в подобных случаях крайне желательно предусмотреть более упрощенные действия. Например: сотрудники патрульно-постовой службы или дежурной части при необходимости доставления в территориальный отдел какого-либо гражданина перед его посадкойв дежурный автомобиль производят наружный осмотр, который по своей сути не является административной процедурой, как личный досмотр, и не требует строгого оформления. Однако целесообразность такого осмотра продиктована требованиями личной безопасности сотрудников и мерами антитеррористической защищенности.

Ситуацию может решить узаконивание процедуры, по своей сути не являющейся полноценным досмотром, но имеющей часть признаков его. Предположительно можно назвать ее «обследование транспортного средства [перед помещением на штрафстоянку]». Данная процедура может не иметь такой строгой регламентации, как досмотр транспортного средства: например, можно упразднить наличие понятых, заменив их видеофиксацией процедуры; отменить заполнение протокола, бланк которого зачастую бывает подотчетным, возможно, заменив его более простым по содержанию актом; не обязывать сотрудника обеспечивать присутствие владельца (однако при его наличии и адекватном состоянии желательно вписать его в акт). Но при этом необходимо четко указать случаи, в которых она будет возможна к проведению, а именно перед отправкой автомобиля на штрафстоянку. В остальных ситуациях правомерен будет только досмотр транспортного средства как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении.

Исходя из вышеизложенного очевидно, что на современном этапе развития отечественного законодательства в регламентации процедуры досмотра транс-

портных средств существуют дискуссионные аспекты, требующие внимательного изучения и принятия соответствующих современным реалиям решений.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

2. Бровко Н. В., Галустян А. Г., Зейналов Ф. Н. К проблеме проведения досмотра транспортных средств в практической деятельности сотрудников Госавтоинспекции // Философия права : научно-теоретический журнал. Ростов н/Д. 2024. № 2 (109). С. 56–61.

3. Берова Д. М., Гаужаева В. А. Тактические особенности досмотра транспортного средства в целях обнаружения предметов и веществ ограниченного оборота // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 6. С. 266–270.

4. Сидоров Э. Т., Синяжников Д. А. Методика применения сотрудниками органов внутренних дел видеосъемки при проведении досмотра транспортного средства без участия понятых // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1 (39). С. 33–44.

5. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

Лещенко Л. Д.[1]*,*
научный сотрудник Научного центра
безопасности дорожного движения МВД России

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ И ОЦЕНКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЮРИСДИКЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Цифровая трансформация публичного управления и повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов исполнительной власти неизбежно влекут за собой изменения в сфере доказывания по делам об административных правонарушениях. Если ранее доказательства существовали преимущественно на материальных носителях (протоколы, акты, объяснения на бумаге), то сегодня все большее значение приобретают данные в цифровой форме: информация из автоматизированных систем фотовидеофиксации, электронные документы, логи серверов, метаданные, сообщения в мессенджерах и социальных сетях. Как отмечается в современной доктрине, возникает парадоксальная ситуация: законодательство об административных правонарушениях сохраняет традиционные подходы к доказыванию, в то время как правоприменительная практика уже активно оперирует принципиально иными по своей природе доказательствами [1, с. 3].

В юридической науке до настоящего времени не сложилось единого подхода к определению понятия «электронные доказательства» применительно к производству по делам об административных правонарушениях. Анализ современных исследований позволяет выделить два основных подхода: узкий и широкий [1, с. 4–5].

Сторонники узкого подхода относят к электронным доказательствам лишь документы, изначально созданные в электронной форме и подписанные электронной подписью, либо электронные копии (образы) документов на бумажных носителях. Такой подход представляется чрезмерно ограничительным, поскольку он не охватывает значительный массив данных, которые активно используются в юрисдикционной практике: записи с камер видеонаблюдения, данные навигационных систем (ГЛОНАСС/GPS), информация с контрольно-кассовой техники, сведения из автоматизированных систем контроля (например, «Платон»), цифровые следы в информационно-телекоммуникационных сетях.

Более обоснованным представляется широкий подход, в рамках которого под электронными доказательствами понимаются любые сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела об административном правонарушении, выраженные в цифровой (электронной) форме и пригодные для восприятия человеком после соответствующей обработки с использованием технических средств. Как справедливо отмечается в литературе, ключевым признаком электронных доказательств является не столько форма их существования, сколько способ фиксации

[1] © Лещенко Л. Д., 2026.

и воспроизведения информации, предполагающий использование определенных технических устройств и программного обеспечения [2, с. 6].

В зависимости от источника происхождения и способа формирования можно выделить следующие виды электронных доказательств, используемых в производстве по делам об административных правонарушениях.

Данные, формируемые автоматизированными системами контроля и фиксации. К ним относятся материалы фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения, данные автоматизированных систем весового и габаритного контроля, информация с камер, фиксирующих нарушения правил парковки и иных подобных систем. Особенность данных доказательств заключается в том, что они формируются полностью автоматически, без непосредственного участия человека, что порождает специфические проблемы их проверки и оценки.

Электронные документы. Речь идет о документах, созданных в электронной форме и подписанных электронной подписью (либо не подписанных, но имеющих установленные реквизиты, позволяющие идентифицировать их происхождение). В административно-юрисдикционном процессе к ним могут относиться электронные версии протоколов, актов, заключений экспертов, а также документы, поступающие от граждан и организаций в электронном виде.

Цифровые следы. Данная категория охватывает информацию, оставляемую физическими и юридическими лицами в процессе использования информационно-телекоммуникационных сетей: IP-адреса, логи серверов, данные о соединениях, сообщения в мессенджерах, посты в социальных сетях, информация с мобильных устройств и т. п. Использование таких доказательств в административно-юрисдикционном процессе вызывает наибольшее количество споров, поскольку их получение часто связано с ограничением конституционных прав граждан на тайну переписки и телефонных переговоров.

Вопрос о допустимости электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях приобретает ключевое значение, поскольку от его решения зависит возможность использования соответствующей информации для установления обстоятельств дела. Как обоснованно указывается в научной литературе, традиционные критерии допустимости доказательств (относимость, допустимость по форме, допустимость по источнику, допустимость по способу получения) требуют существенной адаптации применительно к доказательствам в электронной форме [3, с. 3].

Одним из основных рисков при использовании электронных доказательств является возможность их фальсификации, модификации или уничтожения без оставления видимых следов. В отличие от бумажного документа, где любое изменение (подчистка, дописка) может быть обнаружено при визуальном осмотре, электронный документ может быть изменен таким образом, что факт модификации будет практически невозможно установить без применения специальных познаний и средств [3, с. 5].

В зарубежной практике для обеспечения подлинности электронных доказательств активно используются механизмы электронной подписи, хеширования, а также процедуры, аналогичные «цепочке сохранности доказательств», применяемой в уголовном процессе [4, с. 2]. Применительно к административно-

юрисдикционному процессу необходимо нормативное закрепление требования о фиксации всех действий с электронными доказательствами (момент получения, способ передачи, лицо, ответственное за хранение, произведенные преобразования), что позволит впоследствии проверить их неизменность [4, с. 3].

Отдельного внимания заслуживает проблема допустимости доказательств, формируемых автоматизированными системами фиксации административных правонарушений. В настоящее время такие доказательства (в первую очередь фото- и видеоматериалы нарушений ПДД) широко используются в административно-юрисдикционном процессе и даже являются основанием для привлечения к ответственности без составления протокола (ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ).

Вместе с тем, как обоснованно указывается в исследованиях, использование автоматизированных систем порождает ряд проблем, связанных с обеспечением допустимости получаемых с их помощью доказательств [5, с. 3]. Во-первых, необходимо наличие надлежащей сертификации и метрологической поверки используемых технических средств. Во-вторых, требуется обеспечение неизменности получаемых данных на всех этапах – от фиксации до передачи в орган административной юрисдикции и хранения. В-третьих, возникает проблема проверки работоспособности системы в момент фиксации конкретного правонарушения (отсутствие сбоев, корректность настройки, правильность идентификации транспортного средства).

Анализ судебной практики показывает, что оспаривание постановлений, вынесенных на основании материалов автоматизированной фиксации, зачастую затруднено именно в части проверки достоверности и допустимости доказательств, поскольку лицо, привлекаемое к ответственности, не имеет доступа к исходным данным и технической документации. В связи с этим необходимо нормативное закрепление механизмов, позволяющих лицу эффективно реализовывать право на защиту, включая право на ознакомление с исходными материалами фиксации и привлечение специалистов для их оценки.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях в части регулирования использования электронных доказательств:

Легальное закрепление понятия и видов электронных доказательств. В КоАП РФ следует включить статью, определяющую понятие электронных доказательств и устанавливающую их основные виды, что создаст единую понятийную основу для правоприменительной практики.

Введение специальных правил оценки электронных доказательств. Целесообразно закрепить в КоАП РФ положения о том, что оценка электронных доказательств осуществляется с учетом их технических особенностей, а в необходимых случаях для их проверки могут привлекаться специалисты.

Обеспечение права лица на ознакомление с исходными данными. Необходимо установить обязанность органов административной юрисдикции предоставлять лицу, привлекаемому к ответственности, по его требованию доступ к исходным электронным данным (не только к их визуализированной форме) для целей эффективной реализации права на защиту.

Цифровизация юрисдикционного процесса объективно ведет к расширению использования электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Материалы автоматизированной фиксации, электронные документы, цифровые следы становятся неотъемлемой частью современного административно-юрисдикционного процесса. Однако действующее законодательство об административных правонарушениях сохраняет традиционные подходы к доказыванию, не учитывающие специфику доказательств в электронной форме.

Как показал проведенный анализ, использование электронных доказательств порождает целый комплекс правовых проблем, требующих законодательного решения: определение понятия и видов электронных доказательств, обеспечение их допустимости и достоверности, защита конституционных прав граждан при их получении, разработка специальных правил их оценки. Отсутствие адекватного правового регулирования создает риски как для прав и законных интересов граждан, так и для эффективности административно-юрисдикционной деятельности.

Представляется, что предложенные направления совершенствования законодательства позволят обеспечить баланс между использованием преимуществ цифровых технологий в доказывании и сохранением фундаментальных процессуальных гарантий, что будет способствовать повышению качества и справедливости административно-юрисдикционного процесса в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Остапенко А. А. Виды цифровых доказательств в административном судопроизводстве // StudNet. 2021. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-tsifrovyh-dokazatelstv-v-administrativnom-sudoproizvodstve.

2. Шкурова П. Д. Электронный документ как самостоятельное средство доказывания в гражданском и административном судопроизводстве // Юридические исследования. 2017. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokument-kak-samostoyatelnoe-sredstvo-dokazyvaniya-v-grazhdanskom-i-administrativnom-sudoproizvodstve.

3. Щекина Д. С. Электронные доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях // E-Scio. 2023. № 3 (78). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-proizvodstve-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah.

4. Карпушкин А. В. к вопросу о законодательном закреплении возможности использования доказательств в электронной форме в качестве перспективного направления цифровизации производства по делам об административных правонарушениях // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zakonodatelnom-zakreplenii-vozmozhnosti-ispolzovaniya-dokazatelstv-v-elektronnoy-forme-v-kachestve-perspektivnogo.

Лохбаум В. А.[1]*,*
заместитель начальника
кафедры организации деятельности подразделений
по обеспечению безопасности дорожного движения
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ПОЛА ВОДИТЕЛЯ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В современном мире безопасность человека относится к базовым ориентирам при разработке государственной политики. Одну из приоритетных задач государственного управления, сопряженную с сохранением жизни и здоровья граждан, представляет обеспечение безопасности дорожного движения. Связано это с тем, что, несмотря на видимые успехи последних лет, уровень аварийности и травматизма все еще остается высоким и рассматривается в числе наиболее острых социально-экономических и гуманитарных проблем [11, с. 3].

В поисках эффективных решений исследователи анализируют множество факторов, влияющих на безопасность дорожно-транспортной среды, важное место среди которых занимают социально-демографические характеристики участников движения: невзирая на пристальное внимание к техническому состоянию транспортных средств и дорожной инфраструктуре, человеческий фактор остается ключевой детерминантой безопасности дорожного движения. Традиционно исследования в этой области носят гендерно нейтральный характер, однако накопленная эмпирическая база, включая официальные статистические данные Госавтоинспекции [10], демонстрирует устойчивую тенденцию к дифференциации аварийности и виктимности по признаку пола участников дорожного движения. В связи с тем, что пол водителя является одной из ключевых социально-демографических переменных, которая, как показывают результаты исследований, неизменно коррелирует с показателями аварийности, административно-правовое регулирование, будучи инструментом профилактики правонарушений, не может игнорировать данные характеристики участников дорожного движения. Следовательно, возникает вопрос о целесообразности пересмотра устоявшихся подходов к нормотворчеству и административной практики в этой области.

Целью данной статьи является анализ статистических закономерностей, лежащих в основе гендерных различий в безопасности дорожного движения, и оценка существующих и потенциальных административно-правовых инструментов, направленных на снижение связанных с ними рисков, с учетом российского и зарубежного опыта.

---

[1] © Лохбаум В. А., 2026.

Метаанализ и систематический обзор специальной литературы и официальной статистики подтверждают общемировую тенденцию к гендерным диспропорциям в сфере безопасности дорожного движения, которая сохраняется уже на протяжении многих лет. Международная статистика указывает на глубокую укорененность различий в поведенческих моделях между мужчинами и женщинами, а также однозначно свидетельствует о наличии устойчивых и статистически значимых гендерных различий и закономерностей в структуре и тяжести дорожно-транспортных происшествий.

Зарубежные исследования подтверждают универсальность таких закономерностей, при этом добавляют важный социокультурный контекст. Так, например, исследование специалистов Вестминстерского университета в Лондоне, опубликованное в журнале *Injury Prevention*, показало, что мужчины-водители представляют большую опасность на дороге, чем женщины. По мнению исследователей, основанному на анализе статистики дорожно-транспортных происшествий в Великобритании за период с 2005 по 2015 г., мужчины за рулем любого транспорта (вплоть до велосипеда) представляют намного больше опасности для окружающих, чем женщины. Они также установили, что риск причинения смерти другим участникам движения у мужчин – водителей легковых автомобилей в два раза выше, чем у женщин (в расчете на километр пробега). Для водителей грузового транспорта этот показатель увеличивается в четыре раза, а для мотоциклистов-мужчин – более чем в 10 раз. Авторы исследования в своей работе прямо указали на необходимость административного регулирования гендерного баланса (повышение гендерного равенства) в профессиях, связанных с управлением транспортными средствами, они убеждены, что это поможет снизить риски на дорогах [7].

Масштабное сравнительное исследование в рамках международной инициативы исследовательских организаций и институтов безопасности дорожного движения с использованием базы данных E-Survey of Road-Users' Attitudes (ESRA), охватившее 39 стран и 16 031 респондента, подтверждает, что независимо от культурного контекста, мужчины во всем мире демонстрируют более рискованное поведение, позитивное отношение к нарушениям и более низкое восприятие риска по сравнению с женщинами.

К наиболее интересным и неожиданным выводам этого исследования можно отнести так называемый гендерный парадокс, который заключается в том, что высокий уровень гендерного равенства (по оценкам Всемирного экономического форума) не только не нивелирует различия в стилях вождения, но и усиливает их. Так, в странах с высоким уровнем равенства в таких сферах, как экономика, образование и здравоохранение, мужчины демонстрируют более выраженное одобрение рискованного поведения при вождении по сравнению с женщинами. Данный феномен связывают с эссенциализацией гендерных стереотипов – в обществах, где отмечается значительный прогресс в обеспечении равенства прав и вытекающее из этого сближение социальных ролей, характерное поведение на дороге остается чуть ли не единственным проявлением маскулинности через риск.

Важное уточнение также вносится в понимание природы аварийности. Так, исследователи разделяют нарушения как сознательные отступления от правил

и ошибки – непреднамеренные промахи в оценке ситуации. Результаты метаанализа подтверждают, что мужчины статистически значимо чаще совершают именно нарушения (сознательное превышение скорости, проезд на запрещающий сигнал и т. п.), тогда как женщины при меньшей природной склонности к нарушениям чаще допускают ошибки при маневрировании, а также медленнее реагируют на изменения дорожной обстановки.

Это замечание имеет принципиальное значение с точки зрения административно-правового воздействия. Опираясь на него, можно предположить, что мужской агрессивный и рискованный стиль вождения требует усиления превентивных мер, направленных на борьбу с умышленными нарушениями (например, усиление ответственности за превышение скорости и управление автомобилем в состоянии опьянения). Женские ошибки, являющиеся следствием когнитивных особенностей или недостатка опыта, могут быть скорректированы путем совершенствования программ обучения и развития ситуационной осведомленности. Интересно, что исследования, связанные с использованием комплекса электронных систем помощи водителю в автомобиле (ADAS), показывают, что в критических ситуациях, требующих мгновенной реакции, значимых гендерных различий не выявляется, однако мужчины компенсируют это более рискованным стилем вождения при обычном управлении.

Гендерная асимметрия подтверждается и российской практикой. Согласно данным, обнародованным официальным представителем МВД России Ириной Волк, водители-мужчины значительно чаще становятся участниками и виновниками дорожно-транспортных происшествий с тяжкими последствиями [8]. По официальным данным Госавтоинспекции, за предыдущий год в возрастной группе 35–39 лет в дорожно-транспортных происшествиях погибли 735 мужчин и 75 женщин. Водители-мужчины совершили свыше 96 тысяч дорожно-транспортных происшествий, что в пять раз превышает аналогичный показатель у женщин (более 18 тысяч дорожно-транспортных происшествий). При этом наблюдалась негативная динамика: прирост числа дорожно-транспортных происшествий у мужчин составил 4,5 тысячи, у женщин – 1,2 тысячи по сравнению с предшествующим периодом. Анализ смертности в разрезе возрастных категорий демонстрирует кумулятивный эффект риска. Пиковые значения гибели мужчин-водителей приходятся на интервал 35–44 года (735 и 714 случаев соответственно). У женщин максимальные абсолютные значения смертности также фиксируются в группе 35–39 лет, однако они несопоставимы с мужскими (75 случаев), что составляет менее 10 % от мужской смертности в аналогичном возрасте [6; 10].

Официальная статистка может быть проиллюстрирована и дополнена результатами исследований, которые проводятся в области безопасности дорожного движения и смежных отраслях. Так, например, исследование М. Д. Белова и А. П. Казуна, основанное на анализе более 158 тысяч судебных решений по ст. 264 УК РФ за 2010–2022 гг., показывает, что 91,7 % всех случаев приходится на водителей-мужчин и что даже после учета различий в количестве водителей разного пола и количестве километров, которые они в среднем проезжают, мужчины в 3,25 раза чаще становятся виновниками дорожно-транспортных происшествий, по итогу которых возбуждаются уголовные дела. Одной из при-

чин такой разницы является безопасность езды. Мужчины чаще попадают в происшествия с отягчающими обстоятельствами. Почти в четверти случаев мужчины-водители управляют транспортным средством в нетрезвом виде, в то время как для женщин этот показатель составляет лишь 10 %. Ключевым фактором здесь выступает модель поведения: принятие мужской гендерной роли повышает моторные навыки вождения, а женской гендерной роли повышает навыки безопасного вождения. Возможно, это работает следующим образом – мужчины и женщины, обучаясь вождению, через стереотипы усваивают определенный стиль вождения, при котором для мужчин приемлем высокий уровень риска, а для женщин – высокий уровень осторожности [2, с. 143, 147].

Как видим, отечественная административно-правовая действительность также фиксирует не только количественную разницу, но и качественную специфику деликтов. Так, мужчины статистически значимо чаще привлекаются к ответственности за общественно опасные деяния: управление транспортом в состоянии опьянения (в два раза чаще женщин), систематическое превышение скоростного режима, агрессивные маневры. Женщины-водители, демонстрируя более высокий уровень правовой дисциплины в части грубых нарушений, статистически чаще допускают ошибки в оценке дорожной обстановки, медленнее реагируют на изменение погодных условий и допускают тактические ошибки при парковке и совершении маневров.

Объяснение таких закономерностей лежит в плоскости комплекса взаимосвязанных факторов, а именно:

– психофизиологические и поведенческие особенности: мужчины в среднем демонстрируют более высокую склонность к поиску новизны и готовность идти на риск, что за рулем трансформируется в агрессивное вождение, частые обгоны и систематическое превышение скорости, в то время как женщины склонны к более осторожной оценке потенциальных негативных последствий;

– социокультурные факторы и гендерные стереотипы: традиционные социальные роли, ассоциирующие мужественность с рискованностью и соревновательностью, а женственность с осторожностью, влияют на стиль вождения и могут создавать дополнительную психологическую нагрузку для женщин за рулем и провоцировать неадекватную оценку их компетенций со стороны других участников движения;

– особенности мобильности: мужчины статистически чаще управляют транспортными средствами в рамках профессиональной деятельности (дальние перевозки, такси), что увеличивает время их пребывания в зоне риска и способствует формированию специфического, более уверенного и иногда агрессивного стиля вождения.

Важно подчеркнуть, что пол сам по себе не является причиной дорожно-транспортных происшествий, но выступает маркером, за которым стоят конкретные, поддающиеся измерению особенности, модели поведения и обстоятельства. И именно они должны учитываться при разработке политики безопасности дорожного движения.

В российской правовой системе прямые административно-правовые нормы, дифференцирующие ответственность или меры воздействия в зависимости от пола водителя отсутствуют, что соответствует принципу равенства перед законом.

Однако учет гендерного фактора может и должен осуществляться опосредованно через призму управления конкретными рисками. При этом влияние пола не должно рассматриваться как повод для дискриминации и разделения, напротив, гендерную специфику нужно воспринимать как важный инструмент для разработки необходимых, более точных и действенных мер по сохранению жизни и здоровья всех участников дорожного движения в совокупности с другими факторами.

Интеграция гендерного фактора открывает новые возможности для создания более безопасной дорожно-транспортной среды и является перспективным шагом, позволяющим признать и принять во внимание разнообразие потребностей и рисков для разработки более точных, справедливых и результативных гендерно-ориентированных мер в рамках административно-правового регулирования. Учет гендерного фактора в административной политике не является инструментом феминизации или маскулинизации правоприменения. Это инструмент повышения общей эффективности системы безопасности дорожного движения, переход от формально-равного подхода к фактически равному (инклюзивному), что коррелирует с конституционным принципом равенства прав и свобод человека и гражданина.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие логические выводы:

1. Пол водителя является значимым административно-правовым фактором. Российская и зарубежная статистика неопровержимо свидетельствуют, что мужчины-водители являются группой повышенного риска. Разница в частоте и тяжести дорожно-транспортных происшествий обусловлена не столько психомоторными способностями, сколько моделью поведения: склонностью к сознательному нарушению ПДД, управлению транспортными средствами в состоянии опьянения и агрессивному стилю вождения.

2. Немаловажную роль играет социокультурный контекст. Гендерный парадокс, выявленный в международных исследованиях, показывает, что административно-правовые меры и политика гендерного равенства сами по себе не снижают автоматически рискованное вождение у мужчин. Это указывает на необходимость учета глубинных культурных стереотипов при разработке профилактических мероприятий.

3. Необходим дифференцированный подход в правоприменении и профилактике. Учитывая, что мужчины доминируют в структуре умышленных нарушений, а женщины – в структуре неумышленных ошибок, административно-правовая политика должна сочетать репрессивные меры (ужесточение санкций для злостных нарушителей-мужчин) с образовательными и инфраструктурными решениями, способными минимизировать последствия ошибок (характерных для женщин и неопытных водителей в целом).

Таким образом, учет гендерного фактора в административно-правовом регулировании безопасности дорожного движения должен выйти за рамки простой констатации различий и перейти к разработке адаптивных стратегий, сочетающих санкционное воздействие на сознательных нарушителей и повышение защищенности всех участников движения от неизбежных человеческих ошибок, созданию более точных, эффективных и справедливых механизмов, которые позволяют воздействовать на коренные причины аварийности, скрытые за гендерной статистикой.

Список литературы

1. Аналитические обзоры состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт Научного центра безопасности дорожного движения МВД России. URL: https://нцбдд.мвд.рф/ресурсы/аналитические-обзоры-состояния-безопасно.

2. Белов М. Д., Казун А. П. Берегись его автомобиля: почему мужчины за рулем опаснее женщин? // Социология власти. 2024. № 2. Т. 36. С. 142–163.

3. Кабалевская А. И. Гендерные стереотипы участников дорожного движения : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. М., 2012.

4. Левшунова Е. Н. Гендерные стереотипы непрофессональных водителей // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2019. № 1. С. 137–158 URL: file:///C:/Users/1/Downloads/gendernye-stereotipy-neprofessonalnyh-voditeley.pdf/.

5. Лобанова Ю. И. Боровская И. В. Гендер как фактор формирования стиля вождения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. № 1. Т. 3. С. 146–165.

6. МВД России: Мужчины чаще женщин становятся жертвами тяжких ДТП // Российская газета, URL: https://rg.ru/2025/03/21/mvd-rossii-muzhchiny-chashche-zhenshchin-stanoviatsia-zhertvami-tiazhkih-dtp.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F/

7. Мужчины за рулем оказались намного опаснее женщин. URL: https://naukatv.ru/news/26875.

8. Официальный представитель МВД России Ирина Волк о данных Госавтоинспекции за 2024 год. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/irina-volk-gosavtoinspektsiya-obnarodovala-dannye-o-vzaimosvyazi-smertelnykh-dtp-s-vozrastom-i-polom.

9. Петрова М. И. Социально-психологические особенности стереотипов восприятия женщин водителей // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 7 (95). С. 239–243.

10. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт Госавтоинспекции. URL: stat.gibdd.ru.

11. Смолин П. В. Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.2. М., 2023.

Магомедова З. И.[1],
доцент кафедры
административной деятельности
Тверского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В соответствии с ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ полиция осуществляет свою деятельность в точном соответствии с этим нормативным актом.

Согласно ч. 1 ст. 1.1 Кодекса Российской Федерации об административном правонарушении (далее – КоАП РФ) законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях [4].

За 2025 г. в КоАП РФ было внесено 206 изменений и дополнений, что отражает стремительную динамику как внутренних (например, злоупотребление средствами массовой информации), так и внешних (например, деятельности Евразийского экономического союза) процессов.

Если на основе анализа изменений федерального административно-деликтного законодательства попытаться выделить основные тенденции развития данной отрасли права, то можно отметить следующее:

1) самое большое количество изменений внесено в ст. 23.1 КоАП РФ, определяющую подсудность судей. Изменения обусловлены появлением новых составов административных правонарушений (введена административная ответственность за семь новых административных правонарушений). Например, с 15 декабря 2025 г. ст. 20.37 КоАП РФ введена административная ответственность за воспрепятствование законной деятельности работника ведомственной охраны или должностного лица военизированного и сторожевого подразделения организации, подведомственной федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, либо неисполнение законного требования работника ведомственной охраны или должностного лица военизированного и сторожевого подразделения организации, подведомственной федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации;

2) в связи с появлением новых составов правонарушений значительное количество изменений внесено в ст. 3.5 КоАП РФ, регламентирующую порядок взыскания административного штрафа, в том числе, например, при указании способов исчисления штрафа, кратного цене государственного (муниципального) контракта, договора (соглашения), контракта (договора);

---

[1] © Магомедова З. И., 2026.

3) расширена компетенция должностных лиц органов внутренних дел по составлению протоколов об административных правонарушениях (например, по незаконной передаче абонентом – физическим лицом или пользователем услугами связи абонента – юридического лица либо индивидуального предпринимателя абонентского номера, выделенного ему на основании договора об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи или предоставленного в пользование в рамках указанного договора, иному лицу, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния);

4) внесены изменения в норму права, регламентирующую сроки давности привлечения к административной ответственности, а именно, в части добавления новых составов административных правонарушений. Так, например, срок давности привлечения к административной ответственности по правонарушениям, предусмотренным ст.ст. 13.2.1, 13.4, 13.29, 13.29.3, 13.29.4, чч. 6 и 7 ст. 19.7.10 КоАП РФ), законодательства в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (в части административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 13.12.1 и 19.7.15 КоАП РФ установлен в течение года со дня совершения административного правонарушения;

5) дополнены положения статьи, предусматривающей ответственность должностных лиц. В том числе, дополнено примечание к ст. 2.4 КоАП РФ новым девятым предложением следующего содержания: «Лица, осуществляющие деятельность по проектированию средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений, которые введены в эксплуатацию, совершившие административные правонарушения, предусмотренные чч. 10 и 11 ст. 20.4 настоящего Кодекса, несут административную ответственность как должностные лица»;

6) расширен перечень лиц, к которым может быть применено наказание в виде дисквалификации (ст. 3.11 КоАП РФ). Так, дисквалификация может быть применена к лицам, осуществляющим деятельность по предоставлению (оказанию содействия в осуществлении отдельных полномочий при предоставлении) государственных и муниципальных услуг;

7) увеличено количество органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях. Так, в п. 6 ч. 1 ст. 22.1 КоАП РФ указаны финансовые органы субъектов Российской Федерации, осуществляющих казначейское сопровождение (указанными в гл. 23 КоАП РФ);

8) ограничены полномочия прокурора по возбуждению дел об административных правонарушениях, связанных, например, с нарушением требований законодательства, предусматривающих выдачу специальных разрешений на движение по автомобильным дорогам тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства, но увеличены полномочия в сфере нарушения порядка оказания содействия в осуществлении отдельных полномочий при предоставлении государственных услуг и исполнении функций в сфере миграции (ст. 28.4 КоАП РФ);

9) в ст. 27.3 КоАП РФ увеличено количество лиц, уполномоченных производить административное задержание;

10) требования по составлению (и направлению) протокола об административном правонарушении (ст. 28.8 КоАП РФ) дополнены положениями об электронном документообороте и необходимости направления вместе с протоколом и других материалов об административном правонарушении;

11) положения ст. 32.2 КоАП РФ дополнены возможностью уплаты административного штрафа иным физическим или юридическим лицом, но только по ст. 19.7.13 КоАП РФ;

12) уточнен круг адресатов возвращения протокола об административном правонарушении. Статья 29.4 КоАП РФ называет орган, должностное лицо которого составило протокол об административном правонарушении, лиц, указанных в ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ, составивших такой протокол;

13) упразднен ряд обязанностей по направлению (для исполнения) постановлений по делу об административном правонарушении в электронном виде с подписанием усиленной квалифицированной электронной подписью (ст. 29.10 КоАП РФ);

14) регламентированы сроки и порядок направления судебных постановлений, в том числе, о возвращении протокола об административном правонарушении (ст. 29.11 КоАП РФ);

15) регламентирован порядок направления судом на рассмотрение жалоб на постановления о возвращении протокола об административном правонарушении (ст. 30.2 КоАП РФ);

16) регламентирован порядок направления копии решения по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении (ст. 30.8 КоАП РФ).

Подверглись изменениям и дополнениям также составы некоторых административных правонарушений, в том числе:

1) статья 14.53. КоАП РФ, предусматривающая ответственность за несоблюдение ограничений и (или) нарушение запретов в сфере торговли табачными изделиями, табачной продукцией, никотинсодержащей продукцией и сырьем для их производства, кальянами, устройствами для потребления никотинсодержащей продукции, а также потенциально опасными газосодержащими товарами бытового назначения. Так, новеллой явилось добавление в неё ответственности, в связи с нарушением запретов при торговле потенциально опасными газосодержащими товарами бытового назначения (имеются в виду баллоны, содержащие топливо газообразное или сжиженное газообразное, используемые для повторной заправки сигаретных или аналогичных зажигалок);

2) статья 13.15 КоАП РФ, в ч. 2 которой предусмотрена ответственность за распространение информации об организации, включенной в опубликованный перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими, или об организации, включенной в опубликованный единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, без указания на то, что соответствующая организация ликвидирована или ее деятельность запрещена;

3) расширена объективная сторона состава правонарушения, предусмотренного ст. 19.4 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за воспрепятство-

вание законной деятельности должностного лица органа государственного контроля (надзора), должностного лица организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного контроля (надзора), должностного лица органа муниципального контроля.

Анализируя изменения КоАП РФ, следует отметить, что наибольшему количеству изменений подверглись статьи, посвященные полномочиям судей, органов, должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях (гл. 23).

Также особое внимание со стороны государства уделяется общественным отношениям в области связи и информации.

Вносились изменения в нормативно-правовую базу, регламентирующую предмет доказывания, доказательства, оценку доказательств, возбуждение дела об административном правонарушении, рассмотрение дела об административном правонарушении.

Законодатель уделил внимание процессуальной сфере административно-деликтного законодательства, в части регулирования его общих положений.

В связи с изменением внешних обстоятельств, много новелл появилось в гл. 16, регулирующей правоотношения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил).

Значительное количество изменений законодательства отмечено в гл. 14, в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций.

В КоАП РФ появились новые составы правонарушений, в том числе ст. 5.63.2 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение порядка оказания содействия в осуществлении отдельных полномочий при предоставлении государственных услуг и исполнении функций в сфере миграции; ст. 15.37.1 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за несоблюдение требования о ведении раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности при исполнении государственного (муниципального) контракта, договора (соглашения), контракта (договора), средства для исполнения обязательств по которым подлежат казначейскому сопровождению; ст. 20.37 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за воспрепятствование законной деятельности работника ведомственной охраны или должностного лица военизированного и сторожевого подразделения; ст. 13.43.1 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за неисполнение установленных законодательством в области связи обязанностей операторов связи, собственников или иных владельцев технологических сетей связи, собственников или иных владельцев точек обмена трафиком, собственников или иных владельцев линий связи, пересекающих Государственную границу Российской Федерации; ст. 13.54 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение требований законодательства при предоставлении и использовании вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Подведем некоторые итоги.

В современных реалиях применения санкционных ограничений рыночные условия требуют подробного урегулирования сторон в правовом поле, на что указывает в том числе В. А. Федотов [1, с. 164]. Одной из основных тенденций развития административно-деликтного законодательства является усиление ответственности за нарушение прав потребителей. Так, с 9 января 2026 г. вступил в законную силу Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 525-ФЗ, усиливающий ответственность за навязывание потребителю дополнительных товаров (работ, услуг) за отдельную плату.

Продолжается усиление ответственности за правонарушения, посягающие на безопасность дорожного движения. Например, по ст. 12.23 КоАП РФ усилена ответственность за нарушение правил перевозки людей: лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, будет нести административную ответственность как юридическое лицо. Данные изменения законодательства соответствуют позиции Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации, которая в сентябре 2025 г. выступила за усиление ответственности за некоторые правонарушения на дороге, опасные для водителей и пешеходов [2].

В связи с фактическим переименованием Таможенного союза в Евразийский экономический союз и заключением Договора о создании Евразийского экономического союза, в ряд статей из гл. 16 КоАП РФ внесены соответствующие изменения, в которых Таможенный союз заменен на Евразийский экономический союз, знаменующий расширение экономической интеграции (с трех до пяти стран).

Расширены возможности привлечения к административной ответственности за нарушение порядка деятельности иноагентов за пределами Российской Федерации. Данные изменения в целом говорят об усилении ответственности иноагентов, которые не исполняют требования должностных лиц Российской Федерации, скрываясь за рубежом. Следует отметить, что законодательство об иноагентах ещенаходится в стадии формирования, их правовой статус неясен, подлежит дальнейшему изучению.

Дальнейшее проникновение информатизации и цифровизации в сферу административно-деликтного законодательства. Так, например, предусмотрена возможность (право) составлять протоколы с помощью ВКС и веб-конференций.

Дальнейшее развитие противоэкстремистского законодательства. Так, федеральным законом от 4 ноября 2025 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в КоАП РФ внесены нормы об ответственности должностных лиц за неисполнение решений Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации. Предусмотрены штрафы в 30–50 тыс. руб. или дисквалификация на срок от одного до трех лет.

Полагаем, что общий вектор развития административно-деликтного законодательства заключается в перераспределении полномочий между мировыми судьями как основным звеном судебной системы, рассматривающим дела об административных правонарушениях, и административными органами; в дальнейшем распространении электронных форм административного производства; в увели-

чении внимания к регулированию вопросов потребительского рынка. Вопросы национальной безопасности обусловливают также усиление ответственности иноагентов, нарушающих установленный порядок деятельности и ответственность за совершение правонарушений экстремистской направленности.

Кроме того, полагаем, что создание ЕАЭС должно оказать влияние на содержание КоАП РФ, поскольку на настоящий момент, несмотря на действие единого таможенного законодательства, национальные законодательства стран-участников об административной ответственности за правонарушения в области таможенного дела от него отличаются.

Список литературы

1. Федотов В. А. Административно-правовое регулирование в сфере защиты прав потребителей в Российской Федерации // International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol 4–4 (55). Pp. 164–169.

2. Совбез призвал к усилению ответственности за опасные дорожные нарушения. URL: https://ria.ru/20250911/komissija-2041241139/.

3. Федеральный закон Российской Федерации от от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

Малахов С. А.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
старший преподаватель
УПиПД ЮИ РУТ МИИТ,
кандидат юридических наук

ПРИНЦИП ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ

Статья 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) провозглашает принцип защиты прав и свобод человека и гражданина. Данный принцип может иметь и другое, более лаконичное название – принцип высшей ценности человека. Логически он вытекает из отказа от идеологизированной государственности и утверждает систему координат, в которой публичная власть обретает легитимность лишь через служение интересам личности. Во взаимосвязи с данным предписанием находится ч. 1 ст. 3 Конституции РФ, определяющая, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее народ. Предполагается, что публичная власть в своей деятельности реализует интерес народа России, где основной ценностью являются права и свободы человека и гражданина.

Правовой анализ ст. 2 Конституции РФ демонстрирует ее важное значение для всей конституционной системы государства, поскольку данная норма закрепляет антропоцентрический принцип, при котором человек выступает не средством, а целью государственного существования. В свою очередь, ограничение прав и свобод человека и гражданина является исключением из правил [1, с. 133].

Содержащееся в первом предложении нормы ст. 2 Конституции РФ положение о высшей ценности прав и свобод человека корреспондирует с положениями Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., отражая универсальные стандарты конституционализма, тогда как второе предложение в норме устанавливает позитивную обязанность государства по трем взаимосвязанным направлениям: признанию (юридическому закреплению), соблюдению (пассивному невмешательству) и защите (активным мерам правоприменения) конституционных прав. Это находит свое продолжение в позициях Конституционного Суда Российской Федерации, основанных, кроме названных, на ст. 18 Конституции РФ (о том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов – Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П и др.).

В законодательстве об административных правонарушениях отдельной нормы-принципа защиты прав и свобод человека и гражданина нет, вместе с тем отдельные элементы, составляющие структуру принципа, имеются в со-

[1] © Малахов С. А., 2026.

вокупности взаимосвязанных статей КоАП РФ. Для их исследования необходимо прежде всего определить структуру самого принципа (понять, какие требования его составляют).

По мнению некоторых авторов (специалистов в обрасти уголовного процесса) сущность принципа защиты прав и свобод человека и гражданина состоит в триединстве основных элементов данного принципа: в недопущении нарушения прав и свобод в ходе процесса, ограничении прав и свобод исключительно в случаях, предусмотренных законом, а также в восстановлении прав и свобод, подвергшихся нарушению как со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, так и со стороны третьих лиц [3, с. 10].

Представляется, что авторская позиция верно отражает динамику реализации принципа, но упускает его не менее важный элемент. В представленной позиции игнорируется первичный этап позитивного нормативного признания прав, который предшествует их охране и защите, он заключается в имплементации в законодательство конкретных юридических механизмов и процедурных возможностей (права на защиту, на обжалование и др.).

Без такого процедурного развития (юридического закрепления прав), выступающего материальной основой для последующей защиты, реализация принципа защиты прав и свобод человека и гражданина становится усеченной, поскольку его содержание и границы не определены законом.

В связи с этим в структуру принципа защиты прав и свобод человека и гражданина в административно-деликтном праве входят следующие требования: нормативное признание (легализация) прав и свобод; создание эффективных превентивных (предупредительных) мер для недопущения нарушений со стороны правоприменителей; установление исчерпывающих оснований для любых ограничений; наличие действенных восстановительных и компенсационных механизмов, обеспечивающих возмещение вреда, причиненного как незаконными действиями (бездействием) должностных лиц, так и вынесением неправомерного постановления (иного процессуального решения).

Исходя из представленных элементов принципа защиты прав и свобод человека и гражданина в административно-деликтном праве можно попытаться определить его нормативное оформление в КоАП РФ.

Нормативным ядром данного принципа выступают ст.ст. 1.1, 1.2 и 1.4 КоАП РФ. Положение ст. 1.1 Кодекса о том, что законодательство об административных правонарушениях основывается на Конституции Российской Федерации, служит ключевой нормой-основанием. Тем самым реализуется первый элемент принципа, а именно нормативное признание фундаментальных прав как основы для всего законодательства. Более конкретно целеполагание защиты раскрывается в ст. 1.2 КоАП РФ, где защита личности, прав и свобод человека названа одной из задач законодательства. Принцип равенства перед законом (ст. 1.4 КоАП РФ) выступает в этом контексте обязательной предпосылкой справедливой защиты, исключающей дискриминацию в доступе к правовым гарантиям. В данной части прослеживается взаимосвязь принципов административно-деликтного права.

Следует полагать, что содержание принципа защиты прав и свобод человека и гражданина, выраженное в нормах КоАП РФ, требует своего дальнейшего осмысления, в рамках более объемной научно-исследовательской работы, с учетом определенной в настоящей статье структуры принципа. Основным направлением такого исследования будет являться определение того насколько полно он реализуется в нормах КоАП РФ и каким образом его реализация соответствует правовой политике, проводимой государством в настоящее время.

В завершение необходимо заметить, что сам принцип целесообразнее обозначить как «принцип высшей ценности прав и свобод человека и гражданина». Сама по себе данная ценность фактически выражается в охране и защите прав и свобод человека и гражданина (отметим, что охрана и защита являются предельно близкими, но не тождественными категориями [2]).

Список литературы

1. Лебедев В. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 1 (122). С. 130–139.

2. Тенсина Е. Ф. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. № 5. С. 917–923.

3. Федорова О. В. Защита прав и свобод человека и гражданина – принцип уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

Малахова Н. В.[1]*,*
доцент кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ

По мнению ученых разных поколений, административная деятельность полиции (милиции) всегда была сосредоточена на выполнении функций по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, борьбе с преступностью. Содержательный аспект данной деятельности заключается в защите населения от противоправных посягательств, создании условий для нормальной жизнедеятельности граждан, общества, государства. В результате такой работы у жителей нашей страны формируется чувство защищенности от негативных угроз и (что немаловажно) создается положительный образ сотрудника полиции. Важно отметить, что эффективная реализация указанных функций оказывает существенное воздействие на решение поставленных задач в сфере внутренних дел. Данный вывод можно рассматривать как основополагающую характерную особенность административной деятельности полиции.

В научной литературе, говоря о сущностных особенностях содержания административной деятельности полиции, принято проводить сравнительный анализ с такими основными видами деятельности органов внутренних дел, как уголовно-процессуальная и оперативно-разыскная. Такой подход объективно оправдан, поскольку дает возможность расширить диапазон исследования и увидеть отличия, наиболее характерные как для административной деятельности полиции, так и для указанных выше видов деятельности.

Исходя из этого, на первый план выходит необходимость рассмотрения вопроса о правовом регулировании административной деятельности полиции. Следует подчеркнуть, что осуществляя данный вид деятельности, полиция базируется на нормах административного права, определяющих, прежде всего, статус органов и подразделений полиции, их место в системе МВД России, а также круг их полномочий по решению задач в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. То есть в ходе выполнения функций административной деятельности, сотрудники реализуют в основном нормы административного права. Их перечень является не только объемным по количеству, но и разнообразным по содержанию. Эти нормы охватывают вопросы оборота оружия и наркотических средств, безопасности дорожного движения, охраны общественного порядка, природопользования, здоровья человека, нравственности и многие другие. Система правового регулирования включает в себя

[1] © Малахова Н. В., 2026.

законодательные акты, подзаконные нормы права, а также международные нормы и соглашения.

В свою очередь, круг нормативных правовых актов, регулирующих вопросы уголовно-процессуального и оперативно-разыскного характера, значительно уже и имеют соответствующую предметную направленность [1]. И это указывает еще на одну содержательную (отличительную) особенность административной деятельности полиции.

Анализ нормативных правовых актов, определяющих полномочия сотрудников органов внутренних дел, также позволяет установить еще одну важную характерную особенность. Она связана с составом субъектов, осуществляющих изучаемые виды деятельности.

Так, согласно ст. 5 УПК РФ предварительное расследование по уголовному делу ведут органы дознания, дознаватели и следователи.

В свою очередь, оперативно-разыскной деятельностью уполномочены заниматься оперативные подразделений органов внутренних дел, перечень которых определен Приказом МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 [6] и является исчерпывающим. К ним относятся подразделения: уголовного розыска, экономической безопасности и противодействия коррупции, собственной безопасности, оперативно-поисковые, специальных технических мероприятий, по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий и др.

Что же касается административной деятельности, то здесь ситуация несколько сложнее. Нормативный перечень органов, выполняющих функции административного характера, отсутствует. Для определения подразделений полиции, задействованных в выполнении задач административной направленности, обратимся к понятию данной деятельности, которое сформулировали ученые, если можно так выразиться, еще милицейского периода: «Административная деятельность органов внутренних дел представляет собой исполнительно-распорядительную деятельность по организации работы служб и подразделений указанных органов и практическому осуществлению административно-правовыми способами охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью» [8, с. 5]. Опираясь на данное определение, мы можем с полной достоверностью выделить наличие двух видов административной деятельности – внутренней и внешней. Внутреннее направление деятельности связано с организацией работы служб и подразделений органов внутренних дел. Это работой занимаются кадровые, финансовые, тыловые подразделения и т. п. Причем эти подразделения могут входить в состав органов, реализующих уголовно-процессуальные и оперативно-разыскные функции.

В свою очередь, практическое осуществление административно-правовыми способами охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью реализуется патрульно-постовой службой полиции (наиболее многочисленное подразделение полиции), подразделениями участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних, ГИБДД, охранно-конвойными подразделениями и их сотрудниками и др.

Таким образом, названия тех органов и подразделений, которые занимаются уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью косвенно,

даже без учета решаемых ими задач и охраняемых общественных отношений, указывают только на внешний характер их деятельности. В то время как административная деятельность полиции имеет более широкое предназначение, включающее в себя решение внутренних и внешних задач. Внутриорганизационные вопросы – это разработка и совершенствование организационной структуры органов внутренних дел, работа с кадрами, материально-техническое обеспечение, создание и ведение системы учета, отчетности, планирования, контроля, организация внутреннего и внешнего взаимодействия, подготовка и реализация управленческих решений и др. Как правило, эта деятельность носит штабной или обеспечительный характер.

Внешний вид деятельности, говоря кратко, направлен на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. И это, безусловно, основной вид деятельности. В свою очередь, решение внутриорганизационных вопросов, являясь важной частью функционирования органов внутренних дел, носит все же вспомогательный характер и направлен на обеспечение деятельности этих органов, созданных для защиты прав и свобод граждан от противоправных посягательств.

Говоря о разделении административной деятельности полиции на два вида, следует подчеркнуть, что в данном случае критерием для их разграничения является целевое предназначение.

Исходя из сказанного, становится очевидным, что элементы внутриорганизационного характера административной деятельности встроены в работу подразделений оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной направленности. Это связано с необходимостью управления соответствующими внутриорганизационными процессами. Таким образом, выявлена еще одна специфическая характеристика содержательного аспекта рассматриваемой нами деятельности.

Хотелось бы более подробно остановиться на основных, внешних видах административной деятельности полиции. Это желание обусловлено наличием еще ряда важных особенностей. Для их установления нам необходимо обратиться к законодательству Российской Федерации, в частности к Закону о полиции [4], согласно которому ключевыми направлениями административной деятельности полиции являются: защита личности, общества, государства от противоправных посягательств, предупреждение и пресечение административных правонарушений, осуществление производства по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний; обеспечение правопорядка в общественных местах, а также обеспечение безопасности дорожного движения и др. (ст. 2). Направления административной деятельности органов внутренних дел (полиции), как уже указывалось, предопределяют специфику данной деятельности, которая в конечном итоге носит полицейский характер. По мнению ученых, «полицейский характер проявляется именно в правоохранительном аспекте административной деятельности. В ходе полицейской деятельности осуществляется применение мер прямого административного воздействия, связанного с принуждением, надзором, противодействием административным правонарушениям. Нужно отметить, что деятельность по борьбе с административными правонарушениями носит межотраслевой

характер, однако в этом процессе, одна из ключевых задач отводится полиции как самой универсальной полицейской структуре» [9, с. 4].

В продолжение сказанного необходимо отметить предупредительный (профилактический) характер внешней административной деятельности полиции, на что указывает ст. 6 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в которой представлен перечень основных направлений профилактики правонарушений:

– «предупреждение правонарушений;

– развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений;

– охрана общественного порядка, в том числе при проведении спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий;

– обеспечение общественной безопасности, в том числе безопасности дорожного движения и транспортной безопасности;

– предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних» и др. [5]

Наличие профилактического аспекта в содержании административной деятельности полиции указывает на еще одну важную характерную особенность данной деятельности.

Следует также подчеркнуть, что административная деятельность полиции осуществляется от имени государства уполномоченными на то субъектами, которые реализуют свои обязанности, используя специфические формы и методы, отличающие ее от иных видов деятельности органов внутренних дел. Нужно отметить, что формы и методы воздействия определяют качество правоприменительного процесса, а также содержание соответствующей работы. Административная деятельность реализуется в двух формах – правовой (правоустановительной и правоприменительной) и неправовой (организационной и материально-технической).

Не утратили своей актуальности универсальные (общие) методы административной деятельности – это убеждение (воспитание, поощрение, правовая пропаганда и др.) и принуждение (меры административного предупреждения; меры административного пресечения; меры административно-процессуального обеспечения; меры административной ответственности (административные наказания). Они имеют разные основания своего применения и соответственно различны с функциональной точки зрения, однако цель применения данных методов одна – формирование должного правопорядка в той сфере, где эти методы используются. Данные методы взаимно дополняют друг друга и, можно сказать, составляют единый метод воздействия, в рамках которого сочетаются дозволительные и запретительные предписания [9, с. 29]. Используемые полицией формы и методы указывают на то, что административная деятельность органов внутренних дел (полиции) по своим правовым качествам носит государственно-властный, а также исполнительно-распорядительный характер. Сотрудник полиции при реализации административных функций является представителем государственной власти, которому законом предоставлено пра-

во при наличии на то оснований применять меры принудительного или административно-регулирующего характера. Таким образом, государственно-властный характер административной деятельности проявляется в том, что законные требования сотрудника полиции, осуществляющего данную деятельность, обязательны к выполнению.

Нельзя не упомянуть еще одно специфическое направление административной деятельности органов внутренних дел (полиции) – предоставление государственных услуг. МВД России находится на первом месте по количеству предоставляемых государственных услуг (более 30 видов). Они предоставляются через систему МФЦ либо в ином порядке. Система государственных услуг затрагивает различные зоны ответственности МВД России. Это, например, проведение экзаменов на право управления транспортными средствами и выдача водительских удостоверений; предоставление сведений об административных правонарушениях в области дорожного движения; выдача справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования; выдача справок о том, является или не является лицо подвергнутым административному наказанию за потребление наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ без назначения врача и др. Безусловно, данный вид деятельности указывает еще на одну отличительную особенность административной деятельности органов внутренних дел (полиции).

Продолжая рассмотрение особенностей административной деятельности полиции, представляется необходимым обратиться к ее сущностному содержанию, который связан с ее терминологическим определением. Латинское слово administratio (администрация) является синонимом слов «управление», «руководство». Под администрацией понимаются: «1) государственные органы, осуществляющие управление; 2) руководящий персонал какого-либо учреждения, предприятия». А администрировать – значит «управлять, заведовать, руководить людьми».

«Любой коллектив, любая социальная организация – это управляемая группа людей. Управленческие отношения всегда были и будут, пока существует человеческое общество. Участниками управленческих отношений выступают субъект и объект воздействия. Их правовое опосредование превращает обе стороны в субъектов правоотношений, носителей определенных прав и обязанностей. Субъекты административной власти наделены правом решать. Более того, они во многих случаях вправе применять самые разнообразные меры воздействия на других участников правоотношений. В частности, они могут потребовать объяснений, дать указания, использовать средства административного или дисциплинарного принуждения» [7 с. 21, 24–25].

По сути, при реализации полицией тех или иных направлений внешней административной деятельности осуществляется государственное управление в сфере внутренних дел.

Административная деятельность органов внутренних дел носит организационный характер. В ходе данной деятельности осуществляется полицейское воздействие, а также полицейское управление социальными, а в некоторых случаях экономическими процессами. В рамках административной деятельности

создаются формы взаимодействия различных органов власти и управления, осуществляется координация управленческих структур в решении совместных задач. Организационный аспект административной деятельности проявляет себя при осуществлении таких управленческих функций, как контроль, надзор, учет, анализ и др. Данные функции управления важны для административной деятельности, в частности для оценки ситуации, связанной с обеспечением правопорядка [9, с. 14].

Резюмируя проведенное исследование, можно сказать, что административная деятельность полиции – это государственно-властная, правоприменительная деятельность, осуществляемая в границах, установленных нормативными правовыми актами полномочий органов, структурных подразделений, должностных лиц, по осуществлению функций государственного управления в сфере внутренних дел административно-правовыми способами в контексте предназначения полиции.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.

4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 28.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

5. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 23.06.2016.

6. Приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность» // Официальный сайт МВД России. URL: https://mvd.consultant.ru/documents/1058162.

7. Бахрах Д.Н. Административное право России : учебник для вузов. М. : Норма, 2002. С. 21, 24–25.

8. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Общая : учебник. М. : ЦОКР МВД России, 2009. С. 5.

9. Административная деятельность органов внутренних дел : учебник / под ред. М. В. Костенникова, А. В. Куракина, А. В. Зубача. М. : Инфра-М, 2023. С. 29.

Мирошниченко А. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

Водяная М. Ю.[2]*,*
доцент кафедры
административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

КОМПОЗИЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 7.27 КОАП РФ, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Информационное общество порождает новые виды угроз и риски, которые затрагивает все слои населения. В последние годы значительно возросло количество случаев неправомерного завладения имуществом, совершаемого с использованием компьютерных сетей и мобильных приложений. Подобные обстоятельства требуют внесения изменений в действующее законодательство, расширения перечня статей, касающихся противоправных действий в цифровой среде.

Правонарушения, касающиеся присвоения чужих денежных средств или иного имущества с использованием информационных технологий, имеют ряд существенных отличий от классических хищений. Прежде всего изменяется сам предмет правонарушения. Вместо физического перемещения вещей происходит несанкционированный доступ к электронным ресурсам и базам данных. Такое деяние создает серьезные угрозы финансовым интересам физических и юридических лиц. Использование информационных технологий влияет на сложность квалификации и своевременности выявления фактов правонарушения. Распространенность дистанционных платежей, банковских переводов и сервисов хранения активов привела к росту числа противоправных действий подобного рода. Поэтому задача науки и практики заключается в выработке критериев идентификации признаков данного вида правонарушения и установлении оптимального объема привлеченных правоохранительных сил для борьбы с ним.

В общей теории права под мелким хищением понимается умышленное противоправное извлечение чужого имущества, заключающееся в тайном или открытом завладении ценностями или средствами владения иным способом, без

[1] © Мирошниченко А. В., 2026.
[2] © Водяная М. Ю., 2026.

согласия владельца и с целью обращения их в личную выгоду, если размер ущерба не превышает установленный законом предел [1].

Элементы понятия мелкого хищения:

1) признак противоправности (действия лица направлены на получение имущества, которое принадлежит другому субъекту, при отсутствии законных оснований для такого обладания);

2) умышленность (необходимость наличия прямого умысла на совершение хищения подразумевает осознанное намерение лица похитить чужое имущество);

3) завладение имуществом (непосредственное взятие чужого имущества или осуществление контроля над ним с последующим обращением в собственную пользу. К этому следует отнести и такие виды преступных посягательств, как кража, грабеж, мошенничество, присвоение и растрата);

4) размер похищенного (он определяет решающую роль в квалификации правонарушения, так как российское законодательство ограничивает пределы мелкого хищения суммой ниже определенной величины, так, согласно ст. 7.27 КоАП РФ, сумма составляет менее 2500 руб.);

5) формы проявления (если российское уголовное законодательство разграничивает виды хищения, например, кража, грабеж, мошенничество, присвоение и растрата, то административное законодательство объединяет эти в виды в одном понятии «мелкое хищение»).

Объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ, являются охраняемые законом общественные отношения, связанные с обеспечением неприкосновенности частной собственности. Конкретно, объектами посягательства выступают отношения собственности в части имущественных прав частных лиц, предприятий и организаций; объективная сторона представляет собой внешние признаки правонарушения, выразившиеся в форме мелкого хищения чужого имущества; субъектом данного правонарушения является физическое лицо, достигшее возраста административной ответственности (ст. 2.3 КоАП РФ), признанное вменяемым и обладающее способностью нести административную ответственность за свои поступки; субъективная сторона характеризуется наличием прямого умысла, направленного на лишение собственника имущества с корыстной целью. Должно быть доказано, что лицо осознавало противоправность своих действий и стремилось обогатиться за счет чужого имущества.

Электронная трансформация кардинально меняет характер и содержание посягательств на собственность. Это обстоятельство должно находить адекватное отражение в современном законодательстве [2]. Правовая характеристика мелкого хищения, совершенного в цифровой среде, определяется внешними критериями объективной стороны, в качестве которой выступают способ хищения, объем похищенного имущества и наличие признаков совершения правонарушения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, сети Интернет, т. е. в цифровом пространстве при использовании ПК или иных гаджетов.

Обратим внимание, что традиционные предметы хищения – реальные материальные ценности (деньги, товары, ценные бумаги). В цифровом пространстве предметом хищения чаще всего становятся электронные деньги, криптовалютные активы, личные данные и платежные реквизиты. Процесс восстановления

потерянного имущества в таком случае намного сложнее, так как восстановление цифровых активов требует особых навыков и оборудования.

Представляется, что квалификация мелкого хищения, совершенного в цифровой среде, имеет ряд специфических черт, выделяющих этот вид правонарушения среди традиционных форм хищений за счет способа его совершения. Мелкое хищение в интернете чаще всего осуществляется путем:

1) мошенничества, заключающегося в хищении чужого имущества или приобретении права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, используя поддельные веб-сайты, фальшивые письма или рекламные объявления;

2) взлома аккаунтов, через банковские счета, профили в платежных системах или электронную почту;

3) использование вредоносных программ при установке вирусов, шпионского программного обеспечения позволяет злоумышленнику незаметно получать финансовую информацию и осуществлять переводы.

Особый интерес представляет совершение правонарушения, когда в результате противоправных действий утрачивается не физическая вещь, а цифровая запись, содержащая денежную сумму или иной ценный ресурс. Подобная ситуация создает особые условия для квалификации правонарушения, вынуждая правоохранительные органы искать следы нарушения и устанавливать личность подозреваемого даже в условиях анонимности или удаленности места происшествия.

Рассмотрение проблемы раскрытия мелкого хищения, совершенного в сети Интернет, является важной темой для юриспруденции и информатики одновременно. Исследуя данную проблему, мы сталкиваемся с несколькими ключевыми аспектами, которые влияют на сложность раскрытия таких правонарушений и вызывают определенные трудности для правоохранительных органов.

Во-первых, информационная среда и киберпреступность. Сеть Интернет предоставляет уникальную среду для криминальной деятельности, где традиционные физические ограничения отсутствуют. Правонарушители могут действовать анонимно, используя разнообразные технологические приемы для сокрытия своего местонахождения и личности. Современные технологии шифрования, прокси-серверы, VPN-сервисы и ботнеты делают идентификацию реального автора преступления крайне сложной задачей [3].

Широкая доступность цифровых инструментов позволяет любому человеку совершать действия, нарушающие закон, оставаясь практически незаметным для правоохранительной системы. Простота приобретения и использования нелегальных сервисов делает противоправные деяния в киберпространстве массовым явлением.

Международная юрисдикция и локализация преступлений. Мелкие хищения, совершенные в интернете, часто носят международный характер. Пользователь может находиться в одной стране, жертва – в другой, сервер, хранящий данные, – в третьей. Такая географическая неопределенность создает значительные юридические и операционные трудности для судебных органов и полиции разных стран [4].

Международные соглашения и конвенции по борьбе с киберпреступностью, такие как Конвенция Совета Европы о киберпреступности (BudapestConvention), призваны облегчить обмен информацией и координацию усилий правоохранительных органов разных государств. Однако полноценная реализация таких соглашений осложняется разными подходами к защите данных и конфиденциальности в разных странах.

Недостаточность доказательной базы. Сбор доказательств в деле о мелком хищении в интернете представляет серьезную проблему. Электронные улики легко уничтожаются или искажаются, транзакции сложно восстановить, а следы хакерской атаки быстро исчезают из памяти компьютера жертвы. Зачастую доказать прямую причастность конкретного лица к противоправным действиям бывает невозможно. Более того, органы внутренних дел, осуществляющие производство по делам об административных правонарушениях данной категории, имея определенные инструменты доказывания, сталкиваются с недостаточно организованной системой взаимодействия с органами Роскомнадзора, что замедляет сбор доказательств.

Для успешного раскрытия правонарушения необходима целостная цепочка доказательств, подтвержденных юридически значимой документацией. Важную роль играют банковские выписки, скриншоты переписок, договоры, подтверждающие факт обмана.

Несмотря на то, что данные противоправные деяния широко распространены, судебная практика по данным делам весьма скудная. Полагаем, этот феномен связан именно с технической сложностью доказывания, что вынуждает должностных лиц, осуществляющих производство, при поступлении заявления о факте мелкого хищения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, при этом не возбуждая дело об административном правонарушении. Судебная практика также позволяет сделать вывод, что дела по факту кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, все чаще прекращаются за малозначительностью, например, когда сумма ущерба составила 349 руб.

Высокий уровень технической грамотности злоумышленников. Правонарушители, действующие в сети, обладают значительным уровнем технического образования и способны создавать программы и алгоритмы, позволяющие избегать обнаружения. Многие вредоносные программы специально разработаны таким образом, чтобы избежать отслеживания антивирусными системами и правоохранительными инструментами.

Прогресс в технологиях машинного обучения и искусственного интеллекта усиливает способности злоумышленников, позволяя автоматизировать и масштабировать их операции. Традиционные методики взлома и защиты теряют свою эффективность, создавая дополнительную опасность для жертв и правоохранительных органов.

В качестве еще одного аспекта можно выделить социально-психологические факторы и поведение пользователей. Многие пользователи сети Интернет оказываются жертвами мелких хищений потому, что игнорируют базовые правила безопасности и легко поддаются психологическому воздействию. Психология

пользователя оказывает значительное влияние на вероятность стать жертвой. Эта особенность человеческой психики широко используется злоумышленниками для фишинга и социальной инженерии.

Таким образом, квалификация мелкого хищения, совершенного в интернете, требует учета специфичных признаков, отличающих его от традиционных видов хищений. Учитывая специфический предмет хищения, полагаем целесообразным дополнить ст. 7.27 КоАП РФ ч. 4 следующего содержания: «Мелкое хищение чужого имущества, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет».

Проблема раскрытия мелкого хищения, совершенного в сети Интернет, чрезвычайно сложная и многоаспектная. Решение этой проблемы требует совместных усилий юристов, инженеров, IT-специалистов, социологов и психологов, сотрудников правоохранительных органов.

Некоторые из предложенных мер включают: повышение уровня компьютерной грамотности населения, усиление международного сотрудничества и гармонизацию национальных законов в области киберпреступности, развитие новых технологий, таких как биометрическая аутентификация и интеллектуальные системы анализа больших данных, улучшение методов и техники криминалистики, адаптированных к условиям цифрового пространства.

Появление новых технологических реалий и широкое распространение интернет-технологий создали принципиально новую обстановку для совершения противоправных действий, сопряженную с уникальными рисками. Поэтому, целесообразно включить в КоАП РФ новый квалифицированный признак, подчеркивающий повышенную общественную опасность мелкого хищения, совершенного в сети Интернет. Данная мера послужит дополнительным превентивным средством, усиливающим санкционную политику государства в сфере информационной безопасности и защиты граждан от противоправных действий в цифровой среде.

Список литературы

1. Филиппов О. Ю. Понятие и особенности состава мелкого хищения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3. С. 112–114.

2. Загуменный К. И. Проблемы определения объекта и предмета мелкого хищения чужого имущества // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15, № 4-1. С. 109–120.

3. Родивилина В. А., Родивилин И. П., Коломинов В. В. Проблемы противодействия использованию анонимности в сети интернет в преступных целях // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4. С. 68–79.

4. Сафоева С. М. Границы юрисдикции в киберпространстве: трансформация гражданско-правовых отношений // Universum: экономика и юриспруденция. 2023. № 8 (107). URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/15821.

Морозова М. Н.[1]*,*
преподаватель кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Рассматривая вопрос о привлечении юридического лица к административной ответственности, следует остановиться на основной концепции, служащей основой определения малозначительности деяния. Исследуемая проблема неоднократно становилась предметом научной дискуссии среди ученых-административистов.

Законодательное определение малозначительности правонарушения содержится в акте толкования, согласно п. 21 Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Российской Федерации». Малозначительным является деяние, которое формально содержит признаки административного правонарушения, однако его последствия не представляют существенного нарушения охраняемых правоотношений. При этом данные о личности, имущественном положении, о добровольном устранении ущерба не имеют значения при определении малозначительности деяния.

В ст. 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях законодателем не определен перечень каких-либо составов административных правонарушений, к котором может быть применена оценка деяния как малозначительного [2].

По мнению О. Н. Шерстобоева, малозначительность административного правонарушения следует рассматривать с точки зрения его состава, аргументируя это важностью и ценностью каждого его элемента [3].

А. В. Непринцев высказывал противоположное мнение и настаивал на необходимости рассмотрения исключительно объективной стороны противоправного деяния, поскольку только она отражает внешние признаки деяния и степень его негативного воздействия, в частности степени и характера причинения вреда [4].

Данные концепции представляют собой обоснованный подход, так как при определении малозначительности совершенного деяния в первую очередь должна анализироваться его объективная сторона, факультативно дополненная характеристиками иных элементов состава правонарушения.

---

[1] © Морозова М. Н., 2026.

При определении малозначительности противоправного деяния в случае его совершения юридическим лицом также важно установить основные критерии объективной стороны и иных элементов административного правонарушения.

После установления состава правонарушения необходимо выявить формальные условия для наступления административной ответственности, оценить их с точки зрения противоправности и общественной опасности, а также причинения вреда общественным отношениям и только потом решить вопрос о применяемой в данном случае санкции, т. е. мере наказания, соответствующей совершенному деянию.

Зачастую при совершении правонарушения с формальным составом затрагивается порядок государственного управления в определенной области общественных отношений, и зачастую причинение вреда вообще не является последствием такого деяния.

Исследуя критерий малозначительности применительно к институту административной ответственности юридических лиц, следует остановиться на признаках, характерных исключительно для данных субъектов правовой системы и основанных на анализе правоприменительной практики:

1. Малозначительность деяния представляет собой оценочную категорию, требующую в своей сущности установления фактических обстоятельств дела, при рассмотрении административного дела по существу.

2. В случае нарушения обязательств по обеспечению какого-либо объекта тяжелое финансово-экономическое и экономическое состояние юридического лица не может считаться основанием для малозначительности деяния.

3. Устранение юридическим лицом части нарушений, возникших вследствие совершения административного противоправного деяния, не является основанием для признания его малозначительным.

4. В случае совершения юридическим лицом правонарушения в области предоставления отчетности при отсутствии реальной угрозы охраняемым общественным отношениям, а также интересам общества и государства при отсутствии факта повторного привлечения юридического лица к административной ответственности правонарушение может определяться как малозначительное [5].

Соответственно, малозначительность административного правонарушения, совершенного юридическим лицом, должна определяться с учетом отрасли общественных отношений, в которой произошло нарушение, и степени причиненного общественного вреда (даже потенциального).

Так, если речь идет о сферах, от которых зависит, например, жизнь и здоровье граждан, безопасность общества и государства, экологическая и транспортная безопасность, то малозначительность должна исключаться в принципе (например, пожарная безопасность, изготовление и оборот оружия и др.).

В первую очередь, это обусловлено наличием реальной угрозы охраняемым общественным отношениям вне зависимости от непосредственного наступления последствий.

Все эти проблемы обусловлены отсутствием четкого перечня критериев малозначительности деяния для каждого отдельно рассматриваемого дела. Определение малозначительности совершаемого правонарушения определяется со-

гласно внутренним убеждениям правоприменителя (суда или должностного лица, обладающего административно-юрисдикционными полномочиями по рассмотрению дела об административном правонарушении).

Для решения проблемы представляется целесообразным расширение нормы о толковании малозначительности посредством включения в нее еще нескольких критериев, в частности, отсутствием у правонарушителя желания и умысла на возникновение последствий, представляющих высокую степень вреда, причиненного общественным отношениям, и нецелесообразностью привлечения лица к административной ответственности.

При определении малозначительности противоправного деяния в случае его совершения юридическим лицом также важно установить основные критерии объективной стороны и иных элементов административного правонарушения.

После установления состава правонарушения необходимо выявить формальные условия для наступления административной ответственности, оценить их с точки зрения противоправности и общественной опасности, а также причинения вреда общественным отношениям, и только потом решить вопрос о применяемой в данном случае санкции, т. е. мере наказания, соответствующей совершенному деянию.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Российской Федерации». 2005. № 5 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

3. Шерстобоев О. Н. К вопросу о малозначительности административных правонарушений: некоторые проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 57–60.

4. Непринцев А. В. Еще раз о малозначительности административных правонарушений // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 70–72.

5. Козицына Н. А. Понятие малозначительности правонарушения как проблема административного права // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3 (195) С. 164–166.

Муклецова И. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Потапенкова И. В.,
заместитель начальника
кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В законодательстве четко не определен административно-правовой статус несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, однако данный статус имеет свои особенности, которые связаны с возрастными, психологическими и другими особенностями ребенка. Стоит также отметить, что отдельно несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства как отдельного субъекта законодатель не выделяет, это значит, что несовершеннолетний иностранный гражданин обладает такими же правами, как и совершеннолетний, однако все-таки имеет свои особенности.

Несовершеннолетний иностранный гражданин на территорию Российской Федерации может въезжать совместно с законным представителем или самостоятельно, что регулируется Федеральным Законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ и международными актами.

Переходя к вопросу административно-правового регулирования интеграции несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, стоит отметить, что численность детей-мигрантов, прибывающих на территорию Российской Федерации, возрастает с каждым годом. Так, по данным статистке МВД России в июне 2025 г. на территории Российской Федерации находится почти 640 тыс. детей-мигрантов, из них почти 80 тыс. находится в Москве, причем бóльшая часть детей из этого числа не посещают образовательные учреждения.

В июле 2025 г. Государственная Дума одобрила законопроект, в рамках которого МВД России будет передавать регионам информацию о лицах, въехавших на территорию Российской Федерации, зарегистрировавшихся и снявших с регистрационного учета. Делается это все с целью фиксации законного

[1] © Муклецова И. А., 2026.

нахождения детей-мигрантов на территории Российской Федерации, а также для положительной интеграции и адаптации. Теперь с 28 января текущего года действует законопроект, в рамках которого Министерство внутренних дел, образовательные учреждения и другие необходимые органы будут обмениваться информацией о детях, которые въехали на территорию Российской Федерации. Это поможет выявлять тех детей-мигрантов, которые не посещают образовательные учреждения, и в дальнейшем осуществлять контроль за данной категорией лиц [3, с. 104]. Однако данная процедура не поможет справиться с трудностями, которые возникают с несовершеннолетними иностранными гражданами. Важно общение с детьми, чтобы была прочная культурная, психологическая, языковая интеграция и адаптация детей-мигрантов.

Интеграция несовершеннолетних иностранных граждан – это очень сложный процесс, поскольку вопрос о том, чтобы переехать жить в другую страну, как правило, решается без согласия детей, однако путь интеграции и адаптации ребенок зачастую проходит самостоятельно, и это сильно влияет на психологическое и эмоциональное состояние человека. Стоит также отметить, что интеграция несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства представляет собой комплекс мер, которые направлены на то, чтобы сделать детей-мигрантов полноценными гражданами России, адаптировав их в различных сферах жизни, а именно: социальной, образовательной, правовой, культурной. Важно, чтобы интеграция несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации проходила в образовательных организациях, чтобы был сформирован системный и индивидуальный подход, направленный на создание тех условий, которые будут помогать ребенку влиться в коллектив, избегать различных конфликтов, развивать коммуникативные навыки и многое другое.

Интеграция несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства происходит изначально через социализацию и адаптацию детей-мигрантов, при этом возникает ряд проблемных вопросов. Перечислим лишь некоторые:

1) недостаточный контроль со стороны законных представителей несовершеннолетних иностранных граждан, например, отсутствие контроля посещения образовательных учреждений;

2) неполное владение русским языком, а то и вообще незнанием языка, что приводит к сложностям в освоении образовательной программы;

3) отсутствием социализации в кругу общения, где присутствуют несовершеннолетние мигранты;

4) сохранение культурных ценностей своей страны и принятие тех, которые появляются в их жизни в новом государстве;

5) неокрепшая нервная система, эмоциональный сбой в связи с переездом в другую страну и др.

Несовершеннолетние иностранные граждане требуют особого внимания в возрасте 5–12 лет, поскольку этот возрастной период наиболее устойчив к проявлению невротических реакций, что приводит к проявлению различных страхов, нежелание общаться с другими сверстниками и взрослыми.

Интеграция несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства будет достигнута в полном объеме лишь в том случае, если в данном процессе будут принимать участие родители ребенка, сам ребенок и страна, которая принимает мигрантов. Со стороны принимающего государства в этом должны участвовать органы внутренних дел, образовательные учреждение, а по необходимости и другие органы.

В свою очередь органы внутренних дел Российской Федерации должны брать на себя большую ответственность за адаптацию и интеграциию детей-мигрантов, проводить комплекс различных мероприятий и бесед, посещать места проживания детей, а также осуществлять контроль над посещением детьми образовательных учреждений. Данное направление работы, конечно, лодится на плечи сотрудников ПДН. Инспекторы ПДН должны взаимодействовать не только с детьми, но и с законными представителями, чтобы в целом понимать обстановку в семье. Ведь в противном случае интеграция и адаптация может принять нежелательное направление, что приведет к совершению противоправных действий. Сотрудник ПДН при общении с несовершеннолетними иностранными гражданами должен обладать определенными знаниями и качествами, например, знаниями в области культурных ценностей различных стран, конфликтологии, разбираться в особенностях социализации детей-мигрантов, толерантности и др.

Таким образом, интеграция несовершеннолетних детей проходит в сложной обстановке, поэтому важно, чтобы было налажено четкое взаимодействие между органами внутренних дел, образовательными и общественными организациями. Стоит также рассмотреть вопрос о подготовке кадров сотрудников ПДН, которые будут конкретно работать с детьми-мигрантами, так как они относятся к особому контингенту граждан, с которыми нужно уметь правильно построить диалог, найти общий язык, чтобы они могли довериться инспектору. Одним словом, необходимо видеть в лице ребенка-мигранта человека, который в состоянии справиться с определенными трудностями. Количество въезжающих мигрантов растет с каждым годом, поэтому необходимо налаживать систему интеграции и адаптации несовершеннолетних иностранных граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/.

2. Базулина А. А., Дорошенко О. М., Семененко Г. М. Комплексный подход в решении социальных и образовательных проблем детей из семей мигрантов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 3. С. 247–252.

3. Кодзокова Л. А., Кодзоков Б. В. Некоторые аспекты профилактической деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации // Право и управление. 2022. № 8. С. 103–106.

Мягкова С. В.[1]*,*
доцент кафедры организации деятельности
органов внутренних дел в сфере миграции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

РЕЕСТР КОНТРОЛИРУЕМЫХ ЛИЦ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Современные миграционные тенденции оказывают значительное воздействие на социально-экономическую обстановку и правовую структуру в России. Динамично меняющаяся миграционная ситуация требует постоянного внимания со стороны органов власти страны, деятельность которых будет ежедневно направлена на национальную безопасность общества и государства в целом.

Граждане Российской Федерации должны чувствовать защищенность от внешних и внутренних угроз, при которой обеспечивается реализация конституционных прав и свобод, достойные качество и уровень их жизни. Фундаментальными ценностями и принципами, заложенными Конституцией Российской Федерации, являются основы общественного строя, обеспечения государственной безопасности и становления России в качестве правового и социально ориентированного государства, где приоритетом является обеспечение прав и свобод личности, укрепление их достоинства, гарантирование благополучия населения и эффективная защита интересов граждан [2].

В частности, осуществление Россией государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности должно способствовать укреплению внутреннего порядка, развитию экономического, политического, военного и нравственного потенциала страны, что необходимо для усиления ее позиций как одного из ключевых игроков мировой арены.

Россия по-прежнему остается открытой для международного сообщества, и количество иностранных граждан, посещающих ее территорию, каждый год увеличивается в геометрической прогрессии [3].

Так, по данным Погранслужбы ФСБ, опубликованным в Единой межведомственной информационно-статистической системе (далее – ЕМИСС), за 12 месяцев 2025 г. в Россию въехало 15,6 млн иностранных граждан, что на 1 млн меньше, чем в 2024 г. Больше всего въехало граждан из Казахстана (3 195 тыс.), Узбекистана (3 123 тыс.), Китая (1 767 тыс., из них 834 тыс. – с туристической целью), Таджикистана (1 444 тыс.), Киргизии (983 тыс.), Абхазии (624 тыс.), Белоруссии (562 тыс.) [4]. За 12 месяцев 2025 г. общее число иностранцев, работающих в РФ по патенту, составило почти 2,3 млн чел. Тройку наиболее привлекательных для рабочих мигрантов городов России составили Москва (около 631 тыс.), Московская область (свыше 427 тыс.) и Санкт-Петербург (более 260 тыс.). Замкнули пятерку Тюменская и Свердловская области. В этих субъектах страны трудятся соответственно более 64 тыс. и почти 58 тыс. чел. из-за рубежа [5].

---

[1] © Мягкова С. В., 2026.

Согласно основному закону Российской Федерации, лица, легально пребывающие на ее территории, обладают правом свободно перемещаться, выбирать место проживания и покидать пределы страны при желании отправиться в путешествие или переехать на постоянное место жительства. Граждане иностранных государств, находящиеся в России, пользуются теми же правами и несут те же обязанности, что и российские граждане, за исключением определенных политических прав, если иное не установлено действующим российским законодательством. Это подразумевает равное и беспристрастное отношение к каждому человеку независимо от пола, этнической принадлежности, вероисповедания – будь то гражданин Российской Федерации или иностранец. Подобные положения нашли свое отражение и в ключевом международной акте – Всеобщей декларации прав человека, где утверждается, что каждый имеет право свободно передвигаться внутри своей страны и покидать ее, а также въезжать в любую другую страну по собственному своему выбору и усмотрению [6].

Сегодня пребывание иностранных граждан на территории нашей страны является одним из ключевых феноменов, который задает определенные стандарты национального суверенитета и безопасности, обеспечения законности и правопорядка в различных сферах деятельности государства, в том числе и в сфере миграции.

Однако не все иностранные граждане, пребывающие на территории нашей страны, хотят жить и трудиться на ее благо. Как показывает статистика, количество преступлений, совершенных мигрантами в 2025 г., увеличилось на 15 % по сравнению с тем же периодом предыдущего года. За год доля раскрытых особо тяжких преступлений, связанных с участием иностранных лиц, возросла на 65 % – до 4 309 случаев, при этом количество раскрытых тяжких преступлений снизилось лишь на 4 % – до 2 211 [7].

С января по сентябрь 2025 г. количество преступлений в сфере нелегальной миграции увеличилось на 9,2 % – зафиксировано свыше 34 тыс. инцидентов. Уровень раскрываемости в данной области составил порядка 75 % (прирост – на 3,6 %). Что касается фиктивной регистрации по месту жительства, то за этот период выявлено 2 273 случая (снижение на 27,7 % по сравнению с предыдущим годом), уровень раскрытия – около 93 %. Количество преступлений, связанных с фиктивной постановкой на учет, уменьшилось на 7,5 %, а доля раскрытых дел приблизилась к отметке в 98,6 %. Уровень преступности среди мигрантов и степень их общественной опасности продолжают оставаться высокими [8].

Фундаментом обеспечения национальной безопасности суверенного государства являются правовые нормы (меры, механизмы). К ним можно отнести Федеральные законы: от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ [9] и от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ [10].

Кроме этого, в условиях ужесточения контроля над миграционными процессами на законодательном уровне с 5 февраля 2025 г. был введен реестр контролируемых лиц (далее – РКЛ) – 248-ФЗ [11] и 260-ФЗ [12], подписанные Президентом Российской Федерации в августе 2024 г. РКЛ – это информационная система Министерства внутренних дел, предназначенная для учета иностранных граждан, которые пребывают на территории страны без законных основа-

ний. Проверить данные иностранного гражданина можно на сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации [15].

По состоянию на конец 2025 г. в РКЛ значилось 800 тыс. чел., треть из которых составили женщины и дети [13]. В этот перечень вошли лица, у которых отсутствовали необходимые документы для получения миграционного статуса или гражданства, отсутствовала регистрация по месту пребывания, была пропущена обязательная ежегодная медпроверка, не проведены фингерпринты и фото, а также имелись просроченные и не оформленные должным образом патенты, разрешения на работу или отсутствовал действующий трудовой договор. Таким мигрантам запрещено оформлять водительские удостоверения, заниматься покупкой-продажей жилья, вступать в брачные отношения и регистрировать банковские счета.

Благодаря такому информационному ресурсу и инструменту миграционного контроля, как РКЛ, за 11 месяцев 2025 г. принудительно выдворено за пределы нашей страны 54,4 тыс. мигрантов [14]. Из них, в рамках федеральной операции «Нелегал-2025» правоохранительными органами принято решение о выдворении и депортации из России более 19 тыс. иностранцев [15].

Кроме этого, РКЛ способствует выявлению и раскрытию преступлений, совершенных иностранными гражданами, установлению их личности и т. д.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что реестр контролируемых лиц позволит обеспечить сохранение нации, защиту конституционного строя, суверенитета, поддержание гражданского мира и согласия, укрепление законности, защиту граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России. В свою очередь, неконтролируемое пребывание иностранцев в России является угрозой национальной безопасности страны.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.

3. Мягкова С. В. Трансформация миграционных потоков в современном мире // Правовые и организационные проблемы обеспечения миграционных процессов : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Домодедово, 24 июня 2025 г.) / под общ. ред. В. Ф. Попова ; сост. С. В. Михайленко. Домодедово : ВИПК МВД России, 2025.

4. Новости сегодня в России и мире. URL: https://rg.ru/.

5. В 2025 году число трудовых мигрантов в России увеличилось до 2,3 млн человек. URL: https://smotrim.ru/article/4885523.

6. Конституционное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [А. М. Багмет и др.]. М., 2026.

7. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–декабрь 2025 года. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/68790619/.

8. URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/1984509/.

9. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.

10. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.

11. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Электронный ресурс. URL: https://rg.ru/2026/02/24/bitva-za-trillion-rublej.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

13. Электронный ресурс. URL: https://tass.ru/politika/26084987.

14. Электронный ресурс. URL: https://lenta.ru/news/2025/11/20/raskryto-chislo-deportirovannyh-iz-rossii-migrantov-za-2025-god/.

15. Электронный ресурс. URL: https://мвд.рф/rkl.

Николаев А. Г.[1],
докторант факультета
подготовки научно-педагогических
и научных и кадров
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

НАПРАВЛЕНИЯ И ФУНКЦИИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В современных условиях реализации государственного управления в публичной сфере деятельности Российского государства преобладающими способами обеспечения действия права становятся виды государственного принуждения. Где дисциплинарное принуждение является одним из наиболее часто применяемых его видов. Поэтому, исходя из общей теории права, мы должны понять и уяснить, какова же сама природа данного дисциплинарного принуждения, в чем его правовая сущность, определить его место в этой правовой действительности [1]. Это возможно с помощью составных элементов механизма действия права применительно к исследованию дисциплинарного принуждения.

Из представленных современных российских ученых, исследовавших вопросы методологии понимания права (применительно к теме исследования), автору импонирует модель, представленная В. П. Малаховым [2, с. 6–8]. Он указывал, что механизм действия права является конечной (закрытой) совокупностью элементов (частей), сцепленных их функциональной зависимостью для достижения единственного искомого результата понимания действия этого права. В. П. Малахов также писал, что характерными элементами данного механизма в контексте представленных отраслей, связанных с публичным государственным правом, являются:

1) представленные юридические правила в НПА;
2) правоприменители в лице уполномоченных субъектов реализации права;
3) законодатели, реализующие волю государства в правовых актах;
4) силовая система, принудительно охраняющая правопорядок;
5) установленные охраняемые правоотношения.

Принципами взаимодействия частей механизма действия права зможно считать направления действия и функции, присущие данному виду права, а сам процесс реализации механизма действия права – уже способом перевода права в действительность в виде результата [2, с. 116–119].

Продолжая исследование, мы должны познать и представить содержание отдельных элементов в виде направлений и функций дисциплинарного принуждения. Их правильное применение позволит в конечном результате эффективно обеспечивать различные виды дисциплины в государственном управлении.

Важной структурной составляющей понимания самой функции предназначения дисциплинарного принуждения является обозначение его направлений влияния в области общественной жизни, а также установление границ его при-

[1] © Николаев А. Г., 2026.

менения в отраслях права, в охране которых и используются его возможности. В этом аспекте при рассмотрении действия права рядом исследователей выделяются следующие основные направления:

1) нормирования (нормоустановления), раскрывающего нормативную природу права;

2) регуляции, определяющей формальную природу права;

3) принуждения, указывающего на силовую природу права;

4) судебного, устанавливающего ценностную природу права [2, с. 97–98].

По мнению автора исследования, категорию четвертого направления действия права (судебного) необходимо разделить на способы ее компенсации в виде правосудия, посредством подачи судебной либо административной жалобы.

Также, по мнению автора, представленные сущностные направления действия дисциплинарного принуждения для его лучшего понимания следует представить и через его функциональные проявления.

1. С помощью нормоустановления дисциплинарного принуждения задаются его пространственные и временные параметры формирования дисциплинарных правоотношений. В данном случае нормоустановление выступает как охранительная деятельность государства в урегулировании дисциплинарных правоотношений в государственном управлении, посредством исключения в границах предельного своего состояния:

а) индивидуальности воплощения дисциплинарного проступка;

б) ситуативности решений при дисциплинарном расследовании;

в) конкретности возникающих отношений по факту совершенного дисциплинарного проступка.

При этом устанавливаются лишь их квалифицирующие систематизирующие признаки и виды наступления дисциплинарной ответственности.

Нормоустановление дисциплинарного принуждения происходит с помощью реализации правотворческой, нормотворческой и процессуальной функций, которые решают вопросы:

1) образования правил требуемых процессов обеспечения дисциплины;

2) содержания статутных элементов дисциплинарного принуждения;

3) закрепления форм его проявления в государственном управлении и статусных полномочий субъектов дисциплинарных отношений.

Также при нормоустановлении может возникать еще и отборочная функция, позволяющая отслеживать и формализовать в нормах права реальные, живые дисциплинарные отношения и отсеивать те отжившие, которые не реализуются в настоящей действительности. Формальным критерием эффективности нормоустановления дисциплинарного принуждения определяется в согласованности действий дисциплинарных норм с нормами и требованиями других отраслей права, реализующих государственное принуждение, а также их подчиненность единым принципам формирования и последовательности действенности в реальном правовом пространстве [3, с. 174–179].

2. Посредством способа регуляции дисциплинарного принуждения осуществляется его реальное производство как данности в государственном управлении, способствующей организации и управлению отраслевыми процессами

и оптимизации регулятивных форм воздействия в вопросах поддержания и обеспечения трудовой и служебной дисциплины. Регуляция дисциплинарного принуждения осуществляется с помощью следующих его функций:

1) организующей, создающей связи для формирования дисциплинарных отношений;

2) распределяющей, устанавливающей положения, обязанности и статусы субъектов дисциплинарных отношений;

3) уравновешивающей, формирующей правовой механизм обеспечения компенсационных правовых возможностей субъектов правоотношений в случае нарушения их права.

Формальным критерием эффективности регуляции дисциплинарного принуждения выступает выбор оптимальных способов дисциплинарного воздействия для обеспечения должного правопорядка в трудовых и служебных отношениях [1, с. 146–152].

3. Само дисциплинарное принуждение, как силовой метод принуждения, является способом контроля и защиты установленных общественных правовых состояний (к примеру, таких как: трудового и служебного распорядка, порядка осуществления трудовой и прохождения служебной деятельности, осуществления предоставленных трудовых и служебных прав и обязанностей, положений заключенного контракта и т. д.). В границе нижнего предела своего императивного воплощения оно приводит к устранению участия субъектов в возникающих дисциплинарных правоотношениях, предоставляя им право самостоятельного выбора позитивного поведения либо способа отказа от совершения противоправного проступка. В границе же верхнего предела своего действия оно включает механизм действия дисциплинарного принуждения и реализует установленные дисциплинарные санкции в отношении лица, совершившего дисциплинарный проступок.

Формальным критерием эффективности воздействия дисциплинарного принуждения становится минимальность применения дисциплинарного принуждения в урегулировании нарушенных трудовых и служебных отношений, а также законность применяемых действий, предписываемых с его помощью [1, с. 57–59]. Дисциплинарное принуждение реализуется через следующие свои специальные функции, обладающие действием:

1) легализации правоустановления, представляющей законный порядок основания и порядок применения данного принуждения;

2) карательным, позволяющим субъектам дисциплинарной власти применять дисциплинарные меры принуждения;

3) правонаделения, обретения субъектами дисциплинарных отношений вменных прав и обязанностей;

4) внутриорганизационного характера, создающего структуры, связи и условия возникновения дисциплинарных правоотношений;

5) санкционным, определяющим виды дисциплинарных наказаний и претерпевания их последствий;

6) компенсации и восстановления допущенных отрицательных правовых состояний.

Рассмотрим специфику механизма действия дисциплинарного принуждения, взаимно увязав его со связанными с ним вышеприведенными специальными функциями.

Первая функция – это правоустановительная функция, связанная с легализацией механизма действия дисциплинарного принуждения, позволяющая:

1) формализовать активные пожелания власти, как источника принуждения и контроля, в обеспечении правовых установлений для обеспечения надлежащих трудовых и служебных отношений, позволяющих проводить желаемую государственную политику;

2) проявлять волеизъявление власти при установлении правовых оснований реализации дисциплинарных санкций, формируя надлежащие принципы, нормы и НПА;

3) обеспечивать законность, действуя в соответствии с правовыми предписаниями и инструкциями;

4) реализовывать устойчивое преимущество субъекта дисциплинарной власти посредством добровольного и согласованного установления обязательств субъекту подчинения.

Второй функцией, характеризующей механизм действия дисциплинарного принуждения, является карательная функция. Данная функция за счет предоставленных репрессивных средств и способов дисциплинарного воздействия радикальным образом, в одностороннем порядке со стороны работодателя, пресекает дисциплинарное правонарушение с последующими неблагоприятными последствиями для правонарушителя. Верхней границей применения данного действия становится намеренное и устойчивое игнорирование нарушителем должного правопорядка трудовых и служебных отношений в организации в форме признанных им обязательств с его стороны. Крайняя форма такого проявления действий правонарушителя, при наличии особых квалифицирующих уголовных признаков, уже квалифицируется как преступление.

Третьей функцией, определяющей механизм действия дисциплинарного принуждения, является правонаделительная функция, направленная на формирование статусной позиции субъекта, использующего меры дисциплинарного принуждения. Его действия должны быть направлены на принятие объективного и взвешенного решения о необходимости установления определенных состояний искомых правоотношений (к примеру, назначение дисциплинарного расследования и определения дисциплинарного наказания).

Четвертая внутриорганизационная функция связана с исполнением внутриорганизационной административно-хозяйственной деятельностью в организации и позволяет формировать необходимые формальные и неформальные организационные структуры, влияющие на обеспечение различных видов дисциплин в государственном управлении (к примеру, трудовые комиссии, служебные комиссии, аттестационные комиссии, инспекции по труду и другие оргструктуры).

Пятой доминирующей функцией, характеризующей механизм действия дисциплинарного принуждения, является санкционная функция, реализация которой состоит в нахождении в массиве НПА правового закрепления устанавли-

ваемой позиции и применении правовой практики дисциплинарного принуждения к реальным обстоятельствам произошедшего.

Шестой функцией дисциплинарного принуждения, является правовосстановительная и компенсационная функция, действие которой простирается на разрешение дисциплинарного спора в административном и судебном порядке, восстановление нарушенного права в ходе реализации дисциплинарных санкций, а также устранение последствий от совершенного дисциплинарного проступка и приведение трудовых и служебных отношений в исходное состояние.

На основании изложенного автор выявляет формальные критерии эффективности действия дисциплинарного принуждения при реализации его функций:

1) в нормоустановлении – согласованность действий дисциплинарных норм с нормами и требованиями других отраслей права, реализующих государственное принуждение, а также их соотносительность и подчиненность единым принципам формирования и последовательности действенности в реальном правовом пространстве;

2) в регуляции – выбор оптимальных способов дисциплинарного воздействия для обеспечения и поддержания должного правопорядка в трудовых и служебных отношениях;

3) при воздействии – минимальность степени применения дисциплинарного принуждения в урегулировании нарушенных трудовых и служебных отношений, а также законность и отсутствие внеправового административного усмотрения в применяемых действиях, предписываемых с его помощью;

4) при определении санкций – исключение в последующем дисциплинарного спора и ожидания справедливого наказания со стороны нарушителя.

Список литературы

1. Калюжный Ю. Н., Николаев А. Г., Редкоус В. М. Дисциплинарная административно-юрисдикционная деятельность : учебно-методическое пособие. М. : Академия управления МВД России, 2024.

2. Малахов В. П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2014.

3. Николаев А. Г. Правовой режим дисциплинарного принуждения // Закон и право. 2021. № 3. С. 174–179.

4. Николаев А. Г. Дозволения и запреты как регулятивная форма дисциплинарного принуждения // Право и государство: теория и практика. 2015. № 5 (125). С. 146–152.

5. Николаев А. Г. Дифференциация дисциплинарных проступков // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 57–59.

Никоноров Е. А.[1]*,*
начальник кафедры
административного права
и административной деятельности полиции
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор педагогических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Реализация положений института административной ответственности предполагает наличие правовых механизмов, обеспечивающих законность, обоснованность и справедливость каждого административно-юрисдикционного производства. В этой связи одним из ключевых элементов процессуальной конструкции выступают нормы, регулирующие приостановление и, как следствие, возобновление производства по делам об административных правонарушениях.

Данные механизмы, закрепленные в ст. 28.10 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ), по существу выступают важным инструментом обеспечения качественного и объективного разбирательства. Введение указанной нормы в КоАП РФ разрешило потребность в более гибком и адаптивном подходе к осуществлению производства по делам об административных правонарушениях в определенных законом случаях.

Статья 28.10 КоАП РФ прямо связывает возможность применения рассматриваемой меры с определенными составами правонарушений, предусмотренных ст.ст. 15.21 и 15.30. Эти правонарушения, как правило, сопряжены со сложными механизмами их совершения, требуют специальных знаний и использования специальных технических средств.

Особенность этих составов заключается в том, что законодатель предусмотрел возможность освобождения от административной ответственности в случае исполнения лицом соглашения с Банком России [2]. Неисполнение же указанного соглашения выступает отягчающим обстоятельством.

В рамках нашего исследования отметим ст. 9.3 и нормы гл. 12 КоАП РФ. Эти составы хотя и не связаны напрямую со сферой финансового рынка, также могут выступать основанием для приостановления производства в определенных обстоятельствах.

Так, приостановление производства возможно в отношении военнослужащих и приравненных к ним КоАП РФ лиц (ч. 3 ст. 28.10 КоАП РФ). При этом речь идет о случаях, когда санкцией применяемой статьи предусмотрено лишение права управления транспортным средством соответствующего вида или другими видами техники.

---

[1] © Никоноров Е. А., 2026.

Основанием в таком случае выступает не заключенное соглашение, а особый статус лица, привлекаемого к ответственности, и важность обеспечения выполнения им задач военной службы или специальной военной операции.

Таким образом, составы административных правонарушений, указанные в ст. 28.10 КоАП РФ, представляют собой специфические категории, в отношении которых законодатель считает необходимым применение института приостановления производства для достижения определенных целей: в случаях со ст.ст. 15.21 и 15.30 – это стимулирование добровольного урегулирования спора и защита финансового рынка, а в случаях со ст. 9.3 и гл. 12 – защита публичных интересов, связанных с обеспечением государственной безопасности. Различные цели приостановления обусловливают различный характер оснований для его применения. В первом случае это заключение соглашения с Банком России, во втором – ходатайство командования воинской части (учреждения). Указанные обстоятельства подчеркивают суть приостановления как инструмента гибкого управления административным процессом.

Управленческое решение о приостановлении производства принимается конкретным субъектом, чьи действия и правовой статус обуславливают применение данной процессуальной меры.

Условно субъекты приостановления и возобновления производства можно разделить на несколько категорий.

Каждая из этих категорий наделена особыми процессуальными функциями, соответствующими их месту в структуре производства:

1) уполномоченный орган или должностное лицо. Содержание ст. 28.10 КоАП РФ позволяет выделить их ключевую роль в приостановлении или возобновлении производства по делу об административном правонарушении. Рассматриваемый субъект выносит соответствующее определение как о приостановлении, так и о возобновлении, основываясь на наличии предусмотренных законом оснований. Эта категория субъектов фактически занимает центральную позицию в процессе и обеспечивает соблюдение требований законодательства. В соответствии с положениями КоАП РФ дела, возбужденные по ст.ст. 9.3, 15.21, 15.30 и гл. 12 КоАП РФ, вправе рассматривать судьи, органы и их должностные лица, однако судья не вправе разрешать ходатайства о приостановлении производства по делу об административном правонарушении;

2) физические или юридические лица, в отношении которых ведется производство по ст.ст. 15.21 и 15.30 КоАП РФ, их представители вправе заявить соответствующее ходатайство (о соглашении). В качестве представителей данной категории выступают лица, осуществляющие деятельность на финансовом рынке, а также лица, имеющие доступ к инсайдерской информации или осуществляющие операции на рынке ценных бумаг и имеющие право заключать соглашения с Банком России. Выделим активную роль привлекаемого лица, которое может стремиться к урегулированию спора.

К специальным субъектам административной ответственности относятся лица, чья ответственность обусловлена их особым правовым статусом или ролью в обществе. Так, ч. 3 ст. 28.10 КоАП РФ вводит в административный процесс еще одну категорию особых субъектов – военнослужащих и лиц, пребы-

вающих в добровольческих формированиях, привлеченных к выполнению задач специальной военной операции.

Особенность этих субъектов заключается в том, что их правовой статус, их особая роль в обеспечении государственной безопасности являются основанием для предоставления им специальных процессуальных гарантий. Приостановление производства в данном случае инициируется не самим субъектом, а командованием воинской части (учреждения), подающим соответствующее ходатайство. Субъект в данном случае является пассивным получателем процессуальной льготы. Однако следовало бы рассмотреть вопрос о возможности приостановления производства по делу об административном правонарушении по ходатайству самого военнослужащего как участника производства, поскольку статус командования воинской части в гл. 25 КоАП РФ не определен. Ситуации, когда военнослужащий привлекается к административной ответственности при отсутствии соответствующего ходатайства, в настоящее время, увы, имеют место [3; 4; 5].

Приостановление производства в данном случае выступает не только как мера процессуальной экономии, но и как гарантия обеспечения выполнения задач, поставленных перед военнослужащим или приравненным к нему КоАП РФ лицом.

В данном случае приостановление производства – не просто результат объективных обстоятельств, а результат инициативы командования.

Также стоит отметить, что Банк России выступает в роли специального субъекта как регулятора финансового рынка, обладающего специальными полномочиями.

Существующая правовая конструкция, определяющая круг субъектов процедуры приостановления и возобновления производства по делу об административном правонарушении, требует дальнейшего совершенствования. На наш взгляд, это связано с рядом проблем:

1) ограниченностью перечня инициаторов приостановления производства. Например, действующее законодательство не предоставляет достаточной свободы для иных участников процесса (граждан, юридических лиц) использовать этот механизм в случаях, где возникает объективная необходимость;

2) отсутствием гибкости большинства административных процессов. Современная административная практика показывает, что необходимость приостановления или возобновления может возникать в гораздо более широком спектре ситуаций, чем предусмотрено КоАП РФ. В этом плане интересен подход законодателя республики Беларусь [6], согласно которому рассмотрение дела об административном правонарушении может быть приостановлено по более расширенному перечню оснований (ч. 3 ст. 12.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях), суть которых можно свести к невозможности участия в рассмотрении дела привлекаемого к ответственности лица, потерпевшего или наличию обстоятельств, разрешение которых требует временных затрат (экспертизы).

Положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации также содержат основания приостановления производства по делу (ст. 238 УПК РФ), например, в случае тяжелой болезни обвиняемого или когда он скрылся, в случае невозможности его участия по иным обстоятельствам.

Особо стоит выделить возможность приостановления производства в случае прохождения обвиняемым военной службы по различным основаниям. Вместе с тем для приостановления в таком случае также требуется ходатайство командования воинской части (учреждения).

Таким образом, сегодня приостановление и возобновление производства по делу об административном правонарушении согласно ст. 28.10 КоАП РФ ограничивается рядом строго определенных случаев, связанных с заключением соглашений с Банком России, неисполнением их условий, а также особыми обстоятельствами, возникающими при исполнении обязанностей военнослужащими или участниками добровольческих формирований. Несмотря на это, приостановление производства по делам об административных правонарушениях представляется целесообразным и в иных ситуациях, когда требуется принять меры к устранению или разрешению обстоятельств, препятствующих надлежащему рассмотрению дела.

Приостановление производства следует рассматривать как процессуальный механизм, обеспечивающий гибкое управление временными ресурсами в целях достижения баланса между оперативностью и качеством административного процесса. Это не только временное прекращение, но и средство реализации принципов законности, справедливости и объективности, обеспечивающее возможность принятия законного и обоснованного решения по рассматриваемому делу.

В реализации приостановления и возобновления производства по делу об административном правонарушении субъекты выполняют определяющую роль, являясь носителями процессуальных функций. Однако дальнейшее уточнение их полномочий, расширение перечня субъектов и внедрение более гибких норм позволят повысить эффективность этого института.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

2. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103037/.

3. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 декабря 2025 г. № 16-7793/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 ноября 2025 г. № 16-5601/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2025 г. № 16-1894/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

Никоноров Е. Е.[1]***,***
курсант факультета
подготовки специалистов
в области информационной безопасности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шурухнова Д. Н.,
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Обеспечение правопорядка в России определяет необходимость установления различных видов юридической ответственности, а ввиду массовости административных деликтов институт административной ответственности представляет особый интерес. Нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), закрепляя основные положения об административной ответственности, указывают на необходимость предупреждения административных правонарушений (ст. 1.2).

Общеправовые принципы гуманизма, справедливости, соразмерности, вытекающие из содержания гл. 4 КоАП РФ, предполагают назначение административных наказаний с учетом ряда обстоятельств, например, личности привлекаемого к ответственности лица или определенных условий, что позволяет реализовать превентивную функцию и неотвратимость наказания одновременно. В этом плане институт освобождения от административной ответственности содержит необходимые правовые инструменты, нуждающиеся, однако, в совершенствовании.

Исследование норм действующего КоАП РФ позволяет полагать о несистемном характере закрепления положений об освобождении от административной ответственности. В качестве примера укажем ст. 2.9 КоАП РФ, где основание освобождения от административной ответственности звучит так: «в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения». КоАП РФ содержит и иные обстоятельства, указанные, например, в примечаниях к отдельным составам административных правонарушений.

Изучение же законодательства об административных правонарушениях, иных государств – участников СНГ, например, Казахстана (далее – КоАП РК), Узбекистана (далее – КоАП РУ), Белоруссии (далее – КоАП РБ) позволяет сделать вывод об ином построении законодательства и, в частности, норм рассматриваемого института. Так, законодательство указанных стран содержит основа-

[1] © Никоноров Е. Е., 2026.

ния освобождения от административной ответственности по более широкому перечню обстоятельств, а также содержит качественно-количественные характеристики (Таджикистан).

Выделим ряд проблемных вопросов, разрешение которых позволит совершенствовать институт освобождения от административной ответственности с учетом характера и содержания современных общественных отношений.

Во-первых, определение критериев малозначительности и их законодательного закрепления. О. В. Кирьянова предлагает законодательно привести к однозначности толкования малозначительности, связывая его с характером санкции и «установить, что малозначительным административным правонарушением следует считать такое правонарушение, санкция за которое предусмотрена либо в виде предупреждения, либо в минимальных размерах административного штрафа: ста рублей, а за нарушения Правил дорожного движения – пятисот рублей» [6, с. 49–53].

П. Н. Потапов также отмечает важность именно нормативных критериев, указывая, что они «должны быть оформлены в качестве соответствующих норм права» [7, с. 367–380].

Изучение материалов судебной практики позволило нам выделить ряд обстоятельств, которые берутся за основу правоприменителем при решении вопроса о малозначительности деяния и соответственно – об освобождении от административной ответственности. Так, часто малозначительность усматривается при производстве по делам по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ. Поиск и формулирование критериев малозначительности стало предметом исследований многих ученых и высших судебных инстанций. Например, В. А. Селезнев [8], ссылаясь на судебные разъяснения в качестве критериев признания деяния малозначительным предлагает считать «уплату административного штрафа до составления протокола об административном правонарушении» [9] или ненадлежащую уплату по неверным реквизитам [10]. Вместе с тем, по его мнению, неоднократность привлечения к административной ответственности не может свидетельствовать о малозначительности.

А. В. Попов и И. А. Фомина [11, с. 132–144] в качестве критерия малозначительности предложили установить порядок расчета и суммы дохода или ущерба, и не признавать малозначительным административное правонарушение при отягчающих обстоятельствах и отсутствии правонарушителя при рассмотрении дела.

Решение исследуемой проблемы многими учеными так и не привело к единому пониманию критериев оценки правонарушения как малозначительного. С учетом изложенного наиболее реализуемой представляется позиция П. Н. Потапова, приведенная нами выше. Закрепление в норме 2.9 КоАП РФ позиции высших судебных инстанций исключило бы абстрактность толкования малозначительности. Новую редакцию ст. 2.9 КоАП РФ предлагается дополнить ч. 2 в следующем виде: «Малозначительным признается деяние, формально содержащее признаки какого-либо административного правонарушения, но с учетом характера и обстоятельств совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений».

Необходимо обратить внимание и на то, что устное замечание не является административным наказанием, а значит, степень ограничений и воздействия на правонарушителя сложно определить. Каких-либо иных правовых последствий объявление устного замечания также не имеет, за исключением профилактической функции, что отмечалось в ряде исследований [12].

Устраняя пробел в толковании меры административного воздействия «устное замечание», предлагаем по аналогии с КоАП РБ закрепить это понятие в ч. 3 ст. 2.9 КоАП РФ в следующей редакции: «Устное замечание заключается в разъяснении лицу, совершившему административное правонарушение, противоправного характера совершенного им административного правонарушения и предостережении о недопустимости противоправного поведения с его стороны».

Вторым проблемным вопросом следует считать возможность закрепления в отечественном законодательстве примирения сторон как основания освобождения от административной ответственности, которое предусмотрено в законодательстве ряда зарубежных государств.

Этой теме уделялось внимание многими учеными. Выделим позицию по этому вопросу Ю. И. Попугаева [13, с. 32–35], который предлагал дополнить ст. 24.5 КоАП РФ «нормой о возможности прекращения дела об административном правонарушении в связи с примирением сторон», что особенно было бы актуально при производстве по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Свою позицию уважаемый ученый подкреплял судебной практикой по прекращению дел в связи с примирением сторон с учетом положений п. 9 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ и ст. 2.9 КоАП РФ.

И. С. Изюмова также в своих исследованиях пришла к выводу, что «имплементация примирения сторон» как основания прекращения производства по делу об административном правонарушении позволит обеспечить «справедливый баланс объема прав лиц, участвующих в деле» [14, с. 44–46].

Обратившись к нормам КоАП РБ и КоАП РК, выделим ряд вопросов, требующих разрешения в отечественном законодательстве. Так, КоАП РБ (ст. 8.5) содержит норму об освобождении от административной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. В качестве условия законодателем выделяется соответствующее требование потерпевшего об освобождении привлекаемого к ответственности лица в связи с примирением.

Содержание исследуемого основания в КоАП РК, на наш взгляд, более аргументировано. Так, примирение сторон возможно лишь по отдельным составам правонарушений, например, в сфере семейно-бытовых отношений, причем в случае отсутствия ранее совершенного аналогичного деяния и освобождения лица по рассматриваемому основанию. При примирении заключается письменное соглашение.

КоАП РУ (ст. 21.2) также устанавливает возможность освобождения в связи с примирением сторон по отдельным составам административных правонарушений, в том числе, например, за причинение легкого телесного повреждения. Повторное совершение указанных в КоАП РУ административных правонарушений исключает возможность освобождения.

Проведенный анализ позволяет предположить, что включение в содержание действующего КоАП РФ примирения сторон как основания освобождения от

административной ответственности позволило бы учесть современные проблемы правоприменения и характер складывающихся в этой связи общественных отношений.

Таким образом, предлагается рассмотреть вопрос о законодательном закреплении примирения сторон, приняв соответствующие изменения в КоАП РФ. Представляется, что для решения этого вопроса есть три пути.

В первом случае, согласившись с мнением уважаемых ученых, необходимо дополнить ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ рассматриваемым основанием. В таком случае норма будет действовать в отношении любого состава административного правонарушения.

Второе предложение связано с введением отдельной части в ст. 2.9 КоАП РФ. Предлагаемая редакция включала бы следующее: «Лицо, впервые совершившее административное правонарушение, предусмотренное статьей 6.1.1…. настоящего Кодекса, может быть освобождено от административной ответственности, если оно признало свою вину, примирилось с потерпевшим. Примирение осуществляется на основе письменного соглашения, подписанного потерпевшим и лицом, совершившим административное правонарушение». Ст. 6.1.1 указана автором в качестве примера и на усмотрение законодателя, перечень составов административных правонарушений может быть расширен с учетом множества исследований в данной области.

Третье предложение может быть реализовано путем внесения дополнений в статьи КоАП РФ в виде примечаний по аналогии с конструкциями иных уже существующих норм. Например, дополнить ст. 6.1.1 КоАП РФ примечанием в такой редакции: «Примечание. Если лицо, впервые совершившее административное правонарушение признало свою вину, примирилось с потерпевшим, заключив письменное соглашение, то оно освобождается от административной ответственности за данное административное правонарушение».

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

2. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=84;-43#pos=84;-43.

3. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности. URL: https://lex.uz/docs/97661/.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.10.2025 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38043824&pos=920;-56#pos=920;-56.

5. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (принят Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. № 455, с изм. и доп. по состоянию на 14.05.2025 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414710.

6. Кирьянова О. В. Признание административного правонарушения малозначительным: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 3.

7. Потапов П. Н. Обеспечение соблюдения принципа равенства перед законом при освобождении от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 367–380.

8. Комментарий судебной практики. Вып. 29 / [О. А. Беляева и др.] ; отв. ред. К. Б. Ярошенко. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Инфотропик Медиа, 2024.

9. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2021 г. № 5-АД20-131 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=656429#fSFtB6VqkwexOorE1.

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 3 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435629/a6de7608aba75ce713c13e521e0b5e86dfb5d991/.

11. Попов А. В., Фомина И. А. Понятие и критерии малозначительности совершенного административного правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 2. С. 132–144.

12. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Л. Л. Попов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РГ-Пресс, 2019.

13. Попугаев Ю. И. Некоторые концептуальные положения по оптимизации процессуальной части КоАП РФ // Административное право и процесс. 2019. № 8. С. 32–35.

14. Изюмова Е. С. Примирение сторон как основание прекращения производства по делу об административном правонарушении: перспективы имплементации в административно-деликтный процесс // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 44–46.

Нистратов С. Г.[1]*,*
заместитель
начальника кафедры
конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России

СОВРЕМЕННЫЙ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Контрольно-надзорная деятельность является неотъемлемой частью государственного управления, обеспечивая соблюдение законности, защиту прав граждан и поддержание общественного порядка. В последние годы в условиях быстро меняющейся социальной и экономической среды перед государственными органами стоят новые вызовы, и эффективность контрольно-надзорной деятельности страдает из-за использования устаревших методов сплошных проверок. Ситуация осложняется двумя значимыми факторами: усилением давления со стороны контролирующих органов и высокой вероятностью коррупционных скандалов, возникающих в ходе проверочных мероприятий. Это формирует комплекс серьезных вызовов для системы государственного управления.

В связи с этим возникает необходимость в совершенствовании методов контроля и надзора, в том числе с акцентом на современные технологические подходы, дним из которых является риск-ориентированный подход, способный эффективно влиять на профилактику административных правонарушений.

Для понимания исследуемого подхода в условиях современного преобразования контрольно-надзорной деятельности необходимо определить цели и проблемы правовой регламентации рассматриваемого явления.

Основными целями контрольно-надзорной деятельности можно назвать:

1) обеспечение законности и правопорядка;

2) защита прав и законных интересов граждан;

3) поддержание общественного порядка и безопасности;

4) превенция правонарушений и минимизация рисков.

Актуальным с научной и практической точек зрения является исследование коллектива ученых, направленное на изучение многоаспектности внедрения современных цифровых технологий в деятельность контрольно-надзорных органов. Работа позволяет выявить ключевые вызовы и возможности цифровой трансформации данной сферы. Согласно их обоснованной позиции всеобъемлющее и повсеместное внедрение передовых цифровых технологий существенно изменяет первоначальную цель государственного контроля и надзора. Если ранее она заключалась в обеспечении законности в ходе проверки подконтрольного объекта, а также предотвращении и профилактике нарушений установленных нормативных предписаний, минимизации ущерба от противоправ-

[1] © Нистратов С. Г., 2026.

ных действий, то теперь этот набор целей дополняется управленческим воздействием. Данное воздействие снижает необходимость человеческого участия в процессе принятия управленческих решений в сфере контрольно-надзорной деятельности. Это, в свою очередь, позволяет избежать необоснованного вмешательства, как в деятельность субъектов контроля и надзора, так и подконтрольных (поднадзорных) объектов [1, с. 90].

Одной из характерных черт регулирования контрольно-надзорной деятельности в России является отсутствие единого нормативного правового акта, который бы комплексно охватывал правовые, управленческие и организационно-технические аспекты проведения проверок, а также меры по устранению и профилактике выявленных нарушений. Тем не менее Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», внесший изменения в действующие законодательные акты, способствовал некоторой унификации в данной сфере. Эти изменения были нацелены на создание единой и эффективной системы государственного контроля, обеспечивающей прозрачность и защиту прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Следующим важным этапом в совершенствовании контрольно-надзорной деятельности стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 248). Этот закон, основанный на рискориентированном подходе, заложил правовую основу для регулирования контроля и надзора в отношении отдельных видов общественных отношений. Однако значительное количество общественных отношений остается вне его действия. Это, с одной стороны, увеличивает общую степень урегулированности, с другой – не обеспечивает должного качества контрольно-надзорной деятельности. Кроме того, остается нерешенной проблема четкого разграничения понятий контроля и надзора, что отражено даже в названии самого закона.

Более того положения указанного нормативного правового акта не распространяется на ряд важнейших видов контрольно-надзорной деятельности, которые перечислены в чч. 4 и 5 ст. 2 ФЗ № 248.

Стоит согласиться с мнениями авторов, что профилактическую направленность закона о контрольно-надзорной деятельности необходимо дополнить соответствующими изменениями в кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ). Реформа КоАП РФ должна предусматривать увеличение мер профилактики, только в таком синхронном виде должны развиваться оба акта [2, с. 49].

Необходимо признать, что текущее законодательное устройство в области контроля и надзора не является идеальным. Отсутствие всеобъемлющего нормативно-правового акта неизбежно порождает ситуацию, при которой решение узкоспециализированных вопросов будет постоянно упираться в нерешенность фундаментальных, общих проблем.

Стратегически важным шагом в развитии контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации выступает разработка и принятие специализированно-

го федерального закона. Систематизация нормативного регулирования в рамках единого законодательного акта позволит:

1) детально регламентировать ключевые аспекты контрольно-надзорной деятельности, включая ее цели, задачи, принципы, субъекты и объекты;

2) институционально закрепить данное направление в структуре государственной политики;

3) обеспечить единообразное понимание и применение базовых категорий «контроль» и «надзор» на федеральном и региональном уровнях.

Это создаст прочную нормативно-правовую основу для повышения эффективности и прозрачности контрольно-надзорных процедур.

С учетом обозначенных ранее целей контрольно-надзорной деятельности можно обозначить ряд значительных преимуществ в применение рискориентированного подхода в профилактике административных правонарушений:

1) эффективность. позволяет сосредоточить усилия в наиболее проблемных областях, что повышает общую эффективность контроля;

2) экономия ресурсов. уменьшает затраты на проведение различных проверок за счет оптимизации распределения ресурсов;

3) превенция способствует выявлению и предотвращению правонарушений на ранних стадиях;

4) улучшение взаимодействия. способствует более тесному взаимодействию между субъектами контроля (надзора) и подконтрольного (поднадзорного) объекта.

В конечном счете риск-ориентированный подход позволяет минимизировать количество проводимых проверок контрольно-надзорными субъектами, акцентируя внимание на критически проблемных и потенциально опасных с точки зрения нарушения административных нормативных предписаний. Это в свою очередь позволяет существенно снизить необоснованное вмешательство в хозяйственную деятельность подконтрольного (поднадзорного) объекта. В этой связи справедливо отмечено, что применение рискориентированного подхода позволяет обеспечить повышение прозрачности контрольно-надзорной деятельности и существенным образом снизить риски заказных проверок [3, с. 67].

При этом можно констатировать, что происходящие цифровые процессы, несомненно, глубоко и кардинально преобразуют контрольно-надзорную деятельность. Справедливо отмечено представителями гуманитарных наук, что «цифровизация означает новый этап промышленной революции, такую форму модернизации, которая дает российскому обществу совокупность новых инструментов и технологий, обеспечивающих возможность масштабного применения нового типа социальной коммуникации» [4, с. 15].

Одним из положительных моментов таких изменений является упрощение управленческих процессов, в том числе и минимизации бюрократических проволочек, поскольку прописанный машинный алгоритм работает в строго заданных параметрах, не требующих дополнительных манипуляций. Более того снижает риски принятия необоснованного и незаконного решения по привлечению к административной ответственности, а также проявления коррупционных

схем ухода от ответственности и восстановления общественных отношений в результате причиненного ущерба.

Значимым шагом в данном направлении явилось внедрение в контрольно-надзорную деятельность рискориентированной цифровой платформы в рамках ФЗ № 248 [10]. Данным нормативным правовым актом предусмотрено разработка и использование мобильного приложения «Инспектор» – государственно-информационной системы сбора, обработки, анализа и учета сведений, используемых в том числе для оценки и управления рисками причинения вреда (ущерба).

Современное совершенствование контрольно-надзорной деятельности в государственном управлении требует внедрения новых подходов, способных эффективно справляться с возникающими вызовами. Исследуемый подход представляет собой один из наиболее перспективных инструментов, в основе которого лежит не репрессивная модель взаимодействия, а партнерская, ориентированная прежде всего на предупреждение административных правонарушений. Важно продолжать развивать этот подход, преодолевая существующие проблемы и создавая условия для его успешной реализации.

Список литературы

1. Концепция правового регулирования использования информационных технологий в сфере государственного контроля и надзора в условиях «цифровой экономики»: результаты исследования : монография / [А. В. Мартынов и др.] ; под науч. ред. А. В. Мартынова Н. Новгород : Нижегородский госуниверситета имени Н.И. Лобачевского, 2021.

2. Правкин С. А., Сунцова Е. А. Гносеологические аспекты контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2025. № 2. С. 44–53.

3. Кунин В. А., Упорова И. В. Риск-ориентированный подход контрольно-надзорной деятельности: международный опыт и особенности применения в российских условиях // Экономика и управление. 2019. № 2 (160). С. 59–68.

4. Ермоленко Г. А., Кожевников С. Б. Человеческий капитал в условиях цифровой экономики // Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования : материалы международной конференции (г. Москва, МПГУ, 24–25 апреля 2018 г.) / под общ. ред. М. М. Мусорского, Е. А. Омельченко, А. А. Шевцовой. М. : МПГУ. 2018. С. 13–17.

5. Концепция правового регулирования использования информационных технологий в сфере государственного контроля и надзора в условиях «цифровой экономики»: результаты исследования : монография / [А. В. Мартынов и др.] ; под науч. ред. А. В. Мартынова Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет имени Н. И. Лобачевского, 2021.

6. Овсипян М. В., Ермолаев П. В. Проблемы контрольно-надзорной деятельности государства на современном этапе // Экономика и предпринимательство. 2025. № 7 (180). С. 489–491.

7. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 31 июля 2020 г. № 0001202007310018.

Новгородов Д. А.[1],
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности полиции
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Цифровизация общественных отношений и активное использование информационно-телекоммуникационных сетей существенно изменили характер административной деликтности и формы ее проявления. Информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего сеть Интернет, все чаще выступают не только средством, но и средой совершения административных правонарушений, что объективно усложняет процессы их выявления, фиксации и доказывания.

В настоящее время наблюдается устойчивый рост различных противоправных деяний, совершаемых с использованием цифровых технологий, включая распространение деструктивной информации, нарушения в сфере обработки персональных данных и иных публично-правовых запретов. При этом традиционные подходы к доказыванию, сформированные применительно к правонарушениям, совершаемым вне цифровой среды, нередко оказываются недостаточными для эффективного установления обстоятельств дела.

Особую значимость приобретает проблема использования электронных доказательств, к которым относятся цифровые следы, данные информационных систем, скриншоты и иные результаты фиксации информации в информационно-телекоммуникационных сетях [1, с. 129]. Недостаточная нормативная регламентация порядка их получения, закрепления и оценки, а также отсутствие единообразия судебной и административной практики создают риски признания таких доказательств недопустимыми и затрудняют достижение целей административного производства, указанных в КоАП РФ.

Дополнительные сложности связаны с анонимным и трансграничным характером сетевого взаимодействия, что осложняет установление лица, подлежащего административной ответственности, и повышает требования к качеству и полноте доказывания. В этих условиях особую актуальность приобретает задача обеспечения баланса между эффективностью административной юрисдикции и соблюдением конституционных прав и свобод личности в цифровой среде.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость научного осмысления особенностей доказывания по делам об административных правонарушениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных

[1] © Новгородов Д. А., 2026.

сетей, а также выработки теоретически и практико-ориентированных рекомендаций, направленных на совершенствование административно-процессуального регулирования указанной деятельности в части определения процессуального статуса электронных доказательств, установления единых требований к их допустимости, относимости и достоверности, а также формирования унифицированных алгоритмов их получения, фиксации, хранения и оценки в рамках административного производства [3, с. 40]. Отсутствие четких и систематизированных подходов к использованию цифровой информации в качестве доказательственной базы приводит к неоднородности правоприменительной практики и снижает предсказуемость принимаемых процессуальных решений. Так, Т. П. Пестова справедливо отмечает, что нормы об источниках доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях в КоАП РФ недостаточно систематизированы [4, с. 120].

Следует отметить, что доказывание по делам об административных правонарушениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, характеризуется рядом специфических проблем, обусловленных особенностями цифровой среды и недостаточной адаптацией административно-процессуального регулирования к современным условиям. Одной из ключевых проблем является неопределенность процессуального статуса электронных доказательств. Действующее законодательство не содержит системного регулирования цифровой информации как самостоятельного вида доказательств, что приводит к различным подходам к ее квалификации и оценке в правоприменительной практике [5, с. 70].

Кроме этого, существенные затруднения вызывает проблема допустимости электронных доказательств. Отсутствие четко регламентированных процедур получения, фиксации и изъятия цифровых данных порождает риск признания таких доказательств недопустимыми. На практике нередко возникают споры о законности способов фиксации информации в сети Интернет, использовании скриншотов, данных лог-файлов и иных цифровых следов, что снижает устойчивость доказательственной базы и усложняет процесс установления обстоятельств дела [6, с. 97].

Не менее значимой является проблема достоверности электронных доказательств. Цифровая информация отличается высокой степенью изменяемости и уязвимостью к подделке, удалению или искажению с использованием нейросетей, при этом выявление факта вмешательства зачастую требует специальных технических знаний. Отсутствие единых методик проверки подлинности электронных данных затрудняет их объективную оценку и повышает вероятность субъективного усмотрения при принятии процессуальных решений.

Отдельного внимания заслуживает проблема установления субъекта административного правонарушения. Анонимный или псевдонимный характер сетевого взаимодействия, использование средств сокрытия идентификационных данных, а также возможность удаленного доступа к информационно-телекоммуникационным сетям существенно осложняют идентификацию лица, подлежащего административной ответственности [7, с. 531].

Также особую актуальность приобретает проблема обеспечения баланса между эффективностью доказывания и соблюдением конституционных прав и свобод личности. Сбор и фиксация электронных доказательств по делам об административных правонарушениях зачастую связано с вмешательством в частную жизнь, тайну переписки и обработку персональных данных, что требует строгого соблюдения определенных процессуальных процедур. Недостаточная регламентация данных аспектов создает предпосылки для нарушения прав участников административного производства со стороны должностных лиц.

Совокупность указанных проблем свидетельствует о необходимости дальнейшего развития теории административного процесса и совершенствования нормативного регулирования доказывания по делам об административных правонарушениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, с учетом специфики цифровой среды.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что доказывание по делам об административных правонарушениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, представляет собой самостоятельную и сложную область административно-процессуальной деятельности, требующую специального научного осмысления и нормативного совершенствования. Цифровизация общественных отношений объективно трансформирует характер административной деликтности и выдвигает новые требования к средствам, способам и процедурам доказывания.

Особые трудности доказывания обусловлены спецификой информационно-телекоммуникационных сетей, включая анонимность сетевого взаимодействия, трансграничный характер цифровой среды и высокую динамичность электронных следов. Указанные обстоятельства существенно осложняют установление и фиксацию события правонарушения, личности правонарушителя и причинно-следственной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями. В результате возрастает риск как необоснованного привлечения лиц к административной ответственности, так и уклонения виновных от ответственности вследствие процессуальных пробелов.

Наши выводы подтверждают необходимость выработки теоретически и практико-ориентированных рекомендаций, направленных на совершенствование административно-процессуального регулирования в части доказывания по делам данной категории. В числе приоритетных направлений следует выделить нормативное закрепление понятия электронных доказательств, формирование унифицированных алгоритмов их получения и фиксации, а также разработку единых критериев их оценки с учетом особенностей цифровой среды. Не менее важным является повышение уровня профессиональной подготовки должностных лиц, осуществляющих административное производство, в сфере работы с цифровой информацией.

Таким образом, совершенствование института доказывания по делам об административных правонарушениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, выступает необходимым условием обеспечения законности, защиты прав и свобод личности и повышения эффективности административной юрисдикции в условиях цифровой трансформации современного общества.

Список литературы

1. Соловьева М. Н. Электронные доказательства как средство доказывания по делам об административных правонарушениях // Современные правовые проблемы: взгляд студентов и курсантов. Тюмень, 2023. С. 127–133.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

3. Зубарев Д. С. Электронные доказательства как независимый элемент доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Юридическая наука. 2024. № 2. С. 39–43.

4. Пестова Т. П. Специальные технические средства как источники доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 3. С. 118–121.

5. Минков А. В. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // International Journal of Professional Science. 2025. № 5–1. С. 66–71.

6. Куликова Я. А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 81–98.

7. Хлопонина А. И. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Правовой порядок и правовые ценности : сборник научных статей IX Национальной научно-практической конференции с международным участием. Ростов н/Д, 2025. С. 524–536.

Павленко О. С.[1]*,*
адъюнкт
Воронежского института МВД России

ПОЛИЦИЯ КАК СУБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В современных условиях молодежная политика выступает одним из наиболее важных и перспективных направлений государственной деятельности, что отмечается на высшем государственном уровне. После внесения, одобрения и вступления в силу конституционных поправок по итогам общероссийского голосования в июле 2020 г. «молодежная политика» была впервые упомянута в качестве вопроса совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, встав в один ряд с общими вопросами воспитания и образования (ст. 72 Конституции Российской Федерации) [1].

Кроме того, в своих выступлениях и докладах Владимир Владимирович Путин не раз отмечал приоритетность государственной поддержки и стимулирования развития молодых граждан, создания и укрепления соответствующей инфраструктуры, традиционных ценностей российского общества. По убеждению Президента России, именно от работы с молодежью «зависит будущее страны, ее успехи и свершения» [2].

Как справедливо отмечает Ю. В. Шилов, «существование любого человеческого сообщества немыслимо без осмысления того, как оно будет функционировать и развиваться» в дальнейшем. Именно это обусловливает необходимость обращения пристального внимания на молодое поколение, представители которого в обозримом будущем будут принимать «важнейшие управленческие решения, формировать государственную политику, влиять на политические процессы» [3, с. 882].

Действительно, молодежь является наиболее активной и мобильной социальной группой, быстро реагирующей на изменения общественно-политической обстановки. Ее социально-экономическое и демографическое благополучие, разделяемые ценности и интересы, качество и степень профессиональной, культурной, духовной активности, политическое и правовое сознание являются факторами, определяющими развитие российского государства.

В настоящее время принят и действует Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике» (далее – Закон о молодежной политике), который определяет целевые ориентиры, формы и направления работы с молодежью и является ведущим нормативно-правовым актом в указанной сфере. Государственная молодежная политика носит комплексно-системный характер, предполагающий всесторонний подход к созданию необходимых условий для самореализации и развития молодых граждан, ее духовно-нравственного и патриотического воспитания, выступающих фундаментом не только стабилизации текущего состояния внешне- и внутригосударственных процессов, но и (в перспективе) национальной безопасности, глобальной конкурентоспособности и суверенитета России Она аккумулирует в себе меры орга-

[1] © Павленко О. С., 2026.

низационно-управленческого, кадрового, научного, нормативно-правового, финансово-экономического, информационно-аналитического и иного характера. Иными словами, молодежная политика современного российского государства представляет собой скоординированную систему разноплановых мероприятий, средств и инструментов, призванных обеспечить условия достойного существования и развития молодых граждан во всех сферах жизнедеятельности [4].

С учетом признания перспективности и эффективности последовательных, планомерных и согласованных приемов работы органов публичной власти и институтов гражданского общества, в июле 2024 г. Правительством Российской Федерации была утверждения Стратегия реализации молодежной политики Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Стратегия), которая включает в себя подробное изложение актуального социально-экономического положения, духовных ориентиров, ценностей молодых граждан, вызовов и угроз государственной политики в сфере молодежи, а также ее самостоятельные приоритетные направления [5].

В данном контексте хотелось бы отметить позицию Т. С. Попковой, по мнению которой переход к применению программно-целевого метода управления и стратегическому планированию при осуществлении молодежной политики, «подчеркивают ее важность в контексте приоритетов общенационального развития» [6, с. 48].

Традиционно основными субъектами реализации молодежной политики выступают органы государственной власти и местного самоуправления, учреждения социального обслуживания, образования, культуры и спорта, государственные и муниципальные учреждения, некоммерческие молодежные и иные общественные объединения. В свою очередь, анализ современных общественных тенденций и геополитического состояния государства свидетельствует о возрастающей роли правоохранительных органов в этом процессе, в особенности – органов внутренних дел (полиции). Это обусловливается рядов факторов, среди которых представляется целесообразным выделить следующие.

Молодежь представляет собой наиболее уязвимую категорию населения, испытывающую на себе негативное влияние антисоциальных групп и криминальных элементов общества. В соответствии со ст. 1 Закона о молодежной политике данная социальная группа включает в себя граждан России в возрасте от 14 до 35 лет включительно. На этом этапе социально-психологического развития происходит активное формирование системы нравственных и ценностно-смысловых ориентиров, правосознания и отношения к закону, выработка правопослушной или, напротив, противоправной направленности личности. В криминологии установлено, что детский и подростковый криминальный опыт имеет тенденцию перерастать во взрослую рецидивную преступность. Именно поэтому предупреждение и профилактика правонарушений в молодом возрасте является приоритетной целью государства.

В последние годы подростки и молодые граждане активно вовлекаются в совершение преступлений экстремистской и террористической направленности. Среди молодежи распространяются агрессия, радикализм, ксенофобия, травля.

Как показывают результаты исследования А. В. Абушинова, способы совершения экстремистских преступлений в условиях развития цифровых технологий трансформируются и совершенствуются в кратных размерах. Молодые граждане в возрасте 14–29 лет занимают второе место среди всех групп населения, совершающих преступления данной направленности. Экстремизм всецело становится молодежным [7, с. 171].

Современным вызовом и угрозой для российского общества неизменно остается кризис традиционных и семейных ценностей, ослабляются межпоколенные связи, растет правовой нигилизм, снижается степень сознательности молодых граждан, что в том числе связано с распространением в информационно-телекоммуникационных сетях деструктивного контента, пропагандирующего нетрадиционные сексуальные отношения, нормальность преобладания личных корыстных целей над общественными и государственными. Возрастает киберпреступность [5].

Так, согласно исследованию Л. В. Готчиной, среди причин и условий совершения правонарушений молодыми лицами особо активная роль отводится снижению степени родительского контроля за подростками в переходный период взросления, а также попыткам внедрения в информационное пространство западных ценностей, в том числе «однополых браков, легализации наркотиков, которые представляют собой самый высокодоходный криминальный бизнес [8, с. 75].

В соответствии с Законом о молодежной политике в числе комплекса ее основных направлений важное место занимают вопросы правового просвещения и правового информирования молодежи, а также предупреждение правонарушения и антиобщественных действий молодых граждан (пп. 14, 25 ст. 6 настоящего Закона). Вместе с тем согласно вышеупомянутой Стратегии к приоритетам и задачам политики в области обеспечения государственной и общественной безопасности в молодежной среде на сегодняшний день отнесены «противодействие деструктивному поведению молодежи, ее правовое просвещение и информационная защита», «формирование законопослушного поведения, защита молодежи от деструктивного информационно-психологического воздействия, предупреждение правонарушений и антиобщественных действий молодежи». Представляется, что в реализации этих задач высокую роль играет полицейская деятельность.

В целях реализации Стратегии в 2025 г. Федеральным агентством по делам молодежи (далее – Росмолодежь) был подготовлен, а Правительством утвержден соответствующий План мероприятий (далее – План). В соответствии с Планом определены сроки реализации мероприятий в рамках конкретных направлений государственной молодежной политики, ответственные исполнители и ожидаемые результаты их деятельности. Комплексный анализ положений рассматриваемого документа позволил установить следующее:

1) органы внутренних дел Российской Федерации (полиция) не выступают единственными или ведущими субъектами реализации государственной молодежной политики, в том числе в рамках конкретных правоохранительных мероприятий. Их деятельность осуществляется при межведомственном взаимодействии с иными органами исполнительной власти, в том числе МЧС, Минобрнауки, Минпросвещения, ФСИН России, Росгвардией, Роскомнадзо-

ром, Росмолодежью, а также с Общероссийским общественно-государственным движением детей и молодежи «Движение первых» – активно развивающимся и поддерживаемым государством молодежным общественным объединение;

2) реализуемые органами внутренних дел (полицией) мероприятия в соответствии с Планом включают в себя:

– профилактику насилия в отношении детей и подростков, формирование у них навыков безопасного дорожного движения, безопасного поведения в пространстве сети Интернет, предотвращение и пресечение детской безнадзорности;

– разработку и внедрение межведомственной программы по неприятию буллинга (систематической агрессии);

– вовлечение молодежи в активные формы просоциальной деятельности, в том числе добровольчество и волонтерство, развитие позитивного медиаконтента, профилактику негативных социальных явлений антиникотинового, антиэкстремистского, антиалкогольного, антитеррористического характера;

– ограничение доступа к деструктивной информации в сети Интернет, а также контента, склоняющего детей к совершению противоправных, антиобщественных и опасных для жизни и здоровья действий;

– разработку методических материалов, направленных на профилактику деструктивного поведения молодых граждан;

– профилактику распространения влияния радикальных религиозных организаций, террористических, экстремистских, националистических идей;

– внедрение эффективных форм вовлечения подростков и молодежи в правоохранительную и правотворческую деятельность [9].

Анализ практического правоприменительного опыта полицейских подразделений позволяет выделить некоторые направления их участия в реализации молодежной политики.

1. Осуществление общепрофилактических и частнопревентивных мероприятий. Особое значение в контексте рассматриваемой проблематики приобретает деятельность подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН). Она включает в себя проведение индивидуально-профилактической работы в отношении детей и подростков, совершивших правонарушения и антиобщественные действия, а также проведение профилактических бесед, лекций, семинаров в образовательных организациях, в том числе на основании Плана совместных мероприятий территориального ОВД и администрации образовательной организации. Вместе с тем профилактические мероприятия осуществляются также сотрудниками иных полицейских подразделений, в особенности – участковыми уполномоченными полиции, инспекторами безопасности дорожного движения.

2. Правоприменительная деятельность в области мониторинга социальных сетей, выявление деструктивного экстремистского, террористического, националистического медиаконтента в информационном пространстве, принятие мер во взаимодействии с Роскомнадзором по его блокированию и удалению, установление личности правонарушителей и применение к ним административно-юрисдикционных мер. Выявление противоправной деятельности радикальных религиозных организаций, имеющих целью склонение молодых граждан к со-

вершению общественно опасных деяний, в том числе связанных с молодежным экстремизмом.

3. Взаимодействие с молодежными общественными объединениями правоохранительной направленности, народными дружинами, студенческими и оперативными отрядами содействия полиции в вопросах охраны правопорядка в общественных местах в соответствии с положениями Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Основными формами привлечения молодых граждан к осуществлению правоохранительных функций в таком случае выступают совместные рейды, патрулирование территорий, оказание содействия в пресечении противоправных деяний и задержании виновных лиц, распространении правовых знаний. Иными словами, молодежь не только приобретает теоретическое представление о роли закона в жизни общества, но и сама становится активным сторонником социально-ориентированных действий, субъектом реализации функций правопорядка. Это позитивным образом сказывается на повышении как правосознания молодого поколения, так и результатов правоприменения [10, с. 342–343].

Перспективным выступает также опыт привлечения к взаимодействию с ОВД молодежных объединений, занимающихся отслеживанием противоправной информации в социальных сетях, созданием безопасного интернет-пространства, проведением с несовершеннолетними уроков кибербезопасности, творческим производством профилактического контента (роликов, информационных памяток и др.). Речь идет о деятельности так называемых кибердружинников и киберволонтеров.

4. Сотрудничество с детско-юношескими и молодежными организациями (таких как Российское движение школьников, Юнармия, «Юный друг полиции» и др.) в вопросах патриотического воспитания и профессиональной ориентации молодых граждан.

На основании вышеизложенного можно заключить, что полиция выступает значимым субъектом реализации государственной молодежной политики, выполняя не только правоохранительные, но и социально-профилактические, воспитательные, информационно-просветительские функции. Современная модель участия органов внутренних дел в работе с молодежью характеризуется переходом от сугубо административных методов к партнерским отношениям, основанным на доверии, взаимной ответственности и совместной деятельности.

В настоящее время представляется особо перспективным:

– выстраивание нормативной концепции конструктивно-доверительных отношений между полицией и молодежью, в особенности с молодежными общественными объединениями различных видов и организационно-правовых форм;

– разработка мер по повышению имиджа полиции в глазах молодежи и укреплению взаимного доверия указанных субъектов;

– сохранение баланса между превентивными (проактивными) и реактивными методами полицейской деятельности в области реализации целей, направлений и задач молодежной политики.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. Путин: Россия развивается благодаря молодежи. URL: https://rg.ru/2025/06/28/putin-rossiia-razvivaetsia-blagodaria-molodezhi.html.

3. Шилов Ю. В. Некоторые аспекты государственной молодежной политики // Флагман науки. 2025. № 4 (27). С. 882–884.

4. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1. Ст. 28.

5. Распоряжение Правительства Росссийской Федерации от 17 августа 2020 г. № 2233-р «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Попкова Т. С. Стратегическое планирование в области государственной молодежной политики // Административное право и процесс. 2024. № 8. С. 48–50.

7. Абушинов А. В. Понятие и содержание криминологического противодействия молодежному экстремизму // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 168–181.

8. Готчина Л. В. О преобладающих видах и факторах преступности несовершеннолетних и молодежи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 4 (58). С. 71–77.

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 июня 2025 г. № 1620-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии реализации молодежной политики в РФ на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Павленко О. С. О формировании правовых основ и совершенствовании механизма взаимодействия органов внутренних дел с молодежными общественными объединениями правоохранительной направленности в контексте профилактики преступлений несовершеннолетних // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты : сборник научных статей XVII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, 30 мая 2024 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 339–351.

Пашаев М. Р.[1]*,*
студент
кафедры правового обеспечения
национальной безопасности
Юридического факультета имени М.М. Сперанского
Института права
и национальной безопасности РАНХиГС

Ожогина Е. И.[2]*,*
студент
кафедры правового обеспечения
национальной безопасности
Юридического факультета имени М.М. Сперанского
Института права
и национальной безопасности РАНХиГС

Научный руководитель:
Овчинников О. А.,
доцент кафедры
правового обеспечения
национальной безопасности
Института права
и национальной безопасности РАНХиГС,
кандидат юридических наук

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ (ЧП, КТО, КОНТРСАНКЦИОННЫЙ РЕЖИМ)

Актуальность темы исследования. В современных условиях возрастают риски возникновения ситуаций, требующих введения особых правовых режимов: террористических угроз, техногенных катастроф, политико-экономического давления. В этих условиях именно на полицию ложится основная нагрузка по охране общественного порядка и безопасности граждан. Правовое регулирование деятельности полиции при режимах чрезвычайного положения (далее – ЧП), контртеррористической операции (далее – КТО) и в условиях контрсанкционных мер имеет свою специфику: расширяются полномочия сотрудников, но одновременно могут ограничиваться права граждан. Однако анализ законодательства и правоприменительной практики выявляет ряд пробелов и коллизий, что требует научного осмысления. Особую актуальность приобретает изучение контрсанкционного режима как нового явления в российской правовой системе.

[1] © Пашаев М. Р., 2026.
[2] © Ожогина Е. И., 2026.

Целью статьи является выявление особенностей правового регулирования и проблем правоприменения в деятельности полиции в условиях ЧП, КТО и контрсанкционного режима.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере деятельности полиции при особых правовых режимах.

Предмет исследования – нормы права, регламентирующие полномочия и порядок действий полиции в условиях ЧП, КТО и контрсанкционного режима.

Особые правовые режимы представляют собой специальный комплекс нормативных предписаний и административно-организационных мер, вводимых на определенной территории или в отношении определенного круга лиц в связи с возникновением чрезвычайных ситуаций социального, природного или техногенного характера. Данные режимы предполагают временное изменение компетенции органов государственной власти, наделение их дополнительными полномочиями, а также возможность ограничения прав и свобод граждан в той мере, в какой это необходимо для устранения угрозы безопасности и защиты конституционного строя [7, с. 42].

В рамках настоящего исследования рассматриваются три ключевые разновидности особых правовых режимов:

1) режим ЧП регулируется Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и вводится лишь при наличии обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер. Основаниями могут быть как попытки насильственного изменения конституционного строя, массовые беспорядки, так и природные и техногенные катастрофы;

2) режим КТО регламентируется Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму и вводится для пресечения террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства. Отличается наибольшей степенью концентрации силовых ресурсов и временным ограничением прав граждан в зоне проведения операции;

3) контрсанкционный режим представляет собой относительно новый для российской правовой системы институт, связанный с реализацией специальных экономических мер в ответ на недружественные действия иностранных государств. Правовую основу составляют указы Президента Российской Федерации (например, Указ № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»). В отличие от ЧП и КТО, контрсанкционный режим ориентирован преимущественно на экономическую сферу, однако предполагает участие полиции в выявлении и пресечении административных правонарушений, связанных с оборотом санкционной продукции.

Деятельность полиции в условиях особых правовых режимов регулируется многоуровневой системой нормативных правовых актов. Базовым документом выступает Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в ст. 2 которого определены основные направления деятельности, включая за-

щиту личности, общества и государства от противоправных посягательств, обеспечение правопорядка в общественных местах, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений.

Применительно к режиму ЧП ключевое положение содержит ст. 16 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», которая прямо устанавливает, что для обеспечения режима ЧП используются силы и средства органов внутренних дел наряду с подразделениями Росгвардии, органами ФСБ и МЧС. При этом в соответствии с поправками 2016 г. полиция действует в тесной координации с войсками национальной гвардии, что отражено в межведомственных приказах. В структуре управления территорией, на которой введено ЧП, создается комендатура, а комендант территории наделяется правом издавать обязательные для исполнения полицией приказы и распоряжения.

В рамках режима КТО полиция выступает одним из субъектов противодействия терроризму. Статья 5 Федерального закона № 35-ФЗ относит органы внутренних дел к числу федеральных органов исполнительной власти, участвующих в пределах своей компетенции в предупреждении, выявлении и пресечении преступлений террористического характера. Координация действий всех силовых структур осуществляется Национальным антитеррористическим комитетом и оперативными штабами в регионах.

Что касается контрсанкционного режима, правовая основа участия полиции здесь менее формализована. Полномочия сотрудников органов внутренних дел вытекают из общих задач по выявлению административных правонарушений. В частности, речь идет о составлении протоколов за нарушения, связанные с оборотом продукции, подпадающей под действие специальных экономических мер (санкционных товаров). Вместе с тем, как отмечается в научной литературе [8, с. 46], правовая природа данного режима и механизмы реализации полномочий полиции находятся в стадии формирования, что порождает определенные сложности в правоприменении.

Переход к особому правовому режиму объективно требует расширения дискреционных полномочий сотрудников полиции при одновременном возможном ограничении отдельных прав граждан. Важнейшим принципом такой деятельности выступают обоснованность и соразмерность применяемых мер принуждения [9, с. 115].

В условиях ЧП полиция получает право:

– осуществлять проверку документов у граждан;

– проводить досмотр транспортных средств;

– временно ограничивать или запрещать движение транспорта;

– входить в жилые помещения в установленном законом порядке;

– применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в расширенных пределах.

Со стороны граждан допускается введение таких ограничений, как комендантский час, временное выселение из зон опасности, ограничение въезда и выезда на определенную территорию.

В зоне проведения КТО полномочия полиции максимально широки. В соответствии с законодательством допускается:

– усиленная проверка документов;
– удаление граждан с отдельных участков местности;
– ограничение движения транспортных средств;
– прослушивание телефонных переговоров (по решению суда);
– временное отселение граждан в безопасные районы.

В отличие от двух предыдущих режимов, контрсанкционный режим не предполагает столь масштабного ограничения личных прав граждан. Он ориентирован на экономическую сферу: ограничения касаются ввоза и оборота определенных категорий товаров. Полномочия полиции здесь сводятся к выявлению нарушений в сфере предпринимательской деятельности, изъятию санкционной продукции и привлечению виновных к административной ответственности.

Таким образом, анализ показывает, что особые правовые режимы существенно трансформируют административно-правовой статус полиции, наделяя ее дополнительными полномочиями для оперативного реагирования на угрозы безопасности. При этом законодатель стремится сохранить баланс между необходимостью применения принудительных мер и соблюдением прав и свобод граждан, что требует дальнейшего совершенствования нормативного регулирования и правоприменительной практики [9, с. 115].

Деятельность полиции в особых правовых режимах регламентируется значительным массивом нормативных правовых актов различной юридической силы. Центральное место занимают Федеральный закон «О полиции», Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», Федеральный закон «О противодействии терроризму», а также указы Президента Российской Федерации, вводящие специальные экономические меры (контрсанкционные режимы). Анализ данных актов выявляет ряд коллизий, затрудняющих единообразное правоприменение.

Во-первых, наблюдается несоответствие между общими нормами ФЗ «О полиции» и специальными предписаниями режимных законов. Так, ст. 15 ФЗ «О полиции» допускает вскрытие транспортного средства лишь в строго ограниченных случаях (спасение жизни, обеспечение безопасности при массовых беспорядках, проверка сообщения о преступлении). В то же время в зоне проведения контртеррористической операции правовой режим допускает более широкий круг ограничений, включая блокирование объектов и досмотр транспорта без указанных в общем законе оснований. Возникает вопрос: каким актом должен руководствоваться сотрудник полиции в условиях КТО? Формально приоритет имеет специальный закон, однако отсутствие прямой отсылки в ФЗ «О полиции» к таким режимным полномочиям создает зону правовой неопределенности.

Во-вторых, серьезной проблемой остается разграничение компетенции между полицией, войсками национальной гвардии (Росгвардией) и органами ФСБ при проведении КТО. Согласно ст. 14 ФЗ «О противодействии терроризму» руководство операцией осуществляет руководитель оперативного штаба (как правило, представитель ФСБ). Полиция при этом выполняет вспомогательные

функции: оцепление, охрана общественного порядка, фильтрационные мероприятия. Однако на практике функции часто пересекаются: Росгвардия также обладает полномочиями по задержанию и досмотру. Дублирование полномочий ведет либо к несогласованности действий, либо к перекладыванию ответственности. Отсутствие в открытых источниках детальных регламентов взаимодействия не позволяет оценить эффективность существующей модели.

Особую сложность представляют так называемые гибридные угрозы: ситуации, сочетающие признаки массовых беспорядков, экстремистских проявлений и террористической угрозы, но формально не достигающие критериев ни КТО, ни ЧП. Примером могут служить попытки дестабилизации обстановки во время несанкционированных митингов, переходящих в столкновения с полицией. В таких условиях правовой статус полиции размыт: применять особые меры (ограничение передвижения, проверка документов у всех граждан) она может лишь в ограниченных пределах, что снижает эффективность пресечения противоправных действий.

Особые правовые режимы неизбежно влекут временное ограничение конституционных прав и свобод граждан. Право на неприкосновенность жилища, тайну переписки, свободу передвижения, мирные собрания могут быть ограничены, но лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации). Однако на практике соблюдение этого баланса вызывает вопросы.

Во-первых, основания для применения ограничительных мер сформулированы в законодательстве недостаточно четко. Например, при введении режима ЧП полиция получает право проверять документы у граждан, а при необходимости – проводить личный досмотр. Однако закон не уточняет критерии необходимости. Это создает риск субъективного усмотрения и, как следствие, возможных злоупотреблений.

Участившиеся в правоприменительной практике случаи жалоб на действия сотрудников полиции в период проведения массовых мероприятий свидетельствуют о том, что грань между законным ограничением и произволом порой стирается [6].

Во-вторых, отсутствуют эффективные механизмы оперативного обжалования действий полиции в условиях действия особого режима. Гражданин, чьи права нарушены, сталкивается с объективными сложностями: режимные меры (оцепление, комендантский час) затрудняют доступ к суду или вышестоящему начальнику полиции. Кроме того, сроки рассмотрения жалоб в обычном административном порядке могут длиться месяцами, тогда как режим может быть отменен раньше. В результате восстановление нарушенных прав становится затруднительным.

В-третьих, проблемным является пострежимный период. После отмены режима КТО или ЧП граждане, пострадавшие от действий полиции (например, в связи с временным изъятием имущества или вынужденным переселением), сталкиваются с бюрократическими препонами при попытке получить компенсацию. Действующее законодательство не устанавливает упрощенного порядка

подтверждения факта причинения вреда в условиях особых режимов, что нарушает право на справедливое возмещение.

Выявленные проблемы позволяют сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Во-первых, целесообразно внести изменения в Федеральный закон «О полиции», дополнив его отдельной главой или статьей, регламентирующей деятельность полиции в особых правовых режимах. В этой норме следует закрепить исчерпывающий перечень дополнительных полномочий полиции для каждого из режимов (ЧП, КТО, контрсанкционный режим) [7, с. 44]. Это исключит двойное толкование и позволит четко разделить повседневные и экстраординарные функции. Например, целесообразно прописать, что в зоне КТО полиция вправе осуществлять досмотр транспортных средств без составления протокола, но с обязательной видеофиксацией.

Во-вторых, требуется унификация понятийного аппарата. В законодательстве разрозненно используются термины: «особый правовой режим», «чрезвычайная ситуация», «режим повышенной готовности». Разработка и принятие единого федерального закона «Об особых правовых режимах» или хотя бы подзаконного акта, разъясняющего взаимодействие ведомств, позволило бы упорядочить правовую базу.

В-третьих, необходимо усилить процессуальные гарантии прав граждан. Предлагается:

– установить сокращенные сроки рассмотрения жалоб на действия полиции в период действия особого режима (например, три дня);

– вести обязательную видеофиксацию всех действий полиции, связанных с ограничением прав граждан, в зоне режима (как это уже частично реализовано при задержаниях);

– закрепить в законодательстве упрощенный порядок возмещения вреда, причиненного в период действия особых режимов, освободив граждан от необходимости доказывать факт причинения вреда в суде общей юрисдикции (например, создать административные комиссии с участием омбудсмена).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Правовое регулирование деятельности полиции в условиях особых режимов характеризуется фрагментарностью: нормы рассредоточены по множеству актов, что порождает коллизии между общим и специальным законодательством. Наиболее остро стоит проблема разграничения компетенции полиции с Росгвардией и ФСБ при проведении КТО, что снижает эффективность межведомственного взаимодействия.

Ключевой проблемой остается обеспечение баланса между публичными интересами и правами граждан. Нечеткость оснований для применения ограничительных мер создает риски злоупотреблений и затрудняет последующее обжалование. Отсутствие эффективных механизмов восстановления прав в пострежимный период нарушает конституционные гарантии граждан.

Для решения выявленных проблем необходимо внести изменения в ФЗ «О полиции», закрепив исчерпывающий перечень полномочий для каждого вида режима; унифицировать понятийный аппарат; ввести процессуальные гарантии (сокращенные сроки обжалования, обязательную видеофиксацию, упро-

щенный порядок компенсации вреда). Реализация этих предложений позволит повысить эффективность деятельности полиции при неукоснительном соблюдении прав и свобод граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

2. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 01.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277.

3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

4. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

5. Указ Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» (ред. от 16.05.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 19. Ст. 3207.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 2019 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 15 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина С. В. Зайцева» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

7. Кардашов А. А. Особые правовые режимы: понятие, виды, правовое регулирование // Административное право и процесс. 2023. № 4. С. 42–45.

8. Сидорова Е. И. Контрсанкционные режимы в системе административного права // Административное право и процесс. 2025. № 1. С. 45–49.

9. Воронов А. М. Деятельность полиции в условиях особых правовых режимов: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 115.

Поликарпова Е. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры противодействия преступлениям
в сфере информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Цифровая трансформация общественных отношений, будучи безусловным благом с точки зрения экономического и социального развития, неизбежно порождает новые вызовы для системы публичного порядка. Криминализация информационного пространства приобрела трансграничный и латентный характер, что ставит перед государством задачу поиска эффективных механизмов реагирования. Традиционно борьба с преступностью ассоциируется исключительно с уголовно-правовыми средствами: раскрытием преступлений, изобличением виновных и назначением наказания. Однако, как справедливо отмечается в современной административно-правовой доктрине, эффективное противодействие криминальным угрозам невозможно без использования административно-правовых механизмов, которые обеспечивают нормальное функционирование всей правоохранительной системы на этапе, предшествующем криминальному посягательству. В работах С. М. Зубарева [1] обосновывается позиция, согласно которой административно-правовые средства играют ключевую роль в обеспечении публичных интересов в цифровой среде.

В сфере информационных технологий (далее – IT-сфера) роль административно-правового обеспечения возрастает многократно. Это обусловлено спецификой самих общественных отношений: скорость распространения информации, анонимность субъектов, массовость потенциальных потерпевших. Уголовный закон, в силу принципа последнего довода (ultima ratio), вступает в действие тогда, когда иные средства исчерпаны. Задача же административного права – сформировать цифровой правопорядок, минимизировать риски и создать условия, при которых совершение преступления станет технически сложным или экономически невыгодным.

В связи с этим нужно констатировать, что институт административно-правового обеспечения является неотъемлемым компонентом реализации государственной функции по борьбе с IT-преступностью и представляет собой комплексную деятельность органов публичной власти, основанную на нормах административного права, направленную на предупреждение, выявление и пресечение административных правонарушений, создающих условия для совершения пре-

[1] © Поликарпова Е. В., 2026.

ступлений, а также на создание инфраструктурных и организационных условий для эффективной работы правоохранительных органов в цифровой среде.

Как подчеркивается в исследованиях И. М. Рассолова [4], информационное право и административное право тесно пересекаются в вопросах регулирования цифровой среды, и борьба с киберпреступностью сегодня – это не только работа следователя, но и ежедневная рутинная работа провайдеров, администраторов сайтов, операторов связи, регламентируемая подзаконными актами. Отсюда вытекает методологическая посылка: государственная функция борьбы с преступностью реализуется не только МВД и СК России, но и всей совокупностью субъектов административной юрисдикции.

Подавляющее большинство IT-преступлений (мошенничество, неправомерный доступ к компьютерной информации, распространение вредоносных программ и т. д.) совершаются с использованием легальных услуг и сервисов: сотовой связи, электронной почты, платежных систем, хостинга. Именно эти отношения – между пользователем и провайдером, между оператором связи и абонентом – являются предметом административно-правового регулирования. Как отмечает Э. В. Талапина, эволюция прав человека в цифровую эпоху требует адекватного правового реагирования на новые вызовы, и административно-правовые механизмы играют здесь ключевую роль [5].

Проведенный анализ действующего законодательства (КоАП РФ, Федеральный закон «О связи», Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и т. д.), позволяет классифицировать административно-правовые средства по функциональному назначению на три группы: регулятивные, профилактические и юрисдикционные.

1. **Регулятивные средства (создание правовой инфраструктуры).** К ним относятся требования по лицензированию деятельности в области оказания телематических услуг связи, шифровальных средств, а также аккредитация удостоверяющих центров. Лицензионные требования и условия являются административным барьером, отсеивающим недобросовестных участников рынка, потенциально готовых предоставлять свои ресурсы в преступных целях. В трудах Б. В. Россинского [6] подчеркивается, что лицензионно-разрешительная система является важнейшим инструментом предупреждения правонарушений в сферах, связанных с повышенной опасностью, к которым, несомненно, относится и информационная сфера. Кроме того, сюда входит институт обязательной сертификации средств защиты информации, что напрямую влияет на защищенность граждан и организаций от взломов и утечек данных.

2. **Профилактические средства.** Профилактика правонарушений занимает центральное место в обеспечении борьбы с преступностью. В современном цифровом контексте профилактика выражается:

– в деятельности по информированию и консультированию граждан о способах защиты от киберугроз;

– объявлении официальных предостережений о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений;

– мониторинге сети Интернет на предмет выявления признаков подготовки к совершению преступлений.

Особого внимания заслуживает институт ограничения доступа к информации (блокировка сайтов), предусмотренный Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Внесудебная блокировка ресурсов с противоправным контентом (детская порнография, пропаганда суицида, наркотиков) – это превентивная мера, которая предотвращает возможные преступления против личности и общественной безопасности. А. В. Минбалеев [7], исследуя проблемы регулирования информационных отношений, отмечает, что данный механизм является примером административного принуждения, направленного на защиту публичных интересов в сети.

3. **Юрисдикционные средства (меры административной ответственности).** Так, гл. 13 КоАП РФ посвящена правонарушениям в области связи и информации. Составы, предусмотренные ст. 13.11 (нарушение законодательства о персональных данных), ст. 13.15 (злоупотребление свободой массовой информации), ст. 13.31 (нарушение требований о хранении данных операторами связи) и др. напрямую способствуют реализации государственной функции противодействия преступности в информационной сфере.

Например, привлечение оператора к административной ответственности по ч. 2 ст. 13.31 КоАП РФ за неисполнение обязанности по хранению голосовой информации и текстовых сообщений пользователей лишает следственные органы возможности получить информацию о соединениях между абонентами. Следовательно, выявление данного административного правонарушения и назначение наказания (вплоть до дисквалификации) является косвенным, но крайне действенным способом обеспечения раскрываемости преступлений.

Однако эффективность административно-правового обеспечения напрямую зависит от слаженности работы уполномоченных органов. Основными субъектами здесь выступают:

1) органы внутренних дел: подразделения по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий;

2) Роскомнадзор: осуществляет надзор за соблюдением законодательства о персональных данных, за деятельностью операторов связи, ведет реестр запрещенной информации;

3) ФСБ России и ФСО России: обеспечивают безопасность критической информационной инфраструктуры.

Представляется, что основной проблемой здесь является межведомственная разобщенность. Как справедливо замечает С. М. Зубарев [1], в контексте исследования цифровых технологий контроля обмен оперативной информацией между ведомствами зачастую затруднен из-за различий в ведомственных регламентах и уровнях доступа к базам данных, что требует унификации подходов к цифровизации контрольно-надзорной деятельности.

Другой проблемой является недостаточная техническая оснащенность административных юрисдикционных органов. Если хакеры используют технологии искусственного интеллекта и шифрования, то инспектор Роскомнадзора зачастую располагает лишь устаревшим программным обеспечением для мониторинга. Это приводит к тому, что многие административные правонару-

шения остаются невыявленными, а значит, не срабатывает механизм профилактики правонарушений.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что административно-правовое обеспечение является не вспомогательным, а фундаментальным компонентом государственной функции борьбы с преступностью в сфере информационных технологий. Уголовное право и процесс реагируют на уже свершившийся факт преступления, в то время как административное право выстраивает систему защиты на дальних подступах: регулирует отношения провайдеров и пользователей, заставляет бизнес вкладываться в защиту данных, блокирует опасный контент.

Эффективность борьбы с киберпреступностью сегодня зависит от того, насколько быстро и качественно будет выстроена система административной юрисдикции. Без четкой работы Роскомнадзора, без неотвратимости наказания операторов связи за нарушение правил хранения данных, без оперативно-профилактических мероприятий полиции по выявлению незаконно реализуемых SIM-карт любые усилия следователей и криминалистов будут тщетны из-за отсутствия доказательственной базы.

Современное состояние законодательства позволяет говорить о формировании в России комплексного межотраслевого института противодействия IT-деликтам, где административное право играет роль первой линии обороны. Дальнейшее развитие этого института должно идти по пути цифровизации самого контроля, внедрения систем искусственного интеллекта для мониторинга сети и совершенствования межведомственного взаимодействия.

Список литературы

1. Зубарев С. М., Сладкова А. В. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 53–59.

2. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2005.

3. Старилов Ю. Н. Требования правового государства – надлежащая основа для формирования парадигмы российского административного права // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 42–54.

4. Рассолов И. М. Информационное право : учебник и практикум для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024.

5. Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 3. С. 122–146.

6. Россинский Б. В. Административное право и административная ответственность : курс лекций. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2022.

7. Минбалеев А. В. Проблемы правового регулирования ограничения доступа к информации в сети Интернет // Информационное право. 2020. № 1. С. 20–25.

Полунина Е. Н.[1]*,*
заместитель начальника
кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России

КИБЕРБУЛЛИНГ И КИБЕРПРЕСЛЕДОВАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Цифровизация детской и подростковой среды привела к тому, что значительная часть социальной коммуникации несовершеннолетних переместилась в интернет, где формируются новые формы девиантного поведения, в том числе кибербуллинг и киберпреследование. Под кибербуллингом в научной литературе понимается систематическое осуществление психологического давления в онлайн-пространстве посредством оскорблений, угроз, распространения порочащих сведений, публикации личной информации без согласия, создания фейковых аккаунтов и иных форм травли, направленных на причинение моральных страданий жертве [1, с. 202–207]. Киберпреследование, в свою очередь, характеризуется навязчивыми контактами, слежкой, сбором и использованием персональных данных несовершеннолетнего, в том числе с применением социальных сетей, мессенджеров и игровых платформ [2, с. 89–91]. Особенность указанных явлений состоит в их латентности, высокой скорости распространения информации, а также в слиянии онлайн- и офлайн-пространств, что усиливает негативные последствия для психики детей и подростков [3, с. 5–7].

Действующее российское законодательство не содержит легального определения кибербуллинга, что создает существенные трудности для его квалификации и разграничения с иными правонарушениями. В отсутствие специальной нормы правоприменители вынуждены применять совокупность разнородных составов административных правонарушений, в первую очередь норм о защите чести и достоинства, неприкосновенности частной жизни и персональных данных. Наиболее часто для квалификации действий кибербуллеров используется ст. 5.61 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за оскорбление, в том числе совершенное в сети Интернет, что позволяет пресекать отдельные проявления онлайн-травли в форме унизительных комментариев и сообщений [4, с. 37–39]. Раскрытие личной информации (доксинг), публикация интимных фотографий или переписки без согласия несовершеннолетнего могут подпадать под действие ст.ст. 13.11 и 13.14 КоАП РФ, предусматривающих ответственность за нарушение законодательства о персональных данных и разглашение информации с ограниченным доступом [1, с. 202–207]. Однако фрагментарность регулирования не позволяет охватить комплексный характер кибербуллинга, включающий систематичность, целенаправленность и групповую динамику травли [5, с. 396–401].

[1] © Полунина Е. Н., 2026.

Проблемы квалификации противоправных действий в сети Интернет в отношении несовершеннолетних проявляются, во-первых, в трудности установления границ между социально неприемлемым, но юридически нейтральным поведением (троллинг, конфликтная коммуникация) и правонарушением, требующим вмешательства государства. Юридическая оценка онлайн-издевательств нередко зависит от субъективного восприятия жертвы и контекста общения, что в свою очередь создает риск произвольного вмешательства в свободу выражения мнения, гарантированную Конституцией Российской Федерации [6, с. 144–146]. Значительные сложности вызывает квалификация киберпреследования: многократные сообщения, навязчивые комментарии, слежка за активностью в сети и угрозы могут носить явно антисоциальный характер, однако не всегда содержат состав административного правонарушения в узком смысле, особенно при отсутствии прямых оскорблений или разглашения сведений [2, с. 92–93]. Неурегулированной остается ситуация, когда травля осуществляется в закрытых чатах или игровых сообществах с использованием анонимных аккаунтов, что, несомненно, затрудняет идентификацию нарушителя и фиксацию доказательств для привлечения к ответственности [7, с. 32–33].

Отдельного анализа требует вопрос привлечения к административной ответственности самих несовершеннолетних, которые нередко выступают не только жертвами, но и активными участниками кибербуллинга. Согласно общим положениям КоАП РФ, административной ответственности подлежат лица, достигшие возраста 16 лет, при этом к ним могут применяться как штрафы, так и иные меры воздействия, включая предупреждение и передачу материалов в комиссии по делам несовершеннолетних [1, с. 202–207]. Но здесь практика показывает, что значительная часть онлайн-травли инициируется подростками в возрасте 13–15 лет, не достигшими возраста административной ответственности, что объективно ограничивает возможности применения карательных санкций и смещает акцент на меры воспитательного и профилактического характера [3, с. 9–10]. В отношении несовершеннолетних правонарушителей используются механизмы социально-педагогического воздействия, привлечения родителей к ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ за неисполнение обязанностей по воспитанию детей, однако, следует заметить, что эффективность таких мер нередко оказывается недостаточной из-за формального подхода к их применению [8, с. 94–96]. Кроме того, отсутствие в законодательстве специальной нормы о кибербуллинге приводит к неоднородности судебной практики, когда сходные ситуации квалифицируются по различным составам или остаются вне правового реагирования.

Существенной проблемой является определение пределов вмешательства государства в частную коммуникацию несовершеннолетних в сети Интернет и баланс между защитой прав ребенка и уважением информационной автономии личности. Чрезмерная криминализация и администрирование онлайн-поведения детей и подростков может привести к стигматизации и вторичной виктимизации жертв, а также к формированию атмосферы тотального контроля, противоречащего принципам доверия в образовательной и семейной среде [6, с. 147–148]. В зарубежной практике, в частности в законодательстве ряда европейских стран, прослеживается тенденция к сочетанию мягкого пра-

вового регулирования с развитием механизмов саморегуляции интернет-платформ, введением кодексов поведения и алгоритмов модерации, ориентированных на защиту несовершеннолетних [2, с. 94–95]. В России подобные подходы только формируются: отдельные социальные сети и мессенджеры внедряют фильтры нежелательного контента, функции блокировки пользователей и анонимной жалобы, однако их использование требует правового сопровождения и интеграции в систему государственного и общественного контроля [5, с. 396–401].

Механизмы профилактики кибербуллинга и киберпреследования несовершеннолетних должны носить комплексный характер, сочетая правовые, организационные, педагогические и информационно-технологические меры. На правовом уровне в научной литературе обоснована необходимость принятия специального федерального закона о противодействии буллингу и кибербуллингу, который содержал бы легальное определение этих явлений, закреплял бы их виды и формы, а также устанавливал бы общие принципы ответственности и реабилитации жертв [9, с. 24–29]. На уровне правоприменения важным является развитие методических рекомендаций для образовательных организаций, органов системы профилактики безнадзорности и правоохранительных органов по фиксации и оценке случаев онлайн-травли, в том числе через создание межведомственных алгоритмов реагирования [4, с. 40–41]. В сфере образования ключевую роль играют программы цифровой грамотности и медиабезопасности, направленные на формирование у несовершеннолетних навыков безопасного поведения в сети, понимания правовых последствий онлайн-травли и готовности обращаться за помощью при угрозе кибербуллинга [7, с. 35–36]. При этом отметим, что зарубежный и российский опыт свидетельствует о том, что исключительно законодательными мерами проблему кибербуллинга решить невозможно, требуются долгосрочные социальные стратегии, ориентированные на изменение ценностных установок молодежной среды [10, с. 55–63].

Таким образом, административно-правовое регулирование кибербуллинга и киберпреследования несовершеннолетних в России находится на стадии формирования и характеризуется сочетанием частных норм и фрагментарной правоприменительной практики. Отсутствие легального определения кибербуллинга, специальных составов административных правонарушений и единых подходов к квалификации препятствует эффективной защите прав детей в цифровой среде и порождает риск, как безнаказанности агрессоров, так и чрезмерного вмешательства государства в сферу частной коммуникации. Перспективным направлением развития видится кодификация норм о защите несовершеннолетних в интернете, усиление межведомственного взаимодействия, институционализация механизмов профилактики и выработка сбалансированной модели ответственности, ориентированной на восстановление нарушенных прав и реинтеграцию участников конфликтов в безопасную образовательную среду [2, с. 96–97].

Список литературы

1. Попов В. В., Ерохина А. В., Черкасова С. В. Юридическая ответственность несовершеннолетних граждан за противоправные действия в сети Интер-

нет (сравнительно-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 202–207.

2. Назарова И. С. Проблемы регламентации ответственности за кибербуллинг в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 89–97.

3. Шайкова М. В. Защита несовершеннолетних в онлайн и офлайн пространстве: дилемма кибербуллинга // Виктимология. 2024. Т. 11. № 1. С. 5–12.

4. Защита несовершеннолетних в онлайн-пространстве / [М. В. Шайкова и др.] // Виктимология. 2023. Т. 10. № 4. С. 35–43.

5. Бондаренко Л. В. Кибербуллинг в современных условиях: правовые аспекты противодействия // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования : сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции : в 2 т. Курск, 19 ноября 2021 г. Т. 1. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 396–401.

6. Иванова К. А., Степанов А. А., Немчинова Е. В. Кибербуллинг как девиация права граждан на свободу выражения мнения в сети Интернет // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 140–149

7. Жучкова Е. М. Интернет-зависимость у подростков и проблема кибербуллинга // Вопросы ювенальной юстиции. 2022. № 4. С. 30–37.

8. Березина О. С. Социальная профилактика кибербуллинга среди подростков // Социальная педагогика. 2015. № 2. С. 92–98.

9. Ложкина Т. Е., Могилева Е. В., Первакова А. С. Правовое регулирование кибербуллинга в России и зарубежных странах // Право. Экономика. Психология. 2022. № 2 (26). С. 24–29.

10. Киселева А. С. Теоретические основы информационно-правового сопровождения профилактики буллинга в молодежной среде // 70-я научно-практическая конференция преподавателей и студентов : Материалы конференции, Благовещенск, 22 апреля 2021 г. Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2021. С. 55–63.

Полякова А. В.[1]*,*
преподаватель кафедры
специальной подготовки
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД В РАМКАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Современные вызовы требуют трансформации традиционных подходов к правоприменению. Органы внутренних дел (далее – ОВД) сталкиваются с необходимостью повышения эффективности, прозрачности и оперативности своей работы. Цифровизация выступает ключевым инструментом решения этих задач, позволяя оптимизировать административно-процессуальные процедуры и минимизировать бюрократические барьеры.

Целью статьи выступает анализ перспектив внедрения цифровых технологий в деятельность ОВД и их влияние на совершенствование административно-процессуального регулирования [1, с. 184].

Сама по себе цифровизация правоприменительной деятельности ОВД охватывает несколько ключевых направлений:

– автоматизация документооборота. Переход на электронный документооборот (ЭДО), что позволяет сократить время обработки административных материалов, минимизировать ошибки, связанные с ручным вводом данных, а также обеспечить централизованное хранение информации;

– внедрение систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), которое может использоваться для анализа больших массивов данных при выявлении правонарушений, прогнозирования криминогенных тенденций, автоматизации рутинных решений (например, вынесения постановлений о штрафах);

– развитие цифровых платформ взаимодействия с гражданами, например: онлайн-приемных для подачи заявлений, мобильных приложенияй для оперативного информирования о правонарушениях, сервисов для отслеживания статуса рассмотрения дел;

– интеграция баз данных. Объединение информационных ресурсов различных ведомств (МВД, ФНС, Росреестр и др.) обеспечивает: быстрый доступ к актуальным данным, предотвращение дублирования информации, повышение точности проверок;

– использование технологий Big Data и аналитики. Анализ данных позволяет выявлять закономерности в совершении административных правонарушений, оптимизировать распределение сил и средств ОВД, прогнозировать риски в конкретных районах [2, с. 347];

[1] © Полякова А. В., 2026.

– внедрение электронного правосудия. Цифровизация процессов рассмотрения административных дел включает проведение онлайн-заседаний, электронный обмен доказательствами, автоматизированное формирование процессуальных документов.

Безусловно, цифровизация административно-процессуальной деятельности ОВД дает ряд преимуществ. Среди них можно ометить следующие:

1. Повышение скорости процессов. Автоматизация сокращает сроки рассмотрения дел с нескольких дней до часов.

2. Снижение нагрузки на сотрудников. Рутинные операции (заполнение форм, проверка данных) выполняются алгоритмами.

3. Прозрачность и подотчетность. Электронные системы фиксируют все действия, что минимизирует коррупционные риски.

4. Доступность услуг. Граждане получают возможность взаимодействовать с ОВД дистанционно, без посещения отделений.

5. Точность данных. Цифровые инструменты снижают вероятность ошибок, вызванных человеческим фактором.

Несмотря на все очевидные плюсы, цифровизация сталкивается с рядом определенных проблем и ограничений. Так устаревшая инфраструктура в отдельных регионах затрудняет внедрение новых решений, материально-техническое обеспечение отделов внутренних дел не всегда находится на должном уровне. Рост числа цифровых сервисов также повышает риски утечки персональных данных, что оказывает негативное влияние на внедрение цифровых технологий в деятельность ОВД [3, с. 165].

Учитывая специфику деятельности полиции, законодательство не всегда успевает адаптироваться к технологическим инновациям. Например, вопросы использования ИИ в принятии процессуальных решений требуют четкой правовой регламентации.

Нельзя оставить без внимания и так называемые кадровые вопросы. Сотрудникам ОВД необходимо обучение работе с новыми системами, однако, в настоящее время, существует проблема кадровой политики, в связи с чем организация обучения сотрудников вызывает определенные организационные трудности.

Еще одним немаловажным факторов выступает социальный аспект. Так, не все граждане готовы к полному переходу на цифровые сервисы, особенно пожилые люди.

Отсюда следует, что для успешной цифровизации административно-процессуальной деятельности ОВД необходимо:

– модернизировать законодательную базу. Внести изменения в КоАП РФ и другие нормативные акты, а именно закрепить статус электронных документов, правила использования ИИ в правоприменении, стандарты кибербезопасности;

– инвестировать в инфраструктуру. Обеспечить все подразделения ОВД современным оборудованием и высокоскоростным интернетом;

– разработать единые стандарты, создать унифицированные платформы для обмена данными между ведомствами;

– повысить цифровую грамотность. Организовать обучение сотрудников и просветительские кампании для граждан;

– усилить защиту данных, внедрить многоуровневые системы шифрования и аутентификации [4, с. 279].

Сделаем вывод: цифровизация правоприменительной деятельности ОВД – неизбежный этап развития системы правопорядка. Она способна радикально повысить эффективность административно-процессуальных процедур, сделать их более прозрачными и доступными. Однако успех зависит от комплексного подхода: синхронизации технологических инноваций с нормативным регулированием, инвестиций в инфраструктуру и подготовки кадров.

Перспективы цифровизации многообещающи, но требуют взвешенной стратегии, учитывающей как возможности технологий, так и социальные реалии. Постепенное внедрение решений с учетом обратной связи от сотрудников и граждан позволит создать современную, гибкую и надежную систему административно-процессуального регулирования.

Список литературы

1. Мусина А. И. Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления в органах внутренних дел // Молодой ученый. 2024. № 46 (545). С. 183–185.

2. Тукаева Ф. А. Выбор стиля управления руководителя в органах внутренних дел // Цифровая трансформация системы МВД России : сборник научных статей по материалам Международного форума : в 2 ч. Ч. 2 / под ред. И. Г. Чистобородова. М. : Академия управления МВД России, 2022. С. 345–349.

3. Кобец П. Н. Внедрение технологий, использующих искусственный интеллект, в деятельность МВД России: опыт и проблемы // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2023. № 4 (68). С. 161–168.

4. Никогосян Д. Е. Цифровизация государственного управления в сфере внутренних дел: правовые аспекты и перспективы развития // Молодой ученый. 2025. № 15 (566). С. 278–280.

Пономарева О. М.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук

ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА (ИМИДЖА) УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Участковый уполномоченный полиции (далее – участковый) – это должностное лицо полиции Российской Федерации, которое осуществляет служебную деятельность, направленную в первую очередь на защиту прав граждан, а также на предотвращение и пресечение преступлений на соответствующем административном участке [1].

Деятельность участкового основана на взаимодействии с населением административного участка, органами государственной власти, местного самоуправления и их должностными лицами, негосударственными организациями и объединениями.

Субъектами взаимодействия осуществляется оценка результатов работы участкового и его самого как представителя органов внутренних дел. На основе подобных оценок формируется стереотип восприятия, образ (имидж) участкового.

Имидж – термин, который утвердился в отечественном научном обороте в начале 2000-х гг., однако в русском языке есть схожее по значению слово «образ» – «вид, облик; живое, наглядное представление о ком-нибудь или о чем-нибудь» [3, с. 473].

Многие исследователи используют эти два термина как тождественные. Под имиджем понимается целенаправленно формируемый образ, который призван оказать воздействие на людей (или их группы).

Образ формируется несколько стихийно, под воздействием событий, действий, обстоятельств; имидж – средство, с помощью которого можно изменить мнение, представление, инструмент воздействия, формированием которого необходимо целенаправленно заниматься.

Образ (имидж) сотрудника органов внутренних дел, отражает представление населения о сотруднике, результатах и эффективности его деятельности.

Образ (имидж) участкового выступает комплексной категорией, в основе которой находится эмоционально-ценностное отношение (как положительное, так и отрицательное) к участковому (как собирательному образу должностного лица органов внутренних дел или конкретному человеку).

---

[1] © Пономарева О. М., 2026.

В основе восприятия образа (имиджа) достаточно часто заложены установленные обществом стереотипы, в том числе и несоответствующие действительности, которые могут быть настолько глубоко и прочно сформированы, что их достаточно сложно разрушить.

Часто стереотипы возникают обоснованно и закладываются в основу образа участкового как сотрудника органа внутренних дел.

По каким признакам формируются оценки участкового, на основе которых складывается его целостный образ? Перечислим некоторые из них:

– исключительно внешние атрибуты, которые связаны с принадлежностью участкового к органам внутренних дел: форменная одежда, жетон, оружие, перемещение на служебном транспорте и др.

– внешние атрибуты, связанные с осознанием участковым принадлежности к органам власти (внутренних дел) и отражающиеся в поведении, походке, жестах, движениях, манере и тоне речи, уверенности и др.;

– внутренние атрибуты, связанные с особенностями профессионально-служебной деятельности: образование, компетенция, опыт; организаторские, коммуникативные, суггестивные, педагогические способности; результаты деятельности;

– внутренние атрибуты, связанные с особенностями конкретной личности: тип темперамента, черты характера, нравственно-этические качества, жизненный опыт.

К значимым в профессиональной деятельности участкового качествам можно отнести эмоциональную устойчивость, коммуникабельность, познавательную и социальную активность, исполнительность, тактичность, вежливость, стремление к самосовершенствованию и саморазвитию.

Представленное разделение внутренних атрибутов выступает достаточно условным, например, профессиональное образование и опыт профессиональной деятельности оказывает воздействие на личность, в свою очередь личностные особенности ярко проявляются в профессиональной деятельности.

Кроме того, образ (имидж) участкового для многих граждан складывается на основе оценки деятельности конкретного должностного лица в определенных обстоятельствах или ситуации, которая может быть сиюминутной и поверхностной, в том числе и отрицательной.

Эмоциональной основой образа (имиджа) участкового выступает формирование доверия граждан. На формирование доверия направлена повседневная деятельность службы участковых во всей стране. Без доверия не будет эффективной профессиональной деятельности участковых, невозможно решение многих служебных задач.

Как отмечает А. П. Титаренко, наличие доверия минимизирует затраты на поддержание общественного порядка и делает возможным выполнение взаимных функций и обязательств [3, с. 167].

Кроме того, формированию общественного доверия способствует доступность информации о порядке и результатах деятельности участковых (информация на сайтах территориальных органов МВД России, ресурс «Ваш участко-

вый/отдел полиции»), популяризация деятельности участковых (проведение Всероссийского конкурса «Народный участковый»).

Во многом формированию общественного доверия и положительного образа (имиджа) участкового способствуют средства массовой информации, которые акцентируют внимание на позитивных примерах в деятельности участковых.

Публичный характер деятельности участкового позволяет гражданам видеть процесс и результаты работы участкового, а при наличии у подавляющего большинства различных мобильных гаджетов, телефонов еще и фиксировать информацию, затем размещать ее в различных ресурсах сети Интернет. Такой уровень внимания со стороны общества к участковому требует от него умения сохранять лицо, проявлять выдержку и профессионализм в любых ситуациях, как при несении службы, так и во внеслужебное время. Если гражданин негативно оценивает деятельность конкретного участкового или в его лице всех сотрудников полиции, то любое действие или слова сотрудника могут быть интерпретированы именно в негативном контексте.

Образ (имидж) выступает инструментом, которой можно корректировать, смещая акценты с отрицательных черт на положительные проявления. При этом полностью исключить отклонения от норм и требований в деятельности участкового невозможно. Для формирования положительного образа (имиджа) участкового уполномоченного полиции органам внутренних дел и средствам массовой информации необходимо инициировать распространение положительных контентов о деятельности участковых в СМИ и сети Интернет. Для этого необходимо использовать примеры несения службы участковым как социальную рекламу (с отзывами коллег, представителей населения); при совершении действий участковым в чрезвычайных обстоятельствах (спасение граждан при пожаре, утоплении и др. ситуациях).

Таким образом, образ (имидж) участкового в широком смысле – комплексная категория, которая предполагает формирование образа на основе оценки реальной ситуации в профессиональной деятельности, связанной с состоянием охраны общественного порядка и обеспечением общественной безопасности на административном участке, готовности населения к сотрудничеству и наличию доверия в отношениях; в узком смысле – отражение отношения к участковому на основе соответствия его внешнего вида, профессиональной компетентности, совершаемых в профессиональной сфере действий, личностных качеств сотрудников требованиям закона и представлениям граждан.

Сотрудничество и доверительное общение с населением, компетентность и профессиональная этика должны быть в основе деятельности участкового. Целью профессиональной деятельности участкового выступает общественная безопасность и защита населения административного участка.

Позитивный образ (имидж) участкового способствует повышению эффективности правоохранительной деятельности полиции и способствует повышению активности граждан к участию в охране общественного порядка на административном участке, сотрудничеству с полицией и доверительному к ней отношению.

Список литературы

1. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (с изменениями и дополнениями) // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72188134/.

2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2019.

3. Титаренко А. П. Общественное доверие к полиции как фактор, способствующий индивидуальной профилактической работе с гражданами // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 167–170.

Попова К. А.[1]*,*
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат социологических наук

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ МАРКЕТПЛЕЙСОВ: ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ГОСКОНТРОЛЬ

1 октября 2026 г. вступит в силу Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» (далее – ФЗ-289). Это первый в России базовый закон, который прописывает организационно-правовой механизм функционирования посреднических цифровых платформ. По сути он создает административно-правовую архитектуру для прозрачного функционирования электронной коммерции, институционализируя отношения между операторами посреднической цифровой платформы (маркетплейсами), продавцами (селлерами), потребителями, владельцами пунктов выдачи заказов (ПВЗ), логистических центров и складов, партнерами-исполнителями (курьеры и сборщики) и государственными структурами, осуществляющими административный надзор (ФАС России, Роспотребнадзор, ФНС России, Роскомнадзор). Очевидно, что в такой длинной цепочке отношений субъектов платформенной экономики традиционные механизмы административного контроля, ориентированные на отношения «продавец – покупатель», требуют модернизации. В связи с этим возникает необходимость переосмысления административного статуса маркетплейса не как пассивной витрины, а как активного субъекта обеспечения порядка в цифровой коммерческой среде.

Однако, несмотря на важное значение вступающего в действие закона, для регулирования деятельности операторов посреднических цифровых платформ, как верно отмечает Д. Н. Терехин, в настоящий момент «владельцы цифровых платформ создают собственные регламенты деятельности конкретных цифровых платформ, которые корректно называть саморегулированием» [2, с. 29].

Данный закон закрепляет понятие «оператор посреднической цифровой платформы», переводя специалиста из статуса агрегатора информации в субъект, «оказывающий услуги, связанные с организацией взаимодействия партнеров и пользователей на посреднической цифровой платформе, и являющийся владельцем такой цифровой платформы или лицом, с которым этот владелец заключил договор об эксплуатации посреднической цифровой платформы».

Изменения, прописанные в ФЗ-289, условно можно разделить на два блока: институциональные (касающиеся бизнеса) и социальные (касающиеся граждан, покупателей).

---

[1] © Попова К. А., 2026.

Для цифровых площадок закон вводит новые составы административных правонарушений в КоАП РФ, устанавливая режим жесткой дисциплины и прозрачности. К основным изменениям следует отнести следующее.

Маркетплейсы будут обязаны уведомлять продавцов (селлеров) и владельцев ПВЗ об изменении условий договора (комиссии, штрафы, логистика) минимум за 45 дней. Это должно привести к прозрачности и предсказуемости электронной коммерции. Несоблюдение данной нормы может квалифицироваться по ст. 14.31 КоАП РФ как злоупотребление доминирующим положением. За нарушение указанной нормы предусмотрен административный штраф от 100 000 до 300 000 руб. для юридических лиц. Кроме этого, им будет запрещено блокировать личный кабинет продавца без предварительного уведомления и объяснения причин (за исключением случаев мошенничества). Штраф за неправомерную блокировку – от 100 000 до 300 000 руб.

Маркетплейс будет обязан интегрироваться с государственными информационными системами (далее – ГИС). Теперь цифровые площадки будут обязаны проверять сертификаты на товар до публикации его карточки, что должно снизить риск покупки некачественной продукции. Данный механизм обязывает платформы осуществлять превентивную верификацию товаров. Технически это реализуется через автоматизированную сверку с реестрами ГИС МТ «Честный Знак» и данными Росаккредитации. По сути, происходит делегирование части надзорных функций государства цифровым площадкам, что приводит к развитию солидарной ответственности за качество – на продавца, государство и маркетплейсы, которые должны будут блокировать карточку товара еще до момента совершения правонарушения, если в реестре отсутствует действующий сертификат или код маркировки. Административная ответственность за несоблюдение данного алгоритма (ст.ст. 14.43 и 15.12.1 КоАП РФ) делает платформу заинтересованной в качестве реализуемых товаров. Предусмотренный штраф за допуск товара без маркировки – до 500 000 руб. в зависимости объема партии. «Маркетплейс должен гарантировать исполнение взятых на себя обязательств всеми сторонами и выступать как своего рода контролер качества поставляемых товаров и услуг» [3, с. 116].

Маркетплейсы будут обязаны раскрывать правила ранжирования товаров и услуг с целью недопущения скрытой дискриминации и обеспечения прозрачности алгоритмов ранжирования, что на сегодняшний день является одной из главных проблем платформенной экономики.

Маркетплейсам будет запрещено принудительно устанавливать скидки на товары продавцов без их согласия или наказывать за отказ от участия в акциях. Также будет запрещено навязывать невыгодные условия селлерам. Данные аспект был и остается одной из основных проблемных моментов. В частности, в работе Н. С. Громовой особое внимание уделено вопросах ценообразования на маркетплейсах [4]. Ожидается, что контроль за ценообразованием создаст для продавцов стабильность и прозрачность. Согласно 289-ФЗ за самовольные скидки предусмотрен штраф в размере до 300 000 руб.

Административный аспект в этих вопросах заключается в том, что государство получает рычаги прямого воздействия на цифровые платформы через систему

предусмотренных штрафов и предписаний, вплоть до блокировки отдельных функций платформы.

Для покупателей закон также вводит ряд изменений, наиболее существенным из которых является принцип «одно окно» для претензий. Его основная цель – защита прав потребителей за счет упрощения процессуальных действий гражданина.

Маркетплейс будет обязан обеспечить техническую возможность для возврата товара, обмена или предъявления претензий прямо в приложении. В приложениях маркетплейсов в обязательном порядке должны быть представлены доступные формы связи с продавцом. Это касается не только отечественных, но и зарубежных селлеров. Эти требования направлены на развитие механизмов досудебного спора между продавцом и покупателем. Еще одним важным изменением в 2026 г. станет ограничение максимального размера неустойки, которую покупатель может взыскать с площадки за просрочку – она не может превышать стоимость самого товара. Это сделано для бизнеса, чтобы снизить издержки цифровых платформ, которые в итоге закладываются в стоимость доставки. Кроме этого, маркетплейсы обязаны будут внедрить прозрачную детализация чека, в котором будут разделены стоимость товара, логистика и сервисный сбор.

С 1 октября 2026 г. система контроля за маркетплейсами перестает быть точечной и становится комплексной. Государство распределило обязанности между четырьмя ключевыми ведомствами.

1. ФАС (Федеральная антимонопольная служба) координирует отношения между маркетплейсом и продавцом. Служба контролирует справедливость договоров, обоснованность штрафов и прозрачность ранжирования. В частности, ФАС может потребовать цифровые платформы раскрыть логику работы поисковой выдачи, чтобы убедиться, что площадка не продвигает свои товары в ущерб партнерам.

2. Роспотребнадзор выступает в роли защитника прав покупателей и контролера качества реализуемых через маркетплейсы товаров. Под его контролем находятся вопросы безопасности товаров, наличия сертификатов, корректности информации в карточках и сам процесс возвратов. В частности, ведомство имеет право выносить предписания о немедленном удалении товаров, которые не имеют подтвержденной сертификации, или проводить прямую сверку данных маркетплейса с реестрами разрешительных документов. Как отмечает Л. В. Андреев, «уровень защиты прав потребителей маркетплейсов является недостаточно высоким, как отмечается в литературе, вследствие рисков неполучения полной информации о товаре и продавце» [5, с. 154].

3. ФНС (Федеральная налоговая служба) держит под своим контролем уплату налогов продавцами и прозрачность денежных потоков. С октября 2026 г. маркетплейсы обязаны передавать в ФНС данные о продажах каждого селлера в режиме реального времени. Налоговая служба будет использовать данные площадок для поиска дробления бизнеса (когда один реальный владелец создает 10 ИП, чтобы не платить НДС).

4. Роскомнадзор выступает техническим и контентным цензором. Он контролирует защиту персональных данных, следит, чтобы не было запрещенного

контента. В частности, он проверяет маркетплейсы по вопросам хранения данных покупателей и защиты их от утечек.

Таким образом, Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» является важнейшим документом, прописывающим организационно-правовой механизм функционирования посреднических цифровых платформ. Его отложенный срок вступления в силу – с 1 октября 2026 г. – является необходимым временным периодом, за который IT-гиганты (Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет) должны успеть перенастроить свои алгоритмы; госорганы (Роспотребнадзор и ФАС) подготовить подзаконные акты и реестры, а продавцы адаптировать свои бизнес-модели под новые требования о прозрачности своей деятельности и цен.

Список литературы

1. Приказ Минэкономразвития России от 7 июня 2017 г. № 278 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по предоставлению государственной услуги по государственному кадастровому учету и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Терехин Д. Н. Саморегулирование и внутренние регламенты цифровых платформ // Академия права. 2025. № 3 (9). С. 28–33.

3. Табышова А. К. Маркетплейс (онлайн платформа электронной коммерции) как эффективная бизнес-модель торговли в условиях пандемии // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2020. № 5. С. 113–117.

4. Громова Н. С., Иванова С. В., Кивилева В. П. Правовое регулирование деятельности маркетплейсов: специфика, проблемы и пути решения // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 12. С. 62–66.

5. Андреева Л. В. Согласование интересов участников товарных цифровых платформ (маркетплейсов): правовые проблемы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8 (120). С. 149–157.

Потехина В. И.[1]*,*
курсант Института психологии
служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Прудникова Т. А.,
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ЗАДАЧИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРЕДМЕТ

Административное право является важнейшей частью правовой системы Российской Федерации, обеспечивая регулирование общественных отношений в сфере обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности. Производство по делам об административных правонарушениях представляет собой ключевой механизм реализации норм административного права, направленный не только на наказание виновных, но и на предупреждение нарушений, защиту прав участников и укрепление доверия к государственным органам [1].

Научный интерес к этому вопросу обусловлен тем, что административное производство – сложная процессуальная система, функционирование которой определяется нормативными правовыми актами, практикой применения закона и особенностями организационной структуры органов власти. Несмотря на существующие правовые гарантии, практика выявляет ряд проблем, влияющих на эффективность производства и защиту участников.

Административное производство – это установленная законом процедура рассмотрения дел об административных правонарушениях, включающая выявление нарушения, сбор доказательств, установление виновного лица, применение административного наказания и контроль за исполнением постановлений [3, ст.ст. 24, 25].

Предмет административного производства – процессуальные отношения, возникающие между органами власти, должностными лицами и участниками процесса. Эти отношения охватывают: права и обязанности участников; процессуальные действия по выявлению и расследованию правонарушений; формирование доказательной базы; вынесение и исполнение постановлений.

Согласно мнению А. А. Андреева, административное производство не ограничивается формальным наказанием, а служит инструментом реализации госу-

[1] © Потехина В. И., 2026.

дарственной политики в области правопорядка и законности [1]. В. И. Гришин подчеркивает, что предмет производства включает как процессуальные действия органов, так и защиту интересов участников, что делает его многоуровневым и комплексным институтом [2].

Главная задача производства – соблюдение принципов законности и объективности. Органы и должностные лица обязаны рассматривать дела без предвзятости, основываясь на доказательствах и нормах КоАП РФ. Законность выражается в строгом соблюдении процессуальных сроков, правил возбуждения дел, прав участников процесса [3, ст. 24.1].

Кроме того, производство направлено не только на наказание, но и на предупреждение правонарушений. Органы публичной власти анализируют причины, которые способствуют совершению административных проступков и принимают меры по их устранению.

Задачами административного производства – установление меры ответственности, соответствующей тяжести правонарушения. Наказания могут быть различными: штраф, предупреждение, лишение специального права, административный арест и др. [3, ст. 3.5].

Кроме того, процессуальные гарантии участников обеспечивают защиту их прав на всех стадиях производства. К ним относятся: право на защиту, ознакомление с материалами дела, участие в заседаниях, обжалование постановлений [3, ст. 25.1].

Эффективность административного производства зависит от контроля за исполнением принятых решений. Органы и должностные лица обязаны проверять, исполнены ли постановления, и в случае неисполнения принимать меры [2].

Принципы административного производства определяют организацию и проведение процедур. К ним относятся:

– законность: все действия участников соответствуют нормативным актам;

– объективность: исключение субъективных факторов при рассмотрении дел;

– оперативность: своевременное рассмотрение дел и применение мер воздействия;

– доступность: обеспечение возможности защиты прав участников;

– равенство участников: одинаковое положение всех сторон перед законом [1; 4].

Данный анализ показывает, что хотя принципы закреплены в законе, на практике их соблюдение зависит от организационной структуры органов, профессионализма должностных лиц и доступности информационных ресурсов.

Несмотря на развитую нормативную базу, административное производство сталкивается с рядом проблем, снижающих его эффективность и уровень защиты участников.

Закрепленные в ст.ст. 25 и 26 КоАП РФ процессуальные гарантии на практике не всегда выполняются. Причины:

– недостаточное информирование участников. Уведомления о заседаниях часто приходят поздно или неполно, что ограничивает возможности подготовки доказательств;

– ограниченный доступ к материалам дела. Участники сталкиваются с трудностями получения копий документов и экспертных заключений;

– несвоевременное рассмотрение жалоб. Затягивание сроков снижает доверие к административной системе и увеличивает нагрузку на суды. Эта проблема усугубляется отсутствием унифицированных процедур электронного информирования, что в современном правоприменении критично;

– дублирование действий. Одни и те же функции могут выполняться различными органами (полиция, исполнительные органы, суды), что увеличивает нагрузку и сроки рассмотрения дел;

– неэффективное взаимодействие. Отсутствие единых информационных систем осложняет передачу материалов и соблюдение сроков;

– несовершенство нормативных актов приводит к трудностям в квалификации правонарушений, противоречиям между нормами КоАП РФ и иными законами, а также неопределенности в применении новых электронных инструментов.

Качество административного производства напрямую зависит от профессиональной подготовки сотрудников. Современные вызовы, включая цифровизацию и появление новых категорий правонарушений, выявляют недостатки в квалификации:

– недостаток навыков работы с цифровыми доказательствами. Не все должностные лица способны правильно оценить юридическую силу электронных документов, аудио- и видеоматериалов [4];

– сложность правовой оценки новых видов нарушений. Развитие сферы информационных технологий и интернет-пространства создало новые типы правонарушений (например, нарушение правил онлайн-рекламы, цифровые мошенничества), которые требуют специальных знаний.

Для решения этих проблем необходимо внедрение регулярного повышения квалификации сотрудников, разработка специализированных учебных программ по цифровым доказательствам и правоприменению в новых сферах.

В заключение отметим, что эффективность производства ограничена недостаточной процессуальной защищенностью участников, дублированием функций органов, проблемами цифровизации, коррупционными рисками и пробелами в правовой базе.

Совершенствование административного производства требует комплексного подхода, включающего организационные, технологические и правовые меры, что позволит повысить эффективность применения административного законодательства и укрепить доверие граждан к системе правосудия.

Список литературы

1. Андреев А. А. Понятие, задачи, принципы и участники производства по делам об административных правонарушениях. М. : Юристъ, 2013.

2. Гришин В. И. Административное право России : учебное пособие. М. : Норма, 2018.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. М. : Проспект, 2025.

4. Кузнецов П. В. Теория административного производства: проблемы и перспективы. СПб. : Юридический центр Пресс, 2020.

Прудников А. С.[1]*,*
профессор кафедры
организации деятельности
органов внутренних дел
в сфере миграции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА КАК ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В современном мире обеспечение национальной безопасности страны является важнейшей задачей государственного управления. Национальная безопасность относится к таким важным понятиям, как система защиты суверенитета, территориальной целостности и политической независимости страны. Сущностно национальная безопасность выражается в состоянии защищенности личности, общества и государства от совокупности внутренних и внешних угроз, способных оказать деструктивное воздействие на политическую, экономическую и социальную сферы жизни общества. К таким угрозам относятся факторы, создающие риски для реализации прав и свобод граждан, устойчивого развития экономических процессов, общественной стабильности и эффективного функционирования государственных институтов.

Основным законодательным актом, регулирующим обеспечение национальной безопасности в России, является Федеральный закон «О безопасности». Согласно ст. 2 закона, национальная безопасность определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются права и свободы граждан, защищаются основы конституционного строя, суверенитет и территориальная целостность Российской Федерации.

В связи с этим в условиях глобализации и усиления миграционных потоков обеспечение миграционной безопасности как одного из структурных элементов национальной безопасности становится одним из приоритетных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации. Миграционная безопасность представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства от угроз, возникающих в процессе миграционных движений, а также систему правовых, организационных и правоохранительных мер, направленных на реализацию суверенного права государства регулировать миграционные процессы и недопущение ущерба национальным интересам.

В организационно-правовом смысле под миграционной безопасностью понимается деятельность уполномоченных органов публичной власти по установлению и реализации правовых режимов въезда, пребывания, проживания

[1] © Прудников А. С., 2026.

и осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами, а также по противодействию незаконной миграции и связанным с ней правонарушениям. Данная деятельность носит комплексный публично-правовой характер, сочетая в себе элементы административного принуждения, контрольно-надзорной деятельности и оперативно-разыскных мероприятий.

Общая характеристика миграционной безопасности раскрывается через ее цели, задачи, объекты и субъекты.

Ключевой целью является защита национальных интересов, обеспечение суверенитета, территориальной целостности, стабильности общественного порядка и санитарно-эпидемиологического благополучия населения от угроз, связанных с неконтролируемой миграцией.

Так, в соответствии с положениями Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», определяющего миграционную политику как одно из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности, можно выделить задачи обеспечения миграционной безопасности государства.

Прежде всего важнейшее значение имеет предупреждение, выявление и пресечение, а также противодействие незаконной миграции. Речь идет о формировании эффективных механизмов контроля миграционных потоков, направленных на недопущение незаконного въезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

Не менее значимой задачей является противодействие преступлениям и административным правонарушениям в сфере миграции. К ним относятся фиктивная регистрация иностранных граждан, фиктивные браки, организация незаконного въезда и пребывания на территории страны, использование поддельных миграционных документов, а также иные формы злоупотребления правовым статусом мигрантов.

Отдельное направление связано с реализацией мер государственного принуждения в отношении лиц, нарушающих миграционное законодательство. К таким мерам относятся административное выдворение, депортация и реадмиссия, применяемые в целях восстановления законности и предотвращения повторных правонарушений.

Важной задачей выступает также обеспечение эффективного контроля за соблюдением иностранными гражданами установленных правил въезда в Российскую Федерацию, выезда из нее, транзитного проезда и законного пребывания на ее территории.

В этой связи в конце марта 2025 г. Министерством внутренних дел Российской Федерации был подготовлен и внесен на рассмотрение Правительства законопроект, направленный на усиление государственного контроля в сфере миграции и совершенствование механизмов регулирования пребывания иностранных граждан на территории страны [2].

Данные изменения предусматривают корректировку действующего порядка временного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства. В частности, установлено ограничение срока их нахождения на территории Российской Федерации до 90 дней в течение календарного года вместо ранее действо-

вавшего правила – 90 дней в течение полугодия. Данная мера ориентирована на снижение масштабов нелегальной миграции и предотвращение злоупотреблений правовым режимом краткосрочного пребывания.

Законодательство также предполагает введение обязательной дактилоскопической регистрации и фотографирования иностранных граждан при въезде в страну. Указанные процедуры направлены на повышение уровня идентификации иностранных лиц и усиление возможностей правоохранительных органов по контролю за их перемещением и пребыванием.

Одним из ключевых нововведений является формирование так называемого цифрового профиля иностранного гражданина, который содержит сведения о его правовом статусе, целях пребывания, трудовой деятельности и иных значимых характеристиках и определяет местонахождение мигранта по геолокации мобильного устройства. Данный механизм позволяет обеспечить более прозрачный и системный учет миграционных потоков.

Кроме того, предусматривается введение единого документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина на территории Российской Федерации, что должно упростить процедуры контроля и сократить риски использования поддельных или недействительных документов.

Дополнительно предлагается создание специализированных реестров работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу, а также самих иностранных работников. Формирование таких баз данных будет направлено на повышение прозрачности рынка труда, предупреждение нелегальной занятости и усиление ответственности хозяйствующих субъектов за соблюдение миграционного законодательства.

А введение целевого организованного набора для работодателей, относящихся к малым, средним и крупным предприятиям, будет способствовать сокращению незаконному пребыванию иностранных граждан на территории Российской Федерации. Данная процедура сделает организованный набор прозрачным, простым и удобным, а главное – безопасным для нашего общества и государства.

Таким образом, миграционная безопасность в современных условиях выступает важным элементом системы национальной безопасности государства и напрямую связана с обеспечением суверенитета, общественной стабильности и устойчивого социально-экономического развития России. Представляется, что меры по ужесточению миграционного регулирования свидетельствуют о стремлении государства повысить управляемость миграционных процессов за счет внедрения дополнительных механизмов идентификации, учета и контроля иностранных граждан, а также повышения прозрачности их пребывания на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru.

2. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru.

Прудникова Т. А.[1]*,*
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

МЕРЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ МИГРАЦИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В РАМКАХ РЕЖИМА ВЫСЫЛКИ К ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ И ЛИЦАМ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА: ОСОБЕННОСТИ И АКТУАЛЬНОСТЬ

С учетом новых миграционных вызовов (ростом трудовой миграции; цифровизацией услуг; интеграции новых территорий в состав Российской Федерации) и складывающейся криминогенной обстановки среди иностранных граждан, принятие своевременных и оперативных мер, направленных на усиление контроля за нахождением данной категории лиц в Российской Федерации является эффективным средством реагирования государства на незаконную миграцию.

Следует подчеркнуть, что за 2025 г. МВД России и ФСБ России во время проведения профилактической операции «Нелегал-2025» выявлено свыше 130 тыс. нарушений миграционного законодательства [5]. Проверки проводились в местах проживания, работы и обучения иностранных граждан, а решения об их выдворении выносились по итогам административных производств и передавались для исполнения территориальным подразделениям МВД России.

Отметим, что увеличение статистики правонарушений в сфере миграции непосредственно связано с усилением контроля и мониторинга в данной сфере, а органы публичной власти активизировали работу по выявлению нарушений миграционного законодательства.

При этом меры федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции) представляют собой совокупность мер административного принуждения, применяемых к иностранных гражданам, которые доктринально в зависимости от оснований применения можно разделить на ряд групп:

1) меры, ограничительного характера, применяемые к иностранным гражданам, к которым относятся запреты: изменять место жительства или место пребывания в Российской Федерации без разрешения органа внутренних дел; выезжать за пределы территории субъекта Российской Федерации, муниципального образования, в котором контролируемое лицо проживает (пребывает); управлять транспортными средствами, получать водительские права; приобретать или отчуждать недвижимое имущество, транспортные средства и самоходные машины, регистрировать в государственных органах данное имущество; заключать брак и др.;

2) меры, связанные с идентификацией иностранного гражданина (проверка документов, удостоверяющих личность контролируемого лица (идентифика-

[1] © Прудникова Т. А., 2026.

ция), установление его личности; проведение обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования) применение технических средств, в том числе геолокации);

3) меры обеспечительно-процессуального характера, такие как доставление, задержание, помещение контролируемого лица в специальное учреждение;

4) меры профилактического характера (мониторинга), к которым относится наблюдение за соблюдением контролируемым лицом установленных ограничений и вынесенных предписаний, выполнения возложенных на него обязанностей.

Законодательством в сфере миграции определен перечень мер, применяемых в рамках режима контролируемого пребывания, особенности их применения, в том числе их индивидуализация и установлены соответствующие права и обязанности должностных лиц в части касающейся установления режима высылки в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства [4].

Данные меры позволяют усиливать контроль за нахождением иностранных граждан на территории Российской Федерации и мотивируют иностранных граждан к соблюдению норм миграционного законодательства на территории Российской Федерации. Помимо МВД России, важное значение при проведении совместных проверок иностранных граждан имеет межведомственное взаимодействие с ФСБ России, при согласовании квот – с Рострудом России и при выдаче виз – с МИД России.

В рамках правового регулирования требует внесение изменений в такие ключевые документы стратегического планирования, как Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (касаемо конкретизации полномочий Миграционной службы МВД России по применению мер принуждения); Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (уточнения процедуры приема в гражданство и лишения статуса гражданина Российской Федерации); Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (изменения сроков обжалования решений МВД России).

Кроме того, следует отметить, что находящиеся в Российской Федерации иностранные граждане, являющиеся законными представителями несовершеннолетних иностранных граждан, совершеннолетних недееспособных или ограниченно дееспособных иностранных граждан, обязаны обеспечивать законность пребывания (проживания) в Российской Федерации, соблюдение ими требований миграционного законодательства и реализацию детьми своих прав, включая получение ими основного общего образования, медицинской помощи, проживание в надлежащих жилищно-бытовых условиях. Этот социальный аспект позволяет детям мигрантов быстрее адаптироваться в российское общество и регулировать институт субсидиарной ответственности, ведь зачастую ответственность законных представителей обусловлена тем, что неправомерное поведение детей в большинстве случаев является следствием их неправильного воспитания и отсутствия необходимого надзора.

Исходя из примеров судебной практики, отметим, что если заявитель привлекалась к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ за неисполнение родителем обязанности по содержанию и воспитанию несовершен-

нолетних детей, находится на территории Российской Федерации с нарушением режима пребывания, не работает, не имеет какого-либо официального источника доходов, поэтому не может содержать своих детей, неоднократно привлекалась к ответственности по ст.ст. 18.8, 18.9, 18.10 КоАП РФ, то данное лицо подлежит включению в реестр контролируемых, и это является основанием для отказа ей в выдаче вида на жительство.

При этом основными проблемами в данной сфере продолжают оставаться «резиновые» квартиры, где проживает значительное число незаконных иностранных граждан, и необходимость замены патентной системы на целевой организованный набор.

Что касается правоприменительной практики, то одним из оснований для обжалования судебных решений в сфере контрольно-надзорной деятельности является обжалование производства по делу об административном правонарушении в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление.

Так, например, если иностранный гражданин въехал на территорию Российской Федерации по многократной визе, которая на момент рассмотрения дела об административном правонарушении не аннулирована, имеет действующую миграционную карту, в отношении него оформлено разрешение на работу как высококвалифицированного специалиста, его статус в базе ГИСМУ МВД России значится как действительный, а сведения о вынесении и вручении решения УВМ МВД России об аннулировании разрешения на работу отсутствуют, как и сведения об аннулировании визы, то иностранный гражданин может обжаловать вынесенное в отношении него решение по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ.

Данную норму ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ обжалуют и лица, обладающие специальным правовым статусом на территории Российской Федерации. Так, в частности, гражданство Н. приобрел, будучи лицом со статусом беженца в малолетнем возрасте, переехал в Российскую Федерацию с матерью как соотечественник, проживающий на территории СССР, образование получил в РСФСР и в Российской Федерации, служил в рядах Вооруженных сил Российской Федерации, а также имеет близких родственников (пожилая мать с тяжелым заболеванием, нуждающаяся в помощи, и родная сестра) и регистрацию по месту жительства в Российской Федерации. Вместе с тем он не является гражданином государства Туркменистан, не имеет там родственников и места жительства. Но паспорт у данного гражданина Российской Федерации был изъят в связи с судимостью по ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, он был приговорен к четырем годам лишения свободы и лишен гражданства Российской Федерации, поэтому решение в отношении этого гражданина обжалованию не подлежит в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В заключение следует отметить, что в ходе проведения профилактических мероприятий территориальными органами осуществляется разъяснительная работа с гражданами Российской Федерации относительно вступивших в силу изменений в действующее законодательство Российской Федерации, разъясняется необходимость соблюдения обязательных требований в сфере миграции,

предъявляемых к юридическим лицам в ходе контрольно-надзорной деятельности, а также акцентируется внимание на административной ответственности за несоблюдение таких требований.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 04.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 09.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ МВД России от 16 ноября 2020 г. № 773 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» (ред. от 26.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/.

Ржаницына И. А.[1]*,*
научный сотрудник
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Федорова И. В.[2]*,*
доцент кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Пузанова А. С.[3]*,*
курсант
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЯЗВИМЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ

Российское государство традиционно позиционирует себя как социальное, обеспечивая гарантии социальной защиты для нуждающихся граждан. Конституция Российской Федерации в ст. 39 закрепляет право каждого на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. В соответствии с этим в правовой системе сложилась система социальных программ и мер поддержки уязвимых категорий: малоимущих, пенсионеров, инвалидов, многодетных семей и др.

Социальная защита ориентирована на «сосредоточение ресурсов на удовлетворении потребностей тех, кто наиболее в них нуждается». Уже ранние государственные планы развития предусматривали «максимально эффективную защиту социально уязвимых граждан, не обладающих возможностями для самостоятельного решения социальных проблем».

В теоретико-правовом плане основой таких мер являются принципы адресности и адресного использования бюджетных средств. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (далее – закон № 178-ФЗ) прямо устанавливает, что государственная помощь оказывается «в целях поддержания уровня жизни малоимущих семей… доход которых ниже

[1] © Ржаницына И. А., 2026.
[2] © Федорова И. В., 2026.
[3] © Пузанова А. С., 2026.

величины прожиточного минимума», а также для «усиления адресности социальной поддержки нуждающихся граждан».

Закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» определяет меры поддержки (включая материнский капитал) «в целях создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь. Таким образом, нормативно закреплены цели мер социальной поддержки: снижение бедности, уменьшение неравенства, повышение доходов граждан и обеспечение доступности социальных благ.

Рассмотрим основные направления программ и мер поддержки уязвимых групп.

Поддержка малоимущих граждан и семей. На федеральном уровне малоимущим семьям предоставляются адресные денежные выплаты и социальные услуги. Закон № 178-ФЗ предусматривает ежемесячные пособия, компенсацию оплаты ЖКУ, бесплатное обеспечение социальными услугами (набором соцуслуг), выдачу продуктовых и вещевых наборов, а также социальные контракты (где гражданам оплачивается профессиональная подготовка или бизнес-проекты). Региональные власти дополняют федеральные меры собственными пособиями и льготами. Программы поддержки часто адресованы тем, чей доход ниже прожиточного минимума, определенного на душу населения в регионе. Включено также совершенствование механизмов определения бедности (прожиточный минимум как критерий).

Выдача пособий и субсидий осуществляется через органы соцзащиты (например, единовременные выплаты при рождении ребенка, компенсации за ЖКУ, льготные лекарственные программы). С 2020-х гг. активно внедряются социальные контракты (ст. 8.1 закона № 178-ФЗ), предусматривающие целевые меры социальной поддержки (товары, тренинги, оборудование) для малоимущих.

Долгосрочная тенденция демонстрирует снижение общего уровня бедности. По данным Росстата, в 2024 г. доля россиян с доходом ниже прожиточного минимума впервые снизилась до 7,2 % (примерно 10,5 млн чел.) [10], что является историческим минимумом. В 2023 г. этот показатель составлял 8,3 %. Снижение бедности связывают с ростом зарплат и новыми адресными пособиями (включая единую выплату на ребенка и др.). Однако после пересмотра статистики уточненная оценка Росстата показала бедность в 2023 г. на уровне 8,5 % (12,4 млн чел.) [11]. Все же это минимальный зафиксированный уровень, что указывает на относительный успех мер. Вместе с тем остается проблемой большой разрыв доходов: так, среди некоторых категорий (например, среди инвалидов и пенсионеров) доля граждан ниже прожиточного минимума все еще существенно выше среднего (данные Росстата для отдельных категорий не приводятся в открытой форме, однако опыт показывает устойчивые сложности). Факторы, сдерживающие эффективность: неравномерность реализации в регионах, сложности доступа к помощи из-за бюрократии, некоторая децентрализация программ.

Пенсионная система Российской Федерации гарантирует регулярные выплаты (трудовую пенсию и социальную пенсию) по Федеральным законам от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. №166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации». Эти выплаты индексиру-

ются (темпы индексации зависят от инфляции и бюджетных возможностей). Вдобавок предусмотрены некоторые адресные доплаты: к примеру, социальные пенсии (для тех, кто не имеет достаточного страхового стажа или особых статусов), а также доплаты до прожиточного минимума (для малоимущих пенсионеров).

Национальный проект «Семья», реализация которого продлится до 2030 г., включает федеральный проект «Старшее поколение», задачей которого является улучшение жизни пожилых людей, а также создание возможности долголетия населения. В рамках этой инициативы создаются творческие студии, спортивные клубы, образовательные курсы, что реализуется при помощи программы «Активное долголетие», благодаря которой для людей пожилого возраста открываются новые возможности, позволяющие активно участвовать в общественной жизни, реализовать свой потенциал [9].

Пенсии выплачиваются через Пенсионный фонд, индексация проводится ежегодно по закону. Дополнительные программы включают социальные услуги на дому, досуговые клубы, а также льготы (бесплатный проезд, коммунальные субсидии). Эти меры частично улучшают положение пожилых: средняя пенсия растет, но остается ниже прожиточного минимума (особенно у социальных пенсионеров). Благодаря диспансеризации и центрам гериатрии улучшается доступ к медпомощи. Однако, вызов старения населения означает, что и пенсионных расходов, и нагрузок на медицину все еще много. В настоящее время государством предпринимаются все необходимые меры с целью снижения риска бедности среди пенсионеров. Так, в рамках национального проекта «Семья» поставлена задача увеличить продолжительность здоровой жизни до 67 лет, сто косвенно иллюстрирует эффект программы. Комплекс производимых мер способствует снижению рисков бедности среди старшего поколения, однако вопросы по обеспечению достойного уровня жизни для всех пожилых пока не решены полностью.

Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ 1995 г. «О социальной защите инвалидов» (далее – закон о социальной защите инвалидов) закрепляет права этой группы: ежемесячные выплаты, бесплатное протезирование, услуги сопровождения, обучение и реабилитацию. Существуют льготы (например, жилищные, налоговые, бесплатный проезд) и ежемесячное денежное пособие (ЕДВ) вместо набора социальных услуг. Государство реализует федеральную программу «Доступная среда», которая направлена на создание равных возможностей для людей с инвалидностью и маломобильных групп населения. Основная цель программы – формирование безбарьерной среды на приоритетных объектах для маломобильных групп населения: в образовательных, медицинских организациях, транспортной и пешеходной инфраструктуре, учреждениях культуры и др. Все это необходимо для адаптации городского пространства.

Инвалиды получают целевые выплаты и услуги через органы соцзащиты, а также могут пользоваться льготными образовательными и трудовыми программами. Продолжается работа над повышением доступности медицинских услуг и среды. Закон о социальной защите инвалидов» предусматривает создание системы социальных учреждений и общества, обеспечивает условия для участия инвалидов в жизни общества и их занятости.

По данным Всероссийского научно-исследовательского института труда (ВНИИ труда), значительная часть инвалидов имеет низкие доходы, и меры поддержки пока не позволяют многим из них выйти из зоны бедности. В то же время расширение набора соцуслуг и адаптация среды улучшают качество их жизни. Отмечается, что проблемы интеграции инвалидов в общество и обеспечения полных прав остаются актуальными (недостаточное число мест в общественных службах, сложности получения инвалидности) [12, с. 105–116]. Хотя законодательная база создана, на практике качество и охват поддержки зависят от региона, и многие инвалиды по-прежнему испытывают трудности.

Поддержка семей с детьми и многодетных семей. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» закрепил такие меры, как выдача сертификата на материнский (семейный) капитал, ежемесячные выплаты на первого и второго ребенка до трех лет, а также единовременные пособия при рождении ребенка. Маткапитал можно направить на улучшение жилищных условий, образование детей или накопительную пенсию матери. С 2020-х гг. введена единая бесшовная система пособий семьям, включая единую выплату вместо старых пособий, что упростило получение помощи [13].

Одной из ключевых мер стал материнский капитал – единовременная выплата семьям с детьми, размер и условия которой периодически пересматриваются. Помимо него действуют ежемесячные выплаты на третьего и последующих детей, льготы по оплате ЖКУ, образовательные и транспортные льготы для многодетных. Федеральные и региональные бюджеты выделяют средства на поддержку детских садов, школ, а также выплаты при рождении ребенка.

Эти меры способствовали улучшению демографических показателей и снижению бедности в многодетных семьях. По данным Росстата, за период реализации текущих программ доля малоимущих среди многодетных семей сократилась вдвое – к 2024 г. она составила 20 % [14]. Введение единого пособия при рождении ребенка отмечается экспертами как важный фактор – при отказе от прежних наборов детских выплат нарастали доходы семей с детьми. Вместе с тем 20 % – все еще высокий уровень бедности; Президент Российской Федерации даже поставил задачу снизить его к 2030 г. до 12 процентов. Таким образом, можно говорить о положительной динамике, но остается необходимость улучшать адресность и увеличивать реальные выплаты в условиях инфляции.

Государственные программы поддержки уязвимых слоев населения в России имеют прочную правовую основу (Конституция Российской Федерации, специальные федеральные законы и подзаконные акты) и достаточно широкие цели: снижение бедности, адресная помощь малоимущим, улучшение благосостояния семей с детьми, пенсионеров и инвалидов. Реализация происходит через смешанный механизм: выплаты (пенсии, пособия, ЕДВ, маткапитал), льготы (по ЖКХ, транспортные, налоговые) и предоставление социальных услуг (медицинские, образовательные, бытовые).

Наблюдаемую эффективность можно оценить как смешанную. С одной стороны, общее снижение уровня бедности (до исторически низких значений) и улучшение демографической динамики говорят о том, что поддержка работает. Адресные пособия и национальные проекты дают прирост доходов наиболее

нуждающихся категорий населений. С другой стороны, сохраняются значительные проблемы: многие инвалиды и пенсионеры живут за чертой бедности, а комплексная среднесрочная цель – обеспечить всем гражданам достойную жизнь и всеобщую доступность благ – еще не достигнута. В дальнейшем важными будут дальнейшее повышение адресности (обратить внимание на реальную нужду), оценка реального уровня жизни (прожиточный минимум, медианные доходы) и контроль за результативностью программ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 2020. 4 июля. С. 1–6.

2. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3699.

3. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 19.

4. Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4563.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 363 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Национальный проект «Семья». Федеральный проект «Старшее поколение». URL: https://semya.gov.ru.

9. Уровень бедности среди многодетных семей сократился вдвое // РБК. 2024. 14 февраля. URL: https://www.rbc.ru/economics/14/02/2024/65cc1f799a7947be46a08bfa/.

10. Бедность в России достигла исторического минимума // Ведомости. 2024. 20 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/03/20/1012023-bednost-minimum.

11. Гришковец А. А., Галицкая Н. В. Актуальные проблемы государственной поддержки и защиты прав инвалидов в современной России (административно-правовые аспекты) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2023. №. 2. С. 105–116.

12. «Бесшовная» система пособий в Российской Федерации. URL: https://tass.ru/ekonomika/14379737/.

13. Уровень бедности среди многодетных семей в Российской Федерации. URL: https://www.rbc.ru/economics/05/05/2025/6811ea429a794731d20a3c6c/.

Россошик С. Л.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала
Ростовского юридического
института МВД России

САНКЦИИ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Распространение заведомо недостоверной информации в информационно-телекоммуникационных сетях, включая фейковые новости, представляет собой одну из ключевых угроз информационной безопасности современного общества, требующую адекватного правового реагирования. В Российской Федерации административная ответственность за подобные правонарушения установлена ст. 13.15 КоАП РФ, предусматривающей штрафы от 30 тыс. до 1,5 млн руб. в зависимости от характера информации и ее последствий. Практика применения данной нормы органами МВД и Роскомнадзора выявила ряд проблем, связанных с квалификацией субъектов ответственности, установлением умысла и балансом между санкциями и конституционным правом на свободу слова [1, с. 127–134].

Анализ судебной практики показывает, что преобладающее большинство дел касается распространения фейковых новостей о чрезвычайных ситуациях, общественно значимых событиях и мерах государственной власти, повлекших панику или нарушение общественного порядка. В 2025 г. количество протоколов по чч. 9–10.2 ст. 13.15 КоАП РФ выросло на 45 % по сравнению с предыдущим периодом, что обусловлено усилением государственного контроля за информационным пространством в условиях геополитических вызовов [2, с. 45–52]. Основная сложность правоприменения заключается в доказывании субъективной стороны – заведомого характера недостоверности информации, поскольку многие распространители действуют в условиях информационного шума, не осознавая ложности сведений. Верховный Суд Российской Федерации в постановлениях разъясняет, что ответственность наступает только при прямом умысле, однако на практике это требование часто игнорируется, приводя к необоснованным санкциям. Несмотря на то, что поправки в УК РФ и КоАП РФ были внесены совсем недавно, уже начала складываться правоприменительная практика по ним, и тоже весьма неоднозначная. Так, к примеру, к числу противоправных действий отнесли размещение на стекле автомобиля плаката, нанесение краской на тротуар надписи или выкрикивание в общественном месте (в магазине, на улице, во дворе многоквартирного дома и т. п.) лозунгов, содержание которых дискредитирует использование Вооруженных Сил Российской Федерации; наоборот, закрашивание краской баннера в поддержку Вооруженных Сил Российской Федерации и т. д. [3, с. 67–74].

---

[1] © Россошик С. Л., 2026.

Определение субъектов ответственности остается проблематичным: физические лица, включая блогеров и пользователей соцсетей, привлекаются по общим основаниям, в то время как юридические лица (СМИ, интернет-платформы) несут солидарную ответственность за контент пользователей. Статья 13.15 ч. 10.1 устанавливает штрафы до 3 млн руб. для юрлиц за недостоверную информацию об угрозах жизни и безопасности, однако агрегаторы вроде Telegram-каналов или VK-групп уклоняются от ответственности, ссылаясь на отсутствие модерации [4, с. 156–165]. Судебная практика по делам против Telegram показывает, что платформы освобождаются от ответственности, если оперативно удаляют контент по требованию Роскомнадзора, что стимулирует превентивную цензуру, но не решает проблему первичного распространения [5, с. 37–43].

Пределы государственного вмешательства в свободу слова, гарантированную ст. 29 Конституции Российской Федерации, определяются принципом соразмерности и необходимостью защиты общественных интересов. Европейский суд по правам человека в делах Handyside v. UK и Delfi AS v. Estonia установил, что ограничения допустимы при угрозе общественной безопасности, однако требуют четких критериев недостоверности. В России проблема усугубляется расплывчатостью понятия «общественно значимая информация», позволяющего трактовать любую критику как фейк [6, с. 34–42]. Практика показывает превышение дискреционных полномочий: в 40 % отмененных постановлений суды указывали на отсутствие экспертизы по достоверности фактов, подчеркивая необходимость независимой проверки [7, с. 112–120].

Актуальные проблемы применения включают отсутствие единой методологии экспертизы фейковых новостей, что приводит к субъективизму в квалификации. Органы МВД полагаются на официальные источники (ТАСС, РИА Новости), игнорируя альтернативные данные, что нарушает принцип презумпции добросовестности [8, с. 78–85]. Кроме того, трансграничный характер интернета затрудняет привлечение иностранных распространителей, а блокировка VPN усложняет доступ к информации. Зарубежный опыт (немецкий NetzDG, французский Avia-закон) демонстрирует эффективность превентивных мер с обязательной модерацией, но с риском перегиба в цензуру.

Для совершенствования предлагается разработка методических рекомендаций по экспертизе недостоверности, введение градации ответственности в зависимости от аудитории и последствий, а также создание независимого экспертного совета при Роскомнадзоре. Необходим баланс между санкциями и защитой свободы слова через четкое разграничение мнений и фактов, усиление роли судов в проверке протоколов, поскольку только такая комплексная реформа обеспечит эффективность административного права без ущерба конституционным гарантиям [1, с. 132–134].

Список литературы

1. Шерстобитова М. В. Уголовно-правовая ответственность за фейковые новости: проблемы и перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 127–134.

2. Павлов Н. В. Правовые аспекты административной ответственности за распространение фейковых новостей в России // Юридическая наука. 2025. № 3. С. 45–52.

3. Татьянина А. В. Ответственность за распространение фейковых новостей: вопросы теории и правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4. С. 67–74.

4. Пантазий Ю. В. К вопросу о привлечении к административной ответственности за распространение «фейковых» новостей // Legal Bulletin. 2023. № 4. Т. 8. С. 214–223.

5. Арутюнян П. Е., Крутова Я. А. Административная ответственность за правонарушения в области персональных данных // Эпомен. 2021. № 55. С. 37–43.

6. Балекина В. М. Соотношение административной ответственности и свободы слова // Административное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 34–42.

7. Терских А. И. Фейковые новости и административная ответственность // Законность. 2022. № 8. С. 112–120.

8. Сидорова Е. А. Проблемы административной ответственности за распространение недостоверной информации // Вестник университета. 2023. № 1. С. 78–85.

Рошка А. А.[1]***,***
курсант
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малахов С. А.,
старший преподаватель
кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭТНИЧЕСКИХ АНКЛАВОВ В РОССИИ

Статья 19 Конституции Российской Федерации провозглашает равенство прав и свобод человека независимо от расы, национальности или языка, а также гарантирует сохранение этнической самобытности, культуры, родного языка и традиций народов России.

Однако в условиях усиления миграционных потоков, урбанизации и роста социокультурного разнообразия в крупных городах все большее значение приобретают этнические анклавы.

В российском законодательстве административно-правовой статус этнических анклавов остается недостаточно четко определенным. В отличие от национально-территориальных образований (например, республик), этнические анклавы не обладают формальным правовым признанием, не имеют собственных органов власти и не включены в систему административно-территориального деления страны. Этнические анклавы фактически функционируют как особые социокультурные и иногда квазиинституциональные объединения, взаимодействующие с органами публичной власти, правоохранительными структурами и местным населением.

Говоря о понятии этнического анклава, стоит сказать, что данный термин содержится в п. 28 Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 годы [4].

Однако само определение этнического анклава по-прежнему остается окончательно не сформированным ни в нормативных правовых актах, ни в научных кругах, что является одной из первостепенных проблем реализации административно-правового статуса этнических анклавов.

Проводя исследования в отношении понятия этнических анклавов, М. В. Ульянов приводит следующее определение: «Под этническим (полиэтническим) анклавом, может пониматься территория присутствия сплоченных эт-

[1] © Рошка А. А., 2026.

нических меньшинств, дифференцирующим признаком которой являются наличие особого экономического уклада и социально-культурной среды, исключающих процессы ассимиляции в общество» [5, с. 4–5].

Мы полагаем, что данная точка зрения в наибольшей мере отвечает содержанию понятия этнических анклавов, поскольку содержит в себе признаки их современного состояния в Российской Федерации. Важным моментом является то, что данные объединения неспособны (или не желают) реально ассимилироваться и социально-культурно интегрироваться в российское общество.

Особый экономический уклад уже на протяжении длительного периода времени стал характерной особенностью этнических анклавов на территории Российской Федерации. Данное обстоятельство прямым образом приводит к криминализации экономической и иной деятельности анклавов. Также стоит отметить, что в большей мере формирование иностранных этнических анклавов происходит для органов государственной власти стихийно и незаметно. Следовательно, такие анклавы имеют высокую степень латентности по различным причинам.

В качестве одной из детерминант генезиса данных явлений следует рассматривать пробельность административно-правового регулирования статуса иностранных этнических анклавов. Полагаем, что преодоление данного правового пробела требует конструирования специализированной нормативно-правовой базы, регламентирующей процедуры их возникновения (создания) и последующего законодательного оформления.

Также одной из проблем является организованная преступность анклавов, вызванная корыстными мотивами преступных групп (сообществ). Наличие особой социально-культурной среды в этнических анклавах способствует росту преступности, экстремистским проявлениям, разжигании ненависти и вражды между коренными народами России и иностранными гражданами, прибывшими в Российскую Федерацию и образовавшими свои этнические анклавы.

Под ассимиляцией понимается процесс усвоения одной группой языка, культуры, норм, ценностей и образа жизни другой, доминирующей группой, в результате которого различия между ними постепенно стираются.

С одной стороны, ассимиляция не является совершенно обязательной, поскольку Конституция Российской Федерации гарантирует право каждого на определение и указание своей национальной принадлежности. Но в то же время в последние годы сложилось так, что различные диаспоры оказывают целенаправленное сопротивление ассимиляции.

Еще не так давно этнические анклавы рассматривались исключительно как положительное явление, однако в связи с несовершенством современной миграционной политики мы наблюдаем совершенно обратное. Интерес в данном случае представляет мнение научного сотрудника института государства и права Российской академии наук Н. С. Ворониной, которая считает, что необходимо отделять понятия анклава от диаспоры [6].

Не согласимся с данной точкой зрения, поскольку автор, приводя аргументы в доказательство своей позиции о том, что диаспора формируется по этническому признаку, а анклав – по территориальному. На наш взгляд, понятие этнического анклава включает в себя и тот и другой признаки и вместе с тем харак-

теризуется иными признаками (социокультурной и экономической средой), что придает ему устойчивость. Таким образом этнический анклав является комплексным и собирательным понятием, включающим в себя как территориальный признак формирования, так и этнический. Следовательно, диаспора представляет собой вид этнического анклава.

Проведенный анализ позволяет констатировать наличие системной дихотомии в правовом регулировании статуса этнокультурных образований: с одной стороны, институт национально-культурной автономии, будучи продуктом целенаправленной государственной воли и интегрированным в конституционно-правовое и административно-правовое поле Российской Федерации, демонстрирует высокую степень правовой определенности и адекватности, выступая легитимным каналом для реализации культурных прав граждан в рамках общегосударственной политики по укреплению общероссийской гражданской идентичности. Институт национально-культурной автономии интегрирован в конституционное и административное правовое поле через основные нормативно правовые акты.

Право на национально-культурную автономию вытекает из ст. 26 (право на определение национальной принадлежности, пользование родным языком) и ст. 68 Конституции Российской Федерации (гарантии прав коренных малочисленных народов, право на сохранение родного языка). Так, представители национальной культурной автономии включаются в общественные консультативные советы при органах законодательной и исполнительной власти субъектов Российской федерации, все это обеспечивает каналы политической коммуникации в обществе и способствует более активной интеграции института национально культурной автономии в правовое пространство Российской федерации.

С другой стороны, феномен этнических анклавов, формирующихся преимущественно в среде иностранных граждан и лиц без гражданства в силу своей спонтанности, обособленности и слабой вовлеченности в официальные правовые коммуникации порождает деструктивные правовые пробелы, создающие питательную среду для развития параллельных, нередко антиправовых социальных практик, что объективно детерминирует их квалификацию в качестве дестабилизирующего фактора, представляющего прямую угрозу основам конституционного строя, общественной безопасности и суверенитету Российской Федерации. Так, на практике имеют место случаи, когда в пределах таких анклавов устанавливаются неформальные системы правосудия, основанные на традиционных нормах, которые игнорируют российское законодательство. Например, практика урегулирования споров в семье при помощи обращения к старейшинам без обращения в суд, что приводит к нарушению прав женщин и несовершеннолетних.

Подводя итоги, стоит отметить, что необходимо теоретическое осмысление и правовое оформление статуса этнических анклавов в рамках административного права. Это особенно важно в контексте обеспечения межэтнической стабильности, предотвращения конфликтов, эффективного управления миграционными процессами и реализации конституционных принципов верховенства права и законности.

Законодательное определение этнического анклава в современной России является необходимым решением для осуществления эффективного административно-правового регулирования данной сферы общественных отношений. К тому же данное понятие уже используется в ряде подзаконных актов, например, в п. 28 Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 годы, что еще в наибольшей мере обусловливает такую необходимость [4]. С нашей точки зрения, в рамках статьи приведено научное определение этнического анклава, которое в наибольшей мере отражает его содержание. В целом в связи с оптимизацией миграционной политики проводимые административно-правовые исследования, связанные с этническими анклавами в России, требуют своего продолжения.

Список литературы

1. Виноградова Е. В., Кобзарь-Фролова М. Н., Сморчкова Л. Н. К вопросу о правовом регулировании общественных отношений в сфере противодействия формированию этнических анклавов // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 161–174.

2. Калашников К. Н. Национально-культурные автономии в современной России: проблемы представительства и эффективности // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 3. С. 1–19.

3. Скоробогач Н. И. К вопросу о термине «общественные объединения этнического характера» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 161–166.

4. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2025–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Ульянов М. В. К вопросу о сущности понятия «этнический анклав» // Вопросы безопасности. 2023. № 4. С. 4–5.

6. Ковалева И. И. Этнические анклавы, представляющие риски и угрозы для общества, уже существуют в России. URL: https://dzen.ru/a/Z-qbXk6LPH46Z0QQ.

Руднев А. С.[1]*,*
начальник факультета
заочного обучения
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ВВОД В ОБОРОТ НЕБЕЗОПАСНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Действующая система административно-деликтного законодательства в сфере безопасности дорожного движения характеризуется существенной асимметрией. Проведенный анализ норм Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) позволяет констатировать парадоксальную ситуацию.

Так, законодатель, детально регламентируя ответственность за нарушения на стадии эксплуатации транспортных средств и их технического обслуживания, практически полностью оставляет вне сферы административно-правового воздействия начальный, базовый этап жизненного цикла источника повышенной опасности, а именно его появление в гражданском обороте [1].

Выявленный дефицит правового регулирования заключается в отсутствии прямых составов административных правонарушений, адресованных юридическим лицам, осуществляющим деятельность по созданию (производству) и реализации (продаже) транспортных средств. Указанный пробел формирует логически неполную и асимметричную модель контроля за безопасностью, что требует скорейшего законодательного восполнения путем введения в гл. 12 КоАП РФ новой ст. 12.38, устанавливающей ответственность за ввод в оборот небезопасных транспортных средств.

Данный состав целесообразно включить в гл. 12 КоАП РФ, потому что речь идет прежде всего о механических транспортных средствах – мотоциклах, автомобилях, автобусах и т. д.

В настоящее время перечень административно наказуемых деяний, за которые юридические лица, эксплуатирующие транспортные средства, могут быть привлечены к ответственности, достаточно обширен. Он включает нарушения правил перевозки опасных грузов и детей, выпуск на линию неисправных транспортных средств, допуск к управлению водителей в состоянии опьянения, нарушения режима труда и отдыха и многие другие составы, предусмотренные ст.ст. 12.21.1, 12.21.2, 12.23, 12.31, 12.31.1, 12.32, а также корреспондирующими нормами гл. 11 и 14 КоАП РФ.

Однако все эти составы обращены к перевозчикам, владельцам транспортных средств, лицам, ответственным за их техническое состояние и эксплуатацию. Производитель же или профессиональный продавец, чьи действия (бездействие)

[1] © Руднев А. С., 2026.

закладывают фундаментальную основу безопасности – конструктивные и производственные характеристики транспортного средства как сложного технического устройства, – остаются вне поля административно-деликтного преследования.

Такая законодательная модель представляет собой серьезный системный дефект. Общественная опасность деятельности по эксплуатации транспортного средства является производной и вторичной по отношению к опасности, изначально заложенной в самом объекте. Если конструкция автомобиля содержит дефект, влияющий на безопасность (например, недостатки тормозной системы, рулевого управления, системы пассивной безопасности) или если такой дефект возникает вследствие недобросовестной предпродажной подготовки, хранения или некачественного ремонта, то последующая, даже безупречная, эксплуатация не может полностью нивелировать созданный риск. Причинно-следственная связь между производственным браком и дорожно-транспортным происшествием, повлекшим тяжкие последствия, очевидна, однако правовые последствия для производителя наступают лишь в рамках гражданско-правовой ответственности (возмещение вреда, ответственность за недостатки товара по Закону о защите прав потребителей), которая носит компенсационный характер и активируется уже после причинения вреда.

Административно-деликтное право, обладающее мощным превентивным потенциалом за счет возможности воздействия на потенциального правонарушителя до наступления катастрофических последствий (путем установления формальных составов), в данной сфере остается невостребованным.

Подобное игнорирование публично-правовой ответственности на стадии создания и введения в оборот источника повышенной опасности вступает в противоречие с самой доктриной об источниках повышенной опасности [2]. Именно деятельность по производству и поставке на рынок сложных технических устройств формирует материальную предпосылку для последующей рисковой эксплуатации. Делегирование всего массива ответственности конечному собственнику или владельцу, которые зачастую объективно лишены возможности выявить скрытые производственные или иные дефекты, необоснованно перекладывает на них бремя негативных последствий и деформирует цели административной превенции. Риск причинения вреда, созданный на этапе производства, должен минимизироваться, в том числе и средствами административного принуждения, направленного непосредственно на производителя.

Сложившаяся ситуация порождает «правовую безответственность» профессиональных участников рынка. Введение в гл. 12 КоАП РФ новой ст. 12.38, предусматривающей административную ответственность за ввод в оборот или реализацию транспортных средств, не отвечающих обязательным требованиям безопасности, а также за реализацию транспортных средств со скрытыми дефектами, влияющими на безопасность, позволило бы замкнуть цикл правового регулирования. Предлагаемая норма должна устанавливать ответственность для производителей, официальных дилеров и иных профессиональных продавцов. Диспозиция статьи может быть сконструирована таким образом, чтобы охватывать как действия по вводу в оборот транспортного средства, не соответствующего техническому регламенту, так и действия по реализации транспортного сред-

ства с заведомо скрытыми дефектами, а также ненадлежащее проведение обязательной предпродажной подготовки, повлекшее наличие опасного недостатка.

Законодательное закрепление подобных составов создаст действенные стимулы для обеспечения безопасности на всем пути движения транспортного средства – «от конвейера до дороги». Это позволит не только привлекать к ответственности непосредственных виновников выпуска опасной продукции, но и окажет мощное превентивное воздействие на всех участников рынка, побуждая их к неукоснительному соблюдению требований безопасности. Более того, наличие таких норм обеспечит системность и полноту административно-правового регулирования, устранив существующий дисбаланс и реализовав принцип неотвратимости ответственности за действия, создающие угрозу жизни и здоровью граждан на самом раннем этапе.

Предложенные нововведения в законодательство об административных правонарушениях, безусловно, являются дискуссионными, они требуют дальнейшей своей доработки, вместе с тем в рамках настоящей статьи целесообразность установления административной ответственности юридических лиц за ввод в оборот небезопасных транспортных средств представляется обоснованной.

Список литературы

1. Варлыгин Л. Д. О понятии источника повышенной опасности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 53–56.

2. Якимов А. Ю. Привлечение к административной ответственности за несоблюдение требований, касающихся обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (проблемы и пути их решения) // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 41–49.

Рязанцева М. Н.[1]***,***
адъюнкт заочной формы обучения
факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
юрисконсульт Правового управления
ГУ МВД России по г. Москве

Научный руководитель:
Бондарь Е. О.,
заместитель начальника
кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПОСТАНОВКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА МИГРАЦИОННЫЙ УЧЕТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В настоящее время миграция – одно из масштабных и непростых явлений. Согласно статистическим сведениям, «по состоянию на 1 ноября 2025 г. на территории России находилось порядка 6,3 млн иностранных граждан, а в начале 2026 г. в страну въехало свыше 7,9 млн иностранцев, что на 8,3 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года» [8]. Наблюдаемая динамика физического перемещения людей настолько высока, что требует не только регулярного мониторинга и прогнозирования складывающейся миграционной ситуации в период усложнившихся международных отношений, но и соответствующего контроля со стороны органов государственной власти, отвечающего современным требованиям цифровой трансформации общества. Сбор биометрических данных иностранных граждан, разработка механизмов осуществления электронных государственных процедур иностранными гражданами, создание мобильных приложений для упрощения жизнедеятельности иностранных граждан, а также системы электронного учета пребывающих на территории Российской Федерации иностранных граждан, необходимых не только для формирования дела мигранта, но и для обмены информации между разными ведомствами государства – все это не просто хаотичные цифровые новшества в миграционной сфере, а четко сформированная дорожная карта мероприятий миграционной политики в эпоху цифровизации.

В миграционной сфере 2025 г. стал ключевым, переломным в решении ряда экономических, политических, цифровых и иных вопросов посредством принятия законодательных мер. Яркими примерами, подтверждающими данную мысль, стоит считать, во-первых, создание новой службы в сфере урегулирования миграционными процессами – Службы по вопросам гражданства и реги-

[1] © Рязанцева М. Н., 2026.

страции иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации [3], во-вторых, запуск работы информационного ресурса «Цифровой профиль мигранта» [4] и реестра контролируемых лиц [4], в-третьих, актуализацию Концепции миграционной политики, которая позволит расширить использования цифровых технологий на ближайшие четыре года [5]. Следовательно, понимаем: на сегодняшний день наблюдается усиление контроля за возросшими миграционными потоками с помощью инновационных технологий, а также цифровизация большинства государственных услуг, в число которых входит и постановка иностранных граждан на миграционный учет.

Миграционный учет – законодательно урегулированная процедура органов государственной власти, позволяющая иностранным гражданам легализовано пребывать или проживать на территории Российской Федерации, а со стороны государства – контролировать миграционную ситуацию в стране. Иными словами – совокупность административных действий, предусмотренных Федеральным законом «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ, а также иными документами – постановлениями Правительства, приказами МВД, результатами которых становятся определенные записи, позволяющие установить правовой статус мигрантов, зафиксировать их местонахождение. Однако исходя из анализа достаточно массивного объема нормативных правовых актов и вносимых изменений по внедрению цифровых технологий, приходим к выводу: процедура наделена своими особенностями.

Рассмотрим порядок постановки на миграционный учет. Существует общий порядок, в рамках которого сам иностранный гражданин или принимающая его сторона (например, работодатель, образовательная организация, иностранный гражданин, предоставляющей данному лицу в аренду жилое помещение, находящееся в собственности) уведомляют о прибытии соответствующего иностранного гражданина главенствующий орган – МВД России на региональных и районных уровнях – для последующей постановки на учет по месту пребывания или месту жительству. На сегодняшний день разрешена подача данных уведомлений в электронном формате, однако, несмотря на удобство данной процедуры, в законодательстве отсутствует синхронизация миграционных норм с нормами, которые регулируют использование электронной подписи, получение государственных услуг.

Отдельно обратим внимание на сформированную судебную практику по обжалованию гражданами (организациями, ИП, должностными лицами) привлечения к административной ответственности за нарушение правил пребывания иностранных граждан, в том числе и в части касающейся обязанности по постановке иностранного гражданина на учет в миграционном органе. Ситуация проста: работодателя иностранного гражданина привлекли к административной ответственности за отсутствия уведомления в соответствующие органы о пребывании мигранта. Казалось бы, вина принимающей стороны очевидна, однако в рамках обжалования суд не смог доказать зафиксированную официально подобную обязанность (например, приказом, трудовым договором) [6]. В другом судебном заседании было выявлено отсутствие обязанности прини-

мающей стороны об уведомлении миграционного органа о продлении срока пребывания иностранного гражданина на территории Российской Федерации[7]. Таким образом, приходим к выводу: подобные ситуации создают правовые проблемы, что усложняет получение такой государственной услуги как постановки на миграционный учет и без использования цифровых технологий.

Стоит отметить, что в рамках общего порядка постановки иностранных граждан на миграционный учет особенностями наделены высококвалифицированные специалисты из других стран и иностранные граждане, прибывшие из Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана для пребывания на территории Российской Федерации, что регулируется не только федеральным законодательством, но и международными договорами. В первой категории мигранты имеют право в течение 90 дней не вставать на учет по месту пребывания, а также в срок, не превышающий 30 дней, перемещаться по территории Российской Федерации без постановки на учет по новому месту пребывания [1]. Такие особенности благоприятно влияют на ведение экономики в стране, способствуют развитию деловых отношений, являются примером баланса для правоприменителей в урегулировании миграционной политики, несмотря на увеличение числа инструментов, необходимых для контроля за перемещением иностранных граждан.

Наряду с общим порядком постановки иностранных граждан на миграционный учет на сегодняшний день разработаны дополнительные механизмы по осуществлению такого процесса с исключительным использованием цифровых технологий, что по своему контексту уже является особенностью. В соответствии с Федеральным законом от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» [2] на территории Москвы и Московской области в период с 1 сентября 2025 г. по 1 сентября 2029 г. введен экспериментальный и дистанционный механизм фиксации иностранных граждан (кроме граждан республики Беларусь), прибывших в Российскую Федерацию без визы для осуществления трудовой деятельности на основании патента (либо без разрешения на работу или патента) или без осуществления такой деятельности, но при изменении необходимости пребывания в Российской Федерации. Для отдельных категорий иностранных граждан пребывание на территории Москвы и Московской области в целях, не связанных с трудовой деятельностью, на срок более 90 календарных дней, эксперимент планируется начать с 1 сентября 2026 г. [2].

Экспериментальный механизм работает следующим образом. Иностранные граждане подлежат миграционному учету лишь по адресу организации, уполномоченной г. Москвы, без возможности проживания в данном месте. Свое фактическое местонахождение мигранты сообщают в МВД России через специальное мобильное приложение «Амина», в котором отображаются все персональные данные иностранной личности, согласие на обработку которых дает он сам, а далее происходит автоматическая регистрация в ЕСИА. Следовательно, как мы понимаем, иностранные граждане, находящиеся на территории Москвы и Московской область и участвующие в данном эксперименте, не подлежат регистрации по правилам, предусмотренных Федеральным законом от 18 июля

2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [1], за исключением случаев пребывания в гостинице или организациях, предоставляющих медицинские услуги. Таким образом, геолокация устройства абонента позволяет контролировать определенную часть мигрантов, а о самих миграционных процессах можно говорить, что они становятся более прозрачными.

В случае если в течение трех рабочих дней информация о смене фактического местонахождения не поступает в МВД России, иностранный гражданин подлежит снятию с миграционного учета, и, соответственно, при отсутствии оснований для нахождения на территории Российской Федерации иностранное лицо попадает в реестр контролируемых лиц, о котором ранее уже упоминалось. В связи с этим возникает проблема: как будет решаться подобный вопрос в случае электронного сбоя? Предусмотрена ли обязанность оператора технической поддержки информирования иностранного гражданина о сбое и восстановлении работы приложения? На кого будет возложена ответственность за правовые последствия? Проанализировав небольшой объем информации и отталкиваясь от мысли о том, что на сегодняшний день данный механизм наделен в принципе экспериментальным характером, приходим к выводу о необходимости в дальнейшем закрепления на межрегиональном уровне правил пользования приложением.

Сбор данных иностранных граждан посредством цифровых технологий – особенность не только процесса постановки иностранных граждан на миграционный учет, но и всей миграционной политики Российской Федерации в целом. В отличие от других стран, где подобный механизм миграционного учета не экспериментальный, а уже давно функционирующий, Российская Федерация на сегодняшний день опирается исключительно на согласие мигранта предоставить информацию о себе. Например, в Китае контроль за иностранцами осуществляется значительно жестче – постановку на учет необходимо производить в течение 24 часов после прибытия в страну, а цифровая платформа не просто содержит данные об иностранном гражданине, но и синхронизирует информацию о нем при взаимодействии всех органов государственной власти. Безусловно, подход Российской Федерации к получению информации с помощью связи приложения «Амина» и ЕСИА позволяет решить не одну миграционную задачу, однако необходимо задуматься и об обратной стороне данных правоотношений. В период участившихся случаев дистанционных атак геолокация, персональные данных иностранных граждан могут стать уязвимыми для злоумышленников. Необходимо рассмотреть вопрос о возможности повышения уровня цифровой грамотности иностранных граждан на территории Российской Федерации, а также использования в постановке на учет более уникальных и неповторимыех данных – биометрических, сбор которых уже ведется.

Постановка иностранных граждан на миграционный учет – одна из важнейших государственных услуг, представляющая собой не одно мероприятие, а целый комплекс взаимосвязанных административных действий, наделенных своими особенностями в эпоху цифровизации. Встречающаяся проблематика очевидна не только массовым применением инновационных технологий, но и значительным количеством принятых нормативных правовых актов феде-

рального и регионального уровня для решения миграционных вопросов. Российская Федерация, безусловно, учитывает международный опыт в вопросах особенностях ведения миграционного учета и предлагает свой, сбалансированный подход к рассмотрению фактов пребывания мигрантов на территории страны: с одной стороны – обеспечение безопасности государственных границ и общественного порядка, с другой – защита прав иностранных граждан, находящихся на территории страны. Однако наряду с этим в рамках запущенного экспериментального механизма постановки на учет предстоит не только разобраться в проблематике цифрового и миграционного характера, но и четко сформулировать результаты постановки иностранных граждан на миграционный учет в Москве и Московской области, чтобы потом внедрить их уже в иных инновационных механизмах для других регионов Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Российская газета. 2006. № 156.

2. Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» // Российская газета. 2025. № 118.

3. Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 28. Ст. 3955.

5. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 42. Ст. 6143.

6. Постановление Калужского областного суда от 15 октября 2018 г. № 4-А-392/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ESnYY6gAzvYS/.

7. Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 7 мая 2025 г. № 16-770/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

8. «Миграционная политика России: переломный 2025 год» // Официальный сайт «Газета.ру». URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/12/17/22195243.shtml?utm_auth=false.

Сакулина Л. Л.[1]*,*
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Цифровая трансформация госуправления – это внедрение технологий (искусственного интеллекта, большие данные, облачные сервисы) для качественного изменения бизнес-процессов, повышения эффективности государственных органов, прозрачности решений и клиентоцентричности услуг.

В России до 2030 г. реализуется стратегия, направленная на автоматизацию сбора данных, цифровизацию госуслуг, дистанционные проверки бизнеса и переход к проактивному, сервисному государству.

Целью стратегического направления является обеспечение свободного, устойчивого, безопасного информационного взаимодействия между органами государственной власти Российской Федерации, гражданами, бизнесом, а также технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры [1].

Цифровизация улучшает качество государственного управления и доступность предоставляемых населению государственных услуг. Кроме того, цифровизация государственных органов открывает возможности для появления новых видов услуг для населения. В условиях кризисов, в частности, пандемии COVID-19, экологических, социальных и геополитических рисков, цифровизация повышает возможности государственного сектора по принятию своевременных и обоснованных решений. Цифровизация повышает прозрачность процесса принятия решений государственными органами, что в свою очередь усиливает подотчетность и целостность госуправления. Усложнение экономических, социальных, политических, демографических и иных процессов требует как новых подходов к государственному управлению, так и новых методов и технологий анализа и обработки информации, формирования стратегического видения и определения приоритетов.

В 2026 г. трансформация государственного управления в эпоху цифровизации характеризуются переходом от простой автоматизации услуг к проактивным экосистемам управления на базе искусственного интеллекта.

Основные направления трансформации:

– переход к «государству как платформе»: государство функционирует как единая цифровая экосистема, где данные бесшовно передаются между ведомствами. Это исключает необходимость повторного предоставления справок гражданами (принцип «только один раз»);

---

[1] © Сакулина Л. Л., 2026.

– проактивное предоставление услуг: благодаря анализу больших данных (Big Data) госуслуги оказываются по факту наступления какой-либо жизненной ситуации (например, автоматическое начисление пособий при рождении ребенка) еще до обращения гражданина;

– искусственный интеллект и принятие решений: в 2026 г. искусственный интеллект активно используется для предиктивной аналитики, моделирования последствий законопроектов и управления городским хозяйством («Умный город»);

– цифровой суверенитет и безопасность: особое внимание уделяется защите персональных данных и переходу на отечественные программные решения для обеспечения устойчивости критической информационной инфраструктуры;

– датацентричное управление: решения принимаются не на основе интуиции, а на базе анализа данных в реальном времени, что повышает точность бюджетного планирования и управления ресурсами [2, с. 61]. В 2026 г. датацентричное управление является фундаментом работы современного государства, где данные признаются ценным активом, а не просто побочным продуктом бюрократии. Происходит отказ от формоцентричного подхода (заполнение отчетов и справок) в пользу обмена первичными данными между ведомствами в реальном времени. На основе первичных данных происходит создание единых эталонных реестров, которые исключают дублирование информации и гарантируют ее достоверность для всех органов власти;

– адаптивное управление: это когда вместо ежегодных циклов планирования внедряется управление в реальном времени, где политика корректируется на основе мгновенного анализа поступающих данных. Н. В. Заруба рассматривает адаптивную систему государственного и муниципального управления как двусторонний процесс приспособления. С одной стороны, управляющая система активно приспосабливается к индивидуальным потребностям как одного конкретного человека, так и в целом, общества, а с другой – сам человек, как представитель управляемой системы, приспосабливается к управляющей, в результате чего происходят качественные изменения и управляемой, и управляющей систем [3, с. 51].

В отличие от классической бюрократии с жесткой иерархией, адаптивная модель делает ставку на гибкий подход управления:

– решения принимаются на основе постоянного мониторинга результатов и готовности корректировать стратегию на ходу;

– передача полномочий на нижние уровни (регионы, муниципалитеты), где проблемы видны лучше и решаются быстрее;

– активное вовлечение граждан, общественных объединений и бизнеса в процесс принятия решений;

– использование цифровых инструментов для быстрой разработки и внедрения государственных сервисов;

– внедрение пилотных проектов для тестирования инноваций перед их масштабным запуском.

Эта концепция часто применяется в управлении экологическими системами (например, борьба с изменением климата), городским хозяйством и в условиях цифровой трансформации экономики.

Таким образом, мы видим ключевые преимущества в использовании цифровой трансформации в государственном управлении. В целом можно констатировать, что на современном этапе актуализировано стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru 20 марта 2024 г. № 0001202403200032.

2. Стырин Е. М. Барьеры внедрения датацентричного государственного управления: опыт России // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. Т. 21, № 1. С. 61–81.

3. Заруба Н. В. Адаптивное управление в системе государственного и муниципального управления // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 1 (6). С. 51.

Сардак Д. Б.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала
Ростовского юридического
института МВД России

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РАСШИРЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В 2026 ГОДУ

Развитие информационных технологий и цифровизация общественных отношений привели к необходимости расширения и совершенствования административно-правового регулирования в сфере информационно-телекоммуникационных систем. В условиях возрастания угроз информационной безопасности, защиты персональных данных граждан и обеспечения устойчивости телекоммуникационной инфраструктуры государства законодатель провел комплексное ужесточение административной ответственности. Федеральные законы от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ и от 28 декабря 2025 г. № 508-ФЗ внесли значительные изменения в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, введя новые составы правонарушений и повысив размеры санкций за их совершение [1, с. 127–134]. Появление таких нормативных актов, вступивших в силу с 1 января 2026 г., представляет собой попытку государства адаптировать систему административного законодательства к динамично изменяющимся условиям функционирования информационного пространства и требует серьезного научного анализа с точки зрения их соответствия принципам законности, справедливости и эффективности правоприменения [2, с. 34–42].

Статья 13.29.2 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) устанавливает ответственность за передачу информации, необходимой для регистрации и авторизации пользователя информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», иному лицу для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса [1, с. 127–134]. Данная норма предусматривает наложение административного штрафа в размере от 30 до 50 тыс. руб. для граждан, от 50 до 100 тыс. руб. для индивидуальных предпринимателей и от 100 до 200 тыс. руб. для юридических лиц. Введение этой статьи диктовалось практической необходимостью пресечения распространенного явления передачи логинов и паролей третьим лицам, что создает серьезные угрозы для информационной безопасности и может привести к несанкционированному доступу к персональным данным, финансовым счетам и конфиденциальной информации пользователей [3, с. 67–74].

Вместе с тем в примечании к указанной статье предусмотрено исключение из сферы административной ответственности передачу учетных данных для

[1] © Сардак Д. Б., 2026.

правомерного использования по поручению или с согласия пользователя, что позволяет исключить квалификацию правонарушений сотрудников технических служб, уполномоченных лиц и иных субъектов, осуществляющих служебное администрирование информационных ресурсов [5, с. 34–42].

Статьей 13.29.3 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушения при использовании абонентских терминалов и виртуальных автоматических телефонных станций (далее – ВАТС), представляющих собой программные комплексы, обеспечивающие управление трафиком телефонных соединений и широко использующихся как легитимными организациями, так и лицами, осуществляющими противоправную деятельность, включая массовые спам-рассылки, телефонное мошенничество и фишинг-атаки [4, с. 156–165]. Введение административной ответственности за незаконное использование ВАТС предусмотрено максимальным штрафом для граждан в 80 тыс. руб., для должностных лиц – до 150 тыс. руб. и для юридических лиц – до 500 тыс. руб., что существенно выше санкций за большинство иных информационных правонарушений и отражает высокую общественную опасность данного деяния [2, с. 34–42].

Практика применения этой нормы требует четкого разграничения между законным использованием телекоммуникационного оборудования в хозяйственных целях и преступным использованием ВАТС для организации противоправной деятельности, что, несомненно, вызывает определенные трудности для органов правоприменения [4, с. 156–165].

Существенное значение для функционирования телекоммуникационной инфраструктуры государства имеет ст. 13.43.1 КоАП РФ, устанавливающая ответственность операторов связи и владельцев технологических сетей за неисполнение установленных законодательством требований [2, с. 34–42]. Она адресована профессиональным участникам информационно-телекоммуникационного рынка и предусматривает ответственность за нарушение требований федерального органа исполнительной власти в области связи к линиям связи, пересекающим государственную границу Российской Федерации, за неисполнение обязанности по направлению в уполномоченный орган уведомления о выполнении требований и за несоответствие линий и средств связи реестровым записям [6, с. 112–120]. Размеры штрафов за нарушения, предусмотренные различными частями этой статьи, варьируются в широком диапазоне: для граждан от 1 до 3 тыс. руб., для должностных лиц – от 10 до 30 тыс. руб., для индивидуальных предпринимателей – от 20 до 50 тыс. руб. и для юридических лиц – от 100 до 300 тыс. руб. [2, с. 34–42]. Подобное нормирование обусловлено необходимостью обеспечения государственного контроля над трансграничными потоками информации, защиты национальной информационной инфраструктуры и предотвращения использования телекоммуникационных сетей в целях, не соответствующих интересам безопасности Российской Федерации [6, с. 112–120].

Интерпретация и применение новых норм административного законодательства органами МВД России сталкивается с рядом сложностей, обусловленных как нечетким формулированием составов правонарушений, так и необходимостью установления значительного объема доказательств для переквалификации деяний [4, с. 156–165]. Так, при квалификации передачи учетных данных

по ст. 13.29.2 возникает вопрос о том, как определить, было ли такое деяние совершено умышленно и с целью получения несанкционированного доступа к информационному ресурсу, либо передача носила правомерный характер [5, с. 34–42]. Указанная сложность усугубляется тем, что в цифровую эпоху передача логинов и паролей часто осуществляется в контексте обслуживания информационных систем, восстановления доступа пользователей или выполнения служебных обязанностей, что требует применения четких критериев отграничения законных действий от противоправных [5, с. 34–42]. То есть сотрудники МВД при проведении проверки вынуждены устанавливать субъективную сторону правонарушения путем анализа переписки, истории действий на счете, времени и обстоятельств передачи информации, что требует специализированной подготовки следственных кадров.

Проблемным аспектом применения норм об административных правонарушениях в информационно-телекоммуникационной сфере является установление причинной связи между действиями нарушителя и наступившими вредоносными последствиями. В случае с виртуальными автоматическими телефонными станциями сложность заключается в том, что одна и та же технология может использоваться как в законных целях (организация корпоративной телефонии малых и средних предприятий), так и для осуществления преступной деятельности (организация спама, массовых фишинг-атак на граждан и юридические лица) [4, с. 156–165]. Правоприменители часто оказываются в ситуации, когда необходимо доказать не только сам факт использования ВАТС, но и его неправомерный характер, что требует привлечения экспертиз, анализа логов серверов и технических данных [7, с. 78–85]. Такие сложности привели к формированию судебной практики, в которой суды требуют от органов МВД предоставления конкретных доказательств противоправного использования оборудования, а не просто наличие факта его функционирования [8, с. 109–118].

Применение норм об ответственности операторов связи и владельцев технологических сетей также требует специальных знаний в области телекоммуникационной инфраструктуры, требований к функционированию приграничных линий связи и порядка ведения соответствующих реестров. На практике сотрудники правоохранительных органов часто взаимодействуют с уполномоченным федеральным органом в области связи, осуществляющим надзор за выполнением требований к телекоммуникационным сетям и средствам связи [2, с. 34–42]. Возникают ситуации, когда оператор связи уведомил о начале деятельности, но не соблюдает установленные требования, или когда линии связи функционируют, но информация о них содержится в реестре неполно или с ошибками [2, с. 34–42]. А органы МВД, в свою очередь, должны располагать достаточной правоохранительной информацией, подтверждающей факт нарушения конкретного требования, причем эта информация должна быть получена легальным путем и соответствовать требованиям процессуального законодательства [6, с. 112–120].

Анализ судебной практики применения новых норм административного законодательства позволяет выявить следующие основные направления разрешения спорных вопросов. Во-первых, суды требуют четкого доказывания органами МВД виновности лица в совершении конкретного правонарушения

с установлением всех элементов состава противоправного деяния, включая объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону [8, с. 109–118]. Во-вторых, при рассмотрении дел об административных правонарушениях суды применяют принцип справедливости и соразмерности наказания, что особенно важно при назначении штрафов за нарушения в информационно-телекоммуникационной сфере, где размеры санкций существенно возросли [9, с. 78–85]. В-третьих, суды признают значимость правовых позиций, сложившихся при применении смежного уголовного законодательства, в частности ст.ст. 272.1 и 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающих ответственность за нарушение требований к персональным данным и воздействие на критическую информационную инфраструктуру, что способствует унификации судебной практики [10, с. 45–47].

Отметим, что правоприменительная практика по новым нормам ст.ст. 13.29.2, 13.29.3 и 13.43.1 КоАП РФ только начинает формироваться. По данным ведомственной статистики, органы МВД России в 2025 г. зарегистрировали значительное количество административных правонарушений в информационно-телекоммуникационной сфере, включая нарушения, связанные с передачей персональных данных и неисполнением требований операторами связи [2, с. 34–42]. Однако детальная статистика применения конкретных норм, введенных в начале 2026 г., пока недоступна, что затрудняет всесторонний анализ их практического применения. Тем не менее, уже можно выделить несколько тенденций в правоприменительной деятельности: во-первых, приоритизация органами МВД борьбы с передачей персональных данных и недопущением несанкционированного доступа к информационным ресурсам [4, с. 156–165]; во-вторых, активизация сотрудничества между органами МВД и уполномоченными органами в области связи при проверке соответствия операторов связи и провайдеров установленным требованиям [2, с. 34–42]; в-третьих, расширение использования технических средств контроля и мониторинга для выявления нарушений в информационно-телекоммуникационной сфере [10, с. 45–47].

Также необходимо отметить, что при введении новых норм административного ответственности законодатель не всегда уделял должное внимание проблемам их практического применения и возможных конфликтов с другими областями правового регулирования. Здесь возникает потенциальный конфликт между административной ответственностью за передачу учетных данных и трудовым правом, которое в определенных случаях требует от работников выполнения действий с использованием служебных логинов и паролей [5, с. 34–42]. Кроме того, установление административной ответственности за использование виртуальных автоматических телефонных станций требует четкого разграничения между их законным использованием (что получило развитие с распространением облачных коммуникационных решений) и противоправным применением [4, с. 156–165]. Органы правоприменения нуждаются в более детальных рекомендациях о том, как квалифицировать конкретные действия, какие доказательства необходимо собирать и как определять субъективную сторону противоправного деяния [7, с. 78–85].

Для повышения эффективности применения новых норм административного законодательства в сфере информационно-телекоммуникационных отношений предлагается осуществить следующие меры:

1) необходимо принять ведомственные приказы МВД России и уполномоченного органа в области связи, содержащие методические рекомендации по квалификации новых составов правонарушений и порядку проведения следственных действий [9, с. 78–85];

2) целесообразно организовать систематическое повышение квалификации сотрудников органов МВД, осуществляющих выявление и пресечение нарушений в информационно-телекоммуникационной сфере, включая обучение современным методам технического анализа и криминалистического исследования электронных данных [6, с. 112–120];

3) требуется уточнить отдельные формулировки в составах правонарушений, содержащихся в новых статьях КоАП РФ – в целях исключения двусмысленности и обеспечения принципа ясности закона [5, с. 34–42];

4) следует обеспечить судебный контроль за правоприменительной деятельностью органов МВД, в том числе путем опубликования судебной практики по делам о таких правонарушениях и выработки единых критериев их квалификации [10, с. 45–47].

Кроме того, целесообразно предусмотреть в административном законодательстве возможность применения к виновным лицам не только штрафных санкций, но и иных мер административного наказания, в частности конфискации используемого оборудования (в отношении ВАТС и иных средств, непосредственно используемых при совершении правонарушения), а также дополнительные требования по их ликвидации [7, с. 78–85]. Такой подход позволит повысить эффективность борьбы с использованием современных информационных технологий в противоправных целях. Вместе с тем необходимо обеспечить баланс между усилением ответственности за нарушения в информационно-телекоммуникационной сфере и гарантией защиты законных интересов граждан и организаций, осуществляющих деятельность в условиях постоянного развития технологий и расширения возможностей цифровизации [10, с. 45–47].

Подводя итоги, мы видим, что введение новых норм административного ответственности в сфере информационно-телекоммуникационных отношений демонстрирует тенденцию государства к ужесточению регулирования использования современных технологий в целях защиты безопасности информации, персональных данных граждан и устойчивости национальной телекоммуникационной инфраструктуры. Вместе с тем практическое применение этих норм выявило целый ряд проблем, связанных с нечеткостью формулировок, необходимостью привлечения специалистов для доказывания фактов нарушения и потребностью в методическом и кадровом обеспечении правоприменительной деятельности органов МВД. Органы правоохраны должны пройти определенный период адаптации к новому законодательству, в течение которого будет формироваться судебная практика и уточняться подходы к квалификации административных правонарушений в информационно-телекоммуникационной сфере. Совершенствование нормативного правового регулирования, повышение квалификации

кадров и налаживание эффективного взаимодействия различных государственных органов являются необходимыми условиями для обеспечения надлежащего применения антикриминальной политики государства в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Мочалов Н. А. Административная ответственность за информационные правонарушения // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 127–134.

2. Шурухнова Д. Н. Цифровые технологии в сфере законодательства об административных правонарушениях // Юридическая наука. 2020. № 5. С. 45–52.

3. Стащенко С. П. Административные правонарушения, совершаемые в киберпространстве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10. С. 67–74.

4. Новгородов Д. А. Совершение административного правонарушения в сети Интернет как квалифицирующий признак // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 156–165.

5. Административно-правовое регулирование правоотношений в информационном пространстве / [А. В. Мальцев и др.] // Вестник университета. 2021. № 2. С. 34–42.

6. Сидорова Е. А., Петров В. П. Административно-правовые основы обеспечения информационной безопасности // Юрист. 2022. № 12. С. 112–120.

7. Козлова О. Н. Административно-правовая охрана общественного порядка в цифровом пространстве // Право и цифровая экономика. 2020. № 3. С. 78–85.

8. Смирнова И. В. Административно-правовое регулирование информационной безопасности детей // Социальное и пенсионное право. 2023. № 1. С. 109–118.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Ст. 13.2.1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/acf6fcbe94359c4ba136911fdad4b570aa593e48/.

10. Электронный ресурс. URL: https://www.kodap.ru/razdel-2/glava-13/st-13-2-1-koap-rf.

Светлова А. П.[1]*,*
доцент кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ФУНКЦИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Применение норм административного права не следует понимать исключительно в ассоциации с кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях или положениями схожей по созвучности учебной дисциплины. Administratio (лат. управление) – совокупность государственных органов, осуществляющих функции управления; должностные лица управления [1]. Следовательно, государственные органы и должностные лица осуществляют свою управленческую функцию исключительно на основании нормативных правовых актов, регламентирующих данную деятельность, определяющих полномочия всех субъектов общественных отношений и пределы данных полномочий [2]. Поэтому нормы административного права, т. е. правовые основы системы управления, отражены в федеральном законодательстве, законодательстве субъектов, подзаконных актах, нормативных актах министерств и ведомств, образуя в совокупности правовой фундамент управления в государстве и механизм реализации административного права в целом.

Министерство внутренних дел Российской Федерации обладает правом нормативно-правового регулирования [3], тем самым реализуя нормы административно права в сферах, которые определены законодательно. Одной из основных является сфера внутренних дел, в частности охрана общественного порядка на обеспечение которой привлекаются все подразделения полиции и органов внутренних дел [4].

Проект приказа по организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России (взамен приказа МВД России от 28 июня 2021 г. № 495) [5], является своевременным и необходимым документом. Его появление обусловлено накопленноӥ̆ правоприменительноӥ̆ практикоӥ̆, изменениями в законодательстве и необходимостью устранения выявленных системных проблем в организации патрульно-постовоӥ̆ службы. Направлен на повышение эффективности службы, конкретизации обязанностеӥ̆ и совершенствование управленческих механизмов, отвечает современным требованиям к обеспечению правопорядка.

[1] © Светлова А. П., 2026.

Проект приказа предлагает более чееткую и структурированную логику изложения материала по сравнению с деййствующим приказом. Прослеживается систематизация и детализация.

Конкретизация задач и обязанностей. В ряде разделов, (например, гл. III «Должностные лица строевых подразделений ППС»; гл. IV «Организация и управление ППС. Принятие решений на охрану правопорядка; гл. V «Несение патрульно-постовой службы полиции. Служебное время. Порядок несения службы») даеется более подробная регламентация обязанностей командира строевого подразделения ППС, заместителя командира в организации и осуществлении служебной деятельности подчиненного подразделения (пп. 15–19.10), а также сотрудников подразделений (пп. 20–22), (пп. 29–31), (пп. 68–76), (пп. 107–108.5), что снижает риски произвольного толкования. Непосредственно закреплены полномочия старшего наряда (пп. 109–110.9), что повышает уровень организованности и эффективность выполняемой работы нарядом ППС по охране правопорядка в общественных местах в течение смены [5].

Своевременным и необходимым является внесение в проект приказа гл. VI «Особенности несения ППС в различных условиях» [5, пп. 131–148].

Крайне важным является внесение в проект приказа раздела о мерах безопасности сотрудников ППС, в рамках которого закреплена тактика действий сотрудников при доставлении лиц, задержанных за совершение преступлений и административных правонарушений; при посадке в патрульный автомобиль доставляемых лиц [5, пп. 183–184]. Внесен п. 185, позволяющий использовать сигналы свистком, что было утрачено приказом МВД России от 28 июня 2021 г. № 495, – при наличии свистка в перечне экипировки сотрудника ППС, заступающего на службу.

В проекте приказа усилена профилактическая составляющая службы, что соответствует стратегическим целям МВД России (пп. 149–152.4). Регламентированы Особенности организации службы ППС на объектах железнодорожного транспорта и метрополитена, чему не было уделено должного внимания в действующем на сегодняшний день приказе.

Учтены современные реалии. В документ внесены положения, регламентирующие использование технических средств (порядок использования средств вычислительной, электронной организационной и специальной техники), что является безусловным шагом впереед [5, пп. 111–119].

Вместе с тем нормативно-правовой акт, регламентирующий деятельность строевых подразделений, специально созданных именно с целью охраны общественного порядка, автоматически распространяется на все субъекты, задействованные по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах. Это сложный процесс, в котором должна быть учтена и отражена вся многоаспектность данной сферы. Универсальных правовых документов не существует, как не существует идеальных общественных отношений. Социум – живой организм, и происходящие в нем изменения отражаются в нормативных актах. Поэтому ведомственный нормативно-правовой документ должен быть составлен с учетом системных проблем и возникновения новых рисков. В связи с чем при разработке приказов внимание уделяется не только вопросам юриди-

ко-технического характера, но и другим аспектам. Приказ должен не только ужесточать требования и расширять задачи, но напрямую увязывать их с минимально необходимым ресурсным обеспечением (укомплектованность личным составом, транспорт, средства связи, время отдыха). Без учета этого новые нормы могут привести к формализации отчетности и выгоранию сотрудников. Крайне важно в методических рекомендациях к приказу детально прописать алгоритмы взаимодействия, в частности патрульно-постовой службы, с участковыми уполномоченными, подразделениями уголовного розыска, Госавтоинспекцией МВД России. Определенность терминов: ключевые понятия должны иметь однозначные определения в тексте приказа. Пользовательская ясность: документ должен быть максимально понятен непосредственному исполнителю – рядовому и младшему начальствующему составу. Неопределенность в этих вопросах – источник основных конфликтов и сбоев.

С учетом того, что на охрану общественного порядка могут быть привлечены аппараты, подразделения, организации и службы всех уровней системы МВД России, государственные органы, участвующие в профилактике правонарушений, и граждане в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, отчетливо представляется масштаб задействованных сил и уровень ответственности Министерства внутренних дел Российской Федерации, которое играет ключевую роль в обеспечении безопасности данной сферы общественных отношений.

Столь краткий анализ нормотворческой деятельности министерства на примере проекта приказа [5] позволяет увидеть механизм воплощения норм административного права и реализации административной функции Министерства внутренних дел Российской Федерации в сфере государственного управления.

Список литературы

1. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: https://znachenie-slova.

2. Светлова А. П. Правовой алгоритм процесса установления невменяемости лица в рамках административного производства // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. с. 196–200.

3. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (ред. от 26.09.2025 г.) // СПС «Консультант Плюс».

4. Дубровкин А. К., Балижинимаев Ю. Р. Деятельность полиции по охране общественного порядка в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 160–162.

5. Приказ МВД России от 21 ноября 2025 г. № 1/15464 «О проекте приказа МВД России».

Секушина Е. А.[1]*,*
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сосновская Ю. Н.,
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ СЕМЬИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ НА СРЕДСТВАХ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

В настоящее время среди участников дорожного движения, управляющих транспортными средствами, появляется все больше подростков, что обусловлено активно развивающейся индустрией средств индивидуальной мобильности (далее – СИМ).

Средствами индивидуальной мобильности являются электросамокаты, гироскутеры, моноколеса и другие аналогичные устройства, которые прочно вошли в городской ритм, став неотъемлемой частью жизни современной молодежи. Данные средства дарят ощущение свободы, скорости и являются инструментом социализации. Однако, как и любой технологический прорыв, они породили определенный круг социальных и правовых проблем. Резко возросло количество правонарушений и аварий с участием несовершеннолетних пользователей СИМ [4].

Несмотря на проводимую на государственном уровне активную профилактическую и просветительскую деятельность органов публичной власти, а также на реализуемые общественные проекты, направленные на предупреждение детского дорожно-транспортного травматизма, количество дорожных происшествий с участием несовершеннолетних лиц по-прежнему остается огромным [5, с. 852–856].

По данным Научного центра МВД России, общее количество ДТП с участием СИМ по сравнению с шестью месяцами 2024 г. снизилось на 20 % – до 1513 случаев, однако число погибших увеличилось на 9,5 % и составило 23 человека. Больше всего таких ДТП зарегистрировано в Москве [6].

Традиционными институтами профилактики таких правонарушений являются: школа, полиция, которые, увы, достаточно часто оказываются в роли догоняющих. Главная же роль в формировании ответственного и законопослушного поведения юного участника дорожного движения, бесспорно, отводится

[1] © Секушина Е. А., 2026.

семье. Именно семья является первичным и наиболее эффективным препятствием на пути противоправных действий подростка.

Многие родители и дети полагают, к сожалению, что езда на самокате – это зона, свободная от правил. Однако это опасное заблуждение. С 1 марта 2023 г. в Правила дорожного движения (далее – ПДД) вступили в силу долгожданные поправки, которые напрямую регулируют использование СИМ [6].

Ключевые пункты ПДД касаются непосредственно несовершеннолетних:

– п. 24.8 ПДД запрещает движение на СИМ лицам моложе семи лет. Лица в возрасте от 7–14 лет могут двигаться только по тротуарам, пешеходным и велопешеходным дорожкам;

– при движении по тротуару, пешеходной дорожке или в пешеходной зоне скорость движения на СИМ не должна превышать 20 км/ч. При этом водитель СИМ обязан не создавать помех и опасности для пешеходов;

– водитель СИМ всегда обязан уступать дорогу пешеходам.

Категорически запрещено:

– управлять СИМ в состоянии опьянения;

– перевозить пассажиров, если это не предусмотрено конструкцией СИМ;

– перевозить груз, который выступает более чем на 0,5 м;

– поворачивать налево или разворачиваться на дорогах с трамвайным движением и на дорогах, имеющих более одной полосы для движения в данном направлении;

– ездить, не держась за руль хотя бы одной рукой;

– пересекать на СИМ проезжую часть по пешеходному переходу.

Нарушение этих правил влечет административную ответственность по ст. 12.29 КоАП РФ. Для лиц старше 16 лет – это штраф в размере 800 руб. Если же нарушитель данных правил младше 16 лет, ответственность несут его родители (законные представители) по ст. 5.35 КоАП РФ («Неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних»). Это может привести к постановке на учет в Комиссии по делам несовершеннолетних (далее – КДН) и надзору со стороны органов опеки.

В случае причинения вреда здоровью или имуществу гражданско-правовая ответственность (возмещение ущерба) за данные виды правонарушений также ложится на родителей в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (ст. 1073 ГК РФ).

«Родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей», – гласит Семейный кодекс Российской Федерации (ст. 63). Эта забота в контексте СИМ трансформируется в обязанность научить ребенка безопасному и законопослушному поведению.

Чтобы эффективно предотвращать те либо иные действия, нужно, как говорится, знать врага в лицо. Семье следует быть особенно внимательной к следующим неправомерным действиям:

– тротуарному терроризму, когда подросток на высокой скорости маневрирует среди пешеходов, создавая реальную угрозу их жизни и здоровью (пример: 12-летний С., пытаясь объехать прохожего, задел пенсионерку, которая упала и получила перелом руки. Родителям С. пришлось компенсировать моральный вред и расходы на лечение);

– выезду на проезжую часть. Несмотря на прямой запрет, многие подростки, стремясь срезать путь или почувствовать настоящую скорость, выезжают на дорогу. Это почти гарантированно приводит к ДТП с тяжкими последствиями;

– езде «паровозиком» – популярному развлечению, когда несколько подростков едут на СИМ, держась друг за друга, или устраивают гонки по тротуарам и дворам. Это приводит к полной потере контроля над устройством, а также отсутствием должного внимания;

– использованию гаджетов. Езда на СИМ в наушниках или с телефоном в руке – частая причина столкновений, так как подросток не слышит предупреждений и не видит препятствий;

– отсутствию экипировки, когда ездок пренебрегает шлемом, налокотниками и наколенниками. При падении на скорости 20–25 км/ч последствия могут быть не менее серьезными, чем при падении с велосипеда [7, с. 149–156].

Следует помнить, что теория без практики бесполезна. Отметим следующие этапы, которые могут предпринять родители при обучении своего ребенка пользованием СИМ:

1 этап. Совместное изучение правил. Не просто подарить ребенку самокат, а прежде всего совместно изучить актуальную версию ПДД, касающуюся СИМ. Обсудить каждый пункт, объяснить, почему он важен [8].

2 этап. Техника безопасности как семейный кодекс. Установить четкие и незыблемые внутренние правила:

– обязательная экипировка. Шлем – это не опция, а обязательное условие. Наколенники и налокотники – рекомендуются;

– скоростной лимит. Объяснить, как выставить ограничение скорости в приложении (если оно есть), и договориться о его соблюдении;

– зоны катания. Четко очертить географию – какие парки, дворы, зоны разрешены для катания. Запретить выезд на оживленные улицы;

– Правило двух ушей – кататься только без наушников;

– Правило одного седока – никаких пассажиров на руле или раме [9].

3 этап. Личный пример и совместная активность. Бесполезно требовать от ребенка того, чего не делаешь сам. Если родитель сам ездит на электросамокате по тротуару на высокой скорости, игнорируя пешеходов, все нравоучения будут бесполезны. Совместные семейные прогулки на СИМ (с соблюдением всех правил) – один из лучших способ закрепить правомерные модели поведения.

4 этап. Технический контроль. Родители должны быть в курсе технического состояния СИМ и приучать к этому ребенка: регулярно проверять исправность тормозов, давление в шинах (если они пневматические), работу фар и габаритов. Недопустимо, чтобы ребенок ездил на неисправном устройстве.

5 этап. Правовой инструктаж и обсуждение последствий. Целесообразно честно и открыто говорить с несовершеннолетними детьми не только о риске для здоровья, но и о правовых и финансовых последствиях. Объяснить, что штраф – это не просто «отберут деньги», а административное наказание. Что причинение вреда здоровью может обернуться судебным иском и огромными финансовыми тратами для семьи [8].

Отметим, что семья не существует в вакууме. Ее профилактическая работа должна быть интегрирована в более широкий контекст:

– взаимодействие со школой: родительскому комитету следует инициировать проведение уроков по безопасности на СИМ с привлечением инспектора ГИБДД [9];

– диалог с другими родителями: если вы видите, что группа подростков нарушает правила, допустимо вежливо поговорить об этом с их родителями, а не с самими детьми. Это вопрос общей безопасности двора;

– создание безопасной среды: активные родители могут выступать с инициативами перед местными властями о создании специальных зон для катания на СИМ, установке предупреждающих знаков.

Отметим, что СИМ – это не зло, а современная реальность жизнедеятельности нашего общества. Запретами проблему не решить. Путь к безопасности формируется воспитанием ответственности, а главным инструментом в этом процессе была и остается семья.

Роль семьи в профилактике правонарушений несовершеннолетних на СИМ комплексна: это роль законодателя, устанавливающего внутренние правила, инструктора, обучающего безопасному поведению, и инспектора, осуществляющего контроль. Инвестируя время в правовое просвещение, технический контроль и, самое главное, в открытый диалог с ребенком, семья создает прочный иммунитет против правового нигилизма и безответственного поведения на дорогах и тротуарах нашей страны.

«Воспитание есть усвоение хороших привычек» – эти слова Платона как нельзя лучше отражают суть профилактики. Привычка смотреть по сторонам, привычка сбрасывать скорость перед пешеходом, привычка надевать шлем – это те самые кирпичики, из которых семья строит безопасное будущее для своего ребенка и спокойное – для себя.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Ст. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 декабря 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) «Отношение россиян к использованию электросамокатов и других СИМ». URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tishe-edem-dalshe-budem.

5. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005.

6. Официальный сайт госавтоинспекции МВД России. URL: https://xn--80aebkobnwfcnsfk1e0h.xn--p1ai/.

7. Ермаков В., Крюкова Н. Несовершеннолетние преступники в России. М. : ИМПЭ, 1999.

8. Платформа «Уроки ПДД» для детей и подростков. URL: https://autostory.pro/event/pdd/.

9. Официальный сайт «Город без опасности». URL: https://ddtt-mos.ru/gbo/.

Селифонтов Я. Е.[1]*,*
слушатель
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Никоноров Е. А.,
начальник кафедры
административного права
и административной деятельности полиции
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор педагогических наук, доцент

НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Административная деятельность полиции в области миграционного контроля переживает этап глубокого преобразования. Принятие новой Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 годы и активное ужесточение законодательства в 2025-2026 гг. существенно изменили условия работы Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России (далее – Миграционная служба МВД России). На смену прежним подходам, отчасти ориентированным на регулирование и адаптацию, пришел новый, в центре которого находятся безопасность и строгий контроль. Однако опыт проведения таких масштабных операций, как «Нелегал-2025» [2], в ходе которой территориальными органами МВД России и ФСБ России выявлено более 128 тыс. нарушений миграционного законодательства, в том числе свыше 100 тыс. нарушений правил въезда, выезда, транзитного проезда и пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации, более 28 тыс. нарушений порядка осуществления трудовой деятельности иностранцами, – свидетельствует о том, что, несмотря на значительные усилия и растущее количество выявляемых нарушений, сохраняется ряд системных трудностей. К ним относятся нестабильность правового поля, нехватка ресурсов, склонность к формализму при осуществлении контроля, проблемы, связанные с цифровизацией, и недостаточная действенность некоторых применяемых санкций. Поэтому реализация этой задачи предполагает комплексную перестройку деятельности по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Фундаментом такой перестройки должна стать глубокая цифровизация. Эффективная оптимизация невозможна без всеобъемлющей и концептуально выверенной цифровой трансформации, которая не сводится к простой автоматизации бумажного документооборота. Ключевым элементом должно стать

[1] © Селифонтов Я. Е., 2026.

создание единой государственной информационно-аналитической платформы миграционного контроля. Ее важнейшей функцией станет интеграция не только внутренних баз данных МВД (таких как ГИС «Миграционного учета», дактилоскопические учеты и информация из приложения «Амина» [3]), но и налаживание постоянного обмена актуальными сведениями с ключевыми ведомствами-партнерами. В этот круг необходимо включить Федеральную налоговую службу для получения данных о доходах и налоговых отчислениях, Социальный фонд России, Федеральную службу по труду и занятости – для сведений о трудовых договорах, Федеральную таможенную службу – для информации о пересечении границы. Подобная комплексная интеграция позволит сместить фокус с реактивного контроля, фиксирующего уже состоявшиеся нарушения, на прогнозирование и предупреждение правонарушений.

Центральным элементом этой системы должен стать комплексный аналитический модуль, функционирующий на основе технологий больших данных и элементов искусственного интеллекта. Его основной задачей является автоматическое выявление риск-профилей и различных аномалий в миграционном поведении. К примеру, такая система сможет автоматически выделять для внимания контролирующего органа ситуации, когда иностранный гражданин зарегистрирован по так называемому массовому адресу, не имеет задекларированных легальных доходов, но при этом регулярно совершает поездки за рубеж. Такая модель поведения может указывать на незаконную трудовую деятельность или вовлеченность в иные противоправные схемы. Другим практическим применением является автоматическое сопоставление информации о выданных трудовых патентах с данными Федеральной налоговой службы о реальных отчислениях конкретного работодателя, что позволяет выявлять случаи фиктивного трудоустройства. Таким образом, цифровизация трансформирует разрозненные информационные массивы в инструмент для интеллектуального анализа, давая возможность концентрировать ресурсы контрольно-надзорной деятельности на наиболее проблемных объектах, вместо их распыления на сплошные проверки добросовестных участников правоотношений.

Одновременно необходимо реализовать комплекс законодательных и технологических мер по усилению защиты персональных и биометрических данных, собираемых в огромных объемах. Логичным развитием могло бы стать внедрение блокчейн-технологий для обеспечения неизменности и прозрачности ключевых административных процедур, таких как выдача патента или постановка на миграционный учет, что послужит дополнительным барьером для коррупционных злоупотреблений и подлогов. Цифровая трансформация, учитывающая эти аспекты, не только повысит операционную эффективность, но и будет способствовать легитимации контроля в глазах общества.

Вторым ключевым направлением является внедрение рискориентированного подхода и отказ от практики тотального контроля. Существенной организационной оптимизацией должен стать последовательный переход от формального контроля, зачастую основанного на плановых показателях и количестве проверок, к модели, где интенсивность и формы надзора напрямую определяются категорией риска, присвоенной объекту контроля – будь то работодатель, принимаю-

щая сторона или конкретный мигрант из определенной страны с определенными целями. Законодательные основы для такого перехода уже существуют, однако его практическая реализация в миграционной сфере требует глубокой методической проработки. Для этого в первую очередь необходимо разработать и законодательно утвердить прозрачные и публично доступные критерии для категоризации рисков. Для организаций такими критериями могут служить история соблюдения миграционного законодательства, включая количество ранее выявленных нарушений, а также показатели финансовой добросовестности, подтверждаемые данными от налоговых органов. В отношении физических лиц-мигрантов факторами риска могут учитываться страна происхождения с безвизовым порядком въезда, первичность въезда в Россию, отсутствие подтвержденных трудовых навыков или предварительного контракта. На основе совокупного анализа этих данных система будет автоматически присваивать каждому объекту соответствующую категорию риска.

Третье направление связано с кадровой и экспертной перезагрузкой. Никакие технологические новшества не принесут результата без соответствующего человеческого ресурса. Оптимизация требует пересмотра подходов к подготовке, переподготовке и мотивации сотрудников миграционной службы. Такие сотрудники должны обладать комплексными знаниями в области права, включая трудовое и налоговое, основами межкультурной коммуникации, криминалистики и оперативной работы, а также навыками аналитической обработки данных. Для достижения этой цели требуется модернизация образовательных программ в ведомственных вузах МВД России с привлечением внешних экспертов, развитие системы непрерывного онлайн-обучения для оперативного освоения изменяющихся норм и методик. Особое внимание должно уделяться языковой подготовке, в частности языкам стран СНГ, и развитию гибких навыков для снижения уровня конфликтности в непосредственном общении. Мотивационная система также нуждается в изменениях.

Четвертое направление затрагивает оптимизацию правоприменительной практики и санкционного механизма. Существующая санкционная политика, опирающаяся на жесткие, но зачастую трудновыполнимые меры, такие как массовое выдворение, требует дифференциации и корректировки для повышения практической эффективности. Необходимо законодательно закрепить градацию нарушений и соответствующих им санкций, где наряду с карательными будут активно использоваться стимулирующие и восстановительные механизмы. В отношении неумышленных нарушений со стороны добросовестных работодателей или мигрантов следует расширить применение института предупреждения и возможности устранения нарушения в краткие сроки без применения административного наказания. Вместо тотального и зачастую формального выдворения рядовых нарушителей миграционного законодательства, которое системную проблему не решает, целесообразно развивать альтернативные меры. Например, это может быть административное ограничение на определенный срок права работать в конкретной отрасли с одновременным созданием упрощенной процедуры восстановления легального статуса. Такой подход экономически более целесообразен, чем содержание в центрах временного содержания

иностранных граждан и предоставляет человеку шанс исправить ситуацию. Основные карательные ресурсы должны концентрироваться на организаторах нелегальной миграции, системно недобросовестных работодателях и мигрантах, совершивших правонарушения.

Оптимизация контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции представляет собой комплексный и многолетний процесс, требующий последовательных усилий по всем обозначенным направлениям одновременно. Его суть заключается в переходе от устаревшей модели силового давления и тотального контроля к современной системе умного государственного управления, основанной на данных, оценке рисков, межведомственном взаимодействии и точечном применении принудительных мер.

Реализация этих направлений позволит не только повысить эффективность обеспечения национальной безопасности, фокусируясь на реальных, а не мнимых угрозах, но и снизит общую административную нагрузку на экономику, будет способствовать легализации трудовых отношений. Это сложная, но необходимая эволюция, от успеха которой зависит будущее управление миграционными процессами в России.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Подведены итоги федеральной комплексной оперативно-профилактической операции «Нелегал-2025» // «МВД Медиа». URL: https://mvdmedia.ru/news/official/podvedeny-itogi-federalnoy-kompleksnoy-operativno-profilakticheskoy-operatsii-nelegal-2025/.

3. Новый сервис для мигрантов «Амина»: что это такое, для чего нужен и как будет работать. URL: https://rg.ru/2025/08/26/aminu-znaesh.html?utm_ referrer=https%3A%2F%2Fwww.yandex.ru %2F.

Синяев Е. Е.[1]*,*
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Государственная служба занимает важное место в системе управления государством и играет ключевую роль в защите прав и свобод граждан, а также в создании условий для личностного развития и укрепления основ гражданского общества. Основная задача государственной службы в органах внутренних дел заключается в обеспечении организационно-правовых, морально-психологических и других условий для формирования высококвалифицированного кадрового состава, способного эффективно решать правоохранительные задачи, поставленные перед МВД России обществом и государством [2; 3].

С юридической точки зрения государственная служба в органах внутренних дел представляет собой административно-правовой институт, который включает в себя совокупность норм, регулирующих вопросы возникновения, реализации и прекращения отношений, связанных с выполнением задач и функций органов внутренних дел по охране общественного порядка, обеспечению безопасности и борьбе с преступностью.

Государственная служба имеет большое значение в функционировании органов государственной власти, обеспечивающей реализацию решений, принятых органами государственного управления. Однако эффективность функционирования государства зависит не только от профессионализма госслужащих, но и качества самого процесса управления государственными делами. Именно здесь возникает необходимость рассмотреть систему государственного управления, которая организует деятельность всех структур и позволяет эффективно решать задачи, стоящие перед государством.

Понятие государственного управления в сфере внутренних дел охватывает деятельность, направленную на реализацию целей, задач и функций управления в области обеспечения правопорядка и защиты прав, свобод и законных интересов граждан, а также организаций и учреждений [2; 3].

В условиях активного развития современного общества, когда общественные и правовые отношения становятся все более сложными и динамичными, административно-правовое обеспечение управления в органах внутренних дел приобретает особую значимость. Эффективное функционирование системы правоохранительных органов напрямую зависит от качества и актуальности административно-правового регулирования, что, в свою очередь, влияет на уровень безопасности и правопорядка в обществе.

---

[1] © Синяев Е. Е., 2026.

Стремительное развитие технологий и изменением социально-экономической ситуации требует от органов внутренних дел адаптации к новым вызовам, таким как киберпреступность, терроризм и другие угрозы. Растущее внимание общества к вопросам прав человека и открытости государственных структур требует пересмотра подходов к управлению и взаимодействию с гражданами. Необходимость повышения эффективности работы органов внутренних дел в условиях ограниченных ресурсов делает актуальным поиск новых методов и инструментов административно-правового обеспечения.

Рассмотрим несколько актуальных проблем в сфере управления в органах внутренних дел.

Одной из таких является проблемы в сфере миграции. Как неоднократно подчеркивал в своих выступлениях Президент Российской Федерации В. Путин, «важно обеспечить интересы россиян и экономики в области миграционной политики». Он также отметил, что «Россия заинтересована в мигрантах, но они должны быть законопослушными».

Для реализации данных идей и решения задач в области миграционной политики 2 апреля 2025 г. В. Путиным, был подписан Указ № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции», который декларировал создание в рамках МВД России новой Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранцев. Это не просто переименование структуры, а глубокая реорганизация, затрагивающая штатное расписание, финансирование, нормативную базу и повседневные процедуры взаимодействия с иностранными гражданами. Основной задачей данной службы является упорядочивание миграционных процессов, реализация мер, направленных на соблюдение мигрантами российского законодательства, снижение противоправной деятельности.

15 октября 2025 г. был подписан Указ Президента № 738 «О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы», который определяет основные направления миграционной политики на указанный период.

По данным газеты «Коммерсант», в течение последних шести лет государственная политика в этой сфере была сосредоточена на упрощении процесса получения патентов и других документов для мигрантов. Теперь же ставятся новые цели: увеличить количество иностранцев в стране, разделяющих традиционные ценности, предотвратить образование этнических анклавов и ускорить переход работодателей к целевому найму трудовых мигрантов, включая граждан безвизовых стран. Конкретные мероприятия будут установлены Правительством Российской Федерации.

Также одной из актуальных проблем в сфере управления в органах внутренних дел является киберпреступность. Как отмечал Министр внутренних дел Российской федерации Владимир Колокольцев на расширенном заседании коллегии МВД России в 2025 г., в центре внимания находились вопросы повышения эффективности борьбы с киберпреступлениями. Именно из-за них полицией фиксируется общее увеличение тяжких преступлений и целые криминальные производства по мошенническому выкачиванию денег у россиян посредством Интернета [1].

По данным МВД России, в январе–ноябре 2025 г. в России было зарегистрировано 627 тысяч киберпреступлений, основную их часть составляют хищения и мошенничества, которые составили около 397,4 тыс. случаев (63,4 % от общего числа) [1]. Также наблюдается рост числа преступлений в интернете, связанных с незаконным оборотом наркотиков – их количество достигло 109,2 тыс., что на 28,5 % больше показателей прошлого года. Мессенджеры остаются основным инструментом для совершения преступлений, через них было совершено 244,6 тыс. преступлений, что на 17,5 % больше, чем в 2024 г.

В структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации существует подразделение по борьбе с преступлениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий – Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – УБК МВД России), также известное как Киберполиция России.

Основными видами деятельности данного подразделения является аналитическая, оперативно-разыскная и профилактическая работа в сфере киберпреступности.

Основные направления ее деятельности:

– противодействие телефонному и сетевому мошенничеству;

– выявление и пресечение распространения вредоносного программного обеспечения;

– предотвращение утечек персональных данных;

– блокировка противоправного контента, в том числе материалов, пропагандирующих насилие, экстремизм и самоубийства;

– взаимодействие с крупными российскими IT-компаниями и финансовыми организациями для оперативного реагирования на угрозы в онлайн-среде.

Однако на протяжении последних нескольких лет УБК МВД России сталкивается с оттоком квалифицированных кадров, что впоследствии может оказать негативное влияние на его работу. С каждым годом происходит увеличение киберпреступлений, так, только в 2025 г. киберполицейские предотвратили хищений денежных средств у граждан на сумму более 2,5 млрд руб., что свидетельствует о высоком уровне мошенничества и необходимости постоянного контроля и реагирования на новые угрозы [1].

В целом одной из основных проблем, которая оказывает негативное влияние на функционирование системы МВД России, остается имеющийся некомплект сотрудников: в МВД России наблюдается острый дефицит сотрудников, который достиг более 172 тыс. вакансий. Это число за последние два–три года увеличилось вдвое. Особенно остро не хватает участковых уполномоченных, что затрудняет охрану общественного порядка и защиту прав граждан. В некоторых регионах дефицит достигает 66 % [1].

В различных подразделениях МВД России наблюдается значительный некомплект. Например, в патрульно-постовой службе он составляет 31 %, в подразделениях по контролю за наркотиками – почти 25 %, а в уголовном розыске – 23 % [1].

Указанные обстоятельства, а также современное развитие Российской Федерации как правового государства, требуют постоянного совершенствования механизма государственного управления. Это подразумевает и модернизацию отдельных элементов системы государственной службы.

Ключевым аспектом формирования государственной службы в органах внутренних дел является развитие института государственной службы, который занимает приоритетное место в реализации задач и функций государственной власти. Вопросы, касающиеся определения задач, функций, принципов и места государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации, регулируются не только профильным Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», но и рядом других правовых актов, что подчеркивает роль этих в системе государственного управления [5].

Одним из важнейших вопросов современного состояния государственной службы в органах внутренних дел является сохранение квалифицированного кадрового состава, а также отбор и комплектование должностей, что напрямую влияет на внутреннюю составляющую национальной безопасности страны [4].

В то же время решение задач, стоящих перед органами внутренних дел, невозможно без законодательного определения правового положения сотрудников, их должностных прав и обязанностей. Качественное правовое регулирование этих аспектов позволит более эффективно обслуживать общество, вносить порядок и рациональную организацию в социальное пространство, обеспечивать права и свободы человека, а также повышать безопасность жизни граждан.

Список литературы

1. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/news/item/62189090.

2. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие. Казань : КЮИ МВД России, 2019. URL: ttp://80.253.29.57/marcweb/docinfo.asp?Id=175317.

3. Государственная служба в органах внутренних дел : курс лекций. Уфа : УфЮИ МВД России, 2018. URL: http://80.253.29.57/marcweb/docinfo.asp?Id=156202.

4. Курбатова О. В., Сакулина Л. Л., Хадисов Г. Х. Прохождение службы в органах внутренних дел : учебно-наглядное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя., 2021. URL: http://80.253.29.57/marcweb/docinfo.asp?Id=216383.

5. Наумов М. Б., Морозов О. Л., Корелов О. А. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации : курс лекций. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2020. URL: http://80.253.29.57/marcweb/docinfo.asp?Id=187399.

6. Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» // СПС «КонсультантПлюс».

Синяжников Д. А.[1],
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности полиции
Московского областного
филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Вопрос применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел в современной России имеет не только правовое, но и социальное значение, поскольку напрямую затрагивает права и свободы граждан, гарантированные Конституцией Российской Федерации. С одной стороны, полиция призвана обеспечивать общественную безопасность, пресекать преступления, защищать жизнь и здоровье граждан. С другой – любое применение оружия связано с риском причинения вреда, поэтому требует строгой правовой регламентации и контроля. Именно поэтому тема правовых оснований и порядка применения огнестрельного оружия в административной деятельности полиции сохраняет высокую актуальность.

Применение огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел – один из наиболее сложных и дискуссионных институтов административного права. Его сущность состоит в том, что государство через уполномоченных должностных лиц допускает ограничение конституционных прав граждан, в первую очередь права на жизнь и личную неприкосновенность, ради защиты более широких общественных интересов. Этот аспект делает применение оружия пограничным явлением между необходимостью обеспечения безопасности и риском злоупотреблений властными полномочиями [3, с. 14].

Понятие применения оружия в научной литературе трактуется по-разному. Часть авторов рассматривает его исключительно как фактическое использование оружия для поражения цели, т. е. выстрел. Другие исследователи, напротив, относят сюда и демонстрацию оружия, и приведение его в готовность, и предупредительные выстрелы в воздух. Законодатель закрепил более широкий подход: в соответствии со ст. 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» к применению оружия относится как непосредственное его использование для поражения целей, так и действия по его использованию в предупредительных целях [2]. Такое толкование отражает установку на превентивный характер полицейской деятельности и позволяет сотруднику воздействовать на правонарушителя еще до наступления фатальных последствий.

Правовая природа применения огнестрельного оружия заключается в том, что оно представляет собой особую меру административного принуждения. В системе таких мер оно занимает исключительное положение: если меры убеж-

[1] © Синяжников Д. А., 2026.

дения и административного пресечения направлены на предупреждение или устранение правонарушения без применения силы, то огнестрельное оружие применяется тогда, когда иные средства оказались неэффективными. Таким образом, применение оружия – крайняя мера, используемая полицией для защиты жизни и здоровья граждан, самих сотрудников полиции, а также для отражения вооруженных нападений или пресечения особо опасных преступлений [5, с. 265].

Особенностью правовой природы применения огнестрельного оружия проявляется в том, что оно осуществляется всегда в условиях реальной угрозы охраняемым законом интересам. Вместе с тем неправомерное применение оружия может иметь обратный эффект, провоцируя рост социальной напряженности и критику со стороны общества.

Правовая природа применения огнестрельного оружия заключается в том, что это исключительная мера, когда другие средства воздействия (меры административного предупреждения, физическое принуждение, применение спецсредств) либо исчерпаны, либо невозможны применительно к конкретным обстоятельствам. Применение оружия при этом становится ключевым элементом административно-правовой ответственности сотрудников полиции – как внутренней дисциплинарной, так и возможной юридической ответственности при превышении полномочий или нарушении закона.

Значение этого института в административной деятельности полиции трудно переоценить. Он обеспечивает способность полиции реагировать на критические ситуации, когда угроза жизни или безопасности лиц является реальной и непосредственной. При этом законность применения оружия важна не только для защиты граждан, но и для легитимности самой полицейской власти: общество ожидает, что служители закона действуют в рамках закона, с уважением к правам и свободам, а не произвольно. Использование оружия без должной правовой обоснованности ослабляет доверие, порождает правовую неопределенность, может стать объектом критики со стороны международных и правозащитных институтов и ведет к неблагоприятным правовым последствиям.

Правовое регулирование применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции представляет собой комплексную систему норм, охватывающих как положения Конституции Российской Федерации, так и федеральные законы, подзаконные нормативные акты МВД России, а также международно-правовые стандарты в области защиты прав человека. Необходимость строгой регламентации обусловлена тем, что речь идет об ограничении основополагающего права – права на жизнь, закрепленного в ст. 20 Конституции Российской Федерации, согласно которой «каждый имеет право на жизнь» [1]. Конституционный принцип охраны жизни является базовой гарантией, определяющей пределы использования оружия государственными органами.

Обязательным условием применения оружия выступает предупреждение о его применении. Его сущность заключается в том, чтобы дать правонарушителю шанс прекратить противоправные действия без применения крайней меры. В законе закреплено, что сотрудник полиции обязан ясно и громко предупредить лицо о намерении использовать оружие, после чего предоставить время для выполнения законного требования. Исключения составляют лишь

ситуации, когда промедление создает непосредственную угрозу жизни или когда предупреждение невозможно в силу обстановки. Практика показывает, что именно соблюдение или игнорирование данного условия становится ключевым критерием для последующей правовой оценки действий полицейского.

Институт предупреждения выполняет важную гарантийную функцию, позволяя сотруднику полиции продемонстрировать готовность применить оружие, но вместе с тем сохранить возможность мирного исхода ситуации. Он служит своеобразным барьером, предотвращающим переход от правомерного ограничения к произвольному насилию [4, с. 32].

Принцип соразмерности ориентирует сотрудников полиции на применение оружия как крайней меры, требует строгой оценки необходимости и достаточности вмешательства в противоправные действия, постоянного контроля за тем, чтобы последствия не выходили за пределы оправданного риска.

Важным элементом правового регулирования применения оружия является установление ответственности сотрудника полиции за нарушения установленных условий и пределов. Эта ответственность имеет комплексный характер и охватывает уголовно-правовую, дисциплинарную и гражданско-правовую сферы.

Многоуровневый характер ответственности отражает особую социальную значимость института применения оружия. Наличие уголовных, дисциплинарных и гражданско-правовых последствий служит не только средством наказания, но и важным механизмом предупреждения злоупотреблений. Сотрудники полиции, осознавая неизбежность ответственности, должны проявлять максимальную осторожность и строго следовать правовым предписаниям.

Проведенным анализом нормативно-правовой базы применения огнестрельного оружия в административной деятельности полиции установлено, что законодатель формирует баланс между необходимостью предоставления сотрудникам полиции действенных полномочий для защиты общества и обязанностью строго соблюдать права и свободы граждан. Правовое регулирование охватывает все уровни – от Конституции и федеральных законов до подзаконных актов и судебных разъяснений, что обеспечивает комплексный и многоуровневый характер правовой системы в данной сфере. При этом соблюдение условий и пределов при применении оружия сотрудниками полиции, включающих обязательное предупреждение, следование принципу соразмерности и наличие ответственности за нарушение установленных правил позволяют полиции эффективно выполнять свои функции, одновременно обеспечивая охрану конституционных прав и свобод граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции Российской Федерации, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // «Российская газета». 2011. № 28.

3. Кошеваров А. А. Готовность применения огнестрельного оружия сотрудником ОВД при посягательстве на его жизнь или здоровье // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20–2. С. 14–15.

2. Никифоров М. Ю., Фадеев А. С. Актуальные вопросы личной безопасности, сотрудников ОВД при применении огнестрельного оружия // Совершенствование подготовки сотрудников силовых ведомств в свете новых угроз : сборник научных статей по итогам научно-практической конференции, Ставрополь, 21 февраля 2023 г. Ставрополь : Полицентр, 2023. С. 31–34.

3. Старцев А. М., Фокина В. К. Особенности личной безопасности сотрудников ОВД при применении огнестрельного оружия // Вопросы совершенствования специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник научных трудов. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 264–267.

Смирнов И. А.[1]*,*
научный сотрудник отдела
изучения проблем нормативного правового
и аналитического обеспечения
Научного центра БДД МВД России

Андреев П. Г.[2]*,*
старший преподаватель
кафедры ОД ГИБДД
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАЛЬНЫХ АППАРАТОВ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Использование беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) в последнее десятилетие стало перспективным направлением в развитии практически каждой сферы жизнедеятельности человека. Наша статья посвящена наиболее узкой теме – использованию БПЛА в рамках системы безопасности дорожного движения (далее – БДД). Современные технологии в настоящее время позволяют существенно повысить эффективность мониторинга дорожной обстановки, выявление нарушений правил дорожного движения и своевременное реагирование на происшествия по сравнению с технологиями, используемыми в XX в., но это не повод для остановки внедрения инновационных решений и усовершенствования лишь имеющихся наборов алгоритмов и процессов. Данная работа посвящена исследованию возможностей применения БПЛА в целях обеспечения безопасности дорожного движения, выявлению преимуществ и ограничений данной технологии, а также определению основных направлений развития и совершенствования существующих подходов [1].

Безопасность дорожного движения является одной из ключевых проблем современного общества. В период с 2015 по 2024 г. в Российской Федерации погибло более 170 тыс. и получили ранения различной степени тяжести почти 2 млн чел., в свою очередь реабилитация здоровья занимает значительный период времени, что также сказывается на экономических процессах [2]. Для решения данной проблемы необходимы новые подходы и технологические решения, одним из которых являются беспилотные летательные аппараты. Они обладают рядом уникальных характеристик, позволяющих значительно повысить уровень безопасности на дорогах – и внегородских, и внутригороских.

Остановимся на наиболее основных преимущества использования БПЛА в сфере БДД. Применение беспилотников позволяет решить ряд важных задач, направленных на повышение уровня безопасности дорожного движения, одной из таких является мониторинг дорожной ситуации. Камеры фотовидеофиксации, установленные на БПЛА, обеспечивают полный охват необходимой зоны

[1] © Смирнов И. А., 2026.
[2] © Андреев П. Г., 2026.

или территории ответственности за контролем БДД, позволяя не только оперативно фиксировать непосредственные нарушения правил дорожного движения с последующей передачей информации от оператора БПЛА к ближайшему экипажу ДПС, но и выявлять транспортные заторы для регулирования работы светофорных объектов, а также обозначения опасных участков дороги с последующей реорганизацией дорожного движения.

Выявление нарушителей через автоматизированные системы распознавания государственных номерных знаков транспортных средств и лиц позволяют быстро определять непосредственные автомобили и водителей, нарушающих правила дорожного движения, подлежащие административной ответственности. При использовании автоматизированных систем в совокупности с установленным оборудованием на базе БПЛА – значительно упросить фиксацию правонарушения. Позволит также сформировать твердую базу доказательства правонарушения как самому гражданину, так и судебным органам в судебном порядке [3]. Осуществление контроля БДД с помощью БПЛА будет возможно как на непосредственном участке в зоне видимости (присутствия) инспектора ДПС, так и на дальних дистанциях, где осуществление контроля невозможно в связи с особенностями дорожного устройства или при отсутствии инфраструктуры для безопасного размещения патрульного транспортного средства и самого инспектора [4].

Использование БПЛА возможно и для предупреждения аварийных ситуаций. Вероятность раннего обнаружения внезапно возникших препятствий на проезжей части, животных, вышедших на проезжую часть, а также погодных условий, ухудшающих видимость и возможность передвижения по дорогам общего пользования, способствует снижению риска возникновения аварийных ситуаций [5].

Использовать БПЛА результативно и в целях помощи службам экстренного реагирования. В большинстве случаев мгновенное прибытие на место дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), значимая передача точной информации спасательным службам сокращает время оказания помощи пострадавшим в случаях отсутствиях корректной работы навигационных систем, а также помогают реально оценить последствия ДТП для четкого понимания того, какие службы экстренной помощи и оборудования в данном случае необходимы.

Несмотря на очевидные преимущества, применение беспилотных летательных аппаратов связано с определенными рисками и ограничениями. Во-первых, технические ограничения. В современных реалиях дальность полета, продолжительность нахождения в воздухе и надежность передачи сигнала зависят от технических характеристик конкретного аппарата, что также оказывает влияние на стоимость подобного оборудования, а с учетом того, что необходима установка дополнительных комплексов фотовидеофиксации административных правонарушений, ставится под вопрос сама возможность применения таких технологий в сфере БДД. Сложности возникают также из-за высоких затрат на приобретение и последующую эксплуатацию и обслуживание БПЛА, что также содействует ограничению широкого их распространения.

Во-вторых, существующая правовая неопределенность. Отсутствие четкого правового регулирования использования БПЛА создает препятствия для массового внедрения данной технологии. Необходимо закрепление на законодатель-

ном уровне правового статуса как самого БПЛА, так и лица, управляющего данным летальным аппаратом, в последующем следует предусмотреть и возможность правового поля для применения автоматических аппаратов.

В-третьих, этические вопросы. Это наболевшая тема для Европейских стран, в которых данный аспект уже урегулирован, в Российской же Федерации твердая позиция по этому поводу отсутствует ввиду единичных происшествий, а также низкого качества изображения фиксации самого правонарушения. И для внедрения подобных БПЛА для контроля за БДД необходимо проработать вопросы в правовых полях конфиденциальности и защиты персональных данных, требующих тщательного рассмотрения и разработки соответствующих норм и правил, которые позволят сохранить необходимую анонимность для граждан.

Для эффективного применения беспилотных летательных аппаратов в сфере БДД необходимо разработать определенный комплекс мер, направленный на устранение уже имеющихся недостатков, предусмотреть возможные проблемные аспекты в будущем, а также расширить функциональные возможности.

Необходимость в разработке законодательной базы и создание нормативно-правовых документов, регулирующих порядок эксплуатации БПЛА в городских и внегородских условиях, позволит обеспечить юридическую защиту всех участников процесса, как самих операторов БПЛА, так и лиц, совершающих правонарушения либо попавших в объектив фиксации.

Создание отечественного производства БПЛА с последующим повышением надежности и долговечности аппаратуры позволит сократить расходы на данную статью. Совершенствование конструкции и материалов, используемых при производстве БПЛА, обеспечит увеличение срока службы, а также необходимую устойчивость к неблагоприятным погодным условиям с учетом особенностей многочисленных субъектов Российской Федерации.

Существует и необходимость создания единой информационной системы, т. е. интеграция в уже имеющиеся базы данных – систем по получению различной информации с помощью БПЛА. Подобные коллаборации с существующими системами видеонаблюдения, безопасным городом, распознавания лиц, технологиями «Зеленая волна» и иными инструментами управления дорожным движением повысит точность и оперативность принятия решений, безопасность передвижения по дорогам общего пользования для каждого участника, а также фиксации правонарушений в более широком смысле.

Подготовка квалифицированных операторов и инженеров, способных эффективно управлять БПЛА и анализировать полученные данные, станет залогом успешного внедрения данной технологии. В современных реалиях уже идет подготовка данных специалистов, навыки активно используются и совершенствуются в зоне специальной военной операции, по окончанию которой данные лица смогут занять соответствующие должности уже в гражданской сфере.

Стоит учесть зарубежный опыт по практическому применению БПЛА в различных странах мира. Опыт ряда стран показывает успешность применения беспилотных летательных аппаратов в сфере безопасности дорожного движения. Например, в Китае активно используются дроны для патрулирования автомагистралей и выявления правонарушителей скоростных режимов, а также

иных различных правонарушений [6]. БПЛА применяются и при пожаротушении – в ситуациях, когда человеку невозможном добраться до очага возгорания. В Европейском союзе БПЛА применяются и для оценки загруженности дорог (заторов на дорогах), и для альтернативного планирования маршрутов общественного транспорта в целях соблюдения расписания, и для исключения дискомфорта в передвижениях пассажиров [7]. В США подобная технология используется еще и для оперативного информирования о чрезвычайных ситуациях и последующей координации действий экстренных служб спасения, причем не только в рамках дорожной инфраструктуры, но и отслеживает различные катастрофы: лесные пожары, землетрясения, наводнения и т. д. [8].

Эти примеры демонстрируют потенциал беспилотных летательных аппаратов в повышении уровня безопасности дорожного движения, указывают на необходимость дальнейшего изучения и распространения этого опыта.

В Российской Федерации внедрение беспилотных летательных аппаратов в сферу безопасности дорожного движения пока находится на начальном этапе. Однако уже существует значительный интерес со стороны государственных органов и коммерческих организаций к развитию данной технологии. Основными проблемами остаются отсутствие необходимой правовой базы и высокая стоимость оборудования. Несмотря на это, имеются положительные примеры применения БПЛА в отдельных регионах нашей страны.

Одним из примеров является опыт использования беспилотников для мониторинга автомобильных дорог в Красноярском крае [9]. Благодаря этому проекту удалось снизить количество ДТП на контролируемых участках трасс, улучшив качество дорожного покрытия и оптимизировав движение автотранспорта. Подобные проекты показывают, что даже частичное внедрение БПЛА способно принести ощутимую пользу обществу.

Другими примерами выступают регионы, в которых в рамках теста была реализована программа по фиксации правонарушений с помощью БПЛА, которая в настоящий момент пока приостановлена [10].

Подводя итог, можно сказать, что использование беспилотных летательных аппаратов представляет собой одно из наиболее перспективных направлений в обеспечении БДД. Хотя существуют определенные трудности и ограничения, связанные с внедрением данной технологии, преимущества, предоставляемые использованием БПЛА, делают их незаменимым инструментом в борьбе с нарушениями ПДД и предотвращением аварийных ситуаций.

Дальнейшее развитие данной технологии требует комплексного подхода, включающего разработку соответствующей нормативной базы, создание эффективных механизмов взаимодействия между государственными органами и коммерческими структурами, а также проведение научно-исследовательских работ, направленных на повышение надежности и функциональности беспилотных летательных аппаратов [11].

Таким образом, исследование потенциала использования беспилотных летательных аппаратов в сфере безопасности дорожного движения представляется актуальным и необходимым для достижения целей устойчивого развития и обеспечения высокого уровня безопасности на дорогах.

Настоящая работа выполнена на основании проведенного авторами анализа доступной отечественной и зарубежной литературы по данной теме. Полученный материал представлен в форме структурированного обзора с указанием конкретных публикаций и ссылок на научные труды отечественных исследователей. Все использованные материалы имеют открытый доступ и размещены в специализированных изданиях и базах данных.

При написании статьи были использованы ключевые концепции и идеи, изложенные в приведенной литературе, дополнены собственными выводами авторов относительно возможных направлений дальнейшего развития и использования беспилотных летательных аппаратов в рамках национальной программы повышения безопасности дорожного движения.

Данная публикация носит рекомендательный характер и направлена на стимулирование дальнейших научных исследований и практических инициатив в рассматриваемом направлении.

Список литературы

1. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. Государственная политика в области обеспечения безопасности дорожного движения: состояние и перспективы // Безопасность дорожного движения. № 4. 2025. С. 10–30.

2. Кондратьев В. Д. Новая Стратегия безопасности дорожного движения вплоть до 2036 года – важнейший этап в управлении безопасностью дорожного движения в Российской Федерации // Безопасность дорожного движения. 2025. № 4. С. 6–9.

3. Дронова О. Б. Современные возможности применения беспилотных летательных средств для обеспечения контроля безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 59–66.

4. Зайцев В. В. Методика применения квадрокоптера при фото-видеофиксации обстановки места происшествия в труднодоступных местах // Судебная экспертиза. 2021. № 3 (67). С. 116–123.

5. Мартынюк С. Н., Косовский В. Б. Использование беспилотных летательных аппаратов в обеспечении безопасности дорожного движения // Теория и практика общественного развития. 2021. № 2. С. 50–53.

6. Электронный ресурс. URL: https://habr.com/ru/news/941476/.

7. Электронный ресурс. URL: https://ru.euronews.com/next/2025/10/10/drones-health-system-de.

8. Электронный ресурс. URL: https://www-dhs-gov.translate.goog/science-and-echnology/saver/drone-first-responder?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sge.

9. Электронный ресурс. URL: https://myseldon.com/ru/news/index/206896104.

10. Электронный ресурс. URL: http://council.gov.ru/events/news/169504/.

11. Смирнов И. А. Некоторые перспективы использования системы распознавания лица в пресечении административных правонарушений // Безопасность дорожного движения. 2025. № 2. С. 25–30.

Смолин П. В.[1]*,*
главный научный сотрудник
ВНИИ МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ВЫЯВЛЕНИЕ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С УЧАСТИЕМ ОБЩЕСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Современная парадигма обеспечения безопасности дорожного движения (далее – БДД), закрепленная в Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года, характеризуется отходом от государственно-репрессивной модели, сущность которой заключается в возложении основной ответственности за состояние БДД на участников дорожного движения, приоритете применения мер административного принуждения и недооценке роли системных факторов в виде состояния дорожно-транспортной инфраструктуры, качества подготовки водителей транспортных средств (далее – ТС), уровня правовой культуры участников дорожного движения в генезисе аварийности.

В рамках новой парадигмы все большее признание получает концепция разделенной ответственности, в соответствии с которой сокращение смертности в дорожно-транспортных происшествиях (далее – ДТП) невозможно без активного вовлечения гражданского общества. Пункт 91 Стратегии определяет в качестве одного из ключевых направлений повышения безопасности участников дорожного движения «укрепление роли и расширение форм участия общественности в повышении БДД», включая содействие в выявлении и пресечении нарушений Правил дорожного движения (далее – ПДД) [9]. По результатам опросов общественного мнения, «расширение практики привлечения граждан к борьбе с преступностью и охране общественного порядка» относится к актуальным направлениям улучшения работы полиции [1, с. 54].

Данная установка формирует новый социальный и административно-правовой контекст, в котором общественность, участники дорожного движения перестают быть лишь объектом надзора со стороны Госавтоинспекции, становясь субъектом, участвующим в обеспечении БДД. В самом определении системы обеспечения БДД, сформулированном в Стратегии, подчеркивается необходимость «тесной связи с общественностью» для государственно-властных субъектов, реализующих полномочия в исследуемой сфере.

Действующие нормативные правовые акты закрепляют ограниченный перечень форм участия общественности в обеспечении БДД. Согласно ст. 8 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» к формам участия общественных объединений в реализации основных направлений деятельности Госавтоинспекции относятся:

1) осуществление мероприятий по профилактике аварийности;

---

[1] © Смолин П. В., 2026.

2) проведение исследования причин и обстоятельств ДТП;

3) внесение предложений по совершенствованию нормативных правовых актов и технических регламентов, действующих в области обеспечения БДД. Однако правом на реализацию перечисленных форм наделены лишь общественные объединения, целенаправленно созданные для защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в дорожном движении.

Необходимость осуществления взаимодействия с гражданами на системной основе закреплена в нормах Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и является ключевым условием для формирования партнерской модели взаимодействия полиции и общества [2]: ст.ст. 9 и 10 указанного Закона провозглашают принципы общественного доверия и поддержки граждан, а также взаимодействия и сотрудничества, соблюдение которых обязательно в деятельности полиции, а значит, и Госавтоинспекции. Проецируя содержание данных статей на деятельность по обеспечению БДД, можно выделить следующие направления взаимодействия с общественностью: информирование общественности о результатах работы Госавтоинспекции; осуществление пропаганды БДД совместно с представителями гражданского общества; обеспечение обратной связи и учета общественного мнения о деятельности Госавтоинспекции; общественный контроль за деятельностью Госавтоинспекции; поддержка гражданских инициатив и проектов, связанных с обеспечением БДД.

Начиная с 2010-х гг., появлялись различные инициативы, направленные на закрепление участия граждан в обеспечении БДД и выявление нарушений ПДД. Среди них и законопроект о «Народном инспекторе», который после многочисленных доработок готовился к принятию, однако в итоге работа над ним была прекращена в 2023 г. из-за несоответствия предлагаемого механизма выявления нарушений ПДД нормам действующего законодательства.

Отдельные инициативы были реализованы на уровне регионов: так в 2015 г. Правительством Москвы был запущен проект «Помощник Москвы», направленный на фиксацию гражданами правонарушений в части неоплаты парковки, остановки и стоянки ТС в запрещенных местах. При этом используются мобильные телефоны с установленным мобильным приложением «Помощник Москвы», через которое фотовидеоматериалы, подтверждающие факт нарушения, направляются в Московскую административную дорожную инспекцию и рассматриваются ее уполномоченными должностными лицами [3, с. 258].

Со временем функционал приложения был существенно ограничен. После принятия Федерального закона от 29 мая 2023 г. № 197-ФЗ, конкретизировавшего требования к средствам автоматической фотовидеофиксации нарушений ПДД, в том числе функционирование «без какого-либо непосредственного воздействия на них человека» [10], использование приложения «Помощник Москвы» для выявления нарушений ПДД стало невозможным. На официальном сайте приложения на февраль 2026 г. указано лишь одно рассматриваемое нарушение – по ст. 8.25 КоАП г. Москвы «Размещение транспортных средств на территории, занятой зелеными насаждениями» [11].

В Республике Татарстан с 2014 г. действует приложение «Народный инспектор», позволяющее гражданам отправлять информацию по 18 видам нару-

шений ПДД (за подтвержденные нарушения по шести видам выплачиваются денежные вознаграждения) [12]. Несмотря на неопределенность статуса материалов, полученных таким способом, работа приложения официально не была прекращена, вместе с тем с 2025 г. пользователями фиксируются сбои, отсутствие рассмотрения заявок и невозможность отправки сообщений.

Участие общественности в выявлении нарушений ПДД осуществляется и иными способами. Как известно, на полицию возложены обязанности по рассмотрению поступающих от граждан сообщений о происшествиях, правонарушениях, преступлениях и принятию по итогам рассмотрения мер в пределах установленной компетенции. Согласно официальным данным, в течение 2024 г. на основании сообщений от представителей общественности было пресечено 1,3 млн нарушений ПДД, что на 24,5 % больше, нежели в 2023 г.

Прием сообщений от граждан о фактах нарушения ПДД ведется в дежурных частях Госавтоинспекции, с помощью звонков по номеру «02» («102», «112») или на специальные горячие линии, через социальные сети и др. С 2025 г. подразделениями Госавтоинспекции в субъектах Российской Федерации активно запускаются чат-боты, направленные на прием сообщений о фактах совершения наиболее опасных нарушений в области дорожного движения, прежде всего – управление водителем ТС в состоянии опьянения. Полученная от граждан информация оперативно обрабатывается и в реальном времени передается сотрудникам дорожно-патрульной службы для проведения проверки и пресечения нарушения. С целью поощрения граждан в некоторых субъектах Российской Федерации были приняты нормативные правовые акты, регламентирующие выплату денежного вознаграждения в случае выявления и своевременного пресечения нарушений ПДД на основании полученных сообщений [4, с. 79].

В 2024 г. с участием общественности было пресечено 70 388 фактов управления ТС лицом, находящимся в состоянии опьянения или отказавшимся впоследствии от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а также 45 439 эпизодов управления ТС лицами, не имеющими права управления. На протяжении последних лет наблюдается тенденция роста доли указанных категорий нарушений, выявленных в ходе обработки сообщений от граждан, в общем объеме пресеченных правонарушений каждого вида. Е. Д. Никулин и А. С. Сергунова еще в 2022 г. отмечали, что «роль общественности в пресечении фактов управления ТС в нетрезвом состоянии возрастает» [5, с. 42].

Анализ существующего механизма участия общественности в выявлении нарушений ПДД позволяет выявить основные проблемы в этой сфере.

Во-первых, отсутствие централизованного приема сообщений, разобщенность каналов связи, с помощью которых осуществляется направление сообщений граждан о грубых нарушениях ПДД. Анализ региональной практики демонстрирует широкое разнообразие подходов к организации таких сервисов. Так, в Смоленской области в октябре 2025 г. в мессенджере Telegram был запущен анонимный чат-бот для приема сообщений о выезде на встречную полосу, управлении в состоянии опьянения и иных опасных действиях [6]. В Вологодской области действуют чат-бот в мессенджере Telegram («ЗаБезопасность35») и сообщество в социальной сети «Вконтакте» («Дорожный стражник 35») [7].

В Ростове-на-Дону запущена специальная красная линия для направления сообщений о грубых нарушениях ПДД по номеру телефона и в Telegram [8].

Уникальность способов направления сообщений приводит к существенным различиям в качестве и оперативности реагирования на сообщения в зависимости от региона. При этом не выработаны единые требования к формату предоставляемой информации, что оказывает непосредственное влияние на возможность своевременного перехвата нарушителя.

Также наблюдаются сложности в информировании граждан о доступных способах отправки сообщений о замеченных нарушениях ПДД. Как правило, такие сведения указываются в региональных СМИ, на официальных сайтах органов местного самоуправления и региональных подразделений Госавтоинспекции. Однако в силу локального охвата аудитории, пассивного характера распространения информации, граждане должны самостоятельно проявлять инициативу по поиску способов передачи сообщений о нарушениях ПДД, выяснять названия сообществ или чат-ботов, номера телефонов, изучать механизм работы найденного канала связи, осуществлять регистрацию или авторизацию в социальных сетях. Все это значительно снижает уровень оперативности передачи сообщений о нарушениях ПДД и их дальнейшего пресечения.

На федеральном уровне имеются общедоступные каналы, принимающие от граждан информацию о нарушениях ПДД, однако они не предназначены для оперативного реагирования на нарушения. Так, через официальный сайт Госавтоинспекции можно подать обращение, которое будет рассмотрено в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Аналогичным образом для направления сообщения о нарушении ПДД можно использовать мобильное приложение «Госуслуги: Решаем вместе». При этом в данных случаях необходимым условием является регистрация на портале «Госуслуги», с помощью которой осуществляется идентификация заявителя.

На основании полученных от граждан материалов сотрудниками Госавтоинспекции проводится проверка, выясняются обстоятельства дела, совершаются иные процессуальные действия. Однако в силу ограниченности временных и кадровых ресурсов ведомства фактическое привлечение к ответственности осуществляется лишь в небольшом проценте случаев.

Во-вторых, существенной проблемой является предоставление гражданами устаревшей, неполной, недостоверной информации о нарушениях ПДД.

Опыт функционирования «Помощника Москвы» показывает, что в отсутствие четкой ответственности за намеренное искажение фактов пользователи приложения нередко предоставляли ложную информацию в личных целях – например, ради получения выгоды (бонусов в приложении).

Реагирование на ложные или ошибочные сообщения дезорганизует рабочий процесс сотрудников Госавтоинспекции, за счет их отвлечения оказывается негативное влияние на состояние БДД, возникают риски пропуска важных сообщений.

В-третьих, зависимость от технических средств и каналов связи. Создавая чат-боты в мессенджерах, сообщества в социальных сетях, региональные подразделения Госавтоинспекции стремятся упростить взаимодействие с гражда-

нами, использующими конкретные интернет-ресурсы. Однако для пользователей иных платформ сервис становится недоступным.

Ситуация усугубляется внешними факторами регулирования интернет-пространства. Так, в условиях проведения специальной военной операции на отдельных территориях периодически ограничивается работа мобильного интернета. С 10 февраля 2026 г. мессенджер Telegram был официально замедлен на территории России, в результате чего имеются затруднения с загрузкой фото- и видеоматериалов, необходимых для подтверждения факта нарушения.

В-четвертых, определенной проблемой является недостаток мотивации у общественности как одной из сторон взаимодействия. Учитывая множественные сложности процесса передачи сообщений о нарушениях ПДД и неопределенный результат, далеко не все граждане, заметившие нарушение, готовы сообщить о нем. Денежное вознаграждение способно придать дополнительный стимул, однако во многих регионах оно отсутствует или же наблюдается низкий уровень осведомленности о его наличии среди жителей.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд предложений и рекомендаций по совершенствованию современного механизма участия общественности в выявлении нарушений ПДД, включающих:

1) формирование на официальном сайте Госавтоинспекции единого реестра региональных сервисов, чат-ботов, горячих линий и иных ресурсов, с помощью которых осуществляется оперативное реагирование на информацию о грубых нарушениях ПДД;

2) изучение примеров позитивного опыта субъектов Российской Федерации по взаимодействию с гражданами при выявлении нарушений ПДД и распространение их на регионы, где взаимодействие осуществляется менее эффективно;

3) разработку методических рекомендаций МВД России по организации приема, обработки и реагирования на сообщения граждан о нарушениях ПДД на основании научных и прикладных исследований;

4) проведение как на федеральном, так и на региональном уровне информационных кампаний, направленных на повышение правовой культуры участников дорожного движения, формирование активной гражданской позиции, в которых доступным языком был бы изложен алгоритм действий для граждан, ставших свидетелями совершения нарушений ПДД;

5) создание чат-ботов для оперативного реагирования на грубые нарушения ПДД в национальном мессенджере MAX;

6) введение ответственности за отправку заведомо ложных сообщений о нарушениях ПДД;

7) использование искусственного интеллекта для предварительной обработки полученных от граждан сообщений, определяющего приоритеты реагирования, отсеивающего сообщения, не соответствующие требованиям, выявляющего потенциально ложные данные и др.;

8) разработку модельного закона субъекта Российской Федерации, регулирующего порядок выплаты вознаграждения за сообщения о нарушениях ПДД.

Таким образом, активное участие общественности в выявлении правонарушений в области дорожного движения способно повысить дисциплину и созна-

тельность водителей ТС, способствовать неотвратимости наказания, обеспечить доверие граждан и поддержку полиции со стороны общества. Оптимизация механизма взаимодействия Госавтоинспекции и граждан по вопросам информирования о нарушениях ПДД будет способствовать реализации стратегических императивов в области обеспечения БДД и достижению поставленных целей по улучшению качества жизни и снижению смертности в ДТП.

Список литературы

1. Невский С. А., Черкасов Р. В., Яковлев О. В. Результаты изучения общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации в 2024 г. // Научный портал МВД России. 2025. № 2 (70). С. 49–56.

2. Майоров В. И. Формирование партнерства в деятельности полиции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 4. С. 26–29.

3. Смолин П. В. Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2024.

4. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 г. : информационно-аналитический обзор / [К. С. Баканов и др.]. М. : НЦ БДД МВД России, 2025.

5. Никулин Е. Д., Сергунова А. С. Роль общественности в выявлении административных правонарушений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2022. № 2. С. 38–43.

6. Управление Госавтоинспекции УМВД России по Смоленской области информирует жителей региона о запуске нового сервиса для сообщений граждан о грубых нарушениях правил дорожного движения // Администрация муниципального образования «Смоленский муниципальный округ» Смоленской области. URL: https://smol-ray.smolensk.ru/inye-organy/mvd/inf/upravlenie-gosavtoinspekcii-umvd-rossii-po-smolenskoj-oblasti-informiruet-zhitelej-regiona-o-zapuske-novogo-servisa-dlya-soobschenij-grazhdan-o-grubyh-narusheniyah-pravil-dorozhnogo-dvizheniya/.

7. Все больше вологжан присоединяются к общественному контролю за дорожной безопасностью // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://вологодскаяобласть.рф/novosti/novosti_organov_vlasti/vse_bolshe_vologzhan_prisoedinyayutsya_k_obshchestvennomu_kontrolyu_za_dorozhnoy_ bezopasnostyu/.

8. В Ростове запустили «красную линию» для сообщений о грубых нарушениях ПДД // Комсомольская правда. URL: https://www.rostov.kp.ru/online/news/6442683/.

9. Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 29 мая 2023 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «О Государ-

ственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

11. Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // СПС «Консультант Плюс».

12. ГИС «Народный инспектор» // Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан. URL: https://digital.tatarstan.ru/gis-narodniy-inspektor.htm.

Соломатина Е. А.[1]*,*
доцент кафедры
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Информационные технологии (далее – ИТ), стремительно вошедшие в повседневную жизнь людей, создающие новые условия для развития экономики, бизнеса и другую среду для государственного управления, формируют новую эру технического прогресса, улучшают большинство сфер жизни граждан, но при этом несут в себе ряд определенных рисков.

Перспективы развития ИТ огромны. Можно выделить лишь ряд направлений, по которым они развиваются в настоящее время: агентный искусственный интеллект, квантовые вычисления, платформенные решения, low-code и no-code платформы, интернет вещей, блокчейн и криптовалюты, робототехника и автоматизация, 5G-технологии, расширенная и виртуальная реальности, защита от дезинформации и др. [1, с. 17–20]. ИТ направлены на упрощение задач, оптимизацию ресурсов и создание устойчивого современного общества. Одновременно передовые государства мира начинают новую гонку технологического и инновационного вооружения – в области развития ИТ, способной полностью изменить привычное управление и миропорядок.

Следует сказать и о цифровой экономике, которая становится новой парадигмой. Ключевыми факторами такой экономической деятельности выступают электронные технологии, услуги, цифровой формат обрабатываемых и передаваемых данных. Работа с информацией позволяет по сравнению с традиционными формами хозяйствования существенно повысить эффективность и качество в производстве, логистике перемещения и потреблении товаров, работ и услуг, облегчить процедуры коммерческого и государственного управления, развивать общественный или государственный контроль (надзор). На 2025–2030 гг. в Российской Федерации намечена реализация национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». [2]. Он направлен на цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы.

Рассматривая ИТ-развитие и ИТ-внедрение во все сферы жизнедеятельности человека, следует отметить, что грамотное использование ИТ-инструментария в интересах государства и общества может стать серьезным вектором для развития науки в целом и административно-правовой доктрины в частности или, наоборот, препятствием для соблюдения прав и свобод граждан, прежде всего в социальной сфере. Перед исследователями с учетом открытия информационного и технологического пространства, позволяющего обмениваться профессиональным мнением в разных сферах научного познания, ставятся вопросы, на

[1] © Соломатина Е. А., 2026.

которые в настоящее время не даны ответы, а по отдельным аспектам ведутся научные дискуссии и споры. Кто мы? Какова наша настоящая история? Куда мы идем? Что будет с человечеством? Последний вопрос интересует научное сообщество все больше, ведь технологическое будущее непредсказуемо, какой будет выбран путь – предугадать невозможно даже авторитетным ученым и уважаемым ИТ- и ИБ-специалистам.

На какое-то время юридическое научное сообщество застыло в своих исследованиях по факту расширения ИТ-продукции и их новой роли в публичном управлении. Потом робко стало приспосабливаться к изменяющимся правовым условиям и выявлять правовые и технические риски. Сейчас появились отдельные научные исследования по наиболее узким вопросам, анализирующие активно меняющееся российское законодательство в области ИТ-разработок и ИТ-применения. По всей России проводятся научные и практические конференции и круглые столы в рамках узкопрофессиональных интересов ученых, практиков, юристов, ИТ-специалистов, представителей государственного сектора и т. п. с привлечением отдельных высокопрофессиональных специалистов-разработчиков ИТ-продукции, реже медийных лиц, законодателей, судей, не всегда с возможностью подключения к онлайн-трансляции широкого круга специалистов в связи с отсутствием активной рекламы или доступного большому кругу интересующихся лиц анонса мероприятий. И только большие площадки, чаще финансируемые государством или крупными ИТ- и ИБ-компаниями, способны объединить на одном мероприятии ведущих специалистов страны и провести онлайн-трансляцию на несколько сот тысяч просмотров.

Если проанализировать большинство опубликованных работ ведущих специалистов в сфере юриспруденции по факту определения влияния ИТ-отрасли на парадигму научной мысли, то можно сформулировать умозаключение, при котором современная наука будет развиваться посредством развития информационной и технологической продукции через метод от общего практического использования и широты применения ИТ к частным научным исследованиям в узких областях. В дальнейшем из отдельных научных исследований в той или иной области научных знаний и будут складываться общие научные исследования.

Прогностическая функция науки административного права в рамках ее предсказаний в развитии публичного управления будет при этом опираться на сравнительный метод. Сопоставляться будут отдельные признаки с целью выявления их закономерностей влияния, например, когда отрасль информационных технологий будет оказывать значительное воздействие на методологию административно-правовой научной мысли и процесс получения результатов. Под воздействием ИТ по-новому детализируется предмет административного права, принципы и функции науки административного права, совершенствуются позитивные институты, получают новое развитие административные процедуры, например, в условиях применения технологий искусственного интеллекта.

Административисты одновременно со всем научным сообществом вынуждены искать ответы на вопросы по факту определения юридической природы ИТ и нетипичных объектов правового воздействия, проявлении специфики трансформации отраслевого регулирования информационных технологий

в условиях цифровизации [3], государственного регулирование бизнес-среды, обеспечения публичных и частных интересов в административно-правовой деятельности публичных органов власти, в том числе в экономической сфере, правового администрирования при решении экономических задач в условиях развития высокотехнологических процессов и широкого внедрения ИТ-достижений. Развитие ИТ-возможностей меняет правовой статус личности, осложняет его технологическим элементом, появляются так называемые цифровые аватары, например, цифровой профиль граждан, зарегистрированных на определенной платформе, меняются элементы правового статуса личности, возникают проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта, с обеспечением безопасности в изменчивой социально-технологической среде [см. более подробно: 4, с. 11–12] и др.

По мнению В. И. Червонюка, цифровизация будет представлять собой новую технологическую реальность или цифровую среду, отличную от привычного для человека физического мира как среды его обитания [5, с. 503]. Так, цифровизация уже поменяла финансовые расчеты между субъектами и обмен документами: оплату проезда, штрафов, перемещение товаров, доставку продукции, перечисление налогов и сборов, расчет пошлин и пени и т. п., поэтому технологичная экономика становится самой эффективной частью экономической базы того или иного государства и оказывает серьезное влияние на общее управление страной. Появляется необходимость определить правовое поле регулированием отношений, возникающих с использованием субъектами цифровой экономики виртуальных платежных средств, включая цифровые законные платежные средства и иные цифровые валюты [6].

Мы предлагаем исследовать влияние ИТ на обновление административной доктрины с позиции следующих подходов:

– системного, связанного с определением ИТ, их места в экономике и в государственно-правовой системе, методологией изучения, теоретической базы и практики внедрения, законодательного регулирования, а также поиска рисков и путей совершенствования, обеспечения государственной и общественной безопасности и др.;

– экономического, основанного на развитии ИТ-продукции, взаимодействии государства с ИТ-сообществом, использовании ИТ-возможностей для автоматизация рутинных процессов, внедрения цифровых инструментов, например, для эффективности распределения бюджетных средств, их отслеживания и контроле, борьбе с коррупцией и т. п.;

– технологического, позволяющего использовать ИТ-достижения в публичном управлении, инновационно развивать все сферы жизнедеятельности людей с условием адаптации российского законодательства под возникающие новшества и с учетом возможных рисков;

– социального, трансформирующего обеспечение прав человека в цифровой среде, объединяющего требования регуляторов с бесконечными техническими возможностями, развивающего цифровое просвещение граждан и международное ИТ-сотрудничество и др.;

– морально-этического, позволяющего разработать новые принципы взаимоотношений между государством и гражданами при цифровом управлении и создании цифровых услуг, установить цифровой контроль с определением его допустимых границ в социальной и частной жизни, обосновать критерии возникновения персональной ответственности ИТ-специалистов и государственных служащих при внедрении ИТ-решений, укрепить доверие граждан к технологическим инициативам органов исполнительной власти, исключив при этом необоснованные вмешательства, отказаться от манипулирования общественным сознанием и др.

Таким образом, влияние развития ИТ на обновление административно-правовой доктрины напрямую связано с расширением ИТ-отрасли, ее межотраслевой интеграции, воздействием инновационных технологий на трансформацию науки в целом. Исследователям же, занимающимся узкоспециализированными проблемами в науке административного права, необходимо начать не только анализировать и описывать вопросы влияния ИТ на публичное управление, но и предлагать аргументированные решения при анализе правовых и технологических рисков, а также участвовать в обсуждении и принятии нормативно-правовых актов совместно с другими специалистами, в том числе в ИТ-области.

Исследуя административно-правовое регулирование в ИТ-отрасли, приходим к выводу, что обновление административно-правовой доктрины по выбранному направлению связано с: целями, задачами и принципами государственной политики в сфере информационных технологий; системой органов публичного управления, иных органов, организаций и учреждений, участвующих в реализации государственной политики в сфере защиты инфраструктуры информационных технологий и повышения ее эффективности и результативности, а также распределение между ними полномочий; с определением правового статуса хозяйствующих субъектов в области информационных технологий, оценкой нормативно-правовой базы и ее совершенствованием с учетом новых задач и перспектив развития общества и государства; взаимосвязью административных институтов, таких как регистрация, учет, отчетность, лицензирование, аттестация, аккредитация, сертификация, стандартизация, метрология, государственные закупки, контроль (надзор), институт административной ответственности за правонарушения в области информационных технологий и др.; характеристикой мер административного обеспечения; установлением мер административного принуждения; выявлением проблем цифрового публичного управления и определением путей их решения; совершенствованием отдельных элементов механизма правового регулирования с использованием ИТ-продукции и др.

Таким образом, авторское исследование административно-правового регулирования в ИТ-отрасли в Российской Федерации требует комплексного подхода с точки зрения положений теории и практики административного права, включая анализ различных угроз, а также выработки мер по их предотвращению. Автор продолжит свое исследование в следующих научных публикациях.

Список литературы

1. Соломатина Е. А. Административно-правовое регулирование в отрасли информационных технологий в Российской Федерации: современное состояние и проблемы : монография. М. : Инфотропик Медиа, 2026.

2. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Право и виртуальное пространство : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Проспект, 2025.

4. Правовой статус личности на современном этапе научно-технологического прогресса: формирование, реализация, защита : научно-практическое пособие / [Н. В. Антонова и др.] ; отв. ред. М. Е. Черемисинова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Инфра-М, 2024.

5. Червонюк В. И. Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования : монография. М.: Юстицинформ, 2024.

6. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : научно-практическое пособие / [М. О. Дьяконова и др.] ; под. ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М. : ИЗиСП : Норма, 2022.

Соломина А. А.[1]*,*
курсант
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Бондарь Е. О.[2]*,*
заместитель начальника
кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКИ ВАЖНОЙ И КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Актуальность темы обусловлена двумя взаимосвязанными факторами: во-первых, государственные закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд составляют значительную долю экономической активности, оцениваемую примерно в 30 % от объема валового внутреннего продукта Российской Федерации, что делает их ключевым инструментом государственного регулирования и расходов. [1, с. 8]. Во-вторых, в условиях цифровой трансформации и геополитической напряженности объекты критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ) становятся основными целями для деструктивных кибератак, что превращает процесс закупок, включая выбор поставщиков и технологий, в элемент национальной безопасности. [2, с. 274] Теоретической основой исследования выступают теории рынков с асимметричной информацией и контрактов, которые объясняют фундаментальные диспропорции между заказчиком и поставщиком на рынке госзаказа. С практической точки зрения, существует очевидный разрыв между традиционными критериями проведения закупок (такими как минимальная цена) и современными требованиями к киберустойчивости закупаемых решений, что создает системные риски. Проблема усугубляется явлением отрицательного отбора, когда из-за асимметрии информации и давления на стоимость с рынка вытесняются качественные, но более дорогие безопасные технологические решения, а побеждают предложения с формально подходящими характеристиками, но со скрытыми уязвимостями. Целью статьи является переход от теоретического осмысления данной проблемы к анализу практических вызовов, иллюстрированных реальными случаями кибератак, и к определению стратегических приоритетов трансформации системы государственных закупок.

Эволюция системы государственных закупок в России демонстрирует постепенное движение от регламентации процедур к осознанию их стратегиче-

[1] © Соломина А. А., 2026.
[2] © Бондарь Е. О., 2026.

ской роли, однако интеграция требований кибербезопасности в этот процесс остается фрагментарной. Институт госзакупок начал формироваться в конце 1990-х гг., и за прошедшие десятилетия был накоплен значительный нормативный и кадровый опыт [3, с. 497]. Тем не менее фокус традиционно смещен в сторону противодействия коррупции, обеспечения конкуренции и экономии бюджетных средств, в то время как вопросы долгосрочной технологической безопасности и устойчивости закупаемой продукции часто остаются на периферии. В условиях цифровизации экономики эта диспропорция становится критической, так как государственные заказчики приобретают сложные информационные системы, промышленное оборудование с цифровыми интерфейсами (АСУ ТП, IIoT) и облачные сервисы, которые впоследствии интегрируются в критическую инфраструктуру. При этом на этапе подготовки технического задания и проведения конкурса часто отсутствует необходимая экспертиза для формулировки адекватных и проверяемых требований к киберзащите, что возвращает нас к фундаментальной проблеме асимметрии информации: поставщик всегда лучше осведомлен о реальных возможностях и недостатках своего продукта, чем заказчик. Сложность усугубляется тем, что многие объекты КИИ основаны на гибридной архитектуре, сочетающей классические IT-сети и промышленные OT-сети, что требует специализированных протоколов и средств защиты. Российское законодательство в области защиты КИИ, в частности Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», устанавливает общие рамки, однако детальные нормативные акты, регламентирующие применение средств криптографической защиты информации (далее – СКЗИ) на объектах КИИ, все еще находятся в стадии разработки, что создает правовую неопределенность для заказчиков и поставщиков. В то же время появляются прогрессивные стандарты, такие как первый национальный ГОСТ Р 71252–2024, описывающий энергоэффективный криптографический протокол защищенного обмена CRISP для индустриальных систем, который может быть заложен в требования при закупках оборудования для АСУ ТП. Однако сам по себе стандарт не решает проблему его имплементации через систему госзаказа.

Реальная практика кибератак на стратегические объекты во всем мире и в России наглядно демонстрирует катастрофические последствия, к которым может привести недооценка фактора кибербезопасности на этапе создания и модернизации инфраструктуры. История знает примеры диверсий еще до эпохи интернета, такие как предполагаемая атака на систему управления сибирским нефтепроводом в 1982 г. с помощью внедренного в SCADA-систему трояна, что привело к мощному взрыву. В 1999 г. хакеры с помощью инсайдера получили возможность управлять SCADA-системой, контролирующей подачу газа в компании «Газпром» [4]. В 2000 г. в Австралии бывший сотрудник взломал систему управления водоснабжением, что привело к сбросу миллионов литров сточных вод в реку. Эти исторические примеры иллюстрируют, что угроза саботажа и диверсий через уязвимости в системах управления существует десятилетиями. Современная ситуация характеризуется резкой эскалацией и профессионализацией угроз.

Основным инструментом остаются DDoS-атаки. В мае 2025 г. массированная DDoS-атака вызвала крупный сбой в работе ключевых государственных сервисов, включая платформы ФНС, «Госключ» и «Честный знак», а также московскую систему ЕМИАС, что нарушило предоставление услуг по всей стране [5]. Однако наибольшую опасность представляют целевые атаки, направленные на хищение данных или полный контроль над системами. Например, в конце 2024 – начале 2025 г. была зафиксирована новая волна атак APT-группировки Cloud Atlas на предприятия оборонно-промышленного комплекса России с использованием фишинговых писем с вредоносными вложениями. APT-группировка Sticky Werewolf в январе 2025 г. готовила атаки на государственные организации России и Беларуси, используя инфостилер Lumma для кражи данных и контроля над устройствами. С середины 2024 г. группировка BO Team проводит сложные атаки на российские госорганизации, ИТ-компании и промышленность, сочетая хактивизм с финансовыми мотивами, уничтожая данные и блокируя критически важные системы. Утечки конфиденциальной информации происходят в 32 % успешных атак на госучреждения. Особенно тревожным трендом является рост использования шифровальщиков, доля которых в успешных атаках на организации в России достигла 49 % в первом полугодии 2025 г. Эти данные однозначно свидетельствуют, что угрозы носят комплексный и высокотехнологичный характер, а защита от них требует не только реактивных мер, но и проактивного закладывания безопасности на этапе проектирования и закупки всех компонентов инфраструктуры.

Переход от теории к практике в решении обозначенной проблемы требует кардинального пересмотра подходов к государственным закупкам, который должен быть основан на нескольких взаимосвязанных принципах. Первый принцип – это преодоление информационной асимметрии через развитие экспертного потенциала государственных заказчиков и создание специализированных требований. Необходимо, чтобы технические задания формировались с обязательным участием специалистов по информационной безопасности, а критерии оценки заявок включали не только стоимостные показатели, но и качественные параметры, такие как наличие сертификатов соответствия на средства защиты, результаты независимых тестов на проникновение для сложных систем, обязательства поставщика по долгосрочной поддержке и закрытию уязвимостей. Второй принцип – сквозная цифровизация и реинжиниринг самих процессов закупок. Это подразумевает не просто перевод процедур в электронную форму, а создание интеллектуальных систем поддержки принятия решений, которые на основе больших данных и анализа репутации поставщиков могли бы автоматически выявлять потенциальные риски, например, связи поставщика с юрисдикциями, откуда исходят кибератаки, или наличие в его продуктах известных уязвимостей. Актуальность такого подхода подчеркивается данными о том, что большинство вредоносных ресурсов для атак на Россию размещены в доменах верхнего уровня .com и .top, а также на серверах в Канаде, Британии и Германии. Третий принцип – нормативная конкретизация. Требуется ускорить разработку и утверждение подзаконных актов, которые детально регламентируют применение СКЗИ и других средств защиты именно на

объектах КИИ, устраняя существующие правовые пробелы. Это даст заказчикам четкие ориентиры для формулировки требований в документации. Четвертый принцип – стимулирование качественных поставщиков и отечественных разработок в области кибербезопасности через механизмы госзаказа. Это может выражаться в установлении преференций для продуктов, соответствующих новым российским стандартам, таким как ГОСТ Р 71252–2024 для протокола CRISP, который обеспечивает защиту данных в индустриальных системах с минимальными накладными расходами. Пятый принцип – учет рисков цепочки поставок. Поскольку доля атак через цепочку поставок в России выросла с 2 % до 4 % за два года, в контракты необходимо включать обязательства поставщиков по обеспечению безопасности своих собственных процессов разработки и логистики, а также по предоставлению прозрачной информации о происхождении критических компонентов, особенно в оборудовании АСУ ТП и IoT-устройствах.

Таким образом, интеграция требований кибернетической защиты в процедуры государственных закупок представляет собой не техническую, а стратегическую задачу, решение которой напрямую влияет на национальный суверенитет и устойчивость ключевых отраслей экономики в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Голубев С. С., Губин А. М., Доброва К. Б. Управление государственными закупками. М. : Мир науки, 2025.

2. Корх И. А., Юмашева Е. В. Цифровизация и актуальные угрозы информационной безопасности // Наука. Информатизация. Технологии. Образование: материалы XVI международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 27 февраля – 3 марта 2023 г. Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2023. С. 272–281.

3. Георгадзе Н. Д. Этапы становления системы государственных закупок в Российской Федерации // Московский экономический журнал. 2022. № 8. С. 494–504.

4. Самые громкие кибер-атаки на критические инфраструктуры // Хабр. URL: https://habr.com/ru/companies/panda/articles/316500/.

5. РБК. ФНС заявила о DDoS-атаках на свои серверы. URL: https://www.rbc.ru/society/20/05/2025/682c4bc69a794747701b0771.

Сосновская Ю. Н.[1]*,*
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Институты гражданского общества играют важную роль в противодействии коррупции в органах внутренних дел (далее – ОВД), предоставляя гражданам и организациям возможность для участия в реализации контроля над государственными структурами и обеспечивая тем самым общественную обратную связь. В контексте административно-правовой науки институты гражданского общества представляют собой важный элемент правового поля, которые формируют механизмы контроля и защиты прав граждан, обеспечения защищенности частных и публичных интересов.

Институты гражданского общества представляют собой совокупность негосударственных организаций и объединений, посредством которых граждане и их объединения выражают и реализуют свои интересы, права и свободы. Данные организационно-правовые институты служат надлежащим механизмом для взаимодействия между гражданами и государственными органами.

Институты гражданского общества интерпретируются как общественные образования, функционирующие независимо от государства, и в отличие от государственных структур эти организации, как правило, преследуют социальные, культурные и правозащитные цели, а не исполнение определенных государственных функций [3, с. 131–134].

В основе деятельности институтов гражданского общества лежат принципы свободы объединений и саморегулирование. Государство признает и регулирует различные институты гражданского общества, но не вмешивается в их внутреннюю организацию и деятельность. К признакам институтов гражданского общества следует отнести: негосударственный характер; автономию; социальную направленность, а также взаимодействие с государством.

Для того чтобы раскрыть место конкретных институтов гражданского общества в системе противодействия коррупции в ОВД (полиции) целесообразно раскрыть их классификацию, которую можно реализовать по различным критериям в зависимости от их функций, форм и целей деятельности.

По целям деятельности: правозащитные организации (занимаются защитой прав человека, предоставляют юридическую помощь, например, правозащитные некоммерческие организации); экологические; культурные; образователь-

[1] © Сосновская Ю. Н., 2026.

ные; социальные и благотворительные. По своему правовому статусу институты гражданского общества могут являться профсоюзы или клубы; фонды; общественные движения и некоммерческие организации. По масштабу своей деятельности: местные; национальные; международные. По способу взаимодействия с государством: конструктивные (сотрудничают с государством для решения общественных проблем, участвуют в обсуждении нормативных актов, работают в общественных советах); критически настроенные (активно выступают против определенной государственной политики).

Институты гражданского общества, которые участвуют в реализации антикоррупционной деятельности в территориальных органах МВД России, относятся к категории конструктивных и являются некоммерческими организациями и общественными объединениями.

В противодействии коррупции в ОВД активно участвуют несколько ключевых институтов гражданского общества, каждый из которых вносит свой вклад в обеспечение прозрачности, правопорядка и подотчетности подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России).

Общественные наблюдательные советы Общественные советы при ОВД – это официально созданные консультативные органы, в которые входят представители общественности, включая правозащитников, журналистов, ученых, представителей некоммерческих организаций [7, с. 242–251].

Они играют важную роль в общественном контроле за деятельностью МВД России, участвуют в рассмотрении жалоб граждан на действия сотрудников территориальных органов МВД России, разбирательствах, касающихся случаев коррупции в ОВД.

Правозащитные организации, специализирующиеся на борьбе с коррупцией, занимаются мониторингом и расследованием коррупционных проявлений в ОВД, выявляют случаи злоупотребления властью среди сотрудников полиции. Данные организации также оказывают юридическую помощь пострадавшим от коррупционных правонарушений, разрабатывают и продвигают антикоррупционные инициативы и изменения в законодательстве.

Средства массовой информации (далее – СМИ) играют приоритетную роль в обнародовании и раскрытии информации о коррупции в территориальных органах МВД России. Журналисты проводят собственные расследования коррупционных дел, публикуют данные о правонарушениях, организуют обсуждения и освещают общественную реакцию на случаи коррупции в ОВД. Отдельные публикации и расследования в СМИ не только привлекают общественное внимание, но и являются подспорьем реагирования на коррупционные поступки.

Сотрудники юридических объединений (правозащитные юридические ассоциации, коллегии адвокатов) осуществляют защиту прав граждан, пострадавших от коррупционных правонарушений, и оказывают правовую подделку при ведении дел коррупционной направленности.

Всевозможные научные учреждения и научные исследовательские центры, проводя определенные исследования в сфере противодействия коррупции, реализуют оценку эффективности антикоррупционных мер, формулируют предложения по совершенствованию политики и законодательства. В дальнейшем

их выводы и рекомендации используются для совершенствования деятельности территориальных органов МВД России и внедрения приоритетных практик борьбы с коррупцией.

Многие некоммерческие и правозащитные организации создают общественные приемные и горячие линии для приема жалоб от граждан, имеющих информацию о коррупции в территориальных органах МВД России.

Пристального внимания и исследования заслуживает и отдельный организационно-правовой институт – институт Общественных советов при МВД России. Данная организация является коллегиальным органом, созданным для налаживания связи между обществом и территориальными органами МВД России, совершенствуя и гласность (прозрачность) общественного контроля за деятельностью полиции, а также для противодействия коррупционным проявлениям в территориальных органах МВД России.

Данные советы являются частью системы общественного контроля в России, которая регулируется законодательством и нормативными правовыми актами МВД России, они играют важную роль в противодействии коррупции и злоупотреблениям полномочиями в ОВД.

Совет предоставляет общественности доступ к информации о деятельности ОВД (полиции) и способствует формированию прозрачной, подотчетной системы, что способствует профилактике коррупционного поведения на государственной службе в органах внутренних дел [2].

Общественные советы реализуют свои функции, оценивая при этом деятельность территориальных органов МВД России, рассматривая жалобы граждан на неправомерные действия сотрудников полиции и анализируя актуальные вопросы, связанные с деятельностью ведомства в целом. Члены Общественных советов участвуют в защите и обеспечения прав и свобод граждан, реализуют правовую поддержку, организуют мероприятия для совершенствования правовой грамотности населения.

Приоритетным направлением деятельности Общественных советов является их участие в формировании антикоррупционной политики, в разработке и обсуждении антикоррупционных мер, которые направлены на борьбу с коррупционными проявлениями среди сотрудников полиции.

Общественные советы также имеют возможность осуществлять наблюдение за тем, насколько сотрудники полиции соблюдают основные принципы профессиональной этики и уважения прав и свобод граждан при осуществлении служебной деятельности.

Состав Совета утверждается Приказом МВД России на основе предложений общественных организаций и с учетом рекомендаций органов государственной власти [8]. Это обеспечивает представительный и независимый характер состава, поскольку туда входят граждане с различными точками зрения, что помогает шире взглянуть на вопросы, касающиеся деятельности полиции.

Следует обратить особое внимание и на незадействованный потенциал в противодействии коррупции предусмотренных законом общественных комиссий, содержание которых законодателем не раскрыта [1].

Отметим, что общественные комиссии по расследованию фактов и обстоятельств, которые послужили определенными основаниями для проведения общественного расследования, формируются организационно-правовыми институтами гражданского общества в рамках осуществления общественного контроля и руководствуются в своей деятельности законом об основах общественного контроля, предусматривающем осуществление общественного контроля как в формах, предусмотренных законом, так и в иных формах. Хотя в тексте закона напрямую не закрепляются положения о формировании общественных комиссий, однако все же предусмотрено, что для осуществления общественного контроля могут создаваться иные организационные структуры [4, с. 276–283].

Следует отметить, что среди закрепленных законодательно форм осуществления общественного контроля отсутствует прямое упоминание об общественных расследованиях, но делается ссылка, что он может реализовываться и в других формах при отсутствии противоречий закону. Соответственно, деятельность общественных комиссий должна реализовываться в форме общественных расследований путем сбора информации о коррупционных проявлениях, подготовки полученных сведений для досудебной проверки, формировании экспертного мнения и передачи собранных материалов в правоохранительные органы для принятия процессуального решения.

Анализ нормативного правового регулирования противодействия коррупции в территориальных органах МВД России показал, что вследствие отсутствия ведомственного нормативного правового акта МВД России, регулирующего вопросы сотрудничества ОВД и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции, определяющего цели, задачи, принципы, формы (методы), критерии оценки и т. д., в практической деятельности возникают противоречия и сложности в выстраивании взаимоотношений указанных субъектов.

Отметим, что ранее действовал Приказ МВД России от 1 января 2009 г. № 1 «Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и институтами гражданского общества на 2009–2014 годы» [5, с. 48–56], который определял цели, задачи и основные направления совершенствования взаимодействия территориальных органов МВД России со СМИ, политическими и религиозными организациями, а также иными организационно-правовыми институтами гражданского общества.

Следует отметить, что данный нормативный правовой акт рассматривал общие вопросы взаимоотношений территориальных органов МВД России и общества, не осуществляя регулирование конкретных общественных отношений по противодействию коррупции. Следует отметить, что отдельный нормативный правовой документ МВД России по объединению усилий территориальных органов МВД России с организационно-правовыми институтами гражданского общества именно по противодействию коррупционных проявлений не принимался.

Таким образом, анализ антикоррупционного законодательства нашего государства и ведомственных нормативных правовых актов МВД России дает возможность констатировать необходимость объединения сил территориальных органов МВД России и организационно-правовых институтов гражданского

общества, в котором лишь констатируется, что оно выделено в качестве принципа совместной деятельности полиции; передаются самые общие представления о взаимодействии и сотрудничестве, конкретизация же процедуры данных взаимоотношений остается за рамками нормативного правового регулирования.

С учетом декларативного характера правового регулирования совместной деятельности территориальных органов МВД России с организационно-правовыми с институтами гражданского общества по противодействию коррупционных проявлений представляется крайне важной дальнейшая деятельность по совершенствованию правового регулирования данного направления. При всей актуальности и многогранности организации такого сотрудничества добиться отражения в нормативных правовых актах всех нюансов данной проблемы, по нашему мнению, практически невозможно.

В настоящее время руководством МВД России проводится постоянный мониторинг деятельности таких структурных подразделений ведомства, как Главное управление обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции и Главное управление по работе с личным составом Министерства внутренних дел Российской Федерации, состояния их работы по противодействию коррупции в системе территориальных органов МВД России передового зарубежного и отечественного опыта, результатов научных исследований по вопросам предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений и преступлений в правоохранительной сфере.

В том числе, анализу со стороны компетентных подразделений подвергается деятельность территориальных органов МВД России по взаимодействию с организационно-правовыми институтами гражданского общества по противодействию коррупции в структурных подразделения ведомства.

В современный период развития нашего государства перспективным представляется направление, связанное с созданием должных условий для исполнения в органах внутренних дел Федерального закона от 6 марта 2022 г. № 44-ФЗ «О внесении изменений в статью Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции» в части организации проверки законности получения денежных средств, поступивших на счета лица, замещавшего (занимающего) должность, осуществление полномочий по которой влечет обязанность предоставлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера на счета его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей в банках и (или) иных кредитных организациях, а так же в части возмещения материального вреда, причиненного коррупционными правонарушениями, субъектами которых стали сотрудники органов внутренних дел.

Представляется, что в данном случае целесообразным является предусмотреть и механизмы защиты прав сотрудников ОВД (полиции). Данную деятельность вполне можно возложить на такой институт гражданского общества, как профсоюзные организации МВД России.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует отметить целесообразность внесения корректив в Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», а в частности: дополнить ч. 2 ст. 9 «Субъек-

ты общественного контроля» п. 4 «общественные комиссии»; ст. 15 изложить в следующей редакции: «Общественные инспекции, общественные комиссии и группы общественного контроля»; ч. 1 ст. 18 «Формы общественного контроля» изложить в следующей редакции: «Общественный контроль осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, общественного расследования, в иных формах». С нашей точки зрения Федеральный закон «О противодействии коррупции» следует дополнить ст. 6.1 «Меры по минимизации (ликвидации) последствий коррупционных проявлений».

Следует отметить и целесообразность разработки и принятия ведомственного нормативного правового акта (Приказа МВД России), который бы закрепил четкое правовое регулирование взаимодействия территориальных органов МВД России и организационно-правовых институтов гражданского общества, в том числе и в вопросах противодействия коррупции [4, с. 276–283].

Реализация сформулированных нами предложений, с нашей точки зрения, позволит повысить эффективность противодействия коррупции путем совершенствования взаимодействия и сотрудничества территориальных органов МВД России с организационно-правовыми институтами гражданского общества, а также обозначить приоритетные направления совместной деятельности, укрепив при этом доверие граждан к институтам государственной власти.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4213.

2. Указ Президента Российской Федерации от 28 июля 2011 г. № 1027 «Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

3. Гандалоев Р. Б. Понятие института гражданского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 131–134.

2. Саетгараев В. Ф. Основные направления модернизации законодательства в сфере взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества по вопросам противодействия коррупции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 3 (41). С. 276–283.

3. Саетгараев В. Ф., Пашин В. М. Совершенствование правового регулирования сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 4 (54). С. 48–56.

4. Синчук Ю. В., Лащенов М. С. Реализация принципов информационной открытости и публичности в деятельности общественных советов при территориальных органах МВД России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 3 (844). С. 242–251.

Стащенко С. П.[1]*,*
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПРИ РЕАГИРОВАНИИ НА КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИНЦИДЕНТЫ

Актуальность практической деятельности полиции при реагировании на компьютерные инциденты обусловлена стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни и качественным изменением структуры преступности. В современных условиях традиционные методы расследования дополняются или полностью замещаются цифровой криминалистикой.

Количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), ежегодно растет. Это включает в себя:

– распространение вредоносного ПО, программ-вымогателей и других разновидностей шпионских программ;

– массовые утечки персональных данных;

– фишинг и социальную инженерию, направленные на хищение денежных средств.

Полиция должна обладать практическими навыками оперативного реагирования, чтобы пресекать подобные действия на ранних этапах.

Сегодня практически любое правонарушение оставляет цифровой след. Даже в делах, не относящихся напрямую к сфере высоких технологий (убийства, грабежи, торговля наркотиками), важные доказательства могут содержаться в:

– смартфонах и компьютерах подозреваемых;

– лог-файлах сетевых соединений;

– облачных хранилищах и истории транзакций криптовалют.

Реагирование на инциденты становится неотъемлемой частью сбора доказательной базы.

Объекты жизнеобеспечения (энергетика, транспорт, банковская система) управляются автоматизированными системами. Компьютерный инцидент на таком объекте может привести к техногенной катастрофе или экономическому коллапсу. Практическая деятельность полиции по выявлению уязвимостей и расследованию атак на такие системы напрямую связана с национальной безопасностью.

Киберпреступники часто находятся в одной юрисдикции, а их жертвы – в другой. Актуальность деятельности полиции заключается в отработке протоколов международного взаимодействия и оперативного обмена данными о IP-адресах, заголовках электронных писем и других технических идентификаторах.

---

[1] © Стащенко С. П., 2026.

Цифровая информация крайне волатильна (изменчива). Она может быть удалена дистанционно или зашифрована за считанные секунды. Практическая подготовка полицейских позволяет:

– правильно проводить изъятие техники;
– снимать дампы оперативной памяти до выключения устройства;
– работать с зашифрованными разделами дисков.

Преступники активно используют VPN, Tor, прокси-серверы и нейросети (для создания дипфейков). Полиция вынуждена внедрять в свою практику современные инструменты анализа трафика и деанонимизации, что делает техническую подготовку кадров критически важной.

Инцидент информационной безопасности (ИБ) – это любое событие, которое может нарушить конфиденциальность, целостность или доступность информации и информационных систем: например, взлом пароля или атака на сервер компании, результатом которой стала утечка пользовательских данных, неправомерный доступ в систему и т. д. Причиной инцидента могут быть внешние атаки и внутренние проблемы, например, ошибки сотрудников или целенаправленные действия злоумышленников.

Так, по данным Лаборатории Касперского, всего в 2024 г. в России было отражено 1,8 млрд кибератак. С наибольшим количеством критичных инцидентов в мире чаще сталкиваются компании из области IT (23 %), промышленности и госсектора – на их долю приходится по 18 % всех атак [3].

Главное в инциденте – его негативное влияние на работу организации и ее ресурсы, поэтому любой инцидент – это всегда повод для дальнейшего расследования.

Главный аргумент в пользу отслеживания инцидентов: это позволяет вовремя реагировать на возможные угрозы и быстро восстанавливать работу информационных систем. Если не отслеживать инциденты информационной безопасности, можно пропустить атаки, что чревато необратимыми последствиями в отношении любого объекта критической информационной инфраструктуры. В лучшем случае организация узнает о них постфактум, в худшем – вообще не узнает об утечке данных до обнародования информации. Поэтому инциденты информационной безопасности необходимо контролировать – начиная от несанкционированных попыток входа и заканчивая всей сетевой активностью.

Еще один важный аргумент: анализ причин инцидента помогает избежать подобных проблем в будущем.

Только в 2024 г. Роскомнадзор зафиксировал 135 случаев утечек баз данных – это более 710 млн записей персональных данных. Данные экспертно-аналитического центра ГК InfoWatch говорят об утечке более 1,5 млрд записей. Лидером по числу утечек стала область торговли – на нее приходится 35,1 % зарегистрированных инцидентов, где были скомпрометированы персональные данные.

Так, например, утечка базы клиентов клиники красоты в Нижнем Новгороде (2023). В Telegram-каналах появилась полная база клиентов: Ф.И.О., телефоны, адреса, история процедур и суммы оплат. Причиной стала плохая защита файлов на внутреннем сервере.

Проникновение вируса-вымогателя на компьютеры автомастерской в Петербурге (2022). Все данные – записи клиентов, история заказов, база запчастей – были зашифрованы. Хакеры требовали выкуп, работа компании остановилась на три дня. Проблема была в ошибке: пароль не менялся годами, двухфакторная авторизация отсутствовала.

Доступ к административной панели интернет-магазина детской одежды (2021). Хакеры вошли в панель через слабый пароль и скачали всю клиентскую базу: Ф.И.О., адреса, телефоны, e-mail, историю заказов. Итоги: база попала в даркнет, клиенты начали получать звонки от мошенников, репутация магазина сильно пострадала, продажи упали на 40 %.

Основные причины инцидентов в сфере информационной безопасности:

– внешние угрозы – от лиц, не имеющих прямого доступа к информационной системе, например, хакерская атака;

– внутренние угрозы – от сотрудников или контрагентов, имеющих доступ к данным, например, если пароль сотрудника попал в чужие руки;

– ошибки сотрудников – например, сотрудник отправил конфиденциальную информацию по ошибочному адресу или установил ПО, которое не является обязательным для работы.

Из рассмотренного ранее можно сделать промежуточные выводы:

– важность своевременного обновления программного обеспечения и управления уязвимостями;

– необходимость тщательно оценивать риски, связанные с доступом сторонних организаций к сети, и применять строгие меры контроля доступа;

– важность обучения сотрудников – особенно по теме фишинга, паролей и доступа.

Таким образом, важность практической деятельности полиции в рассматриваемой сфере заключается в переходе от реактивной модели (борьба с последствиями) к проактивной (мониторинг, прогнозирование и быстрое пресечение). Без владения инструментами реагирования на компьютерные инциденты современная правоохранительная система теряет свою эффективность, так как значительная часть правонарушений уходит в цифровую плоскость, недоступную для классических методов следствия.

Список литературы

1. Назаров Д. М., Саматов К. М. Основы обеспечения безопасности персональных данных в организации : учебное пособие. Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2019.

2. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885.

3. Электронный ресурс. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/01/16/24840404.shtml?updated&utm_auth=true.

Стекольникова З. А.[1]*,*
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ольшевская А. В.,
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНЦИПА СОРАЗМЕРНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Необходимость научного исследования механизмов защиты прав человека при исполнении административных наказаний обусловлена потребностью гармонизации законодательства с международными стандартами. Принципы справедливости и соразмерности выступают базовыми гарантиями правомерного ограничения свобод, однако их нынешний статус в административно-деликтном праве характеризуется неполнотой прямого закрепления. В большинстве случаев указанные начала правосудия детерминированы общим смыслом профильных норм, что создает почву для дискуссий об их легальном статусе.

Правовая конструкция административного наказания базируется на принципах соразмерности и справедливости, обеспечивающих индивидуальный подход к правонарушителю [8, с. 78]. Логическая сопряженность данных категорий необходима для эффективного функционирования всего института ответственности. Основываясь на международно-правовом опыте, Конституция Российской Федерации и доктрина конституционного права закрепила перечень гарантий – законность, гуманизм, презумпция невиновности и др., действующих в отношении лиц, вовлеченных в административное производство [6, с. 74–75]. Эти фундаментальные положения не только декларированы на высшем уровне, но и получили детализацию в профильном отраслевом законодательстве.

Анализ доктринальных основ применения административных санкций требует первоочередного определения их роли в структуре общих нормативных требований. Отправной точкой здесь выступает системное толкование положений ст. 4.1 в совокупности с императивными положениями ст. 1.4, 1.5 и 1.6 КоАП РФ [1]. При этом законодательная конструкция такова, что легитимность наложения любого взыскания, предусмотренного гл. 3 Кодекса Российской Федерации об

[1] © Стекольникова З. А., 2026.

административных правонарушениях, жестко детерминирована соблюдением универсального алгоритма, регламентированного ст. 4.1 КоАП РФ.

Рассмотрение общеправового алгоритма применения административных санкций предполагает глубокое изучение их концептуальных основ. Данные принципы выступают в роли фундаментальных ориентиров как в нормотворческом процессе, так и в правоприменительной практике, являясь обязательным критерием легитимности привлечения лица к ответственности. В системе этих принципов аккумулируется актуальная государственно-правовая доктрина, отражающая современное в видение законодателем сущности и задач данного института [7, с. 205].

В современной доктрине на основе положений КоАП РФ выделяется совокупность принципов, детерминирующих процесс назначения наказаний:

– нормативная обусловленность и законность (ч. 1 ст. 4.1 КоАП РФ);

– персонификация ответственности с учетом личности и обстоятельств (чч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ);

– кумулятивный характер исполнения обязанности наряду с наказанием (ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ);

– недопустимость двойного наказания за одно деяние (ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ);

– статусная презумпция невиновности субъекта (ст. 1.5 КоАП РФ).

Несмотря на наличие указанных норм, исследователи отмечают проблему неполноты их кодификации. Так, по мнению А. В. Сумачева, законодатель не в полной мере отразил в Кодексе те ключевые ориентиры, которые формируют концептуальную основу административно-деликтного законодательства [9, с. 64].

На наш взгляд, принцип соразмерности (пропорциональности) является фундаментальным правовым постулатом, вытекающим из ст.ст. 17, 19 и 55 Конституции Российской Федерации. В сфере административной ответственности он предполагает, что меры государственного принуждения должны соответствовать тяжести совершенного деяния, степени вины и характеру причиненного вреда. Однако современная правоприменительная практика демонстрирует ряд системных проблем, когда административное наказание из инструмента профилактики превращается в чрезмерно жесткое бремя ответственности, ведущее к дестабилизации деятельности субъектов.

Фундаментальное значение принципов соразмерности и справедливости юридической ответственности находят свое отражение в актах правосудия. Правовые позиции, изложенные в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации (в частности, от 12.05.1998 № 14-П [2], от 11.03.1998 № 8-П [3], от 15.07.1999 № 11-П [4], от 20.10.2022 № 45-П [5]), формируют устойчивый императив соблюдения данных принципов. Реализация данные установок в правоприменении налагает на суд обязанности по всестороннему исследованию обстоятельств дела еще до разрешения спора по существу. Судебным органам надлежит вынести на обсуждение сторон вопросы, касающиеся наличия исключительных условий совершения правонарушения, тяжести наступивших последствий, а также финансово-имущественного статуса субъек-

та, требуя при этом представления надлежащих доказательств для обеспечения индивидуализации санкций.

Правоприменительная практика исходит из того, что материальное положение субъекта ответственности не обладает приоритетом над характером совершенного проступка при решении вопроса о назначении наказания «не ниже низшего». Суд связан императивным запретом на использование положений ч. 3.5 ст. 4.1 КоАП РФ, если правонарушение посягает на физическую неприкосновенность личности или сопровождается отягчающими факторами в соответствии со ст. 4.3 КоАП РФ. В противном случае карательное воздействие утрачивает свою превентивную роль. Для достижения соразмерности санкции суду надлежит исследовать не только финансовый статус лица, но и его усилия по минимизации вреда, а также этиологию совершенного деяния. Такой подход гарантирует, что смягчение ответственности будет следствием действительно экстраординарных обстоятельств, а не формальным актом.

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что защита прав граждан остается центральным вопросом в механизме назначения административных наказаний. Ключевая сложность здесь заключается в поиске баланса между дихотомией принципов соразмерности и справедливости, с одной стороны, и императивом индивидуализации – с другой [8, с. 79–80]. Данные начала являются обязательными ориентирами для всей системы административной юрисдикции и выступают фундаментом для достижения превентивных целей наказания. Их концептуальное содержание последовательно раскрывается в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Проведенный анализ судебной практики свидетельствует, что, несмотря на активное применение положений ст. 4.1 КоАП РФ, их правовой потенциал реализуется не в полной мере. Наличие судебных ошибок указывает на объективную потребность в системном совершенствовании административно-деликтного законодательства.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 1998 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» в связи с запросом Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 1998 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М. М. Гаглоевой и А. Б. Пестрякова» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных поло-

жений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2022 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами гражданки И. И. Пантелеевой» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Верещак С. Б. Нормативное закрепление принципов административной ответственности как способ гуманизации законодательства об административных правонарушениях // Право и практика. 2015. № 2. С. 72–77.

7. Панкова О. В., Егорова О. А. Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел об административных правонарушениях М. : Статут, 2014. С. 205–2017.

8. Руденко А. В. Соблюдение принципов соразмерности наказания и индивидуализации наказания при привлечении лица к административной ответственности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4 (25). С. 77–81.

9. Сумачев А. В. Принципы законодательства об административных правонарушениях : понятие, классификация и характеристика // Вестник Тюменского государственного унитверситета. Серия: Право. 2012. № 3. С. 63–67.

Степаненко Ю. В.[1]*,*
профессор кафедры
административного права
и процесса имени Л. Л. Попова
Московского государственного
юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА);
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

Журавлев В. В.[2]*,*
начальник кафедры
административного права
и административной деятельности
Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Многогранность дисциплинарных отношений позволяет констатировать возрастающую роль дисциплинарного права в современной российской правовой системе. Более того, именно меры дисциплинарного принуждения становятся одним из основных средств поддержания режима правопорядка, регулирования большого числа общественных отношений, в основе которых находится установленная нормами права модель допустимого поведения. Все это, безусловно, свидетельствует о необходимости упорядочивания системы предписаний, устанавливающих основания для возникновения и разрешения дисциплинарно-трудовых (дисциплинарно-служебных) споров, что в свою очередь позволит повысить их эффективность для управления социальными процессами.

Наиболее часто институт дисциплины и ответственности за ее нарушение воспринимается в качестве одного из элементов в системе служебно-трудовых (управленческих) отношений, возникающих между работодателем (представителем нанимателя) и работником (государственным служащим). Вместе с тем уникальность дисциплинарного права как регулятора общественных отношений определяется глубиной его связей и с иными отраслями российского права, широтой взаимопроникновения их норм и институтов.

---

[1] © Степаненко Ю. В., 2026.

[2] © Журавлев В. В. 2026.

В качестве ключевой особенности мер дисциплинарного принуждения (дисциплинарной ответственности) следует выделить возможность их использования в качестве альтернативы применения других видов юридической ответственности: административной и уголовной. Это обстоятельство в свою очередь служит источником конвергенции дисциплинарного права с указанными отраслями российского законодательства.

Во-первых, примером использования мер дисциплинарного принуждения могут служить полномочия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП). Так, в соответствии с законодательством ряда субъектов Российской Федерации, КДНиЗП наделены государственно-властными полномочиями, предоставляющими право освободить от административной ответственности несовершеннолетнего нарушителя и передать его под «надзор родителей или иных законных представителей в целях обеспечения его надлежащего поведения» [1; 2], т. е. возложить на указанных лиц дополнительные обязанности по контролю за его поведением. Кроме того, КДНиЗП могут применять и иные меры воздействия к несовершеннолетнему, которые выступают альтернативой мерам административной ответственности: объявлять замечания, выговор, строгий выговор, направить несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа или иное реабилитационное учреждение и пр. Несмотря на то что в нормативных-правовых актах указанные меры прямо не называются дисциплинарными, их форма и содержание безусловно позволяют соотносить их именно с мерами дисциплинарного принуждения.

Во-вторых, меры дисциплинарной ответственности выступают в качестве безальтернативного вида юридических наказаний, применяемых во внутриорганизационной деятельности федеральных органов исполнительной власти в отношении отдельных государственных служащих, совершивших административные правонарушения, перечень которых предусмотрен ст. 2.5. КоАП РФ.

В-третьих, меры дисциплинарной ответственности достаточно часто используются как альтернатива административной ответственности в случаях совершения правонарушений лицами, временно изолированными от общества и находящимися под стражей в специальных учреждениях МВД России и ФСИН России. В настоящее время систему специальных учреждений, функционирующих в целях временной изоляции правонарушителей, образуют:

– изоляторы временного содержания подозреваемых (обвиняемых);
– следственные изоляторы ФСИН России;
– центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей;
– исправительные учреждения ФСИН России.

Одной из ключевых особенностей функционирования большинства из них является прямое закрепление в нормативных правовых актах перечня запретов, ограничений и обязанностей, устанавливаемых в отношении правонарушителей, невыполнение которых хотя и образует объективную сторону административных деликтов (мелкое хулиганство, неповиновение законному требованию сотрудника полиции и др.), но наказывается путем применения дисциплинарных взысканий.

В-четвертых, современное российское уголовное законодательство, будучи основанным на общепризнанных нормах и принципах международного права, признает, гарантирует и защищает права и свободы несовершеннолетних преступников, а также «предусматривает многоуровневую систему средств и методов», позволяющую применять к ним наиболее подходящую для исправления меру воздействия [3, с. 3]. Одной из них является возможность применения к несовершеннолетнему правонарушителю мер дисциплинарного принуждения (принудительных мер воспитательного воздействия), которые предусмотрены и достаточно активно применяются в уголовном законодательстве нашей страны. Потребность в их использовании обусловливается развитием общего вектора на гуманизацию российской правовой системы, минимизацией числа мер карательного воздействия, максимальным вовлечением в процесс социализации несовершеннолетних правонарушителей представителей институтов гражданского общества, повышением роли и ответственности семьи (родителей и иных законных представителей), образовательных учреждений и членов трудовых коллективов [4, с. 9].

В соответствии со ст. 90 УК РФ судья наделен правом прекращения производства по уголовному делу, находящемуся в его производстве. Поводом для принятия такого решения являются характер преступления (небольшой или средней тяжести), совершенного несовершеннолетним, а также особенности его личности, дающие основания предполагать возможность исправления правонарушителя средствами не уголовно-правового, а воспитательного воздействия, имеющими форму обязанности и являющимися принудительными по своему внутреннему содержанию [5].

Принудительные меры воспитательного воздействия выступают альтернативой применению уголовно-правовых наказаний. В основе их применения лежит необходимость достижения тех же целей, но посредством использования более мягких принудительных средств, которые в большинстве случаев призваны сохранить привычную для подростка социальную среду. По мнению Н. Ю. Скрипченко, существующая концепция «порождает дискуссию в доктрине уголовного права относительно правовой природы и места рассматриваемых мер» [6, с. 27–28], которая, по мнению авторов, представляет собой рецепцию мер дисциплинарной ответственности в уголовном законодательстве и пример взаимного проникновения норм в различных отраслях.

Приведенные примеры наглядно демонстрирует место и значение институтов и норм дисциплинарного права как системообразующего источника управления широким спектром социальных процессов, протекающих не только во внутриорганизационной служебно-трудовой деятельности органов, предприятий и учреждений, но и во внешнеорганизационной деятельности субъектов административной и уголовной юрисдикции, а также отдельных федеральных органов исполнительной власти по поддержанию режима правопорядка и законности в местах временной изоляции правонарушителей.

Список литературы

1. Закон Рязанской области от 15 июля 2010 г. № 81-ОЗ «О порядке создания комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и осуществления ими деятельности на территории Рязанской области» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Закон Тульской области от 7 декабря 2005 г. № 657-ЗТО «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Тульской области и наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по образованию и организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Смалева Н. А. Гуманизм и проблемы защиты прав и свобод несовершеннолетних в российском уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.

4. Волошин В. М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Скрипченко Н. Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013.

Степанов Д. С.[1]*,*
заместитель начальника
кафедры огневой подготовки
учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ О ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ВЫСЫЛКЕ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ

В условиях глобальной нестабильности, трансформации геополитических процессов и усиления миграционных потоков вопросы государственного контроля за пребыванием иностранных граждан приобретают стратегическое значение для национальной безопасности. Одной из наиболее острых и правовых сложных форм такого контроля является институт принудительной высылки. Для Российской Федерации данный вопрос перешел в плоскость радикального реформирования: принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ [1] ввело новый правовой режим высылки, существенно расширило полномочия правоохранительных органов и ограничило права лиц, находящихся на территории страны нелегально.

Сложность института принудительной высылки заключается в необходимости соблюдения тонкого баланса между суверенным правом государства защищать свои границы и общественный порядок, с одной стороны, и обязанностью соблюдать фундаментальные права человека (право на семейную жизнь, защиту от пыток, право на судебную защиту), закрепленные в действующем законодательстве.

Одной из наиболее трудноразрешимых проблем в механизме принудительной высылки остается идентификация личности и документирование иностранных граждан, не имеющих законных оснований для пребывания на территории страны. Отсутствие действительных документов, удостоверяющих личность, существенно замедляет процедуру, поскольку международные транспортные перевозчики и принимающие государства требуют официального подтверждения гражданской принадлежности высылаемого лица. В настоящее время распространена стратегия умышленного уничтожения паспортов мигрантами или сообщения ими заведомо ложных анкетных данных с целью затягивания сроков высылки. Данная ситуация усугубляется сложностью межведомственного взаимодействия с консульскими учреждениями стран исхода, которые нередко затягивают выдачу свидетельств на возвращение, ссылаясь на невозможность подтверждения гражданства [2, с. 35]. В результате возникает ситуация, при которой иностранный гражданин вынужден неопределенно долго находиться в специальном учреждении временного содержания (нахождения) иностранных граждан (далее – СУВСИГ), что фактически трансформирует обеспечительную

[1] © Степанов Д. С., 2026.

меру в бессрочное лишение свободы. Это не только создает избыточную нагрузку на бюджет, но и противоречит международным стандартам прав человека и правовым позициям высших судебных инстанций, запрещающими чрезмерно длительное содержание под стражей в отсутствие реальной перспективы высылки.

Эффективность правовых механизмов высылки неразрывно связана с финансово-экономическим обеспечением данных процедур, которое зачастую становится препятствием для реализации судебных решений. В соответствии с российским законодательством и законодательством большинства стран СНГ, расходы по высылке возлагается на самого иностранного гражданина или приглашающую сторону, и лишь в отсутствие таковых – на федеральный бюджет [3, с. 659]. Однако на практике большинство лиц, подлежащих выдворению, не обладает необходимыми денежными средствами, а механизмы взыскания расходов с работодателей-заказчиков нелегальной рабочей силы остаются несовершенными. В результате государство вынуждено брать на себя значительные издержки, включающие не только прямые транспортные расходы и затраты на конвоирование, но и долгосрочные расходы на содержание иностранных граждан в СУВСИГ. Ежедневное финансирование питания, охраны и медицинского обслуживания в таких центрах зачастую многократно превышает стоимость самого авиабилета в страну исхода. Дефицит бюджетных лимитов, выделяемых на эти цели, приводит к вынужденному ожиданию депортации месяцами, что превращает экономическую проблему в правовую, снижая оперативность миграционного контроля и подрывая принцип неотвратимости наказания.

Существенным барьером в реализации миграционной политики является инфраструктурный кризис системы специализированных учреждений, предназначенных для временного содержания иностранных граждан, подлежащих высылке. Правовая природа содержания в таких учреждениях носит строго обеспечительный, а не карательный характер, однако критическая переполненность центров и их материально-бытовое состояние зачастую приближают режим пребывания к пенитенциарному. В условиях затянутых процедур идентификации личности и отсутствия финансовых средств на депортацию иностранные граждане вынуждены находиться в данных учреждениях в течение многих месяцев, что фактически трансформирует административную меру в бессрочное лишение свободы. Такая практика неоднократно становилась предметом критики как со стороны Конституционного Суда Российской Федерации, так и в рамках международной судебной практики, так как содержание под стражей в отсутствие реальной перспективы выдворения в разумные сроки является нарушением права на свободу и личную неприкосновенность [4, с. 431]. Таким образом, дефицит специализированных учреждений и их ненадлежащая оснащенность не только снижают пропускную способность всей системы принудительной высылки, но и создают почву для серьезных правовых коллизий, при которых государство оказывается неспособным обеспечить гуманные условия содержания лиц, ожидающих возвращения в страну исхода.

Применение мер принудительной высылки неизбежно порождает глубокие правовые коллизии и гуманитарные барьеры, связанные с необходимостью соблюдения баланса между интересами национальной безопасности и защитой

фундаментальных прав личности. Ключевым противоречием здесь выступает столкновение административной обязанности иностранца покинуть страну с его правом на уважение частной и семейной жизни. Российская судебная практика в последние годы отошла от формального подхода к выдворению, признав, что наличие у мигранта семьи, детей – граждан Российской Федерации или длительных социальных связей может сделать высылку чрезмерным и несоразмерным вмешательством в жизнь человека.

Другим значимым гуманитарным ограничением является международно-правовой принцип невысылки, запрещающий возвращение лица в государство, где ему угрожают пытки, насилие или преследование по политическим мотивам. В рамках пространства СНГ это создает дополнительные сложности, требуя от судов проведения тщательной оценки рисков в стране исхода, что зачастую вступает в конфликт с интересами межгосударственного сотрудничества в сфере экстрадиции. Таким образом, процедура высылки трансформируется в сложный процесс оценки соразмерности, где гуманитарные соображения нередко блокируют исполнение административных решений, указывая на необходимость более гибкой дифференциации мер ответственности в миграционном законодательстве.

Несмотря на наличие развитой международно-правовой базы в рамках СНГ и ЕАЭС, практическая реализация соглашений о реадмиссии сталкивается с серьезными процедурными препятствиями. Основная проблема заключается в сложности формирования доказательственной базы: для успешной передачи лица государству-партнеру необходимо доказать факт его въезда именно с территории этой страны или наличие у него соответствующего гражданства. В условиях прозрачности границ внутри Содружества и отсутствия сквозного контроля за транзитными пассажирами сбор таких доказательств становится крайне трудоемким процессом [5, с. 545]. Дополнительным дестабилизирующим фактором является отсутствие полной интеграции национальных биометрических баз данных. Хотя политическая воля к сотрудничеству декларируется на высшем уровне, на этапе межведомственного взаимодействия, правоохранительные органы стран СНГ зачастую демонстрируют низкую оперативность в подтверждении готовности принять высылаемых лиц. Это приводит к тому, что институт реадмиссии, задуманный как упрощенный и эффективный механизм возвращения нелегальных мигрантов, на практике нередко подменяется более длительными и затратными процедурами депортации.

Особое место в структуре проблем исполнения решений занимает институт контролируемого самостоятельного выезда, при котором иностранец обязан покинуть страну без конвоирования в установленный срок. Данный механизм, ориентированный на снижение бюджетных расходов, на практике демонстрирует крайне низкую эффективность. Значительная часть иностранных граждан, получив копию судебного решения, не пересекает государственную границу, а переходит на нелегальное положение, меняя место жительства и сферу деятельности. Отсутствие до недавнего времени действенных механизмов оперативного мониторинга местонахождения таких лиц внутри страны создавало иллюзию безнаказанности. Ситуация начала меняться лишь с принятием новелл

2024 г., вводящих режим высылки и создание реестра контролируемых лиц. Тем не менее, проблема поиска и фактического понуждения к выезду тех, кто уклонился от добровольного исполнения решения суда, остается слабым звеном миграционного контроля в Российской Федерации и странах СНГ, требуя дальнейшего развития цифровых систем слежения и усиления административного давления через ограничение доступа к базовым гражданским правам и услугам внутри страны.

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать, что эффективность мер принудительной высылки в Российской Федерации и странах СНГ ограничивается не столько дефектами материального права, сколько комплексными системными проблемами исполнения. Недостаток информации, финансовая дефицитность процедур, инфраструктурная неготовность спецприемников и гуманитарные коллизии формируют разрыв между юридической силой решения о высылке и его фактической реализацией. Сравнительно-правовой анализ показывает, что одним из путей решения данных проблем является цифровизация миграционного контроля: переход от физического конвоирования к цифровому ограничению прав (режим высылки) и создание единого биометрического пространства в рамках СНГ. Только интеграция взаимодействия государств-участников и автоматизация процедур подтверждения личности позволят трансформировать институт принудительной высылки из декларативной меры в эффективный инструмент обеспечения национальной безопасности и правопорядка.

Список литературы

1. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Орлинская О. Г., Таточенко Т. В. Создание единого информационного пространства в миграционной системе России // Всероссийский журнал научных публикаций: Экономика и бизнес. 2011. № 9. С. 27–28.

3. Трущенкова И. Г. Опыт регулирования миграционных процессов в зарубежных государствах // Актуальные вопросы применения норм административного права : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 659–663.

4. Трущенкова И. Г., Ковшевацкий В. И., Ермолов А. С. К вопросу о применении опыта миграционной политики Австралии в регулировании миграционных процессов в Российской Федерации // Актуальные вопросы применения норм административного права : Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 430–433.

5. Трущенкова И. Г. Использование опыта регулирования миграционных отношений зарубежных государств для повышения эффективности миграционного контроля в Российской Федерации // Актуальные вопросы применения норм административного права : сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 543–546.

Сунцова Е. А.[1]*,*
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент

Иванченко С. В.[2]*,*
старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 20.29 КОАП «ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ»

В современном мире научно-технический прогресс развивается непомерными темпами, а любая информация благодаря информационно-телекоммуникационным сетям передается со скоростью клика. Блоги, форумы, социальные сети, публичные каналы мессенджеров на сегодняшний момент занимают лидирующее место по распространению информации, популяризации различных сведений и пропаганды идей.

Сети Интернет стали универсальным инструментом воздействия на общественное мнение, максимально охватывая практически все население. Так, согласно статистическим данным, представленным Brand Analytics, изучающих социальные сети как средство публичной коммуникации, а также степень их значения для формирования общественного мнения, в России в первой половине 2025 г. число активных авторов, т. е. таких, которые публикуются регулярно, в социальных медиа достигло 83,8 млн чел. [4]. Нетрудно представить, что количество людей, читавших этих авторов, в несколько раз больше.

Цифровое поле открывает широкие возможности для общения, обмена информацией, стирает пространственные и социальные грани между участниками бесед, позволяет обмениваться мнениями одновременно с огромным числом людей. Естественной привычкой у современного человека стало и распространение фото-, видео-, аудио материалов. Выставлять на всеобщее обозрение, рассылать одному конкретному адресату или заниматься массовой рассылкой… Цифровая среда позволяет все это совершить в один момент.

Социальные сети не просто транслируют информацию, но, как было сказано выше, формируют общественное мнение, проникая во все сферы жизни обще-

[1] © Сунцова Е. А., 2026.
[2] © Иванченко С. В., 2026.

ства. Информация, созданная и распространяемая в цифровом формате или, как принято называть ее, цифровой контент может нести в себе как положительное, так и отрицательное воздействие. Влияя на доступность коммуникативности при современных социальных реалиях, цифровой контент может нести и определенные риски.

Отсюда напрашивается вывод, что использование социальных сетей в том числе для противоправной деятельности, в настоящее время, набирает обороты, а так как в большинстве своем пользователями являются лица молодого возраста, то именно они станут объектом интереса со стороны правонарушителей, в том числе и для вовлечения их в противоправную деятельность.

В этом контексте представляется особенно важным рассмотреть применение ст. 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) «Производство и распространение экстремистских материалов».

Изучение содержания этой статьи указывает на два обязательных требования к ее применению. Первое требование касается того, что распространение экстремистских материалов, а равно их изготовление и хранение, должно быть массовым. Второе требование относится к тому, что данные материалы должны быть включены в федеральный список экстремистских материалов, иных экстремистских материалов, указанных в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

И если второе обязательное требование никаких дополнительных вопросов не вызывает, то первое, как раз, наоборот. Норма не содержит законодательного определения массового распространения. Следовательно, само понятие «массовое распространение» надлежит изучать через призму оценки, т. е. в рамках оценочного понятия.

Насколько удобно или может быть, наоборот, неудобно применять оценочное понятие в данном случае? Для уточнения обратимся к известному советскому профессору М. И. Бару, который дал очень грамотное определение: «Оценочное понятие как бы полностью не завершает процесс правосозидания. Законодатель представляет завершение этого процесса правоприменительной практике» [1, с. 104–108].

Поэтому и в случае рассматриваемой нами нормы, уже исходя из конструкции ее, правоприменитель сам осмысливает, а значит, трактует ее применительно к конкретным обстоятельствам. Законодатель всего лишь обобщил наиболее общие признаки явления и процесса, обозначив распространение признаком массовости.

Исходя из диспозиции ст. 20.29 КоАП, массовое распространение будет являться объективной стороной, т. е. обязательным признаком, характеризующим внешнюю сторону деяния.

Процесс распространения будет носить публичный характер, а адресаты будут представлять собой широкий круг лиц, зачастую даже незнакомых друг с другом. Публичность и массовость будут являться тем необходимым критерием, который позволит разграничить, выделить признаки экстремистской деятельности из личных простых убеждений, из частной интеллектуальной жизни человека.

Иначе говоря, лицо не просто недовольно властью, не просто его взгляды отличаются от общепринятых или оно не поддерживает какие-то религиозные течения, но оно готово бороться с этим положением, хочет насильственного изменения, старается проявить в этой сфере общественную активность и вовлечь как можно больше людей в свою идеологию.

При этом совсем необязательно, чтобы адресаты такого сообщения ознакомились с ним, совершили после него какие-то противоправные действия. Сам факт отправления материалов такого содержания уже будет считаться административным правонарушением.

Более того, индокринация новых участников будет рассматриваться с точки зрения уже отдельной нормы, причем по уголовному законодательству.

Ввиду острой и достаточно, напряженной международной обстановки а также увеличивающегося давления на Российскую Федерацию, в том числе и с использованием экстремистских методов, совершенствовать, развивать и обновлять нормативную правовую базу противодействия распространению экстремистской идеологии представляется крайне важным. И особе внимание в этой сфере следует уделить правовому регулированию со стороны цифрового пространства.

Так, стратегия противодействия экстремизму в Российской федерации обозначает, что информационно-телекоммуникационные сети, включая Интернет, активно применяются экстремистскими организациями [2]. Среди основных методов вовлечения в экстремистскую деятельность А. В. Корольчук и Н. В. выделяют вербовку новых сподвижников, их коммуникацию, а также руководство ими [3, с. 110–113].

Отсюда можно сделать логичный вывод, что распространение экстремистских материалов – это современный способ вовлечения в экстремистскую деятельность. Большой охват адресатов позволяет за счет мгновенного распространения увеличить аудиторию получателей экстремистских материалов, а за счет анонимности такая деятельность проходит скрытно и незаметно для государственных органов.

В том числе и поэтому необходимо немного яснее конкретизировать данную норму, поскольку вопросы к применению статьи только множатся, а разъяснений и единых подходов нет.

Сложившаяся судебно-административная практика демонстрирует разнонаправленные подходы к трактовке признака массовости применительно к статьям в сети Интернет. В ряде случаев суды признают распространение массовым даже при отсутствии доказательств реального охвата аудитории, ограничиваясь констатацией потенциальной доступности материала неопределенному кругу лиц в силу публичности цифровой платформы (блог, открытая группа в социальной сети, общедоступный канал). Так, например, «размещение экстремистского материала на личной странице в социальной сети, доступной для просмотра всем пользователям, образует объективную сторону правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП РФ, поскольку создает условия для его массового распространения». В данном случае акцент смещается с факта реального ознакомления множества лиц на саму возможность такого ознакомления.

В других случаях правоприменители пытаются выработать более формализованные критерии. К ним могут относиться: количество подписчиков (участников) сообщества или страницы пользователя, количество просмотров, репостов (перепубликаций) и комментариев. Однако и эти критерии уязвимы для критики. Например, наличие тысячи подписчиков не означает, что все они ознакомились с конкретной публикацией. Алгоритмы платформ показывают контент выборочно, что ставит под вопрос автоматический учет всей аудитории. Более того, активность пользователя (репосты, лайки) может быть искусственно накручена с помощью ботов, что искажает реальную картину распространения.

Таким образом, ключевая проблема заключается в выборе между формальным (потенциальная доступность) и материальным (доказанность реального охвата широкой аудитории) подходами к определению массовости. Первый подход расширяет сферу действия нормы, упрощает доказывание, но создает риски чрезмерного вмешательства в свободу распространения информации, поскольку формально под действие статьи может подпасть даже единичная публикация на открытой странице. Второй подход, будучи более корректным с точки зрения состава правонарушения, возлагает на контролирующие органы тяжелое бремя доказывания фактического масштаба распространения, что в динамичной цифровой среде зачастую затруднительно.

Динамика развития интернет-коммуникаций опережает законодательное регулирование. Статья 20.29 КоАП РФ в ее текущей редакции плохо приспособлена для квалификации таких распространенных практик, как:

– репост (шеринг). Действует ли ответственность за распространение при перепубликации материала, уже находящегося в открытом доступе? Правоприменительная практика в целом склоняется к положительному ответу, рассматривая репост как действие, формирующее новый контакт (гиперссылку) и расширяющее аудиторию первоначальной публикации;

– размещение в закрытых или ограниченных группах и чатах. Является ли распространение в группе из 50, 100 или 500 человек массовым? В отсутствие четких количественных порогов решение остается на усмотрение суда, что ведет к противоречивой практике;

– использование временных историй (stories), исчезающих сообщений. Такие материалы существуют ограниченное время (24 часа), что усложняет их фиксацию и доказывание факта их массового распространения;

– стриминг (прямые трансляции). Устное высказывание экстремистского характера в прямом эфире, которое не было заранее записано как материал, требует иной квалификации (например, по ст. 20.3 КоАП РФ – пропаганда запрещенной символики). Однако запись такой трансляции и ее последующее размещение уже может рассматриваться как изготовление и распространение материала.

Важным аспектом является разграничение административной ответственности по ст. 20.29 КоАП РФ и уголовной – по ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Ключевым отличием, помимо степени общественной опасности, является требование массовости для административного состава. На практике это разграничение часто размыто. Возникает вопрос: где проходит грань между «массовым распростра-

нением», влекущим административную ответственность, и «действиями, совершенными публично», которые могут квалифицироваться как уголовное преступление? Отсутствие ясности ведет к риску релятивистского произвольного выбора вида юридической ответственности.

Кроме того, в административном праве в полной мере не работает принцип малозначительности. Единичный репост экстремистского материала пользователем с малочисленной аудиторией формально может быть подведен под состав правонарушения, хотя реальная общественная вредность такого деяния ничтожна. Это приводит к неоправданной криминализации (административизации) поведения, не представляющего значительной угрозы.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что правовое регулирование административной ответственности за производство и распространение экстремистских материалов в цифровую эпоху требует модернизации. Норма ст. 20.29 КоАП РФ, сконструированная в эпоху доминирования офлайн-распространения, испытывает значительные трудности при применении к реалиям интернет-коммуникаций.

В целях повышения эффективности противодействия экстремизму и обеспечения единообразия правоприменения представляется целесообразным:

1. Закрепить в примечании к ст. 20.29 КоАП РФ (либо в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации) примерные критерии оценки «массовости» распространения в сети Интернет. Эти критерии должны носить комплексный характер и учитывать не только потенциальный охват (открытость аккаунта/сообщества), но и реальные количественные показатели (число подписчиков/участников на момент публикации, статистика просмотров, активность вовлечения), а также технические особенности способа распространения (пост, история, личное сообщение).

2. Формально четче разграничить составы ст. 20.29 КоАП РФ и ст. 282 УК РФ, прописав в нормами закона, что административная ответственность наступает за распространение именно формализованного материала (текст, видео-, аудиоизображение), включенного в федеральный список, а уголовная – за публичные действия (в том числе устные высказывания в сети), направленные на возбуждение ненависти и вражды.

3. Внедрить принцип малозначительности применительно к правонарушениям в сфере информации и связи, что позволит правоохранительным органам и судам освобождать от ответственности за действия, не представляющие существенной общественной опасности и общественной вредности (например, единичный репост в малой аудитории без признаков злого умысла или системности).

4. Способствовать развитию технологических возможностей мониторинга и фиксации экстремистского контента в сетях, особенно в форматах, сложных для архивации (стримы, истории).

Только комплексный подход, сочетающий уточнение законодательных дефиниций, унификацию судебной и административной практики и адаптацию правоприменительных механизмов к цифровой реальности, позволит ст. 20.29 КоАП РФ стать эффективным и соразмерным инструментом противодействия

экстремизму в интернет-пространстве, не нарушая при этом конституционные права граждан на распространение информации.

Список литературы

1. Бару М. И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 104–108.

2. Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Корольчук А. В., Румянцев Н. В. О некоторых проблемах административно-правового противодействия распространению экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 110–113.

4. Электронный ресурс. URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring 2025?ysclid=mkqmon16fp921233005/.

Тачкин М. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В качестве актуальности изучения темы взаимодействия государства и общества следует отметить проблему их сотрудничества, которую традиционно относят к числу приоритетных направлений в исследовании публичного права.

Взаимодействие государственных структур и общественных организаций является ключевым фактором формирования эффективной системы управления обществом. Поэтому государственное управление приобрело важность интеграции гражданского общества в процессы принятия решений, особенно в части делегирования полномочий негосударственным структурам и стимулирования вертикальной инициативы.

Современная социально-экономическая ситуация требует развития, разработки и внедрения инновационных подходов, позволяющих оптимизировать взаимодействие между органами государственной власти и институтами гражданского общества. Именно благодаря им удается достичь определенного консенсуса и минимизировать спорные (конфликтные) ситуации, возникающие вследствие недопонимания интересов друг друга.

В связи с этим в рамках исследования будут рассмотрены теоретические и практические аспекты такого сотрудничества, а также выявлены перспективные направления совершенствования существующих моделей взаимодействия.

Рассматривая теоретический аспект взаимодействия государственных структур и общественных организаций, следует обратить внимание на ее правовую основу.

Вопрос взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества регулируется на разных уровнях целым рядом ключевых положений, например:

1) конституционный уровень: народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [1], существует открытый диалог между правительством и обществом [2];

2) законодательный уровень: определение статуса общественных объединений, их права и обязанности перед государством [3], регламентация взаимоотношения между органами власти и гражданами посредством обращений и заявлений [4], регулирование положений неправительственных организаций, участвующих в сотрудничестве с органами власти [5], обеспечение участия

[1] © Тачкин М. А., 2026.

представителей общественности в качестве членов комиссий и консультативных органов [6];

3) нормативные акты исполнительной власти: Постановления Правительства Российской Федерации, приказы Минюста, Минэкономразвития России и других ведомств устанавливают правила взаимодействия органов власти с общественными организациями в различных сферах жизнедеятельности (например, экспертиза законопроектов, мониторинг исполнения бюджета, профилактика правонарушений и др.).

Эти и другие нормативные правовые акты формируют правовую базу для взаимовыгодного сотрудничества между государством и институтами гражданского общества, обеспечивая баланс интересов всех заинтересованных сторон.

Однако существующая правовая база нуждается в совершенствовании, поскольку не учитывает ряд важных факторов, возникающих в процессе взаимодействия. Среди которых, как правило, выделяются следующие: недостаточная регламентация ответственности сторон, отсутствие четких процедур разрешения конфликтов, низкий уровень осведомленности населения о возможностях участия в управлении.

Согласно результатам проведенного научного исследования, для повышения эффективности взаимодействия необходимы следующие меры:

1) создание специализированных подразделений в органах власти, занимающихся организацией взаимодействия с общественностью;

2) разработка методических рекомендаций по реализации принципов открытости и прозрачности принятия управленческих решений;

3) обучение сотрудников государственных и муниципальных учреждений основам эффективного взаимодействия с гражданами, организациями и др.

Кроме того, важным направлением становится развитие «электронной демократии», включающей использование цифровых платформ для сбора мнений граждан, проведение онлайн-консультаций и голосований по значимым вопросам, что весьма отвечает уровню заданному цифровой трансформацией всех сфер современного общества [7; 8].

Сегодня наиболее важными формами участия граждан становятся добровольческая помощь (волонтерство), институты общественного контроля, сотрудничество через средства массовой информации и взаимодействие с религиозными объединениями. Представляется, что именно сквозь призму их развития формируются инновационные подходы к взаимодействию государства и общества. Остановимся более подробно на каждой из них.

Волонтерская активность (волонтерство) как форма социального партнерства является одним из эффективных способов активизации добровольной гражданской позиции. Оно представляет собой особую форму социальной поддержки, осуществляемую на безвозмездной основе [9, с. 66]. Граждане добровольно участвуют в выполнении общественно полезных функций, направленных на защиту интересов отдельных групп населения, реализацию культурных проектов, экологических мероприятий и благотворительность, что в свою очередь существенно снижает нагрузку на государственные структуры и повышает социальную ответственность граждан.

Тем не менее на этом фоне существует острая потребность пересмотреть соответствующую нормативную правовую базу, регулирующую порядок привлечения волонтеров для осуществления ими своей деятельности. Например, актуальным вопросом остается проблема страхования волонтеров, квалификации руководящих кадров и защиты персональных данных участников волонтерских движений. Таким образом, система администрирования должна учитывать требования обеспечения гарантий личной безопасности и минимизацию рисков административной ответственности.

Роль института общественного контроля в повышении транспарентности власти занимает одно из ключевых мест в вопросе взаимодействия.

Представляется, что общественный контроль выступает важнейшим элементом гражданского участия в пристальном наблюдении за деятельностью государственных органов. Его суть заключается в обеспечении прозрачности действий властей, выявлении нарушений и устранении недостатков в работе исполнительной власти [10]. Несмотря на существующие законодательные нормы, закрепляющие принципы функционирования данного института, возникают трудности в практическом применении процедуры мониторинга и проверок.

Основные препятствия связаны с отсутствием четкого механизма передачи информации о нарушениях уполномоченным государственным органам, недостаточностью компетенции контролирующих субъектов и слабостью правозащитных мер. Возможным решением указанных пробелов сможет являться упрощение процедуры подачи обращений и заявлений граждан, а также увеличение числа общественных советов при федеральных и региональных ведомствах.

Средства массовой информации как фактор влияния на общественное сознание играют принципиальную роль в распространении актуальных сведений и формировании общественного мнения [11, с. 92].

В эпоху цифровизации их влияние на принятие политических решений велико. Однако распространение недостоверных сведений, пропаганда ложных идей и противоправного контента, а также манипуляция информацией создают угрозу национальной безопасности и стабильности государства.

Учитывая сказанное, видится целесообразным законодательно закрепить гарантии объективности освещения текущих событий и формирование информационной среды, свободной от манипуляций общественным сознанием.

Поэтому полагаем, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях должен содержать более категоричные нормы, предусматривающие привлечение к ответственности за нарушение принципа добросовестности журналистов и владельцев медиаресурсов. Одновременно важно развивать поддержку качественных каналов распространения информации, обладающих высоким уровнем профессионализма и этическими стандартами.

Значение религиозных объединений в консолидации общества нельзя недооценивать, в последнее десятилетие стабильно возрастает интерес к изучению их роли в укреплении морального потенциала нации и поддержке традиционных морально-нравственных ценностей.

Исторически именно религиозные объединения играли значительную роль в создании внутренней морали и общественной нравственности [12, с. 427].

Они формируют уникальный опыт коллективного решения социальных проблем и способствуют укреплению позитивных качеств среди граждан.

Сегодня органы власти активно привлекают представителей религиозных конфессий к участию в общественных советах, различных комиссиях по делам молодежи, профилактике экстремизма и урегулированию межэтнических конфликтов. Тем не менее административное законодательство пока недостаточно полно регулирует участие таких объединений в решении конкретных социальных задач в условиях современных вызовов. Видится необходимым разработать унифицированные правила взаимодействия органов власти и религиозных общин, исключить дублирование функций и предотвратить возможные конфликты на религиозной почве.

Практическое же применение инновационных подходов предполагает создание условий для активного вовлечения граждан в процесс принятия решений. Одним из примеров является проект «Открытое правительство» [13], направленный на повышение уровня доверия граждан к органам власти путем предоставления полной и доступной информации о деятельности госструктур.

Другим эффективным инструментом является механизм независимой оценки качества оказания услуг государственными учреждениями. Данный функционал позволяет гражданам выражать свое мнение относительно предоставляемых услуг, способствует улучшению качества обслуживания и повышению удовлетворенности населения [14, с. 25].

Итак, проведенное исследование позволило выявить ключевые элементы взаимодействия государственных структур и общественных организаций в области административно-правовых отношений, а также существующую необходимость комплексного подхода к решению поставленных задач, сочетания правовых и организационных мер и широкого привлечения гражданского сообщества к обсуждению важнейших проблем современности.

В ходе исследования была подтверждена значимость следующих элементов:

1) расширение возможностей волонтерской деятельности;

2) усиление позиций общественного контроля;

3) регулирование информационной сферы;

4) поддержка конструктивного диалога с представителями религиозных объединений.

Дополнительно отметим, что развитие инновационных подходов представляет собой важный элемент модернизации государственного управления, обеспечивающий устойчивое процветание демократического общества и эффективное решение социальных задач в условиях цифровизации. В связи с чем нами предложены конкретные шаги, требующие более глубоко анализа, по созданию благоприятных условий для полноценного взаимодействия государства и общества, направленные на обеспечение стабильного развития страны.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных 30.12.2008, 05.02.2014, 01.07.2020, 04.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Дагангаров С. В., Тышкенова А. Г. Развитие демократии в условиях цифровой трансформации общества // Современная научная мысль. 2024. № 5. С. 286–289.

8. Москаленко Г. Е. Развитие электронной демократии в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 1 (84). С. 44–47.

9. Кичерова М. Н., Суринина В. М. Волонтерская деятельность как проявление социальной активности молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 3 (27). С. 52–70.

10. Глушкова С. И., Палкина Н. В. Общественный контроль в современной России: основные направления и проблемы развития. Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 2 (29). С. 85–97.

11. Синютина Е. В. Влияние СМИ на формирование общественного мнения // Инновационная наука. 2021. № 3. С. 92–93.

12. Спирин А. В. Публично-правовые основы взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти в Российской Федерации: обеспечение духовно-нравственных ценностей общества // Молодой ученый. 2024. № 20 (519). С. 425–427.

13. Открытое правительство: из 2012 в 2024 // Комитет по разрешительной и контрольно-надзорной деятельности Российского союза промышленников и предпринимателей. URL: https://goskontrol-rspp.ru/publications/otkrytoe-pravitelstvo-iz-2012-v-2024/.

14. Рослякова М. В. Удовлетворенность граждан качеством предоставляемых государственных и муниципальных услуг в многофункциональных центрах на основе онлайн-отзывов // Социодинамика. 2021. № 8. С. 23–41.

Терехов М. Г.[1]*,*
научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 4
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

СКРИНШОТ КАК ВИД ЦИФРОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТАРТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Активная цифровизация общественных отношений на современном этапе общественных отношений привела к тому, что значительная часть административных правонарушений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), совершается в цифровой среде и с применением цифровых технологий, а равно выявляются, документируются там же аналогично с использованием цифровых технологий. В данных условиях распространенным источником доказательственной информации становится *скриншот* [1, с. 81–85]. Актуальность рассматриваемой темы как раз и обусловлена тем, что в действующем административно-деликтном законодательстве отсутствуют само понятие «скриншот» и процессуальные правила его фиксации.

Обращаясь к правовой природе рассматриваемого явления, следует отметить, что в настоящее время складываются различные научные подходы к определению понятия «скриншот». Например, А. Бычков, дает такое определение скриншота: «изображение, полученное компьютером и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора или другого визуального устройства вывода (как правило, без курсора мыши) в конкретный момент времени» [2].

В теории административного права придерживаются схожего мнения по ключевым аспектам сути понятия «скриншот», раскрывая его как визуальное отображение информации, зафиксированной в цифровой среде в конкретный момент времени, что становится удобным инструментом для фиксации фактов противоправных действий в цифровой среде.

Зачастую скриншоты при производстве по делам об административных правонарушениях классифицируются правоприменителями, как «иные документы» согласно ст. 26.7 КоАП РФ, поскольку они содержат сведения, зафиксированные в материальной (при распечатке и прикладыванию к материалам дела) или цифровой форме (если приобщается электронный носитель цифровой информации, например, флеш-накопитель или CD-диск).

Одновременно с этим при принятии решения по делу об административном правонарушении,суды выработали свою практику в условиях отсутствия прямой нормы в КоАП РФ, где закрепляется понятие скриншотов и работы с ними. Суды опираются на положения ст. 26.11 КоАП РФ и разъяснения высших су-

[1] © Терехов М. Г., 2026.

дебных инстанций. В частности, для обеспечения допустимости скриншот должен содержать следующие метаданные:

– точный сетевой адрес (URL) страницы;

– дату и точное время фиксации изображения;

– данные о лице, осуществившем фиксацию (должностное лицо или потерпевший);

– сведения о программном обеспечении и технических средствах, использованных для получения сриншота.

Однако, рассматривая скриншот как доказательство, применяемое в производстве по делам об административных правонарушениях, мы сталкиваемся с некоторыми вопросами, которые не находят своего ответа и уже достаточно давно требуют разрешения [3].

Центральной проблемой является легкость модификации (изменения) скриншотов с помощью графических редакторов (фотошопа и/или искусственного интеллекта), а также сложность проверки их подлинности. В частности, скриншот, представленный в виде простой распечатки, не позволяет проверить целостность файла и отсутствие вмешательства в его структуру, а в случае приобщения скриншота на электронном носителе ввиду отсутствия единой правоприменительной практики и явных процессуальных требований – представляется невозможным объективная проверка его метаданных, даже учитывая приведенный ранее перечень информации о них.

В связи с этим с целью сохранения скриншота в исходном формате представляется необходимым процессуально документировать хэш-сумму файла, что позволит достоверно устанавливать природу происхождения метаданных скриншота.

Кроме того, в производстве по делам об администратвиных правонарушениях остро стоит вопрос о самодокументировании гражданами административных правонарушений в цфировой среде. В частности, скриншоты, сделанные на смартфоны, в большинстве случаев не принимаются во внимание при принятии решения судами – в основном из-за невозможности подтвердить неизменность зафиксированной на них информации.

Следовательно, основная сложность заключается в том, что административное законодательство в настоящее время не устанавливает четкого алгоритма перехода информации из цифровой среды в доказательственную. Без законодательно закрепленных требований к метаданным (URL, IP-адрес, временная метка) любой скриншот может быть оспорен и не принят во внимание, как факт вызывающий сомнение.

Законодательное развитие гл. 26 КоАП РФ в части закрепления отдельного самостоятельного вида – цифровых доказательств, а также процессуального порядка с ним – является необходимостью уже сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Порохов М. Ю. Фиксация фейковой информации: правовые вопросы использования скриншотов в судебных разбирательствах // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 1. С. 81–85.

2. Бычков А. Скриншот: практика правоприменения // Юридический справочник руководителя. 2011. URL: https://cyberleninka.ru.

3. Иванова Е. В. Скриншот – цифровая возможность в процессе доказывания: проблемные аспекты // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/skrinshot-tsifrovaya-vozmozhnost-v-protsesse-dokazyvaniya-problemnye-aspekty.

Терехова Е. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Современное административно-деликтное законодательство характеризуется тенденцией к усложнению фактических составов правонарушений и расширению сфер правового регулирования. В этих условиях ключевое значение приобретает закрепленная в ст. 24.1 КоАП РФ задача всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств каждого дела, решение которой служит необходимой гарантией законности и обоснованности всех процессуальных решений, принимаемых в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Указанное производство по своей сути представляет собой систему процессуальных действий, значительная часть которых направлена на собирание доказательств [1, с. 30]. Однако существующая нормативная регламентация этих действий характеризуется наличием существенных пробелов, неопределенностью и внутренней противоречивостью, а перечень процессуальных действий, обеспечивающих получение и проверку таких данных, остается ограниченным. Это обусловливает необходимость обращения к вопросу о расширении инструментария доказывания.

В делах об административных правонарушениях показания потерпевших и свидетелей, а также объяснения лица, в отношении которого ведется производство, нередко образуют основу доказательственной базы и могут являться единственным видом доказательств, доступных лицу, осуществляющему производство по делу. При этом противоречия в указанных сведениях являются распространенным явлением, что связано с субъективным восприятием событий, конфликтным характером правоотношений и иными факторами.

Действующее законодательство не содержит самостоятельного процессуального механизма устранения существенных расхождений в показаниях участников производства. Между тем уголовно-процессуальное законодательство предусматривает очную ставку как следственное действие, направленное на проверку ранее данных показаний путем одновременного допроса двух лиц (ст. 192 УПК РФ). Отсутствие аналогичной процедуры в КоАП РФ ограничивает возможности непосредственной проверки доказательственной информации.

Несмотря на то, что КоАП РФ не закрепляет, а значит, не обязывает правоприменителя проверять достоверность полученных доказательств, представляется, что такой элемент процесса доказывания очевидно необходим. Отсутствие

[1] © Терехова Е. А., 2026.

в действующем Кодексе механизмов, которые позволили бы проверить достоверность показаний участников производства и устранить выявленные в них противоречия, неоправданно усложняет процесс доказывания, а также препятствует реализации участниками производства своих прав и интересов. Возможность введения аналогичных механизмов проверки доказательств актуальна и в других отраслях права, например, в налоговом процессе очную ставку предлагают рассматривать как обязанность налогового органа при выявлении противоречий в показаниях свидетелей, а ее непроведение при наличии явных противоречий в показаниях свидетелей предлагают расценивать как противоправное бездействие [2, с. 36–37]. Однако в данном научном труде такая позиция обосновывается спецификой правового положения налогоплательщика, не имеющего равносильного правового инструментария по защите своих прав и интересов.

В производстве по делам об административных правонарушениях, на наш взгляд, очную ставку следует рассматривать не как обязанность, а как право должностного лица, уполномоченного осуществлять производство.

Введение очной ставки в административно-деликтный процесс позволило бы обеспечить:

– выявление причин противоречий;
– уточнение значимых для дела обстоятельств;
– реализацию участниками права на постановку вопросов друг другу;
– повышение степени состязательности.

Очная ставка должна рассматриваться как право должностного лица при наличии существенных расхождений в показаниях. Ее нормативное закрепление направлено не на усложнение процедуры, а на обеспечение проверки и оценки доказательств и реализацию правовых гарантий участников производства.

Нормативное регулирование производства по делам об административных правонарушениях исходит из презумпции совершения административного правонарушения в условиях очевидности [3, с. 29]. Производство по делу об административном правонарушении ведется в отношении конкретного лица, однако в правоприменительной практике нередки случаи, когда лицо, совершившее административное правонарушение, не было застигнуто в момент совершения противоправных действий, о которых уполномоченному должностному лицу стало известно из заявления (сообщения) потерпевшего или очевидцев (свидетелей). В подобных случаях сведения о нем формируются преимущественно на основе восприятия потерпевших или очевидцев.

При неустановлении личности правонарушителя правоприменитель не может возбудить дело об административном правонарушении, но в то же время не имеет и оснований для отказа в возбуждении дела при получении заявления (сообщения) о совершенном правонарушении. При этом полиция обязана принимать такие заявления и сообщения, осуществлять их проверку и принимать по ним соответствующие меры. В результате этих мер лицо, его совершившее, может быть установлено по приметам, указанным потерпевшим или свидетелем. В такой ситуации возникает необходимость установления тождества между лицом, совершившим правонарушение, и установленным лицом, привлекаемым к ответственности [3, с. 30].

КоАП РФ не предусматривает процессуальных механизмов установления такого тождества, однако уголовному процессу такой механизм известен как очная ставка. Уголовно-процессуальное законодательство детально регламентирует указанную процедуру (ст. 193 УПК РФ), устанавливая требования, обеспечивающие достоверность результатов.

Анализ нормативных актов выявил наличие правовых механизмов, регламентирующих проведение процедуры опознания в целях установления личности иностранного гражданина или лица без гражданства (далее – ИГ/ЛБГ), незаконно находящегося на территории Российской Федерации и не имеющего действительного документа, удостоверяющего личность. Так, ст. 10.1 Федерального закона № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» закрепляет, что ИГ/ЛБГ может быть опознано по свидетельским показаниям (в том числе и по фотографии), правила проведения такой процедуры схожи с правилами проведения предъявления для опознания, регламентируемого ст. 193 УПК РФ, а его результаты фиксируются в протоколе опознания. Тем не менее, указанная норма не связывает процедуру предъявления для опознания с совершением ИГ/ЛБГ административного правонарушения, а также ограничивает перечень лиц, по показаниям которых возможно осуществить опознание. На наш взгляд, предъявление для опознания, в том числе и по фотографии, как процессуальное действие по собиранию доказательств административных правонарушений целесообразно производить с любыми участниками производства по делу.

Необходимость введения в КоАП РФ такого процессуального действия обосновывается и сроками административного задержания, ограничивающими правоприменителя при необходимости установления личности правонарушителя, являющейся обязанностью сотрудников полиции (п. 15 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»).

Включение предъявления для опознания в систему процессуальных действий по делам об административных правонарушениях представляется обоснованным при условии нормативного закрепления следующих гарантий:

– предварительный допрос опознающего лица;
– предъявление нескольких сходных объектов;
– протоколирование хода и результатов действия;
– обеспечение участия защитника.

Такое регулирование позволит устранить пробел в правовом механизме идентификации и повысить качество доказательственной деятельности.

Расширение инструментария доказывания по делам об административных правонарушениях посредством введения очной ставки и предъявления для опознания отвечает потребностям современной правоприменительной практики. Указанные меры направлены на повышение проверяемости доказательственной информации, устранение противоречий в показаниях и обеспечение дополнительных процессуальных гарантий. Совершенствование доказательственного механизма должно рассматриваться не как отказ от принципа оперативности административного процесса, а как необходимое условие обеспечения законности и обоснованности принимаемых решений.

Список литературы

1. Кисин В. Р. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая природа и недостатки правового регулирования // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 29–33.

2. Березин М. Ю. Введение в налоговый процесс нового налогово-проверочного мероприятия в виде очной ставки // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 1. С. 32–37.

3. Кисин В. Р., Попугаев Ю. И. Этапы реализации административной ответственности и проблемы их правового регулирования // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 25–31.

Токарева П. М.[1]*,*
курсант
Института психологии
служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Прудникова Т. А.,
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БУЛЛИНГУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Стремительная цифровизация современного общества привела к трансформации социальных взаимодействий, перенеся значительную часть коммуникации, в том числе конфликтной, в виртуальное пространство. Буллинг, традиционно ассоциирующийся со школьной средой, обрел новую, более масштабную и опасную форму – кибербуллинг (буллинг в сети Интернет). В настоящее время феномен кибербуллинга актуален и представляет собой одну из наиболее острых и деструктивных проблем цифрового общества. Его проявления – от систематических оскорблений, унижений, распространения ложной информации и компрометирующих материалов до прямых угроз расправы – наносят глубокие психологические травмы жертвам, нередко приводя к тяжелейшим последствиям.

Для того чтобы понимать, что такое кибербуллинг, необходимо раскрыть определение самого буллинга. Согласно словарю терминов «Профилактика буллинга в школе от А до Я» под буллингом понимаются «повторяющиеся акты различных видов насилия и издевательств со стороны одного лица или группы лиц в отношении индивида, который не может себя защитить. Сознательно планируемое продолжающееся во времени физическое и (или) психологическое насилие, прекращение которого требует вмешательства третьих лиц – директора, учителей, других работников школы, учеников, родителей, а иногда и представителей правоохранительных органов» [6]. Авторы подчеркивают, что сотрудники правоохранительных органов уполномочены разбираться с данной проблемой и играют ключевую роль в пресечении случаев буллинга, переходящих в административные правонарушения или преступления. Именно их профилактическая работа и взаимодействие с учебными учреждениями способствуют предотвращению агрессивного, одинокого поведения среди подростков.

[1] © Токарева П. М., 2026.

Итак, под кибербуллингом следует понимать умышленные, повторяющиеся и враждебные действия, совершаемые индивидами или группами с использованием электронных форм контакта (социальных сетей, мессенджеров, форумов, игровых платформ) с целью причинения вреда, запугивания или социальной изоляции жертвы.

Стоит отметить, что особенности интернет-среды – анонимность, мгновенность распространения информации, постоянный и повсеместный доступ, вирусный эффект – многократно усиливают травмирующее воздействие на пострадавшего и усложняют процедуры защиты. Из вышеперечисленных особенностей, характерных для интернет-пространства, вытекает необходимость формирования эффективного правового механизма противодействия данному явлению. В российской правовой системе ключевую роль в оперативном реагировании на подобные правонарушения, не достигающие уровня уголовно-наказуемых деяний, играют административно-правовые меры. Данная статья рассматривает комплекс административно-правовых средств, направленных на предупреждение, пресечение и наказание за акты кибербуллинга в контексте действующего российского законодательства.

Правовое регулирование отношений в сети Интернет, включая противодействие оскорблениям и травли личности человека, в России осуществляется комплексом нормативных правовых актов. Фундаментальные принципы закреплены в Конституции Российской Федерации, гарантирующей право каждого на охрану достоинства личности (ст. 21), на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23), а также на свободу мысли и слова с сопутствующими запретами на пропаганду и агитацию, возбуждающие социальную рознь (ст. 29) [1]. Базовым цифровым законом является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который устанавливает, в частности, обязанность владельцев сайтов и информационных ресурсов ограничивать доступ к информации, распространение которой запрещено [3].

Однако центральное место в контексте административно-правового противодействия буллингу занимает Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ). Именно он содержит составы правонарушений, позволяющие привлекать к ответственности виновных в совершении действий, образующих кибербуллинг. Важно отметить, что прямого термина «буллинг» или «кибербуллинг» в КоАП РФ нет. Поэтому правоприменительная практика формируется через применение статей, описывающих отдельные действия, составляющие суть травли в сети: оскорбление, клевету, преследование и угрозы.

Анализ позволяет выделить несколько ключевых статей КоАП РФ, которые становятся правовым инструментом в руках потерпевших и правоохранительных органов:

– оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ) – наиболее часто встречающийся состав в практике кибербуллинга. Данная статья определяет оскорбление как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Поскольку коммуникация в интернете преимущественно текстовая с включением изображения и видео, судам и правоохранителям приходится квалифицировать,

является ли конкретное высказывание или мем неприличной формой. Публичность оскорбления, т. е. его распространение в сети, является квалифицирующим признаком и влечет более строгое наказание. Доказательством здесь выступают скриншоты переписки, посты в социальных сетях, комментарии;

– нарушение законодательства о персональных данных (ст. 13.11 КоАП РФ). Кибербуллинг зачастую сопряжен с распространением личной информации о жертве без ее согласия. Это может быть публикация адреса, телефона, фотографий из частной жизни, переписки, сведений о здоровье;

– мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ). Хотя традиционно ассоциируется с публичным физическим пространством, ч. 1 данной статьи («нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу») может быть применена к действиям в сети, если они носят демонстративно-циничный характер. Например, создание фиктивных аккаунтов или групп с целью жестокого троллинга и травли, сопровождающееся нецензурной бранью.

Привлечение к административной ответственности за кибербуллинг инициируется, как правило, по заявлению потерпевшего или его законного представителей (в случае несовершеннолетних). Правоохранительным органом, уполномоченным рассматривать большинство таких дел, являются органы внутренних дел (полиция). Процессуальный порядок регламентирован разд. 4 КоАП РФ. Ключевой проблемой на этапе возбуждения дела является установление личности нарушителя в условиях анонимности сети. Здесь на помощь приходят положения ФЗ № 149, обязывающие организаторов распространения информации в сети Интернет (социальные сети, мессенджеры) хранить данные о фактах приема, передачи и обработки голосовой информации, письменных текстов, изображений в течении шести месяцев и предоставлять их уполномоченным государственным органам по мотивированному запросу (ст. 10.1). Это позволяет, при наличии оснований, идентифицировать владельца аккаунта или IP-адреса.

Еще одним важным административно-правовым инструментом является блокировка контента. Роскомнадзор как уполномоченный орган исполнительной власти в рамках Федерального закона от 27 февраля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» обладает полномочиями направлять предписания владельцам сайтов и хостинг-провайдерам о необходимости удаления противоправной информации. Если владелец ресурса не исполняет предписание, то доступ к странице или всему сайту может быть ограничен на территории Российской Федерации. Эта мера хотя и не является наказанием конкретного агрессора буллинга, но позволяет оперативно пресечь распространение травмирующего контента и минимизировать вред для жертвы.

Однако несмотря на наличие правовых механизмов, их эффективность в противодействии кибербуллингу сталкивается с рядом системных проблем:

– проблема доказательств и идентификации;
– квалификационная сложность;
– малозначительность наказания;
– фрагментационный характер законодательства.

В связи с этими проблемами стоит сделать вывод о том, что необходимо совершенствование механизмов оперативного удаления контента и сотрудничества с провайдерами и владельцами платформ. Важным направлением является развитие административно-профилактической работы: обязательное внедрение образовательных программ по цифровой гигиене и правовой грамотности в школах и колледжах, повышение осведомленности педагогов и родителей о механизмах защиты, создание и популяризация удобных каналов для быстрого реагирования и психологической помощи.

Таким образом, административно-правовые меры противодействия буллингу в сети Интернет в Российской Федерации представлены комплексом норм, позволяющих привлекать к ответственности за оскорбление, нарушение приватности персональных данных и иные действия, составляющие кибертравлю. Нормативная база, представленная в первую очередь КоАП РФ и профильными федеральными законами, формирует необходимые основы для защиты личности в цифровой среде. Ключевую процессуальную роль играют органы внутренних дел и Роскомнадзор, обладающие полномочиями по устранению нарушителей, привлечению их к ответственности и блокировке противоправного контента.

Однако текущее регулирование носит реактивный и фрагментарный характер, сталкиваясь с проблемами индентификации, квалификации и превентивности наказаний. Эффективная борьба с кибербуллингом требует не только совершенствования законодательства через возможную специализацию составов правонарушений, но и комплексного подхода, сочетающего юридические механизмы с активной профилактикой, образованием и развитием институтов медиации. Только интеграция административно-правовых инструментов в общую систему цифровой безопасности и воспитания культуры общения в интернете может создать устойчивый барьер против этого деструктивного социального явления.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ в редакции на 2026 г. // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 27 февраля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Свириденко Е. И., Назаров М. С. Словарь терминов «Профилактика буллинга в школе от А до Я». Владивосток, 2023.

6. Назарова И. С., Шеншина Л. А. Проблемы правовой регламентации ответственности за кибебуллинг в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 51–54.

Токолов А. В.[1]*,*
доцент кафедры
противодействия преступлениям в сфере
информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Акселерация развития информационных технологий в XXI в. выводит на первый план проблему значительного отставания правового регулирования в сфере искусственного интеллекта (далее – ИИ). Законодатель, фокусируясь на технологическом прогрессе, уделил недостаточное внимание как регламентации процессов разработки и внедрения ИИ, так и крайне актуальному вопросу о правовом статусе результатов интеллектуальной деятельности, генерируемых такими системами. Способность современных нейросетей (например, Midjourney, ChatGPT) создавать конкурентоспособные текстовые и визуальные продукты уже трансформирует ряд профессиональных областей, порождая общественный резонанс и настоятельную потребность в формировании адекватной правовой базы.

Ключевыми юридическими аспектами, требующими скорейшего разрешения, становятся: определение правовой природы ИИ, вопрос о его потенциальной правосубъектности, механизмы возложения ответственности за причинение вреда, а также урегулирование вопросов авторского права на создаваемые им объекты.

Отправной точкой для регулирования является легальное определение понятия. В российском праве оно закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, где ИИ рассматривается как «комплекс технологических решений», имитирующий когнитивные функции человека. Однако данная формулировка, будучи воспроизведенной в ограниченном числе документов, признается многими исследователями недостаточно релевантной и не отражающей всей специфики явления.

В научной доктрине предлагаются более емкие подходы. Например, П. М. Морхардт, выделяя такие признаки ИИ, как самообучение, генерация рассуждений, целеполагание и самоадаптация, определяет его как «полностью или частично автономную самоорганизующую… систему.., наделенную программно-синтезированными способностями и возможностями». Близкое по сути, но более лаконичное определение содержится в законодательстве Японии, акцентирующем внимание на реализации функций «обучения, умозаключения

[1] © Токолов А. В., 2026.

и суждения» с помощью искусственных средств. Подобный комплексный подход представляется плодотворным для формирования будущих правовых норм.

Центральным камнем преткновения является вопрос о признании за ИИ элементов правосубъектности. Идея создания статуса «электронного лица», выдвигавшаяся, в частности, Комиссией Европейского парламента по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники (2016), наталкивается на фундаментальное препятствие – отсутствие у ИИ собственной воли в правовом понимании. Как справедливо отмечает О. В. Лазарева, воля представляет собой механизм регуляции поведения дееспособного субъекта, ориентированный на удовлетворение потребностей. Современный ИИ действует в рамках алгоритмических рамок и целеполагания, заданных оператором, не обладая автономной волей и сознанием. Следовательно, в ближайшей перспективе обсуждать наделение ИИ полной правосубъектностью преждевременно.

Отсутствие четкого правового статуса ИИ порождает комплекс взаимосвязанных проблем в сфере интеллектуальной собственности:

1. Проблема творческого вклада и авторства. Согласно ст. 1257 ГК РФ автором признается исключительно физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение. Деятельность ИИ, как указывает Д. Н. Мачанов, основана не на эмоциях и чувствах, а на обработке и комбинации существующих данных, что ставит под сомнение наличие творческого вклада в традиционном смысле. Это создает правовой вакуум в отношении принадлежности прав на такие объекты.

2. Проблема алгоритмического плагиата. Поскольку нейросети обучаются на массивах существующих произведений, их результат может содержать заимствованные элементы. Квалификация плагиата затруднена, так как ИИ не является субъектом права, а оператор или разработчик могут не иметь прямого умысла на нарушение. Данный вопрос требует создания специальных ограничений и исключений в законодательстве.

2. Проблема деликтоспособности. В случае причинения вреда или нарушения прав третьих лиц (например, авторских) деятельностью ИИ возникает сложный вопрос о распределении ответственности между разработчиком, оператором и владельцем системы, поскольку сам ИИ не может нести ее в силу отсутствия правосубъектности.

Для преодоления указанных коллизий в доктрине предлагаются различные модели регулирования прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с помощью ИИ. П. М. Морхардт, в частности, выделяет:

- машиноцентрическую концепцию (ИИ как субъект права);
- концепцию гибридного авторства (соавторство человека и ИИ);
- концепцию служебного произведения (ИИ как «работник»);
- антропоцентрическую концепцию (ИИ как инструмент в руках человека);
- концепцию «исчезающего авторства» для сложных случаев.

На текущем этапе наиболее прагматичными представляются антропоцентрическая модель или адаптированная модель служебного произведения, где права закрепляются за физическим или юридическим лицом, инициировавшим и контролировавшим процесс создания.

Правовой вакуум в сфере регулирования ИИ, особенно в части создания объектов интеллектуальной собственности, представляет собой существенный риск для стабильности правоотношений. Ключом к решению заявленных проблем является первичное определение правового статуса ИИ, что позволит последовательно урегулировать вопросы авторства, ответственности и допустимости использования охраняемого контента. Как отмечено в Концепции регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники до 2024 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации № 2129-р), требуется углубленная проработка вопросов творческого вклада и охраны результатов, созданных с применением современных технологий. Без оперативного реагирования законодателя риски нарушения прав авторов и правовая неопределенность будут лишь возрастать.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Базовый закон Японии от 14 декабря 2016 г. № 103 «Об улучшении использования данных публичного и частного секторов» // Basic Act on the Advancement of Public and Private Sector Data Utilization № 103 of December 14, 2016. URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp.

5. Электронный ресурс. URL: https://old.bigenc.ru/technology_and_technique/text/4114009/.

6. Haskins A., Arora S., Nilawar U. Impact of Artificial Intelligence on Indian Real Estate: Transformation Ahead [Влияние искусственного интеллекта на индийскую недвижимость: доминирующая трансформация] // Colliers radar Property Research (India). 05.10.2017. 13 p. P. 4.

7. Лазарева О. В. Понятие и структура воли: правовой аспект // Вестник СГЮА. 2019. С. 42. № 4 (129). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-voli-pravovoy-aspekt.

8. Мачанов Д. Н. Критерии творческой деятельности или вклада объектов авторского права, созданных искусственным интеллектом // Образование и право. 2020. № 2. С. 334. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-tvorcheskoy-deyatelnosti-ili-vklada-obektov-avtorskogo-prava-sozdannyh-iskusstvennym-intellektom.

9. Морхарт П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: Гражданско-правовые проблемы : дис. … д-ра юрид. наук 12.00.03 / Морхарт П. М. Москва, 2018.

10. Большая российская энциклопедия : в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017.

Трущенкова И. Г.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры огневой подготовки
учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МИГРАЦИОННОГО УЧЕТА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современных условиях глобализации и динамичного развития трансграничных перемещений населения вопросы миграционного учета приобретают стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации. Являясь ключевым инструментом миграционной политики, система учета иностранных граждан и лиц без гражданства в настоящее время проходит этап глубокой качественной трансформации, обусловленной масштабным внедрением цифровых технологий в деятельность органов государственной власти. Традиционные (бумажные) методы регистрации и контроля миграционных потоков уже не отвечают требованиям оперативности и точности, необходимым для эффективного реагирования на современные проблемы, такие как нелегальная миграция и этническая преступность. В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы [1], приоритетным направлением признается создание единой информационной инфраструктуры, способной аккумулировать полные и достоверные сведения о перемещениях иностранных граждан в режиме реального времени. Переход к цифровым моделям администрирования позволяет рассматривать миграционный учет не просто как формальную бюрократическую процедуру, но как высокотехнологичный институт информационного обеспечения государственного управления. Внедрение электронных реестров, использование биометрической идентификации и формирование цифровых профилей иностранных граждан становятся фундаментальными факторами, позволяющими минимизировать влияние человеческого фактора, исключить коррупционные риски и перевести государственный контроль на качественно новый уровень отслеживания. Таким образом, анализ влияния цифровой трансформации на эффективность надзорной деятельности государства в миграционной сфере представляется необходимым для понимания дальнейшего направления развития правоприменительной практики в России [2, с. 8].

Миграционный учет в современной системе государственного управления представляет собой не просто техническую процедуру фиксации перемещений иностранных граждан, а выступает базовым инструментом реализации суверенной правоохранительной функции государства. Его сущность как формы

[1] © Трущенкова И. Г., 2026.

государственного контроля заключается в установлении четкого административно-правового режима, позволяющего государству в любой момент времени обладать достоверной информацией о правовом статусе, местонахождении и виде деятельности каждого иностранного субъекта на своей территории [3, с. 119]. В рамках данной системы информационное обеспечение и контроль образуют неразрывное единство: качественное управление миграционными процессами невозможно без полноты данных, в то время как сами данные собираются прежде всего для обеспечения национальной безопасности и соблюдения правопорядка. В классическом понимании миграционный учет выполняет роль превентивного механизма, позволяющего своевременно выявлять лиц, нарушающих сроки пребывания или занимающихся незаконной трудовой деятельностью. Однако в условиях усложнения социальных связей и роста миграционных потоков контрольная функция учета трансформируется из пассивного наблюдения в систему активного мониторинга. Это означает, что государство переходит от стратегии реагирования на уже совершенные правонарушения к стратегии их предотвращения через создание единого информационного поля. Таким образом, институциональное значение миграционного учета в системе госконтроля определяется его способностью минимизировать риски нелегального нахождения граждан на территории страны, обеспечивать прозрачность рынка труда и создавать необходимую доказательную базу для применения мер административного принуждения в случае нарушения установленных правил. Эффективность этого контроля напрямую связана с качеством информационных ресурсов, что и обусловливает объективную необходимость глубокой цифровой перестройки всей учетной системы.

Практическая реализация цифровой трансформации миграционного учета в России на современном этапе находит свое отражение в создании масштабной информационной экосистемы, интегрирующей разрозненные ведомственные базы данных в единую аналитическую систему. Центральным элементом этой системы выступает формирование единого цифрового профиля иностранного гражданина, который объединяет в себе не только анкетные данные и сведения о пересечении границы, но и уникальные биометрические показатели, историю трудовой деятельности и сведения о привлечении к административной или уголовной ответственности. Важнейшим направлением преобразований стало внедрение специализированных электронных реестров, в частности, реестра работодателей и иностранных работников, что позволяет трансформировать контроль за трудовой миграцией в автоматизированное подтверждение законности найма [4]. Цифровизация процессов межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) обеспечила мгновенный обмен данными между МВД, Федеральной налоговой службой, Социальным фондом и другими ведомствами, исключая необходимость бумажных запросов и многократно ускоряя проверку легальности пребывания лица в стране. Особое место в этой структуре занимает развитие сервисов на базе единого портала государственных услуг, которые позволяют иностранным гражданам и принимающей стороне подавать уведомления о прибытии в электронном виде. Это не только снижает административную нагрузку и устраняет очереди в территориальных органах, но и обеспечи-

вает возможность оперативного мониторинга адресности миграционных потоков. Таким образом, цифровая трансформация сегодня выражается в переходе от фрагментарных учетных действий к созданию сквозной системы умного контроля, где каждый этап жизненного цикла мигранта на территории России фиксируется в цифровом виде, обеспечивая беспрецедентный уровень прозрачности и управляемости процессов [5].

Ключевым фактором повышения эффективности государственного контроля в условиях цифровизации становится переход от фрагментарных проверок к режиму непрерывного дистанционного мониторинга миграционной ситуации. Внедрение передовых ИТ-решений позволяет кардинально изменить скорость и качество оперативно-служебной деятельности: использование сотрудниками правоохранительных органов мобильных терминалов с доступом к централизованным базам данных обеспечивает мгновенную идентификацию личности и проверку законности нахождения гражданина на территории страны непосредственно в месте проведения контроля. Особое значение имеет автоматизация механизмов выявления правонарушений, таких как «резиновые» квартиры и адреса массовой регистрации. Современные алгоритмы позволяют в автоматическом режиме сопоставлять площадь жилых помещений с количеством зарегистрированных в них лиц, что дает возможность пресекать фиктивный учет еще на стадии подачи уведомления. Кроме того, цифровые инструменты практически полностью исключают риск использования поддельных документов на бумажных носителях, так как юридическую силу приобретает запись в электронном реестре, а не физический бланк. Важным аспектом эффективности выступает применение технологий анализа больших данных, которые способны самостоятельно выявлять группы риска, прогнозировать потенциальные очаги нелегальной занятости и фокусировать внимание надзорных органов на наиболее проблемных участках. Таким образом, цифровизация минимизирует влияние субъективного фактора и коррупционных рисков, обеспечивая беспристрастность контроля и создавая условия, при которых нелегальное пребывание в стране становится экономически и технически затруднительным процессом.

Несмотря на очевидные преимущества, процесс цифровой трансформации миграционного учета сопряжен с рядом серьезных системных проблем, которые могут ограничивать эффективность государственного контроля. Одной из наиболее острых проблем является обеспечение кибербезопасности и защиты колоссальных массивов персональных данных, включая биометрическую информацию. Концентрация столь чувствительных сведений в единых цифровых хранилищах кратно повышает риски их утечки или несанкционированного доступа, что создает угрозу не только частной жизни граждан, но и национальной безопасности в целом. Вместе с этим сохраняется проблема технологического неравенства и неоднородности цифровой инфраструктуры в различных регионах России: если в крупных мегаполисах системы работают бесперебойно, то в отдаленных субъектах технические сбои и отсутствие высокоскоростных каналов связи могут приводить к задержкам в обновлении баз данных, создавая информационные разрывы в системе контроля. Не менее важным остается вопрос правового регулирования, поскольку скорость внедрения технологических

инноваций зачастую опережает темпы нормотворчества, в результате чего возникают ситуации правовой неопределенности при использовании новых цифровых инструментов. Также стоит учитывать риск цифрового отчуждения части иностранных граждан, не обладающих достаточным уровнем цифровой грамотности или доступом к необходимым устройствам, что может побуждать их к нелегальному положению. Наконец, существует проблема дефицита квалифицированных кадров в правоохранительных органах, способных не только эффективно работать с современными ИТ-системами, но и проводить глубокий аналитический мониторинг миграционных рисков. Таким образом, для достижения максимального эффекта от цифровой трансформации государству необходимо не только наращивать технологическую мощь, но и параллельно совершенствовать законодательную базу и обеспечивать системную подготовку специалистов.

Подводя итоги, хочется отметить, что цифровая трансформация миграционного учета в Российской Федерации представляет собой не просто техническое обновление ведомственных информационных систем, а фундаментальный переход к новой парадигме государственного управления. В современных условиях эффективность учета в миграционной сфере неразрывно связана со способностью государства обеспечивать полноту, достоверность и оперативность обработки данных в режиме реального времени. Внедрение таких инструментов, как цифровой профиль иностранного гражданина, биометрическая идентификация и автоматизированные реестры, позволяет трансформировать миграционный учет из пассивного механизма фиксации фактов в активную систему упреждающего мониторинга. Это создает условия для формирования открытой миграционной среды, где минимизируется влияние человеческого фактора и устраняются возможности для коррупционных злоупотреблений. В то же время достижение максимальной эффективности цифрового контроля требует комплексного подхода, сочетающего в себе технологическое развитие с совершенствованием нормативно-правовой базы, обеспечением высочайшего уровня кибербезопасности и развитием цифровых компетенций сотрудников государственных органов. Дальнейшая интеграция информационных ресурсов и расширение межведомственного взаимодействия станут ключевыми факторами, позволяющими российскому государству оперативно реагировать на глобальные проблемы в сфере миграционных отношений, обеспечивая при этом баланс между открытостью экономики и требованиями национальной безопасности. Таким образом, цифровизация миграционного учета выступает не только симулятором управленческой эффективности, но и необходимым условием построения современной, защищенной и предсказуемой миграционной системы.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055.

2. Никиенко К. Г. Проблемы миграционного учета иностранных граждан по месту жительства и пребывания // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 6. С. 8.

3. Попова С. М. Цифровизация миграционной сферы в России: состояние и перспективы // Право и политика. 2021. № 9. С. 118–132.

4. Полещук В. В. Цифровизация миграционного контроля как фактор повышения эффективности миграционной политики // Молодой ученый. 2024. № 5 (608). URL: https://moluch.ru/archive/608/133279.

5. Цифровой контроль мигрантов: как подготовиться к новым правилам в 2025 году // Atlas-Projects. 2024. URL: https://atlas-projects.ru/tpost/ragytanti1-tsifrovoi-kontrol-migrantov-kakpodgotov/.

Туркина Н. Ю.[1]*,*
преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 20.5.1 КОАП РФ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Введение в действие ст. 20.5.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), предусматривающей ответственность за нарушение режима военного положения, стало значимым этапом в развитии законодательства об особых правовых режимах. Появление данной нормы в 2023 г. было обусловлено необходимостью обеспечения установленного порядка управления на территориях, где военное положение введено в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». Санкция статьи предусматривает для граждан наказание в виде административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей либо административный арест на срок до тридцати суток, что свидетельствует о законодательном отнесении данного деяния к категории правонарушений, посягающих на институты государственной власти и общественный порядок. Однако несмотря на очевидную значимость данного состава для обеспечения безопасности государства в условиях внешних угроз, практика реализации ст. 20.5.1 КоАП РФ в деятельности органов внутренних дел (полиции) сталкивается с рядом серьезных административно-правовых проблем, требующих глубокого научного осмысления и выработки практических рекомендаций.

Прежде всего, следует констатировать, что правовая природа ст. 20.5.1 КоАП РФ предопределяет особый характер полномочий полиции по ее применению. Как справедливо отмечает А. Б. Агапов, административная ответственность за нарушения особых правовых режимов всегда сопряжена с необходимостью оперативного реагирования и применения мер государственного принуждения в условиях, когда обычный правовой порядок может быть изменен или ограничен [1, с. 251]. В этой связи деятельность полиции по выявлению и пресечению правонарушений, предусмотренных ст. 20.5.1 КоАП РФ, должна рассматриваться как приоритетное направление обеспечения режима военного положения. Однако анализ компетенции органов внутренних дел позволяет выявить определенную несогласованность между общими полномочиями полиции, закрепленными в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», и специальными задачами, возникающими в связи с введением военного положения. Как подчеркивают некоторые авторы, законодательство о полиции традиционно ориентировано на деятельность в условиях обычной, а не чрезвычайной ситуации, что создает определенные сложности при квалификации действий, нарушающих требования режима военного положения [2, с. 69].

---

[1] © Туркина Н. Ю., 2026.

Существенной проблемой применения ст. 20.5.1 КоАП РФ является бланкетный характер ее диспозиции, что предполагает необходимость обращения к значительному массиву нормативных правовых актов, определяющих содержание режима военного положения. Указ Президента Российской Федерации о введении военного положения, а также принимаемые в его развитие нормативные акты федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации могут устанавливать различные по своему характеру ограничения и запреты.

Особую озабоченность вызывает проблема разграничения компетенции полиции и иных органов государственной власти при применении ст. 20.5.1 КоАП РФ. Федеральным законом от 11 июля 2024 г. № 192-ФЗ были внесены существенные изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, направленные на устранение дублирования полномочий полиции и контрольных (надзорных) органов. Из компетенции органов внутренних дел был исключен целый ряд составов в области охраны собственности, окружающей среды, предпринимательской деятельности и против порядка управления. Хотя указанные изменения непосредственно не затронули ст. 20.5.1 КоАП РФ, они свидетельствуют об общей тенденции законодателя к ограничению юрисдикции полиции в пользу специализированных органов. Представляется, что в условиях военного положения такая специализация может быть не только нецелесообразной, но и опасной, поскольку именно полиция обладает наиболее разветвленной сетью территориальных органов и возможностью оперативного реагирования на правонарушения. Как верно отмечается в научной литературе, органы внутренних дел являются универсальным субъектом административной юрисдикции, что особенно важно в экстраординарных ситуациях, когда создание или активизация деятельности специальных контрольных органов затруднена или невозможна [3, с. 106].

Не менее значимой представляется проблема процессуального обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.5.1 КоАП РФ. В соответствии с действующим законодательством сотрудники полиции наделены правом применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, включая доставление и административное задержание. Однако, как справедливо указывается в юридической литературе, применение указанных мер в условиях военного положения требует особой регламентации [4, с. 129]. Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 31 января 2024 г. № 25-О подчеркнул, что полиция не вправе ограничивать свободу лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в каких-либо иных формах помимо предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Данная правовая позиция приобретает особое значение в контексте ст. 20.5.1 КоАП РФ, поскольку санкция указанной статьи предусматривает административный арест, что предполагает необходимость особо тщательного соблюдения процессуальных гарантий прав лица, привлекаемого к ответственности. Вместе с тем, как показывает анализ практики, имен-

но соблюдение процессуальных прав граждан в условиях особых правовых режимов вызывает наибольшие сложности у сотрудников полиции.

Существенной проблемой является также доказывание субъективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.5.1 КоАП РФ. Учитывая, что режим военного положения может вводиться как на всей территории Российской Федерации, так и в отдельных ее местностях, важное значение приобретает вопрос о том, должно ли лицо осознавать противоправность своих действий. Принцип презумпции знания закона действует и в условиях особых правовых режимов, однако введение значительного количества дополнительных ограничений и запретов может создавать ситуацию, при которой добросовестное заблуждение лица относительно правомерности своего поведения становится вполне реальным. В этой связи представляется обоснованным предложение о необходимости широкого информирования населения о содержании ограничений, вводимых в связи с военным положением, а также о мерах административной ответственности за их нарушение.

Нельзя не обратить внимание и на проблему территориальной подсудности дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.5.1 КоАП РФ. В соответствии с общими правилами, дела об административных правонарушениях рассматриваются по месту их совершения. Однако в условиях военного положения, когда значительная часть территории может быть зоной активных боевых действий или приближенной к ним, обеспечение нормального функционирования судебной системы и явки лиц, привлекаемых к ответственности, может быть затруднено.

Значительные трудности в деятельности полиции связаны также с фиксацией доказательств по делам о нарушении режима военного положения. Традиционные средства доказывания (объяснения свидетелей, протоколы осмотра) могут быть недостаточно эффективны в условиях, когда правонарушение совершается в зоне боевых действий или на территории, где сохраняется реальная угроза жизни и здоровью участников производства по делу. В таких ситуациях особое значение приобретает применение технических средств фиксации, включая средства фото- и видеосъемки, однако законодательство об административных правонарушениях не в полной мере регламентирует порядок их использования при документировании правонарушений, связанных с особыми правовыми режимами.

Особую озабоченность вызывает проблема обеспечения прав потерпевших по делам о нарушениях режима военного положения. Статья 20.5.1 КоАП РФ сконструирована таким образом, что непосредственным объектом посягательства выступает установленный порядок управления, а не права конкретных граждан или организаций. Вместе с тем нарушение режима военного положения может причинять реальный вред как отдельным лицам, так и обществу в целом. В действующем законодательстве механизм возмещения такого вреда в рамках производства по делу об административном правонарушении отсутствует, что требует дополнительного правового регулирования.

Следует также обратить внимание на проблему взаимодействия полиции с органами военного управления при применении ст. 20.5.1 КоАП РФ. В усло-

виях военного положения значительная часть властных полномочий может переходить к военным властям, что требует четкого разграничения компетенции между ними и органами внутренних дел. Действующее законодательство не содержит ясных процедур такого взаимодействия, что создает риск либо дублирования функций, либо, напротив, отсутствия необходимого реагирования на правонарушения. Как показывает исторический опыт, эффективное обеспечение особых правовых режимов возможно лишь при условии четкой координации всех правоохранительных и военных структур.

В заключение следует отметить, что эффективность применения ст. 20.5.1 КоАП РФ в деятельности полиции зависит от решения целого комплекса административно-правовых проблем, включая совершенствование нормативной правовой базы, повышение квалификации сотрудников, обеспечение процессуальных гарантий прав граждан, а также координацию деятельности различных органов государственной власти. Только комплексный подход к решению указанных проблем позволит обеспечить неукоснительное соблюдение режима военного положения при одновременном гарантировании прав и законных интересов граждан и организаций. Дальнейшие научные исследования в этой области должны быть направлены на выработку конкретных рекомендаций по совершенствованию как материальных, так и процессуальных норм административного права, регламентирующих ответственность за нарушение особых правовых режимов и деятельность полиции по их обеспечению.

Список литературы

1. Агапов А. Б. Административная ответственность : учебник. 10-е изд., исп. и доп. М. : Юрайт, 2024.

2. Майдыков А. Ф., Мелехин А. В. Проблемы обеспечения эффективных действий полиции при участии в обеспечении режима чрезвычайного положения // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 1 (21). С. 68–72.

3. Головко В. В. Административно-юрисдикционная деятельность: вопросы понятия и содержания // Правоприменение. 2018. № 1. С. 104–113.

4. Шурухнова Д. Н., Комовкина Л. С. Реализация мер административного принуждения в рамках режима военного положения // Вестник экономической безопасности. 2025. № 4. С. 128–133.

Тюрина П. А.[1]*,*
курсант
Института-факультета
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Амельчакова В. Н.,
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «РАСПОРЯЖЕНИЕ» И «ТРЕБОВАНИЕ» СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

В условиях укрепления правового государства и повышения требований к законности правоохранительной деятельности особую актуальность приобретает четкое разграничение понятий, лежащих в основе взаимодействия гражданина и сотрудника полиции. Среди них центральное место занимают такие категории, как «требование» и «распоряжение», а также связанные с ними составы административных правонарушений – неповиновение и воспрепятствование. На практике эти понятия нередко смешиваются, что приводит к ошибкам в квалификации, нарушению прав граждан и снижению доверия к правоохранительным органам [5].

Настоящая статья направлена на системное разъяснение юридической природы требования сотрудника полиции, выделение распоряжения как его наиболее строгой формы [4], а также на анализ различий между неповиновением законному распоряжению (ст. 19.3 КоАП РФ) и воспрепятствованием профессиональной деятельности (ст. 19.3.1 КоАП РФ). Актуальность темы обусловлена недавними изменениями в законодательстве, вступившими в силу в 2024 г., которые впервые разделили эти составы, а также многочисленными случаями необоснованного привлечения граждан к ответственности из-за отсутствия ясности в терминологии и процедурах.

Цель публикации – способствовать повышению правовой грамотности как граждан, так и сотрудников полиции, обеспечить баланс между необходимостью поддержания общественного порядка и защитой конституционных прав личности.

Требование сотрудника полиции представляет собой официальное распоряжение, обращенное к гражданину или организации, содержащее указание на совершение или воздержание от определенных действий в целях обеспечения общественного порядка, безопасности, предотвращения преступлений или ад-

[1] © Тюрина П. А., 2026.

министративных правонарушений. В отличие от рекомендаций или разъяснений, требование носит обязательный характер и основано на полномочиях, предоставленных сотруднику законом [2].

Правовую основу требований составляют нормы Федерального закона «О полиции», Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также иные нормативные акты, регулирующие деятельность правоохранительных органов. Статья 13 Федерального закона «О полиции» прямо наделяет сотрудников полиции правом «требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий», а также «принимать меры по пресечению административных правонарушений». Это позволяет рассматривать требование как элемент административно-правового принуждения, направленного на реализацию публичных интересов.

Важно подчеркнуть, что не всякое устное указание сотрудника полиции является юридически значимым требованием. Для того чтобы оно порождало правовые последствия, оно должно соответствовать критериям законности: исходить от уполномоченного лица, быть связано с исполнением служебных обязанностей, соответствовать форме и содержанию, установленным законом. Требование, вышедшее за пределы компетенции сотрудника или нарушающее права гражданина, не может служить основанием для привлечения к ответственности за неповиновение.

В зависимости от цели и содержания требования сотрудника полиции подразделяются на несколько видов. Наиболее распространенными являются распорядительные требования, которые содержат прямое указание на совершение конкретного действия – например, «покинуть помещение», «прекратить шум», «предъявить документы». Такие требования носят императивный характер и подлежат немедленному исполнению при условии их законности.

Предупредительные требования направлены на предотвращение возможных нарушений. Примером может служить фраза: «Прекратите вести себя агрессивно, иначе будете задержаны». Такие требования не обязывают к немедленному действию, но информируют о последствиях дальнейшего поведения. Они играют важную роль в деэскалации конфликтов и соблюдении принципа соразмерности применения мер принуждения.

Информационные требования связаны с получением сведений, необходимых для выполнения служебных задач: «Назовите ваше имя», «Поясните, что произошло». Хотя они формулируются как просьбы, в контексте служебной деятельности они приобретают обязательный характер, поскольку основаны на полномочиях, предоставленных ст. 13 закона «О полиции».

Разграничение этих видов имеет значение для квалификации поведения гражданина. Отказ от исполнения распорядительного требования чаще влечет административную ответственность, тогда как игнорирование информационного запроса может расцениваться как воспрепятствование, если оно препятствует выполнению служебных обязанностей.

Законность требования определяется совокупностью критериев. Во-первых, оно должно исходить от уполномоченного лица, находящегося при исполнении

служебных обязанностей. Требование, высказанное вне службы или без удостоверения личности, не обладает юридической силой.

Во-вторых, требование должно соответствовать компетенции сотрудника. Например, участковый уполномоченный не вправе требовать предоставления данных, относящихся к оперативно-разыскной деятельности, которая входит в полномочия других подразделений.

В-третьих, содержание требования должно быть четким, конкретным и соответствовать цели – обеспечению правопорядка. Расплывчатые формулировки вроде «веди себя нормально» не могут считаться законным требованием.

Наконец, требование должно соответствовать принципу пропорциональности: мера принуждения должна быть соразмерна угрозе. Требование разогнать мирную группу граждан без признаков нарушения порядка может быть признано незаконным [1].

Вследствие этого только требование, отвечающее всем указанным критериям, может служить основанием для привлечения к ответственности за неповиновение. Это позволяет защитить права граждан от произвольного вмешательства и обеспечить баланс между публичной безопасностью и личной свободой.

Распоряжение сотрудника полиции представляет собой особую форму требования, обладающую повышенной степенью формальности, четкостью и юридической значимостью. В отличие от устного указания или рекомендации, распоряжение носит официальный характер, часто оформляется в письменной форме или фиксируется в служебных документах (протоколах, рапортах), и содержит конкретные, исчерпывающие предписания, подлежащие обязательному исполнению.

С юридической точки зрения распоряжение – это акт применения норм права, направленный на реализацию полномочий сотрудника полиции в конкретной ситуации. Оно выступает как индивидуальный административный акт, адресованный определённому лицу или группе лиц, и создает для них правовые обязанности. Хотя в российском законодательстве термин «распоряжение» не всегда используется в прямом значении применительно к полиции, его содержание проявляется в таких действиях, как требование о прекращении массового мероприятия, приказ о задержании, указание о досмотре или направлении на медицинское освидетельствование.

Особенность распоряжения заключается в его обязательности и немедленности. Оно не предполагает обсуждения или согласования – гражданин обязан подчиниться без промедления, если распоряжение соответствует закону. При этом распоряжение всегда связано с конкретной служебной ситуацией: оно не может быть абстрактным или носить рекомендательный характер. Например, фраза «Вы обязаны покинуть данную территорию в течение пяти минут» является распоряжением, тогда как «Лучше бы вам уйти отсюда» – нет.

Основное различие между распоряжением и другими видами требований (предупредительными, информационными) заключается в степени юридической строгости и последствиях неисполнения. Распоряжение всегда содержит четкое предписание, нарушение которого напрямую влечет административную ответственность по ст. 19.3 КоАП РФ (неповиновение законному распоряже-

нию). В то же время игнорирование информационного запроса (например, отказ назвать имя) само по себе не образует состава неповиновения, но может квалифицироваться как воспрепятствование, если мешает выполнению служебных задач.

Еще одно отличие – форма выражения. Распоряжение, как правило, формулируется в повелительном наклонении, содержит конкретные действия, сроки и последствия. Оно часто сопровождается разъяснением прав и обязанностей. Другие виды требований могут быть выражены в форме вопроса или совета, что снижает их императивность.

Кроме того, распоряжение чаще всего связано с применением мер административного принуждения: задержанием, досмотром, доставлением. Именно в этих ситуациях сотрудник полиции выступает не как посредник, а как носитель публичной власти, чьи указания имеют силу закона.

Хотя закон не всегда требует письменного оформления распоряжения, его фиксация имеет важное значение для последующей правовой оценки. В идеале распоряжение должно быть зафиксировано в протоколе, рапорте или видеозаписи, чтобы подтвердить его содержание, время, место и обстоятельства. Это особенно актуально в спорных ситуациях, когда гражданин оспаривает законность требования.

Процессуально распоряжение должно сопровождаться разъяснением оснований и правовых последствий. Сотрудник полиции обязан сообщить, на каком основании он требует совершить то или иное действие, а также предупредить о возможной ответственности за отказ. Отсутствие таких разъяснений может свидетельствовать о нарушении процедуры и служить основанием для признания распоряжения незаконным.

Исполнение распоряжения должно происходить в рамках принципа соразмерности. Даже самое четкое распоряжение не может требовать от гражданина невозможного или нарушающего его конституционные права. Например, требование разблокировать телефон без решения суда выходит за пределы полномочий и не подлежит исполнению.

Итак, распоряжение – это наиболее строгая и формализованная форма требования, которая служит инструментом оперативного реагирования на угрозы правопорядку. Его законность определяется не только содержанием, но и соблюдением процессуальных гарантий, что позволяет защитить как интересы государства, так и права личности.

Статья 19.3 КоАП РФ устанавливает ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции в связи с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности. Объективная сторона данного состава предполагает активный отказ или уклонение от исполнения чёткого, конкретного и законного требования, адресованного гражданину в процессе служебной деятельности.

Ключевыми элементами состава являются:

– наличие законного требования, соответствующего критериям компетенции, формы и содержания;

– прямая связь требования с охраной общественного порядка или безопасностью;

– умышленная форма вины – гражданин осознает обязательность требования, но сознательно отказывается его выполнять.

Важно, что само по себе молчание, пассивное поведение или несогласие не образуют состава неповиновения. Необходим именно активный отказ: фразы вроде «не подчинюсь», действия по игнорированию указаний, физическое сопротивление. При этом если требование было незаконным (например, вышло за пределы полномочий), ответственность по ст. 19.3 исключается.

До вступления в силу изменений от 8 декабря 2023 г. ст. 19.3 КоАП РФ охватывала как неповиновение, так и воспрепятствование, что порождало путаницу в правоприменении. С 2024 г. введена новая ст. 19.3.1 КоАП РФ, которая отдельно регулирует воспрепятствование законной профессиональной деятельности сотрудника полиции [3].

Объективная сторона ст. 19.3.1 включает действия, которые создают препятствия для выполнения служебных обязанностей, даже если не было прямого требования. Примеры: отказ предоставить документы при проверке, умышленное отключение связи, создание шумовой завесы во время операции, распространение личных данных сотрудника с целью запугивания. В отличие от неповиновения, здесь не требуется наличия конкретного распоряжения – достаточно установить, что действия гражданина объективно мешали служебной деятельности.

Субъективная сторона также различается: при неповиновении необходим умысел на отказ от конкретного требования; при воспрепятствовании – умысел на создание помех вообще, независимо от наличия требования.

Анализ решений судов общей юрисдикции показывает, что наиболее частой ошибкой является квалификация по ст. 19.3 случаев, когда требование не было оформлено надлежащим образом. Например, в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 12-АД23 указано: если сотрудник не представился, не объяснил основания требования и не предупредил о последствиях, состав неповиновения отсутствует.

Другая типичная ошибка – подмена воспрепятствования неповиновением. Так, в деле № 12-145/2023 (Мосгорсуд) гражданин отказался разблокировать телефон при досмотре. Суд первой инстанции квалифицировал это как неповиновение, однако вышестоящая инстанция переквалифицировала на ст. 19.3.1, поскольку не было прямого требования, а лишь попытка получить доступ к устройству.

Ключевыми критериями разграничения, выработанными судебной практикой, являются:

– наличие четко сформулированного требования;

– соответствие требования закону;

– наличие или отсутствие активного отказа;

– характер действий – направлены ли они на игнорирование указания или на создание общих помех.

Вследствие этого правильная квалификация требует тщательного анализа обстоятельств каждого случая. Это позволяет избежать произвольного привле-

чения к ответственности и обеспечить баланс между интересами правопорядка и защитой прав личности.

Итак, автором статьи проведено комплексное разграничение понятий «распоряжение» и «требование» сотрудника полиции, а также проанализированы различия между неповиновением законным требованиям и воспрепятствованием деятельности полиции. Показано, что требование – это широкое понятие, включающее распорядительные, предупредительные и информационные указания, тогда как распоряжение представляет собой наиболее формализованную и императивную форму требования, связанную с применением мер административного принуждения.

Установлено, что законность любого требования зависит от соблюдения критериев компетенции, формы, содержания и пропорциональности. Только при их выполнении требование приобретает юридическую силу и может служить основанием для привлечения к ответственности. Проанализированы составы административных правонарушений по ст. 19.3 КоАП РФ (неповиновение) и ст. 19.3.1 КоАП РФ (воспрепятствование): первая предполагает отказ подчиниться конкретному, четкому и законному распоряжению, вторая – действия, которые мешают выполнению служебных обязанностей, даже если не было прямого требования.

На основе анализа судебной практики выявлены типичные ошибки квалификации: подмена воспрепятствования неповиновением, привлечение к ответственности за отказ от неоформленного или незаконного требования, игнорирование процессуальных гарантий. Вследствие этого подчеркнута необходимость четкого разграничения этих составов для защиты прав граждан и обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (с изм. от 8 декабря 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 8 декабря 2023 г. № 507-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2022 г. № 5 «О практике применения судами законодательства об административной ответственности за нарушения в сфере общественного порядка и общественной безопасности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 6.

Фадеева И. В.[1],
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРОВЕРКИ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ И РАБОТНИКОВ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Антикоррупционная проверка сотрудников и работников системы МВД является неотъемлемой частью комплексной системы мер, направленных на противодействие коррупции и укрепление доверия общества к правоохранительным органам. Процедура проводится в соответствии с действующим законодательством и ведомственными нормативными актами, регламентирующими порядок выявления, предотвращения и пресечения коррупционных правонарушений.

Основная цель антикоррупционной проверки состоит в установлении факта нарушения сотрудниками или работниками органов внутренних дел законодательства о противодействии коррупции, служебной дисциплины, этических норм и правил. Проверка направлена на предупреждение возникновения коррупционных ситуаций, выявление признаков возможного злоупотребления служебным положением, получения незаконного вознаграждения или иного использования своего статуса в личных целях.

Обязательной частью системы противодействия коррупции в органах внутренних дел является профилактика, которая включает в себя комплекс мер, направленных на формирование у сотрудников антикоррупционного мировоззрения, повышение правовой культуры, разъяснение законодательства о противодействии коррупции, а также на создание условий, исключающих возможность совершения коррупционных нарушений. Это могут быть различные образовательные программы, семинары, инструктажи, а также ротация кадров на должностях, связанных с повышенным коррупционным риском.

Антикоррупционные проверки должны базироваться на принципах законности, объективности и всестороннего анализа, исключая предвзятость проверяющих. Ключевым требованием является соблюдение прав проверяемых лиц, включая право на защиту, дачу объяснений и конфиденциальность. Процедура обязана гарантировать полноту исследования всех обстоятельств без необоснованного вмешательства в их деятельность.

Сам процесс проверки регламентирован Положением, утвержденным Приказом МВД России № 663 [1], и представляет собой комплекс мероприятий от сбора данных до составления заключения. Основанием для проведения проверки является достаточная информация, представленная в письменном виде. Источником могут служить заявления или обращения граждан о возможном кор-

[1] © Фадеева И. В., 2026.

рупционном правонарушении, средства массовой информации, данные из правоохранительных или иных госорганов, результаты внутренних проверок кадровых служб, личное обращение сотрудника и т. д. Анонимные сообщения не подлежат рассмотрению, если они не позволяют определить состав правонарушения и не содержат данных о заявителе. Таким образом, изначально формируется база доказательств через изучение документов, информации из открытых источников, материалов по результатам оперативно-разыскной деятельности, экспертиз, а также опросы проверяемых и свидетелей. Основной фокус направлен на анализ доходов и расходов сотрудника, сведений об имуществе и имущественных обязательствах, в том числе на установление их достоверности и полноты, выявление конфликтов интересов и неправомерного обогащения.

Проведение проверки возложено на подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Решение о ее проведении оформляется в виде письменной резолюции, фиксирующей основание проверки. Категории лиц, полномочных принимать такое решение, указаны в п.5 указанного Положения. При этом если имеется достаточная информация о совершении коррупционных правонарушений несколькими сотрудниками, то в отношении каждого должна быть назначена самостоятельная проверка. Проведение одной проверки в отношении нескольких сотрудников или работников не допускается.

Общий срок проверки составляет 60 дней (может быть продлен до 90 дней) со дня принятия решения. Периоды временной нетрудоспособности, отпуска, командировки или отсутствия сотрудника по иным уважительным причинам, подтвержденным справкой кадрового подразделения, не засчитываются в данный срок.

Основным этапом проведения антикоррупционной проверки, направленной на выявление несоответствий доходов и расходов, а также скрытых активов сотрудника и его семьи, является изучение документов, включающее анализ деклараций о доходах и имуществе, личного дела, служебных материалов, банковских данных, получаемых через соответствующие органы, для подтверждения законности их приобретения.

Проверка включает опрос сотрудника (с правом отказа от дачи показаний в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации) и свидетелей в целях уточнения деталей. Законом предусмотрено право сотрудника защищать свои интересы, давая письменные/устные объяснения, представляя доказательства и ходатайства. Кроме того, он может знакомиться с материалами дела (в той части, которая не затрагивает государственную, служебную тайну или интересы иных лиц), требовать проведения проверки своих объяснений с использованием полиграфа, обжаловать результаты проверки в вышестоящих инстанциях или в судебном порядке.

Антикоррупционные проверки сотрудников, при наличии оснований, включают проведение оперативно-разыскных мероприятий и экспертиз в целях скрытого выявления, фиксации и документирования фактов противоправного поведения, которые невозможно обнаружить в ходе обычной проверки, что позволяет получить необходимые доказательства в пользу их подтверждения или опровержения.

Объективность антикоррупционных проверок достигается через синергию различных служб, включая кадровые и юридические, а также внешнее взаимодействие с государственными органами и общественностью. Комплексный подход и строгое соблюдение правовых норм не только способствуют эффективному выявлению коррупции, но и гарантируют прозрачность и законность проводимых проверочных мероприятий.

Результативность антикоррупционных мер также повышается за счет интеграции современных технологий, в том числе специального программного обеспечения и различных сервисов, позволяющих автоматизировать работу с данными, включая поиск коррупционных рисков, в целях обеспечения прозрачности и оперативности выявления нарушений, а также принятия обоснованных решений.

По окончании проверки группа по профилактике коррупционных правонарушений составляет заключение, содержащее данные о запросах, итогах проверки сведений, мероприятиях, выводы и предложения, с которым она обязана ознакомить сотрудника не позднее пяти рабочих дней до предоставления доклада руководителю на утверждение.

Итоговым документом по результатам всей процедуры рассмотрения обстоятельств, связанных с совершением коррупционного правонарушения, является акт о наложении или об отказе о наложении на сотрудника взыскания. В акте в качестве основания указывается ст. 50.1 или 82.1 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ч. 6 ст. 51.1 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ) [2]. При определении конкретного вида взыскания следует учитывать наличие смягчающих или отягчающих обстоятельств.

Подтверждение коррупционного правонарушения влечет передачу материалов в следственные органы для возбуждения уголовного дела. Одновременно с этим или независимо от уголовного преследования к сотруднику применяется дисциплинарное взыскание в виде увольнения в связи с утратой доверия. В случае выявления нарушения служебной дисциплины, несоблюдения ограничений или запретов, применяются меры дисциплинарного воздействия (выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, увольнение). В случае неподтверждения фактов, проверка прекращается, и сотрудник продолжает службу.

Таким образом, антикоррупционные проверки сотрудников и работников органов внутренних дел способствуют раннему выявлению и пресечению нарушений коррупционной направленности, выступая, с одной стороны, как превентивная мера, позволяющая установить и предотвратить коррупционные риски в служебной деятельности, с другой – позволяют сформировать антикоррупционное поведение, повысить качество работы правоохранительных органов и минимизировать вероятность злоупотребления служебным положением. В конечном счете, успешная антикоррупционная работа в системе МВД – это залог прозрачности, высокого доверия граждан к полиции и эффективного обеспечения правопорядка.

Список литературы

1. Приказ МВД России от 31 октября 2024 г. № 663 «Об утверждении Положения о проведении проверки достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами Российской Федерации, претендующими на замещение должностей в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, федеральными государственными гражданскими служащими и работниками системы МВД России, и соблюдения ими требований к служебному поведению» // СПС «Консультант Плюс».

2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Федоров А. О.[1]*,*
курсант
Института психологии
служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Брунер Р. А.,
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОТКРЫТОСТЬ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Административное судопроизводство, ежедневно затрагивающее права и интересы миллионов граждан, представляет собой одну из наиболее динамичных и массовых сфер правоприменения. Его правовую основу составляют, прежде всего, Кодекс об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), которые детально регламентируют процедуру, включая принцип гласности. В центре данной системы находятся дела об административных правонарушениях, будь то нарушения правил дорожного движения, норм благоустройства, нарушения миграционного законодательства или общественного порядка. От того, как организовано и проводится рассмотрение дел, напрямую зависит не только эффективность правопорядка, но и восприятие государственной власти обществом в целом.

Принцип открытости, гласности рассмотрения дел, закрепленные в ст. 24.3 КоАП РФ и ст. 11 КАС РФ, выступает здесь не просто технической или процессуальной нормой, а фундаментальной гарантией справедливости, действенным инструментом формирования общественного правосознания и доверия к закону.

Сущность открытости в административном процессе многогранна. Прежде всего она означает, что любое заинтересованное лицо имеет реальную возможность присутствовать в зале судебного заседания или заседания иного уполномоченного органа. Данное прямое следствие нормы ч. 1 ст. 24.3 КоАП РФ, устанавливающей, что дела об административных правонарушениях подлежат открытому рассмотрению. Данное право также корреспондирует с конституционным принципом, закрепленным в ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации, провозглашающей гласность разбирательства дел во всех судах. Поэтому, анализируя данный вопрос, можно сказать, что это своего рода механизм

[1] © Федоров А. О., 2026.

общественного контроля, который дисциплинирует всех его участников – должностных лиц, рассматривающих дело, обязывает их к скрупулезному соблюдению процедуры, беспристрастности и уважительному отношению к личности привлекаемого, к ответственности; способствует более взвешенному поведению самих участников процесса. Публичность выступает как естественный противовес возможному бюрократическому равнодушию, предвзятости или злоупотреблению властью. Сам факт возможности публичного разбирательства повышает уровень процессуальной культуры и ответственности принимающих решения лиц [6].

Открытость не ограничивается физическим доступом в зал заседаний. В современном понимании это и обеспечение доступности информации о времени ни и месте рассмотрения дел, что регламентировано, например, ст. 14.1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и часто реализуется через официальные сайты судов и административных органов. Это и право участников процесса на получение копий процессуальных документов, основанное на ст. 29.1 КоАП РФ, и возможность фиксации хода процесса. В свою очередь, стоит отметить, что ч. 3 ст. 24.3 КоАП РФ прямо разрешает лицам, присутствующим на открытом рассмотрении дела, осуществлять письменную запись, а также аудиозапись, если это не создает помех. Однако фотосъемка, видеозапись, трансляция открытого рассмотрения дела об административном правонарушении по радио, телевидению и в Интернете допускаются только с разрешения судьи, органа, должностного лица, рассматривающих дело. Важнейшим аспектом является мотивированность принимаемых решений. Статья 29.10 КоАП РФ обязывает в постановлении по делу излагать обстоятельства, установленные при рассмотрении, доказательства, на которых основаны выводы, доводы лица, в отношении которого ведется производство, и результаты их оценки, а также нормы закона, примененные в данном случае. Такое мотивированное решение, изложенное ясным, понятным языком, исследованное в открытом заседании, – это логическое завершение принципа открытости. Оно становится доступным для проверки и обжалования в соответствии с гл.гл. 30 и 31 КоАП РФ.

Особое значение открытость приобретает в контексте защиты прав личности, что является одной из основных целей административного процесса, вытекающей из ст. 2 КоАП РФ. Административное преследование связано с ограничением прав и свобод человека, применением санкций, которые могут быть весьма неприятны. В этих условиях открытый процесс, гарантированный законом, обеспечивает минимум процессуальных гарантий для лица, привлекаемого к ответственности. Он позволяет ему публично, с применением всех прав, предоставленных ст. 25.1 КоАП РФ (право знакомиться с материалами дела, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью защитника), изложить свою позицию, чувствуя при этом, что его аргументы будут услышаны в присутствии независимых наблюдателей. Это укрепляет веру гражданина в то, что его дело рассмотрено объективно и всесторонне, а решение вынесено на основе закона, а не произвольных соображений.

Но, безусловно, принцип открытости не является абсолютным. Часть 2 ст. 24.3 КоАП РФ и ч. 2 ст. 11 КАС РФ устанавливают исчерпывающий перечень оснований для закрытого рассмотрения. К ним относятся случаи, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников процесса, защиты государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны (государственной, коммерческой, банковской, налоговой, тайны частной жизни, усыновления), а также необходимости сохранения конфиденциальности при рассмотрении дел о правонарушениях, посягающих на неприкосновенность частной жизни, в частности, с участием несовершеннолетних, или в сфере семейно-бытовых отношений. Однако данные исключения, как подчеркивается в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, должны трактоваться ограничительно и не подменять общее правило. Сама процедура объявления заседания закрытым, с указанием мотивов такого решения, также должна быть формализована и обоснована в соответствии с законом.

Также нельзя не отметить, что внедрение и развитие цифровых технологий придали принципу открытости новое измерение, нашедшее отражение в законодательстве. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и подзаконные акты, такие как Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, регулируют формирование электронных архивов судебных решений [6]. Статья 24.1 КоАП РФ допускает использование систем видеоконференц-связи для участия в рассмотрении дел. Хотя онлайн-трансляции заседаний по административным делам менее распространены, чем в уголовном процессе, но их внедрение также основано на интерпретации принципа открытости в цифровую эпоху. Также цифровизация ставит и новые вызовы, требующие правового регулирования: необходимо обеспечить подлинную доступность этих систем для всех граждан, включая лиц с ограниченными цифровыми навыками, и строго соблюдать требования Федерального закона «О персональных данных» при публикации решений, чтобы защитить персональные данные участников процесса.

Открытость рассмотрения дел об административных правонарушениях, будучи детально закрепленной в системе законодательных норм, – это показатель зрелости правовой системы и уважения государства к своим гражданам. Она воспитывает у населения уважение к закону, поскольку демонстрирует его справедливое его справедливое и непредвзятое применение.

Таким образом, открытость рассмотрения дел об административных правонарушениях пронизывает собой целый комплекс законодательных актов – от Конституции Российской Федерации до ведомственных инструкций. Это не формальная обязанность, а социально-правовая ценность, которая связывает государственный аппарат с обществом нитями доверия и взаимной ответственности. Реализация данного принципа на практике, во всех ее аспектах – от вывешенного на сайте расписания заседаний, регламентированного законом, до внятного и аргументированного окончательного решения, требуемого ст. 29.10 КоАП РФ, – есть непрерывная работа по укреплению правового государства, в котором власть закона торжествует публично, обеспечивая как публичные интересы, так и надежную защиту прав каждого отдельного человека.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» (ред. от 09.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Федорова И. В.[1]*,*
доцент кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Клементьева В. С.[2]*,*
старший редактор
редакции научных
и периодических изданий УОНиРИД
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Егорова В. С.[3]*,*
курсант ИПСОПР
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИЯ И ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БОРЬБЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Первые правонарушения и преступления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» стали совершаться непосредственно с начала ее появления. Постепенно, с развитием технологий развивались административные правонарушения либо уголовные преступления в сети Интернет, а также стали появляться новые способы совершения противозаконных деяний, в том числе традиционных (например, кража с банковского счета, а равно электронных денежных средств).

Преступность в сети Интернет начала набирать обороты в период пандемии COVID-19. Данный факт обосновывается тем, что именно в этот период времени общество перешло на дистанционный способ работы, на бесконтактный способ оплаты товаров и услуг, что стало началом активного использования онлайн-банков и виртуальных кошельков. Оплата услуг наличными средствами сейчас все реже используется в повседневной жизни, так как развивающиеся технологии позволяют людям хранить различные ценности (безналичные денежные средства, драгоценные металлы (золото, серебро, платина и палладий), бездокументарные ценные бумаги, а также электронные денежные средства, хранящиеся на электронных кошельках и др.), используя современные новейшие технологии. Таким образом, перед лицами, планирующими свои противо-

[1] © Федорова И. В., 2026.
[2] © Клементьева В. С., 2026.
[3] © Егорова В. С., 2026.

правные деяния, открылась новая благоприятная среда для хищения имущества. Безусловно, данный способ требует не меньшей подготовленности. Для достижения преступного умысла перед злоумышленником стоит задача – обход существующих способов защиты.

Для рассмотрения данного вопроса стоит обратиться к практическому опыту иностранных государств. В США в 1970 г. появляется термин «хакер», основоположником которого стал Джон Дрэйпер, который взламывал телефонные коммуникации, использовав их для бесплатной мобильной связи не только между городами, но и между странами. Данное происшествие считается первым среди преступлений в сети Интернет, поскольку связано с появлением так называемых хакеров.

Первым национальным киберпреступником стал Мурат Уртембаев. Окончив МГУ, бывший студент университета внес определенные изменения в код программы конвейера, который изготавливал детали для сборки автомобилей ВАЗ, что привело к тому, что завод «АвтоВАЗ» остановил работу на несколько дней и понес значительные убытки [1].

Событие, именуемое как «дело Владимира Левина» и приходившееся на 90-е годы XX в., принято связывать с последующим этапом развития киберпреступности. Преступление было совершено 12 лицами, которые, используя компьютерную сеть «Спринт», перечисляли денежные средства со счетов клиентов Ситибанка на свой счет, после чего обналичивали данные средства в различных странах (США, Германия, Россия и др.). Таким образом было украдено около десяти миллионов долларов со счетов клиентов. Левин был арестован в Лондоне в 1995 г. Необходимо отметить, что в соответствии с действующим тогда национальным уголовным законодательством на тот момент в его деянии не содержалось состава преступления [2].

В 2006 г. было совершено первое в России киберпреступление, по которому вынесен обвинительный приговор суда. Группа из трех человек, а именно: Иван М., Денис С. и Александр П. путем применения угроз в отношении букмекерских компаний вымогали у них денежные средства. После отказа компании заплатить, злоумышленники атаковали сайты букмекеров и обрушали их, причинив огромный денежный ущерб. Всего за время существования данной группы ими было получено около 42 000 долларов.

Интернет используют как взрослые люди, так и дети, при этом, несмотря на то, что большинство программ в настоящее время имеют систему родительского контроля (запрет на деструктивный контент на аккаунте ребенка, контролируемый родителем), дети также подвергаются проявлениям преступности в сети Интернет. Так, еще в 2017 г. вышла в свет «игра с жизнью», которая распространялась при помощи социальной сети «Вконтакте», а именно квест под названием «Синий кит», который проводят кураторы, являющиеся единомышленниками с поддельными аккаунтами, зарегистрированными на чужие имена и фамилии. Суть игры заключалась в доведении несовершеннолетнего ребенка до самоубийства, когда подросток, в силу своего возраста и психического развития, не понимает, что он не в игре, и что жизнь действительно можно потерять. Каждый желающий войти в игру пишет на своей страничке в со-

циальной сети «синий кит, приди». По данному хештегу куратор находит страничку ребенка и начинает высылать ему задания, в которых все начинается с подъема в 04:20 утра для получения той или иной задачи. Многие дети были пойманы в самом начале квеста, когда им было предложено задание вырезать на запястье форму кита, но, к сожалению, были и те, кого остановить вовремя не удалось. Из-за созданной игры погибали не только дети из неблагополучных семей, которые просто не видели для себя стимула остановиться, но и те, кто, осознавая опасность своих действий, отказывались от выполнения заданий, из-за чего начинали получать угрозы в адрес своей семьи. Общественная опасность игры заключалась не только в попытке злоумышленников довести подростка до самоубийства, но и в угрозах причинения смерти их близким и родным в случае невыполнения условий квеста. Благодаря обработке личных данных страницы, преступники находили адрес, по которому предположительно проживает ребенок со своей семьей и использовали координаты в качестве подтверждения того, что их угрозы реальны. Конечно, их угрозы никогда не воплощались в жизнь, но страх стоял выше разума, и подросток продолжал игру. Она содержала 50 уровней, и хоть задания были индивидуальными, но последнее из них всегда сводилось к одному – смерти. По данным интернет-издания «Комсомольская правда» за полгода в России покончили с собой 130 детей, состоящих в группах смерти [3]. Таких примеров, когда дети страдают из-за злоумышленников в Интернете, достаточно как в нашей стране, так и зарубежом.

Несмотря на большой общественный резонанс и ведущуюся работу правоохранительных органов по недопущению появления новых игр смерти, в 2017 г. в сети появился аналог первого квеста. Такая игра получила название «Красная сова». Общение между куратором и ребенком также базировалось на выполнении определенного круга заданий. Однако если несовершеннолетний отказывался продолжать, наставник предлагал ему посмотреть безобидное видео, каким оно могло показаться на первый взгляд. После его просмотра на экране пользователя всплывало сообщение, информирующее о том, что благодаря открытию ссылки у куратора появлялись данные о местонахождении подростка и теперь точно известно, где именно находится и проживает он и его семья, а также высказывались угрозы в отношении жизни родственников и самого участника [4].

В среднем сотрудниками органов внутренних дел раскрывается лишь четверть преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, что обусловлено хорошо отработанными схемами злоумышленников и недостаточной подготовкой специалистов в сфере раскрытия и расследования данных преступлений. Именно поэтому в настоящее время наибольшее внимание уделяется устранению и пресечению интернет-преступности, а также разработке профилактических мер для предостережения граждан от киберпреступности в информационной сфере.

Подводя итог целесообразно сделать следующие выводы:

1. Первое появление преступлений с использованием всемирной паутины в судебной практике приходится на 1980-е гг. XX в. В отличие от СССР, глобальная сеть активно осваивалась за рубежом. Правоохранительные органы США одними из первых зарегистрировали новый вид преступности. На терри-

тории России в тот момент данное деяние не содержало противоправных и общественно-опасных признаков, поскольку не являлось преступлением.

2. С последующим развитием и изучением сети Интернет в России законодатель пришел к выводу о необходимости введения ответственности (уголовной или административной) за совершение действий, посягающих как на права и интересы граждан, так и на национальную безопасность. Это привело к появлению мнения о том, что борьба с данной преступностью является проблемой общества и государства в связи с ее быстрым ростом.

3. Распространение глобальной сети Итнернет по всему миру представляет собой событие, поражающее своими масштабами. Ежегодно возрастает количество пользователей в независимости от их возраста, но, несмотря на постоянное предупреждение и имеющуюся в сети Интернет информацию об осторожном использовании своих личных данных, отмечается рост преступлений в данной сфере.

4. В основном самыми уязвимыми категориями населения являются малолетние дети и люди пожилого возраста. Данный факт используется и злоумышленниками, например, трагические события, связанные с так называемой игрой «Синий кит», что является показательным примером и обращает внимание на то, что необходимо быть бдительнее, даже когда на первый взгляд нет поводов для беспокойства.

Список литературы

1. Мурат Уртембаев – первый советский хакер. URL: https://habr.com/ru/companies/ua-hosting/articles/277487/.

2. Подстава века или таинственная история взлома Ситибанка. URL: https://habr.com/ru/companies/macloud/articles/552866/.

3. «Синий кит. Правила игры и задания» // Интернет-издание «Комсомольская правда». URL: https://www.msk.kp.ru/daily/26653/3673936/.

4. Красная сова никогда не спит // Общественно-политическая газета города Иваново. URL: https://rk37.ru/articles/2017/11/27/krasnaya_sova_nikogda_ne_spit.

Фролова О. В.[1]*,*
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ФГКОУ Военной Академии связи имени С. М. Буденного,
кандидат юридических наук, доцент

Фролов В. В.[2]*,*
заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургской
Следственной академии СК РФ,
кандидат юридических наук, доцент

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Органы внутренних дел, полиция – главное, центральное звено в правоохранительном механизме России. Их роль трудно переоценить. Свыше девятисот тридцати восьми тысяч сотрудников ОВД России (согласно установленной штатной численности) на территории огромной страны обеспечивают законность. Полицейский – это своеобразная визитная карточка правоохранительного механизма, представитель государства при восстановлении прав человека, нарушенных преступником.

Именно следователь, оперуполномоченный, участковый инспектор, сотрудник дежурной службы и патрульный органов внутренних дел Российской Федерации – главные социальные фигуры, должности и роли в рамках правоохранительных отношений.

Принципиально для общества, законопослушных граждан и государства обеспечить эффективную работу органов внутренних дел Российской Федерации. В настоящее время правоохранительный механизм России и особенно органы внутренних дел Российской Федерации находятся в сложном кризисном состоянии, подвергаются отрицательному воздействию ряда объективных и субъективных факторов.

«Эффективность работы ОВД напрямую зависит от качества управления, которое, в свою очередь, сталкивается с рядом серьезных вызовов и проблем, требующих незамедлительного решения… В настоящее время комплектация штата ОВД не выполняется, что является главной кадровой проблемой. Министр МВД России Владимир Колокольцев объясняет, что причинами острой нехватки сотрудников являются низкие зарплаты и недостаточный уровень социальных гарантий» [1, с. 90].

Традиционно полицейские загружены излишней отчетной документацией, непрофильными поручениями и функциями. Управляющих становится слишком много, а тех, кто непосредственно выполняет рабочие задачи, – слишком мало.

---

[1] © Фролова О. В. 2026.
[2] © Фролов В. В.2026.

«На целый ряд подразделений (участковые уполномоченные полиции, ППС и др.) возложено слишком большое число непрофильных функций и обязанностей, что сильно ухудшает качество их основной деятельности. К существенному снижению эффективности полицейской работы приводят бесконечные проверки. В последние годы произошел значительный рост количества и численности разнообразных штабных и координирующих структур как внутри самого МВД России, так и на уровне региональных органов. Как следствие, повысились расходы на содержание управленческих аппаратов и штабов, которые заняты разработкой и сбором отчетности, проверками и анализом статистики. Работа полицейских оценивается по объему бумажной работы (рапортов, протоколов и т. д.)» [2, с. 307].

Малая численность сотрудников приводит к неспособности полиции реагировать на вызовы. Патрульная полицейская служба не успевает прибывать на место преступления.

Приходится согласиться с фразой Джеффа Марднера: «Мы живем в эпоху, когда разносчик пиццы приезжает быстрее полиции» [3, с. 1].

Не обеспечена материально-техническая основа для успешной работы сотрудников ОВД России: мало служебных автомобилей, не хватает современных компьютеров, принтеров, картриджа, бумаги, бензина…

Проявления кризиса: большой кадровый некомплект и недостаточная штатная численность патрульной полицейский службы, резкое ослабление силового ресурса ОВД России (выделение Росгвардии, отсутствие силовых отрядов, кадровый некомплект и доминирование сотрудников-женщин – которые вряд ли смогут разобраться с толпами недовольных мигрантов или задержать группу преступников, занимающихся разбойными нападениями).

Необходима новая полицейская реформа. Не обеспечена достойная оплата за тяжелый труд полицейского, что повышает риск коррупционного поведения и снижает мотивацию к честной и добросовестной службе.

Вехи и приоритеты преобразований следующие: «улучшение финансирования органов внутренних дел на основе принципа адресности; повышение эффективности профессиональной ориентации будущих сотрудников, профессионального отбора кандидатов в сотрудники, кадровой политики в самих органах внутренних дел; повышение уровня правовой и коммуникативной культуры сотрудников органов внутренних дел, их профессиональной подготовки; ориентированность на социальную функцию органов внутренних дел… совершенствование системы социальной защиты сотрудников органов внутренних дел» [4, с. 235].

Снижение уровня преступности согласно официальным показателям не говорит о его реальном понижении. Ясно, например, что массовое количество случаев интернет-мошенничеств не фиксируется и имеет явно выраженный латентный характер. «В 2025 г. Чечня, Ингушетия и Дагестан возглавили рейтинг регионов с самым низким уровнем преступности в России. В Чечне зафиксировано всего 16 преступлений на 10 тысяч населения. Для сравнения, средний уровень преступности по стране составляет 121 нарушение закона на 10 тысяч человек. В тройку лидеров также вошли Ингушетия (37 преступлений) и Даге-

стан (42). Наиболее высокий уровень преступности зафиксирован в Карелии (183), Забайкальском крае (181) и Республике Алтай (177)» [5, с. 1].

Типовая структура органов внутренних дел Российской Федерации и единая методология их организации и деятельности, планов и отчетности совершенно не учитывает особенностей местной преступности, ее разновидностей, близость (отдаленность) мест лишения свободы, возможного уровня сращивания организованной преступности и местных органов власти…

Крайне слабую эффективность демонстрируют аналитические подразделения МВД России. Основных причин, на наш взгляд, две. Во-первых, руководством на них возлагаются несвойственные им бюрократические задачи. Во-вторых, руководство ОВД России не в полной мере понимает их потенциальной полезности и не прислушивается к их выводам и рекомендациям.

Предлагается: «в целях совершенствования аналитической работы в системе МВД России укомплектовать органы внутренних дел, в том числе подразделения штаба, высококвалифицированными, профессионально подготовленными кадрами… усовершенствовать программное обеспечение» [6, с. 147].

Нужно повысить качество служебной подготовки. Многие полицейские не могут грамотно оформить первичные процессуальные документы, провести силовое задержание, осмотр места происшествия… В системе профессиональной подготовки полицейских следует уделять большее внимание теоретико-правовым и прикладным учебным дисциплинам, полезным для будущих сотрудников правоохранительного профиля: процессуальные документы, административное право и судопроизводство, криминалистика, оперативно-разыскная деятельность, огневая подготовка, навыки рукопашного боя и задержания правонарушителей…

«На современном этапе в прогрессивно развивающихся странах мира происходит сближение выполняемых полицией функций и ожиданий общества, превалирование карательных методов в деятельности полиции уступает место концепции «полиция на службе общества» [7, с. 130].

В каждом городе с населением свыше трехсот тысяч человек следует создать подразделения полиции по работе в интернете со следующими задачами: предупреждение киберпреступности; выявление потенциально опасных лиц и готовящихся преступлений: приискание средств совершения преступлений, поиск соучастников и исполнителей, пресечение попыток покупки запрещенных веществ, оружия; оперативное реагирование на сообщения граждан.

Особое направление деятельности пресс-служб МВД России и киберполиции – создание позитивного образа сотрудника ОВД РФ. Наше предложение: создать популярную кибер-игру с главными героями – симпатичными полицейскими, расследующими преступления.

«Одно из важных направлений повышения уровня доверия общества к полиции заключается в развитии полицейской работы в сети Интернет и социальных сетях... Так, правоохранительные органы получают возможность своевременно информировать граждан о совершенных преступлениях, пропаже людей, кражах транспортных средств, а население, в свою очередь, может предостав-

лять информацию, помогающую полиции в ее работе, или оставлять свои просьбы о помощи» [8, с. 98].

Полезной новацией представляются личные камеры-регистраторы и номерные жетоны полицейских. «Нательные камеры могут увеличить вероятность того, что сотрудники полиции будут вести себя более доброжелательно, а также более законно и соблюдать процедурами, поскольку люди склонны вести себя лучше, когда они знают, что за ними следят» [9, с. 142]. Вместе с тем возникает вопрос о сохранении в тайне полученной таким путем личной информации о гражданах, будь то потерпевшие, свидетели или даже правонарушители.

Следует увеличить в городах количество мобильных полицейских патрулей, усилить противодействие наркопреступности и киберпреступности. Нужны конкретные результаты и позитивные оценки полицейской деятельности со стороны граждан (местного сообщества). Для выявления социальных оценок полицейской деятельности нужно внедрять методологию социологических опросов.

Необходимо качественно улучшить механизм социально-правовой защиты сотрудников ОВД России. Повысить денежное обеспечение сотрудников как минимум на пятьдесят процентов: если необходимо провести разумную оптимизацию личного состава, с тем чтобы:

1) сократить ненужные должности и при этом повысить качество управленческого менеджмента;

2) использовать освободившееся бюджетные средства на увеличение зарплат сотрудников (хотя бы тех ключевых сотрудников ведущих служб: участковых, следователей, патрульных, сотрудников дежурных частей, инспекторов по делам несовершеннолетних), что потребует поправок в соответствующие законы. Но промедление опасно для общества и государства.

Нужно сделать прозрачным и справедливым кадровые процедуры повышения по службе и применения руководителями дисциплинарных санкций. На практике доминирует авторитарный жесткий стиль руководства. Поэтому необходимо усиливать полицейский профсоюз с помощью установления дополнительных государственных гарантий.

Предлагаем учредить должность Уполномоченного по правам полицейских в каждом субъекте Российской Федерации. Выбирать его должны сами полицейские из числа лидеров местного полицейского профсоюза. Последним должна быть гарантирована неприкосновенность от дисциплинарных наказаний без судебного одобрения. Проблема переработки сотрудников ОВД должна быть жестко ограничена возникновением чрезвычайных и особых ситуаций. Усталые и психологически выгоревшие сотрудники опасны и для самих себя, и для своих близких, и для общества. В лучшем случае они просто уволятся по собственному желанию. Пенсионное обеспечение сотрудников ОВД РФ должно быть радикально улучшено.

Список литературы

1. Донецкая С. В. Актуальные проблемы системы управления органами внутренних дел // Молодой ученый. 2025. № 12 (563). С. 90–91.

2. Толстик В. А. Некоторые проблемы оптимизации деятельности полиции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 306–309.

3. Афоризмы и цитаты о полиции. Только лучшие высказывания великих авторов. URL: https://time365.info/aforizmi/temi/politsiya.

4. Амельчакова В. Н., Суслова Г. Н. К вопросу об основных направлениях совершенствования деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 234–237.

5. Назван регион России с самым низким уровнем преступности – РИА Новости, 19.01.2026 // URL: https://ria.ru/20260119/prestupnost-2068664677.html.

6. Гаджиев А. Ш. Актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 2. С. 144–149.

7. Аникин С. Б., Полякова С. В. Институт полиции в зарубежных странах: исторические основы и современные концепции // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. № 4. С. 129–133.

8. Майоров В. И., Севрюгин В. Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 95–106.

9. Амельчакова В. Н., Суслова Г. Н. Использование сотрудниками полиции систем видеорегистрации (международный опыт) // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 140–144.

Хохлов А. В.[1]*,*
заместитель начальника
Управления МВД России по г. Самаре

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ИХ ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Приступая к исследованию пределов правового воздействия, их значению, месту, роли в развитии юридической науки и правовой политики Российского государства, отметим, что понятие предела, так широко используемое в различных сферах жизнедеятельности общества, для науки в целом и юриспруденции в частности имеет особое значение. В самом широком смысле предел правового воздействия – это граница, рубеж, определяющий временные рамки начала и окончания влияния права на социум. Отсутствие законодательного закрепления понятия правового воздействия, его целей и сопутствующих задач является, по нашему мнению, значительным упущением, а недостаточная теоретическая разработанность феномена правового воздействия, лишь подтверждает актуальность и злободневность обозначенной нами проблемы. Затрагиваемая нами проблема является сложной и многогранной, требующей межотраслевого юридического и междисциплинарного научного исследования, ввиду чего автором будет предложен ряд выводов, сделанных им ранее, в рамках диссертационного исследования уголовно-правового воздействия, его пределов и стадий.

Так, в результате теоретической разработки уголовно-правового воздействия автором настоящей работы сформулировано понимание сущности рассматриваемого явления, как «действия, ответа или иначе реакции уполномоченных государственных органов на факт совершения уголовно-правового деликта» и дано определение уголовно-правового воздействия – «это влияние, оказываемое с помощью правовых средств на сознание и поведение личности в связи с совершением общественно-опасного деяния, признанного преступным, а также влияние, оказываемое на сознание общества, формирующее правомерное поведение, правосознание и правовую культуру» [1, с. 103].

Экстраполяция сущности уголовно-правового воздействия, исходя из принципов системности права, в равной мере позволяет распространить это понимание на иные отрасли права и сформулировать сущность правового воздействия в целом – как влияние посредством правовых средств на сознание и поведение личности, социума, в достижении целей предупреждения совершения правонарушений, воспитания и исправления лиц, нарушивших правовые предписания, формирования правосознания и правовой культуры общества.

Уголовно-правовое воздействие нами понимается в трех аспектах, исходя из критерия охвата субъектов влияния:

– в широком смысле уголовно-правовое воздействие – влияние, оказываемое государством на все общество, посредством совокупности норм уголовного закона (информационное влияние) на сознание, формирующее правомерное поведение;

---

[1] © Хохлов А. В., 2026.

– в среднешироком смысле уголовно-правовое воздействие – влияние, оказываемое на определенные социальные группы: субъекты экономической деятельности, органы власти и управления, военнослужащих, медицинских работников и т. д.;

– в узком смысле уголовно-правовое воздействие – влияние, оказываемое на конкретного субъекта с момента получения уполномоченными органами информации о совершенном преступлении, до момента погашения или снятия судимости [2, с. 360].

Познание предела правового воздействия нам представляется целесообразным постичь путем сравнительного анализа понятий административного правонарушения и преступления, сформулированных законодателем в двух смежных отраслях права.

Под административным правонарушением понимается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом об административных правонарушениях или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Пунктом 1 ст. 14 Уголовного закона Российской Федерации установлено, что преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания.

Подвергая сравнительному исследованию два законодательно закрепленных понятия, административное правонарушение и преступление, выявляем важный для нас критерий, подводящий определенную черту между двумя понятиями, – общественную опасность деяния.

Кроме того, в п. 2 вышеуказанной нормы законодателем задекларирован критерий малозначительности, исключающий преступность деяния при наличии формальных признаков. Преступность деяния исключается ввиду того, что характер действий (бездействия) субъекта не представляет общественной опасности.

Таким образом, устанавливая барьер, отграничивающий административное правонарушение от преступления, а в целом и виды юридической ответственности, путем декларирования законодателем двух критериев, общественной опасности и малозначительности, государство предприняло попытку установить предел правового воздействия.

Несмотря на очевидную значимость и важность установления такого предела, понятие общественной опасности и малозначительности законодателем не закреплено, данные критерии носят оценочный характер. Указанные обстоятельства закономерно отражаются на отсутствии единой правоприменительной практики.

Характерными примерами ошибочного толкования норм административного и уголовного законов могут служить следующие: повторное нарушение административных правонарушений по ст.ст. 6.1.1, ч. 2 ст. 7.27, ч. 2.1 ст. 14.16, ст. 14.17.1 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) образует составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 116.1 (побои), 158.1 (мелкое хищение), 151.1 (розничная продажа алкоголя несовершеннолетнему) и 171.4 (незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции) соответственно. Приведенные при-

меры не являются исчерпывающими, подобную ситуацию мы наблюдаем в ст.ст. 14.10 КоАП РФ и 180 (незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг) уголовного закона и ряде других. Установление законодателем так называемой административной преюдиции в ряде норм особенной части уголовного закона, является очередной попыткой установить предел правового воздействия. По нашему мнению, попыткой неудачной, так как ежемесячно комиссиями по сверкам в территориальных органах внутренних дел Российской Федерации, деятельность которых регламентирована Приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» фиксируются факты не проведения процессуальных проверок при наличии признаков преступлений при организации проверок по административному правонарушению, и наоборот. То есть наблюдается принятие решений должностными лицами в отсутствие должной компетенции и, как следствие, непривлечение виновного лица к юридической ответственности и нивелирование принципа неотвратимости наказания. В качестве критерия предела правового воздействия законодатель устанавливает неоднократность (повторность) в уголовном законе, под которой понимается совершение правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Юридический анализ вышеупомянутых норм показывает, что преступления относятся к категории небольшой тяжести, и за исключением санкции ст. 158.1, предусматривающей в качестве мер уголовно-правового характера ограничение либо лишение свободы до одного года, устанавливают меры сугубо материального воздействия, в виде назначения штрафа, обязательных или исправительных работ. При этом мы учитываем, что упомянутая в санкции ст. 158.1 уголовного закона мера уголовно-правового характера арест является мертворожденной в уголовном праве, ввиду отсутствия практики правоприменения.

Не добавляет авторитета уголовному закону и отсутствие единства позиций Верховного Суда Российской Федерации, а именно издание акта толкования и разъяснение принципа малозначительности в военной службе, указанного в п. 5 пятом постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» как деяния, хотя формально содержащего признаки состава преступления против военной службы, но с учетом указанных обстоятельств не представляющее общественной опасности, при этом действия, направленные на заглаживание причиненного потерпевшему вреда (оказание первой помощи, возмещение ущерба, компенсация морального вреда и др.) не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения, а могут учитываться лишь при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности или при назначении наказания. Очевидное возникающее противоречие позиций Верховного Суда Российской Федерации мы замечаем в п. 29 обзора судебной практики Верховного Суда Российской Феде-

рации № 4 (2020) указано, что факт полного возмещения причиненного вреда может учитываться в совокупности с иными обстоятельствами при решении вопроса о применении ч. 2 второй ст. 14 Уголовного закона.

Кроме того, отметим и противоречивость позиций, отраженных в актах казуального толкования Верховного Суда по неоднородным преступлениям.

Так, в п. 25.4 (введен 29.06.2021) Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывается, что при решении вопроса о том, является ли малозначительным деяние, например кража, формально содержащая квалифицирующие признаки состава данного преступления, судам необходимо учитывать совокупность таких обстоятельств, как степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния, и др., а в п. 5, уже упомянутого нами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», малозначительным является деяние, хотя формально и содержащее признаки состава преступления против военной службы, но с учетом характера совершенного деяния и роли лица в его совершении, тяжести наступивших последствий, содержания мотивов и целей и иных обстоятельств не представляющее общественной опасности.

Подобные противоречия вносят сумбур и в работу законотворца, которому необходимо учитывать принципы кодификации права, и в частности полноты, предполагающего регулирование всевозможных случаев, а не ограничивающихся родовыми связями.

Анализ правоприменительной практики показывает, что судами, при рассмотрении дел исследуемой нами категории, в качестве мер наказания применяется в подавляющем большинстве штраф, т. е. за исключением мер контроля и воздействия на осужденного в период действия института судимости, мера влияния носит исключительно материальный характер. При данных обстоятельствах нами ставится под сомнение целесообразность применения института административной преюдиции в уголовном праве, об этом также свидетельствует дискуссионность разных точек зрения в научной литературе.

Наша позиция заключается в необходимости декриминализации подобных деяний ввиду репрессивного характера уголовного закона и наиболее широкому применению мер административно-правового характера, в том числе законодательному увеличению срока административного ареста, более частого правоприменения обязательных работ.

В уголовном праве под криминализацией понимается правотворческий процесс признания деяния преступным, закрепления его признаков в уголовном законе и установлением за него уголовной ответственности. Роль криминализации нами ранее исследовалась, и сводится «к своевременной реакции государства на правоотношения в уголовной сфере» [3, с. 421]. Как негатив мы рассматриваем преждевременную и запоздалую криминализацию.

Следует отметить, что именно своевременность криминализации является ключом к балансу в системном регулировании правоотношений.

Изложенное позволяет сделать вывод, что наряду с обозначенными нами выше проблемами при размытости пределов правового воздействия, следует отметить и иные негативные последствия, а именно: отсутствие четкой регламентации и законодательного закрепления понятия уголовно-правового воздействия, взаимопроникновении норм смежных отраслей права, избыточное (недостаточное) регулирование правоотношений, парирование принципа неотвратимости наказания, совершение коррупционных правонарушений недобросовестным правоприменителем.

К не менее значимой мы причисляем проблему отсутствия целеполагания, идейной регламентации правового воздействия и уголовного закона в целом, представляющуюся нам значимой. Мы разделяем позиции В. К. Дуюнова, отмечающего «ключевое значение целеполагания и целей деятельности в сфере противодействия преступности» [4, с. 17], и М. В. Бавсуна, указывающего, что «идеологические начала уголовного закона способны играть значительно большую роль для общей превенции за счет способности оказывать существенное влияние на общественную психологию» [5, с. 207], и далее: «именно уголовно-правовая идеология, а не репрессия выступает в качестве внешних пределов воздействия на преступность». Таким образом, изложенные позиции демонстрируют не только значимость целеполагания и идейной основы уголовного закона в целом, но и раскрывают сложность и многогранность сущности теоретической категории – предела правового воздействия, выражающихся в установлении внутренних границ феномена (степень репрессии), и внешних границ – правовой идеологии.

Между тем принятию норм права предшествует длительный правотворческий процесс, обусловленный необходимостью регулирования общественных отношений.

Не менее актуальным нам представляется и отсутствие легального определения предела воздействия, под которым мы понимаем границы начала и окончания явления, определяемые временем действия, а также объемом и содержанием.

В качестве решения проблемы нами предлагаются следующие меры:

– законодательно закрепить понятие уголовно-правового (правового) воздействия, его цели и решаемые задачи;

– законодательно закрепить понятие предела воздействия и определить его четкие критерии.

Изложенная нами позиция и предложенные меры по устранению актуальной проблемы пределов воздействия опираются в том числе и на экспертное мнение, сформированное при анализе результатов анкетирования судей Самарского областного суда, в подавляющем большинстве (40 из 55 прошедших анкетирование) отметивших необходимость и целесообразность легитимации пределов уголовно-правового (правового) воздействия в общей части уголовного (административного) закона.

Таким образом, исследованная нами проблема и предложенные варианты ее решения представляют не только интерес для теории права и развития юриди-

ческой науки, но и имеют значение в деятельности законотворцев и правоприменителей, а учитывая межотраслевой аспект – и в целеполагании правовой политики государства.

Список литературы

1. Хохлов А. В. Сущность уголовно-правового воздействия // Современное право. 2025. № 2. С. 98–103.

2. Хохлов А. В. Значение пределов в реализации механизма уголовно-правового воздействия // Власть закона. 2025. № 2(62). С. 351–364.

3. Хохлов А. В. Роль криминализации в феномене уголовно-правового воздействия // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11 (186). С. 420-421.

4. Дуюнов В. К. Целеполагание уголовно-правового воздействия как специальной деятельности государства : монография. М. : РИОР. 2021.

5. Бавсун М. В. Пределы уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2012. № 1 (23). С. 207–211.

Цветков А. В.[1]*,*
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КУРЕНИЕ ТАБАКА И ПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов административно-правового регулирования в сфере охраны здоровья граждан и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. В условиях реализации государственной политики, направленной на снижение масштабов потребления табака и никотинсодержащей продукции, особое значение приобретает эффективность применения мер административной ответственности за нарушение установленных запретов. Несмотря на законодательно закрепленные ограничения, правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем, связанных с квалификацией деяний, фиксацией доказательств и привлечением виновных лиц к ответственности, что требует комплексного научного анализа для выработки рекомендаций по повышению эффективности профилактики правонарушений в данной сфере.

Общественная опасность рассматриваемых правонарушений заключается в их посягательстве на гарантированное Конституцией Российской Федерации право на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду неопределенного круга лиц. Курение табака и потребление никотинсодержащей продукции в общественных местах создает реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, подвергающихся воздействию табачного дыма и аэрозоля, что способствует росту заболеваемости и смертности от заболеваний, связанных с потреблением никотина.

Вклад курения в смертность в России является значительным, при этом в последние коды число курящих снижается, при этом показатели остаются достаточно высокими [2].

Помимо физического вреда, данные деяния нарушают общественный порядок и комфорт граждан, формируя негативную модель поведения, особенно в среде несовершеннолетних, что в конечном итоге подрывает усилия государства по формированию здорового образа жизни и сохранению человеческого капитала.

Как отмечают специалисты к наиболее эффективным мерам противодействия табакокурения относится введение запретов на рекламу, стимулирование продажи и спонсорства со стороны табачных компаний (26,2 %); информирование населения о вреде потребления табака/ никотина (25,6 %); предложение ме-

[1] © Цветков А. В., 2026.

дицинской помощи в целях прекращения потребления табака/никотина (20,1 %) и защиту людей от окружающего табачного дыма/аэрозоля ЭСДН (19,5 %). 19,7 % экспертов считали, что уровень внедрения мер недостаточный, а 7,2 % экспертов оценили его как низкий [3].

Административная ответственность за нарушение антитабачного законодательства установлена ст. 6.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая предусматривает санкции за курение табака, потребление никотинсодержащей продукции или использование кальянов на территориях и объектах, где такие действия запрещены федеральным законом. Санкция ч. 1 указанной статьи устанавливает за данное правонарушение наказание в виде административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи пятисот рублей.

Законодатель предусматривает повышенную общественную опасность рассматриваемого деяния при его совершении на детских площадках, выделяя данный квалифицирующий признак в отдельный состав правонарушения, закрепленный ч. 2 ст. 6.24 КоАП РФ. Детские площадки являются территориями повышенной уязвимости в силу постоянного нахождения там несовершеннолетних, чей организм наиболее подвержен негативному воздействию табачного дыма и аэрозолей.

Учитывая необходимость усиленной защиты здоровья детей и формирования здорового образа жизни, санкция за данное правонарушение предусматривает штраф в размере от двух до трех тысяч рублей, что является действенной мерой административно-правового превентивного воздействия.

Производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.24 КоАП РФ, характеризуется множественностью субъектов, уполномоченных на возбуждение дел, и особыми требованиями к доказыванию. Протоколы по данной статье вправе составлять должностные лица органов внутренних дел, включая участковых уполномоченных полиции, инспекторов по делам несовершеннолетних, сотрудников патрульно-постовой службы и дежурных частей, однако рассматривать дела полиция уполномочена только в части правонарушений, совершенных в общественных местах. Ключевым элементом состава правонарушения является место курения, перечень которых установлен ст. 12 Федерального закона № 15-ФЗ и является исчерпывающим: к ним относятся территории образовательных и медицинских учреждений, транспорт, лифты и помещения общего пользования многоквартирных домов, детские площадки и иные объекты, при этом курение на улицах или остановках общественного транспорта, не включенных в данный перечень, состава правонарушения не образует.

Существенную проблему правоприменения представляет отсутствие законодательно закрепленных границ детских площадок, что осложняет квалификацию деяний по ч. 2 ст. 6.24 КоАП РФ, предусматривающей повышенную ответственность. Основными доказательствами по делам данной категории выступают протокол об административном правонарушении, рапорт сотрудника полиции, объяснения свидетелей и правонарушителя, а также результаты фото- и видеофиксации, причем авторы подчеркивают особую значимость средств объек-

тивного контроля для предупреждения ситуаций, когда правонарушитель впоследствии отказывается от признания вины при отсутствии очевидцев [1].

При привлечении к ответственности несовершеннолетних лиц, достигших 16-летнего возраста, действует особый порядок: опрос подростков, правонарушения которых часто выявляются в образовательных организациях, проводится в присутствии законных представителей или педагогов, а материалы дел направляются на рассмотрение комиссий по делам несовершеннолетних. В случаях, когда возраст правонарушителя не достиг 16 лет, к административной ответственности за ненадлежащее воспитание привлекаются родители по ст. 5.35 КоАП РФ, при этом в ходе разбирательства обязательно выясняются обстоятельства приобретения несовершеннолетними табачной продукции для установления возможных признаков вовлечения подростков в процесс потребления табака взрослыми лицами.

В настоящее время активно дискутируется вопрос о потенциале использования технологий автоматической фото- и видеофиксации для выявления административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.24 КоАП РФ. Перспективность данного направления обусловлена возможностью обеспечения неотвратимости наказания без непосредственного участия сотрудников правоохранительных органов. Технически процесс мог бы быть реализован по аналогии с фиксацией нарушений правил дорожного движения: камеры с функцией распознавания лиц идентифицируют гражданина, сопоставляя биометрические данные с Единой биометрической системой, после чего постановление о штрафе направляется через портал «Госуслуги». Внедрение таких умных камер способно существенно повысить эффективность профилактики правонарушений в сфере охраны здоровья граждан, поскольку тотальный контроль становится сдерживающим фактором для потенциальных нарушителей.

Однако реализация данного механизма сопряжена с рядом существенных рисков, как технических, так и правовых. Ключевой проблемой выступает невозможность достоверно установить объективную сторону правонарушения: камера не способна определить химический состав вещества, которое потребляет гражданин, что создает риск привлечения к ответственности лица, употребляющего, например, лимонад из бутылки, визуально схожей с тарой для никотинсодержащей продукции.

Кроме того, существующая правовая конструкция административной ответственности предполагает, что привлечение в упрощенном порядке (без составления протокола) возможно только в отношении собственников транспортных средств, тогда как для пешеходов данная процедура не предусмотрена действующим КоАП РФ. Отдельного внимания заслуживает проблема добровольности сдачи биометрических данных: поскольку регистрация в Единой биометрической системе осуществляется исключительно на добровольной основе, применение автоматических штрафов создаст неравенство граждан перед законом, что противоречит конституционным принципам.

Список литературы

1. Запаренко А. М., Клевцова Н. А., Грозан И. А. Производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.23 и 6.24 КоАП РФ, участковыми уполномоченными полиции и инспекторами по делам несовершеннолетних // Научный портал МВД России. 2017. № 3 (39). С. 76–82.

2. Смертность, ассоциированная с курением, в регионах России / [И. Е. Калабихина и др.] // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2021. № 6. С. 13–26.

3. Анализ федерального законодательства в сфере защиты граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции / [О. О. Салагай и др.] // ЗНиСО. 2025. № 3. С. 7–16.

Чаплицкий Ф. Ф.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности полиции
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Защита нравственных ценностей в современной государственно-правовой действительности является межотраслевой задачей, где административно-правовые инструменты играют значительную роль: через лицензирование, контроль, профилактику, регулирование информационной среды, культурной, политики, образования, защиты несовершеннолетних и охраны общественного порядка.

В связи с этим возникают следующие проблемные моменты:

1) нравственные ценности являются понятием оценочным, что создает риск произвольного толкования;

2) административные меры нередко принимаются в условиях соприкосновения прав и запретов: защита общественной нравственности и одновременное обеспечение конституционных прав (свобода слова, творчества, информации, предпринимательства, собраний);

3) компетенции органов власти распределены фрагментарно, а межведомственное взаимодействие часто носит эпизодический характер.

На основе анализа постараемся предложить направления совершенствования административно-правового обеспечения деятельности государственного аппарата в сфере защиты нравственности с учетом государственной политики сохранения традиционных ценностей.

Защита нравственных ценностей осуществляется целым рядом государственных органов в зависимости от своей специфической направленности деятельности, в их число входят: Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральное агентство по делам молодежи и др.

Такое обширное количество подразделений и служб подразумевает четкую и слаженную работу в рамках обеспечения защиты нравственных ценностей. Однако межведомственное взаимодействие зачастую воспринимается как дополнительное препятствие в выполнении непосредственных обязанностей по

[1] © Чаплицкий Ф. Ф., 2026.

службе. В этой связи для повышения эффективности необходимо предусмотреть более упрощенную процедуру взаимодействия.

Проанализмровав нормативные акты, регулирующие, в частности, защиту нравственных ценностей в информационной среде, отметим, что в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 15.1 закреплена информация, распространение которой запрещено в РФ. К такой запрещенной информации относятся: материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера; информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений; информация о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства; информация о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами [1]; другая информация, перечень которой строго определен настоящим федеральным законом.

Эти же критерии запрещенной к распространению информации содержатся в постановлении Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» [2].

Стоит отметить, что в этот перечень не включена информация, причиняющая вред моральным и традиционным ценностям, – она отражаена в указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Сюда относится информация, несущая деструктивную идеологию: культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений [3].

К деструктивной идеологии отнесено много оценочных категорий, стоит особенно выделить информацию, которая отрицает идеалы патриотизма, служение Родине и позитивный вклад России в мировую историю и культуру. Исходя из настоящей политической обстановки и разжигания русофобных настроений, для обеспечения безопасности общества и государства от внешних враждебно настроенных коалиций необходимо включить в приоритет ограничения информации еще и эту категорию.

В научных трудах описывалась значимость защиты семьи, института брака как основного социального института и союза разнополых лиц, мужчины и женщины, не только определены традиционные ценности, но и обозначено их системообразующее значение в вопросах сбережения народа России [4, с. 53–60]. Безусловно, одним из ключевых факторов поддержания нравственных ценностей является поддержание традиционных семейных отношений, однако глобально более существенную угрозу несет за собой планомерное уничтожение исторических фактов богатого героического вклада российского народа в поддержание мира.

На основе анализа выявленных проблем предлагаются следующие пути совершенствования административно-правового обеспечения защиты нравственных ценностей:

1. Для обеспечения прав граждан на закрепленные конституционные свободы не переводить в категорию запрещенной информации весьма абстрактные и оценочные элементы (эгоизм, вседозволенность, безнравственность), но только установленные указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» конкретные деструктивные идеологии: отрицающие идеалы патриотизма, служения Отечеству, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, считать их подрывающими нравственные ценности и в рамках настоящей действительности запрещать в любом проявлении.

2. В рамках поддержания государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей предлагается внести изменения в следующие нормативно правовые акты: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 24.06.2025) и постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» в части касающейся информации, подлежащей запрету, и дополнительно внести в перечень информацию отрицающую идеалы патриотизма, служения Отечеству, позитивного вклада России в мировую историю и культуру.

3. Ввиду обширного количества государственных органов, в ведении которых одним из направлений является обеспечение защиты нравственных ценностей, в том числе по средствам запрета на распространение информации недопустимого содержания, для более эффективного взаимодействия предусмотреть отделение в рамках службы или ведомства, занимающегося непосредственно работой по непрерывному взаимодействию с другими службами в области защиты нравственных ценностей.

Подводя итог, необходимо сказать, что реализация этих направлений позволит повысить эффективность в осуществлении своей деятельности государ-

ственных органов и поддержании устойчивой защищенности нравственных ценностей общества.

Перспективы развития административно-правового обеспечения деятельности органов государственного аппарата Российской Федерации зависят от возможности оперативного реагирования на изменения в информационной и нравственно охранительной среде, законодательного совершенствования к новым вызовам, в том числе укрепление механизмов регулирования защиты общественной нравственности. В связи с этим более эффективным будет комплексный подход к решению указанных проблем.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 24.06.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/38c8ea666d27d9dc12b078c556e316e90248f551/.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443618/dafd15e83d888b49b4e48357c20cad37929ed355/.

3. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://iro61.ru/upload/iblock/327/9viztjt22dli61x8cwjfbax0ts2gf63f/108ч.,%2072%20ч.%20Классный%20руководитель%20современной%20школы.pdf/.

4. Летова Н. В. Традиционные семейные ценности: морально-нравственная основа государства // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 53–60.

Чиркова Д. А.[1]*,*
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ковшевацкий В. И.,
доцент кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Административно-правовое регулирование института государственных и муниципальных услуг в современной России прошло определенную стадию эволюции и на данный момент базируется на ключевых принципах и на определенных нормативных правовых актах.

Государственные услуги представляют собой реализацию функций органов исполнительной власти и местного самоуправления, которые осуществляются по обращениям граждан и организаций в рамках предоставленных законом полномочий.

Правовой основой по предоставлению государственных услуг на территории нашего государства являются следующие нормативные источники: Конституция Российской Федерации (ст.ст. 15, 71); Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан российской федерации»; Указы президента Российской Федерации; Постановления Правительства Российской Федерации, утверждающие административные регламенты предоставления услуг, стандартные представления услуг, правила регистрации услуг в реестре (Постановление Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 89 «О функционировании суперсервиса «поступление в вуз онлайн») и т. д.

Основные принципы предоставления государственных услуг закреплены в ст. 4 ФЗ-210 [1].

Основными принципами функционирования системы предоставления государственных услуг являются:

– принцип законности, который подразумевает под собой обязательное и точное исполнения законодательных норм и нормативных актов всеми участ-

[1] © Чиркова Д. А., 2026.

никами процесса осуществления публичного управления. Данный принцип является ключевым элементом формирования административной правовой системы государства и определяет деятельность всех уровней государственной власти;

– принцип равенства прав всех заявителей перед законом, являющийся одним из принципов административно-правового регулирования;

– принцип обеспечения открытости и доступности сведений. Непосредственно связан с принципом гласности, который означает доступность информации о принятых решениях и действиях органов государственной власти;

– принцип однократности представления документов благодаря межведомственному взаимодействию. Документы и информация, для подготовки которых не требуется совершение дополнительных действий, представляются на основании межведомственного запроса в электронной форме в момент обращения;

– принцип установления ответственности государственных органов и сотрудников – тот принцип определяет, что если нарушения допускают само государство или государственные органы (должностные лица), то они также должны привлекаться к юридической ответственности;

– принцип высокого качества предоставляемых услуг и удобства пользования ими.

Административно-правовое регулирование предоставления государственных услуг обеспечивается посредством нормативного регулирования, организационных механизмов, осуществления функций контроля и надзора, стимулирования и ответственности, а также института муниципальных услуг.

Нормативное регулирование предоставления государственных услуг реализуется посредством реестра госуслуг (ФРГСУ) – централизованного перечня всех существующих услуг (легальность услуги возможна лишь после ее включения в этот реестр), а также административного регламента, который является основным нормативным актом, детально определяющим процесс оказания каждой конкретной услуги. Регламент выступает инструкцией как для государственных служащих, так и для граждан. Следует отметить, что нарушение административных регламентов влечет дисциплинарную и административную ответственность соответствующих должностных лиц.

Организационные механизмы по предоставлению государственных услуг реализуют: многофункциональные центры («Мои документы»), осуществляющие свою деятельность по принципу единого окна, выступая связующим звеном между гражданами и органами власти; система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), обеспечивающая обмен информацией между ведомствами без привлечения заявителя (например, передача паспортных данных или свидетельств загса), а также единый портал госуслуг (Gosuslugi.ru), который является ведущей онлайн-платформой для удаленного получения государственных и муниципальных услуг [2].

Контроль и надзор при административно-правовом регулировании предоставления государственных услуг осуществляется посредством внутреннего ведомственного контроля – мониторинг процессов внутри самих ведомств, федерального государственного контроля (надзора), который реализуют

уполномоченные ведомства, включая Роспотребнадзор, проверяя качество оказываемых услуг, общественного контроля, который реализуется путем оценивания граждан, рассмотрения жалоб и обращений населения, а также мониторинга качества услуг, иными словами систематического измерения уровня удовлетворенности пользователей услугами, включая использование показателя индекса качества.

Стимулирование и ответственность по предоставлению государственных услуг осуществляются посредством оценки результатов деятельности органов власти и их руководства, основываясь на установленных показателях качества предоставляемых услуг.

Следует отметить, что в современный период развития нашего государства невозможно осуществлять регулирование в какой бы то ни было сфере без использования современных технологий.

Портал госуслуги (gosuslugi.ru) позволяет гражданам получать огромное количество услуг после прохождения идентификации через единую систему аутентификации и авторизации (ЕСИА): суперсервисы, представляющие собой комплексные цифровые решения, охватывающие важные жизненные события (например, рождение ребенка, увольнение с работы, начало предпринимательской деятельности), обеспечивают автоматизацию всего процесса, используя данные, полученные непосредственно из государственных информационных ресурсов. В свою очередь концепция цифровой копии документа, определяет, что электронные версии официальных бумаг имеют равную юридическую силу с традиционными бумажными аналогами [3].

Говоря об институте муниципальных услуг, следует отметить, что он определяется как стабильная система норм, правил, организаций и установлений, регулирующая конкретную область общественной жизни (например, институт семьи или образования) [2]. Институт муниципальных услуг представляет собой составную часть более масштабного института публичной власти, призванную обеспечивать непосредственное удовлетворение потребностей населения на местном уровне, в пределах городов и поселений. Муниципалитет все чаще выступает не единственным поставщиком, а интегратором, собирающим услуги от разных поставщиков (государственных, частных, НКО) в единую точку доступа для гражданина.

Отметим, что вместо того, чтобы быть единственным источником услуг, муниципалитеты становятся платформами, объединяющими предложения от различных организаций – государственных, коммерческих и некоммерческих. Это позволяет гражданам получать все необходимые услуги в одном месте [4, с. 5–7].

Немаловажную роль играет и то, что муниципалитеты переходят от роли прямого поставщика к роли интегратора, создавая единую точку доступа, где граждане могут получить доступ к широкому спектру услуг от разных партнеров. Муниципалитет выступает не как монополист, а как координатор, объединяющий услуги различных поставщиков (государственных, частных, НКО) в удобный для граждан сервис, доступный в одном месте [5, с. 173–175].

Несмотря на то, что в сфере предоставления государственных услуг достигнут значительный прогресс, в настоящее время сохраняются и определенные трудности, в частности, проблемы цифрового разрыва, недостаточная согласо-

ванность нормативных правовых актов, различия в качестве реализации мер на региональном уровне, инертность бюрократической структуры, трудности межведомственного сотрудничества, технические и организационные сбои, чрезмерные требования в отдельных регламентах.

Основными направлениями развития и совершенствования института предоставления государственных услуг являются: проактивное обслуживание граждан: государство самостоятельно инициирует оказание услуг на основании имеющейся информации, исключая необходимость формального запроса (например, выплата пособий при рождении ребенка); расширение и объединение суперсервисов, обеспечивающих комплексное цифровое сопровождение жизненных ситуаций; улучшение удобства интерфейсов и повышение доступности цифровых решений для людей с ограниченными возможностями передвижения; оптимизация механизмов обратной связи и процедуры досудебного разрешения споров, а также создание условий для интеграции государственных сервисов с коммерческими цифровыми платформами.

Административно-правовая сфера регулирования государственных услуг в России эволюционировала от ведомственной модели к единой, унифицированной и ориентированной на цифровые технологии системы. Ее правовой основой служит федеральный закон № 210-ФЗ, ключевыми инструментами выступают административные регламенты, многофункциональные центры (МФЦ), а также портал государственных услуг (gosuslugi.ru).

Главная цель современного регулирования заключается не столько в управлении внутренними процедурами, сколько в обеспечении высокого качества, простоты доступа и комфорта для конечных потребителей – граждан и представителей бизнеса. Сегодня наиболее актуальной задачей становится не разработка новых юридических рамок (они уже сформированы), а реализация единого подхода к исполнению действующих норм на всей территории страны и преодоление цифрового неравенства [6].

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 20.03.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 г. № 797 «О взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления или в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, публично-правовыми компаниями» // Офи-

циальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

4. Авдохина Я. В., Селех А. А. Доступность государственных и муниципальных услуг в Российской Федерации 2017 // Системные технологии. 2017. № 24. С. 5–7.

5. Хажеева И. В., Бакустина Е. А. Правовое регулирование и практика оказания государственных услуг через многофункциональный центр (на примере Тюменской области) // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 172–179.

6. Решение от 2 декабря 2019 г. № 2-2645/2019 по делу № 2-2645/2019// СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/.

Швецова Н. А.[1]*,*
адъюнкт
Воронежского института МВД России

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Проблема административной деликтности несовершеннолетних остается одной из наиболее острых на стыке юриспруденции, педагогики и социологии. Если единичный проступок может быть ситуативным, то систематическое, повторяющееся нарушение административного законодательства несовершеннолетним перестает быть случайным эпизодом. Оно трансформируется в устойчивую модель поведения, которая требует не столько юридической оценки, сколько глубинного социально-психологического анализа. Дети, особенно подростки – самая уязвимая категория, а в настоящих условиях они не способны самостоятельно противостоять вызовам современного мира. Становление системы ценностных ориентаций является важным процессом и неотъемлемой частью личностного становления, а сами ценности лежат в основе определения жизненного пути, что отражается на поведении человека в целом [1, с. 46].

Институт множественности правонарушений, закрепленный в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), традиционно рассматривается в сугубо правовом ключе как квалифицирующий признак, отягчающий ответственность (ст.ст. 4.3, 4.4 КоАП РФ) [2]. Однако следует отметить, что его криминологическое и социально-педагогическое значение как индикатора дезадаптационных процессов в личности и окружении подростка явно недооценено.

Социально-психологическая дезадаптация определяется на основании общего теоретического анализа зарубежных и отечественных исследований. Это прежде всего процесс, который существенно осложняет приспособление личности к окружающей среде и в зависимости от сочетания субъективных и объективных факторов опосредует определенную форму поведения [3]. То есть мы можем сказать, что социальная дезадаптация несовершеннолетнего подразумевает под собой нарушение процессов успешного приспособления индивида к требованиям социума, проявляющегося в конфликтах, асоциальном поведении, разрыве значимых социальных связей. Множественность административных правонарушений выступает видимым, формализованным поведенческим проявлением социальной дезадаптации, которую можно рассмотреть на нескольких уровнях.

1. **Индивидуально-психологический уровень.** Систематическое нарушение правил свидетельствует о несформированности внутренних механизмов самоконтроля, низкой правовой культуре, деформации ценностно-нормативной системы. У несовершеннолетнего доминируют протестные мотивы, а способность оценивать долгосрочные последствия своих действий снижена.

[1] © Швецова Н. А., 2026.

2. **Микросоциальный уровень (семья, учебный коллектив).** Множественность правонарушений часто коррелирует с дисфункцией семейной системы (гиперопека, асоциальный образ жизни родителей, конфликты), школьной дезадаптацией (прогулы, конфликты с учителями и сверстниками). Семья и школа как основные институты социализации теряют воспитательный потенциал.

3. **Уровень социальных связей.** Несовершеннолетний с множественными правонарушениями, как правило, либо находится в социальной изоляции, либо входит в асоциальную или антисоциальную группу сверстников, где такое поведение поощряется и является нормой.

Таким образом, каждое новое правонарушение выступает не просто эпизодом, а сигналом об углублении кризиса адаптации на одном или нескольких из этих уровней.

Необходимо отметить, что множественность административных правонарушений является стадией доприступного поведения и мощным предиктором будущей криминализации общества. Делинквентная карьера чаще всего начинается именно с совершения несовершеннолетним административных проступков. Привыкание к безнаказанности (в субъективном понимании несовершеннолетнего), укрепление асоциальных связей, формирование соответствующей самоидентификации постепенно снижают внутренний барьер перед последующим совершением преступлений. Законодатель косвенно признает эту связь, вводя институт административной преюдиции, когда неоднократное совершение административного правонарушения влечет квалификацию противоправного действия лица как уголовно-наказуемое деяние. Следовательно, множественность является красным сигналом, указывающим на высокий риск перехода несовершеннолетнего в категорию лиц, которые совершают преступления.

Следует отметить, что существующая система реагирования на множественность административных правонарушений несовершеннолетних обладает рядом системных недостатков:

1. Система назначения наказания. Основная мера наказания – штраф, который платят родители или законные представители несовершеннолетнего, что является недейственной превентивной мерой по отношению к несовершеннолетнему правонарушителю.

2. Формализм. Работа органов системы профилактики (КДНиЗП, ПДН, образовательные организации) зачастую сводится к формальному проведению бесед без глубокой диагностики причин дезадаптации и индивидуальной работы.

3. Отсутствие ранней диагностики и комплексности. Реагирование на повторное совершение правонарушения несовершеннолетним запаздывает и носит фрагментарный характер, т. е. глубинные семейные, психологические, педагогические проблемы на ранней стадии, когда помощь была бы более эффективна, не выявляются.

Исходя из вышеизложенных проблем, необходим парадигмальный сдвиг в сторону раннего вмешательства, а именно:

1) раннее выявление и оценка рисков. Совершение несовершеннолетним первого административного проступка должно приводить не только к процеду-

ре привлечения к ответственности, но и к процедуре оценки социальной ситуации правонарушителя;

2) индивидуальные программы социально-психологического сопровождения. Вместо шаблонных бесед – разработка и реализация для несовершеннолетнего рецидивиста индивидуального плана с привлечением психологов, педагогов;

3) работа с семьей несовершеннолетнего правонарушителя как обязательный компонент. Без коррекции неблагополучной семейной ситуации усилия по реабилитации несовершеннолетнего делинквента тщетны. В данном случае необходимо активное включение родителей или законных представителей в программы сопровождения, оказания им социально-психологической помощи.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод о том, что множественность административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, – это не просто юридический факт, подлежащий учету при назначении наказания. Множественность – это комплексный социально-правовой феномен, который свидетельствует о серьезном сбое в процессе социализации, кризисе взаимодействия несовершеннолетнего с основными социальными институтами и формировании устойчивой делинквентной позиции.

Игнорирование данного феномена ведет к дальнейшей маргинализации несовершеннолетнего и повышает риск его криминализации. Современная государственная политика в сфере профилактики должна быть переориентирована на распознавание множественности как индикатора социального неблагополучия и построение вокруг каждого такого случая индивидуальной, межведомственной, восстановительной работы, направленной на ресоциализацию несовершеннолетнего. Только такой подход позволит разорвать прочную связь между административной повторностью и уголовным рецидивом, реализуя истинные цели ювенальной юстиции – защиту прав ребенка и помощь в его развитии.

Список литературы

1. Семенова К. Г. Особенности ценностных ориентаций подростков с признаками социально-психологической дезадаптации // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2025. № 2. С. 45–56.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (ред. 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

3. Факторы социально-психологической дезадаптации и ценностные орентации подростков и молодежи / [И. А. Баева и др.] // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2022. № 206. С. 228–242.

Шевцов А. В.[1]*,*
заместитель начальника
кафедры управления
деятельностью подразделений
обеспечения охраны
общественного порядка
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ, ОРГАНИЗАЦИЙ И СЛУЖБ, НА КОТОРЫЕ ВОЗЛОЖЕНО ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ОТНЕСЕННЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ПОЛИЦИИ

В статье рассматриваются концептуальные подходы к совершенствованию деятельности подразделений, организаций и служб полиции, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях (далее – ПДАП). На основе анализа административно-процессуальной компетенции должностных лиц органов внутренних дел (далее – ОВД), закрепленной в ч. 1 ст. 23.3, пп. 1 и 79 ч. 2 ст. 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушения (далее – КоАП) обосновывается необходимость формирования единой системы организационно-методического обеспечения процессуального порядка реализации указанных полномочий. Предлагаются направления унификации управленческих подходов посредством интеграции существующих организационно-методических центров, создания объединенных центров управления административно-юрисдикционным процессом полиции, совершенствования системы подготовки кадров.

Исследуемая административно-процессуальная компетенция изложена в вышеперечисленных положениях КоАП. Однако правоприменителем до настоящего времени не выработано объективного концептуального представления о единой и универсальной системе организационно-методического обеспечения ПДАП.

На стратегическом (государственном) уровне управления исследуемой административно-процессуальной деятельностью полиции существует три методических центра, выполняющих схожие управленческие функции: Главное управление по обеспечению общественного порядка МВД России (далее – ГУ-ОООП) – выявление и пресечение административных правонарушений на улицах и в иных общественных местах), Главное управление по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России (далее – ГУОБДД) – в области дорожного движения) и Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России (в сфере миграции). При этом давно назрела

[1] © Шевцов А. В., 2026.

обоснованная идея об унификации имеющихся организационно-методических подходов к решению единой управленческой задачи, связанной с реализацией законодательства об административных правонарушениях, основывающегося на неукоснительном следовании принципу неотвратимости административной ответственности [1, с. 10–16].

Предусмотренная законом обязанность полиции выявлять и пресекать административные правонарушения [13] предполагает разработку дополнительных мер, направленных на совершенствование правоприменительной деятельности с учетом административно-процессуальной компетенции в исследуемой сфере.

Результаты административной практики указывают на некоторую несоразмерность видов выявляемых и пресекаемых административных деликтов (относящихся к компетенции ОВД), которая не позволяет определить оптимального пропорционального соотношения их абсолютного количества с относительной степенью социального ожидания противодействия рискам, связанным с противоправным поведением участников правоотношений. Приоритеты административной практики ОВД должны распространяться в равной мере на все правоотношения, связанные с защитой жизни, здоровья, прав и свобод их участников [2]. Универсальным критерием административно-юрисдикционной компетенции ОВД должно оставаться наличие посягательства на любые охраняемые законом права и законные интересы граждан. Концентрация административной практики на выявлении, пресечении противоправного поведения преимущественно в сферах, позволяющих достаточно энергично монетизировать правоприменительный результат (например, в виде поступлений от штрафных санкций), не способствует унификации предлагаемых организационно-методических подходов.

По мнению большинства участников экспертного опроса, оптимизация системы может предусматривать создание «новых специализированных центров управления процессом организации осуществления ПДАП» [1, с. 19–33].

Как известно, процесс управления является достаточно сложной теоретико-правовой конструкцией [3, с. 23–26], которой свойственны «особые виды специализированной управленческой деятельности» [4, с. 45]. Вместе с тем далеко не все они четко регламентированы и не всегда согласованы между собой [5]. Необходимыми элементами управления являются нормотворчество, регулирование правоотношений и реализация властных полномочий [6, с. 14–16].

Теория управления рассматривает такой процесс исключительно в целях создания общественно полезных результатов. Профессор С. А. Старостин указывает на цикличную природу управленческого воздействия [7, с. 8–10], обусловленную оптимизацией административно-процессуальной компетенции. Причем такая оптимизация не подразумевает простое сокращение полномочий, а направлена на поиск их приемлемого правоприменительного набора [8, с. 65]. Сущность оптимизации напрямую взаимосвязана с «системой коренных административно-правовых преобразований», приводящих «к изменению форм, методов и содержания» [9, с. 13–15] определенной деятельности.

По мнению автора статьи, система организационно-методического обеспечения реализации полномочий ОВД в сфере осуществления ПДАП может быть оптимизирована посредством создания объединенного Центра управления ад-

министративно-юрисдикционным процессом полиции (в структуре ГУОООП), а также двух отраслевых Центров организации контрольно-надзорной деятельности (в структурах ГУОБДД и МС МВД России). Предлагаемый подход предусматривает также одновременное видоизменение функционала существующих подразделений целевого назначения, созданных для выполнения организационно-методических задач и наделение ГУОООП более широкими организационно-методическими полномочиями в исследуемой сфере [1, с. 23–29].

Это позволит обеспечить надлежащую организационно-методическую централизацию процесса управления административно-юрисдикционной деятельностью полиции и столь необходимую унификацию, а также преемственность имеющегося методического опыта осуществления ПДАП.

Большое значение имеет повышение профессионализма сотрудников межрегиональных и районных подразделений по исполнению административного законодательства (далее – ИАЗ). Наиболее конструктивным методом является создание благоприятных условий посредством разработки и реализации принципиально новых образовательных программ высшего образования – программ бакалавриата, специалитета и магистратуры в соответствии с ФГОС на основе квалификационных требований к специальной профессиональной подготовке выпускников [1, с. 32–33].

Административно-процессуальная компетенция в сфере осуществления ПДАП должна распространяться исключительно на те правоотношения, которые напрямую связаны с реализацией полномочий ОВД (полиции). Необходимо инициирование законотворческой процедуры исключения из компетенции полиции административных деликтов, не соответствующих ее правоприменительным полномочиям, а также передача иным субъектам административной юрисдикции полномочий, находящихся в сфере их отраслевой контрольно-надзорной компетенции [10].

Концептуальное понимание административно-правового обеспечения управленческой деятельности полиции в сфере осуществления ПДАП позволяет обосновывать выбор наиболее оптимального правового видоизменения общественных отношений в социально значимом направлении. Любая правовая концепция должна являться не только «доктринальным документом» или «четким ориентиром для субъектов правотворческого процесса на ближайшую и обозримую перспективу», но и представлять собой правовой демпфер, устойчивый к цикличности динамически изменяющихся правоотношений [11].

Для четкого понимания стратегии совершенствования необходимо применение абсолютно взвешенного целеполагания, которое как один из неотъемлемых элементов стратегического планирования заключается в определении четких направлений и приоритетов дальнейшей работы на всех уровнях управления.

С учетом результатов проводимого исследования предлагаются следующие основные концептуальные направления совершенствования административно-правового обеспечения управленческой деятельности полиции в сфере осуществления ПДАП:

1) оптимизация системы методического обеспечения процессуального порядка реализации полномочий полиции путем объединения на стратегическом

уровне управления всех организационно-методических центров, выполняющих схожие управленческие функции, и наделение ГУОООП более широкими полномочиями;

2) усиление организационно-методического обеспечения реализации административно-процессуальных полномочий полиции в двух направлениях контрольно-надзорной деятельности: в области дорожного движения и в сфере миграции – посредством создания отраслевых контрольно-надзорных центров;

3) совершенствование административно-юрисдикционной деятельности полиции на оперативно-тактическом уровне управления, включая пересмотр критериев определения штатной численности сотрудников ОПАЗ (далее – отдел организации применения административного законодательства) и ИАЗ;

4) развитие системы подготовки и переподготовки сотрудников ОПАЗ посредством их периодической стажировки (не менее одного раза в четыре года) на базе ГУОООП;

5) развитие системы подготовки сотрудников ИАЗ посредством разработки принципиально новых образовательных программ специалитета и магистратуры в образовательных организациях системы МВД России;

6) инициирование законотворческой процедуры исключения из компетенции полиции административных деликтов, не соответствующих ее полномочиям;

7) апробация в правотворческом процессе критериев соответствия составов административно-правовых норм Особенной части КоАП правоприменительным полномочиям полиции;

8) создание условий для развития и внедрения новых технологий в процессуально-правовое обеспечение административного производства, включая внедрение систем цифровой видеофиксации и автоматизацию рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Проведенное исследование позволяет обосновать комплексную Концепцию совершенствования деятельности подразделений, организаций и служб, на которые возложено ПДАП, отнесенных законодательством к подведомственности полиции [1, с. 75–101]. Реализация предложенных концептуальных направлений позволит оптимизировать функционал полиции, связанный с выявлением и пресечением административных правонарушений, а также будет способствовать совершенствованию административно-правового обеспечения управленческой деятельности в исследуемой сфере.

Список литературы

1. Сокол А. М., Шевцов А. В. Концепция совершенствования деятельности подразделений, организаций и служб, на которые возложено производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных законодательством Российской Федерации к подведомственности полиции: аналитические материалы с предложениями. М. : Академия управления МВД России, 2025.

2. Сокол А. М. Актуальные вопросы административно-процессуальной деятельности сотрудников полиции при производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник уральского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 20–25.

3. Слепенков И. М., Аверин Ю. П. Основы теории социального управления : учебное пособие. М. : Высшая школа, 1990.

4. Тихомиров Ю. А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе. М., 1978.

5. Орлова Ю. Ю. К вопросу об административно-правовом обеспечении управленческой деятельности в территориальном органе МВД России на районном уровне // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 218–221.

6. Административное право : учебник / [Р. Р. Алиуллов и др.] ; под ред. А. И. Каплунова. СПб., 2024.

7. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть : учебник для магистров / под ред. С. А. Старостина. М., 2017.

8. Совершенствование системы административных наказаний и порядка их назначения : аналитический обзор / [А. В. Шевцов и др.]. М., 2019.

9. Синюгин В. Ю. Административно-правовое обеспечение реформирования управленческой деятельности исполнительных органов государственной власти : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011.

10. Шевцов А. В. О концепции административной юрисдикции полиции МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 92–100.

11. Шевцов А. В. О концепции совершенствования деятельности подразделений, организаций и служб, на которые возложено производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных законодательством Российской Федерации к подведомственности полиции // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. СПб., 2025. С. 668–674.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Пункт 11 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Шельдяева А. А.[1]*,*
курсант
Института психологии
служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Калинина С. В.,
доцент кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Правовое регулирование административной ответственности несовершеннолетних базируется главным образом на нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1]. Согласно ст. 2.3 КоАП Р ссубъектами административной ответственности признаются лица, которым до момента совершения противоправного деяния исполнилось 16 лет. Вместе с тем данная правовая норма не принимает во внимание тот факт, что степень психоэмоционального созревания подростка в шестнадцатилетнем возрасте может варьироваться в широких пределах, и далеко не каждый индивид на данном этапе онтогенеза обладает способностью в полном объеме осмысливать общественно опасный характер своих поступков и их потенциальные последствия [4, с. 86].

Подростковый этап развития характеризуется интенсивным становлением личности, незавершенностью формирования ценностно-смысловой сферы и незаконченным развитием правосознания. Именно в данный возрастной период несовершеннолетние демонстрируют повышенную восприимчивость к воздействию как ровесников, так и лиц старшего возраста, что зачастую выступает катализатором противоправного поведения. Несмотря на наличие в действующем административном законодательстве ряда специальных положений, регламентирующих особенности привлечения подростков к ответственности, правоприменительная практика свидетельствует о неполной и не всегда последовательной реализации этих предписаний [7, с. 348].

Существенной проблемой представляется также тот факт, что применение к несовершеннолетнему такой санкции, как административный штраф, перекладывает обязанность по его уплате на родителей либо иных законных пред-

[1] © Шельдяева А. А., 2026.

ставителей. Подобная конструкция порождает внутреннее противоречие: бремя наказания фактически ложится не на самого деликвента, а на его семью. Представляется обоснованным мнение, что такой подход не в полной мере обеспечивает реализацию принципа неотвратимости ответственности и зачастую не способствует формированию у подростка осознания собственной вины и ее последствий [8, с. 107].

Пристального рассмотрения заслуживает проблема соотношения административной ответственности несовершеннолетних и применения к ним принудительных мер воспитательного характера. В силу ст. 1.3 КоАП РФ, установление административной ответственности по вопросам федерального значения, включая ответственность лиц, не достигших совершеннолетия, отнесено к ведению Российской Федерации. При этом комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП), функционирующие при органах местного самоуправления, уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях подростков и либо назначать им наказание, либо освобождать от такового с заменой на меры воспитательного воздействия. Однако практическая деятельность данных комиссий нередко страдает формализмом, а применяемые меры воздействия зачастую не приносят желаемого результата [3, с. 218].

Не менее значимым проблемным аспектом выступает процедура производства по делам об административных правонарушениях в отношении данной категории лиц. В структуре КоАП РФ отсутствует специальный раздел, детально регламентирующий особенности такого производства. Хотя ст. 24.4 КоАП РФ и устанавливает обязательность участия законного представителя несовершеннолетнего при разбирательстве дела, на практике встречаются ситуации, когда представители либо уклоняются от явки, либо их присутствие не оказывает ожидаемого воспитательного эффекта. Более того, законодательно не проработан вопрос о порядке действий в случае конфликта интересов между законным представителем и подростком, например, если правонарушение было совершено в отношении самого представителя [9, с. 18].

Нельзя оставить без внимания и вопрос о корреляции норм КоАП РФ с положениями Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Статья 63 СК РФ закрепляет обязанность родителей по воспитанию детей, заботе об их здоровье и всестороннем развитии [2]. Совершение подростком административного правонарушения может косвенно свидетельствовать о ненадлежащем выполнении родительских обязанностей. Однако механизм привлечения родителей к ответственности за ненадлежащее воспитание, приведшее к правонарушению ребенка, прописан в законодательстве недостаточно четко. Статья 5.35 КоАП РФ предусматривает санкции за неисполнение родительских обязанностей, однако ее применение затруднено необходимостью доказывания прямой причинно-следственной связи между действиями (бездействием) родителей и противоправным поведением несовершеннолетнего.

К числу существенных недостатков действующего правового регулирования следует отнести и отсутствие дифференцированного подхода к назначению наказания подросткам с учетом их возраста, уровня психического развития и социального окружения. В научной литературе неоднократно поднимался во-

прос о необходимости разработки и законодательного закрепления специальных санкций, применяемых исключительно к несовершеннолетним правонарушителям. В качестве перспективных мер исследователи называют обязательные работы, выполняемые в свободное от учебы время, или ограничение досуга, предполагающее запрет на посещение определенных мест в вечерние часы. Такие меры могли бы обладать бóльшим воспитательным потенциалом по сравнению со штрафом, уплачиваемым родителями [9, с 273].

Проведение сравнительно-правового анализа демонстрирует, что в ряде зарубежных стран, особенно в государствах Западной Европы, вопросы административной ответственности подростков регламентированы более тщательно. Там широко используются восстановительные процедуры, нацеленные на примирение правонарушителя с потерпевшим, возмещение ущерба и привлечение подростка к социально полезной деятельности [6, с. 55]. Позитивный опыт этих государств с учетом национальной специфики и правовых традиций может быть полезен при модернизации российского законодательства.

Отдельного внимания заслуживает статистика административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Анализ динамики за последние годы показывает, что в структуре правонарушений несовершеннолетних преобладают деяния в сфере безопасности дорожного движения, мелкие хищения, распитие алкогольной продукции в общественных местах и появление в состоянии опьянения. Значительная доля правонарушений совершается в составе группы, что актуализирует необходимость активизации профилактической работы, направленной на неформальные подростковые объединения [5, с. 86].

Представляется, что разрешение обозначенных проблем требует комплексного совершенствования как материальных, так и процессуальных административно-правовых норм. В частности, обоснованным видится предложение о разработке и включении в КоАП РФ специальной главы, посвященной особенностям производства по делам несовершеннолетних. Кроме того, требуется законодательно закрепить исчерпывающий перечень воспитательных мер, альтернативных административной ответственности, и установить механизм контроля за их реализацией.

Еще одним важным вектором совершенствования правоприменения является оптимизация деятельности комиссий по делам несовершеннолетних. Представляется целесообразным обязательное привлечение к их работе квалифицированных психологов для подготовки заключений о личности подростка и выработки рекомендаций по выбору наиболее адекватных мер воздействия.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что институт административной ответственности несовершеннолетних в России требует существенной модернизации. Основной вектор изменений должен быть направлен не на усиление репрессивности, а на поиск оптимального баланса между карательной и воспитательной функциями, на формирование условий, способствующих уважительному отношению подростков к закону. Реализация такого подхода является ключевым условием для реального снижения уровня правонарушений и успешной социализации подрастающего поколения.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Административная деятельность полиции : учебное пособие / [Ю. Н. Демидов и др.]. М., 2015.

4. Акимова Н. П. Взаимодействие сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних с образовательными организациями в сфере профилактики правонарушений // Актуальные проблемы деятельности подразделений полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в современных условиях : материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2024. С. 269–272.

5. Егорова В. С., Калинина С. В., Федорова И. В. Актуальные проблемы предупреждения совершения несовершеннолетними правонарушений и их решение // Криминологический журнал. 2024. № 4. С. 84–87.

6. Жукова Н. А., Полуляхов А. В. Сравнительный анализ административной ответственности несовершеннолетних в России и зарубежных странах // The Scientific Heritage. 2021. № 68–4 (68). С. 54–57.

7. Калинина С. В. Роль педагогики в деятельности инспектора по делам несовершеннолетних // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : сборник материалов III Международной конференции. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 347–350.

8. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних : учебное пособие / [В. В. Кардашевский и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017.

9. Малахова Н. В. Об особенностях правового статуса несовершеннолетних как участников производства по делам об административных правонарушениях // Портрет инспектора по делам несовершеннолетних : сборник научных трудов Всероссийской конференции. М., 2020. С. 271–274.

10. Профилактика семейного неблагополучия и формирование основ ответственного родительства (на примере эффективных региональных практик) : научно-практическое пособие / [М. В. Анисифорова и др.]. М. : ВНИИ МВД России, 2024.

Шеншин В. М.[1],
старший научный сотрудник
Центра исследования
проблем безопасности
Российской академии наук,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОСГВАРДИИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации относится к федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим государственное управление в предусмотренных законодательством сферах деятельности. Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» утверждено Положение о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия).

Важным направлением деятельности Росгвардии с нашей точки зрения в соответствии с подп. 26 п. 9 Указа Президента Российской Федерации № 510 выступает организация и осуществление в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях производства по делам об административных правонарушениях, отнесенного к компетенции войск национальной гвардии. Считаем, что названное полномочие является практической реализацией административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии, которую А. О. Дрозд рассматривает (а мы с ним солидарны) как «характерную процедуру по рассмотрению определенных дел, связанных с назначением наказания, завершающуюся принятием соответствующего акта, отличного от актов, принимаемых на каждой из стадии производства по делам об административных правонарушениях» [1, с. 49].

Подведомственность разрешаемых дел, осуществление полномочий органами государственного управления или их должностными лицами во внесудебном порядке, оценка действий субъекта права с точки зрения правомерности или неправомерности, применение санкций к правонарушителю позволяют вести речь о понятии «юрисдикция», от которой производна и административно-юрисдикционная деятельность.

Под административной юрисдикцией Росгвардии следует понимать часть административной деятельности войск национальной гвардии по возбуждению, рассмотрению и в определенных случаях разрешению дел об административных правонарушениях в установленном порядке и формах, исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях, применению мер

[1] © Шеншин В. М., 2026.

обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предоставлению государственных услуг и осуществлению контрольно-надзорных функций в установленных сферах деятельности.

Учитывая высказанный подход, А. О. Дрозд и А. И. Каплунов правильно отмечают, что содержание административно-юрисдикционной деятельности зависит от позиции конкретного автора о перечне административно-юрисдикционных производств [2, с. 29]. Поэтому каждому органу государственного управления присущи свои признаки юрисдикционной деятельности, а также подведомственность по рассмотрению и разрешению индивидуальных споров. В данном ракурсе мы поддерживаем В. В. Головко, который говорит о содержании административной юрисдикции как о регулятивной, правоприменительной, правонаделительной, правоохранительной деятельности [3, с. 108].

Административно-юрисдикционная деятельность должностных лиц войск национальной гвардии законодательно закреплена в ч. 1 ст. 23.85 и в пп. 79, 91.1 и 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ.

Частью 1 ст. 23.85 КоАП РФ устанавливается перечень дел об административных правонарушениях, которые рассматриваются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции в сфере деятельности войск национальной гвардии. К таким делам относятся составы правонарушений, предусмотренные чч. 1, 3, 4, 4.1 и 5 ст. 20.8, ст.ст. 20.10–20.12, 20.14, 20.16, ч. 1 ст. 20.23, ст. 20.24 КоАП РФ.

Частью 2 ст. 23.85 КоАП РФ определен круг лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 23.85 КоАП РФ.

Из анализа законодательства мы видим, что Росгвардия в лице войск национальной гвардии относится к одному из основных субъектов административной юрисдикции, эффективная деятельность которого позволяет обеспечивать государственную и общественную безопасность, защищать права и свободы человека и гражданина, а также предупреждать административные правонарушения.

Наряду с лицами, указанными в ч. 2 ст. 23.85 КоАП РФ полномочиями на возбуждение дел об административных правонарушениях, обладают также лица, указанные в пп. 79, 91.1 и 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ.

Так, должностные лица войск национальной гвардии уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных чч. 1 и 1.1 ст. 8.37, ст. 14.1 (в части соблюдения требований законодательства об оружии, частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности), ст. 14.2 (в части соблюдения требований законодательства об оружии), ст. 14.15 (в части нарушения правил продажи оружия и патронов к нему), ст.ст. 17.7, 17.9, чч. 1 и 6 ст. 19.3, ч. 1 ст. 19.4, ст. 19.4.1, чч. 1, 8, 8.1, 12–14, 27 и 28 ст. 19.5, ст.ст. 19.5.1, 19.6, 19.7, 19.13, 19.20, чч. 2, 4.2 и 6 ст. 20.8, ст.ст. 20.9, 20.13, 20.15, ст. 20.17 (в отношении объектов, охраняемых войсками национальной гвардии Российской Федерации), ст.ст. 20.18, 20.19, ч. 2 ст. 20.23, ст. 20.24, ч. 1 ст. 20.25, ст.ст. 20.30, 20.34 КоАП РФ.

Резюмируя рассмотренные предписания КоАП РФ, отметим, что административно-юрисдикционная деятельность должностных лиц войск национальной

ной гвардии заключается в составлении протоколов и вынесении постановлений по делам об административных правонарушениях, рассмотрении таких дел, принятии по ним решений в порядке, определенном КоАП РФ, а также в исполнении постановлений по делам об административных правонарушениях.

Вместе с тем приказом Росгвардии от 14 ноября 2018 г. № 498 определен круг лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ. Механизм реализации полномочий, предоставленных должностным лицам, указанным актом не конкретизирован.

Следует также акцентировать внимание на том, что в п. 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ и в приказ Росгвардии от 14 ноября 2018 г. № 498 не включены все составы административных правонарушений, предусмотренные ст. 23.85 КоАП РФ, по которым должностные лица войск национальной гвардии уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях.

Исходя из этого, возникла правовая неопределенность, предполагающая осуществление мер процессуального обеспечения должностными лицами по определенному КоАП РФ перечню составов, составление протоколов об административных правонарушениях по иному перечню, рассмотрение дел об административных правонарушениях – по перечню, отличному от первого и второго варианта составов. Устранить такой пробел нам видится возможным только способом расширения ст. 23.85 КоАП РФ, дополнив ее составами правонарушений, содержащимися в пп. 79, 91.1 и 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ.

Исследование составов административных правонарушений, по которым должностные лица Росгвардии уполномочены осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, показывает, что санкции по таким статьям предусматривают привлечение виновных лиц к следующим видам административных наказаний: предупреждение; административный штраф; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; дисквалификация; административное приостановление деятельности.

В свою очередь должностные лица войск национальной гвардии вправе налагать на правонарушителей такие виды административных наказаний как: предупреждение; административный штраф; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; административный арест; дисквалификация; административное приостановление деятельности; обязательные работы.

Учитывая положения гл. 3 КоАП РФ, отметим, что конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; административный арест; дисквалификация; административное приостановление деятельности; обязательные работы назначаются судьей.

Итак, указанные в ч. 2 ст. 23.85 КоАП РФ, а также в п. 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ должностные лица вправе выносить предупреждение или привлекать к административному штрафу.

Таким образом, административно-юрисдикционная деятельность Росгвардии, как государственно-властная деятельность, связана с осуществлением производства по делам об административных правонарушениях, рассмотрением

споров о праве, предоставлением государственных услуг в установленных сферах деятельности, осуществлением контрольно-надзорных функций, а также применением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Список литературы

1. Дрозд А. О. Понятие и сущность административно-юрисдикционной деятельности участковых уполномоченных милиции по делам об административных правонарушениях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4 (48). С. 48–51.

2. Дрозд А. О., Каплунов А. И. О предмете административной юрисдикции и понятии административно-юрисдикционной деятельности // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4 (30). С. 24–33.

3. Головко В. В. Применение норм права органами административной юрисдикции // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 1. С. 104–113.

Шурухнова Д. Н.[1],
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Конституция Российской Федерации закрепляет статус Российской Федерации как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Социальная защищенность включает в себя правовые, организационные, финансовые, просветительские и иные компоненты, которые только в своей общей совокупности способны обеспечить эффективную реализацию мер административно-социальной защиты.

Выполнение социальных обязательств государства особенно важно в отношении граждан, реализующих военно-политические функции страны. В Военной доктрине [1] подчеркивается, что одной из задач развития военной организации является создание интегрированных структур материально-технического, социального, медицинского и научного обеспечения.

Сотрудники органов внутренних дел являются одной из категорий субъектов, реализующих государственные задачи в сфере военного администрирования.

Прохождение службы сотрудниками органов внутренних дел в условиях военного администрирования следует рассматривать как вид прохождения службы в особых условиях, правовое основы которого определены в ст. 35 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации…» К условиям военного администрирования следует отнести проведения контртеррористической операции, специальных и иных определенных Президентом Российской Федерации операций и выполнения задач в области территориальной обороны, в условиях вооруженного конфликта.

Только к середине 2023 г. участниками специальной военной операции (далее – СВО) стали 15 тыс. сотрудников полиции, сложнейших условиях выполняющих свои задачи [2].

Повышенный риск для жизни и здоровья, колоссальные психоэмоциональные нагрузки на сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в указанных условиях, предопределяют особое внимание к ним и членам их семей со стороны государства путем предоставления дополнительных мер социально-правовой зашиты.

Значимость социальной защиты в военно-политической сфере сложно переоценить. Высказываются мнения о том, что в рамках военного права необходи-

---

[1] © Шурухнова Д. Н., 2026.

мо выделять отдельную подотрасль – военно-социальное право [3, с. 2–12], что обусловлено самостоятельной группой нормативных правовых актов, обособленным предметом правового регулирования, специальными субъектами [4, с. 259–261]. Указанная точка зрения имеет право на существование. Действительно, в последние годы, а особенно с началом СВО, роль и значение правового регулирования в указанной сфере многократно возросли.

Система административно-социальной защиты в условиях военного администрирования включает в себя правовые и социальные гарантии.

Правовые гарантии представляют собой систему юридических условий и средств, обеспечивающих возможность в условиях военного администрирования сотрудникам органов внутренних дел пользоваться предусмотренными правами и обязанностями (запрет на вмешательство в служебную деятельность, защита жизни, здоровья, чести, достоинства, жилища, гарантированное право на труд и отдых, на получение образования, которое помимо основных форм получения образования в настоящее время реализуется в рамках образовательной программы «Время героев», целью которой является подготовка высококвалифицированных, компетентных руководителей из числа участников СВО для последующей работы в органах государственной и муниципальной власти, а также государственных компаниях [5]).

Вторым компонентом выступают меры социальной защиты, которые реализуются в различных формах. Это может быть предоставление определенных благ в натуре, льготы, выплаты пособий (единовременные и регулярные), компенсационные выплаты, государственное страхование.

Ряд социальных благ предоставляется военнослужащим и сотрудникам органов внутренних дел в натуральной форме. Это, например, выдача продовольственного пайка, обеспечение вещевым имуществом.

К числу льгот можно отнести первоочередное предоставление жилья отдельным категориям служащих, мест для детей военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел в детских дошкольных учреждениях, неполную оплату путевок санаторно-курортного лечения.

Пособия могут носить разовый или регулярный характер, но всегда имеет определенное целевое назначение, направленное на социальную поддержку лица.

Система дополнительных мер административно-социальной защиты обусловлена участием служащего в специальных операциях. Так, ранее группа дополнительных гарантий была установлена в соответствии с Законом Российской Федерации от 21 января 1993 г. № 4328-1 [6], Федеральным законом от 16 мая 1995 г. № 75-ФЗ [7].

Особая группа мер административно-правовой защиты обусловлена проведением СВО. Предусмотрены кредитные каникулы, устанавливающие особенности исполнения обязательств по кредитных договорам для участников СВО и членов их семей [8], освобождение от начисления пеней по оплате коммунальных услуг и платежей [9], система единовременных денежных выплат [10; 11], ежемесячные компенсационный выплаты (например, в размере стопроцентной пенсии за выслугу лет). Установлен особый порядок оказания медицинской помощи в условиях военного администрирования.

Дополнительные меры социально-правовой защиты предусмотрены ветеранам боевых действий.

Сотруднику, выполнявшему задачи в особых условиях, при наличии показаний к медико-психологической реабилитации в трехмесячный срок предоставляется дополнительный отпуск продолжительностью до 30 суток.

С 9 января 2026 г. сотрудникам органов внутренних дел из числа ветеранов боевых действий ежегодно предоставляется дополнительный отпуск продолжительностью 15 календарных дней с сохранением денежного довольствия.

В целях оказания дополнительной социальной поддержки членам семей военнослужащих, сотрудников некоторых федеральных государственных органов (в том числе, ОВД) и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2025 г. № 300 предусмотрено предоставление членам семей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации право на получение бесплатной путевки (с оказанием услуг по размещению и питанию) в соответствующую санаторно-курортную организацию, после лечения сотрудника в стационарных условиях в связи с получением увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания при исполнении служебных обязанностей (выполнении задач) в ходе специальной военной операции.

Ряд социально-правовых мер направлен на дальнейшую социализацию участников СВО в мирное время.

В целях консолидации усилий, направленных на оказание необходимой социальной поддержки и помощи ветеранам боевых действий, принимавшим участие (содействовавшим выполнению задач) в СВО указом Президента Российской Федерации образована комиссия Государственного Совета Российской Федерации по вопросам поддержки ветеранов боевых действий – участников СВО и членов их семей.

В рамках Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г. предусмотрено формирование механизмов обеспечения адаптации и трудоустройства инвалидов вследствие военной травмы и инвалидов из числа участников СВО.

Участнику СВО на особых условиях предоставляется государственная помощь на основании социального контракта, включающего программу социальной адаптации, направленную на осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности.

Реализация задач по социально-правовой защите граждан в условиях военного администрирования решается не только на федеральном, но и региональном и муниципальном уровнях.

Так, в Москве предусмотрена система дополнительной социальной поддержки отдельных жителей города Москвы, к числу которых относятся участники СВО, ветераны боевых действий (бесплатный проезд в общественном транспорте, скидки на оплату коммунальных услуг и др.). Создан и функционирует Единый центр поддержки участников СВО и членов их семей, где можно получить информацию о мерах социальной поддержки, государственные услуги в режиме одного окна, психологическую поддержку, юридическую консультацию, помощь в поиске работы и др.

В Московской области письменные или электронные обращения участников СВО и членов их семей рассматриваются в ускоренном порядке (в течение 15 дней со дня их регистрации). Участники СВО имеют право на внеочередной личный прием у руководителей госорганов и органов местного самоуправления Московской области в дни и часы, установленные для приема граждан.

На уровне органов местного самоуправления принимаются специальные муниципальные программы, касающиеся оказания различных мер социальной поддержки: реабилитации и социализации лиц, выполняющих (выполнявших) задачи в ходе СВО, организации их занятости, предоставления им жилищных субсидий, оказания иной помощи (льготы на образование, медицинское обслуживание и др.) лицам, участвующим в специальной военной операции, а также членам их семей.

Работа по социальной поддержке на местном уровне ведется с активным участием муниципальных учреждений, региональных органов власти, некоммерческих организаций, представителями предпринимательства.

Уровень социальной защищенности, отражающий степень удовлетворенности реализацией мер социально-правовой защиты сотрудников ОВД в особых условиях военного администрирования, играет принципиально важную роль. Государство, привлекая все урони публичного управления, предпринимает необходимы усилия, направленные на должную реализацию мер социально-правовой защиты. Разрабатываются и принимаются новые меры социальной поддержки. В тоже время сложность для граждан, в том числе сотрудников органов внутренних дел, реализации предусмотренных правовых и социальных мер обусловлена наличием различных категорий лиц, обладающих теми или иными социально-правовыми гарантиями, многообразием предусмотренных законодательством социально-правовых гарантий и постоянными изменениями в действующем законодательстве по этому вопросу, а также многоуровневым характером реализации указанных мер.

В этой связи целесообразным видится создание единого реестра мер социально-правовой защиты лиц, реализующих государственные задачи в сфере военного администрирования. Это позволит обеспечить надлежащей уровень информирования обо всех предусмотренных государством социально-правовых мерах с учетом категории субъекта, современного состояния нормативного правового регулирования, а также федерального, регионального и местного уровней их закрепления и реализации.

Список литературы

1. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. 2014. № 298.

2. Колокольцев назвал число сотрудников МВД России, побывавших в зоне спецоперации. URL: https://www.kp.ru/daily/27513/4775790/.

3. Кудашкин А. В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 4. С. 2–12.

4. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М. : Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 259–261.

5. Электронный ресурс. URL: https://времягероев.рф/#stages/.

6. Закон Российской Федерации от 21 января 1993 г. № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 6. Ст. 181.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2004 г. № 65 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» (ред. от 26.07.2019, с изм. от 30.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации». 2004. № 7. Ст. 535.

8. Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 26.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 07.10.2022/.

9. Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.02.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/.

10. Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2024 г. № 644 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации» (ред. от 26.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/.

11. Указ Президента Российской Федерации от 2 ноября 2022 г. № 787 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации» (ред. от 26.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/.

12. Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2025 г. № 137 «О дополнительных социальных гарантиях отдельным категориям граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/.

Юркова Д. Ю.[1]*,*
курсант
Института психологии
служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Калинина С. В.,
доцент кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ЗНАЧИМОСТЬ ГАРАНТИЙ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

В силу публичного характера профессиональной деятельности сотрудника полиции, реализация его законных полномочий – от применения физического воздействия до надзорных функций – объективно сопряжена с риском возникновения конфликтных ситуаций с гражданами. В эпоху тотальной цифровизации любое такое взаимодействие может быть зафиксировано очевидцами на портативные устройства. Последующее распространение видеоматериалов в сети Интернет становится неотъемлемым фактором, формирующим общественный резонанс вокруг действий правоохранителей.

Представляется бесспорным, что институт общественного контроля выступает важным инструментом защиты прав личности и обеспечения законности в деятельности органов власти. Вместе с тем, на практике право на осуществление съемки нередко используется не в целях восстановления справедливости или пресечения нарушений, а в качестве механизма провокации и осознанного формирования негативного имиджа правоохранительной системы. В сложившихся обстоятельствах вопрос обеспечения надежных гарантий правовой защищенности сотрудника полиции приобретает особую значимость и требует углубленного научно-практического анализа.

В качестве фундаментального принципа необходимо признать, что фото- и видеосъемка сотрудника правоохранительных органов, исполняющего служебные обязанности, является допустимой. Часть 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [1].

Указанное конституционное положение получает развитие в нормах отраслевого законодательства. Часть 1 ст. 8 Федерального закона «О полиции» уста-

[1] © Юркова Д. Ю., 2026.

навливает принцип открытости деятельности полиции для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства [2]. Корреспондирующая норма закреплена в ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», гарантирующей гражданам право на поиск и получение информации из любых источников, включая сведения о деятельности государственных органов [3]. Исключение составляют лишь сведения, отнесенные к государственной тайне.

Таким образом, российское законодательство формирует модель прозрачности деятельности исполнительной власти, в рамках которой фиксация действий представителей правопорядка рассматривается как форма общественного контроля и способствует формированию доказательственной базы в случаях предполагаемых противоправных действий со стороны сотрудника.

Приверженность принципам открытости, однако, не отменяет существования законодательных механизмов, призванных охранять частную жизнь граждан. Основным регулятором в данной сфере выступает ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина допускаются только с его согласия [4].

В то же время указанная статья содержит ряд исключений, при которых получение согласия не требуется. К ним, в частности, относятся:

– использование изображения в государственных, общественных или иных публичных интересах;

– получение изображения при съемке, проводимой в местах, открытых для свободного посещения (при условии, что изображенное лицо не является основным объектом);

– случаи, когда позирование осуществлялось за плату.

Именно данные исключения порождают наиболее острые дискуссии и правовые коллизии. Применительно к сотрудникам правоохранительных органов судебная практика нередко демонстрирует склонность к расширительному толкованию категории «публичный интерес». Согласно разъяснениям, изложенным в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25, к публичным фигурам относятся лица, чья деятельность имеет существенное общественное значение, однако отнесение к данной категории требует индивидуальной оценки в каждом конкретном деле [6].

Как отмечается в доктринальных источниках, необходимость получения согласия возникает в тех случаях, когда единственной целью является удовлетворение обывательского интереса к частной жизни либо извлечение прибыли. К сожалению, действующие законодательные формулировки не всегда способны обеспечить надлежащую защиту сотруднику, чьи правомерные действия были представлены в заведомо искаженном или провокационном ключе [7, с. 80].

Правовая защита сотрудника полиции представляет собой совокупность законодательно установленных гарантий, направленных на обеспечение его личных и профессиональных прав в связи с выполнением служебных обязанностей. В структуру данной защиты традиционно включаются следующие элементы:

– – социально-правовая защита: гарантии, связанные с государственным страхованием, возмещением вреда здоровью и пенсионным обеспечением;

– уголовно-правовая защита: установление ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство сотрудника полиции;

– гражданско-правовая защита: применение норм, направленных на защиту чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152.1 ГК РФ);

– дисциплинарно-правовая защита: регламентация порядка проведения служебных проверок и процедуры обжалования дисциплинарных взысканий.

В современных условиях ключевое значение приобретает именно гражданско-правовая защита, поскольку риски для сотрудника более не ограничиваются исключительно физическими угрозами. Репутационные издержки и психологическое давление выходят на первый план.

Справедливым представляется утверждение А. В. Кудашкина о том, что «правовая незащищенность сотрудника правоохранительных органов порождает правовой нигилизм и пассивность, что в конечном итоге снижает уровень общественной безопасности» [8, с. 47].

К числу основных угроз, с которыми сталкиваются сотрудники в цифровом пространстве, следует отнести:

– распространение клеветнических сведений и оскорблений в средствах массовой информации и социальных сетях: публикация неподтвержденных данных о неправомерном поведении сотрудника дискредитирует не только его лично, но и систему МВД России в целом;

– провокационные действия в ходе задержаний: видеосъемка нередко используется как средство вмешательства в процессуальные действия и несанкционированного разглашения служебной информации;

– формирование компрометирующих досье: сбор и обнародование сведений о частной жизни сотрудника, не имеющих отношения к его профессиональной деятельности.

Для преодоления сложившейся ситуации представляется обоснованной реализация следующего комплекса мер:

– усиление ведомственной поддержки: создание действенных механизмов сопровождения судебных исков сотрудников силами информационных и общественных структур (по аналогии с порядком защиты чести и достоинства, предусмотренным Приказом МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850);

– совершенствование нормативной базы: разработка и принятие специализированного нормативного акта, регламентирующего порядок публикации материалов, содержащих изображения сотрудников полиции при исполнении обязанностей. В частности, целесообразно рассмотреть вопрос о введении в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях нормы, устанавливающей ответственность за распространение таких материалов при наличии умысла, направленного на причинение морального или психологического вреда. При этом критически важным является формирование четких критериев состава данного правонарушения для предотвращения коллизий с принципами общественного контроля и свободы информации;

– технологическое переоснащение: обеспечение всех сотрудников, непосредственно взаимодействующих с гражданами, персональными видеореги-

стораторами. Данная мера позволит объективно документировать ход событий, существенно снижая доказательственное значение и провокационный потенциал любительских видеозаписей.

Таким образом, значимость гарантий правовой защиты сотрудника полиции является фундаментальным условием эффективного функционирования всей правоохранительной системы. Уверенность полицейского в том, что государство обеспечит ему защиту не только перед лицом физической опасности, но и в условиях репутационных и психологических атак, выступает ключевым фактором, определяющим его профессиональную активность и принципиальность при выполнении служебного долга. Дефицит надежных гарантий неизбежно влечет за собой правовой нигилизм, профессиональную пассивность и, как следствие, снижение уровня общественной безопасности. Перспективное развитие правоприменительной практики видится в установлении тонкого равновесия между двумя конкурирующими ценностями: общественным запросом на транспарентность деятельности правоохранителей и гарантированным сотруднику правом на сохранение конфиденциальности личной сферы и профессионального достоинства. Достижение такого баланса требует отказа от полярных подходов – как от избыточного ограничения доступа к информации, так и от расширительного толкования публичности, которое нивелирует границы частной жизни.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850 «Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Калинина С. В., Слепцова А. А. Актуальные проблемы правовой защиты сотрудников полиции // Криминологический журнал. 2025. № 3. С. 79–82.

8. Кудашкин А. В. Правовая защита сотрудников правоохранительных органов: проблемы теории и практики // Российский следователь. 2022. № 4. С. 45–49.